

LITTERA SCRIPTA
MANET



НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ



WEB OF SCIENCE™



EBSCO Discovery Service



РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index *



ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог
Том 12, выпуск 1, 2023

NAUCHNYI DIALOG
Volume 12, Issue 1, 2023

Научный диалог

Том 12, выпуск 1, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание	
	Белгород	Одинцово
	Владикавказ	Пермь
	Вологда	Санкт-Петербург
	Екатеринбург	Саранск
	Елец	Симферополь
География авторов выпуска	Красноярск	Тамбов
	Липецк	Трнава (Словакия)
	Мичуринск	Тобольск
	Москва	Тюмень
	Нижний Новгород	Улан-Удэ
	Новосибирск	Чебоксары
Авторы, имеющие ученую степень	85 %	

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 1, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Олыштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Рenate Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думица, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина



Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey Valerievich Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina Leonardovna Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana Vasilyevna Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan Ivanovich Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina Romualdovna Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Димитриева О. А.</i> «Вакхическое» лицо в прозе А. П. Чехова : лингвистический аспект	9
<i>Ильина Е. Н.</i> Транспорт и пути сообщения в языковой картине мира вологодского крестьянина : традиции и новации	27
<i>Киндеркнехт А. С.</i> Конфликт в исследованиях по лингвистике	45
<i>Сдобников В. В., Пронина Е. А.</i> Различия в корпоративном праве России и арабских стран и их влияние на переводческую деятельность	69
<i>Сигал К. Я.</i> Пунктуационные ошибки взрослых носителей русского языка с точки зрения психолингвистики (на материале пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым»)	90
<i>Смолина А. Н., Смирнов Е. С.</i> Речевой жанр «толкование на Евангеле» : идейное содержание и лингвостилистические особенности (на материале творчества Б. И. Gladкова)	112

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Багана Ж., Волошина Т. Г.</i> Нигерийская киноиндустрия и киносценарный текст : исторический и лингвосоциокультурный симбиоз	132
<i>Маринова Е. В.</i> Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов)	151
<i>Реброва А. Д., Гегелова Н. С.</i> Словотворчество в речи героини мультипликационного сериала «Маша и Медведь»	170

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Богданова О. В., Баранова Т. Н.</i> Образно-мотивное единство цикла И. Бродского «Мексиканский дивертимент»	186
<i>Борунув А. Б.</i> Игровые стратегии как принцип создания сверхтекстового единства в творчестве Б. Акунина	213
<i>Кудрявцева Т. В.</i> Культурная память : к 100-летию пребывания А. М. Горького в немецком Саарове	232
<i>Осьмухина О. Ю.</i> «Нордический (скандинавский) нуар» vs скандинавский детектив : дискуссионный аспект изучения	246
<i>Плаксицкая Н. А.</i> Рецепция явления самозванства в творчестве М. А. Булгакова 1920-х годов	265
<i>Элькан О. Б., Норец М. В., Путра В. А.</i> Концепция «Кихотизма» в творчестве Мигеля де Унамуно	282



ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д.</i> Монгольский монастырь Эрдэни-дзу : история и современность (результаты полевой экспедиции)	297
<i>Дорофеев Д. В.</i> Генезис внешней политики США : тема в трудах российских исследователей XIX — начала XX веков	311
<i>Иванов А. А., Богомазов Н. И.</i> Общественная дискуссия вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны	330
<i>Казиев Э. В.</i> Аланы в военно-административных структурах Великой Монгольской империи в 1258—1291 годы	351
<i>Красильникова Е. И.</i> Отражение истории Якутии в журнале «Сибирские огни» в 1920—1980-е годы	366
<i>Мамяченков В. Н., Львова М. И., Куликова Е. С.</i> Животноводство Свердловской области в 1953—1985 годах	386
<i>Николашин В. П., Ерин П. В., Гатилов Э. В.</i> «Постантоновщина» как особый этап развития тамбовской деревни (1921 — середина 1920-х годов).....	403
<i>Райнхардт Р. О., Немудров К. А.</i> Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года : у истоков советско-американской научной дипломатии	431
<i>Скипина И. В., Московкин В. В.</i> Трансформация идентичности как фактор перелома в ходе Гражданской войны (весна — лето 1919 года) в оценке современных исследователей	447
<i>Слезин А. А.</i> Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне 1920-х годов.....	467
<i>Суслова Л. Н., Яркова И. В.</i> Экономическое развитие Сибири в период реформ Петра I : ремесло и возникновение промышленности	492
<i>Тычинских З. А., Федотова Д. Ю.</i> Социокультурная инфраструктура татарских сельских поселений Тобольской губернии в начале XX века	517
АВТОРАМ.....	536
CONTENTS.....	542

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS



Анджелла Николаевна Смолина, д-р филол. наук (Красноярск)
Анна Сергеевна Киндеркнехт, канд. филол. наук (Пермь)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Евгений Сергеевич Смирнов, канд. филол. наук (Красноярск)
Елена Анатольевна Пронина, старший преподаватель (Одинцово)
Елена Николаевна Ильина, д-р филол. наук (Вологда)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Альбертовна Димитриева, канд. филол. наук (Чебоксары)



Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Димитриева О. А. «Вакхическое» лицо в прозе А. П. Чехова : лингвистический аспект / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-9-26.

Dimitrieva, O. A. (2023). “Bacchic” Face in A. P. Chekhov’s Prose: Linguistic Aspect. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 9-26. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-9-26. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-9-26

«Вакхическое» лицо в прозе А. П. Чехова: лингвистический аспект

Димитриева Ольга Альбертовна
orcid.org/0000-0003-2734-640X
Researcher ID AAZ-3038-2020
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского и чувашского языков
olgaal_79@mail.ru

Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева
(Чебоксары, Россия)

“Bacchic” Face in A. P. Chekhov’s Prose: Linguistic Aspect

Olga A. Dimitrieva
orcid.org/0000-0003-2734-640X
Researcher ID AAZ-3038-2020
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Chuvash Languages
olgaal_79@mail.ru

Chuvash I. Yakovlev State
Pedagogical University
(Cheboksary, Russia)

© Димитриева О. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается индивидуально-авторская интерпретация слова *лицо* и частично его синонимического ряда в вакхическом контексте в творчестве А. П. Чехова. Материалом для исследования являются фрагменты из прозаических произведений писателя, представленных в Полном собрании сочинений, в которых наряду с описанием внешности персонажа содержится указание на ситуацию употребления спиртного. Актуальность данного исследования связывается с определением идиостилевых особенностей (индивидуальных и узуальных) в репрезентации ситуации винопития, а также с особенностями описания внешности вакхического человека. Выявлено, что в вакхическом контексте лексема «лицо» сопровождается оценочными характеристиками, вербализованными адективными словосочетаниями, в которых содержатся сведения как о форме, текстуре, цвете лица, так и о деятельности, времяпрепровождении субъекта ситуации. Показано, что лицо становится зеркалом образа жизни человека и может иметь артефактную интерпретацию, то есть приобретает те же свойства, что и одежда — становится «помятым», «истрепавшимся», «поношенным». Отмечается также, что сторонний наблюдатель способен считывать мысли и эмоции по выражению лица, а невозможность увидеть лицо является причиной страха.

Ключевые слова:

Антон Чехов; вакхическая лексика; идиостиль; индивидуально-авторский образ мира; культура винопития; ментальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The individual-author's interpretation of the word *face* and partially its synonymous series in the Bacchic context in the works of A. P. Chekhov is studied. The material for the study is fragments from the prose works of the writer, presented in the Complete Works, which, along with a description of the character's appearance, contain an indication of the situation of drinking alcohol. The relevance of this study is associated with the definition of idio-style features (individual and usual) in the representation of the situation of drinking wine, as well as with the features of describing the appearance of a Bacchic person. It has been revealed that in the Bacchic context the lexeme "face" is accompanied by evaluative characteristics, verbalized adjectival phrases, which contain information about both the shape, texture, complexion, and about the activity, pastime of the subject of the situation. It is shown that the face becomes a mirror of a person's lifestyle and can have an artifactual interpretation, that is, it acquires the same properties as clothes — it becomes "rumpled", "tattered", "worn". It is also noted that an outside observer is able to read thoughts and emotions from facial expressions, and the inability to see a face is the cause of fear.

Key words:

Anton Chekhov; Bacchic vocabulary; idio-style; individual-author's worldview; culture of wine drinking; mentality.

«Вакхическое» лицо в прозе А. П. Чехова: лингвистический аспект

© Димитриева О. А., 2023

1. Введение = Introduction

Как отмечает Ю. М. Лотман, на примере таких чисто физиологических процессов, как «сексуальное общение» или «воздействие алкоголя», «проявляется существенный закон: чем отдаленнее по своей природе та или иная область от сферы культуры, тем больше прикладывается усилий для того, чтобы ее в эту сферу ввести. Здесь можно было бы указать на обширность того пространства, которое отводится в культуре, даже в высшей ее области — поэзии, семиотике вина и любви. <...> человек не может воспринимать алкогольное воздействие в отрыве от его психо-культурного ареала» [Лотман, 2000, с. 117]. «Психо-культурный ареал» винопития, «семиотика вина» позволяют говорить о вакхическом коде культуры. Под «кодом культуры» мы будем понимать вслед за М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудковым «систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов»; «разными способами кодируемое ценностное содержание образует систему кодов культуры и составляет в целом картину мира, которая раскрывает мировоззрение того или иного народа, социума» [Ковшова и др., 2018, с. 40—41]. Добавим также, что ситуация винопития традиционно изучается в рамках кулинарного (гастрономического) кода, который в свою очередь является компонентом кодов, или культуры повседневности (см. [Коды ..., 2011; Мелешко и др., 2017]). В семантику культуры, по М. Л. Ковшовой, входят следующие составляющие: 1) утилитарная семантика, 2) функциональная семантика, 3) социально-иерархическая, 4) эстетическая, 5) духовно-идейная семантика [Ковшова, 2015, с. 24]. Фарзад Шарифян (Farzad Sharifian) предлагает рассматривать концептуализацию культуры («cultural conceptualisations», или «culture-specific conceptualisations» [Pan, 2020]) в языке посредством таких понятий, как *культурная схема* “cultural schema”, *культурная категория* “cultural category” и *культурная метафора* “cultural metaphor” [Sharifian, 2017, p. 7]. «Cultural schemas (and subschemas) capture beliefs, norms, rules, and expectations of behaviour as well as values relating to various aspects and components of experience» [Там же]. (Культурные схемы (и подсхемы) отражают верования, нормы, правила и ожидания поведения, а также ценности, относящиеся к различным аспектам и компонентам опыта) (здесь и

далее перевод наш. — О. Д.). Культурные категории (cultural categories) — «<...> those culturally constructed conceptual categories (colours, emotions, attributes, foodstuffs, kinship terms, events, etc.) that are primarily reflected in the lexicon of human languages» [Там же] (<...> те культурно сконструированные концептуальные категории (цвета, эмоции, атрибуты, продукты питания, термины родства, события и т. д.), которые примарно / первично отражены в лексиконе человеческих языков). «Cultural metaphors are cross-domain conceptualisations grounded in cultural traditions such as folk medicine, worldview, or a spiritual belief system» [Там же]. (Культурные метафоры — междоменные концептуализации, основанные на культурных традициях, таких как народная медицина, мировоззрение или система духовных верований). Все эти три составляющие взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, З. Пан (Z. Pan), изучая концептуальные метафоры, связанные с пониманием коррупции, ее репрезентацией в медиадискурсе (на примере китайских СМИ на английском 2013—2018), приходит к выводу, что интерпретировать отношение к коррупции необходимо через культурную схему / cultural schema конфуцианства (подробнее см. [Pan, 2020]). Томас Полтон и Клер Хилл (Thomas Poulton, Clair Hill), опираясь на теорию культурных моделей (Cultural Model Theory), разрабатывают культурно обусловленные модели обоняния / ольфакции «cultural models of olfaction» в языках аборигенов Австралии. Авторы отмечают, что восприятие запахов и в целом «сенсорная культура и сенсорный язык» (sensory culture and sensory language) непосредственно связаны с общекультурными представлениями народов, обусловлены их картиной мира [Poulton et al., 2023].

Как мы уже ранее отмечали, в пространстве художественного текста в способах репрезентации бытовых деталей, в том числе и ситуации винопития, можно проследить не только авторские идиостилевые черты, обусловленные системой взглядов и мировоззрением писателя, его философией и жизненным опытом, но и универсальные, характерные, например, для европейского типа культуры, и национально-специфические, идиотнические черты [Димитриева, 2021] (или, в терминологии Н. С. Болотновой, в художественном концепте можно проследить «диалектику узуального и индивидуального» [Болотнова, 2005, с. 19]). Ценностная семантика культуры, ее аспекты (утилитарно-функциональный, социально-иерархический, духовно-эстетический) профилируются в той или иной степени в художественном мире одного автора (см. [Димитриева, 2022]). Одновременно превалирующий аксиологический аспект может свидетельствовать об общем литературном методе или о временном периоде, в рамках которого создано произведение.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Признаком особенного отношения к некоторому предмету или явлению, с одной стороны, является частота его употребления в тексте, с другой стороны, всевозможные варианты вербализации, фокусирование на том или ином аспекте, часто оценочного плана, что находит свое выражение в разных языковых средствах: фонетических, деривационных, морфологических, образных и др.

Как отмечается в «Частотном грамматико-семантическом словаре языка художественных произведений А. П. Чехова» (далее — ЧГСС), синонимический и модификационный ряд *лицо* в произведениях автора включает 19 единиц [ЧГСС, 2012, с. 536], в состав которых входит производное от слова *лицо* (данная лексема встречается в трех значениях 2622 раза в 401 тексте) [Там же, с. 166] — *личико* (33 раза в 14 текстах) [Там же, с. 166], дериваты от лексемы *морда* (88 словоупотреблений в 58 текстах) [Там же, с. 175] — *мордализация* (1 словоупотребление) (фонетический вариант *мордолизация* — 1 словоупотребление), *мордасы* (7 раз), *морденка* (2 раза), *мордочка* (8 раз) [Там же, с. 175]; от слова *рожа* (79 словоупотреблений в 53 текстах) [Там же, с. 215] — *рожество* (1 словоупотребление), *рожица* (12 раз в 9 текстах) [Там же, с. 215], ряд производных от *физиономия* (156 раз в 89 текстах [Там же, с. 244]), такие как контаминация слов *физиономия* и *морда* — *физиомордия* (4 раза в 4 текстах), усечение основы — *физия* (8 раз в 6 текстах), фонетический вариант — *физиогномия* (3 раза) [Там же, с. 244] (по данным этимологического словаря, слово связано с латинским *physiognomonie*, усвоенным из греческого языка путем сложения основ «знаток природы», где первая часть также означает «наружный вид, внешность») [Черных, 1999, с. 310—311], а также лексемы *мурло* (2 раза) [ЧГСС, 2012, с. 176], *образина* (10 словоупотреблений в 9 текстах) [Там же, с. 183], *рыло* (22 раза в 18 текстах) [Там же, с. 217], выражение *рыльце в пушку* (1 раз), *харя* (24 раза в 17 текстах) [Там же, с. 246] и *хрюкало* (1 раз в названии газеты «Хрюкало (Делец)» [Там же, с. 248]). Следует отметить, что в этот список не включена лексема *лик*, которая, по данным ЧГСС, встречается 6 раз в 6 прозаических текстах [Там же, с. 166]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что тематический ряд *лицо* является значимым в произведениях А. П. Чехова, индивидуально маркированным, «идиоглоссовым».

Слова *лик*, *лицо*, *личико* являются идиоглоссами в произведениях Ф. М. Достоевского, они подробно описываются в «Словаре языка Достоевского» [Словарь ..., 2012]. Так, слово *лицо* имеет в нем четыре основных значения: 1) «передняя, главная для узнавания человека часть головы», 2) «выражение каких-л. эмоций, мимика», 3) «отдельный человек, отлича-

ющийся от других, особа; персоне», 4) грамматическая категория [Там же, с. 460—461], что в основном совпадает с дефиницией, предложенной Малым академическим словарем, за исключением второго лексико-семантического варианта: «индивидуальный облик, отличительные черты кого-л., чего-л.» [СлРЯ, т. 2, с. 191—192]. По данным ЧГСС, в произведениях А. П. Чехова *лицо* имеет два основных значения, совпадающих с первым и третьим из приведенных в Словаре Достоевского [ЧГСС, 2012, с. 166].

По данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ], в подкорпусе «Ф. М. Достоевский» лексема *лицо* представлена 2369 примерами в 36 текстах, что составляет 0,12 % по отношению ко всему объему выбранного подкорпуса, равному 1 980 407 словам (отметим, что, если сравнивать с корпусными данными по А. П. Чехову, лексема *лицо* составляет 0,14 %, что на сотые доли больше). «Палитра» слов ряда *лицо* довольно разнообразна и представлена следующими лексемами: *лик* — 36 примерами в 7 текстах, *морда* — 12/8 соответственно, *мордасы* — 16/2, *физиономия* — 75/20, *физия* — 1/1, *харя* (14/8), *рыло* — 5/5, *рыльце* — 1/1 (о кошке), *рожа* — 34/10. Но, как видно из примеров, в качественном составе авторы имеют некоторые значимые различия (10 единиц в тематическом ряду).

Для сравнения приведем также данные по подкорпусу «Л. Н. Толстой»: *лицо* (3235 примеров — 0,16 %), *лик* (7 примеров / в 4 текстах), *морда* (13/7 соответственно), *мордасы* (0), *физиономия* (22/11), *физиогномия* (1/1 — нравственная), *рыло* (2/2), *рыльце* (0), *рожа* (14/11), *рожища* (3/3), *физия* (0), *харя* (0). Несмотря на то что процентная доля лексемы *лицо* превышает соотношение, выявленное в произведениях Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова, синонимический и деривационный ряд представлен 8 единицами.

М. Ю. Мухин, Е. Р. Филатова, описывая лексическую сочетаемость слов со значением «Части тела» на примере прозы писателей второй половины XIX века, таких как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев и А. П. Чехов, отмечают, что «в группе перечисленных писателей-классиков именно у А. П. Чехова наиболее очевидно реализованы оригинальные синтагматические связи слов, обозначающих части тела» [Мухин и др., 2021, с. 52], а также подчеркивают «наиболее значимое и оригинальное выражение психологического состояния через внешность героев, свойственное именно идиостилю А. П. Чехова» [Там же, с. 54]

Предметом данного исследования являются способы детализации лица персонажа в контексте, связанном с употреблением спиртного, так называемом «вакхическом» контексте. Рассмотрим, во-первых, контексты, в которых лексема *лицо* сочетается с вакхической лексикой эксплицитно (*полупьяное лицо*; *пьяная рожа*), во-вторых, те, в которых косвенно указывается на лицо и нет прямого указания на эту часть тела: в высказыва-

нии типа *он побледнел* нет слова, номинирующего *лицо*, но это является импликацией глагола *побледнеть*; в-третьих, синонимический ряд *лица*, представленный в вакхическом контексте. Материалом для исследования послужила выборка примеров, извлеченных из рассказов и повестей, представленных в Полном собрании сочинений А. П. Чехова [Чехов, 1974—1982]. В выбранных фрагментах наряду с описанием внешности персонажа содержится указание на ситуацию употребления спиртного. Основным методом исследования является метод контекстуального и семантического анализа фрагментов художественного текста.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лицо как зеркало образа жизни человека

При описании внешности персонажа А. П. Чехов использует многочисленные прилагательные и причастия общеоценочной и частнооценочной семантики, такие как сенсорные, рациональные, утилитарные, эстетические оценки и др. (см. классификацию типов оценки в [Арутюнова, 1988, с. 75—76]). В мире А. П. Чехова лицо персонажа является не только средством отражения эмоций через мимику, оно становится также маркером образа жизни человека, его времяпрепровождения. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Голос у сангвиника приятный, сочный, глаза умные, насмешливые, лицо благодущное, несколько помятое от частого употребления пива и долгого лежания на диване; по-видимому, он мог бы рассказать мне много интересного про оперу, про свои любовные похождения, про товарищей, которых он любит, но, к сожалению, говорить об этом не принято* (Скучная история: Из записок старого человека) [Чехов, т. 7, с. 266];

(2) *Через минуту в комнатку тихо вошел седой, плешивый старик в рыжем, потертом пальто, с красным, помороженным лицом и с выражением слабости и неуверенности, какое обыкновенно бывает у людей, хотя и мало, но постоянно пьющих* (Писатель) [Чехов, т. 4, с. 209];

(3) *Сам он [Анисим] имел неинтересную, незаметную наружность; при слабом, нездоровом сложении и при небольшом росте у него были полные, пухлые щеки, точно он надувал их; глаза не мигали, и взгляд был острый, борода рыжая, жидкая, и, задумавшись, он всё совал ее в рот и кусал; и к тому же он часто выпивал, и это было заметно по его лицу и походке* (В овраге) [Чехов, т. 10, с. 149];

(4) *Придя в трактир, Градусов и Калякин нашли в нем целое сборище. <...> Между писарями сидел и сам Деревяшкин, малый неопределенного возраста, бритый, с большими неморгающими глазами, придавленным носом и такими жесткими волосами, что, при взгляде на них, являлось*

желание чистить сапоги... Его лицо было так счастливо устроено, что, раз взглянувши на него, можно было узнать все: что он и пьяница, и поет басом, и глуп, но не настолько, чтоб не считать себя очень умным человеком (Из огня да в полымя) [Чехов, т. 3, с. 58].

Во всех четырех приведенных фрагментах в описание внешности героя включаются слова, в которых указывается на способ времяпрепровождения и его частоту, что эксплицируется на лице субъекта описания: прилагательное в сочетании с отглагольным абстрактным существительным на *-ениј* — *частое употребление* (1), наречие меры и образа действия (с указанием на периодичность) — *мало, но постоянно пьющих* (2), фреквентативное наречие в сочетании с глаголом несовершенного вида, употребляемом в аспектуальной ситуации повторяющегося действия, *часто выпивал* (3), а также существительное *пьяница* (4), значение которого предполагает пристрастие к спиртному и соответствующий образ жизни.

Частнооценочные предикаты, по замечанию Н. Д. Арутюновой, легко образуют разные виды конъюнкции, их «синтаксический “пафос” <...> предопределен <...> аксиологической многогранностью и противоречивостью объекта» [Арутюнова, 1988, с. 96]. Такая «многогранность и противоречивость объекта» описания отражаются и в данных примерах. В первом фрагменте содержится общеоценочное прилагательное *благoduшный*, характеризующее выражение лица. Это слово попадает в однородный ряд с причастием *помятый*, выражающим негативную семантику, что требует дополнительного, объяснительного, каузального контекста, вербализованного словосочетаниями в родительном причины с предлогом *от* (*от частого употребления и долгого лежания*). Следует также отметить, что в данном высказывании конкретизируется пристрастие к определенному сорту спиртного — к *пиву*, каузирующему обозначенную характеристику лица.

Во втором фрагменте однородные отношения (бессоюзные и сочинительные с соединительным союзом *и*) включают качества и свойства субъекта одного аксиологического знака: *плешиный старик, потертые пальто, замороженное лицо* — содержат негативные коннотации. Кроме того, отмечаются черты характера, обусловленные постоянным поведением героя, — его пьянством, такие как *слабость и неуверенность*, причем говорящий соотносит конкретного субъекта с генерализованным, вневременным, которому присущи подобные качества (*какое обыкновенно бывает у людей*).

Отрицательные оценки всегда требуют объяснения, то есть «обладают сильным валентностным потенциалом» [Арутюнова, 1988, с. 96]. Третий пример, вводящий общую отрицательную оценку, — *имел неинтересную, незаметную наружность*, включает ее подробное пояснение, детальное описание внешности — негативно маркированные атрибуты *слабое, нездоровое*

сложение; жидкая борода; небольшой рост; пухлые щеки; глаза не мигали (пример 4) также указывает в ряду отрицательных свойств персонажа *неморгающие глаза*; *борода жидкая*. Закрывающий описание героя союз *к тому же*, несущий, с одной стороны, добавочную информацию, подводит своего рода итог всей предыдущей отрицательной оценке, внося, с другой стороны, важные, с точки зрения говорящего, сведения — *часто выпивал*, что подтверждается внешне: *это было заметно по его лицу и походке*.

В четвертом примере наряду с описанием внешности Деревяшкина (*неопределенного возраста, неморгающие глаза, придавленный нос, жесткие волосы*) представлены разнопорядковые его качества: образ жизни (*пьяница*), голос (*поет басом*), интеллектуальные особенности (*глуп* — оценка стороннего наблюдателя, *очень умный человек* — самооценка героя).

Как показывают приведенные примеры, *лицо*, по А. П. Чехову, является экспликатором образа жизни человека. Всезнающий сторонний наблюдатель (рассказчик) проявляется в следующих предикатах со значением прямого визуального восприятия: *по-видимому* (пример 1), *было заметно* (пример 3), *раз взглянувши на него* (пример 4), а также в ментальном классифицировании описываемого героя, его сравнении с классом типичных представителей (пример 2) — *какое обыкновенно бывает*. Отношение героя к спиртному отражается печатью на лице, вводится в однородный ряд с описанием внешности и, как правило, характеризуется отрицательно и непосредственно связывается с выражением лица и приобретаемыми качествами характера (*слабость и неуверенность*) или физическими отклонениями (*в походке*).

Лексема *лицо*, «погруженная» в вакхический контекст, может репрезентировать не только постоянный образ жизни и быть свидетельством внутренних изменений, но и выражать состояние временное: *Первый* [N-ский купец Иван Иванович Кузьмичов] *о чем-то сосредоточенно думал и встряхивал головою, чтобы прогнать дремоту; на лице его привычная деловая сухость боролась с благодушием человека, только что простившегося с родней и хорошо выпившего; второй* [отец Христофор Сирийский] *же влажными глазками удивленно глядел на мир божий и улыбался так широко, что, казалось, улыбка захватывала даже поля цилиндра; лицо его было красно и имело озябший вид*. <...> *Прощаясь с домочадцами, они только что сытно закусили пышками со сметаной и, несмотря на раннее утро, выпили...* (Степь: История одной поездки) [Чехов, т. 7, с. 13]. В описании купца использован прием «забегания вперед»: толкование мимического выражения лица *привычная сухость боролась с благодушием* и указание на ряд действий обобщенного субъекта, способных вызвать описываемое состояние *благодушия*. Заданные характеристики требуют дальнейшей ретроспективной конкретизации: *прощаясь с домочадцами; сытно закусили*;

выпили. Уступительный оборот с производным предлогом *несмотря на* соотносит текущую ситуацию с идеальной, в которой раннее по времени употребление спиртного нежелательно (размышления о приемлемом времени питания см. [Левонтина и др., 2002]).

Словам синонимического ряда «лицо», таким как *рожа* (просторечное [СлРЯ, т. 3, с. 725—726]), *физиономия*, свойствен разговорный регистр речи, эти слова часто имеют негативную окраску. В окружении вакхической лексики данные лексемы репрезентируют непостоянные характеристики внешности. В некоторых случаях, например, слово *рожа* употребляется не столько для описания внешности героя, сколько для выражения своего субъективного отрицательного отношения к человеку. Приведем примеры: — *Не понимаю, как это можно не узнать своей собственной дачи, — возмущается Лаев. — Пьяная рожка...* (Заблудшие) [Чехов, т. 4, с. 77]; *Поручик, отуманенный вином, почти не замечал его [писаря]. Раз только, увидев в тумане его пьяную физиономию, он нахмурил брови и сказал <...> (Ворона)* [Чехов, т. 3, с. 434].

Иногда говорящий является свидетелем изменений, произошедших с человеком, о которых он узнает прежде всего по его внешности: *Из когда-то стройного, ловкого стряпчего с подвижной, нахальной, вечно пьяной физиономией Шапкин превратился в скромного, седовласого, хилого старца* (Старость) [Чехов, т. 4, с. 225]. В приведенном фрагменте мимика Шапкина (*с подвижной*), его выражение лица (*нахальной*), образ жизни (*вечно пьяной физиономией*), извлеченные из памяти архитектора Узелкова и относящиеся к воспоминаниям восемнадцатилетней давности, сравниваются с «новым» внешним видом представленного нотариуса: прилагательное оценки общего впечатления *скромный*, сенсорной (визуальной) оценки *седовласый*, физического состояния *хилый* в сочетании с существительным, в данном контексте иронически номинирующим субъекта, — *старец* (ср. со словарной дефиницией: 1. *старик*, 2. *пожилой монах, отшельник* [СлРЯ, т. 4, с. 249]) — создают совершенно иной облик.

Таким образом, вакхическое окружение лексемы *лицо*, в том числе и ее синонимического ряда, фокусирует внимание как на временных чертах лица, его выражении, мимике, так и на постоянных, способных эксплицировать личностные качества человека и являющихся своего рода печатью на лице персонажа.

3.2. Характеристики лица

Н. В. Халикова выделяет «минимальные единицы смысловой организации текста, позволяющие представить любой значимый для литературы фрагмент действительности (пейзаж, встреча, действие, диалог) в такой языковой форме, которую можно назвать наиболее типичной в процессе

коммуникации: “солнце светит”, “дождь идет”, “птицы поют”» [Халикова, 2019, с. 272]. Такие минимальные единицы называются «образные константы текста»; «вокруг перцептивной формы образной константы формируются образно-символические значения» [Там же]. При описании внешности пьяного человека, по нашему мнению, такими «образными константами» являются «цвет» и «кожа лица», «глаза», «нос», «внешний вид одежды». В рассказах А. П. Чехова лицо пьяного человека получает следующие характеристики: цвет «красный» / «бледный» (*красное / краснотенное лицо; красные глаза (налитые кровью глаза)*); текстура лица (*обрызглое, опухшее, брыластое, жирное*); появление пота (*потное*). Говоря о художественном мире А. П. Чехова, его представлении об идеальном человеке, мы часто вспоминаем ставшую крылатой фразу Астрова из драмы «Дядя Ваня»: *В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли* [Чехов, т. 13, с. 83]. Первые две составляющие — *лицо, одежда* — при описании внешности героев, в частности употребляющих спиртное, часто соседствуют. Приведем следующие примеры:

(1) *К агенту общества пароходства «Щелкопер», сидящему на берегу у самой воды и ожидающему грузоотправителя, подходит приземистая фигура, с **страшно испитым, опухшим** лицом, в рваном пиджаке и латаных полосатых брюках. На голове ее полинявшая фуражка с полупившимся козырьком и с пятном, оставшимся от когда-то бывшей кокарды... Галстух сполз с воротничка и ерзает по шее...* (Утопленник: Сценка) [Чехов, т. 4, с. 103];

(2) *Управляющий «Зверинца братьев Пихнау», отставной португальский Егор Сюсин, здоровеннейший парень с **обрызглым, испитым** лицом, в грязной сорочке и в засаленном фраке, уже **пьян** (Циник)* [Чехов, т. 4, с. 167].

В некоторых случаях автор прямо не указывает на образ жизни человека, но по описанию внешности становится ясным его отношение к спиртному. В данных примерах общей внешней оценке (*приземистая фигура; здоровеннейший парень*) сопутствует описание лица (*испитое, опухшее / обрызглое*) и одежды, которая, как правило, характеризуется отсутствием чистоты, опрятности (*грязная сорочка, засаленный фрак*), целостности (*рваный пиджак, латаные брюки, полупившийся козырек*), привычного расположения (*галстух сполз, пятно вместо кокарды*). Таким образом, лицо и одежда становятся необходимыми компонентами описания внешности и маркерами образа жизни.

3.3. Старение, дряхлость и истощение как маркеры лица вакхического человека

Лицо, являясь зеркалом образа жизни, одновременно уподобляется некоему артефакту, предмету одежды, который изменяется сообразно его упо-

треблению. Лексемы *истрепавшийся*, *поношенный*, *помятый*, *изношенный*, употребляемые при описании лица пьющего человека в произведениях А. П. Чехова, в своем прямом значении связаны с обращением с предметами одежды и в словарных дефинициях содержат такие семы, как темпоральная 'долго', каузальные 'но́ска / употребление', 'небрежное отношение', семы со значением модификации, приобретения нового состояния / качества 'стать потертым, ветхим', 'прийти в ветхость, негодность'. Первые три слова имеют переносное значение, зафиксированное в словаре: *истрепавшийся* и *помятый* связываются со степенью усталости (первое — с изнурением, второе — с утомлением, бессонницей), *поношенный* с неизменяемой характеристикой — «носящий следы увядания, преждевременной старости» [СлРЯ, т. 3, с. 289]. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Я поглядел на больное, истрепавшееся лицо графа, на рюмку, на лакея в желтых башмаках, поглядел я на чернобрового поляка, который с первого же раза показался мне почему-то негодяем и мошенником, на одноглазого вытянувшегося мужика, — и мне стало жутко, душно...* (Драма на охоте) [Чехов, т. 3, с. 258];

(2) *В углу на табурете сидел Урбенин. Он до того изменился, что я едва узнал его. Безделье и пьянство последнего времени сильно сказывались как на его платье, так и на наружности: платье было изношено, лицо тоже* (Там же) [Чехов, т. 3, с. 375];

(3) *Я гляжу на Рублева... Лицо у него испитое и поношенное, но во всей его внешности уцелело еще столько порядочности, барской изнеженности и приличия, что это грубое «дали в шею» совсем не вяжется с его интеллигентной фигурой* (Тапер) [Чехов, т. 4, с. 205].

Перцепция рассказчика, его оценка черт лица обнаруживается с помощью предикатов визуального восприятия: *я поглядел* (1), *я едва узнал его* (2), *я гляжу* (3). В первом фрагменте образ жизни графа, его склонность к чрезмерному употреблению спиртного отразились на его лице (*больное, истрепавшееся лицо*). С точки зрения рассказчика-участника происходящих событий, весь перечисленный им ряд участников событий, среди которых перемешаны люди, выделяемые по особенной черте во внешности и социальному статусу (*лицо графа, лакей в желтых башмаках, чернобровый поляк, одноглазый вытянувшийся мужик*), и такой предмет ситуации винопития, как рюмка, — участвуют в создании эмоционального состояния нарратора, воспринимаются им в негативном ключе: *мне стало жутко, душно*.

Во втором отрывке праздность и употребление спиртного становятся каузаторами изменений во внешнем виде героя. При описании Урбенина используется зевгма — прием языковой игры, при котором, например,

в сочинительный ряд попадают разнородные по своей семантике слова — *платье, лицо* (подробнее о языковой игре см. [Ружицкий, 2014]).

В третьем отрывке отрицательная оценка, эксплицированная в описании внешности Рублева, его лица (*испитое и поношенное*), меняет свой аксиологический ракурс на противоположный с помощью союза «но противоположной оценки», по В. З. Санникову (цит. по [Милованова, 2015, с. 47]), вводятся качества положительной оценки — *порядочность, барская изнеженность и приличие*.

Как показывают приведенные фрагменты, в характеристику внешне-сти вакхического человека часто входит лексема *испитой*, которая в словаре имеет следующее дефиницию: «Разг. Изможденный, истощенный, изнуренный» [СлРЯ, т. 1, с. 682]. В определении не эксплицирована связь между значением и внутренней формой слова (от глагола (*ис*)*пить*). Но если обратиться к параллельному корпусу НКРЯ (например, к подкорпусу английского языка), можно заметить, что, помимо не относящихся напрямую к винопитию и совпадающих с приведенным выше значением лексем типа *haggard* (измученный, осунувшийся), *sallow* (желтоватый, болезненный), *wasted* (истощенный, исхудавший), слово *испитой* часто связывается с употреблением спиртного и дается в переводах как *drunkard's face* (досл. лицо пьяницы), *drinking face* (досл. пьющее лицо), *drink-sodden* (досл. питьем пропитанный), *besotted* (опьяненный), *drink-ravaged face* (досл. изуродованное выпивкой лицо) и т. д. [НКРЯ]. Обратимся также к словарю А. Д. Михельсона, в котором приводится толкование слова, связывающее его с ситуацией употребления спиртного: «(иноск.) — истощенный, изнуренный, исхудалый (как бы носящий следы пьянства)» [Михельсон, 2008]. Таким образом, в русском языке данное слово имеет два значения: первое — связанное с винопитием, имеющее отношение к характеристике лица пьющего человека, второе — не соотносится с пьянством, лишь с болезненным внешним видом.

Таким образом, лицо в контексте может иметь «артефактную» интерпретацию, приобретает свойства одежды: после «нóски» и неправильной «эксплуатации» может приходиться в негодность, ветхость и начинает стареть.

3.4. Предикаты стороннего наблюдателя

Как уже отмечалось выше, описание персонажа часто приводится извне, под углом зрения стороннего наблюдателя, который может быть непосредственным участником событий и / или рассказчиком и одновременно интерпретатором отраженных на лице «знаков». Предикаты, эксплицирующие нарратора в текстах А. П. Чехова и касающиеся описаний лица, это, как правило, следующие языковые единицы: (*не*) *видно, написано, прочесть, иметь / у него (нее) выражение: Около самых ворот склада, видит он* [Очу-

мелов], *стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полуныном лице его как бы написано: «Ужю я сорву с тебя, шельма!»* да и самый палец имеет вид знамени победы (Хамелеон) [Чехов, т. 3, с. 52]. В данном фрагменте использование прямой речи (дословной передачи чужого высказывания с просторечным *ужю* и обращением *шельма*), во-первых, рисует облик героя и воспроизводит его предполагаемую речевую манеру, во-вторых, свидетельствует об осведомленности рассказчика, его проницательности.

Безотносительно к ситуации винопития рассказчик А. П. Чехова умеет «считывать» с лица то, что на нем «написано», причем инфинитив сопровождается модально-характеризующей связкой *стараться*: *прочесть тайные мысли* (Моя жизнь); *прочесть что-нибудь на ее холодном, равнодушном лице* (Страх); *я не прочел на его лице правды* (Скучная история); *прочесть на лице магистра восторг* (Свистуны); *на многочисленных лицах <...> даже идиот мог бы прочесть сожаление* (Драма на охоте); *на лице ее я прочел желание поделиться <...> своим внезапно набегавшим на нее счастьем* (Там же) и т. д. [НКРЯ].

Интересно, что невозможность разглядеть лицо, его выражение становится причиной появления страха: — *Ма-арья! — раздался крик у самой двери. <...> Послышался пьяный кашель, и в избу вошел высокий чернобородый мужик в зимней шапке и оттого, что при тусклом свете лампы не было видно его лица, — страшный. Это был Кирьяк* (Мужики) [Чехов, т. 9, с. 284—285].

Рассмотрим в качестве иллюстрации еще один пример: *Около нашего вагона, облокотившись о загородку площадки, стоял кондуктор и глядел в ту сторону, где стояла красавица, и его испитое, обрюзглое, неприятно сытое, утомленное бессонными ночами и вагонной качкой лицо выражало* умиление и глубочайшую грусть, как будто в девушке он видел свою молодость, счастье, свою трезвость, чистоту, жену, детей, как будто он каялся и чувствовал всем своим существом, что девушка эта не его и что до обыкновенного человеческого, пассажирского счастья ему с его преждевременной старостью, неуклюжестью и *жирным лицом* так же далеко, как до неба (Красавицы) [Чехов, т. 7, с. 166].

В приведенном отрывке противопоставлен мир реальный, отраженный на лице кондуктора, миру идеальному, эталонному, вызванному появлением красивой девушки. Распространенное, детальное описание лица кондуктора, включающее образ жизни (*испитое; утомленное бессонными ночами и вагонной качкой*), текстуру кожи лица (*обрюзглое / жирное лицо*), отсутствие проявляемого к чему-либо интереса (*неприятно сытое*), является константой. Временной характеристикой лица становится его мими-

ка, выражение — *умиление и глубочайшая грусть*. Постоянное и действительное сопоставляется с идеальным «возможным миром», в котором «*молодость, счастье, своя трезвость, чистота, жена, дети*». Завершающий вывод о невозможности для данного героя «человеческого, пассажирского счастья» в ряду компонентов общего внешнего впечатления (преждевременная старость, неуклюжесть) вновь указывает на его лицо — *жирное*. Для наблюдателя нет необходимости рассказывать историю жизни кондуктора, она для него написана на лице героя.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, синонимический и модификационный ряд *лицо* в прозе А. П. Чехова представлен довольно большим количеством единиц. Кроме того, лексема *лицо* сопровождается оценочными характеристиками, вербализованными адъективными словосочетаниями, содержащими информацию как о форме, цвете, так и о деятельности, времяпрепровождении субъекта ситуации. Описание лица в вакхическом контексте обрастает дополнительными особенностями и коннотациями:

1. Образ жизни, способ времяпрепровождения часто в произведениях А. П. Чехова отражаются на лице персонажа как постоянные черты, константы: лицо приобретает артефактную интерпретацию, те же свойства, что и одежда — становится *помятым, истрепавшимся, поношенным*.

2. Сторонний наблюдатель, нарратор, считывает с лица выражаемые эмоции, мысли, истинное положение дел, что вербализуется с помощью предикатов *написано, видно, иметь выражение* и т. п.; возможно включение «гипотетической» прямой речи, объясняющей выражение лица. Невозможность увидеть лицо может стать причиной страха.

3. Измененное лицо и неаккуратность, неопрятность в одежде, по А. П. Чехову, становятся маркерами человека вакхического. Прилагательное *иститой* является характеристикой лица пьющего человека.

4. Мир реальности (или «нормативная повседневность» Чехова, как называет этот мир Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988, с. 314]) противопоставляется миру идеальному, «возможному миру», но для героя часто недостижимому. И в этой ситуации таким подтверждающим знаком становится описание лица: «неприятно сытое», «жирное», «обрюзглое», «брыластое» лицо действительного мира свидетельствует о том образе жизни, о котором герой Чехова не мечтал и который не является его идеалом, образчиком чистоты.

Источники и принятые сокращения

1. Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2018. — 192 с.

2. Михельсон А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона [Электронный ресурс] / А. Д. Михельсон. — Москва : СиЭТС : Бука, 2008. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2023).
4. СлРЯ — Словарь русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Полиграфресурсы, 1999.
5. Словарь языка Достоевского : идиоглоссарий. И—М / главный редактор Ю. Н. Караулов. — Москва : Азбуковник, 2012. — 855 с.
6. ЧГСС — Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением / О. В. Кукушкина, Е. В. Суровцева, Л. В. Лапонина, Д. Ю. Рюдигер. — Москва : МАКС Пресс, 2012. — 571 с.
7. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 томах / П. Я. Черных. — Москва : Русский язык, 1999. — Том 2 : Панцирь—Яшур. — 560 с.
8. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах : сочинения : в 18 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1974—1982.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — ISBN 5-02-010870-7.
2. Болотнова Н. С. Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. — 2005. — № 3 (47). — С. 18—24.
3. Димитриева О. А. Аксиологический аспект ситуации винопития в произведениях Александра Грина / О. А. Димитриева // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. — 2022. — № 1 (37). — С. 102—116.
4. Димитриева О. А. Вакхическая лексика, вербализующая объект питания, в художественном мире Александра Грина / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 80—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96.
5. Ковшиова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке : костюмный код культуры / М. Л. Ковшиова. — Москва : Гнозис, 2015. — 368 с. — ISBN 978-5-94244-053-4.
6. Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — 560 с. — ISBN 978-5-91419-405-2.
7. Левонтина И. Б. Лексика начала и конца трапезы в русском языке / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка : семантика начала и конца. — Москва : Индрик, 2002. — С. 573—583. — ISBN 5-85759-191-0.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с. — ISBN 5-210-01488-6.
9. Мелешко Е. Д. Феномен еды как культурный код / Е. Д. Мелешко, Л. Н. Набилкина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 2017. — № 4 (24). — С. 26—31.
10. Милованова М. С. Сложная семантика простых союзов / М. С. Милованова // Русский язык в школе. — 2015. — № 12. — С. 46—52.
11. Мухин М. Ю. Психолингвистические «частности» лексической сочетаемости в русской прозе XIX века / М. Ю. Мухин, Е. Р. Филатова // Уральский филологический

вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2021. — № 2. — С. 49—56. — DOI: 10.26170/23067462_2021_02_04.

12. Ружицкий И. В. Языковая игра у Ф. М. Достоевского / И. В. Ружицкий // Русская речь. — 2014. — № 4. — С. 15—22.

13. Халикова Н. В. Словесный образ как структурная единица в художественном тексте / Н. В. Халикова // Русистика и компаративистика : сборник. — Москва : Книгодел, 2019. — С. 268—280. — DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.17.

14. Pan Z. Culture-specific conceptualisations relating to corruption in China English / Z. Pan // Lingua. — 2020. — Vol. 245, Article 102948. — DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102948.

15. Poulton T. Linguistic descriptions and cultural models of olfaction in Umpila and English / T. Poulton, C. Hill // Language Sciences. — 2023. — Vol. 96, Article 101533. — DOI: 10.1016/j.langsci.2022.101533.

16. Sharifian F. Cultural Linguistics. Cultural conceptualisation and language / F. Sharifian. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2017. — 171 p. — DOI: 10.1075/clsc.8.

Material resources

Chekhov, A. P. (1974—1982). *Complete works and letters*, 30. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Chernykh, P. Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language*, 2/2: *Shell - foot-and-mouth disease*. Moscow: Russian language. 560 p. (In Russ.).

ChGSS — Kukushkina, O. V., Surovtseva, E. V., Laponina, L. V., Rüdiger, D. Yu. (2012). *Frequency Grammar-Semantic Dictionary of the Language of A. P. Chekhov's Artistic Works with an Electronic Application*. Moscow: MAKS Press. 571 p. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (ed.). (2012). *Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary. I—M*. Moscow: Azbukovnik. 855 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2018) *Dictionary of linguoculturological terms*. Moscow: Gnosis. 192 p. (In Russ.).

Mikhelson A. D. (2008). *Mikhelson's Big Explanatory Phraseological Dictionary of the Russian Language*. Moscow: SiETS: Buka. (CD-ROM). (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 10.01.2023). (In Russ.).

SIRYa — Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language*, 4. Moscow: Polygraph resources. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings: assessment, event, fact*. Moscow: Nauka. 341 p. ISBN 5-02-010870-7. (In Russ.).

Bolotnova, N. S. (2005). Lexical means of representation of artistic concepts in a poetic text. *Bulletin of TSPU*, 3 (47): 18—24. (In Russ.).

Dimitrieva, O. A. (2021). Bacchic Vocabulary Verbalizing Object of Drinking in Artistic World of Alexander Grin. *Nauchnyi dialog*, 4: 80—96. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96. (In Russ.).

Dimitrieva, O. A. (2022). Axiological aspect of the situation of wine drinking in the works of Alexander Grin. *Scholars of the National Society for Applied Linguistics*, 1 (37): 102—116. (In Russ.).

Khalikova, N. V. (2019). Verbal image as a structural unit in a literary text. In: *Russian Studies and Comparative Studies: Collection*. Moscow: Knigodel. 268—280. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.17. (In Russ.).

- Kovshova, M. L. (2015). *The semantics of the headdress in culture and language: the costume code of culture*. Moscow: Gnosis. 368 p. ISBN 978-5-94244-053-4. (In Russ.).
- Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2002). Vocabulary of the beginning and end of a meal in Russian. In: *Logical analysis of language: semantics of the beginning and end*. Moscow: Indrik. 573—583. ISBN 5-85759-191-0. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere*. St. Petersburg: Art-SPB. 704 p. ISBN 5-210-01488-6. (In Russ.).
- Meleshko, E. D., Nabilkina, L. N. (2017). The phenomenon of food as a cultural code. *Humanitarian statements TSPU them. L. N. Tolstoy*, 4 (24): 26—31. (In Russ.).
- Milovanova, M. S. (2015). Complex semantics of simple conjunctions. *Russian language at school*, 12: 46—52. (In Russ.).
- Mukhin, M. Yu., Filatova, E. R. (2021). Psycholinguistic “particulars” of lexical compatibility in Russian prose of the 19th century. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2: 49—56. DOI: 10.26170/23067462_2021_02_04. (In Russ.).
- Pan, Z. (2020). Culture-specific conceptualisations relating to corruption in China English. *Lingua*, 245, Article 102948. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102948.
- Poulton, T., Hill, C. (2023). Linguistic descriptions and cultural models of olfaction in Umpila and English. *Language Sciences*, 96, Article 101533. DOI: 10.1016/j.langsci.2022.101533.
- Ruzhitsky, I. V. (2014). Language game by F. M. Dostoevsky. *Russian speech*, 4: 15—22. (In Russ.).
- Sharifian, F. (2017). *Cultural Linguistics. Cultural conceptualisation and language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 171 p. DOI: 10.1075/clsc.8.
- Zlydneva, N. V. (2011). *Codes of everyday life in Slavic culture: food and clothing*. St. Petersburg: Aletyya. 560 p. ISBN 978-5-91419-405-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.12.2022,
одобрена после рецензирования 16.01.2023,
подготовлена к публикации 28.01.2023.



Ильина Е. Н. Транспорт и пути сообщения в языковой картине мира вологодского крестьянина : традиции и новации / Е. Н. Ильина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 27—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-27-44.

Ilyina, E. N. (2023). Transport and Means of Communication in Language Worldview of Vologda Peasant: Traditions and Innovations. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 27-44. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-27-44. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-27-44

**Транспорт и пути
сообщения
в языковой картине мира
вологодского крестьянина:
традиции и новации**

Ильина Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-1797-8959
доктор филологических наук,
профессор
filfak@list.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

**Transport and Means
of Communication
in Language Worldview
of Vologda Peasant:
Traditions and Innovations**

Elena N. Ilyina
orcid.org/0000-0002-1797-8959
Doctor of Philology
Professor
filfak@list.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

© Ильина Е. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению записей диалектной речи, вербализующих представления сельских жителей Вологодской области о системе транспорта и путей сообщения. Объектом анализа является лексическое множество названий транспортных средств и путей сообщения, а также корпус текстов. Информанты подробно дифференцируют дороги с точки зрения возможностей их использования в летний или зимний период, для пешего, лыжного, колёсного, санного, гусеничного, волокушного и пр. перемещения. С дорогой связаны многие традиционные верования и обычаи диалектоносителей. Информанты, живущие вблизи судоходных рек и крупных озёр, воспринимают перемещение по воде как одну из обыденных составляющих транспортной системы, тогда как живущие вдали от водных объектов относятся к водному транспорту с осторожностью и предубеждением, подчёркивая опасность водной стихии. Наиболее яркие впечатления диалектоносителей о перемещении в пространстве связаны с воздушным транспортом. Повествование об этом событии облекается в жанровую форму «рассказ-пластинки», занимающего промежуточное положение между бытовой и фольклорной несказочной прозой. Однако такие рассказы, как правило, повествуют о первом или единственном в жизни информанта авиапелёте.

Ключевые слова:

диалектология; севернорусские говоры; культура повседневности; транспорт; бытовая проза; фольклорная несказочная проза.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of records of dialect speech, verbalizing the ideas of rural residents of the Vologda region about the system of transport and means of communication. The object of analysis is the lexical set of names of vehicles and means of communication, as well as the corpus of texts. Informants differentiate roads in detail from the point of view of the possibilities of their use in summer or winter, for walking, skiing, wheeled, sledge, caterpillar, sled, etc. transportation. Many traditional beliefs and customs of dialect speakers are associated with the road. Informants living near navigable rivers and large lakes perceive movement by water as one of the ordinary components of the transport system, while those living far from water bodies treat water transport with caution and prejudice, emphasizing the danger of the water element. The most vivid impressions of dialect speakers about movement in space are associated with air transport. The narrative of this event is clothed in the genre form of a “story-plate”, which occupies an intermediate position between everyday and folklore non-fairy-tale prose. However, such stories, as a rule, tell about the first or only air flight in the life of the informant.

Key words:

dialectology; northern Russian dialects; culture of everyday life; transport; household prose; folklore fairy tale prose.

Транспорт и пути сообщения в языковой картине мира вологодского крестьянина: традиции и новации

© Ильина Е. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Феномен диалектной языковой картины мира, активно обсуждаемый в течение нескольких последних десятилетий представителями различных диалектологических центров, весьма подробно описан на материале севернорусских диалектов, в том числе и на материале вологодских говоров [Мир вологодского крестьянина ..., 2004; Народная речь Вологодского края ..., 2015; Режские тексты ..., 2016 и др.]. Учёные сосредоточили своё внимание на лексике наиболее показательных тематических объединений, называющих явления природы [Ганичева и др., 2011], характеризующих человека [Зубова, 2017; Ильина и др., 2019 и др.], описывающих предметы и явления бытовой и духовной культуры [Режские тексты ..., 2016 и др.]. Объектом анализа были также фразеологический фонд исследуемых говоров [Андреева, 2015 и др.], система народного речевого этикета [Зорина, 2012; и др.], внутренняя форма производных слов различных частей речи [Кирилова, 2008; Драчева, 2011 и др.], а также отдельные явления их грамматической системы [Яцкевич, 2013 и др.]. Активизации диалектологических исследований в этом направлении во многом способствовал сбор лексического и текстового материала, организованный по программе-вопроснику «Лексического атласа русских народных говоров» (далее ЛАРНГ) [Программа ..., 1994]. Один из тематических разделов этой программы посвящён изучению традиционной транспортной системы, включающей в себя пути сообщения и транспортные средства. Предварительные результаты работы с этим материалом были опубликованы нами ранее [Ильина, 2022], однако расширение географии записей локального речевого контента и проблематики его описания потребовало продолжения исследования. В данной статье приводятся результаты наших наблюдений, сделанных на основе корпуса высказываний пожилых сельских жителей Вологодского края, выражающих представления о сложившейся на Русском Севере системе путей сообщения и традиционных транспортных средств. Особое внимание в своей работе мы уделяем записям устных рассказов информантов о воздушном транспорте. Анализ публикаций по русской диалектологии показал, что лексический и текстовый материал, связанный с этим видом транспорта, ранее не становился объектом научного описания. Ги-

потеза исследования заключается в том, что воздушный транспорт при всей его востребованности и достаточно давнем и активном использовании в сельской местности воспринимается нашими информантами через призму мифологического сознания в контексте типологических свойств диалектной картины мира, а рассказы о воздушных перелётах совмещают в себе свойства бытовых и фольклорных жанров сказочной прозы, реализуя информативную, фатическую и поэтическую функции.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследуемый в работе речевой материал был собран автором данной статьи или при его непосредственном участии в ходе направленной беседы по программе-вопроснику ЛАРНГ с информантами — уроженцами различных районов Вологодской области. Собранный речевой контент был зафиксирован в тематических тетрадах, оформленных по рекомендациям ЛАРНГ и в равной мере сочетающих в ответах на вопросы общерусскую и локально ограниченную лексику исследуемых говоров. Часть собранных материалов была внесена в картотеку «Словаря вологодских говоров» как совокупность микротекстов, иллюстрирующих семантику диалектных слов. Попутно фиксировались более объёмные устные рассказы, повествующие о каких-либо знаменательных событиях в жизни информантов, так или иначе связанных с перемещением в пространстве. Некоторые из таких рассказов публиковались нами ранее [Народная речь ..., 2012; Народная речь ..., 2017 и др.]. Интерпретация речевого материала осуществлялась с помощью метода научного описания с применением различных видов лингвистического анализа, в том числе лексико-семантического, морфемного и словообразовательного анализа слов, контекстуального анализа их репрезентации в речи, а также сюжетно-тематического и семантико-синтаксического анализа оценочных высказываний в диалектных текстах. Подобного рода методика работы с диалектным материалом была апробирована нами ранее на материале иной тематической отнесенности [Ильина и др., 2019 и др.]. В результате работы с собранным в полевых условиях корпусом высказываний о транспорте мы обратили внимание на то, что представления вологодских крестьян о путях и средствах передвижения органично сочетают в себе и следы глубокой архаики, и новации, порождённые научно-техническим прогрессом.

Традиционная для северной деревни система путей сообщения и транспортных средств включала компоненты перемещения в наземной (сухопутной) и водной среде. Основу этой системы составляли **сухопутные** средства перемещения, включающие в себя *колёсный* (тележина ‘телега’ У Кольки Маркелова *вот тележина дак добра, и сейчас не довелась, стоит* [КСВГ];

двоеколка 'телега с двумя парами колёс'» *Раньше всё боле двоеколки делали* [СВГ, т. 2, с. 10]; *тавричанка, таратайка* 'двухколёсная ручная тележка, предназначенная для хозяйственных нужд' *Тавричанка в углу стоит, наклади кип да привези* [СВГ, т. 11, с. 4]; *Дорога-то худая была, вот на таратайках и возили* [КСВГ] и др.), *санный* (*ропуски* 'крестьянские сани для перевозки сена и дров' *Всё ездили на ропусках за дровами* [СВГ, т. 9, с. 66]; *чунки* 'небольшие сани, санки' *На чунках снегу-то навозим да всю куцию водой и обольём* [СВГ, т. 12, с. 54]; *корёхи* 'санки с сидением для катания с гор' *А робята-те зимой дак всё больше на корёхах катались с горок-то, со скамейками которые* [СВГ, т. 3, с. 104] и др.) и *волокушный* (*волокуша, волочажки* 'приспособление для перевозки сена, соломы, брёвен, сделанное из двух ветвистых берёз, скреплённых перекладиной' *Сено-то к стогам на волокушах подвозят. Отдохнитё, пока волочажки-то не привезли* [СВГ, т. 1, с. 79—80]) транспорт. Сухопутные пути сообщения — *дороги*, являясь основным средством связи сельского поселения с окружающим миром, становились базовым элементом культуры [Картышева и др., 2012]. Неслучайно поэтому в речи жители северной деревни отражаются самые разнообразные признаки этих объектов: значимость дорог в зависимости от их расположения и размера (*Пойдите на большак-от, дак и уедете* [СВГ, т. 1, с. 37]; *Тропина-то к озеру Круглому идёт, раньше и до Вазеренец доходили, а ноне и не знаю: заросла, поди* [СВГ, т. 11, с. 61]; *По большаку километров двадцать, когда и подвезёт кто на лошаде, а дальшие уж тропкой* [КСВГ]), возможность использования дороги в летний или зимний период (*Зимником называют дорогу, когда много саней по ней издит, зимник — это уж основной путь* [СВГ, т. 2, с. 170]; *Бывало, затемно ишию срядимся, да и пойдём зимняком в лес* [СВГ, т. 2, с. 171]; *Литником, когда, дак далеконько, а как замерзёт, дак зимарём-то шибко хорошо, уж к ночи дома будёшь!* [КСВГ]), особенности рельефа местности, по которой проложена дорога, а также пересечений её с другими дорогами (*Выходишь на повёрки, дорога вправо, дорога влево, вот и повёрка* [СВГ, т. 7, с. 78]; *С Вазеринец дак сначала просеком попойдёшь, потом лывой, эдак до криуля, а там смотри — повёртка будет до нас, а зевнёшь, дак на Мыс упрёссё* [КСВГ]), качество поверхности (*Нонче-то дорога худая, вся в калы розмята* [СВГ, т. 3, с. 34]; *Идёшь, а дорога-то всё кальковатая* [СВГ, т. 3, с. 34]; *Дорога распустилася: ни проехать нельзя, ни пройти* [СВГ, т. 9, с. 34]; *Ямистая шибко дорога. Шибко ямиста* [СВГ, т. 12, с. 135]; *Путнёй-то дороги, поди, до Оленьёва, а потом всё калыги* [КСВГ]) и др. Отдельные названия имеют обочина дороги (*Ты на лисапеде-то видишь, как машины-ти идут, дак съезжай на обочень* [КСВГ]), различного рода углубления и выбоины (*Ямина у Зауломского поряточная была, дак еле трактор-от Колюшка вытащил. И по калыгам из-*

дили, как больно-то надё, уж куда деваться! [КСВГ]), а также особенности дорожного покрытия (*Асфальту-то до нашёго Борбушина не доклали, пои, полкилометра, но так-то дивья дожджжать, зауломский кооператоры грунтовку проложили, молоко возят, тут дак по глине как-то издим да по пёску, а возле Колиного дому дак вообще по дерну кувыркаессё!* [КСВГ]). Совершаемые в пути действия также имеют местные названия: *натока́ть* 'послать, направить' (*Я вас натакаю, где ягод-то много, дак скоро и насобираете* [СВГ, т. 5, с. 77]; *И никто-то не натокал, куда ехать-то — полдня произдил, пока искал* [КСВГ]), *обойтись* 'разминуться, не встретиться в дороге' (*Вот мы как с тобой, Ньюрушка, обоились-то, дева? Обоё в лавку одной дорогой ходим* [КСВГ]), *опнуть* 'передохнуть, сделать остановку в пути' (*Прибегу на Улому, не опнуть путём, а уж домой пора — робята ждут* [КСВГ]) и др. Информанты описывают различные народные традиции, связанные с дорогой: это и благопожелания, адресуемые отправляющемуся в дальний путь (*Вы за деревню-то выйдите, а там и Бог по пути, здесь грязное место только* [СВГ, т. 8, с. 112]; *А пожелаю я вам: не пень, не колода, а путь да дорога!* [СВГ, т. 8, с. 112]), и запреты, так или иначе влияющие на успешность или неуспешность путешествия (*Собралсё, дак систи надо посидеть, чтобы в путь пошло. С места ходят! Иишо скажи: «Дай-ко, Господи, туда доехать и назад вернуться!»* [КСВГ]), и гадания, осуществляемые на перекрёстках дорог (*Бывало, девками ходили на дорогу гадать. На перекрестьё дорог. Ночью-то страшно! Иишо зачёртимсё: «Черти, чертитёсь, бесы, беситёсь, сам сотона, выходи со дна!» И слушаём, с какой стороны звякнёт кому — туда и взамуж отдадут. Мне чё-то ничё не приближнвало, а вот маме моёй, Анне Александровне, колокольчик, она говорила, почувалсё — дак с той стороны, с Уломы тятя иё и высватал»* [КСВГ]) и пр. (подробнее об этом см.: [Андреева, 2018 и др.]).

Перемещение сельских жителей *водным путём* было распространено меньше, оно зависело от наличия или отсутствия в окрестностях поселений судоходных рек и значительных по объёму озёр. Жители прибрежных деревень охотно вспоминают связанные с водой традиционные сельские трудовые занятия, в том числе и достаточно интенсивные перемещения водным транспортом как на малые, так и на большие расстояния: *Население этих деревень кроме хлебопашества, занималось отходным промыслом, как до революции, а так и после революции. Мужчины в основном занимались постройкой деревянных судов — ба(р)ж, до революции — для хозяев лесопромышленников, а после для Советского государства. В то давнее время не существовало судоверфей, а строили на берегах реки Сухоны и маленьких рек, в падающих в Сухону — Стрелицы, Векшеньги и Глухой, не далеко от деревен где проживали сами строители <...> Прочая, кроме*

специалистов, рабочая сила — а в основном женщины, занимались заготовкой дров в лесу, они же и вывозили на лошадях на берег реки Сухоны и до готовности постройкой барж, разделявали дрова на полено-аршинку и потом грузили в баржи, спущенные на воду и подведенные к месту складке готовых дров. Причем все эти операции проводились в ручную, в плоть до подводки барж к складам дров, т.к в то давнее время парашодов еще не было, то и до города Вологды, уже груженные баржи с дровами приводили ручной тягой через-ворот, или конной по берегу Сухоны, Вологды, в плоть до самого покупателя, кому они были проданы Лесоторговцем¹ (В. А. Морозов. «Памятка о прожитом», подробнее см.: [Ильина, 2018]).

В лексиконе информантов достаточно широко представлены названия маломерных речных судов (долблѣнка 'лодка, выдолбленная из цельного бревна' *Ныне долблѣнок уж не делают, все лодки покупные* [СВГ, т. 1, с. 39]; *дубас* 'выдолбленная из осинового колоды лодка с наращенными для её устойчивости бортами-крыльями из досок' *Дубас — что и буса в Наволоке. Видели, через озеро издят?* [СВГ, т. 1, с. 62]; *ушукья* 'лодка' *Ушукью-то крепко привязал? А то ветер подует и унесѣт её в озеро* [СВГ, т. 11, с. 165] и др.), а также различных видов государственного речного транспорта, активно использовавшегося на Вологодчине в 30—80-е годы XX века: *По Сухоне дак чѣо только не ходило! Я до Слободки и на комете ежживала, и на метеоре — вечером седѣшь, а утром уж у Марии с Геннадіём* [КСВГ]; *На попутке до города, потом в Горичы, оттуда метеором до Девятиин, потом иишио до Вытегры автобусом да до посѣлка сорок километров!* [КСВГ].

Наблюдения показывают, что в речи диалектоносителей соседствуют названия **традиционных** транспортных средств (*На чѣм возили? А чѣо надо, дак на том и возили. За сеном дак на волокушах али зимой на чунках. На телегах возили, на санях. Телега, пои, у Игоря-то плахинского не одна иишио исятко* [КСВГ]) и **современных** механизмов (*У Юрки дак какого места нету: трактор с телегой — это раз, иишио, пои, с колхозу, косилка старая — это два, евовная легковушка, и Колька иишио издит одна, худая — дак это три, пои-ко, с половиной, да мотоцикл за рыбой на озѣра издить, да моторка, да Люба на лисапедѣ почту возит — и пальцей, смотри, не хватает!* [КСВГ]), в том числе предназначенных для перемещения в водной и воздушной среде (*У их казанка худая стала, до сего году на Белоусовом озере и потонула* [КСВГ]; *Павлуха ихний на вертолѣтах выучилсѣ*) [КСВГ]). В записях двух последних десятилетий информанты более активно упоминают современный автодорожный транспорт (*В кажном дому по машине, дак дивья издѣть-то! А мы-то как петалисѣ на по-*

1 Сохранена орфография и пунктуация рукописного источника.

путках! [КСВГ]) на фоне сожалений об утрате возможностей передвигаться по региону воздушным и водным путём: *И вокзал-то речной пожгли, а чё — стоит, мотыляётся, пароходы уж коего году все нарушили, теперь до Слободки дак как до Луны добираться, с Вологды кругалём до Шуйского, а там уж, можот, на лодке кто доведёт?* [КСВГ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Малая авиация» в картине мира вологодского крестьянина

В силу удалённости многих сельских поселений от административных центров области, а также несовершенства системы автомобильного и железнодорожного сообщения в регионе ресурсы «малой авиации» оказали заметное влияние на представления местных жителей о локальной транспортной системе. По свидетельству специалистов, изучающих историю развития авиации в Вологодском крае, в период её расцвета (50—80 годы XX века) авиапарк малых воздушных судов области насчитывал до полусотни единиц техники, на обслуживании Вологодского объединённого авиаотряда находились самолёты ПО-2, АН-2, АН-12, ЯК-12, ЯК-40, ИЛ-18; вертолёты МИ-1, МИ-2, МИ-8; для их эксплуатации на территории области существовало более 28 аэродромов и посадочных площадок [Ильин и др., 2018]. Малые воздушные суда, помимо грузовых и пассажирских перевозок, использовались для различного рода сельскохозяйственных, лесотехнических и мелиоративных работ, способствовали оказанию скорой медицинской помощи, осуществляли патрулирование территорий для предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, привлекались для проведения аварийно-спасательных и поисковых работ. Фоновая информация об этом присутствует в устных рассказах диалектоносителей о ведении сезонных полевых работ («*Раньше и пахали поля-ти, и с самолёта удобренё сытали, а теперь вон всё олешинягом затынуло*» [КСВГ]), охоте и рыбной ловле («*Иишо река путём не встала, а оне-то и понёрлись на радостях, дак хорошо — вертолётот снесли дураков, ни которой не потонул!*» [КСВГ]), чрезвычайных ситуациях и происшествиях, свидетелями которых был рассказчик («*Мужика одного прихлопнуло, хорошо, вертолёт был, а то бы конец и мужику!*» [КСВГ]). О привычности перемещения сельчан авиационным транспортом повествует Александр Яшин — один из родоначальников «деревенской прозы» второй половины XX века: «*Из самолетов АН-2 выходят жители вологодских и костромских деревень, хлеборобы, служащие. У старушки, одетой в дубленый полушубок, в руках фанерный чемоданчик и туесок, наверное, с рыжиками: видно, отпавилась старая «на города», на побывку к сынку или к дочери <...> Все очень буднично. Но именно эта будничность и волнует: авиация вошла*

в быт <...> Покупают билеты, выстраиваются в очередь к самолету. Я слежу: не охнет ли хоть одна старушка, не перекрестится ли? Нет, ни одна не перекрестилась, ко всему привыкли» («Вологодская свадьба») [Яшин, 1962, с. 3]. Подтверждения тому же можно найти в рассказах пилота I класса Николая Павловича Шаброва — уроженца Кирилловского района Вологодской области, вошедших в электронный корпус материалов о языковой личности [Ганичева, 2015]. Пример подобного рода текста приводится нами ниже.

«А нам сказали, на Ан-2 полетим? И всего-то три места, правда, нас тоже трое!» — так встретили меня пассажиры, которых я должен был везти в Кириллов. Но я не обиделся. Сказал, что Як-12 — это как на такси. И скорость почти такая, как на Ан-2. Зато всё видно: и налево, и направо. А на Як-12 даже удобнее, чем на Ан-2. Уж я-то знаю. Самолётик маленький, да удаленький <...> Мне досталась база в Великом Устюге. Началась работа — полёты по патрульным кольцам (их два — северное и южное), захватывающие восточные районы области: Нюксеницкий, Кич-Городецкий, Никольский — в зависимости от класса горения. Какой класс горения по одному и другому маршруту, определяет лётчик-наблюдатель. Летаем, бывает, по обеим маршрутам. До обеда — по северному, после обеда — по южному. Или до обеда — по южному, а после обеда вожу пассажиров в Кич-Городок или Никольск. А пассажиры готовы улететь хотя бы на метле! Летом их невозможно всех развезти. Дорог нет, вся надежда на самолёты. В Великом Устюге Ан-2 базировались два. Вот так с 15 мая по 15 сентября. И командировка проходит быстро. Закончилась! Вылетаем на Вологду, в отпуск. А из отпуска снова на Як-12 до новой весны! Всю зиму вожу пассажиров, почту, грузы. Конечно, невелика загрузка, 250 килограмм. Это три пассажира, два, один и груз остальное до этого веса».

Однако, несмотря на относительную ценовую доступность пассажирских авиаперевозок в указанный выше период, для многих наших информантов перемещение по воздуху было событием экстраординарным. Поэтому среди наших экспедиционных записей обращают на себя внимание рассказы о личном опыте перемещения сельских жителей на воздушном судне. В качестве примера приведём рассказ сельской учительницы Анны Алексеевны Шабровой, 1911 г. р., уроженки Кирилловского района Вологодской области, записанный автором статьи в 1997 году.

Вот, девки, расскажу, как к Галинке на свадьбу летала в Вытегру. Уж сколько Ольга-та с девками на эту Вытегру намаялась издить, как Павел-то с Витькой, по кой-то лешой, съехали туды в леспромхоз работать! На попутке до города, потом в Горичи, оттуда метеором до Девятин, потом иишио до Вытегры автобусом да до посёлка сорок километров!

Да с робятам, да со труньём, дак понеси-ко, водяной, и с Вытегрой-то ихней! Девки выросли, выучились, Галька зубным техником, вот и нашла себе Игоряху-то, дак зовёт: «Едь, баушка!» А в декабре, дак как? «А, — говорит, — самолётом!» Ну, боязно, а охота поглядить-то, да и стыдно: сын лётчик, а мать забоялась! «Ну, — думаю, — Царица Небесная, уж как-то народ издит, а я чёо?» Зашла, села в крёсла, привязалась верёвкой — а толку с той верёвки? Сижу. «Ну-ко, дура я, — думаю, — пожила бы иишио, а тут дак только косточки сбрыкают!» Ну, ладно. Маленько постоели, (самолёт. — Е. И.) побежал, уши как заложило — ой! Чёо да как, а смотрю — и оторвались, и летим. Уж нас, девки, и поболтало! Я уж какие от мамы с тятёй молитвы помнила, дак всё собрала! А мимо крёсел-то деушка ходит — кому воды, кому леденцов. Мне — видит, что я уж помирать собралась — говорит: «Баушка, не бойсь, у нас командир хорошой, нормально долетим!». Потом снижаться стали, дак думала, уши лопнут! И — хлоп — колёсам самолёт-то побежал, сначала бойко, потом потише и встал. «Ну, — говорят, — полёт окончен, выходите!» Вроде, почувствовалась, а встать не могу — забыла, что верёвкой-то привязалась! Как-то отпуталась, котомку забрала, а ноги не больно дёржат. Ну, иду, а уж меня кличут: «Где гражданка Шаброва, Анна Алексеевна? Пройдите туда-то!» Галя, смотрю, да с жёнихом. Ну, ладно! Обратно после выходных летела, дак уж я не так боялась, уж чёо?».

Имея возможность фиксировать речь этого информанта длительное время, мы обратили внимание на повторяемость этого сюжета в более или менее свёрнутом виде¹. Исследователи жанровой специфики литературно-разговорной и диалектной речи определяют тексты-воспоминания подобного рода как *рассказ-пластинку* [Китайгородская и др., 1999] или *устойчивый рассказ из жизни* [Гольдин, 2002]. Характеризуя жанровую специфику подобного рода рассказов, следует обратить внимание на то, что они находятся на пересечении бытовой и фольклорной несказочной прозы [Букринская и др., 2014]. Они вполне отчётливо выделяются внутри монологической речи информанта, так как имеют чётко выраженные начало и конец повествования, в них ярко проявляются авторское отношение к описываемым событиям и их оценка, для убедительности присутствует множество деталей и подробностей, повествователь активно использует форму прямой речи, различные средства выражения диалогичности и экспрессивности, делая собеседника как бы непосредственным участником

1 «И я лётывала к им, к Гальке на свадьбу. Год, пои, восемьдесят пятой был али восемьдесят шёстой. Ну, думаю, люди как-то лётают — а я чем хуже? Села, приготовилась дрожать, а мне леденцей надавали, воды, лимонаду всякоо — кушай, баушка! Я пока телилась, дак уже и Вытегра, и дрожать нековда!» (запись 1999 года).

или наблюдателем описываемых событий, стремясь поделиться опытом и одновременно развлечь слушателя. Общими для устноречевого диалектного нарратива здесь будут информативная функция текста, а также коммуникативная установка на достоверность произошедшего, а фольклорную его составляющую определяют включение в повествование вымысла как средства объяснения непонятных и необычных явлений действительности, а также отсутствие воспроизводимости конкретных речевых формул при повторяемости мотивов и сюжетов, транслирующих стереотипные правила мироустройства [Цивьян, 1985, с. 163]. Понимая вслед за М. М. Бахтиным речевой жанр как относительно устойчивый тип индивидуальных высказываний, который определяется сферой использования языка и зависит от коммуникативной ситуации [Бахтин, 1979, с. 250—251], мы можем определить подобный текст как рассказ информативного характера, транслирующий личный опыт говорящего как сочетание логизированной и эмоциональной информации [Черванева, 2017, с. 76], реализующий одновременно назидательную и эмоциональную функции в ситуации доверительного общения.

Повествование в подобного рода рассказах имеет определённую сюжетно-фабульную основу, композиционно оформляясь вокруг чудесного события — перемещения людей с помощью летательного аппарата.

Завязка обычно повествует о некоем важном поводе для перемещения по воздуху: *Вот, девки, расскажу, как к Галинке на свадьбу лётала в Вытегру¹; Мужика одного прихлопнуло, хорошо, вертолёт был, а то бы конец и мужику!; Дали дедку моему путёвку, до Вологды Толя Коква его довёз на ПАЗике, а оттуда самолётом*. Как правило, информанты подчёркивают, что выбор иного способа передвижения был невозможен из-за отсутствия технических возможностей «...зовёт: «Едь, баушка!» *А в декабре, дак как? «А, — говорит, — самолётом!*», из-за недостатка времени (*хорошо, вертолёт был, а то бы конец и мужику!*), а также по причинам морально-этического свойства (*Ну, боязно, а охота поглядить-то, да и стыдно: сын лётчик, а мать забоялась!*).

Далее рассказ обычно включает в себя подробное описание деталей предметного мира: **объектов** инфраструктуры — строений (*Аэропорт большинской мне показался, автостанции дак поболе; Кукурузники летали, дак много ли им надо, такая, поди-ко, домушка, то ли сарайка — ну, зайти чтобы*), взлётно-посадочной полосы (*В Кириллове у нас была полоса, в Шоле ещё, в Белозерске; Самолёту полосу надо, а на вертолёте дак Павлуха вон на косу у фермы садился — и вся полоса!*), самого лета-

1 Здесь и далее цитируются материалы личного архива автора статьи.

тельного аппарата (*Самолётом в Турцию с Людкой летала, дак какие́ оне топерь больши́е!*), вспомогательных устройств и механизмов (*Зашла, села в крёсла, привязалась верёвкой — а толку с той верёвки?*; *Подъехала как-то таратайка с чемоданам — смотрю, грузят, и наши с дедком чемодан положили*) и пр., а также **субъектов** — пилотов (*Лётчики вышли — по-старше мужичок и совсем робята двоё, ну, после армии, можот*), членов экипажа (*А мимо крёсел-то деушка ходит — кому воды, кому леденцов*), сотрудников наземных служб (*Деушка в форме нас собрала, сказала за ёй идти, дак мы и пошли к самолёту-то*), пассажиров (*Смотрю: как-то все путнё сидят, один только дедко охаёт да кристициё, тожко, поди, как я, первой раз полетел*) и провожающих / встречающих их людей (*Ну, иду, а уж меня кличут: «Где гражданка Шаброва, Анна Алексеевна? Пройди-тё туда-то!» Галя, смотрю, да с жёнихом*). Стремясь сделать свой рассказ более понятным адресату сообщения, привлечь его внимание, а также вписать новый опыт в сложившуюся картину мира, повествователь сравнивает наблюдаемые предметы с другими, уже хорошо знакомыми и привычными ему: *автостанция, домишка, сарайка* (строение в пункте взлёта или посадки летательного аппарата), *верёвка* (ремень безопасности), *молоко* (облачность), *пилик* 'бумажный или полиэтиленовый пакет' [СВГ, т. 7, с. 58] (гигиенический пакет) и др.; именует субъектов действия привычными словами, дифференцирующими участников полёта по половозрастным признакам: *мужик, парень, деушка, дедко* и др.

Развитие действия связано с обстоятельствами начала движения летательного аппарата (*Маленько постоели, (самолёт. — Е. И.) побежал...; Вертушка закрутилась эдак быстро, винт-от, трава под им ходит, всё, и летит*), собственно полётом (*Чёо да как, а смотрю — и оторвалисё, и летим; Летели часа, пои, два*) и завершением движения (*И — хлоп — колёсам самолёт-то побежал, сначала бойко, потом потише и встал*). Информанты детально описывают наблюдаемые объекты (*Оболоко везде, как молоко; Сверху дак какоё всё малюхонькоё!*), свои физиологические ощущения (*уши как заложило — ой!*; *Думаю: чёо вон все пилики подоставали, а как начало трясти, дак и я вся переблевалась*), действия (*Зашла, села в крёсла, привязалась верёвкой — а толку с той верёвки? Сижу; Я уж какие́ от мамы с тятёй молитвы помнила, дак всё собрала!*) и эмоции (*Ну, боязно, а охота поглядить-то, да и стыдно: сын лётчик, а мать забоялась!*). Повествователь, как правило, акцентирует внимание на динамичности происходящего (*И — хлоп — колёсам самолёт-то побежал, сначала бойко, потом потише и встал*), в качестве кульминации рассматривая переход от движения на земле собственно к полёту (*Вертушка закрутилась эдак быстро, винт-от, трава под им ходит, всё, и летит*). Этот переход

описывается как *чудесное событие*, сопровождаемое изменением внешнего вида наблюдаемых объектов (*Сверху дак какоё всё малюхонькоё!*), а также физиологического и эмоционального состояния наблюдающего полёт субъекта (*Дедко мой уж до чего доб (крепок. — Е. И.) был, а едва в портки не настял; уши как заложило — ой!*). Нередко внутри повествования появляется *чудесный помощник*: это кто-то из членов экипажа (*А мимо крёсел-то деушка ходит — кому воды, кому леденцов. Мне — видит, что я уж помирать собралась — говорит: «Баушка, не бойсё, у нас командир хорошей, нормально долетим!»*), сидящий рядом пассажир (*Мужичок с им сидел, дак говорит: «Садись, отец, ко проходу, не смотри вниз-то!»*), более опытный, технически грамотный родственник или знакомый (*Боялись девки лететь-то самолётом, дак Коля к им приходил, объяснял, как самолёт по воздуху летит — не по пустому же месту!*) и др. Развязкой становится описание приземления летательного аппарата (*И — хлоп — колёсам самолёт-то побежал, сначала бойко, потом потише и встал*), за которым следует более или менее подробное описание последующих действий прилетевшего уже на земле (*Вроде, почувствовалась, а встать не могу — забыла, что верёвкой-то привязалась! Как-то отпуталась, котомку забрала, а ноги не больно дёржат*). На фоне привычных, давно усвоенных, регламентированных действий других участников процесса (*Ну, — говорят, — полёт окончен, выходите!*; *А мимо крёсел-то деушка ходит — кому воды, кому леденцов*) рассказчик подчёркивает специфичность эмоционального состояния человека, впервые совершающего воздушный перелёт (*Смотрю: как-то все путнё сидят, один только дедко охаёт да кристициё, тожо, поди, как я, первой раз полетел*), в равной мере обращаясь к небесным покровителям (*Ну, — думаю, — Царица Небесная, уж как-то народ издит, а я чёо?; Я уж какиё от мамы с тятёй молитвы помнила, дак всё собрала!*) и прибегая к сниженной образности, в целом свойственной речевой культуре сельской повседневности (*Ну-ко, дура я, — думаю, — пожила бы ишию, а тут дак только косточки сбрыкают!*).

Необходимость реализации коммуникативных задач, которые ставит перед собой рассказчик, определяет выбор языковых средств. Обращают на себя внимание ярко выраженная акциональность (*едь, зашла, побежал, оторвались, летим, поболтало, выходите* и др.) и оценочность (*боязно, стыдно, хорошей, нормально* и др.), в том числе выраженная деривационными ресурсами (*большинской, малюхонькое, маленько* и др.), активное употребление устойчивых оборотов речи (*понеси-ко, водяной, Царица Небесная, только косточки сбрыкают* и др.), экспрессивно выразительных морфологических форм глагола и отглагольных образований (*сбрыкают, перебивалась, хлоп* и др.), образных сравнений (*оболоко, как молоко*), оли-

цетворений (*трава под им ходит*), а также средств экспрессивного синтаксиса устной речи: «Ну, — думаю, — Царица Небесная, уж как-то народ издит, а я чёо?»; уши как заложило — ой!; Зашла, села в крёсла, привязалась верёвкой — а толку с той верёвки? <...> «Ну-ко, дура я, — думаю, — пожила бы ишию, а тут дак только косточки сбрыкают!».

Рассказам диалектоносителей о перелётах воздушным транспортом, как мы смогли убедиться, свойственны антропо- и эгоцентричность (кульминационный центр повествования — переживание личного опыта полёта), событийность и образность (полёт мыслится как одно из наиболее ярких событий в жизни информанта), а также речевая типологизация, определяющая подобного рода тексты как промежуточные между бытовым и фольклорным нарративом. Так проявляются, по мнению В. Е. Гольдина специфические черты диалектного повествования, связующей основой которого выступают важнейшие категории сознания — событие и человек в событии [Гольдин, 2009, с. 3].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, система путей сообщения и транспортных средств вологодского крестьянина представляет собой динамично развивающуюся систему, вербализация представлений о которой определяется типологическими свойствами диалектной языковой картины мира: её фрагментарным, парцеллированным характером (вербализуется лишь то, что имеет непосредственный интерес для диалектоносителя), приоритетностью идей биологического выживания человека в суровых природных условиях и его социальной адаптации в сельской общине, интересом к практической стороне жизни, более длительным сохранением традиционных ценностей, ярко выраженной оценочностью и экспрессивностью [Ильина, 2022, с. 215]. Особенности этой системы зависят также от изменений социально-экономических и культурных условий жизни деревни: максимально широкий спектр транспортных средств использовался нашими информантами в 50—80-х годах XX века, изменяясь к настоящему времени в сторону приоритетности наземного, в том числе автомобильного, транспорта.

Источники и принятые сокращения

1. СВГ — *Словарь вологодских говоров* / науч. ред. Т. Г. Паникаровская. Л. Ю. Зорина. — Вологда : Вологодский государственный педагогический институт ; Вологодский государственный педагогический университет, 1983—2007. — Выпуск 1—12.
2. КСВГ — *Карточка* «Словаря вологодских говоров» (хранится в кабинете диалектологии Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета).

Литература

1. Андреева Е. П. Фразеосемантическая система режского говора на фоне общерусской фразеологии / Е. П. Андреева // Севернорусские говоры. — 2015. — № 14. — С. 167—185.
2. Андреева Е. П. Названия дорог в вологодских говорах : семантика, словообразовательные отношения / Е. П. Андреева // Русский язык в школе. — 2018. — Т. 79. — № 7. — С. 77—82. — DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-77-82.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — Москва : Наука, 1979. — С. 237—280.
4. Букринская И. А. Из опыта исследования монологической диалектной речи : фольклорные и бытовые тексты / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2014. — С. 155—164.
5. Ганичева С. А. Материалы к словарю уроженца Кирилловского района Вологодской области 2015 [Электронный ресурс] / С. А. Ганичева. — Режим доступа : // <https://isign.vogu35.ru/dict/index.htm> (дата обращения 21.09.2022).
6. Ганичева С. А. Болота в мировосприятии вологодского крестьянина / С. А. Ганичева, А. Б. Крылова // Успехи современного естествознания. — 2011. — № 7. — С. 22—23.
7. Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения / В. Е. Гольдин // Аванесовский сборник. — Москва : Наука, 2002. — С. 58—64.
8. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе / В. Е. Гольдин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2009. — № 1. — С. 3—7.
9. Драчева Ю. Н. Структурно-семантические особенности наречий в современных вологодских говорах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. Н. Драчева. — Вологда, 2011. — 274 с.
10. Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры : монография / Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВоГУ, 2012. — 216 с. — ISBN 978-5-87822-494-9.
11. Зубова Н. Н. Языковая личность жительницы Русского Севера : опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. Н. Зубова. — Вологда, 2017. — 206 с.
12. Ильин А. П. “Малая авиация” Вологодской области : история, значение для обеспечения безопасности / А. П. Ильин, А. А. Морозова // Системы обеспечения техносферной безопасности : Материалы V Всероссийской конференции и школы для молодых ученых (с международным участием). — Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2018. — С. 33—35.
13. Ильина Е. Н. Рукописный архив В. А. Морозова как лингвистический источник / Е. Н. Ильина // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы международной конференции. — Москва : ИРЯ РАН, 2018. — С. 108—110.
14. Ильина Е. Н. Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография / Е. Н. Ильина, Т. Г. Комиссарова. — Вологда : ВоГУ, 2019. — Часть II. Детство. — 176 с. (а). — ISBN 978-5-87851-858-1.
15. Ильина Е. Н. Транспорт и пути сообщения в борбушинском говоре / Е. Н. Ильина // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28. — № 2. — С. 212—216. — DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-2-212-216.

16. *Картышева М. С.* Архангельские пути-дороги / М. С. Картышева // Севернорусские говоры / отв. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012. — Выпуск 12. — С. 64—83. — ISBN 5-288-02887-7.
17. *Кирилова Е. А.* Структура сложных слов в современных вологодских говорах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Кирилова. — Вологда : ВГПУ, 2008. — 203 с.
18. *Китайгородская М. В.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект : монография / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Русские словари, 1999. — 396 с. — ISBN 5-93259-005-X.
19. *Мир* вологодского крестьянина в зеркале родной речи : сборник научных статей / гл. ред. Г. В. Судаков. — Вологда : Русь, 2004. — 95 с.
20. *Народная* речь Вологодского края : материалы по русской диалектологии : монография. — Вологда : Легия, 2012. — 100 с.
21. *Народная* речь Вологодского края : между прошлым и будущим: монография / гл. ред. Е. Н. Ильина. — Вологда : ВоГУ, 2015. — 256 с.
22. *Народная* речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета : монография / Н. А. Волкова, С. А. Ганичева, А. В. Загуменнов, Е. Н. Ильина, М. Г. Мельникова. — Вологда : ВоГУ ; Череповец : ЧГУ, 2017. — 232 с.
23. *Программа* собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров : в 2 ч. / под ред. И. А. Попова. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 1994. — ISBN 5-88014-002-4.
24. *Режские* тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта : монография / гл. ред. Л. Ю. Зорина. — Вологда : ВоГУ, 2016. — 261 с. — ISBN 978-5-905-611-14-8.
25. *Цивьян Т. В.* Мифологическое программирование повседневной жизни / Т. В. Цивьян // Этнические стереотипы поведения : Сборник статей / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / Под ред. А. К. Байбурина. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1985. — С. 154—178.
26. *Черванева В. А.* Речевые жанры мифологического текста : субжанр личной интерпретации / В. А. Черванева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. — 2007. — С. 76—78.
27. *Яцкевич Л. Г.* Очерки морфологии вологодских говоров : монография / Л. Г. Яцкевич. — Вологда : ВГПУ, 2013. — 244 с. — ISBN 978-5-87822-533-5.
28. *Яшин А. Я.* Вологодская свадьба / А. Я. Яшин // Новый мир. — 1962. — № 12. — С. 3—26.

Material resources

Card file "Dictionary of Vologda dialects" (stored in the office of Dialectology of the Institute of Social Sciences and Humanities of Vologda State University). (In Russ.).
Dictionary of Vologda dialects, 1—12. (1983—2007). Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University. (In Russ.).

References

Andreeva, E. P. (2015). Phraseosemantic system of the Polish dialect against the background of all-Russian phraseology. *Northern Russian dialects*, 14: 167—185. (In Russ.).

- Andreeva, E. P. (2018). Names of roads in Vologda dialects: semantics, word-formation relations. *Russian language at school*, 79 (7): 77—82. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-77-82. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1979). The problem of speech genres. In: *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Nauka. 237—280. (In Russ.).
- Bukrinskaya, I. A., Karmakova, O. E. (2014). From the experience of monological dialect speech research: folklore and everyday texts. In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2014*. St. Petersburg: OR RAS. 155—164. (In Russ.).
- Chervaneva, V. A. (2007). Speech genres of mythological text: a subgenre of personal interpretation. *Bulletin of the Voronezh State University. Ser. Philology. Journalism*. 76—78. (In Russ.).
- Dracheva, Yu. N. (2011). *Structural and semantic features of adverbs in modern Vologda dialects*. PhD Diss. Vologda. 274 p. (In Russ.).
- Folk speech of the Vologda Region: the experience of male speech portrait: monograph*. (2017). Vologda: VSU; Cherepovets: ChSU. 232 p. (In Russ.).
- Ganicheva, S. A. *Materials for the dictionary a native of the Kirillovsky district of the Vologda region 2015*. Available at: // <https://isign.vogu35.ru/dict/index.htm> (accessed 21.09.2022). (In Russ.).
- Ganicheva, S. A., Krylova, A. B. (2011). Bogs in the worldview of the Vologda peasant. *Successes of modern natural science*, 7: 22—23. (In Russ.).
- Goldin, V. E. (2002). Dominants of traditional rural culture of speech communication. In: *Avanesovsky collection*. Moscow: Nauka. 58—64. (In Russ.).
- Goldin, V. E. (2009). Narration in dialect discourse. *Bulletin of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, 1: 3—7. (In Russ.).
- Ilyin, A. P., Morozova, A. A. (2018). “Small aviation” Vologda region: history, importance for security. In: *Technosphere security systems: Materials of the V All-Russian Conference and School for Young Scientists (with international participation)*. Rostov-on-Don: Southern Federal University. 33—35. (In Russ.).
- Ilyina, E. N. (2018). Morozov’s manuscript archive as a linguistic source. In: *Actual problems of Russian dialectology: materials of the international conference*. Moscow: IRYA RAS. 108—110. (In Russ.).
- Ilyina, E. N. (2022). Transport and communication routes in the Borbushinsky dialect. *Bulletin of Kostroma State University*, 28 (2): 212—216. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-2-212-216. (In Russ.).
- Ilyina, E. N., Komissarova, T. G. (2019). *The linguistic picture of the Vologda peasant’s world: a monograph, II. Childhood*. Vologda: VSU. 176 p. (a). ISBN 978-5-87851-858-1. (In Russ.).
- Kartysheva, M. S. (2012). Arkhangelsk ways-roads. In: *Northern Russian dialects*, 12. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 64—83. ISBN 5-288-02887-7. (In Russ.).
- Kirilova, E. A. (2008). *The structure of compound words in modern Vologda dialects*. PhD Diss. Vologda: VSPU. 203 p. (In Russ.).
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1999). *Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect: monograph*. Moscow: Russian Dictionaries. 396 p. ISBN 5-93259-005-X. (In Russ.).
- Russian texts as a source of ethnolinguistic description of the Northern Russian dialect: monograph. (2016). Vologda: VSU. 261 p. ISBN 978-5-905-611-14-8. (In Russ.).



- The world of the Vologda peasant in the mirror of native speech: a collection of scientific articles.* (2004). Vologda: Rus. 95 p. (In Russ.).
- The folk speech of the Vologda Region: materials on Russian dialectology: monograph.* (2012). Vologda: Legia. 100 p. (In Russ.).
- The people's speech of the Vologda Region: between the past and the future: monograph.* (2015). Vologda: VSU. 256 p. (In Russ.).
- The program of collecting information for the Lexical atlas of Russian folk dialects: in 2 hours.* (1994). St. Petersburg: ILI RAS. ISBN 5-88014-002-4. (In Russ.).
- Tsivyan, T. V. (1985). Mythological programming of everyday life. In: *Ethnic stereotypes of behavior: Collection of articles / USSR Academy of Sciences. Institute of Ethnography named after N. N. Miklukho-Maklay.* Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 154—178. (In Russ.).
- Yashin, A. Ya. (1962). Vologda wedding. *Novy Mir*, 12: 3—26. (In Russ.).
- Yatskevich, L. G. (2013). *Essays on the morphology of Vologda dialects: monograph.* Vologda: VSPU. 244 p. ISBN 978-5-87822-533-5. (In Russ.).
- Zorina, L. Y. (2012). *Vologda dialect benevolence in the context of traditional folk culture: monograph.* Vologda: VSU. 216 p. ISBN 978-5-87822-494-9. (In Russ.).
- Zubova, N. N. (2017). *Linguistic personality of a resident of the Russian North: the experience of verbal-semantic, linguocognitive and pragmatic description.* PhD Diss. Vologda. 206 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.12.2022,
одобрена после рецензирования 03.01.2023,
подготовлена к публикации 20.01.2023.



Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Киндеркнехт А. С. Конфликт в исследованиях по лингвистике / А. С. Киндеркнехт // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 45—68. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-45-68.

Kinderknekht, A. S. (2023). Conflict in Linguistic Researches. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 45-68. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-45-68. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-45-68

Конфликт в исследованиях по лингвистике

Киндеркнехт Анна Сергеевна
orcid.org/0000-0002-4597-9297
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков
a_kinderknecht@mail.ru

Пермский государственный
аграрно-технологический университет
имени академика Д. Н. Прянишникова
(Пермь, Россия)

Conflict in Linguistic Researches

Anna S. Kinderknekht
orcid.org/0000-0002-4597-9297
PhD in Philology, associate professor,
Department of Foreign Languages
a_kinderknecht@mail.ru

Perm State Agro-Technological
University named after Academician
D. N. Pryanishnikov
(Perm, Russia)

© Киндеркнехт А. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается обзор отечественных публикаций по конфликтологии в области лингвистики. Проводится количественный анализ лингвистических работ по проблеме конфликта с 1990 по 2022 годы. Оцениваются лингвистические особенности изучения конфликта в диссертационных исследованиях, монографиях, статьях и учебных пособиях. Ведущие методы исследования: библиометрический анализ, публикационный метод, классификационный метод. Актуальность исследования связана с объективной потребностью осмысления конфликтов в разных областях научного знания, а также необходимостью изучения вклада филологических наук в развитие современной конфликтологии. Мониторинг лингвистических работ по конфликту показывает, что лингвистика начинает занимать прочное место в теории конфликтологии. Анализ библиографической информации позволяет охарактеризовать основные направления исследования проблемы конфликта в лингвистике: противоречия в языке и речи, конфликт языковых норм, понятийная сущность феномена конфликта, вербализация концепта КОНФЛИКТ, объективация конфликтов реальности в текстах, языковые маркеры конфликтного потенциала, деструктивные практики конфликта, пути оптимизации общения, правовое измерение лингвистического конфликта, лингвистические способы предотвращения конфликтов. В статье представлена авторская диверсификация лингвистических работ по типам конфликта.

Ключевые слова:

лингвистика; конфликт; конфликтология; обзор; отечественные публикации; диссертации; исследования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An overview of domestic publications on conflictology in the field of linguistics is provided in the article. A quantitative analysis of linguistic works on the problem of conflict from 1990 to 2022 is carried out. The linguistic features of the study of conflict in dissertations, monographs, articles and textbooks are evaluated. Leading research methods: bibliometric analysis, publication method, classification method. The relevance of the study is related to the objective need to understand conflicts in different areas of scientific knowledge, as well as the need to study the contribution of the philological sciences to the development of modern conflictology. Monitoring of linguistic works on conflict shows that linguistics is beginning to take a strong place in the theory of conflictology. The analysis of bibliographic information allows us to characterize the main directions of the problem of conflict study in linguistics: contradictions in language and speech, conflict of language norms, conceptual essence of the conflict phenomenon, verbalization of the concept CONFLICT, objectification of reality conflicts in texts, language markers of conflict potential, destructive practices of conflict, ways of communication optimization, legal dimension of linguistic conflict, linguistic ways of conflict prevention. The author's diversification of linguistic works by types of conflict is presented in the article.

Key words:

linguistics; conflict; conflictology; review; domestic publications; dissertations; research.

Конфликт в исследованиях по лингвистике

© Киндеркнехт А. С., 2023

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия в филологических исследованиях появляется большое количество публикаций, затрагивающих теорию конфликта. Как отмечает Н. И. Леонов, «в настоящее время потребность в научном исследовании конфликтов стала очевидной, так как закончился этап игнорирования, замалчивания или негативного отношения к конфликту» [Леонов, 2002, с. 27]. У. И. Рогова пишет, что специфика и универсальность конфликтологии как междисциплинарной науки «позволяет рассматривать ее аспекты на разных уровнях, в разных формах, с разной степенью погружения, в разных областях применения конфликтологического анализа» [Рогова, 2009, с. 108].

Как следует из общего анализа отечественных публикаций по проблеме конфликта, проведенного в широком спектре разных научных дисциплин за период около 70 лет и опубликованного в последнем десятилетии XX века [Анцупов, 2008], филология — это одно из научных направлений, исследующих конфликт, однако в статистике наук пока нет сведений о количестве собственно филологических исследований в конфликтологии. Филология объединяется с искусствоведением и как отдельная дисциплина в конфликтологии не рассматривается [Анцупов, 2008, с. 30—31, 77]. Очевидно, что в настоящее время библиографическая картина поменялась, и сегодня с полным правом можно говорить о весомом вкладе филологических наук в развитие конфликтологии.

Лингвистика — одна из филологических дисциплин, изучающих конфликт. В. А. Маслова пишет, что «интерес большинства ученых теперь привлекает не сам по себе язык в отрыве от его носителя и от реальной жизни, а то, как в языке отражаются общечеловеческие, национально-культурные и индивидуальные свойства говорящего; как язык функционирует в процессе каждодневного общения; какую роль он играет в общественной жизни» [Маслова, 2008, с. 15]. Конфликты же «возникают главным образом при социальном взаимодействии» [Анцупов, 2008, с. 75], часто в общении, не без использования языка. Таким образом, лингвистика начинает занимать более прочное место в теории конфликтологии, а накопление научного знания о конфликтах в отечественных лингвистических работах и изучение их диверсификации становится актуальным направлением научного исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель настоящей статьи — обзор отечественных лингвистических работ, затрагивающих проблему конфликта, который бы позволил дополнить статистику конфликтологических исследований в междисциплинарном рассмотрении. Материалом исследования послужили публикации с сайта Elibrary.ru, а также работы из электронной библиотеки и электронного каталога Российской государственной библиотеки. Объектом анализа стали в основном диссертационные исследования и монографии. Общий обзор лингвистических работ затронул исследования, написанные с 1990 по 2022 годы.

Используемые методы исследования: библиометрический анализ для статистического исследования массива научной информации в филологических исследованиях, публикационный метод для оценивания лингвистической специфики конфликтологических работ, классификационный метод для систематизации анализируемых лингвистических исследований по конфликту и для идентификации типов конфликтов, описываемых в лингвистике.

В ходе обзора намеренно не принимались во внимание источники, в которых конфликт выступал как предмет, описываемый лингвистическими средствами (описание военных действий, роль СМИ в каком-либо конфликте, исследования на материале конфликтов). Обращалось преимущественное внимание на работы, в которых само название отражало понятие, стоящее за словом *конфликт*, а также связанные с ним и / или сопутствующие ключевые слова: *контраст*, *противоречие*, *противопоставление*, *оппозиция*, *барьер*, *конкуренция*, *конфронтация*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предварительный анализ публикаций по проблеме конфликта

С опорой на опыт общего анализа публикаций по проблеме конфликта в 2016 году было осуществлено количественное исследование отечественных публикаций по конфликтологии в области лингвистики [Киндеркнехт, 2016]. Данный предварительный анализ был необходим для понимания роли современной лингвистики в становлении и развитии отечественной конфликтологии. Было, к примеру, выяснено, что за период с 1990 по 2014 годы теория конфликта в лингвистике оформляется в кандидатских и докторских диссертациях по филологическим наукам: 34 исследования с 2003 по 2014 годы, из них 29 — кандидатские диссертации, 5 — докторские диссертации. В выборке 2016 года обнаружено 8 монографий по конфликтологии [Белоус, 2007; Кошкарлова, 2009; Кошкарлова, 2013; Непкушева, 2006 а; Сейранян, 2012; Сорокин, 2009; Тангир, 2007 а; Третьякова,

2009]. Выявлено также, что существенный вклад в развитие конфликтологии вносят сборники статей и учебные пособия, непосредственно посвященные проблеме конфликта [Конфликт в языке ..., 2011; Логический анализ языка ..., 1990; Язык и конфликт ..., 2014; Языки соседей ..., 2011]. Проведенное в 2016 году исследование [Киндеркнехт, 2016] позволило утверждать, что количество отечественных публикаций по конфликтологии увеличивается, и это свидетельствует об интересе отечественной лингвистики к вопросам конфликтологии. Это существенно изменяет представление о статистике научных исследований в конфликтологии.

В настоящее время лингвистические исследования по конфликту продолжаются. Самый поверхностный анализ опубликованных трудов по конфликту с 2015 по 2022 годы (показатель на декабрь 2022 года) демонстрирует по сравнению с предыдущим периодом (1990—2014 годы) появление большего числа диссертаций и монографий.

Если рассматривать докторские диссертации, то мы увидим за последние 8 лет увеличение количественного показателя в два раза: 1990—2014 годы — 4 [Белоус, 2008; Непкушева, 2006 б; Тангир, 2007 б; Третьякова, 2003]; 2015—2022 годы — 8 [Алешина, 2022; Богинская, 2020; Кошкарлова, 2015; Мартынова, 2017; Романов, 2021; Сейранян, 2016; Тамразова, 2021; Хроменков, 2017]. Об интенсивности научных исследований по конфликту свидетельствует выпуск монографий, в которых лингвистика и конфликтология соотносятся в той или иной степени [Алешина, 2015; Боева-Омелечко и др., 2020; Василенко, 2022; Вербальная коммуникация..., 2018; Комалова, 2016; Непкушева, 2015; Новгородова, 2021; Плотникова, 2017], издаются учебные пособия, затрагивающие вопросы конфликтологического знания [Ахметгареева и др., 2022; Михайлова и др., 2022; Рычкова, 2019; Сондерс, 2019].

3.2. Лингвистическая специфика исследования проблемы конфликта

Анализ библиографической информации позволяет нам охарактеризовать лингвистическую специфику исследования проблемы конфликта как компонента научного знания в междисциплинарных конфликтологических работах.

В лингвистике прежде всего затрагиваются *аспекты конфликтности в единицах языка*. Отмечается, что противоречивость, конфликтность, парадоксальность — это «непременное условие развития языка, стимулирующее динамичность процессов языковых преобразований» [Тангир, 2007 б, с. 4]. Например, исследуется семантический конфликт видо-временных значений в сложноподчиненном предложении с придаточным времени [Эрдынеева, 2004], изучаются слова с конфликтом этимологического и денотативного значения [Петеленкова, 2004].

Исследуя противоречия в языке и в речи, Б. Т. Ганеев пишет: «Вследствие одновременной жесткости и гибкости языка в нем неизбежно появляются противоположные значения и созначения в одной языковой единице. Неустойчивость языка — залог его устойчивости» [Ганеев, 2004, с. 5]. Помимо речевых противоречий, исследователь выделяет лексические и фразеологические, системные грамматические и категориальные грамматические противоречия, отмечая, что противоречия — суть отражения внутреннего и внешнего мира человека [Ганеев, 2004].

Конфликтологическое направление в лингвистике обнаруживает себя в изучении *конфликта языковых норм*. «Нормирование языка нередко становится источником языковых конфликтов», — пишет В. М. Алпатов, продолжая: «Можно выделить по крайней мере четыре их вида: конфликт между нормой и отсутствием ее, конфликт старой и новой норм, конфликт сосуществующих официальных норм и конфликт официальных и стихийных норм» [Алпатов, 2011, с. 227].

Одним из основных направлений лингвистического исследования конфликта является изучение *понятийной сущности феномена конфликта и различных вербализаций концепта КОНФЛИКТ* [Анисимова, 2004; Бараева, 2009; Бородько, 2012; Ермолаева, 2005; Цыцаркина, 2012, Юсупова, 2018].

В диссертационных исследованиях начала XX века проводится также лингвокогнитивное описание *национальной специфики содержания и структуры концептов, семантически связанных с конфликтной тематикой*: СПОР [Горбачева, 2006], БОРЬБА [Тихонова, 2005], НАСИЛИЕ [Газизулина, 2013], ВРАЖДА [Балабас, 2010; Лунцова, 2007], ВОЙНА [Пасечникова, 2009], ОСКОРБЛЕНИЕ [Кусов, 2004] и т. п.

Проблема конфликта так или иначе освещается в лингвокогнитивных и лингвокультурных исследованиях, посвященных *ментальным и культурно значимым единствам, находящимся на другом полюсе концептуального явления, объективируемого в конфликтных ситуациях разного рода*. К примеру, важную роль в осмыслении лингвокультурных особенностей конфликта играют исследования концептуального поля ВЕЖЛИВОСТИ [Богданова, 2011; Газизов, 2011; Зацепина, 2007; Остякова, 2013; Савойская, 2005; Соловьева, 2000; Уманец, 2004; Фурменкова, 2005] и ТОЛЕРАНТНОСТИ / ТЕРПЕНИЯ / ТЕРПИМОСТИ [Аболин, 2009; Богатырева, 2009; Долгова, 2006; Мидова, 2012; Неровная, 2009; Растатуева, 2008; Сумина, 2007; Шамсутдинова, 2006]. Данное направление объективируется в большом числе публикаций, посвященных оптимизации общения в противовес деструктивным практикам конфликта.

Конфликт исследуется в *формулах и текстах, отражающих конфликты реальности*: в антиномичных афоризмах [Тангир, 2007 б], конфлик-

тосодержащих афоризмах и паремиях [Никтовенко, 2015], в текстах статей и фрагментах разного рода текстов, содержащих языковые маркеры конфликтного потенциала: [Дадян, 2012; Ермолаева, 2005; Краснова, 2015; Ларина, 2014; Макаренко, 2018; Матвеева, 2004; Меркулова, 2013; Рудов, 2005; Черемохина, 2015].

Изначально исследуемый в социологии и психологии, конфликт становится одним из объектов лингвистики, так как «вне зависимости от того, какой аспект (социальный или психологический) интересует того или иного исследователя конфликта, в конечном итоге речь становится одним из самых надежных индикаторов конфликтного поведения человека или группы людей» [Полканова, 2010, с. 200]. Развивается такое направление коммуникативной лингвистики, как *лингвоконфликтология*, или *лингвистическая конфликтология*, в центре которого находится «понятие **речевого (языкового, коммуникативного** — в различной терминологии) **конфликта** — явления, маркирующего отрицательное поле коммуникативного взаимодействия» [Голев и др., 2014, с. 279].

В лингвоконфликтологии, как отмечает Е. С. Кара-Мурза, «особым объектом исследования стала коммуникативная ипостась конфликта как “кванта” деструктивного общения в разных сферах профессиональной деятельности: в педагогике и торговле, менеджменте и в юриспруденции, масс медиа, и особенно там, где речевая активность регулируется законодательно» [Кара-Мурза, 2014, с. 57—58]. Правовое измерение лингвистического конфликта находит отражение в «юридизации естественного языка как ядра социальной коммуникации» [Голев, 2008, с. 136].

Представленная классификация, которая, безусловно, может быть дополнена с привлечением дополнительного материала, уже сейчас позволяет увидеть диверсифицированность исследований лингвистического компонента научного знания в конфликтологии.

3.3. Типы конфликтов в лингвистических исследованиях

Аксиоматичными для конфликтологии как самостоятельной науки являются характеристики типов конфликтов, которые отражаются в работах по лингвистике: внутриличностный и межличностный конфликты, конфликт между человеком и группой, межгрупповой конфликт.

Лингвистика *внутриличностного конфликта* комплексно описывается в диссертационной работе Т. С. Непкушевой: исследовательница выделяет ведущие причины внутриличностного конфликта как рассогласования внешних и внутренних характеристик личности и выявляет конфликтогены и синтоны, выраженные языковыми единицами различных уровней и служащие коммуникативными маркерами конфликтности и толерантности личности, детально разбирая лингвокогнитивные и лингвопрагматические

экспликатеры внутриличностного конфликта, вербальные и невербальные средства, репрезентирующие конфликт [Непкушева, 2006 б]. Внутриличностный конфликт исследуется отдельно в рамках когнитивного конфликта как его разновидности, «содержащей в себе феномен когнитивного диссонанса и основывающейся на противоречивых представлениях человека о мире, языке и пользования языком, на столкновении эмоциональной и рациональной когнитивных систем человека в процессе оценивания внешней речи адресата и адресанта» [Нечаева, 2015, с. 2].

Межличностные конфликты изучаются в целом ряде работ, посвященных вопросам речевой коммуникации. Собственно конфликт «может возникнуть только на базе коммуникативного контакта» [Третьякова, 2000, с. 127]. Здесь исследуются коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации, речевые механизмы конфликтов [Вознесенская, 2010; Волкова, 2009; Гулакова, 2004; Ершова, 2013; Каразия, 2013; Комалова, 2016; Мулькеева, 2005; Муравьева, 2002; Плотникова, 2017; Сейранян, 2012; Сейранян, 2016].

Н. А. Каразия пишет, что «конфликтному речевому взаимодействию свойственны такие особенности, как вербальная агрессия, отрицательная оценочность, эмоциональность, проявление угрозы “лицу” участников общения» [Каразия, 2004, с. 10]. Речевая агрессия — это отдельное направление конфликтологических исследований. Объем настоящей статьи не позволяет подробно рассмотреть все научные исследования речевой агрессии, между тем уже один список работ, в названии которых содержится ключевое словосочетание *речевая агрессия*, может быть весьма внушительным, что свидетельствует об интересе к изучению агрессии в лингвистике.

Продолжая тему межличностных конфликтов, следует процитировать Т. С. Третьякову, которая пишет, что для лингвиста «важнейшей задачей является установление отрицательного денотативного пространства речевого общения и факторов, обуславливающих зарождение, развитие и разрешение речевого конфликта» [Третьякова, 2010, с. 142]. А. Т. Анисимова отмечает, что объективное присутствие конфликта в психике человека оказывает определенное влияние на организацию его дискурсивной деятельности, и современная лингвистика на данном этапе своего развития может предложить свои методы изучения этого явления, и, следовательно, помочь избежать его деструктивных последствий [Анисимова, 2004]. Так, в рамках лингвистического направления конфликтологических исследований отдельно изучаются речевые способы преодоления конфликтов, способы гармонизации общения [Иванова, 2010; Ручкина, 2009; Сейранян, 2012; Сорокин, 2009], исследуются возможности мониторинга и прогнозирования конфликтов по различным конфликтогенам [Хроменков, 2017].

Конфликт между человеком и группой — объект исследования работ, посвященных конфликтному дискурсу. Соотнесение дискурсо-ориентированных работ с данным типом конфликта может быть обосновано принадлежностью отдельного коммуниканта определенному дискурсу, «социальной практике, как речевой деятельности, включающей лингвистические и экстралингвистические аспекты» [Шустова, 2019, с. 49]. Н. А. Белоус пишет: «Конфликтная коммуникация является системно организованной: последовательные интерактивные проявления говорящего и слушающего в виде совокупности дискурсивных практик основываются на определенных правилах» [Белоус, 2008, с. 10].

М. Ю. Сейранян рассматривает конфликтный дискурс в широкой трактовке как «практику» конфликтного взаимодействия, которая включает весь предшествующий актуальному дискурсу и последующий за ним коммуникативный опыт участников дискурса, а в узкой трактовке, в рамках речевой коммуникации, соотносит конфликтный дискурс с «коммуникативным действием, актом коммуникации, характерным для любой сферы деятельности человека» [Сейранян, 2016, с. 3—4]. Коммуникативный конфликт, как пишет М. Ю. Сейранян, «закреплен за типовыми сценариями речевой коммуникации, скриптами, концептами, существование которых обусловлено социальным опытом и правилами речевого поведения, установленными в данном лингвокультурном сообществе» [Сейранян, 2016, с. 12]. Согласно Н. Н. Кошкаровой, конфликтный дискурс — это «деструктивная деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание конфликтного поведения коммуникантов» [Кошкарлова, 2015, с. 8].

Следует сделать специальную оговорку относительно распределения конфликтологических исследований в лингвистике по типам изучаемых конфликтов — такое деление на типы конфликтов весьма условно, прежде всего в силу того, что, как отмечает М. Ю. Сейранян, «конфликтный дискурс лабилен, то есть допускает свободу интерпретации, наличие амбивалентных стратегий и тактик, истинный статус которых определяется по реакции адресата» [Сейранян, 2016, с. 11], а также в связи с особенностями речепорождения в конфликте (см., например, [Ларина, 2014]) и перетеканием одного типа лингвистического конфликта в другой. Так, например, конфликтный дискурс — это, по словам Н. Н. Кошкарловой, форма межличностного, межгруппового и межкультурного взаимодействия [Кошкарлова, 2015], а в основе конфликтного дискурса нередко лежит конфликт когнитивный [Гюрджян, 2008; Хилалова, 2004]. Упомянем также такую форму

лингвистического конфликта, как конфликт интерпретаций, сложно соотносимую с какой-либо из групп. Здесь присутствуют имманентная конфликтная сущность самого текста, есть возможность когнитивного диссонанса адресата, читающего текст, содержится потенциал межличностного конфликта и других типов конфликта в зависимости от вида текста / текстов, числа авторов и числа читателей. Многоаспектность подобного рода демонстрируется в работах Н. В. Обелюнас [Обелюнас, 2012] и Е. В. Новгородовой [Новгородова, 2021].

Выделение в лингвистике исследований, посвященных *межгрупповым конфликтам*, также весьма условно в связи с тем, что группа представлена, как правило, типовой языковой личностью. Так, анализ конфликтного взаимодействия групп с лингвистической стороны неизбежно базируется на концепциях межличностного общения и взаимодействия человека и группы. Если в диссертационной работе Д. А. Черемохиной «Когнитивно-прагматические факторы междискурсного конфликта (дискурс власти и дискурс В. С. Высоцкого)» [Черемохина, 2015] одна из сторон конфликта репрезентирована конкретным *homo loquens*, вследствие чего данную работу мы могли бы однозначно отнести к лингвистическим исследованиям конфликта между человеком и группой, то в других дискурсных исследованиях группа представлена типом языковой личности.

Межгрупповые конфликты в лингвистических работах исследуются как отражение в языке и речи особенностей взаимодействия разных групп внутри одной культуры, например: [Антонова, 2018; Ляшенко, 2003; Ульянова, 2015; Хроменков, 2017]. Межгрупповым конфликтам посвящены также работы, в которых исследуются языковые и речевые взаимодействия в межкультурном пространстве, в рамках межэтнических, межнациональных отношений. Примечательно в этой связи формирование и развитие миграционной лингвистики, в задачи которой входит, среди прочего, характеристика не только положительных, но и отрицательных сторон мобильности этносов в лингвистическом аспекте, анализируются причины языковой агрессии со стороны титульной нации и мигрантов, «моделируются процессы ослабления речевой конфликтности» [Шустова, 2018, с. 117—118].

4. Заключение = Conclusions

Итак, активность конфликтологических исследований в лингвистике неоспорима. Мониторинг отечественных публикаций по проблеме конфликта в лингвистической области за период с 1990 по 2022 годы показывает, что лингвистика начинает занимать более прочное место в теории конфликтологии, а накопление научного знания о конфликтах в отече-

ственных лингвистических работах и изучение диверсификации лингвистических исследований по конфликту может дополнить существующую статистику работ в конфликтологии.

Библиометрический анализ конфликтологических исследований в массе лингвистических работ с 1990 по 2022 годы позволил выявить и описать основные темы в оценке лингвистической специфики конфликтологических исследований. К основным направлениям лингвистических исследований в конфликтологическом русле относятся следующие: изучение категории противоречивости в языке и речи, исследование вопросов нормирования языка, изучение понятийной сущности феномена конфликта и вопросов объективации концепта «конфликт» и смежных с ним концептов, анализ формул и текстов, отражающих конфликты реальности, в том числе текстов, содержащих языковые маркеры конфликтного потенциала, изучение деструктивных практик конфликта и поиск путей оптимизации общения, рассмотрение вопросов правового измерения лингвистического конфликта.

В ходе обзора лингвистических работ по конфликту была принята за основу традиционная для конфликтологии типология конфликтов, которая в каждой из смежных с конфликтологией наук по-своему конкретизируется. В лингвистической призме описания внутриличностного и межличностного конфликтов, конфликта между человеком и группой, а также межгруппового конфликта обнаружили ведущие причины конфликтного общения и специфические черты речевой деятельности участников конфликтного взаимодействия.

Перспективой настоящей работы является изучение зарубежных лингвистических исследований в области конфликтологии и сравнение их с отечественными направлениями исследований. Теоретическим продолжением обзора может стать анализ научных школ, интересы которых находятся на стыке конфликтологии и лингвистики. Дальнейшее изучение роли современной лингвистики в становлении и развитии отечественной конфликтологии весьма перспективно для решения вопросов гармонизации общения как внутри одной культуры, так и в рамках межкультурных и межнациональных отношений.

Литература

1. Аболин Б. И. Концепт «толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Б. И. Аболин. — Екатеринбург, 2009. — 229 с.
2. Алешина Е. Ю. Публичное политическое выступление в конфликтной ситуации (на материале английского языка) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Е. Ю. Алешина. — Москва, 2022. — 351 с.

3. *Алпатов В. М.* Норма языка и конфликт норм в Японии / В. М. Алпатов // Конфликт в языке и коммуникации : сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. — Москва : РГГУ, 2011. — С. 227—240. — ISBN 978-5-7281-1195-5.
4. *Алёшина Е. Ю.* Публичный политический дискурс конфликтной ситуации / Е. Ю. Алёшина. — Москва : Прометей, 2015. — 220 с. — ISBN 978-5-9907453-5-3.
5. *Анисимова А. Т.* Лингвистические проекции конфликта (дескриптивный аспект) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Т. Анисимова. — Краснодар, 2004. — 212 с.
6. *Антонова Т. Г.* Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе : факторы и аспекты вариативности : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. Г. Антонова. — Томск, 2018. — 330 с.
7. *Анцупов А. Я.* Конфликтология : учебник для вузов. 3-е изд. / А. Я. Анцупов, А. И. Шпилов. — Санкт-Петербург : Питер, 2008. — 496 с. — ISBN 978-5-496-01605-6.
8. *Ахметгареева О. Ф.* Основы лингвоконфликтологии : учебное пособие / О. Ф. Ахметгареева, Н. А. Сидорова. — Москва : Издательство «Наука сегодня», 2022. — 102 с. — ISBN 978-5-6045147-1-9.
9. *Балабас Н. Н.* Концепты «amitié» (дружба) и «hostilité» (вражда) во французском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Н. Н. Балабас. — Москва, 2010. — 153 с.
10. *Бараева О. Г.* Концептуализация понятия «конфликт» в русской национальной картине мира второй половины XX в. — начала XXI в. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. Г. Бараева. — Краснодар, 2009. — 26 с.
11. *Белоус Н. А.* Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве : семантические и прагматические аспекты : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Н. А. Белоус. — Краснодар, 2008. — 50 с.
12. *Белоус Н. А.* Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве / Н. А. Белоус. — Москва : Институт языкознания РАН, 2007. — 246 с. — ISBN 978-5-88866-294-6.
13. *Богатырева С. Н.* Диахронический аспект концепта «толерантность» в разных лингвокультурах (на материале испанского и русского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / С. Н. Богатырева. — Пятигорск, 2009. — 213 с.
14. *Богданова А. Г.* Сопоставительный анализ структур и способов вербализации концептов «вежливость» и «Höflichkeit» в русской и немецкой языковых картинах мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. Г. Богданова. — Новосибирск, 2011. — 168 с.
15. *Богинская О. А.* Теория дискурсивного взаимодействия в условиях асимметрии знания и власти : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / О. А. Богинская. — Майкоп, 2020. — 383 с.
16. *Боева-Омелечко Н. Б.* Средства деинтенсификации конфликта в современном английском языке : монография / Н. Б. Боева-Омелечко, Я. А. Садовникова. — Ростов-на-Дону : Таганрог : Южный федеральный университет, 2020. — 130 с. — ISBN 978-5-9275-3525-5.
17. *Бородько Д. А.* Репрезентация концепта «вооруженный конфликт» в немецкоязычном дискурсе (на материале новостного интернет-дискурса) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Д. А. Бородько. — Пятигорск, 2012. — 24 с.
18. *Василенко Е. Н.* Конфликт ценностей в интернет-коммуникации : когнитивный и прагмалингвистический аспекты : монография / Е. Н. Василенко. — Могилёв : Могилёвский государственный университет, 2019. — 120 с. — ISBN 978-5-906255-10-0.

левский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2022. — 236 с. — ISBN 978-985-568-911-0.

19. *Вербальная коммуникация : контакты и конфликты* / Н. П. Пешкова, А. А. Анищенко, Д. Р. Гилязова, А. С. Титлова ; Под общ. ред. Н. П. Пешковой. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2018. — 212 с. — ISBN 978-5-7477-4789-0.

20. *Вознесенская Ю. В.* Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации : на материале парламентских дебатов в Бундестаге : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Ю. В. Вознесенская. — Санкт-Петербург, 2010. — 186 с.

21. *Волкова О. С.* Прагмалингвистические особенностимежличностного общения в коммуникативной ситуации «бытовой конфликт» (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / О. С. Волкова. — Волгоград, 2009. — 188 с.

22. *Газизов Р. А.* Коммуниативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Р. А. Газизов. — Уфа, 2011. — 395 с.

23. *Газизулина Л. Р.* Реализация концептов «насилие» и «violence» в дидактических текстах школьной литературы (на материале русского языка и американского варианта английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Л. Р. Газизулина. — Казань, 2013. — 215 с.

24. *Ганеев Б. Т.* Противоречия в языке и речи : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Б. Т. Ганеев. — Уфа, 2004. — 39 с.

25. *Голев Н. Д.* Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии / Н. Д. Голев // Юрислингвистика — 9 : Истина в языке и праве : межвузовский сборник научных трудов. — Кемерово, Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2008. — С. 136—155. — ISBN 978-5-7904-0836-6.

26. *Голев Н. Д.* Лингвоконфликтология, или лингвистическая конфликтология / Н. Д. Голев, Н. В. Обелюнас. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 279—280.

27. *Горбачева Е. Н.* Спор как лингвокультурный концепт : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Н. Горбачева. — Астрахань, 2006. — 240 с.

28. *Гулакова И. И.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / И. И. Гулакова. — Орел, 2004. — 152 с.

29. *Гюрджян Н. С.* Речевые манифестации когнитивного конфликта в диалоге : на материале английского и русского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. С. Гюрджян. — Пятигорск, 2008. — 198 с.

30. *Дадян С. Р.* Конфликтный диалог в художественном произведении : на материале англоязычной художественной литературы XX — начала XXI в. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19, 10.02.04 / С. Р. Дадян. — Ростов-на-Дону, 2012. — 179 с.

31. *Долгова И. А.* Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. А. Долгова. — Волгоград, 2006. — 205 с.

32. *Ермолаева Е. Н.* Концепт CONFLICT и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. Н. Ермолаева. — Иркутск, 2005. — 21 с.

33. *Ершова В. Е.* Речевое взаимодействие в условиях конфликта : ситуационный подход на материале ток-шоу и теледебатов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. Е. Ершова. — Томск, 2013. — 201 с.
34. *Зацепина Е. А.* Лексико-фразеологическая объективация концепта «вежливость» в русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Зацепина. — Воронеж, 2007. — 189 с.
35. *Иванова Д. В.* Речевые способы преодоления конфликта : на материале русского и английского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Д. В. Иванова. — Саратов, 2010. — 182 с.
36. *Кара-Мурза Е. С.* Лингвоконфликтология как направление в духе экологии языка / Е. С. Кара-Мурза // Экология языка и коммуникативная практика. — 2014. — № 2. — С. 55—68.
37. *Каразия Н. А.* Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. А. Каразия. — Петропавловск-Камчатский, 2004. — 21 с.
38. *Каразия Н. А.* Прагматика межличностного конфликта (на материале речевого взаимодействия представителей современного американского социума) / Н. А. Каразия. — Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. — 104 с. — ISBN 978-5-7968-0514-5.
39. *Киндеркнехт А. С.* Количественный анализ отечественных публикаций по конфликтологии в области лингвистики / А. С. Киндеркнехт // Научный альманах. — 2016. — № 6—1 (19). — С. 589—592. — DOI: 10.17117/na.2016.06.01.589.
40. *Комалова Л. Р.* Межличностная коммуникация : от конфликта к консенсусу / Л. Р. Комалова. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. — 180 с. — ISBN 978-5-248-00804-9.
41. *Конфликт в языке и коммуникации : сборник статей / Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики; сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова.* — Москва : РГГУ, 2011. — 534 с. — ISBN 978-5-7281-1195-5.
42. *Кошкарлова Н. Н.* Конфликтный VS кооперативный дискурс в политической коммуникации / Н. Н. Кошкарлова. — Челябинск : СИМАРС, 2013. — 268 с. — ISBN 978-5-903968-19-0.
43. *Кошкарлова Н. Н.* Конфликтный дискурс : психологические и лингвистические аспекты / Н. Н. Кошкарлова. — Челябинск : ЮУрГУ : Губерния, 2009. — 175 с. — ISBN 978-5-91463-011-6.
44. *Кошкарлова Н. Н.* Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Н. Н. Кошкарлова. — Екатеринбург, 2015. — 47 с.
45. *Краснова Т. И.* Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья : 1917—1920(22) гг. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Т. И. Краснова. — Екатеринбург, 2015. — 41 с.
46. *Кусов Г. В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Г. В. Кусов. — Краснодар, 2004. — 245 с.
47. *Ларина С. Г.* Ситуация конфликта и ее отражение во внутренней речи (на материале англоязычной художественной литературы XIX—XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / С. Г. Ларина. — Москва, 2014. — 23 с.

48. *Леонов Н. И.* Онтологическая сущность конфликтов / Н. И. Леонов // Конфликтология : хрестоматия. — Москва : МПСИ, МОДЭК, 2002. — С. 27—36.
49. *Логический анализ языка : противоречивость и аномальность текста : сборник статей / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова.* — Москва : Наука, 1990. — 280 с.
50. *Лунцова О. М.* Градиент-концепт «дружба-мир-вражда» в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / О. М. Лунцова. — Магнитогорск, 2007. — 260 с.
51. *Ляшенко И. В.* Языковая сущность и прагматические функции этнических прозвищ (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / И. В. Ляшенко. — Пятигорск, 2003. — 207 с.
52. *Макаренко Г. С.* Конфликтный текст как объект лингвистического исследования : структурно-семантический и прагматический аспекты : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. С. Макаренко. — Уфа, 2018. — 24 с.
53. *Мартынова Е. М.* Невербальный аспект аномальной коммуникации : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. М. Мартынова. — Белгород, 2017. — 407 с.
54. *Маслова В. А.* Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — Москва : Издательский центр «Академия», 2008. — 272 с. — ISBN 978-5-7695-4385-2.
55. *Матвеева О. Н.* Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. Н. Матвеева. — Барнаул, 2004. — 20 с.
56. *Меркулова Е. М.* Языковые средства представления сторон военного конфликта в американском и российском дискурсах (на материале официальных текстов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. М. Меркулова. — Москва, 2013. — 214 с.
57. *Мидова Д. Х.* Толерантность как лингвокультурный феномен : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Д. Х. Мидова. — Нальчик, 2012. — 158 с.
58. *Михайлова О. А.* Речевой конфликт и коммуникативные сценарии его гармонизации : учебно-методическое пособие / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова, И. В. Шапина. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. — 136 с. — ISBN 978-5-7996-3479-7.
59. *Мулькеева В. О.* Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. О. Мулькеева. — Санкт-Петербург, 2005. — 190 с.
60. *Муравьева Н. В.* Речевые механизмы коммуникативных конфликтов (на материале текстов массовой информации) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Муравьева. — Москва, 2002. — 451 с.
61. *Непкушева Т. С.* Внутриличностный конфликт как лингвистический феномен. — Краснодар : ФГОУ ВПО «Кубанский гос. аграрный ун-т», 2006 а. — 415 с. — ISBN 5-94672-216-6.
62. *Непкушева Т. С.* Внутриличностный конфликт как лингвистический феномен : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Т. С. Непкушева. — Краснодар, 2006 б. — 410 с.
63. *Непкушева Т. С.* Лингвистика внутриличностного конфликта / Т. С. Непкушева. — Саарбрюккен : Palmarium Academic Publishing, 2015. — 397 с.

64. *Неровная Н. А.* Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов «толерантность», «терпимость» в русском и английском языковом сознании) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. А. Неровная. — Воронеж, 2009. — 251 с.

65. *Нечаева В. С.* Когнитивный конфликт в немецкоязычной электронной деловой переписке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. С. Нечаева. — Москва, 2015. — 24 с.

66. *Никтовенко Е. Ю.* Семантика конфликто содержащих паремий и афоризмов в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах (на материале русского и английского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Ю. Никтовенко. — Нальчик, 2015. — 185 с.

67. *Новгородова Е. В.* Конфликт интерпретаций как когнитивное основание лингвоконфликтологии (на материале обыденных политических комментариев) / Е. В. Новгородова. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. — 197 с. — ISBN 978-5-8353-2853-6.

68. *Обелюнас Н. В.* Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Обелюнас. — Кемерово, 2012. — 24 с.

69. *Остякова Г. А.* Репрезентация концепта «вежливость» в идеолектах А. П. Чехова и Ги де Мопассана : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Г. А. Остякова. — Тюмень, 2013. — 25 с.

70. *Пасечникова И. П.* Концептуализация войны и мира в современном немецком языке (на материале периодической печати) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / И. П. Пасечникова. — Тамбов, 2009. — 226 с.

71. *Петеленкова М. Г.* Конфликт этимологического и денотативного значения : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. Г. Петеленкова. — Москва, 2004. — 327 с.

72. *Плотникова А. М.* Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики / А. М. Плотникова. — Екатеринбург ; Москва : ТХТ, 2017. — 197 с. — ISBN 978-5-7584-0269-6.

73. *Полканова А. А.* Понятие «конфликт» в лингвистике : основные подходы к его изучению / А. А. Полканова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 5 (584). — С. 200—208.

74. *Растатуева С. Г.* Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. Г. Растатуева. — Тула, 2008. — 180 с.

75. *Рогова У. И.* Опыт внедрения конфликтологического знания в рамках корпоративного обучения / У. И. Рогова // Конфликтология. — 2009. — № 3. — С. 107—110.

76. *Романов А. С.* Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / А. С. Романов. — Москва, 2021. — 447 с.

77. *Рудов П. А.* Информативный диалог конфликтного типа : структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.01 / П. А. Рудов. — Новосибирск, 2005. — 19 с.

78. Ручкина Е. М. Лингво-аргументативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте (на материале педагогического дискурса) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. М. Ручкина. — Тверь, 2009. — 21 с.
79. Рычкова Т. А. Анализ конфликтного русскоязычного текста : подходы и методы : учебное пособие / Т. А. Рычкова, А. В. Бурцева. — Ставрополь : Центр научного знания «Логос», 2019. — 157 с. — ISBN 978-5-907078-71-0.
80. Савойская Н. П. Лингвокультурологические особенности концепта «вежливость» (на материале казахского, русского и английского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. П. Савойская. — Челябинск, 2005. — 186 с.
81. Сейранян М. Ю. Конфликтный дискурс : социолингвистический и прагмалингвистический аспекты / М. Ю. Сейранян. — Москва : Прометей, 2012. — 93 с.
82. Сейранян М. Ю. Конфликтный политический дискурс и его просодическая реализация : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / М. Ю. Сейранян. — Москва, 2016. — 40 с.
83. Соловьева И. В. Репрезентация категории вежливости в современном немецком языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / И. В. Соловьева. — Москва, 2000. — 197 с.
84. Сондерс Г. Г. Устойчивый диалог в конфликтах : трансформации и изменения : учебное пособие / Г. Г. Сондерс. — Москва : ООО Издательство «Аспект Пресс», 2019. — 382 с. — ISBN 978-5-7567-0999-5.
85. Сорокин Ю. А. Лингвокультуральная среда : контакты и конфликты / Ю. А. Сорокин. — Тверь : Агросфера, 2009. — 115 с.
86. Сумина Е. С. Толерантность : от феномена к лингвокультурному концепту : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. С. Сумина. — Екатеринбург, 2007. — 277 с.
87. Тамразова И. Г. Эристика как когнитивно-семиотическая модель девиантной дискурсивной риторики : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / И. Г. Тамразова. — Майкоп, 2021. — 466 с.
88. Тангир К. М. Русские антиномичные афоризмы : рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности / К. М. Тангир. — Краснодар : Краснодарский государственный университет, 2007 а. — 454 с.
89. Тангир К. М. Русские антиномичные афоризмы : рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / К. М. Тангир. — Краснодар, 2007 б. — 56 с.
90. Тихонова В. Я. Концепт «борьба» в русской языковой картине мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. Я. Тихонова. — Новосибирск, 2005. — 238 с.
91. Третьякова В. С. Конфликт в лингвистических теориях / В. С. Третьякова // Юрислингвистика. — 2010. — № 10 (10). — С. 141—149.
92. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста / В. С. Третьякова // Юрислингвистика. — 2000. — № 2. — С. 127—140.
93. Третьякова В. С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт / В. С. Третьякова. — Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2009. — 230 с.
94. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / В. С. Третьякова. — Екатеринбург, 2003. — 301 с.

95. *Ульянова Н. Н.* Информационные войны в печатных СМИ на примере Косовского этнического конфликта (сравнительный анализ публикаций «Российской газеты» и «The Washington Post» 2008—2013 гг.) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Н. Н. Ульянова. — Москва, 2015. — 168 с.

96. *Уманец Л. В.* Вербальная репрезентация вежливости в сфере делового общения (на материале современного немецкого языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Л. В. Уманец. — Иркутск, 2004. — 128 с.

97. *Фурменкова Т. В.* Средства реализации принципа вежливости в американском варианте современного английского языка (на примере речевых актов обращения, просьбы, приветствия) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Т. В. Фурменкова. — Калининград, 2005. — 305 с.

98. *Хилалова Н. Г.* Функционально-прагматический аспект блокирующей уступки в контексте бытового конфликтного дискурса в современном немецком языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. Г. Хилалова. — Иркутск, 2004. — 211 с.

99. *Хроменков П. Н.* Лингвопрагматика конфликта (исследование методом количественного контент-анализа) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / П. Н. Хроменков. — Москва, 2017. — 405 с.

100. *Цыцаркина Н. Н.* Объективация концептосферы социальных отношений в современном английском языке : автореферат диссертации доктора филологических наук : 10.02.04 / Н. Н. Цыцаркина. — Санкт-Петербург, 2012. — 42 с.

101. *Черемохина Д. А.* Когнитивно-прагматические факторы междискурсного конфликта : дискурс власти и дискурс В. С. Высоцкого : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Д. А. Черемохина. — Белгород, 2015. — 22 с.

102. *Шамсутдинова Е. Ю.* Толерантность как коммуникативная категория (лингвистический и лингводидактический аспект) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Ю. Шамсутдинова. — Москва, 2006. — 261 с.

103. *Шустова С. В.* Миграционная лингвистика и миграционный дискурс / С. В. Шустова // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2018. — № 4 (2). — С. 114—125.

104. *Шустова С. В.* Миграционная лингвистика : становление и развитие / С. В. Шустова, Е. В. Исаева // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме : монография. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. — С. 5—64. — ISBN 978-5-904417-98-7.

105. *Эрдынеева Д. В.* Семантический конфликт видов-временных значений в сложноподчиненном предложении с придаточным времени в современном французском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Д. В. Эрдынеева. — Иркутск, 2004. — 155 с.

106. *Юсупова С. М.* Концепт «конфликт» в корпусном измерении идиом / С. М. Юсупова // Современные исследования социальных проблем. — 2018. — Т. 10. — № 4. — С. 280—292. — DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-280-292.

107. *Язык и конфликт* : учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению «Лингвистика». — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. — 77 с. — ISBN 978-5-7996-1370-9.

108. *Языки соседей : мосты или барьеры?* Проблемы двуязычной коммуникации : сборник статей / Ин-т лингвистических исслед. РАН, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге : отв. ред. Н. Вахтин. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 308 с. — ISBN 978-5-94380-125-9.

References

- Abolin, B. I. (2009). *The concept of "tolerance" in the cognitive-discursive aspect*. PhD Diss. Yekaterinburg. 229 p. (In Russ.).
- Akhmetgareeva, O. F., Sidorova, N. A. (2022). *Fundamentals of linguoconflictology: textbook*. Moscow: Nauka Segodnya Publishing House. 102 p. ISBN 978-5-6045147-1-9. (In Russ.).
- Alpatov, V. M. (2011). The norm of language and the conflict of norms in Japan. In: *Conflict in language and communication: collection of articles*. Moscow: RSUH. 227—240. ISBN 978-5-7281-1195-5. (In Russ.).
- Alyoshina, E. Y. (2015). *Public political discourse of a conflict situation*. Moscow: Prometheus. 220 p. ISBN 978-5-9907453-5-3.
- Alyoshina, E. Y. (2022). *Public political speech in a conflict situation (based on the material of the English language)*. Doct. Diss. Moscow. 351 p. (In Russ.).
- Anisimova, A. T. (2004). *Linguistic projections of conflict (descriptive aspect)*. PhD Diss. Krasnodar. 212 p. (In Russ.).
- Antonova, T. G. (2018). *Metaphorical modeling of social conflict in media discourse: factors and aspects of variability*. PhD Diss. Tomsk. 330 p. (In Russ.).
- Antsupov, A. Ya. (2008). *Conflictology: textbook for universities. 3rd ed.* St. Petersburg: Peter. 496 p. ISBN 978-5-496-01605-6. (In Russ.).
- Balabas, N. N. (2010). *Concepts "amitié" (friendship) and "hostilité" (enmity) in French*. PhD Diss. Moscow. 153 p. (In Russ.).
- Baraeva, O. G. (2009). *Conceptualization of the concept of "conflict" in the Russian national picture of the world of the second half of the XX century*. Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 26 p. (In Russ.).
- Belous, N. A. (2008). *Conflict discourse in the communicative space: semantic and pragmatic aspects*. Author's abstract of Doct. Diss. Krasnodar. 50 p. (In Russ.).
- Belous, N. A. (2007). *Structural and semantic aspects of conflict discourse in the communicative space*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 246 p. ISBN 978-5-88866-294-6. (In Russ.).
- Boeva-Omelechko, N. B., Sadovnikova, Ya. A. (2020). *Means of conflict de-intensification in modern English: monograph*. Rostov-on-Don-Taganrog: Southern Federal University. 130 p. ISBN 978-5-9275-3525-5. (In Russ.).
- Bogatyрева, S. N. (2009). *Diachronic aspect of the concept of "tolerance" in different linguistic cultures (based on the material of Spanish and Russian languages)*. PhD Diss. Pyatigorsk. 213 p. (In Russ.).
- Bogdanova, A. G. (2011). *Comparative analysis of structures and methods of verbalization of the concepts "politeness" and "Höflichkeit" in Russian and German language pictures of the world*. PhD Diss. Novosibirsk. 168 p. (In Russ.).
- Boginskaya, O. A. (2020). *Theory of discursive interaction in the conditions of asymmetry of knowledge and power*. Doct. Diss. Maykop. 383 p. (In Russ.).
- Borodko, D. A. (2012). *Representation of the concept of "armed conflict" in German-language discourse (based on the material of Internet news discourse)*. Author's abstract of PhD Diss. Pyatigorsk. 24 p. (In Russ.).
- Cheremokhina, D. A. (2015). *Cognitive-pragmatic factors of inter-course conflict: the discourse of power and the discourse of V. S. Vysotsky*. Author's abstract of PhD Diss. Belgorod. 22 p. (In Russ.).
- Conflict in language and communication: collection of articles*. (2011). Moscow: RSUH. 534 p. ISBN 978-5-7281-1195-5. (In Russ.).

- Dadyan, S. R. (2012). *Conflict dialogue in a work of fiction: based on the material of English—language fiction of the XX—beginning of the XXI century*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 179 p. (In Russ.).
- Dolgova, I. A. (2006). *The conceptual field of “patience” in English and Russian linguocultures*. PhD Diss. Volgograd. 205 p. (In Russ.).
- Erdyneeva, D. V. (2004). *Semantic conflict of species-temporal meanings in a compound sentence with a subordinate tense in modern French*. PhD Diss. Irkutsk. 155 p. (In Russ.).
- Ermolaeva, E. N. (2005). *The concept of CONFLICT and its objectification in the lexico-semantic space of the modern English language*. Author’s abstract of PhD Diss. Irkutsk. 21 p. (In Russ.).
- Ershova, V. E. (2013). *Speech interaction in conflict conditions: a situational approach based on the material of talk shows and TV debates*. PhD Diss. Tomsk. 201 p. (In Russ.).
- Furmenkova, T. V. (2005). *Means of implementing the principle of politeness in the American version of modern English (on the example of speech acts of address, request, greeting)*. PhD Diss. Kaliningrad. 305 p. (In Russ.).
- Ganeev, B. T. (2004). *Contradictions in language and speech*. Author’s abstract of Doct. Diss. Ufa. 39 p. (In Russ.).
- Gazizov, R. A. (2011). *The communicative category of politeness in German linguoculture*. Doct. Diss. Ufa. 395 p. (In Russ.).
- Gazizulina, L. R. (2013). *The implementation of the concepts of “violence” and “violence” in didactic texts of school literature (based on the material of the Russian language and the American version of English)*. PhD Diss. Kazan. 215 p. (In Russ.).
- Golev, N. D., Obelyunas, N. V. (2014). *Linguoconflictology, or linguistic conflictology*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 279—280. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2008). *The legitimization of language conflicts as the basis of their typology*. Kemerovo, Barnaul: Altai University Press. 136—155. (In Russ.).
- Gorbacheva, E. N. (2006). *Dispute as a linguocultural concept*. PhD Diss. Astrakhan. 240 p. (In Russ.).
- Gulakova, I. I. (2004). *Communicative strategies and tactics of speech behavior in a conflict situation of communication*. PhD Diss. Eagle. 152 p. (In Russ.).
- Gurdjian, N. S. (2008). *Speech manifestations of cognitive conflict in dialogue: based on the material of English and Russian languages*. PhD Diss. Pyatigorsk. 198 p. (In Russ.).
- Hilalova, N. G. (2004). *Functional and pragmatic aspect of blocking concessions in the context of everyday conflict discourse in modern German*. PhD Diss. Irkutsk. 211 p. (In Russ.).
- Ivanova, D. V. (2010). *Speech ways of overcoming conflict: on the material of the Russian and English languages*. PhD Diss. Saratov. 182 p. (In Russ.).
- Kara-Murza, E. S. (2014). *Linguoconflictology as a direction in the spirit of language ecology. Ecology of language and communicative practice*, 2: 55—68. (In Russ.).
- Karasia, N. A. (2004). *Pragmalinguistic study of the act of reproach in the context of modern American speech culture*. Author’s abstract of PhD Diss. Petropavlovsk-Kamchatsky. 21 p. (In Russ.).
- Karasia, N. A. (2013). *Pragmatics of interpersonal conflict (based on the material of speech interaction of representatives of modern American society)*. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamsU im. Vitus Bering. 104 p. ISBN 978-5-7968-0514-5. (In Russ.).

- Khromenkov, P. N. (2017). *Linguopragmatics of conflict (research by quantitative content analysis)*. Doct. Diss. Moscow. 405 p. (In Russ.).
- Kinderknecht, A. S. (2016). Quantitative analysis of domestic publications on conflictology in the field of linguistics. *Scientific Almanac*, 6—1 (19): 589—592. DOI: 10.17117/na.2016.06.01.589. (In Russ.).
- Komalova, L. R. (2016). *Interpersonal communication: from conflict to consensus*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 180 p. ISBN 978-5-248-00804-9. (In Russ.).
- Koshkarova, N. N. (2015). *Conflict and cooperative types of Russian-language discourse in the intercultural political space*. Author's abstract of Doct.Diss. Yekaterinburg. 47 p. (In Russ.).
- Koshkarova, N. N. (2009). *Conflict discourse: psychological and linguistic aspects*. Chelyabinsk: SUSU: Gubernia. 175 p. ISBN 978-5-91463-011-6. (In Russ.).
- Koshkarova, N. N. (2013). *Conflict VS cooperative discourse in political communication*. Chelyabinsk: SIMARS. 268 p. ISBN 978-5-903968-19-0. (In Russ.).
- Krasnova, T. I. (2015). *The phenomenon of oppositivity of the newspaper discourse of the Russian abroad: 1917—1920(22)*. Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 41 p. (In Russ.).
- Kusov, G. V. (2004). *Insult as an illocutionary linguocultural concept*. PhD Diss. Krasnodar. 245 p. (In Russ.).
- Language and conflict: a textbook for graduate students studying in the direction of "Linguistics"*. (2014). Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 77 p. ISBN 978-5-7996-1370-9. (In Russ.).
- Languages of neighbors: bridges or barriers? Problems of bilingual communication: a collection of articles*. (2011). St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 308 p. ISBN 978-5-94380-125-9. (In Russ.).
- Larina, S. G. (2014). *The situation of conflict and its reflection in internal speech (based on the material of English—language fiction of the XIX—XX centuries)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Leonov, N. I. (2002). *Ontological essence of conflicts*. Moscow: MPSI, MODEK. 27—36. (In Russ.).
- Logical analysis of language: inconsistency and anomaly of the text: collection of articles*. (1990). Moscow: Nauka. 280 p. (In Russ.).
- Luntsova, O. M. (2007). *Gradient-concept "friendship-peace-enmity" in Russian and English linguocultures (based on vocabulary and phraseology)*. PhD Diss. Magnitogorsk. 260 p. (In Russ.).
- Lyashenko, I. V. (2003). *Linguistic essence and pragmatic functions of ethnic nicknames (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Pyatigorsk. 207 p. (In Russ.).
- Makarenko, G. S. (2018). *Conflict text as an object of linguistic research: structural-semantic and pragmatic aspects*. Author's abstract of PhD Diss. Ufa. 24 p. (In Russ.).
- Martynova, E. M. (2017). *Nonverbal aspect of abnormal communication*. PhD Diss. Belgorod. 407 p. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2008). *Modern trends in linguistics: studies. manual for students. higher. studies. Institutions*. Moscow: Publishing Center "Academy". 272 p. ISBN 978-5-7695-4385-2. (In Russ.).
- Matveeva, O. N. (2004). *Functioning of conflict texts in the legal sphere and features of its linguistic study*. Author's abstract of PhD Diss. Barnaul. 20 p. (In Russ.).

- Merkulova, E. M. (2013). *Linguistic means of representing the parties to the military conflict in American and Russian discourses (based on official texts)*. PhD Diss. Moscow. 214 p. (In Russ.).
- Midova, D. H. (2012). *Tolerance as a linguocultural phenomenon*. PhD Diss. Nalchik. 158 p. (In Russ.).
- Mikhaylova, O. A., Mikhaylova, Yu. N., Shalina, I. V. (2022). *Speech conflict and communicative scenarios of its harmonization: an educational and methodological manual*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 136 p. ISBN 978-5-7996-3479-7. (In Russ.).
- Mulkeeva, V. O. (2005). *Speech strategies of conflict and factors influencing their choice*. PhD Diss. St. Petersburg. 190 p. (In Russ.).
- Muravyeva, N. V. (2002). *Speech mechanisms of communicative conflicts (based on the material of mass media texts)*. Doct. Diss. Moscow. 451 p. (In Russ.).
- Nechaeva, V. S. (2015). *Cognitive conflict in German-language electronic business correspondence*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Nepkusheva, T. S. (2006a). *Intrapersonal conflict as a linguistic phenomenon*. Krasnodar: FGOU VPO "Kuban State Agrarian University". 415 p. ISBN 5-94672-216-6. (In Russ.).
- Nepkusheva, T. S. (2006b). *Intrapersonal conflict as a linguistic phenomenon*. Doct. Diss. Krasnodar. 410 p. (In Russ.).
- Nepkusheva, T. S. (2015). *Linguistics of intrapersonal conflict*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. 397 p. (In Russ.).
- Nerovnaya, N. A. (2009). *National specificity of lexical and phraseological objectification of concepts similar in content (based on the concepts "tolerance", "tolerance" in Russian and English language consciousness)*. PhD Diss. Voronezh. 251 p. (In Russ.).
- Niktovenko, E. Yu. (2015). *Semantics of conflict-containing paroemias and aphorisms in linguocognitive and linguocultural aspects (based on the material of Russian and English languages)*. PhD Diss. Nalchik. 185 p. (In Russ.).
- Novgorodova, E. V. (2021). *Conflict of interpretations as a cognitive basis of linguoconflictology (based on the material of everyday political comments)*. Kemerovo: Kemerovo State University. 197 p. ISBN 978-5-8353-2853-6. (In Russ.).
- Obelyunas, N. V. (2012). *Conflict of interpretations of texts in the aspect of opposition of event and evaluation information (based on the texts of Russian media)*. Author's abstract of PhD Diss. Kemerovo. 24 p. (In Russ.).
- Ostyakova, G. A. (2013). *Representation of the concept of "politeness" in the ideolexts of A. P. Chekhov and Guy de Maupassant*. Author's abstract of PhD Diss. Tyumen. 25 p. (In Russ.).
- Pasechnikova, I. P. (2009). *Conceptualization of war and peace in modern German (based on the material of the periodical press)*. PhD Diss. Tambov. 226 p. (In Russ.).
- Petelenkova, M. G. (2004). *Conflict of etymological and denotative meaning*. PhD Diss. Moscow. 327 p. (In Russ.).
- Plotnikova, A. M. (2017). *Conflict communication in the aspect of forensic linguistics*. Yekaterinburg; Moscow: TXT. 197 p. ISBN 978-5-7584-0269-6. (In Russ.).
- Polkanova, A. A. (2010). The concept of "conflict" in linguistics: basic approaches to its study. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 5 (584): 200—208. (In Russ.).
- Rastatueva, S. G. (2008). *Representation of the concept of "tolerance" in the Russian language*. PhD Diss. Tula. 180 p. (In Russ.).

- Rogova, U. I. (2009). Experience of implementing conflictological knowledge in the framework of corporate training. *Conflictology*, 3: 107—110. (In Russ.).
- Romanov, A. S. (2021). *Stereotyping of subcultural constants in the axiology of the socio-group dialect (based on the values and realities of military service in the linguistic culture of the USA)*. Doct. Diss. Moscow. 447 p. (In Russ.).
- Ruchkina, E. M. (2009). *Linguistic-argumentative features of politeness strategies in speech conflict (based on the material of pedagogical discourse)*. Author's abstract of PhD Diss. Tver. 21 p. (In Russ.).
- Rudov, P. A. (2005). *Informative dialogue of the conflict type: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects*. Author's abstract of PhD Diss. Novosibirsk. 19 p. (In Russ.).
- Rychkova, T. A. (2019). *Analysis of the conflict Russian-language text: approaches and methods: textbook*. Stavropol: Logos Scientific Knowledge Center. 157 p. ISBN 978-5-907078-71-0. (In Russ.).
- Saunders, G. G. (2019). *Sustainable dialogue in conflicts: transformations and changes: textbook*. Moscow: Aspect Press Publishing House. 382 p. ISBN 978-5-7567-0999-5. (In Russ.).
- Savoyskaya, N. P. (2005). *Linguoculturological features of the concept of "politeness" (based on the Kazakh, Russian and English languages)*. PhD Diss. Chelyabinsk. 186 p. (In Russ.).
- Seyranyan, M. Yu. (2012). *Conflict discourse: sociolinguistic and pragmalinguistic aspects*. Moscow: Prometheus. 93 p. (In Russ.).
- Seyranyan, M. Yu. (2016). *Conflicting political discourse and its prosodic realization*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 40 p. (In Russ.).
- Shamsutdinova, E. Y. (2006). *Tolerance as a communicative category (linguistic and linguodidactic aspect)*. PhD Diss. Moscow. 261 p. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2018). Migration linguistics and migration discourse. *Theoretical and applied linguistics*, 4 (2): 114—125. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2019). *Migration linguistics: formation and development*. Perm: Perm State National Research University. 5—64. ISBN 978-5-904417-98-7. (In Russ.).
- Solovyova, I. V. (2000). *Representation of the category of politeness in the modern German language*. PhD Diss. Moscow. 197 p. (In Russ.).
- Sorokin, Yu. A. (2009). *Linguocultural environment: contacts and conflicts*. Tver: Agrosphere. 115 p. (In Russ.).
- Sumina, E. S. (2007). *Tolerance: from a phenomenon to a linguocultural concept*. PhD Diss. Yekaterinburg. 277 p. (In Russ.).
- Tamrazova, I. G. (2021). *Eristics as a cognitive-semiotic model of deviant discursive rhetoric*. Doct. Diss. Maykop. 466 p. (In Russ.).
- Tangir, K. M. (2007a). *Russian antinomic aphorisms: speech-language aspects of conflict and paradoxicity*. Krasnodar: Krasnodar State University. 454 p. (In Russ.).
- Tangir, K. M. (2007). *Russian antinomic aphorisms: speech-language aspects of conflict and paradoxicity*. Author's abstract of Doct. Diss. Krasnodar. 56 p. (In Russ.).
- Tikhonova, V. Ya. (2005). *The concept of "struggle" in the Russian language picture of the world*. PhD Diss. Novosibirsk. 238 p. (In Russ.).
- Tretyakova, V. S. (2010). Conflict in linguistic theories. *Jurislinguistics*, 10 (10): 141—149. (In Russ.).
- Tretyakova, V. S. (2000). Conflict through the eyes of a linguist. *Jurislinguistics*, 2: 127—140. (In Russ.).

- Tretyakova, V. S. (2009). *Speech communication: harmony and conflict*. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University. 230 p. (In Russ.).
- Tretyakova, V. S. (2003). *Speech conflict and harmonization of communication*. Doct. Diss. Yekaterinburg. 301 p. (In Russ.).
- Tsitsarkina, N. N. (2012). *Objectification of the conceptosphere of social relations in modern English*. Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 42 p. (In Russ.).
- Ulyanova, N. N. (2015). *Information wars in print media on the example of the Kosovo ethnic conflict (comparative analysis of publications of "Rossiyskaya Gazeta" and "The Washington Post" 2008—2013)*. PhD Diss. Moscow. 168 p. (In Russ.).
- Umanets, L. V. (2004). *Verbal representation of politeness in the sphere of business communication (based on the material of the modern German language)*. PhD Diss. Irkutsk. 128 p. (In Russ.).
- Vasilenko, E. N. (2022). *Conflict of values in Internet communication: cognitive and pragmalinguistic aspects: monograph*. Mogilev: Mogilev State University named after A. A. Kuleshov. 236 p. ISBN 978-985-568-911-0. (In Russ.).
- Verbal communication: contacts and conflicts*. (2018). Ufa: Bashkir State University. 212 p. ISBN 978-5-7477-4789-0. (In Russ.).
- Volkova, O. S. (2009). *Pragmalinguistic features of interpersonal communication in a communicative situation "domestic conflict" (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Volgograd. 188 p. (In Russ.).
- Voznesenskaya, Yu. V. (2010). *Speech strategies of conflict in German political communication: based on the parliamentary debates in the Bundestag*. PhD Diss. St. Petersburg. 186 p. (In Russ.).
- Yusupova, S. M. (2018). The concept of "conflict" in the corpus dimension of idioms. *Modern studies of social problems*, 10 (4): 280—292. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-280-292. (In Russ.).
- Zatsepina, E. A. (2007). *Lexical and phraseological objectification of the concept of "politeness" in the Russian language*. PhD Diss. Voronezh. 189 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.01.2023,
одобрена после рецензирования 25.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Сдобников В. В. Различия в корпоративном праве России и арабских стран и их влияние на переводческую деятельность / В. В. Сдобников, Е. А. Пронина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 69—89. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-69-89.

Sdobnikov, V. V., Pronina, E. A. (2023). Differences in Corporate Law of Russia and Arab States: Influence on Translation Activity. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 69-89. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-69-89. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-69-89

Различия в корпоративном праве России и арабских стран и их влияние на переводческую деятельность

Сдобников Вадим Витальевич¹

orcid.org/0000-0002-4717-2980

доктор филологических наук, доцент
artist232@rambler.ru

Пронина Елена Анатольевна²

orcid.org/0000-0001-9570-7655

старший преподаватель,
юрист-международник
eapronina05@gmail.com

¹ Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»
(Нижний Новгород, Россия)

² Одинцовский филиал
МГИМО МИД России
(Одинцово, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках гранта
МГИМО МИД России на выполнение
научных работ молодыми исследователями
под руководством докторов и кандидатов
наук

Differences in Corporate Law of Russia and Arab States: Influence on Translation Activity

Vadim V. Sdobnikov¹

orcid.org/0000-0002-4717-2980

Doctor of Philology, Head
artist232@rambler.ru

Elena A. Pronina²

orcid.org/0000-0001-9570-7655

Senior Lecturer,
international lawyer
eapronina05@gmail.com

¹ Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

² Odintsovo Campus
of MGIMO University
(Odintsovo, Russia)

Acknowledgments:

The study was funded by grant
from MGIMO for research
by young scientists under supervision
of Doctors of Science and PhDs

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Авторы статьи исходят из того, что в ближайшее время перевод с арабского языка на русский и наоборот станет важным фактором укрепления экономических связей России со странами Ближнего Востока, осуществления внешнеэкономического взаимодействия российских и ближневосточных компаний. В статье обосновывается мысль о том, что успех такой деятельности в значительной степени определяется тем, насколько учитываются различия в корпоративном праве России и арабских стран. Авторы предлагают обзор различий в корпоративном праве, оказывающих воздействие на переводческую деятельность, и указывают их причины, связанные прежде всего с разными условиями формирования правовых систем России и стран Ближнего Востока. На конкретных примерах в статье рассматриваются основные переводческие проблемы, связанные с различиями в корпоративном праве разных стран и, соответственно, в терминологических системах корпоративного права. Предлагаются способы их решения. Авторы делают вывод, что основной принцип решения переводческих проблем — передача того значения, которое подразумевается автором исходного текста.

Ключевые слова:

перевод; корпоративное право; терминологическая система; Ближний Восток; подготовка переводчиков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The authors of the paper proceed from the assumption that translation from Arabic into Russian and vice versa will be instrumental in strengthening economic ties of Russia with the Middle East countries and expanding foreign trade of companies in the near future. They substantiate the idea that success of foreign trade activities largely depends on the extent to which differences in the corporate law of Russia and Arab states are taken into consideration. The paper offers a review of differences in the corporate law that affect translation activity and highlights their main reasons related, first and foremost, to different conditions in which legal systems of Russia and the Middle East countries were formed. Using specific examples, the authors consider the main translation problems predetermined by differences in the corporate law of various states as well as in the terminological systems of the corporate law, and offer various means of solving the problems. It is concluded that the main principle of solving problems faced in translation is to transfer the meaning implied by the source text sender.

Key words:

translation; corporate law; terminological system; Middle East; translator training.

Различия в корпоративном праве России и арабских стран и их влияние на переводческую деятельность

© Сдобников В. В., Пронина Е. А., 2023

1. Введение = Introduction

На протяжении тысячелетий переводческая деятельность была подвержена влиянию внешних, объективных факторов. Сама среда, в которой она осуществлялась, то есть характер межгосударственных и общественных отношений, религиозных течений, если они имели место, в различные исторические периоды и в разных регионах мира, определяла круг задач, решаемых переводчиками «здесь и сейчас», а также воздействовала на выбор способов решения этих задач. Менялись подходы к переводу, представления о характере задач, решаемых переводчиком, при этом не менялась суть переводческой деятельности, остававшейся инструментом межкультурного и межкультурного взаимодействия и выполнявшей функцию посредничества между разноязычными коллективами-этнотами.

Подобный статус перевод как деятельность сохраняет за собой и на современном этапе, который характеризуется весьма существенным изменением геополитической ситуации. Это изменение не могло не оказать воздействия на состояние переводческой деятельности в России и в других регионах мира. Переводчики во всем мире столкнулись с новыми проблемами, причем не столько сугубо лингвистического характера, сколько экстралингвистического, с проблемами, связанными с межкультурными различиями, различиями в национальных менталитетах, в способах организации определенных видов предметной (прежде всего профессиональной, производственной) деятельности и в формах законодательного регулирования подобной деятельности. В некоторых случаях влияние на ход и результат переводческого процесса, переводческой деятельности в целом могут оказывать и факторы религиозного характера.

В настоящее время обращает на себя внимание такое явление, как очевидное переориентирование России на развитие сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока, в том числе расположенными на Аравийском полуострове. Однако следует иметь в виду, что интерес российского государства к арабским странам, стремление развить с ними сотрудничество возникли не вчера. История отношений России со странами Персидского залива достаточно подробно рассматривается в работе Н. Ю. Суркова [Сурков, 2022]. Автор отмечает, что «основными

целями Москвы являются повышение престижа России как глобальной державы, борьба с терроризмом и экстремизмом, развитие торговли и привлечение инвестиций, развитие отношений с исламским миром, недопущение распространения оружия массового уничтожения» [Сурков, 2022, с. 83]. Несомненно, задачи в области внешнеэкономического взаимодействия играют весьма важную роль в определении политического курса России. Это взаимодействие включает и решение общих проблем, возникающих на рынке углеводородов. Так, И. Сафаргалеев, рассматривая состояние сотрудничества России с Саудовской Аравией, отмечает, что «общий “углеводородный интерес” двух стран начиная с лета 2015 года способствовал расширению сотрудничества, которое после объявления наследным принцем М. бен Салмана Аль-Сауда (июнь 2017 года) и последовавших затем значительных изменений во внутренней религиозной политике страны заложило основы для дальнейшего сближения России и Саудовской Аравии» [Сафаргалеев, 2019, с. 193]. Регулярные контакты российского президента с лидерами арабских стран являются подтверждением укрепления сотрудничества России с этими государствами. Так, 22 сентября 2022 года состоялся телефонный разговор В. В. Путина с Наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедом Бен Сальманом Аль Саудом, в ходе которого стороны констатировали, что «высокими темпами развиваются торгово-экономические связи, растет товарооборот, укрепляется взаимовыгодное сотрудничество в самых разных областях» [Телефонный разговор].

При этом не вызывает сомнения тот факт, что экономическое взаимодействие разных государств осуществляется не только на уровне глав государств и правительств. В то время как лидеры стран определяют стратегии развития сотрудничества, непосредственные субъекты внешнеэкономической деятельности, то есть компании и государственные организации, реализуют их на практике, вступая в деловые отношения друг с другом. Контакты между корпорациями из разных государств предполагают заключение договоров и выполнение предусмотренных ими обязательств, то есть осуществление определенных процессов, регламентируемых, в частности, нормами корпоративного права. Корпоративное право понимается как «совокупность правовых норм, регулирующих правовой статус, порядок создания и деятельности (курсив наш. — *Е. П., В. С.*) корпоративных организаций» [Ерахтина, 2011, с. 16]. Возникающие в связи с созданием и деятельностью корпораций корпоративные отношения определяются как «гражданско-правовые обязательственные отношения, отличающиеся особенностями, характеризующими правовое положение субъектов (корпорации и ее участников), их прав и обязанностей, которые не сводятся к участию и управлению» [Попондопуло, 2016, с. 93]. Различают внутренние и

внешние корпоративные отношения. Внешние корпоративные отношения включают отношения: корпорация — контрагенты (партнеры), корпорация — кредиторы, корпорация — потребители, корпорация – государство (государственный орган) [Ерахтина, 2011, с. 16]. В контексте внешнеэкономической деятельности наиболее существенными внешними корпоративными отношениями, на наш взгляд, являются отношения между корпорацией и ее партнерами и кредиторами, к числу которых могут относиться и зарубежные корпорации.

Очевидно, что эффективность внешнеэкономической деятельности в значительной степени зависит от того, насколько совпадают или различаются системы корпоративного права в разных государствах, а также от того, насколько полно и точно субъекты этой деятельности осознают существующие различия и их последствия для обеспечения успешного сотрудничества компаний. Однако прежде всего эти различия должен осознать переводчик, которому предстоит осуществить перевод документов, созданных в соответствии с законодательством определенного государства и фиксирующих договоренности сторон. От этого зависит характер принимаемых им переводческих решений и степень доступности содержащихся в документах положений для понимания иноязычного контрагента, а значит, и степень успешности использования нормативных документов во взаимоотношениях двух сторон (например, договора).

Задачами настоящей статьи являются рассмотрение различий между корпоративным правом России, с одной стороны, и системами корпоративного права Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и Йемена, с другой, анализ проблем, возникающих в процессе перевода материалов, основанных на нормах корпоративного права, с арабского языка на русский и наоборот, определение основных подходов к решению этих проблем и нахождение способов их решения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Рассмотрение проблем, возникающих при переводе в паре «арабский — русский», уместно начать с более общей темы, а именно с вопроса об организации переводческой подготовки в странах Арабского Востока, поскольку в условиях расширения межгосударственного и внешнеэкономического сотрудничества неизбежно возникнет проблема нахождения и привлечения квалифицированных кадров переводчиков, владеющих указанными языками.

Общей особенностью арабских стран является непродолжительная история университетского образования по сравнению с историей европейских и многих российских университетов. Соответственно, и программы

подготовки переводчиков появились сравнительно недавно. Более того, они весьма немногочисленны, хотя потребность в профессиональных переводчиках в арабских странах ощущается весьма остро (см., например, [Abdelwahab, 2019]). Причем востребованными оказываются как штатные переводчики (в государственном секторе), так и переводчики-фрилансеры, предпочтение которым отдает частный сектор [Abu-ghararah, 2017, p. 112]. Так, на 2017 год в университетах арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки насчитывалась 61 программа переводческой подготовки [Al-Batineh et al., 2017, p. 193]. В связи с этим некоторые авторы довольно негативно оценивают ситуацию с переводческим образованием: «Переводческое движение в арабском мире удивительно слабое, что является убедительным свидетельством культурного отставания арабского общества и его недостаточной вовлеченности в международную экономику знания (перевод наш. — Е. П., В. С.)» [Jacquemon, 2009, p. 2]. Вряд ли это объяснение отставания арабских стран в области переводческого образования можно считать убедительным. Но и нет оснований сомневаться в том, что подготовка квалифицированных переводчиков отстает от потребностей рынка, если рассматривать рынок в широком смысле. В одном из отчетов отмечается, что количество книг, переводимых во всем арабском мире за один год (по данным на 2003 год), в пять раз меньше, чем переводится за год в Греции [Jacquemon, 2009, p. 4]. Вероятно, тому есть две взаимосвязанные причины: 1) отсутствие осознания того, что перевод — это непеременимое условие культурного развития общества, и, соответственно, 2) недостаточный уровень переводческой подготовки, как в количественном отношении (по числу обучающихся), так и в качественном.

В свете рассматриваемой нами проблемы необходимо отметить, что и подготовка переводчиков, способных осуществлять юридический перевод, также не соответствует имеющимся потребностям. В частности, некоторые авторы отмечают определенное отставание в этой сфере на примере Палестины [Thawabteh et al., 2014, p. 41].

Впрочем, имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о том, что интерес к переводу как к виду профессиональной деятельности в последние несколько лет возрос. Косвенным свидетельством этого является включение в такие программы обучения, как, например, «Английский язык и литература», курс перевода, реализуемый по крайней мере в двадцати двух из двадцати четырех университетов Саудовской Аравии. Правда, только в двух университетах этой страны (Университет короля Абдуль-Азиза и Университет короля Сауда) предлагаются программы подготовки профессиональных переводчиков уровня бакалавриата [Abdelwahab, 2019]. Понятно, что одного курса перевода недостаточно,

чтобы стать профессиональным переводчиком, и два университета вряд ли могут удовлетворить потребности переводческого рынка страны в кадрах. Но сам факт включения подобных дисциплин в перечень университетских образовательных программ внушает определенный оптимизм. Тем более что ситуация может быть разной в разных странах. Так, представляется, что она более благоприятна в Йемене, где многие университеты предлагают четырехлетние программы бакалавриата, направленные на подготовку как письменных, так и устных переводчиков, хотя и отмечается некоторое несовершенство таких программ с точки зрения их организации и научного обоснования [Al-Shargabi, 2022, p. 6].

Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников свидетельствует о том, что важным фактором, который в ближайшее время будет ограничивать возможности по решению задач в области перевода в паре «арабский — русский», является ориентация университетов арабских стран на подготовку переводчиков, владеющих прежде всего английским языком как иностранным. Саттар Изваини откровенно характеризует ситуацию в Объединенных Арабских Эмиратах как двуязычную (bilingual situation), несомненно, имея в виду, что наиболее востребованным иностранным языком в его стране является английский [Izwaini, 2014, p. 155]. Очевидным объяснением этого является традиционная ориентация арабских государств — особенно бывших британских колоний — на страны Западной Европы и США. Поскольку упоминаний программ подготовки переводчиков с русским языком нет ни в одном из источников, можно сделать вывод, что такая подготовка в странах Ближнего Востока и Северной Африки не проводится.

Таким образом, в ближайшие годы решение проблем внешнеэкономического сотрудничества России с арабскими государствами будет осложняться отсутствием в арабских странах квалифицированных переводчиков, способных осуществлять перевод с русского языка и на русский язык. Следовательно, основная нагрузка в этой области ляжет на российских переводчиков, владеющих арабским языком.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Корпоративное право является подотраслью гражданского права, нормы которого направлены на урегулирование общественных отношений по организации и деятельности предприятий и организаций, выступающих субъектами гражданского права.

Развитие и реформирование гражданского права в арабских странах основано на смеси европейского гражданского права и Шариата, с влиянием системы общего права. Шариат — «правильный путь» в переводе

с арабского языка — относится к традиционному исламскому праву. Шариат, в свою очередь, основан на Коране, священной книге мусульман, содержащей свод правил и норм поведения, и охватывает все аспекты жизни мусульман, включая повседневность, семейные и религиозные обязательства, а также деловые отношения. Шариат также исходит из учений и толкований пророка Мухаммеда, которые рассматриваются и интерпретируются некоторыми мусульманскими правоведами и называются «хадисами». Таким образом, исламское право, или шариат, — это арсенал правил, применимых и к юриспруденции; этот арсенал возник вместе с толкованием, разработкой и изучением Корана и хадисов.

Как отмечалось ранее, многие арабские страны приняли смешанную правовую систему, которая в основном основана на французской системе гражданского права с некоторым влиянием исламского права в области личного статуса и собственности. Исторически сложилось так, что, когда большинство стран, особенно в Северной Африке, преодолели французскую колонизацию и в XX веке получили независимость, их новые политические лидеры приняли конституции и национальные законы и создали национальные системы права и управления, основанные на кодифицированной правовой базе, вдохновленной французским или другим законодательством, включающим письменную конституцию, а также кодексы, охватывающие специальные области, такие как гражданский кодекс, кодекс корпораций, уголовный кодекс, административный кодекс, коммерческий кодекс. Следовательно, одним из общих ландшафтов для законодательства разных арабских стран является сходство положений гражданских кодексов.

Исламское право обширно и различается от страны к стране. Например, в Саудовской Аравии нет другого закона, кроме исламского, но в других странах влияние исламского права более тонкое. Исламское право часто используется полностью или частично на национальном или региональном уровне во многих других арабских странах посредством применения статутного права, полностью или частично основанного на исламском праве, или для заполнения пробелов в законодательстве, когда в конкретном законе отсутствуют необходимые положения. Применение законов шариата отличается в разных странах, и на него, как правило, влияет религиозно-политическая и социальная структура общества и история его правовой системы.

В истории принятия гражданского законодательства арабскими странами можно выделить определенные этапы. Хронологически это: (i) период колониального правления (приблизительно 1850—1950 годы); (ii) период после Второй мировой войны до 1970 года; (iii) десятилетие 1970—1980 годов и (iv) период с 1980 года по настоящее время.

Интересен в плане заимствований в законодательстве второй период — это время, когда государства, не относящиеся к региону Персидского залива, получили независимость от британского или французского колониального правления. При реформировании своего гражданского и торгового права эти государства обращались почти исключительно к прецедентам европейского гражданского права и приняли их кодексы практически без изменений.

В третий период страны Персидского залива обрели независимость. Их связи с европейскими правителями были менее прочными и не такими давними, а их общества были более традиционными. У них практически не было опыта работы с европейскими законами и современной судебной системой. По этим и другим причинам эти государства предпочитали реформировать свое гражданское и торговое законодательство, опираясь на законы других ближневосточных / арабских стран, особенно тех, которые обрели независимость во второй период. Внутриарабские заимствования были более приемлемы, чем открытое заимствование из европейского гражданского права. Поэтому они были более или менее массовыми, с незначительными поправками и попытками привести новые законы в соответствие с потребностями общества, в котором они должны были применяться.

В четвертый и последний период во всех рассматриваемых государствах оказывалось значительное давление с целью «исламизации» законов и использования, в определенной степени, европейских прецедентов, которые были изменены в соответствии с потребностями современного исламского общества. За этот период почти все государства пересмотрели позиции иностранных заимствований.

Как уже отмечалось ранее, французское право оказало основное влияние на модернизацию права в странах Персидского залива. После обретения независимости в большинстве стран Персидского залива не было ни университетов, ни юридических школ, ни местных юристов-практиков, ни судей, разбирающихся в чем-либо, кроме шариата. Эти государства неизбежно обращались к другим арабским странам за необходимой им рабочей силой. Например, в Бахрейне судебная система почти полностью состояла из небахрейнцев — суданцев, ливанцев, палестинцев и египтян. Аналогичным образом, практикующие юристы часто были выходцами из этих государств. Всепроникающее влияние было двояким: влияние оказывали как Египет, так и Ливан. Обе эти страны имели хорошо развитые юридические школы, из которых вышло большинство практикующих юристов в арабском мире.

В наше время большинство арабских стран предпочли принять кодифицированные гражданские законы в сфере корпоративного права (например, Закон о коммерческих компаниях № 02 от 2015 года Объединённых

Арабских Эмиратов [Federal Law], «Новый закон о компаниях» 2022 года Саудовской Аравии [New Companies' Law]). Это связано с тем, что дискреционное толкование не допускается в вопросах, охватываемых конкретным законодательством.

В отсутствие конкретного закона суды, применяющие исламское право, обязаны руководствоваться общими принципами исламской юриспруденции и правосудия. Применяя эти общие принципы, судья не связан решениями, вынесенными другими судьями, и не связан своими собственными предыдущими решениями. Прецеденты в исламском праве не считаются обязательными и не являются частью законодательного процесса.

Российское гражданское право в последние десятилетия развивается под сильным влиянием иностранного правового опыта. Профессор Кристофер Осаке в одном из своих выступлений на форуме, посвящённом памяти Д. И. Мейера, привёл интересный результат исследований «корней» российского гражданского кодекса. Он сделал вывод, что российский кодекс на 80 % является немецким, на 13 % — французским, на 1 % — швейцарским и датским (по 0,5 % соответственно), на 3 % — советским, на 2 % — англо-американским [Международный конгресс]. Иными словами, он ближе к Германскому гражданскому уложению, чем к Французскому гражданскому кодексу, но при этом его нельзя считать полностью входящим в германскую подгруппу. Влияние англо-американского права на российскую гражданскую кодификацию не было отмечено как высокое, однако оно тоже имеет место.

Если в начале 1990-х годов российское право развивалось в рамках европейских традиций корпоративного права, то в середине 1990-х годов наметилась тенденция развития в сторону англо-американского правового опыта. Разработчик гражданского права о юридических лицах Г. Е. Авилов подчёркивал странность воздействия англо-американского права, которое не проводит чётких различий между акциями и долями (обозначая всё термином *shares*), а предпринимательскими корпорациями (*business corporation*) традиционно признаёт только компании с ограниченной ответственностью (*limited company by shares*) [Авилев и др., 2006, с. 15].

Незнание этих обстоятельств способствовало распространению в России в 1990-х годах неверного по сути перевода термина *shares* как «акции», а *corporation* как «акционерное общество» (и, соответственно, *closed corporation* как «закрытое акционерное общество»). В результате наряду с ООО стали существовать ЗАО, которые часто и не выпускали никаких акций. Существенными отличиями между ними были возможность свободного выхода участника ООО с выплатой им его доли, а также существо-

вание учредительного договора и устава. Но в ходе проведённых реформ эти отличия были устранены.

В связи с этим можно сделать вывод, что становление корпоративного права как подотрасли гражданского права в Российской Федерации подверглось влиянию преимущественно немецкого, французского права и в некоторой части англо-американского права, тогда как корпоративное право стран Аравийского полуострова основано на европейском гражданском праве и исламском праве, с влиянием системы общего права.

3.1. Способы решения проблем при переводе материалов корпоративного права

Как отмечалось ранее, страны Аравийского полуострова представляют интерес для Российской Федерации в отношении развития внешнеэкономического взаимодействия. Стремясь заключить международные сделки в арабских странах, субъекты гражданского права сталкиваются с вопросами значения и применения исламского права, а также соответствия определенных условий сотрудничества требованиям шариата.

К сожалению, выполнение этой задачи затруднено из-за неоднозначности исламского права. Недостаток знаний в области исламского права пагубно влияет на ведение бизнеса в мусульманских странах. К этому добавляется проблема языка и обычаев. Все официальные правовые материалы в арабских странах написаны на арабском языке.

Сложность перевода с арабского языка обуславливается тем, что он имеет три различные формы: классический арабский, или коранический арабский (используется в исламских и литературных текстах), современный стандартный арабский язык (официальная форма арабского языка, изучаемая в школах и университетах и используемая для официального общения) и разговорный арабский (включает диалектные вариации в разных странах региона).

Хотя в арабском юридическом языке используется современный стандартный арабский язык (MSA), а не арабский язык конкретного региона, он все же имеет свою специфику. В арабской юридической речи используются архаичная терминология, синонимы и юридические дублеты, длинные предложения и сложные конструкции, а также номинализация и пассивизация.

И в арабском, и в русском юридических языках принято использовать длинные предложения, чтобы поместить всю информацию по теме в одно полное предложение и устранить двусмысленность, которая может возникнуть при разделении предложений. Это, пожалуй, то, что объединяет русский и арабский юридические языки.

Таблица 1

Русский	Арабский
Мы проверили общий баланс Общества с ограниченной ответственностью по генподряду «Албаз Инжиниринг» по состоянию на 31 декабря 2013 года и отчет о прибылях и убытках за закончившийся год на ту же дату, данные и связанные с ними отчеты, а также подготовленный годовой отчет компании в соответствии с положениями закона о компаниях № 21 от 1997 года.	فحصنا الميزانية العامة لشركة الباز الهندسية للمقاولات العامة محدودة المسؤولية كما هي عليه في 31 كانون الأول 2013 وحساب نتيجة النشاط للسنة المنتهية بذات التاريخ والبيانات والكشوفات المتعلقة بهما والتقارير السنوي المعد بمقتضى أحكام قانون الشركات رقم 21 لسنة 1997م.

Различия в корпоративном праве России и арабских стран обуславливают и различия в терминологических системах русского и арабского юридического языков. Эти различия усугубляются и тем, что в разных регионах арабского мира могут использоваться разные термины для обозначения одних и тех же понятий, что следует учитывать при переводе. В частности, М. Алтарабин приводит следующие термины, используемые в разных арабских странах [Altarabin, 2018, p. 202]:

Таблица 2

Перевод / эквивалент	Египет	Марокко	Сирия	Тунис
Преамбула	مقدمة	توطئة	مقدمة	توطئة
Глава / часть	باب	باب	باب	باب
Раздел / глава	فصل	فصل	فصل	فصل
Статья	مادة	فصل	مادة	مادة
Параграф	فقرة	فقرة	فقرة	فقرة
Пункт / подраздел	بند	بند	بند	بند

Полные терминологические соответствия имеют место, когда речь идёт о вопросах корпоративного права, соотносимых с заимствованиями из одной правовой системы (французское право, англо-саксонское право). Переводчик может прибегнуть к принятому переводу этих юридических понятий через другие языки (французский или английский соответственно). Однако большинство терминов уже существует в гражданском кодексе, основанном на романо-германском праве, как в арабских странах, так и в России. В связи с этим здесь применим самый распространённый способ перевода юридической терминологии — выявление в языке перевода (ПЯ) эквивалента термина языка оригинала (ИЯ).

Примером терминологических различий является использование слов *lawyer, attorney, solicitor, barrister, advocate, counselor* и *counsel* в Великобритании и США. Все эти слова могут быть переведены на арабский язык как *محام* [Husni et al., 2015, p. 108] и «юрист / адвокат» на русский язык. Однако данные слова не являются синонимами, что может иметь нежелательные последствия при неправильном использовании в определенной правовой системе.

Сравнение показывает, что две правовые системы, шариатское право и общее право, разительно отличаются друг от друга. Многие термины, относящиеся к системе общего права, не имеют прямого эквивалента ни в исламском, ни в арабском гражданском праве. Например, архаичные и латинские термины, широко используемые в юридическом английском, не имеют прямых соответствий в арабском юридическом дискурсе. Это требует от переводчика больших усилий. Будучи культурным посредником, переводчик с арабского юридического языка может попытаться понять латинские термины концептуально, а не переводить их буквально. Переводчик также может прибегнуть к глоссариям, чтобы перевести их на английский язык, а затем объяснить их на арабском [Alvaraz Caró et al., 2002, p. 120].

Таблица 3

Оригинал	Перевод	Обратный перевод
Defactocompany	شركة فعلية (وإن كانت لم تستوف الإجراءات القانونية اللازمة لذلك)	Фактическая компания (хотя и не выполнила необходимых для этого процедур регистрации юридического лица).

Так, *defacto* в составе сочетания *de facto company* означает ‘существующий или занимающий определенное положение фактически, но не обязательно по юридическому праву’ (existing or holding a specified position in fact but not necessarily by legal right [Oxford Learner’s Dictionary]), a *de facto company* переводится на арабский язык в нашем примере посредством объяснения или экспликации. В русском языке данный термин будет переводиться как «корпорация *de facto*, юридически не оформленная [фактическая] корпорация (корпорация, которая реально функционирует, но не зарегистрирована должным образом юридически)» [Англо-русский академический словарь].

Частичная эквивалентность проявляется тогда, когда юридические термины в арабском и русском языках являются относительно схожими. Возможные различия довольно легко описать и уточнить. Например, *الاقالة* «расторжение сделки», что в исламском праве означает ‘согласие договорившихся сторон на добровольное расторжение заключенной и пригодной

для расторжения сделки¹; данный термин также означат «увольнение»; عاقدان в буквальном смысле «двое заключающих договор», это могут быть «покупатель и продавец; залогодатель и залогодержатель» и др. в зависимости от предмета договора.

Примером неравноценности относительно эквивалентности может служить перевод слова فقه «исламское право; свод исламской юриспруденции»; فقيه можно было бы перевести как «юрист», однако такой перевод не будет отражать истинного значения слова, поскольку оно неэквивалентно русскому слову «юрист», так как это «эксперт в исламских правовых вопросах», который вносит решения в соответствии с нормами исламского права [Магомедов и др., 2022, с. 222].

При передаче юридических терминов с арабского языка на русский наряду с лингвистическими проблемами, обусловленными омонимией, синонимией, полисемией, существуют другие проблемы, такие как недостаточные фоновые знания, отсутствие арабско-русского или русско-арабского словаря юридических терминов, наличие терминов с культурной нагрузкой.

Арабские официальные документы включают исламские элементы, например, можно указать на включение в свидетельства и договоры дат календаря Хиджри¹, а также григорианского календаря, упоминание Бога в начале свидетельства, например, басмалла:

بسم الله الرحمن الرحيم — во имя Аллаха (Бога), Милосердного, Сострада-
тельного;

الحمد لله — хвала Аллаху (Богу);

بِعون الله تعالى — с помощью Аллаха (Бога).

В других документах упоминаются Бог и Его Пророк:

الحمد لله والصلاة والسلام على من لا نبي بعده — Хвала Аллаху (Богу), молитва и мир последнему из всех пророков.

Религиозные заключительные слова встречаются в конце документа:

والله ولي التوفيق — Пусть Аллах (Бог) дарует успех;

والله خ الشاهدين — Аллах (Бог) — лучший свидетель;

والله الموفق — Пусть Аллах (Бог) даст успех).

Опущение элементов, таких как басмалла, также может быть вариантом, поскольку они не имеют отношения к культуре переводящего языка.

1 Исламский календарь, или Мусульманский календарь — лунный календарь, используемый мусульманами для определения дат религиозных праздников. До 2016 года использовался также как официальный календарь в Саудовской Аравии. Летоисчисление ведётся от Хиджры (16 июля 622 года н. э.) — даты переселения пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину. Поэтому в мусульманских странах календарь называют календарём Хиджры [Исламский календарь: электронный ресурс].

В некоторых арабских странах в юридических текстах иногда используются другие религиозные и связанные с культурой термины, например, обозначения времени. Так, назначая встречу, говорящий или пишущий может указывать время через отсылку ко времени окончания той или иной молитвы, поскольку они обычно строго соотносятся с определенным временем суток и часом и совершаются мусульманами ежедневно. По времени выделяют пять молитв:

- время полуденной молитвы (зухр);
- время послеполуденной (или предвечерней) молитвы ('аср);
- время вечерней молитвы (магриб);
- время ночной молитвы ('иша);
- время утренней молитвы (фаджр).

Приведем пример:

المزمع عقده بعد مغرب يوم الثلاثاء (встреча), которая состоится во вторник, после молитвы магриб (закат).

При переводе на русский язык необходимо пояснить, что имеется в виду под выражением «после магрибской молитвы». То есть переводчик может упомянуть, что эта молитва отправляется после захода солнца, то есть это вечерняя молитва. Чтобы быть более точным, следует добавить в перевод точное соответствующее время встречи. В договоре аренды жилого помещения время окончания договора: «и заканчивается в 11.59 вечера...» переводится на арабский язык как

وحتى الساعة 11:59 نهراً بعد الزوال من يوم

«Вечер» передается как بعد الزوال — «полдень», что может быть неверно истолковано теми, кто не знает о времени молитв и связи между ними и состояниями солнца [El-Farahaty, 2016, p. 484.].

Наличие многозначных терминов в тексте затрудняет работу переводчика, так как выбор правильного варианта перевода зависит только от контекста, что противоречит одному из основных признаков термина (контекстуальная независимость), поэтому полисемия считается нежелательной при переводе.

Таблица 4

Арабский	Переводчик (1)	Переводчик (2)
حساب الأرباح والخسائر للتعهدات المنجزة للسنة المنتهية في 2013/12/31	Расчет прибылей и убытков по выполненным обязательствам за год, закончившийся 31/12/2013	Расчет прибылей и убытков по завершенным договорам за год, закончившийся 31/12/2013

Если мы проанализируем это предложение, то обнаружим, что в арабском предложении есть слова, которые имеют много значений, и это может

запутать переводчика. Слово تعهدات, которое означает «договоры» (в данном арабском предложении عقود или مقاولات означает تعهدات). Отметим, что самым распространенным термином для перевода слова договор / договоры является عَقْد \ عَقُود. Переводчик (1) передал слово تعهدات как обязательства, и это неправильно, потому что, как было сказано, слово تعهدات означает «договоры», а не обязательства, что и было учтено переводчиком (2).

При юридическом переводе синонимия считается нежелательной и может затруднить работу переводчика. Выбор точного подходящего варианта осложняется еще и тем, что не всегда находятся полные синонимы.

Таблица 5

Арабский	Переводчик (1)	Переводчик (2)
يجب على الطرف الثاني الالتزام بالانظمة الداخلية التي يضعها الطرف الاول و المصدق عليها من قبل السلطات المعنية بمقتضى القانون	Вторая сторона обязана соблюдать внутренний регламент, установленный первой стороной и одобренный компетентными органами в соответствии с законом	Вторая сторона вынуждена соблюдать внутренние законы, установленные первой стороной и подтвержденные соответствующими органами в соответствии с законом.

В данном примере мы имеем фразу مصدق عليها (основное значение — «проверенный»), которая переведена переводчиками по-разному. Первый вариант — «одобренный» — является более удачным, так как компетентные органы не подтверждают регламенты, а либо одобряют, либо устанавливают / утверждают их. Если посмотреть перевод данного термина на платформе контекстного переводчика Reverso [Reverso], то можно также найти такие варианты, как *ратифицированный, удостоверенный, заверенный*. Выбор наиболее подходящего варианта будет зависеть от переводчика и предлагаемого контекста.

Таким образом, мы вновь убеждаемся в том, что наиболее серьезные трудности, с которыми сталкивается переводчик документов корпоративного права, связаны со спецификой юридического перевода (ЮП) как такового. Как пишет Д. Н. Шлепнев, «главная проблема ЮП, предопределяющая остальные, в частности, терминологические, — это различие правовых систем» [Шлепнев, 2017, с. 175]. Из чего следует, что «ЮП есть всегда акт сравнительного правоведения плюс собственно переводческая операция, а переводчик, подобно юристу-компаративисту, занимается толкованием текста, хотя и с иными, нежели юрист, целями и иными способами» [Gémar, 2015, p. 481]. Терминологическая система корпоративного права есть, по сути, отражение понятийного аппарата, лежащего в основе правовой системы того или иного государства. Сопоставление терминологии российского

корпоративного права и корпоративного права арабских стран свидетельствует о несовпадении объемов понятий, казалось бы, эквивалентных русских и арабских терминов, об использовании разных по содержанию терминов для обозначения одних и тех же объектов или понятий, что неизбежно создает проблемы при переводе. В нашем случае характерной особенностью арабского корпоративного права является его «отягощенность» культурно-специфическими элементами, что связано с ориентацией юридических систем арабских государств на законы шариата.

4. Заключение = Conclusions

Большинство трудностей, возникающих при переводе документации корпоративного права с арабского языка на русский и наоборот, как и следовало ожидать, связано с различиями в самих системах корпоративного права. В нашем случае эти расхождения весьма существенны, что обусловлено несходством самих источников арабского и российского корпоративного права. Если корпоративное право арабских стран основано на европейском гражданском праве и исламском праве, причем последнее оказывает весьма существенное влияние на правовые системы арабских стран, то российское корпоративное право в значительной степени ориентировано на немецкое, французское и отчасти англо-американское право. Подобные расхождения в правовых системах не могли не отразиться как в понятийном аппарате корпоративного права разных стран, так и в отражающих его терминологических системах. Таким образом, лежащие на поверхностном уровне сугубо лингвистические проблемы, связанные со спецификой этих двух языковых систем и возникающие при переводе любого текста с одного языка на другой, в случае перевода документации корпоративного права дополняются и усугубляются трудностями, возникающими в связи со своеобразием каждой из культур (что очень редко случается в специальном переводе как таковом), с различиями в конвенциях написания юридических документов в разных странах, в частности, в использовании стандартных исламских клише в арабских юридических документах. Дополнительный усложняющий фактор — использование неодинаковых арабских терминов в разных странах арабского мира для обозначения одних и тех же понятий.

Наличие прямых межъязыковых соответствий облегчает задачу переводчика по воспроизведению содержания юридического документа в переводе. Но это воспроизведение будет неполным или неточным, если не решить проблемы, связанные с различиями в терминологических системах. Общий принцип решения подобных проблем — четкое обозначение в переводе именно того, что подразумевается автором оригинала, что во

многих случаях предполагает отказ от буквального воспроизведения лексического значения терминологической единицы исходного, прежде всего арабского, языка, особенно если эта единица не имеет соответствия в переводящем языке.

Следование этому принципу позволит переводчикам успешно обеспечить взаимопонимание между представителями разных культур и, таким образом, способствовать развитию внешнеэкономических отношений России со странами арабского Востока.

Источники и принятые сокращения

1. *Англо-русский академический словарь* [Электронный ресурс] // Академик. — Режим доступа : https://economy_en_ru.academic.ru/17499/de_facto_corporation (дата обращения 16.11.2022).
2. *Исламский календарь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Исламский_календарь (дата обращения 16.11.2022).
3. *Телефонный разговор с Наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедом Бен Сальманом Аль Саудом* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69408> (дата обращения 25.09.2022).
4. *Federal Law № (2) of 2015 AD On Commercial Companies, UAE* [Electronic resource]. — Access mode : [https://ded.ae/ded_files/Files/القوانين%20التشريعات%20PDF/Federal_Law_No_\(2\)_of_2015_AD_On_Commercial_Companies.pdf](https://ded.ae/ded_files/Files/القوانين%20التشريعات%20PDF/Federal_Law_No_(2)_of_2015_AD_On_Commercial_Companies.pdf) (accessed 16.11.2022).
5. *New Companies' Law 2022, Saudi Arabia* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.idc.gov.sa/en_us/RulesandRegulations1/The%20saudi%20Companies%27%20Law.pdf (accessed 16.11.2022).
6. *Oxford Learner's Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/de-facto_3 (accessed 20.12.2022).
7. *Reverso* : контекстный переводчик [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://context.reverso.net/перевод/арабский-русский/مصدق+عليها> (дата обращения 25.09.2022).

Литература

1. *Авилов Г. Е.* Юридические лица в современном российском гражданском праве / Г. Е. Авилов, Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — Т. 6. — С. 14—15.
2. *Ерахтина О. С.* Корпоративное право : учебное пособие / О. С. Ерахтина. — Пермь : Пермский фил. НИУ ВШЭ, 2011. — 222 с. — ISBN 978-5-900414-10-2.
3. *Магомедов М. И.* Лингвокультурные особенности арабского юридического текста и специфика перевода терминологии исламского права на русский язык / М. И. Магомедов, П. М. Магомедова // Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2022. — № 6 (169). — С. 220—225.
4. *Международный конгресс «Право, культура, образование : интеграция и социальные вызовы»* (г. Москва, Международный юридический институт, 28—30 марта 2012 г.).
5. *Попондопуло В. Ф.* Корпоративное право России : общая характеристика / В. Ф. Попондопуло // Казахстан Республикасы Заңнама институтының жаршысы. — 2016. — № 2 (43). — С. 93—100.

6. Сафаргалеев И. Ф. Сотрудничество России и Саудовской Аравии в нефтегазовой сфере и религиозный фактор / И. Ф. Сафаргалеев // Постсоветский материк. — 2019. — № 52 (6). — С. 186—194.
7. Сурков Н. Ю. Россия и Аравийские монархии : поиск общих интересов и перспективы сотрудничества / Н. Ю. Сурков // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. — 2022. — Т. 6. — Выпуск 1. — С. 81—90. — DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-81-90>.
8. Шлеппев Д. Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс : к вопросу об определении / Д. Н. Шлеппев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12—2 (78). — С. 174—177.
9. Abu-ghararah B. A. The Gap between Translator Training and the Translation Industry in Saudi Arabia / B. A. Abu-ghararah // Arab World English Journal for Translation & Literary Studies. — 2017. — № 1(4). — Pp. 107—118. — DOI: <http://dx.doi.org/10.24093/awejtls/vol1no4.8>.
10. Al-Batineh M. Translator Training in the Arab World : Are Curricula Aligned with the Language Industry? / M. Al-Batineh, L. Bilali // The Interpreter and Translator Trainer. — 2017. — № 11. — Pp. 187—203. — DOI: 10.1080/1750399X.2017.1350900.
11. Al-Shargabi E. An Analysis of Translation Programs in Yemeni Universities in the Light of the Local Market Needs : a dissertation. University of Science and Technology / E. Al-Shargabi, Q. Abdulghani. — Yemen : [b. i.], 2022. — 173 p.
12. Altarabin M. Translating English Legal Lexical Features into Arabic : Challenges and Possibilities / M. Altarabin // AWEJ for Translation & Literary Studies. — 2018. — Vol. 2. — № 2. — Pp. 199—209. — DOI: <http://dx.doi.org/10.24093/awejtls/vol2no2.14>.
13. Alvaraz Caró E. Translation practices explained, legal translation explained / E. Alvaraz Caró, B. Hughes. — Manchester : St. Jerome, 2002. — 216 p.
14. El-Farahaty H. Translating Lexical Legal Terms Between English and Arabic / H. El-Farahaty // Int J Semiot Law. — 2016. — № 29. — Pp. 473—493.
15. Gémard J.-C. De la traduction juridique à la jurilinguistique : la quête de l'équivalence / J.-C. Gémard // Meta : Journal des traducteurs. — 2015. — Vol. 60. — № 3. — Pp. 476—493.
16. Husni R. Arabic-English-Arabic Translation : Issues and Strategies / R. Husni, D. L. Newman. — London and New York : Routledge, 2015. — 218 p.
17. Izwaini S. Conducting Research on Translation in and about the UAE / S. Izwaini // Arab World English Journal. — 2014. — № 3. — Pp. 155—172.
18. Jacquemond R. Translation Policies in the Arab World. Representations, Discourses and Realities / R. Jacquemond // The Translator. — 2009. — Vol. 15. — № 1. — Pp. 15—35.
19. Thawabteh M.A. Training Legal Translators and Interpreters in Palestine / M. A. Thawabteh, O.Y. Najjar // Arab World English Journal. — 2014. — № 3. — Pp. 41—52.

Material resources

English-Russian Academic dictionary. Portal “Academician”. Available at: https://economy_ru.academic.ru/17499/de_facto_corporation (accessed 16.11.2022). (In Russ.).

Federal Law № (2) of 2015 AD On Commercial Companies, UAE. Available at: [https://ded.ae/ded_files/Files/القوانين%20التشريعات%20PDF/Federal_Law_No_\(2\)_of_2015_AD_On_Commercial_Companies.pdf](https://ded.ae/ded_files/Files/القوانين%20التشريعات%20PDF/Federal_Law_No_(2)_of_2015_AD_On_Commercial_Companies.pdf) (accessed 16.11.2022).

Islamic Calendar. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Исламский_календарь (accessed 16.11.2022). (In Russ.).

New Companies' Law 2022, Saudi Arabia. Available at: <https://www.idc.gov.sa/en/us/RulesandRegulations1/The%20saudi%20Companies%27%20Law.pdf> (accessed 16.11.2022).

Oxford Learner's Dictionary. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/de-facto_3 (accessed 20.12.2022).

Reverso: context translator. Available at: <https://context.reverso.net/перевод/арабский-русский/عليها/مصدق> (accessed 25.09.2022). (In Russ.).

Telephone conversation with Crown Prince of Saudi Arabia Mohammed Bin Salman Al Saud. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69408> (accessed 25.09.2022). (In Russ.).

References

- Abu-ghararah, B. A. (2017). The Gap between Translator Training and the Translation Industry in Saudi Arabia. *Arab World English Journal for Translation & Literary Studies*, 1 (4): 107—118. DOI: <http://dx.doi.org/10.24093/awejtls/vol1no4.8>.
- Al-Batineh, M., Bilali, L. (2017). Translator Training in the Arab World: Are Curricula Aligned with the Language Industry? *The Interpreter and Translator Trainer*, 11: 187—203. DOI: 10.1080/1750399X.2017.1350900.
- Al-Shargabi, E., Abdulghani, Q. (2022). *An Analysis of Translation Programs in Yemeni Universities in the Light of the Local Market Needs: a dissertation*. University of Science and Technology. Yemen: [b. i.]. 173 p.
- Altarabin, M. (2018). Translating English Legal Lexical Features into Arabic: Challenges and Possibilities. *AWEJ for Translation & Literary Studies*, 2 (2): 199—209. DOI: <http://dx.doi.org/10.24093/awejtls/vol2no2.14>.
- Alvaraz Caró, E., Hughes, B. (2002). *Translation practices explained, legal translation explained*. Manchester: St. Jerome. 216 p.
- Avilov, G. E., Sukhanov, E. A. (2006). Legal entities in modern Russian civil law. *Bulletin of Civil Law*, 1 (6): 14—15. (In Russ.).
- El-Farahaty, H. (2016). Translating Lexical Legal Terms Between English and Arabic. *Int J Semiot Law*, 29: 473—493.
- Gémar, J.-C. (2015). De la traduction juridique à la jurilinguistique: la quête de l'équivalence. *Meta: Journal des traducteurs*, 60 (3): 476—493. (In Franc.).
- Husni, R., Newman, D. L. (2015). *Arabic-English-Arabic Translation: Issues and Strategies*. London and New York: Routledge. 218 p.
- International Congress "Law, Culture, education: integration and Social Challenges" (Moscow, International Law Institute, March 28—30, 2012)*. (In Russ.).
- Izwaini, S. (2014). Conducting Research on Translation in and about the UAE. *Arab World English Journal*, 3: 155—172.
- Jacquemond, R. (2009). Translation Policies in the Arab World. Representations, Discourses and Realities. *The Translator*, 15 (1): 15—35.
- Magomedov, M. I., Magomedova, P. M. (2022). Linguocultural features of the Arabic legal text and the specifics of translating the terminology of Islamic law into Russian. *News of the VSPU. Philological sciences*, 6 (169): 220—225. (In Russ.).
- Popondopulo, V. F. (2016). Corporate Law of Russia: general characteristics. *Kazakhstan Respublikasy Zannama institutyn zharshysy*, 2 (43): 93—100. (In Russ.).
- Safargaleev, I. F. (2019). Cooperation between Russia and Saudi Arabia in the oil and gas sector and the religious factor. *Post-Soviet continent*, 52 (6): 186—194. (In Russ.).



- Shlepnev, D. N. (2017). Legal translation, legal text, legal discourse: on the question of definition. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 12—2 (78): 174—177. (In Russ.).
- Surkov, N. Y. (2022). Russia and the Arabian monarchies: the search for common interests and prospects for cooperation. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*, 6 (1): 81—90. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-81-90>. (In Russ.).
- Thawabteh, M. A., Najjar, O. Y. (2014). Training Legal Translators and Interpreters in Palestine. *Arab World English Journal*, 3: 41—52.
- Yerakhtina, O. S. (2011). *Corporate Law: textbook*. Perm: Perm phil. HSE. 222 p. ISBN 978-5-900414-10-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.12.2022,
одобрена после рецензирования 20.01.2023,
подготовлена к публикации 30.01.2023.



Сигал К. Я. Пунктуационные ошибки взрослых носителей русского языка с точки зрения психолингвистики (на материале пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым») / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 90—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-90-111.

Seagal, K. Ya. (2023). Punctuation Errors of Adult Native Russian Speakers and Psycholinguistics (Dash between Subject and Predicate). *Nauchnyi dialog*, 12(1): 90-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-90-111. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-90-111

**Пунктуационные ошибки
взрослых носителей
русского языка с точки
зрения психолингвистики
(на материале
пунктограммы
«Тире между подлежащим
и сказуемым»)**

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

**Punctuation Errors
of Adult Native
Russian Speakers
and Psycholinguistics
(Dash between
Subject and Predicate)**

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology,
Chief Researcher
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема психолингвистической интерпретации (с позиции пишущего) пунктуационных ошибок. Материалом для исследования послужили пунктуационные ошибки по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым» и их объяснения, полученные от взрослых испытуемых (от 22 до 30 лет) в рамках «естественного» эксперимента. Актуальность исследования состоит, во-первых, в психолингвистическом «повороте» изучения пунктуационных ошибок; во-вторых, в разработке представления о пунктуации как об особом компоненте в порождении письменного высказывания. Показано, что пунктуационные ошибки, связанные с пропуском тире или с постановкой вместо него запятой в позиции между номинативным / инфинитивным подлежащим и сказуемым с нулевой связкой, преимущественно обусловлены сверхгенерализацией модельных условий применения тире. Автор разъясняет, что пунктуационный компонент создается пунктуационными навыками, приобретенными в процессе обучения, и представляет собой систему речевых действий (и операций), позволяющих употреблять пунктограмму или знак препинания соответственно норме, узусу и намерениям пишущего. Анализ пунктуационных ошибок приводит к выводу о том, что пунктуационный компонент, с одной стороны, распределен между поздними фазами внутренней речи и внешней речью, а с другой стороны, принадлежит не только модели порождения отдельного письменного высказывания, но и модели порождения письменного текста.

Ключевые слова:

психолингвистика; пунктуация; пунктограмма; пунктуационная ошибка; пунктуационный компонент в порождении письменного высказывания; естественный эксперимент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of psycholinguistic interpretation (from the point of view of the writer) of punctuation errors is considered. The material for the study was punctuation errors in the punctogram “Dash between the subject and the predicate” and their explanations obtained from adult subjects (from 22 to 30 years old) as part of a “natural” experiment. The relevance of the study lies, firstly, in the psycholinguistic “turn” in the study of punctuation errors; secondly, in the development of the concept of punctuation as a special component in the generation of a written utterance. It is shown that punctuation errors associated with the omission of a dash or with the use of a comma instead of it in the position between the nominative / infinitive subject and the predicate with a zero copula are mainly due to the overgeneralization of the model conditions for the use of a dash. The author explains that the punctuation component is created by punctuation skills acquired in the learning process and is a system of speech actions (and operations) that allow using a punctogram or a punctuation mark in accordance with the norm, usage and intentions of the writer. The analysis of punctuation errors comes to the conclusion that the punctuation component, on the one hand, is distributed between the late phases of inner speech and external speech, and on the other hand, belongs not only to the model of generating a separate written utterance, but also to the model of generating a written text.

Key words:

psycholinguistics; punctuation; punctogram; punctuation error; punctuation component in the generation of a written utterance; natural experiment.

Пунктуационные ошибки взрослых носителей русского языка с точки зрения психолингвистики (на материале пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым»)

© Сигал К. Я., 2023

Памяти профессора Валентины Николаевны Светлышевой

*Speech error, the window of human mind,
is open for <...> further research
on the part of the erring human beings.*

Yang Wei

1. Введение = Introduction

Как известно, пунктуационные (и в целом речевые) ошибки, состоящие в «отклонении от правил» и «нарушающие ожидания грамотных взрослых носителей языка» [Ferris, 2011, p. 3], в наши дни исследуются в рамках лингводидактики, психолингвистики и даже особой «лингвистики грамотности» (ср. [The linguistics of literacy, 1992]). В начале XXI века, по мнению А. А. Залевской, «произошел переход от рассмотрения речевой ошибки в чисто прикладных целях (прежде всего — при обучении языку) к ее теоретическому осмыслению и объяснению не только механизмов и причин самой ошибки, но и работы речевого механизма в целом» [Залевская, 2009, с. 6]. При этом по отношению к пунктуационным ошибкам необходимо констатировать несоответствие между их эмпирической массой и коммуникативной значимостью, с одной стороны, и степенью освещенности психолингвистического механизма пунктуационного маркирования при порождении письменного высказывания, с другой.

Согласно современным исследованиям, среди ошибок, отмечаемых в письменных творческих работах студентов, пунктуационные ошибки составляют более 60 % [Красиков, 1984, с. 94]. Вместе с тем М. Файоль в эксперименте приходит к выводу о том, что «“плохо” оформленные в пунктуационном отношении тексты требуют, по крайней мере на определенном этапе развития, более длительного времени чтения» [Fayol, 1989, p. 37] (ср. также [Хакимова, 2011, с. 274]). Иначе говоря, коммуникативная себестоимость пунктуационной ошибки может быть довольно высока. Однако, как полагает К. Крейг, пунктуационные ошибки исследуются мало потому, что

«большинство людей считают эту тему либо скучной, либо неважной (either boring or unimportant)» [Craig, 1977, p. 206]. По этой причине до сих пор изучение пунктуационных ошибок (преимущественно в рамках лингводидактики [Никеров, 1985]) остается «вещью в себе»: во многом не удалось понять, что именно в речевой деятельности пишущего приводит к той или иной пунктуационной ошибке и как вообще «работает» пунктуация при порождении письменного высказывания.

Цель настоящей статьи — психолингвистическая интерпретация (с позиции пишущего) пунктуационных ошибок, допущенных взрослыми носителями русского языка в ходе «естественного» эксперимента, материалом для которого послужили предложения, имеющие пунктуационную позицию для постановки тире между подлежащим и сказуемым.

Актуальность статьи заключается, во-первых, в психолингвистическом «повороте» исследования пунктуационных ошибок, тем более применительно к взрослым, с их сформированными пунктуационными навыками и привычками; во-вторых, в обращении к методу эксперимента для раскрытия психолингвистических причин тех пунктуационных ошибок, которые допускают пишущие при оперировании одной и той же пунктограммой; в-третьих, в установлении роли пунктуационной ошибки, рассмотренной с точки зрения речевой деятельности пишущих, в выработке представлений о пунктуации (точнее — о пунктуационном маркировании) как об особом компоненте в порождении письменного высказывания.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней, во-первых, применен психолингвистический подход к пунктуационным ошибкам, а во-вторых, описана специфика функционирования пунктуации при порождении письменного высказывания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала для исследования пунктуационных ошибок было бы разумно сосредоточиться не на том или ином знаке препинания, в разных пунктуационных позициях выполняющем разные функции, а на так называемой пунктограмме. За термином *пунктограмма*, впервые использованным В. А. Добромысловым в начале 1940-х годов, закрепилось понятие знака или знаков препинания, «обслуживающих одно синтаксическое явление» [Григорян, 1982, с. 4, 11]. «Словесное выражение пунктограммы, — отмечает Г. И. Блинов, — обычно включает название пунктуационного знака и наименование синтаксической единицы, для оформления которой он употребляется» [Блинов, 1990, с. 11]. Пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» представляет собой конкретный материал, исследуемый в статье. Обращение к названной пунктограмме вызвано тем,

что, с одной стороны, эта пунктограмма связана с наиболее устойчивым в письменно-речевой практике структурно-синтаксическим принципом пунктуации, а с другой стороны, пунктуационные ошибки, согласно наблюдениям лингводидактов, здесь «сравнительно редки» [Там же, с. 57]. Для эксперимента были взяты 7 разных по синтаксической структуре афористических высказываний, в которых находит реализацию данная пунктограмма. Среди них — нравственные сентенции, принадлежащие как русским, так и зарубежным авторам. В данном случае допустимость смещения исконных текстов и переводов обусловлена единообразием реализации пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым».

Для получения материала и — частично — для психолингвистической интерпретации (с позиции пишущего) пунктуационных ошибок был применен метод «естественного» эксперимента, благодаря которому совмещается «произвольное вмешательство в психическую жизнь человека <...> с сравнительно простой и естественной обстановкой опыта» [Лазурский, 1925, с. 43]. Участвуя в «естественном» эксперименте, испытуемый «не должен подозревать, что над ним производятся опыты. Благодаря этому отпадает смущение и <...> преднамеренность ответов» [Там же, с. 44]. При работе со взрослыми «естественность» эксперимента может быть обеспечена на занятиях по русскому языку в процессе получения второго образования. Наш эксперимент был проведен в октябре 2014 года с 26 взрослыми носителями русского языка (девушками от 22 до 30 лет), получавшими второе образование на очно-заочном отделении Колледжа МИД РФ. По своему первому образованию участники эксперимента (инженеры, менеджеры, экономисты и др.) не были связаны с русским языком как специальностью. На одном из занятий под диктовку на отдельных листочках были записаны 7 афористических высказываний, имеющих пунктуационную позицию для постановки тире между подлежащим и сказуемым; на следующем занятии (через неделю) испытуемых попросили просмотреть свои работы и объяснить допущенные пунктуационные ошибки. Существенно, что соответствующий пунктуационный материал предварительно не повторялся. Подобные диктовки с последующими объяснениями ошибок проводились постоянно, причем оценки за это не ставились. Благодаря привычности такого рода учебной деятельности, не влияющей к тому же на оценку, возникает эффект «естественного» эксперимента. Важно подчеркнуть, что, по условиям «естественного» эксперимента, испытуемые не знали о том, что они являются участниками экспериментального исследования. Именно поэтому все пунктуационные реакции и объяснения пунктуационных ошибок, полученные от них, подаются здесь в неавторизованном виде.

Пунктуационные ошибки взрослых практически не изучались в современной лингвистике. Однако О. Йокояма на материале крестьянских писем конца XIX века установила, что у взрослых, даже обучавшихся пунктуации, может происходить потеря пунктуационных навыков либо переориентация пунктуационного маркирования исключительно на интонационный принцип [Йокояма, 2005, с. 633—634]. Подступы к психолингвистической интерпретации речевых ошибок осуществлялись обычно безотносительно к ошибкам пунктуационным. Тем не менее весьма ценен тезис А. А. Леонтьева о том, что «речевые ошибки — явления, различающиеся своим генезисом, но являющиеся признаком неадекватности речевого действия по тем или иным параметрам, обуславливающим это речевое действие» [Леонтьев, 1970, с. 78]. Представляется, что для психолингвистической интерпретации пунктуационных ошибок существенно соотношение их с речевыми действиями (и даже операциями), в чем-то неадекватными по своей пунктуационной реализации. По мнению Ю. В. Красикова, в речевой ошибке запечатлевается «нарушение соответствия между эталоном и реализацией на том или ином уровне порождения» [Красиков, 1980, с. 109]. По отношению к пунктуационным ошибкам это означает не что иное, как наличие в программе высказывания, реализуемого в письменном регистре, особых эталонов пунктуационного маркирования (например, эталонов оформления тех или иных пунктуационных позиций), отход от которых приводит к ошибкам в употреблении знаков препинания. В русле психолингвистического осмысления пунктуационных ошибок целесообразно учитывать, что нарушаемые в них пунктуационные нормы «в аспекте “функционирования” <...> выступают как “данные в языке”, то есть как заданные свойствами функционирующей системы» [Шварцкопф, 1988, с. 137]. Отсюда следует, что пунктуация является неотъемлемым компонентом порождения письменного высказывания, что наличие пунктуационного оформления необходимо в графической «упаковке» высказывания и, наконец, что в пунктуационных ошибках объективируются разного рода «сбои», возникающие при развертке письменного высказывания.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Пунктуационные ошибки в свете современных научных представлений

Современные научные представления о пунктуационных ошибках сложились в рамках лингводидактики, исследующей процесс овладения (и отчасти — само владение) пунктуацией детьми школьного возраста и разрабатывающей приемы управления этим процессом. Однако, как показывают многолетние наблюдения над пунктуационными ошибками взрос-

лых, добытые в лингводидактике сведения о пунктуационных ошибках школьников носят универсальный характер. Эти сведения касаются природы пунктуационных ошибок, причин их возникновения и их типологии.

Существует тенденция трактовать пунктуационные ошибки как чисто оформительские, почти не зависящие от порождения конкретного письменного высказывания и от стремления пишущего соблюдать / нарушать конвенции маркирования тех или иных пунктуационных позиций. Так, например, К. Джеймс, рассматривая такие пунктуационные ошибки в английской письменной речи, как «чрезмерное включение запятой между антецедентом и ограничительной относительной клаузой: *I know a man*, who fought in the Boer War* ‘Я знаю человека, который сражался в англо-бурской войне’», называет их «механическими ошибками (‘mechanical’ errors)» [James, 1998, p. 130—131]. Такой взгляд на природу пунктуационных ошибок неизбежно приводит к неверному их пониманию как «отсутствия простого механического навыка (lack of a simple mechanical skill)» [The linguistics of literacy, 1992, p. 293]. Напротив, пунктуационные ошибки свидетельствуют о том, что пишущий не сумел обозначить конвенциональными средствами пунктуации всех пунктуационных позиций, созданных границами письменного высказывания, его синтаксической структурой, экспрессивной нагрузкой и смысловыми связями с контекстом. Именно поэтому пунктуационные ошибки указывают на то, что пишущий отнесся к расстановке пунктуационных знаков без осознания тех оснований, которыми создаются пунктуационные позиции, и без должного внимания к пунктуационной «акцентировке» письменного высказывания. Кроме того, если бы пунктуационные ошибки были механическими, то пишущие не могли бы намеренно предотвращать их появление в собственной речи. А. Ф. Ломизов приводит любопытный факт: «Чтобы избежать пунктуационных ошибок, учащиеся иногда сознательно (! — К. С.) упрощают, обедняют синтаксический строй своей письменной речи» [Ломизов, 1975, с. 65].

Среди наиболее значимых с точки зрения психолингвистики причин возникновения пунктуационных ошибок следует отметить такие, как «недостаточно глубокие и прочные знания синтаксиса, с которым связаны пунктуационные правила», отставание в «развитии логического мышления», «слабо развитый речевой слух», «постановка знаков препинания не в процессе письма, а после написания текста» [Там же, с. 66—67]. Последняя из этих причин крайне важна потому, что разделение во времени записи текста и расстановки в нем знаков препинания делает невозможным формирование пунктуационного навыка [Никеров, 1985, с. 22]. При экспериментальном исследовании пунктуационных ошибок стоит иметь в виду,

что «одна и та же ошибка у разных учащихся может появиться в результате разных причин» [Ломизов, 1975, с. 74].

Изначально типы пунктуационных ошибок выделялись для каждой пунктограммы, что препятствовало установлению общих механизмов разных пунктуационных ошибок. В 1980-е годы Л. Т. Григорян предложила типологию пунктуационных ошибок, основанную на результатах тех или иных неадекватных речевых действий в сфере пунктуационного маркирования письменного высказывания. Здесь разграничены четыре типа пунктуационных ошибок: «1) отсутствие нужных знаков препинания; 2) лишние знаки; 3) употребление не того знака, который требуется в данном случае; 4) постановка знака не на том месте, где требуется» [Григорян, 1982, с. 20]. Благодаря данной типологии могут быть обобщены пунктуационные ошибки, допущенные при использовании разных пунктограмм. Так, в частности, в экспериментальном материале, полученном по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», представлены два типа пунктуационных ошибок (согласно типологии Л. Т. Григорян): отсутствие нужного знака препинания («тире») и употребление не того знака, который требуется в данном случае («запятой»). Правда, каждый из этих типов пунктуационных ошибок не имеет здесь единого обоснования.

3.2. Пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» и оперирование ею пишущими

Пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» связана с рядом грамматических ограничений, приводящих к необходимости графического обозначения границы между подлежащим и сказуемым как особой пунктуационной позиции. Первое ограничение состоит в однотипности словоформ, употребляемых в функции подлежащего и сказуемого (номинатив, инфинитив). Подобный «морфологизм» [Блинов, 1990, с. 54] соблюдается в таких типах двусоставных предложений, как биноминативные и биинфинитивные. Эти предложения обладают семантикой идентифицирующего либо характеризующего тождества. Второе ограничение заключается в опущении связочного компонента в форме настоящего времени. При соблюдении обоих ограничений граница между подлежащим и сказуемым маркируется посредством тире.

Тире в данной пунктуационной позиции получило различную оценку в трудах по русской пунктуации. Так, А. М. Пешковский считал, что это «чисто зрительная, не читающаяся черта, употребляющаяся <...> для обозначения отрицательной связки» [Пешковский, 1922, с. 98]. Однако здесь тире, безусловно, просодически значимо, поскольку оно выражает при чтении вслух предикативную паузу, усиленную за счет нулевой связки. Т. М. Николаева понимала тире как «показатель двучленности выска-

звания, его актуального членения на основу и ядро» [Николаева, 1979, с. 31]. Тем не менее не во всех типах двусоставных предложений разграничение на тему и рему посредством тире является обязательным, тогда как в биноминативных и биинфинитивных предложениях с нулевой связкой, где тире остается также показателем актуального членения, употребление этого знака препинания необходимо (согласно пунктуационной норме [Правила..., 1995, с. 107—108]!). Отсюда следует, что более убедительно полагать: в этой пунктуационной позиции «функция тире — обозначать нулевую словоформу» [Блинов, 1990, с. 53].

Пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» является в русской пунктуации национально-специфичной, отражающей одну из характерологических особенностей синтаксического строя русского языка. Й. Вахек впервые отметил, что «в русском языке тире внутри предложения может <...> выполнять функцию связки, которой, как известно, нет в русских предложениях, использующих презенс индикатива. В других письменных языках, особенно с латинской графикой, эта грамматическая функция тире <...> неизвестна» [Vachek, 1989, p. 50]. Показательно, что опытные учителя при объяснении этой пунктограммы уже более полувека назад обращались к приему сопоставления: например, английскому глаголу-связке *is* в предложении *A fable is a story with a moral* соответствует русское тире, восполняющее глагол-связку *есть*, в предложении *Басня — история с моралью* [Рейнке и др., 1971, с. 202—203].

В письменно-речевой практике использование пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым» является малочастотным. Например, пунктуационный анализ повести А. П. Чехова «Степь» показал, что по отношению к общему количеству пунктограмм внутри простого и сложного предложения доля пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым» составляет 0,06 % [Блинов, 1970, с. 265]. По-видимому, этот факт объясняется довольно узкой функционально-семантической специализацией предложений, в которых обязательна постановка тире между подлежащим и сказуемым, а именно их участием в разного рода дефинициях, счетных формулах, афористических суждениях, устойчивых выражениях. Несмотря на такое положение дел, взрослые довольно уверенно оперируют пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым»: правильное пунктуационное маркирование преобладает здесь над неправильным, особенно если речевые реализации предложений по составу незначительно отличаются от их синтаксических моделей (N_1 — N_1 ; Inf — Inf и др.). Обычно пунктуационные ошибки возникают при оперировании пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым» вследствие сверхгенерализации модельных синтаксических условий применения тире.

Оперирование пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым» затрудняется отдельными корректирующими правилами, которые не дают пишущим четких указаний. Так, например, в одном и том же биноминативном предложении с нулевой связкой (типа *Моя мать — инженер / Моя мать инженер*) употребление тире ставится в зависимость от того, к какому стилю речи (книжному / разговорному) относится это предложение [Розенталь, 1996, с. 107]. Получается, что при написании автобиографии (как личного документа) тире должно быть поставлено, а при передаче разговорной речи на письме (в повествовании от 1-го лица, в конструкции прямой речи, в диалогической реплике) — нет. При этом за наличием / отсутствием тире здесь не стоит каких-либо просодических различий. Письменно-речевая практика свидетельствует о том, что в предложениях типа *Моя мать — инженер* постановка знака «тире» преобладает в различных контекстно-стилевых условиях. Это происходит по той причине, что пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» ориентирована на структурно-синтаксический принцип пунктуации.

Пишущие довольно регулярно оперируют пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым» в тех случаях, когда в письменном высказывании не создано идеальных, собственно модельных условий представления соответствующей пунктуационной позиции. Например, происходит «совмещение пунктограмм» [Блинов, 1990, с. 56], вызванное интерпозицией обособленного определения или придаточного определительного. Именно поэтому подбор стимульного материала для эксперимента проводился таким образом, чтобы испытуемые столкнулись с различными «помехами» в опознании пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым». В частности, дозировалось употребление связочных частиц (типа *это, значит*), обеспечивалась повышенная встречаемость интерпозитивных атрибутов разной структуры, а также придаточных местоименно-соотносительных в функции одного из номинативных главных членов предложения.

3.3. Пунктуационные ошибки, связанные с пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым» (по данным эксперимента)

В результате «естественного» эксперимента на каждый из 7-ми стимулов (афористических высказываний, в структуре которых представлена пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым») от испытуемых было получено по 26 реакций (общее количество реакций — 182). Перейдем к рассмотрению стимулов (их порядковый номер соответствует последовательности диктовки) и данных на них пунктуационных реакций, уделяя особое внимание пунктуационным ошибкам и их объяснениям, предложенным испытуемыми.

На 1-й стимул *Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее* (Ф. М. Достоевский) [ЗЭМ, с. 460] получены 24 (92,3 %) реакции, где перед связочной частицей *это* в биноминативном предложении поставлено тире, и 2 (7,7 %) реакции, где эта же пунктуационная позиция обозначена запятой. При объяснении пунктуационной ошибки испытуемые указали на то, что предпочтение запятой их побудила громоздкость предложения. Немотивированное употребление запятой вместо тире в данной пунктуационной позиции препятствует «отражению» знаком препинания «конструктивно-синтаксического и семантического членения предложения» [Ким, 2019, с. 93].

На 2-й стимул *Человек, объятый сильной страстью, — страшный эгоист* (А. И. Герцен) [ЗЭМ, с. 444] получены 11 (42,3 %) реакций, в которых разделение номинативных подлежащего и сказуемого с нулевой связкой посредством знака «тире» и выделение интерпозитивного обособленного определения посредством двойной запятой приводят к совмещению правого элемента двойной запятой и тире. Пунктуационная норма при совмещении этих двух пунктограмм не допускает поглощения. Однако многие испытуемые поставили в этой пунктуационной позиции либо тире — 8 (30,8 %), не закрыв тем самым интерпозитивное обособленное определение правым элементом двойной запятой; либо запятой — 3 (11,5 %), не разделив номинативные подлежащее и сказуемое с нулевой связкой. В 4-х (15,4 %) реакциях использован только один пунктуационный знак — тире: *Человек объятый сильной страстью — страшный эгоист*. При объяснении здесь подчеркнули информативную недостаточность подлежащего и смысловую дефектность предложения без интерпозитивного атрибута. Ср.: **Человек — страшный эгоист*. Однако в пунктуационном оформлении обособленных определений традиционно во главу угла ставится структурно-синтаксический принцип.

На 3-й стимул *Слово, удержанное тобой, — раб твой; слово, вырвавшееся у тебя, — твой господин* (Х. Ширази) [ЗЭМ, с. 184] получены 10 (38,5 %) реакций с тем же самым пунктуационным маркированием и 9 (34,6 %) реакций, в которых на границе частей бессоюзного сложного предложения поставлена не точка с запятой, а запятая. При объяснении этой пунктуационной ошибки отмечалось, что не было учтено наличие внутренних знаков препинания в частях бессоюзного сложного предложения (причем одинаковых в каждой части). Очевидно, что аналогия в синтаксической организации частей бессоюзного сложного предложения делает более заметным совмещение пунктограмм (ср. с реакциями на 2-й стимул). В 7-ми (26,9 %) реакциях тире поставлено только в первой части: *Слово, удержанное тобой, — раб твой; слово, вырвавшееся у тебя, твой*

господин. По утверждению испытуемых, эта пунктуационная ошибка вызвана сомнениями в том, что разные части бессоюзного сложного предложения могут иметь одинаковое пунктуационное оформление. Здесь не учтено, что постановка тире обязательна «при структурном параллелизме частей предложения» [Розенталь, 1996, с. 107], в особенности «если имеется сопоставление» [Правила..., 2014, с. 181]. Поэтому в данном случае тире выполняет функцию маркера нулевой связки в биноминативных частях и вместе с тем функцию маркера их композиционно-синтаксической организованности (и отчасти — смысловых отношений) в бессоюзном сложном предложении. Такая двуединая функция тире придает этому знаку препинания потенциал в пунктуационном обеспечении текстообразования.

4-й стимул *Воспитывать — значит возвышать ум и характер, значит вести к вершинам* (А. Моруа) [ЗЭМ, с. 559] в синтаксическом плане представляет собой биинфинитивное предложение со связочной частицей *значит*, повторяющейся при однородных инфинитивных сказуемых. На этот стимул получено 20 (76,9 %) реакций, где пунктуационная позиция между подлежащим и однородными сказуемыми маркирована посредством тире, и 6 (23,1 %) реакций, где в этой пунктуационной позиции нет нужного знака препинания. При объяснении пунктуационной ошибки испытуемые указывали на то, что связочная частица *значит* была принята ими за глагол-сказуемое, а предложение в целом было понято как толкование значения слова.

В 5-м стимуле *Идеалист — тот, кто, заметив, что роза пахнет лучшие капуста, заключает, что и суп из нее будет лучше* (Г. Л. Менкен) [ЗЭМ, с. 557] разногласия возникли только в постановке знака препинания в пунктуационной позиции между подлежащим и сказуемым при нулевой связке (ср.: *Идеалист — тот, кто <...> заключает*). Тире было дано в 23 (88,5 %) реакциях, пропущено же — в 3 (11,5 %). В данном случае в роли сказуемого выступает фразовая номинация — придаточное местоименно-соотносительное, относящееся к присвязочному члену — указательному местоимению *тот*. При объяснении пунктуационной ошибки испытуемые говорили о том, что они не сумели понять, какую синтаксическую функцию выполняет здесь придаточное местоименно-соотносительное.

На 6-й стимул *Настоящий признак, по которому можно узнать истинного мудреца, — терпение* (Г. Ибсен) [ЗЭМ, с. 477] получены 13 (50 %) реакций, в которых постановка тире между главными членами биноминативного предложения с нулевой связкой и обособление интерпозитивного придаточного определительного посредством двойной запятой приводят к составному знаку препинания «запятая и тире». В 9 (34,6 %) реакциях отсутствует закрывающий (правый) элемент двойной запятой при наличии тире, тогда

как в 4 (15,4 %) реакциях, наоборот, придаточное определительное выделено запятыми и тире пропущено. Причину этих пунктуационных ошибок испытуемые усмотрели в том, что далеко не всегда при совмещении пунктограмм появляется составной знак препинания. Показательно, что существующая в пунктуационном узусе тенденция отделять запятой / выделять двойной запятой придаточное обусловила отсутствие таких реакций на 6-й стимул, в которых интерпозитивное придаточное определительное было бы не выделено запятыми (ср. 15,4 % подобных реакций на 2-й стимул), хотя инверсивное именное сказуемое само по себе является здесь синсемантическим (ср. трансформ: **Терпение — настоящий признак*).

На 7-й стимул *Самый злой насмешник — кто осмеивает собственные увлечения* (В. О. Ключевский) [ЗЭМ, с. 495] получены 15 (57,7 %) реакций со знаком «тире» и 11 (42,3 %) реакций со знаком «запятая» в пунктуационной позиции между инверсивным сказуемым и подлежащим, выраженным придаточным местоименно-соотносительным (без указательного местоимения *тот*), в биноминативном предложении с нулевой связкой. При объяснении пунктуационной ошибки испытуемые отмечали, что постановку запятой вызвало осмысление всего предложения как сложноподчиненного с придаточным определительным (ср.: *Это самый злой насмешник, кто осмеивает собственные увлечения*). Очевидно, что подобная фразовая номинация, особенно без указательного местоимения *тот*, делает пунктуационную позицию для постановки тире между подлежащим и сказуемым перцептивно менее различимой: вовсе не случайно соотношение правильной («тире») и неправильной («запятая») реакций на 7-й стимул приближается к паритетному.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что при воспроизведении письменной речи (то есть при диктовке) взрослые довольно успешно осуществляют правилосообразные речевые действия по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым» (ср., в частности, 92,3 % безошибочных реакций на 1-й стимул). Причем их пунктуационную зоркость не ослабляют ни выполнение функции одного из главных членов придаточным предложением, ни совмещение пунктограмм, ни другие факторы «помехи». Испытуемые, выдавшие правильные пунктуационные реакции, сообщали о том, что они ориентировались либо на те синтаксические признаки, которые требуют постановки тире между подлежащим и сказуемым, либо на сохранившиеся в памяти школьные образцы типа *Москва — <это> мой город, Жизнь — <значит> Родине служить*. У взрослых высокая доля правильных пунктуационных реакций вызвана синтаксической обусловленностью этой пунктограммы, отражением в знаке препинания («тире») особенностей синтаксической структуры предложения: опытное

знание моделей предложений N_1 — N_1 и Inf — Inf, в формулах которых тире обязательно, способствует их узнаванию и, соответственно, правильному пунктуационному маркированию.

В экспериментальном материале представлены два типа пунктуационных ошибок (по Л. Т. Григорян): отсутствие нужного знака препинания («тире») и употребление не того знака препинания, который необходим в данной пунктуационной позиции («запятая»). Пунктуационные ошибки первого типа возникают вследствие неверного синтаксического анализа простого предложения как такового и простого предложения в составе сложного (при параллелизме строения), при совмещении пунктограмм, а также при осмыслении связочной частицы как полнозначительного слова. Пунктуационные ошибки второго типа связаны с учетом фактора, нерелевантного для данной пунктограммы (ср. громоздкость, отмеченную испытуемыми при объяснении 2-х ошибочных реакций на 1-й стимул), и с восприятием простого предложения как сложного. Несмотря на то, что каждый из двух типов пунктуационных ошибок имеет здесь разные обоснования, стоит отметить, что все пунктуационные ошибки, имеющиеся в экспериментальном материале по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», вызваны прежде всего недостаточной синхронизацией синтаксического анализа и пунктуационного маркирования при воспроизведении письменного высказывания. Именно поэтому в ошибках на одну и ту же пунктограмму отражается неадекватность речевых действий по весьма разным основаниям. Однако у взрослых конкретная ошибка по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым» охватывает от 7,7 % (на 1-й стимул) до 42,3 % (на 7-й стимул) реакций. Отсюда следует, что данная пунктограмма и речевые действия, необходимые для оперирования ею, хорошо сохраняются даже у тех испытуемых, которые изучали пунктуацию в школе давно. При этом, как уже было сказано, реализации этой пунктограммы в письменно-речевом узусе представлены весьма скромно.

Показательно, что почти все участники эксперимента охотно объясняли допущенные ими пунктуационные ошибки и что, судя по их словам, выдавая ту или иную пунктуационную реакцию, некоторые из них имели варианты пунктуационного оформления и обдумывали, какой из них предпочесть. Все это означает, что пунктуационная деятельность взрослых осуществляется в сознательном (то есть не в автоматизированном!) режиме, а ее результаты становятся объектом их метаязыковой рефлексии. Существенно, что знак препинания либо его отсутствие как ошибочный маркер определенной пунктуационной позиции обычно осмысливается испытуемыми на основе синтаксической характеристики письменного высказывания и его структурных элементов. При объяснении пунктуационных ошибок

взрослые осуществляли объективацию актов контроля над пунктуационным маркированием. Однако сознательному контролю не может быть подвергнуто то, чего нет в опыте пунктуационной деятельности пишущих: работа с испытуемыми дает основания полагать, что за пунктуационной ошибкой может стоять не только и не столько недостаток контроля со стороны пишущих, сколько недоучет ими разнообразных условий реализации пунктограммы.

3.4. Психолингвистическая интерпретация пунктуационных ошибок (с позиции пишущего)

Психолингвистическая интерпретация пунктуационных ошибок заключается в том, чтобы на основе обнаруженных в «естественном» эксперименте неадекватных речевых действий, стоящих за ошибками по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», разъяснить, как происходит функционирование пунктуации в речевой деятельности пишущего, и, в частности, выдвинуть идею об особом пунктуационном компоненте в порождении письменного высказывания. Основная трудность в данном случае состоит в том, что, с одной стороны, даже наиболее известные в психолингвистике модели порождения высказывания А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1969] и В. Й. М. Левелта [Levelt, 1989] обращены к устной речи и поэтому не учитывают процедур пунктуационной «упаковки» высказывания в письменной речи, а с другой стороны, по своей онтологии пунктуационный компонент отличается от других компонентов (в частности, от синтаксического), участвующих в порождении письменного высказывания. Во-первых, пунктуационный компонент формируется при обучении (то есть не возникает самопроизвольно в онтогенезе речи); во-вторых, пунктуационные навыки, создающие пунктуационный компонент как систему речевых действий (и операций), могут утрачиваться с течением времени. Однако, как тонко подметила И. Ю. Абелева, «по своему психологическому статусу письменное высказывание, равно как и устное, — это коммуникативный поступок его автора. И мотивы <...>, и <...> цели, и фазы порождения письменного высказывания те же» [Абелева, 2004, с. 164]. Отсюда следует, что при экстраполяции моделей порождения высказывания А. А. Леонтьева и В. Й. М. Левелта на письменную речь в них может быть найдено место и для пунктуационного компонента. Это подтверждается тем, что пишущие осознают необходимость обращения к пунктуации как таковой и правилосообразного речевого действия в рамках той или иной пунктограммы, представленной в письменном высказывании. Иначе говоря, к пунктуации в полной мере относится утверждение о том, что в письменной речи «средства выражения выступают как основной предмет деятельности» [Лурия, 1998, с. 271].

В модели порождения высказывания А. А. Леонтьева за «программированием грамматико-семантической стороны высказывания» следует «грамматическая реализация высказывания и выбор слов», затем «моторное программирование компонентов высказывания (синтагм)», «выбор звуков» и, наконец, «“выход”» [Леонтьев, 1969, с. 265]. Модель порождения высказывания В. Й. М. Левелта включает в себя концептуализатор (conceptualizer), формулятор (formulator), состоящий из грамматического кодировщика (grammatical encoder), который «создает грамматические отношения, отражающие концептуальные отношения в высказывании», и фонологического кодировщика (phonological encoder), а также артикулятора (articulator), дающего открытую речь (overt speech) [Levelt, 1989, p. 27]. Равно как и А. А. Леонтьев, допускающий при порождении осознание (и даже сознательный контроль) «осмысленных частей» высказывания [Леонтьев, 1969, с. 228], В. Й. М. Левелт включает в свою модель систему понимания речи (speech-comprehension system), «позволяющую говорящему следить (to monitor) за собственным продуцированием речи» [Levelt, 1989, p. 27].

При распространении этих моделей порождения высказывания на письменную речь пунктуационный компонент (по-другому, пунктуационная «упаковка») мог бы быть отнесен к «выходу» у А. А. Леонтьева и — условно — к «артикулятору» у В. Й. М. Левелта, так как пишущий непосредственно использует знаки препинания во внешней речи. Однако пунктуация, а точнее, потребность в обращении к знаку препинания как маркеру конкретной пунктуационной позиции, вступает в дело еще во внутренней речи. По А. А. Леонтьеву, «внутреннее программирование» является «субстратом “актуального членения” предложения» [Леонтьев, 1969, с. 221], а его синтаксический тип также закладывается во внутренней речи — на этапе грамматической реализации. Это означает, что при порождении высказывания, требующего применения пунктограммы «Тире между подлежащим и сказуемым», первый пунктуационный «импульс» возникает еще при внутреннем программировании, когда происходит размежевание темы и ремы, тогда как второй, уточняющий, пунктуационный «импульс» идет от грамматической реализации, где определяется синтаксическая модель предложения (например, $N_1 — N_1$) и ее пунктуационная позиция между подлежащим и сказуемым с нулевой связкой становится доступной сканированию. В рамках модели порождения высказывания В. Й. М. Левелта подобные пунктуационные «импульсы», по-видимому, принадлежат грамматическому кодировщику. Получается, что пунктуационный компонент в модели порождения письменного высказывания не обладает единственной локализацией: с одной стороны, в виде особых «импульсов» к пунктуации он отображен во внутренней речи, но только тогда, когда высказывание получило актуальное

и синтаксическое расчленение; с другой же стороны, конкретными знаками препинания, маркирующими те или иные пунктуационные позиции, он представлен во внешней речи, где высказывание обретает свою графическую (не только пунктуационную!) оформленность.

Важно отметить, что функционирование пунктуации в речевой деятельности пишущего обусловлено не чем иным, как его смысловым намерением, стремлением подчеркнуть смысловые отношения, акцентировать смысловой оттенок. Несмотря на то, что пунктограмма «Тире между подлежащим и сказуемым» основана на структурно-синтаксическом принципе, оперируя ею, пишущий прежде всего нацелен на то, чтобы подчеркнуть отношения тождества (ср. с ошибкой типа *Жить, Родине служить*, где запятой обозначено перечисление и передача отношений тождества, обеспечиваемая знаком «тире», становится невозможной). Более того, в условиях «естественного» эксперимента замечено, что если пишущий не устанавливает в предложении отношений тождества, поддерживаемых к тому же просодически (паузой), то пунктуационная позиция для постановки тире между подлежащим и сказуемым им не опознается. Такой эффект наблюдался при употреблении придаточного местоименно-соотносительного в функции подлежащего или сказуемого (ср. реакции на 5-й и 7-й стимулы), а также связочной частицы, омонимичной финитному глаголу (ср. реакции на 4-й стимул). Это приводило к пунктуационным ошибкам обоих типов: как к пропуску тире (ср. реакции на 4-й и 5-й стимулы), так и к постановке запятой в позиции, предназначенной для тире (ср. реакции на 7-й стимул). Совершенно очевидно, что смысловые отношения первичны для пунктуационного маркирования даже тогда, когда узус (и, главное, норма), как в пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», отдает приоритет синтаксической структуре.

Для пунктуационного компонента существенна «грамматическая нецельность высказывания на определенном (достаточно раннем) этапе его порождения», вследствие чего «отдельным компонентам программы соответствуют в основном независимые грамматические конструкции, лишь в дальнейшем вторично организуемые внутри предложения» [Там же, с. 205—206]. Как раз с этой особенностью порождения письменного высказывания в какой-то мере связана такая пунктуационная ошибка, как отсутствие составного знака препинания «запятая (точнее — правый элемент двойной запятой) и тире» при употреблении интерпозитивного обособленного определения (ср. реакции на 2-й стимул) или придаточного определительного (ср. реакции на 6-й стимул) в биноминативных предложениях с нулевой связкой. Действительно, «актуально осознается только очень небольшой отрезок уже фактически порожденного текста <...> Именно этот отрезок подвергается пунктуационной обработке» [Красиков, 1984, с. 99].

Однако, как ни удивительно, данную ошибку допускают еще и потому, что не владеют необходимыми знаниями собственно пунктуационных конвенций, а именно не отличают составного знака «запятая и тире» от цельного, не осведомлены об условиях образования этого составного знака, имеют очень смутные представления о поглощении одного знака препинания другим. Отсюда следует, что ошибка при совмещении пунктограмм может отражать как «сбой» при вторичной организации отдельных компонентов программы (и, соответственно, синтаксической структуры) высказывания, так и нехватку знаний о пунктуации как особой системе. Подобная двойственность объясняется тем, что при порождении письменного высказывания пунктуация в разных своих «ипостасях» проявляется как во внутренней речи — от программирования до грамматической реализации, так и во внешней — при учете конвенций пунктуационной «упаковки».

В пунктуационной деятельности пишущего может оказаться значимым тот факт, что «программа высказывания не “снимается” сразу, а продолжает еще какое-то время — скажем, до окончания порождения следующего высказывания — оставаться фиксированной» [Леонтьев, 1969, с. 190]. Подобное удержание в оперативной памяти одного предложения при определенных условиях может вызвать развертку второго предложения по той же самой программе, причем их пунктуационные позиции окажутся соотносительными. Этими условиями являются, в частности, параллелизм строения и выражение сопоставительных отношений. В подобных структурах пропуск тире во второй части лишает одноименный знак препинания в первой части способности выполнять конструктивно-семантическую функцию, например, в бессюжном сложном предложении (ср. ошибочные реакции на 3-й стимул). Такого рода повторяющееся тире (в отличие, допустим, от двойного тире, выделяющего вставку) в своей двуединой функциональной предназначенности (в частях и, главное, в целой структуре) дает основания полагать, что для объяснения того, как пишущий оперирует пунктограммой «Тире между подлежащим и сказуемым», порой нужно выходить за пределы модели порождения высказывания (простого предложения). Иногда же от пишущего требуется лишь sobлюдения пунктуационную конвенцию: на письме нет нужды менять знак препинания («тире» на «запятую»), если номинативные подлежащее и сказуемое с нулевой связкой представлены группами со сложной синтаксической структурой (ср. ошибочные реакции на 1-й стимул и их объяснение).

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что благодаря психолингвистическому «повороту» в исследовании пунктуационных ошибок стало

возможным подойти к раскрытию того, как пунктуация участвует в порождении письменного высказывания и как пунктуационная «упаковка» высказывания опосредует взаимодействие синтаксического и пунктуационного компонентов при его порождении. Пунктуационные ошибки, рассмотренные сквозь призму психолингвистики, демонстрируют функциональную неавтономность пунктуации. Именно этот момент позволил установить, что оперирование пунктограммой (в частности, «Тире между подлежащим и сказуемым») является не только и даже не столько графическим действием, сколько действием речевым.

Интерпретация пунктуационных ошибок с точки зрения психолингвистики позволяет считать, что «работа» пунктуационного компонента в порождении письменного высказывания предвращается смысловой задачей пишущего (при том, что та или иная пунктограмма, в том числе «Тире между подлежащим и сказуемым», может быть ориентирована на структурно-синтаксический принцип пунктуации). При моделировании порождения письменного высказывания нужно учитывать, что пунктуационный компонент носит, так сказать, рассредоточенный характер: с одной стороны, потребность в пунктуации возникает еще во внутренней речи, на ее поздних фазах, когда в синтаксическом плане высказывание почти готово к реализации; с другой стороны, средства пунктуации предназначены для внешней речи.

Психолингвистический анализ ошибок, допущенных по пунктограмме «Тире между подлежащим и сказуемым», показывает, что пунктуационное маркирование осуществляется как бы порционно, то есть пунктуационная обработка может не охватывать высказывание как целое. Вследствие этого при недостаточной перцептивной различимости пунктуационной позиции, при совмещении пунктограмм либо при «склеивании» функций знака препинания внутри и в то же время вне предложения пишущий нередко ошибается. Эти пунктуационные ошибки наталкивают на мысль о том, что пунктуационный компонент принадлежит не только модели порождения письменного предложения-высказывания, но и модели порождения письменного текста.

Источники и принятые сокращения

1. ЗЭМ — *Золотая* энциклопедия мудрости. — Москва : РООССА, 2014. — 598 с. — ISBN 978-5-91926-334-0.

Литература

1. *Абелева И. Ю.* Речь о речи. Коммуникативная система современного человека / И. Ю. Абелева. — Москва : Логос, 2004. — 304 с. — ISBN 5-94010-227-1.
2. *Блинов Г. И.* К вопросу о частотности употребления пунктуационных правил (анализ пунктуации повести А. П. Чехова «Степь») / Г. И. Блинов // Вопросы истории и теории русского языка. — Тула : ТГПИ им. Л. Н. Толстого, 1970. — С. 264—277.

3. *Блинов Г. И.* Методика изучения пунктуации в школе. 2-е изд. / Г. И. Блинов. — Москва : Просвещение, 1990. — 208 с. — ISBN 5-09-001105-2.
4. *Григорян Л. Т.* Обучение пунктуации в средней школе : (Методическое исследование) / Л. Т. Григорян. — Москва : Педагогика, 1982. — 120 с.
5. *Залевская А. А.* Речевая ошибка как инструмент научного исследования / А. А. Залевская // Вопросы психолингвистики. — 2009. — № 9. — С. 6—22.
6. *Йокояма О. Б.* Знаки препинания в крестьянских письмах конца XIX века / О. Б. Йокояма // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — С. 619—636. — ISBN 5-9551-0103-9.
7. *Ким И. Е.* Теория русской пунктуации : пространство знака и пространство текста / И. Е. Ким. — Новосибирск : НГУ, 2019. — 120 с. — ISBN 978-5-4437-0991-8.
8. *Красиков Ю. В.* Психологические аспекты пунктуационных ошибок студентов-осетин / Ю. В. Красиков // Осетинская филология. Межвузовский сборник статей. — Орджоникидзе : СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 1984. — Выпуск III. — С. 93—104.
9. *Красиков Ю. В.* Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика) / Ю. В. Красиков. — Москва : Наука, 1980. — 124 с.
10. *Лазурский А. Ф.* Психология общая и экспериментальная / А. Ф. Лазурский. — Ленинград : Государственное издательство, 1925. — 290 с.
11. *Леонтьев А. А.* Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (Психолингвистические очерки) / А. А. Леонтьев. — Москва : МГУ, 1970. — 87 с.
12. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. — Москва : Наука, 1969. — 307 с.
13. *Ломизов А. Ф.* Обучение пунктуации в средней школе. (Проблемы методики) / А. Ф. Ломизов. — Москва : Педагогика, 1975. — 160 с.
14. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. — 416 с. — ISBN 5-222-00265-9.
15. *Никеров А. И.* Предупреждение пунктуационных ошибок учащихся / А. И. Никеров. — Москва : Просвещение, 1985. — 144 с.
16. *Николаева Т. М.* О функциях пунктуационных знаков в русском языке / Т. М. Николаева // Современная русская пунктуация. — Москва : Наука, 1979. — С. 26—35.
17. *Пешковский А. М.* Школьная и научная грамматика. 3-е изд. / А. М. Пешковский. — Берлин : Государственное издательство РСФСР, 1922. — 124 с.
18. *Правила русской орфографии и пунктуации.* — Тула : Автограф, 1995. — 192 с.
19. *Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник* / под ред. В. В. Лопатина. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. — 432 с. — ISBN 978-5-462-00930-3.
20. *Рейнке И. Н.* О трудном в орфографии и пунктуации : Пособие для учащихся / И. Н. Рейнке, В. И. Шапкин. — Ленинград : Просвещение, 1971. — 239 с.
21. *Розенталь Д. Э.* Справочник по орфографии и пунктуации / Д. Э. Розенталь. — Москва : СТОЛЕТИЕ, 1996. — 368 с. — ISBN 5-7459-0077-6.
22. *Хакимова Е. М.* О пунктуационных ошибках в текстах современных российских журналистов / Е. М. Хакимова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2011. — № 24. — С. 274—276.
23. *Шварцкопф Б. С.* Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. — Москва : Наука, 1988. — 192 с. — ISBN 5-02-010873-1.

24. Craig Ch. Discourse analysis of punctuation errors / Ch. Craig // *Languages & linguistics : Symposium 1977*. — Brigham : Brigham Young University College of Humanities, 1977. — Pp. 206—209.

25. Fayol M. Une approche psycholinguistique de la punctuation. Etude en production et en comprehension / M. Fayol // *Langue française*. — 1989. — № 81. — Pp. 21—39. — DOI: <https://doi.org/10.3406/lfr.1989.4767>.

26. Ferris D. R. Treatment of error in second language student writing. 2nd ed. / D. R. Ferris. — Ann Arbor : The University of Michigan Press, 2011. — 219 p. — ISBN 978-0-472-03476-5.

27. James C. Errors in language learning and use : exploring error analysis / C. James. — London ; New York : Routledge, 1998. — 304 p. — ISBN 978-0-582-25763-4.

28. Levelt W. J. M. Speaking : from intention to articulation / W. J. M. Levelt. — Cambridge : MIT Press, 1989. — 566 p. — ISBN 978-0-262-27822-5.

29. *The linguistics of literacy* / P. Downing, S. D. Lima & M. Noonan (eds.). — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1992. — 334 p. — ISBN 1-55619-406-4.

30. Vachek J. Written language revisited / J. Vachek. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1989. — 221 p. — ISBN 90-272-2064-6.

Material resources

The Golden Encyclopedia of Wisdom. (2014). Moscow: ROOSSA. 598 p. ISBN 978-5-91926-334-0. (In Russ.).

References

Abeleva, I. Yu. (2004). *Speech about speech. The communicative system of a modern person*. Moscow: Logos. 304 p. ISBN 5-94010-227-1. (In Russ.).

Blinov, G. I. (1970). On the question of the frequency of punctuation rules (punctuation analysis of the story of A. P. Chekhov “Steppe”). In: *Questions of history and theory of the Russian language*. Tula: TSPI named after L. N. Tolstoy. 264—277. (In Russ.).

Blinov, G. I. (1990). *Methods of studying punctuation at school. 2nd ed.* Moscow: Prosveshchenie. 208 p. ISBN 5-09-001105-2. (In Russ.).

Craig, Ch. (1977). Discourse analysis of punctuation errors. In: *Languages & linguistics: Symposium 1977*. Brigham: Brigham Young University College of Humanities. 206—209.

Fayol, M. (1989). Une approche psycholinguistique de la punctuation. Etude en production et en comprehension. *Langue française*, 81: 21—39. DOI: <https://doi.org/10.3406/lfr.1989.4767>.

Ferris, D. R. (2011). *Treatment of error in second language student writing. 2nd ed.* Ann Arbor: The University of Michigan Press. 219 p. ISBN 978-0-472-03476-5.

Grigoryan, L. T. (1982). *Teaching punctuation in secondary school: (Methodological research)*. Moscow: Pedagogika. 120 p. (In Russ.).

James, C. (1998). *Errors in language learning and use: exploring error analysis*. London; New York: Routledge. 304 p. ISBN 978-0-582-25763-4.

Khakimova, E. M. (2011). On punctuation errors in the texts of modern Russian journalists. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 24: 274—276. (In Russ.).

Kim, I. E. (2019). *Theory of Russian punctuation: sign space and text space*. Novosibirsk: NSU. 120 p. ISBN 978-5-4437-0991-8. (In Russ.).

Krasikov, Yu. V. (1984). Psychological aspects of punctuation errors of Ossetian students. In: *Ossetian philology. Intercollegiate collection of articles, III*. Ordzhonikidze: K. L. Khetagurov SOGU. 93—104. (In Russ.).

- Krasikov, Yu. V. (1980). *Theory of speech errors (based on typesetter errors)*. Moscow: Nauka. 124 p. (In Russ.).
- Lazursky, A. F. (1925). *Psychology general and experimental*. Leningrad: State Publishing House. 290 p. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1970). *Some problems of teaching Russian as a foreign language (Psycholinguistic essays)*. Moscow: Moscow State University. 87 p. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1969). *Psycholinguistic units and generation of speech utterance*. Moscow: Nauka. 307 p. (In Russ.).
- Levelt, W. J. M. (1989). *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge: MIT Press. 566 p. ISBN 978-0-262-27822-5.
- Lomizov, A. F. (1975). *Teaching punctuation in secondary school. (Problems of methodology)*. Moscow: Pedagogika. 160 p. (In Russ.).
- Luria, A. R. (1998). *Language and consciousness*. Rostov-on-Don: Phoenix. 416 p. ISBN 5-222-00265-9. (In Russ.).
- Nikerov, A. I. (1985). *Prevention of punctuation errors of pupils*. Moscow: Prosveshchenie. 144 p. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1979). On the functions of punctuation marks in the Russian language. In: *Modern Russian punctuation*. Moscow: Nauka. 26—35. (In Russ.).
- Peshkovsky, A. M. (1922). *School and scientific grammar. 3rd ed.* Berlin: State Publishing House of the RSFSR. 124 p. (In Russ.).
- Reinke, I. N., Shapkin, V. I. (1971). *About the difficult in spelling and punctuation: A manual for pupils*. Leningrad: Prosveshchenie. 239 p. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E. (1996). *Handbook of spelling and punctuation*. Moscow: CENTURY. 368 p. ISBN 5-7459-0077-6. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation*. (1995). Tula: Autograph. 192 p. (In Russ.).
- Rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Reference*. (2014). Moscow: AST-PRESS BOOK. 432 p. ISBN 978-5-462-00930-3. (In Russ.).
- Schwarzkopf, B. S. (1988). *Modern Russian punctuation: the system and its functioning*. Moscow: Nauka. 192 p. ISBN 5-02-010873-1. (In Russ.).
- The linguistics of literacy*. (1992). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 334 p. ISBN 1-55619-406-4.
- Vachek, J. (1989). *Written language revisited*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 221 p. ISBN 90-272-2064-6.
- Yokoyama, O. B. (2005). Punctuation marks in peasant letters of the late XIX century. In: *Language. Personality. Text. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 619—636. ISBN 5-9551-0103-9. (In Russ.).
- Zalevskaya, A. A. (2009). Speech error as a tool of scientific research. *Questions of psycholinguistics*, 9: 6—22. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.09.2022,
одобрена после рецензирования 03.01.2023,
подготовлена к публикации 20.01.2023.



Смолина А. Н. Речевой жанр «толкование на Евангеле»: идейное содержание и лингвостилистические особенности (на материале творчества Б. И. Гладкова) / А. Н. Смолина, Е. С. Смирнов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 112—130. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-112-130.

Smolina, A. N., Smirnov, E. S. (2023). Speech Genre “Interpretation on Gospel”: Ideological Content and Linguo-Styletic Features (Work of B. I. Gladkov). *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 112-130. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-112-130. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-112-130

Речевой жанр «толкование на Евангелие»: идейное содержание и лингвостилистические особенности (на материале творчества Б. И. Гладкова)

Смолина Анджелла Николаевна
orcid.org/0000-0003-0947-3763
доктор филологических наук,
профессор
angelic2009@mail.ru

Смирнов Евгений Сергеевич
orcid.org/0000-0001-5208-0485
кандидат филологических наук, доцент
ses9215@mail.ru

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 21-011-44099 «Разработка
способов и моделей анализа
религиозных текстов как один
из путей развития теолингвистики»

Speech Genre “Interpretation on Gospel”: Ideological Content and Linguo-Styletic Features (Work of B. I. Gladkov)

Andzhella N. Smolina
orcid.org/0000-0003-0947-3763
Doctor of Philology, Professor
angelic2009@mail.ru

Evgeniy S. Smirnov
orcid.org/0000-0001-5208-0485
PhD in Philology, Associate Professor
ses9215@mail.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 21-011-44099
“Development methods and models
for the analysis of religious texts
as one of the ways
of theolinguistics development”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале текстов духовного писателя Б. И. Гладкова рассматриваются особенности реализации речевого жанра «толкование на Евангелие». Обозначается специфика воплощения идей православия. Выявляются значимые особенности функционирования религионимов и тропов в представляемом речевом жанре. Сделаны выводы о его отличительных признаках. Особое внимание уделяется типологии и функционированию христианских религионимов, использование которых рассматривается как одна из черт церковно-религиозного функционального стиля. Новизна исследования заключается в том, что в нём впервые подробно рассматриваются типы религионимов, бытующих в жанре «толкование на Евангелие», приводятся иллюстрации их использования, указываются выполняемые ими функции, (характерологическая, эмотивная, оценочная, прескриптивная и др.). Установлено, что в анализируемых текстах наиболее употребительными типами религионимов являются теонимы; библионимы; агноантропонимы; наименования библейских событий; наименования евангельских героев и др. Показано, что к основным чертам жанра «толкование на Евангелие» относится использование автором комбинации таких интражанров, как «мнение», «комментарий-разъяснение», «совет». Результаты исследования представляют интерес для теолингвистики, стилистики, риторики.

Ключевые слова:

речевой жанр; Евангелие; толкование; мнение; комментарий-разъяснение; совет; теолингвистика; идея; религионим.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the material of the texts of the spiritual writer B. I. Gladkov, the features of the implementation of the speech genre “interpretation of the Gospel” are considered. The specificity of the embodiment of the ideas of Orthodoxy is indicated. Significant features of the functioning of religions and tropes in the presented speech genre are revealed. Conclusions are drawn about its distinctive features. Particular attention is paid to the typology and functioning of Christian religions, the use of which is considered as one of the features of the church-religious functional style. The novelty of the study lies in the fact that for the first time it examines in detail the types of religions that exist in the genre of “interpretation of the Gospel”, provides illustrations of their use, indicates the functions they perform (characterological, emotive, evaluative, prescriptive, etc.). It has been established that in the analyzed texts the most common types of religion names are theonyms; biblynym; hagioanthroponyms; names of biblical events; names of gospel heroes, etc. It is shown that the author’s use of a combination of such intra-genres as “opinion”, “comment-explanation”, “advice” belongs to the main features of the “interpretation of the Gospel” genre. The results of the study are of interest for theolinguistics, stylistics, and rhetoric.

Key words:

speech genre; Gospel; interpretation; opinion; clarification comment; advice; theolinguistics; idea; religion name.

Речевой жанр «толкование на Евангелие»: идейное содержание и лингвостилистические особенности (на материале творчества Б. И. Гладкова)

© Смолина А. Н., Смирнов Е. С., 2023

1. Введение = Introduction

Одним из актуальных и перспективных научных направлений в рамках современной отечественной филологии является теолингвистика, имеющая интегративный характер. Согласно А. К. Гадомскому, её основным предметом является религиозный язык, а объектом — широкий религиозный дискурс [Гадомский, 2018, с. 18]. В настоящее время теолингвистика активно развивается в России [Анисимова, 2019; Васильева, 2013; Постовалова, 2012, 2019; Степаненко, 2012]. Проводят теолингвистические исследования и многие зарубежные ученые [Бувечич, 2019; Гадомский, 2010; Галиева, 2022; Киквидзе, 2018; Кончаревич, 2012, Crystal, 2018; Noppen, 1981]. В последние годы теолингвистика развивается весьма быстрыми темпами, что связано с активной разработкой терминологического аппарата, а также формированием круга исследователей, которые способствуют продвижению теолингвистики как области научного знания.

Одним из наиболее значимых объектов теолингвистических исследований является Евангелие, в связи с чем речевой жанр «толкование на Евангелие» попадает в сферу языковых явлений, весьма значимых с точки зрения анализа, описания, выявления основных жанрообразующих признаков и вписывания этого жанра в систему жанровых явлений церковно-религиозного стиля. Толкование на книги Священного Писания, в том числе на Евангелие, как жанр имеет древнюю историю. Такие произведения занимают значительное место в русской и европейской средневековой литературе. Однако научных работ, в которых рассматривались бы особенности речевого жанра «толкование на Евангелие», в настоящее время не так много. Это обуславливает новизну настоящего исследования, в рамках которого выявляются актуализированные в текстах этого жанра христианские идеи и особенности их языкового воплощения. Исследование входит в круг работ по изучению различных жанров церковно-религиозного функционального стиля современного русского литературного языка в рамках теолингвистического подхода, предполагающего в том числе и выявление значений религиозно-христианских слов-понятий (номиналирующих христианские идеи, концептуально значимые предметы и явления)

посредством использования источников, в которых отражаются основные положения христианского вероучения.

Текст анализируемого толкования, как показывает опыт его лингвистического изучения, насыщен разного рода религионимами, под которыми вслед за Л. Н. Урбанович мы понимаем слова и составные наименования, обозначающие религиозные понятия [Урбанович, 2017, с. 12]. Следует сказать, что изучение функционирования религионимов в русском языке находится на начальном этапе. Учёные исследуют особенности использования религионимов и их типологию на примере разных текстов: во-первых, анализируется функционирование религионимов на примере художественных произведений, при этом уделяется внимание различным тематическим группам религионимов [Водясова, 2013; Лугов, 2020]; во-вторых, рассматриваются функции религионимов, которые используются в политических текстах [Лапшина, 2010] и др. Работ, которые были бы посвящены классификации и функционированию религионимов в текстах церковно-религиозного стиля, на наш взгляд, недостаточно. Попытка представить наиболее полную типологию христианских религионимов осуществлена в исследовании «Религионимы в русских церковно-религиозных автодокументальных текстах: типология и стилистические функции» [Смолина, 2022, с. 3—8]. Предложенная в данной статье типология, тем не менее, носит открытый характер и может быть дополнена другими типами. Настоящее исследование позволит продолжить изучение функционирования религионимов в произведениях русских церковных писателей, более подробно рассмотреть особенности бытования каждого типа.

Актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, необходимостью развития теории церковно-религиозного стиля и теории функциональных стилей русского языка в целом; во-вторых, значимостью развития теолингвистического направления современной русистики; в-третьих, интересом исследователей к содержательным и идейным составляющим толкований на тексты Священного Писания и важностью развития православной герменевтики в лингвистическом ключе; в-четвёртых, интенсивным развитием современной российской лексикологии, в том числе и в части изучения религионимов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом настоящего исследования послужил текст произведения «Толкование Евангелия» русского духовного писателя Б. И. Гладкова, изданного впервые в начале XX века. Целью работы является рассмотрение особенностей идейного содержания текста, выполненного в жанре «толкование на Евангелие», его лингвистических особенностей и интра-

жанрового наполнения и выявление на основе анализа основных признаков жанра. Под *идеями* в данной работе понимаются определённые формы осмысления действительности в синкретичном единстве знания, а также оценки и нормы, то есть некий императив, правила, следование которым позволяет достичь желаемого результата [Тульчинский, 2017, с. 36]. Одним из основных в нашем исследовании был избран метод лингвистического описания, включающий в себя наблюдение, систематизацию и обобщение языковых фактов, которые встречаются в анализируемом материале. Помимо этого, в работе использовался лингвостилистический метод, направленный на установление обусловленных экстралингвистическими факторами закономерностей функционирования различных языковых единиц в тех или иных сферах общения, а также метод жанрового проектирования, суть которого заключается в выявлении основных компонентов речевого жанра, представлении тех структурных элементов, которые создают его облик и позволяют отличать тот или иной тип текста от иных. При работе с идейным планом текста применялся метод лингвоидеологического анализа, который направлен на выявление главенствующих идей рассматриваемых произведений через анализ лексики, отбор языковых единиц, манифестирующих те или иные идеи. Рассмотрение способов репрезентации христианских идей даёт возможность рассматривать особенности идейного содержания жанра «толкование на Евангелие». Перечисленные методы дополнялись приёмами контекстуального и компонентного анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности идейно-тематического содержания речевого жанра «толкование на Евангелие»

Идиосфера анализируемого текста толкования представлена большим количеством идей русского православия и, в частности, русского исихазма («этико-аскетическое учение о пути человека к единению с Богом» [Русская философия ..., 1995, с. 193]). Среди идей, которые находят воплощение в тексте, можно выделить главенствующие для рассматриваемого жанра и церковно-религиозного стиля в целом; это идеи спасения, искупления греха, воскресения Иисуса Христа, необходимости покаяния, служения Богу, упования на помощь Божию, а также идеи терпения, жертвенности, промысла Божиего. В настоящем исследовании представлены идеи спасения, искупления греха, воскресения Иисуса Христа, поскольку они выдвигаются автором на первый план, что обнаруживается в лексическом строе текста.

Рассмотрим языковое воплощение данных идей, указав на основные репрезентанты и проиллюстрировав их функционирование текстовыми отрезками (табл. 1).

Таблица 1

Языковая репрезентация основных идей православия
в речевом жанре «Толкование на Евангелие»
(на материале текста произведения Б. И. Гладкова)

Идея	Основные репрезентанты (слова и сверхсловные единицы)	Примеры
Спасение	<i>спасение, Спаситель, Спа- ситель рода человеческого- го, спасение души, спасе- ние рода человеческого, пришёл спасти и др.</i>	<i>... люди легкомысленно предпринима- ют ... опасные, безумные действия, самонадеянно рассчитывая на чрез- вычайную помощь Бога, на Его все- могущество, на Его чудесное вмеша- тельство и спасение! ... они ... не думают о том, заслуживают ли ... такого особого попечения о них Бога; Христос пришёл спасти ... всех лю- дей, всё человечество; Быть готовыми встретить При- шествие Спасителя — значит не только думать об этом пришествии и ожидать его, но и ... всю жизнь свою готовиться к этой встрече</i>
Искупление греха	<i>искупление, Искупитель, искупивший, искупить, ис- купить грехи, искупитель- ная жертва Христа, иску- пительная жертва Едино- родного Сына Божия и др.</i>	<i>Едва ли они понимали своего Учителя, когда Он говорил им о Царстве Не- бесном, и совсем не верили, что Он — Сын Божий, пришедший в мир для спасения и искупления людей; Что такое случилось, что они стали открыто, всенародно проповедовать воскресшего Христа, Сына Божия ... посланного Отцом в мир для спасения людей и искупившего их Своею Кровью; Это второе чудо было необходимо, чтобы Апостолы могли освободить- ся от всех ... лжеучений о Мессии, мешавших современным Христу евре- ям уверовать в Него как в Сына Божия, истинного Примирителя и Искупителя ...</i>
Воскресение Иисуса Хри- ста	<i>воскресение, воскресение Иисуса Христа, воскресе- ние Христа, воскресение Христово, воскресение Иисуса, воскресение Госпо- да, воскресший Христос,</i>	<i>... чтобы ... подойти к разрешению этого вопроса, надо было прежде все- го узнать: действительно ли Христос воскрес? Ответ на этот вопрос дол- жен был разрешить ... много других вопросов. Рассмотрев все доводы «за»</i>

Окончание табл. 1

Идея	Основные репрезентанты (слова и сверхсловные единицы)	Примеры
	<i>воскресение распятого Христа, воскресение Мессии, Христос воскрес, воскрес, воистину воскрес и др.</i>	и «против» Воскресения Его, я убедился в том, что Он действительно умер и воистину воскрес; Главнейшее из описанных Евангелистами чудес есть чудо Воскресения Иисуса Христа ...если может быть доказана действительность этого чуда ... будет доказана достоверность и остальных; Что же за причина такого поведения первосвященников, фарисеев и старейшин? ... они выдумали сказку о похищении тела Иисуса и ... понимали, что возбуждение преследования против Апостолов обличит их самих в обмане ... усилит в народе веру в действительное Воскресение Иисуса

Рассмотрим вопрос об особенностях репрезентации представленных в таблице идей. Идея спасения является ключевой во многих жанрах церковно-религиозного функционального стиля (духовных воспоминаниях, духовных дневниках, толкованиях и др.), о её центральной роли в христианском дискурсе говорят богословы, философы, лингвисты. Архиепископ Сергей (Страгородский) утверждает, что спасение избавляет человека от греха, проклятия и смерти [Сергей (Страгородский), 2010, с. 180]. Архиепископ добавляет: «Спасение необходимо посредствуется переходом человека от греха и себялюбия в царство добра и любви, которое предвкусывается человеком здесь, во всей же полноте будет наследовано в будущем веке» [Там же, с. 265]. О спасении писали и говорили видные деятели Христианской Церкви. Перечислим в хронологическом порядке лишь некоторые известные имена: Григорий Богослов, Ефрем Сирин, Нил Сорский, Тихон Задонский, Феофан Затворник, Михаил (Мудьюгин), С. Н. Булгаков, К. Е. Скурат, Дж. Мэлони и др. Современные российские философы В. Ш. Сабиров и О. С. Соина указывали на важность спасения для духовного познания: «Тот, кто хочет спастись, осознаёт падшесть своей природы, осознаёт свои грехи, кается в них, исповедуется, стремится иметь чистое сердце, которому и открываются высшие истины <...> Тот ... кто не желает спастись, не совершенствуется духовно, в силу этого живёт во мраке неведения» [Сабиров, Соина, 2012, с. 139].

Значимость идеи спасения и онтологически связанной с ней идеи воскресения подтверждается и тем, что они укоренились в русской культуре в целом и находят воплощение в произведениях русской литературы разных эпох. В связи с этим можно вспомнить произведения Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Прочитируем строки из этих романов: *Коли каешься, так и любишь. А будешь любить, то ты уже божья ... Любовью все покушается, все **спасается*** («Братья Карамазовы»); *Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря **обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого*** («Преступление и наказание»).

Идея воскресения Иисуса Христа в анализируемом тексте толкования на Евангелие находится в центре внимания автора, поскольку воскресение — одно из ключевых событий жизнеописания Христа. Важно сказать, что идея воскресения имеет исключительное значение для всей русской словесности. Предельно точно и детально об этом написал И. Е. Есаулов. В своей монографии «Пасхальность русской словесности» исследователь говорит о том, что произведениям классиков русской литературы (Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др.) присущ христоцентризм. Также этот феномен был свойствен и древнерусской словесности. Одним из важнейших архетипов, то есть трансгисторических «коллективных представлений», которые формируются в определённом типе культуры, в русской культуре является пасхальный архетип, — подчеркивается автором монографии [Есаулов, 2004, с. 11]. Помимо этого, И. А. Есаулов отмечает, что «в традиции Восточной Церкви празднование Воскресения остаётся главным праздником не только в конфессиональном, но и в общекультурном плане < ... >. Совершенно особенное празднование Пасхи, Воскресения Господня, как известно, является характернейшей особенностью русской культуры» [Есаулов, 2004, с. 12, 23].

Б. И. Гладков преследует цель доказать, что воскресение Христа является событием, которое в действительности произошло. Приведём размышления автора на этот счёт: *опечатанный гроб с телом Иисуса, оказавшийся на третий день погребения пустым; клевета синедрона о похищении тела учениками, удостоверяющая, при всей своей наглости и лживости, что гроб действительно опустел; неверие Апостолов в возможность Воскресения Мессии, Который, по понятиям иудеев, не мог и умереть; неверие их в Воскресение их Учителя даже тогда, когда возвестили им о том жены-мироносицы; то же неверие их даже при явлении им воскресшего Иисуса ... последующие явления Иисуса Христа Апостолам и Вознесение Его на небо; непоколебимая ... уверенность Апостолов в том, что*

явившийся им Христос есть действительно воскресший из мертвых ... не останавливающаяся ни перед чем проповедь их об этом чуде; явление Иисуса Христа гонителю христиан Савлу ... бессилие недавно еще сильного синедриона и даже отсутствие каких-либо серьезных попыток с его стороны опровергнуть эту неумолкавшую проповедь Апостолов, везде провозглашавших, что ХРИСТОС ВОСКРЕС ... — всё это заставляет и нас с твердым убеждением сказать: да, ВОИСТИНУ ВОСКРЕС!

Ещё одна идея, которая утверждается в произведении Б. И. Gladkova, — идея искупления греха. Автор много раз подчёркивает, что Иисус Христос совершает искупительный подвиг, например: *Не чувствовал же Он голода так долго, потому что, после совершившегося Крещения, сошествия Святого Духа и засвидетельствованного Отцом благоволения к началу Его искупительного дела, Он всецело был погружен в это дело или Он должен быть введен туда Господом нашим Иисусом Христом, Своей искупительной Жертвой принявшим на Себя грехи таких людей* и т. д. В Евангелии от Матфея есть такие строчки (эту фразу произносит сам Христос): «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для **искупления** многих» (Мф.20:28).

3.2. Особенности функционирования религионимов в речевом жанре «толкование на Евангелие»

Лингвостилистические особенности анализируемого текста толкования связаны с использованием в нём религионимов. Типы религионимов, наиболее часто встречающихся в труде Б. И. Gladkova, мы представляем далее (табл. 2).

В анализируемом толковании практически не встречаются такие типы религионимов, как наименования религиозно-христианских групп лиц, наименования деталей внутреннего и внешнего убранства храмов, монастырей и некоторые другие, поскольку в самих Евангелиях не было уделено этому пристальное внимание. Обращение к событиям, о которых говорится в Библии, обуславливает то, что наиболее частотными религионимами становятся теонимы и библионимы. Это отличительная черта жанра «толкование на Евангелие».

Остановимся на некоторых важнейших стилистических функциях, которые выполняют представленные в таблице религионимы. Во-первых, следует выделить характерологическую функцию (описания и характеристики людей, различных предметов и явлений действительности). Эту функцию преимущественно выполняют языковые единицы, которые относятся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания: *Христианство если и считает смерть несчастьем, то только для людей, которые покаянием и добрыми делами не успели загладить, искупить свою грехов-*

Таблица 2

Религионимы в речевом жанре

Типы религионимов	Репрезентанты религионимов	Примеры
Теонимы	<i>Бог, Иисус, Христос, Спаситель, Господь, Сын Божий, Богочеловек, Мессия, Единородный Сын Божий и др.</i>	<i>Господь наш Иисус Христос проповедовал устно ... Его учение, некоторые из совершенных Им чудес и главнейшие события Его жизни записаны другими в четырех книгах, называемых Евангелиями, то есть (по-русски) Благословованиями; Иисус говорит, что всё, чему учил Он, поведал Ему Сам Бог, и что как Он в Боге, так и Бог в Нём.</i>
Библионимы	<i>Иоанн Креститель, Иосиф, Пресвятая Дева Мария, Лазарь, Моисей, Мария Магдалина, Илия и др.</i>	<i>Евангелист Лука удостоверяет, что явление Иоанна Крестителя на проповедь и Крещение им Иисуса Христа последовали в пятнадцатый год правления Тиверия кесаря; Они приняли обет Девы, но, желая не оставлять Сироту без покровительства и попечения, нашли нужным обручить Её ... родственнику, известному своей праведной жизнью ... Иосифу ... Иосиф был плотником и жил в Назарете, куда и отправился с Пресвятой Девой после обручения.</i>
Агиоантропонимы	<i>Иоанн Златоуст, Игнатий Богоносец, Григорий Двоеслов, Иоанн Дамаскин и др.</i>	<i>Иоанн Златоуст говорит, что он близко общался с Апостолами, при них находился, и епископскую власть получил непосредственно от них ... Святой Игнатий говорит о Евангелии как книге общеизвестной, противопоставляя её пророкам и Апостолам (то есть посланиям Апостолов) .</i>
Наименования библейских событий	<i>Воскресение Христово, моление о чаше в Гефсиманском саду, Воскрешение Лазаря, Вознесение и др.</i>	<i>Он как Человек содрогнулся в Гефсиманском саду от представшей мысленному взору Его чаши страданий и молил Отца об отсрочке исполнения Его воли; Иисус знал, что Лазарь умрёт, и если сказал, что его болезнь не к смерти, то потому, что намерен был воскресить его, и что, следовательно, болезнь эта не окончится той смертью, которая прекращает навсегда земную жизнь человека.</i>

Продолжение табл. 2

Типы религионимов	Репрезентанты религионимов	Примеры
Наименования евангельских героев	<i>блудный сын, милосердный самарянин, книжники, фарисеи, мытари и др.</i>	<i>Христос открыл нам Бога Любви и Добра; Бога, идущего навстречу заблудшему грешнику, чтобы довести его до раскаяния и исправления; Бога, прощающего всех искренно кающихся, и с радостью принимающего ... возвратившегося с покаянием блудного сына; ... самарянин лучше священника и левита, лучше всех законников понял, что для жалости и сострадания, а, следовательно, и для милосердия, нет различия между самарянином, евреем и язычником, что в этом отношении все люди равны, все — ближние нам.</i>
Языковые единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания	<i>добродетель, жертвенность, искушение, смирение, жалость, душа, покаяние, упование и др.</i>	<i>Чтобы лишить человека возможности грешить, надо отнять у него свободу воли ... Но в таком случае человеческая добродетель ничего не стоила бы и не была бы заслугой, потому что все доброе было бы совершаемо невольно, как бы по принуждению; Не следует забывать, что безгрешный Иисус был не только Бог, но и Человек. Как Человек, одаренный свободой воли, Он мог подвергаться искушениям, и подвергался им не раз, и ... всегда оказывался победителем ...</i>
Языковые единицы, обозначающие христианские тексты	<i>Библия, Евангелие, Евангелие от Матфея, Евангелие от Луки, Евангелие от Марка, Евангелие от Иоанна, притча, проповедь, исповедь и др.</i>	<i>Во многих древних рукописях вместо греческого слова, переведённого на русский словом обнищаете, стоит слово, означающее умрете. Все толкователи согласны, что здесь речь идёт о смерти; когда умрёте, как и следовало бы перевести в русской Библии вместо выражения «когда обнищаете»; Толкований на Евангелия написано много, в древности и в последнее время, например: святым Иоанном Златоустом, блаженным Феофилактом ... их труды представляют из себя или подстрочные толкования каждого Евангелия ... или беседы на ... Евангелия ... несмотря на выдающиеся достоинства свои, не дают читателю ... полноты учения Иисуса Христа.</i>

Окончание табл. 2

Типы религиознимов	Репрезентанты религиознимов	Примеры
Языковые единицы, обозначающие понятия, связанные с православными эсхатологическими представлениями	<i>ад, вечная жизнь, рай, Страшный Суд, Царство Божие и др.</i>	<i>Вот сила веры! Вот камень, на котором должна стоять Церковь Христова! ... если фундамент Церкви сложен из таких камней веры, то и врата ада не одолеют её; Христос же принес нам благовест о том, что человек бессмертен, что кратковременная земная жизнь его есть только приготовление к жизни вечной.</i>
Наименования inferнальных существей	<i>бес, злой дух, дьявол, диавол, сатана, князь мира, искуситель, лукавый и др.</i>	<i>Иисус Христос много раз говорил о злых духах. Он называл злого духа диаволом лукавым, сатаной и князем мира сего. Он научил нас молиться и в молитве просить Отца Небесного об избавлении нас от лукавого; Человеку дан разум и свобода воли, и он этим оружием может бороться с искушениями дьявола.</i>

ную жизнь, так как после смерти нет места **покаянию**. Во-вторых, стоит отметить эмотивную функцию (выражения эмоций и чувств, эмоционального отношения говорящего / пишущего к сообщаемому), которую выполняют теонимы; библионимы; агеоантропонимы; языковые единицы, обозначающие понятия, связанные с православными эсхатологическими представлениями; наименования inferнальных существей, наименования ангелов: *Ангелы славят Бога, пославшего в мир Спасителя; они радуются, что с принятием новой заповеди любви мир будет и на земле, и что к людям, которые подчинятся закону любви, будет Божие благоволение. Слава и мир! Слава на небе, мир на земле!* Кроме того, выделим оценочную функцию (выражения положительной или отрицательной оценки), которую преимущественно выражают языковые единицы, обозначающие понятия, связанные с православными эсхатологическими представлениями; наименования inferнальных существей; наименования ангелов; языковые единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания: *Чтобы из гордого человека стать нищим духом, то есть смиренным, сознающим свою нравственную нищету, сознающим себя хуже многих, нужна большая сила духа, большое напряжение воли; без этой силы не смиришь себя, не сломишь свою гордость<...>. Гордому человеку, привыкшему считать себя выше всех, не таким, как прочие люди, тяжело сознать, что*

он хуже очень многих. Помимо этого, некоторые типы религионимов выражают прескриптивную функцию (предписывания адресату определенных действий и поведения). Эту функцию преимущественно выполняют теонимы; библионимы; аггионимы; языковые единицы, обозначающие понятия, связанные с православными эсхатологическими представлениями. Приведём пример использования библионима: *Мытари не считали себя праведниками: они смиренно пришли к Иоанну креститься*. Отметим также синдикативную функцию, сущность которой заключается в сближении автора и адресата, укреплении общности между ними. Функция духовного сближения характерна в основном для библионимов, теонимов и языковых единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания. Использование данных религионимов призвано подчеркнуть единство в вере автора текста и адресата, это особо касается тех случаев, когда речь идет про обретение веры и ее укрепление, поскольку все христиане стремятся не уйти в маловерие и неверие, а укрепиться в своей вере: *Приняв христианскую веру, он стал ревностным защитником гонимых*.

Помимо того, можно выделить смыслообразующую функцию, которую выполняют все типы религионимов: я думал так: *«Иисусу Христу, как Свидетелю истины, можно или вполне верить, или совсем не верить ... Но так как ... правдивого во всём, безгрешного и всемогущего, воскресшего и вознесшегося Иисуса нельзя считать недостоверным Свидетелем, нельзя считать только Человеком, то остаётся один ... исход: верить Ему безусловно во всём ... верить, что Он в Боге и Бог в Нём ... что Он Богочеловек»*. Скажем также и об аксиологической функции (ориентирования на ценности). Её могут выполнять интертекстуальные компоненты, восходящие к текстам Библии (цитаты, аллюзии, реминисценции): *Он постоянно внушал Своим ученикам, что Ему предстоят страдания и смерть на кресте; Он не только не оправдывал каких-либо завоеваний, то есть насилий, но даже заповедал любить врагов и не противиться злу злом, а побеждать его добром*. В номинативной функции обычно используются наименования евангельских героев: *Другая партия, состоявшая первоначально главным образом из священников, называлась партией саддукеев, или справедливых*.

Рассмотренные религионимы, выполняя различные стилистические функции и используемые автором с определёнными стилистическими заданиями, создают облик речевого жанра «толкование на Евангелие». Теонимы, библионимы, языковые единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания и обозначающие понятия, связанные с православными эсхатологическими представлениями, — это те компоненты, которые формируют стилистическую специфику представля-

емого жанра церковно-религиозного стиля. Отличает жанр также последовательное прямое обращение к текстам Евангелия и использование специфических интертекстуальных приёмов: аллюзии, цитаты и реминисценции. Следует сказать и о таких орнаментальных средствах, как метафоры, эпитеты и сравнения. Авторы текстов церковно-религиозного стиля в целом тяготеют к словесному украшению, что вызвано особым уважительным и во многих случаях благоговейным отношением к описываемым ими явлениям, в воплощении речевого жанра «толкование на Евангелие» также наблюдается данная тенденция, что и выражается в использовании различных тропов и стилистических фигур с религиозно-христианским содержанием. Здесь важно отметить некоторые особенности использования стилистических приёмов, например, автор иногда прибегает к метафорам, сравнениям и эпитетам, свойственным церковно-религиозному стилю в целом, повторяющимся и ставшим общеизвестными для православных христиан. Приведём пример такого сравнения, присутствующего в интертекстуальном компоненте: *святый Игнатий нередко приводит дословно некоторые места из Евангелий ... будь **мудр, как змея, и прост, как голубь** (Мф. 10, 16).* Из фигур наиболее частотны риторические вопросы и вопросно-ответные конструкции. Это обусловлено тем, что автор, размышляя сам над смыслами священного текста, призывает читателя к размышлению, сотворчеству: *Пытливый ум человека, желающего сознательно относиться к себе и к окружающему его миру, всегда задавался вопросами: **откуда этот мир? Кто управляет им? Что такое человек?*** Исследуя элокутивную организацию речевого жанра «толкование на Евангелие», можно сказать, что ему свойственна религиозно-христианская орнаментальность.

Особо следует остановиться на тех чертах, которые отличают исследуемый тип текста от иных типов, функционирующих в церковно-религиозном стиле. К таким чертам относится комбинация интражанров «мнение», «комментарий-разъяснение», «совет». Преобладание интенций выражения мнения по вопросам христианства, побуждения к религиозным размышлениям, достижения важнейших целей жизни христианина, избавления от маловерия и сомнений, побуждения к действиям по личностному совершенствованию через исполнение заповедей Евангелия выдвигает интражанр «мнение» на первый план. Выражая свое мнение, автор побуждает своего адресата совершенствоваться нравственно и духовно, работать над собой, воспитывать себя в христианском духе, быть терпеливым, ответственным, духовно сильным: *Так говорящие люди или ... не читали Евангелия, или читали его поверхностно ... иначе они не стали бы повторять эти избитые фразы. Правда, вдумчивое ... чтение Евангелий в том виде, как они написаны Святыми Евангелистами, требует от современного нам чи-*

тателя немало времени и некоторой подготовки ... Поскольку основными задачами автора становятся разъяснение сути христианского вероучения, проповедование православной веры, объяснение духовного и нравственного смысла евангельских событий, несомненно, значимым становится использование речевого жанра «совет». Автору, конечно же, нужно не только объяснить смысл анализируемого им текста, но дать практически важные для православного христианина советы, такие советы могут становиться итогом умозаключений: *поэтому советую неверующим, сомневающимся и колеблющимся подойти к Господу нашему Иисусу Христу тем путем, каким я шел*. Комментарий-разъяснение — ключевой интражанр, поскольку основные авторские цели — проанализировать текст, раскрыть его духовные смыслы, объяснить суть описанных в Евангелии событий и явлений, разъяснить происходившее так, чтобы читатель не только понял главные мысли толкуемого текста, осознал особый религиозный смысл важнейших этапов жизни Иисуса Христа, но и на основе этих разъяснений сделал выводы, укрепился в вере, изменил своё отношение к миру и самому себе, встал на путь духовного совершенствования в соответствии с евангельскими заповедями или продолжил этот путь уже на новом для себя духовном уровне. Отметим, что зачастую разъяснение носит сопоставительный характер: *Какая же громадная разница в ветхозаветных и новозаветных понятиях о Боге! Там страх, здесь любовь! Там надо было воздерживаться от грехов из-за страха жестокой казни от мстительного и грозного Судьи; здесь же — из-за желания исполнить волю Доброго, Любящего Отца*.

Ещё одна черта, о которой следует сказать, — это обращение к пасхальной тематике. Пасха, несомненно, стала особо значимым для православия явлением, о чём писал, в частности И. А. Есаулов, отмечая, что пасхальность свойственна русской словесности в целом, пасхальное начало выявляется и показывается И. А. Есауловым в литературных мотивах, сюжетах, жанрах [Есаулов 2004]. Однако для некоторых жанров выдвижение пасхальной тематики становится определяющим, жанрообразующим. К таким жанрам относится «толкование на Евангелие», поскольку при работе с ним автора главным образом волнует духовный смысл Воскресения, становящегося центральным исследуемым событием, что подтверждается всем текстом Б. И. Гладкова. Приведём короткий пример, иллюстрирующий значимость для автора идеи Воскресения Иисуса Христа, пасхальной тематики (связанной с широким пониманием воскресения, включая и духовное возрождение человека) и их важность для становления в вере христиан, обретения христианского смысла жизни: *Только явление **воскресшего Христа** утвердило их в вере, да и то Фома, отсутствовавший при первом явлении, потребовал осязательных доказательств **Воскресе-***

ния Его. Воскресение Христа, воскресение человека и его души — это содержательные компоненты, которые становятся в исследуемом жанре источником духовных смыслов, нравственными и духовными посылами, стрелами рассуждений.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, отметим, что основными идеями, которые воплощаются в речевом жанре «толкование на Евангелие» являются идеи спасения, искупления греха и воскресения Иисуса Христа, а главной темой — тема пасхальности (в широком смысле). Раскрытию тем и утверждению идей способствует использование создающих особый жанровый рисунок теонимов, библионимов, наименований евангельских героев, языковых единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания. Функции, которые выполняют религионимы в описанном жанре (эмотивная, оценочная, прескриптивная, синдикативная, смыслообразующая, аксиологическая, номинативная), подтверждают, что их стилистическая и риторическая роли весьма значимы для жанрообразования. Проведённый анализ позволил выделить ряд черт жанра «толкование на Евангелие», к наиболее важным из которых следует отнести евангельскую интертекстуальность (текст целиком строится на основе Евангелия), религиозно-христианскую орнаментальность, использование религионимов, обращающих читателя к Библии и её духовным смыслам, комбинацию интражанров «мнение», «комментарий-разъяснение», «совет», идейность и тематическую направленность, связанные с пасхальностью.

В перспективе предполагается рассмотреть другие тексты, входящие в круг жанров, представляющих собой толкования на священные тексты, а также построить параметрическую модель подобных жанров.

Источники и принятые сокращения

1. *Гладков Б. И.* Толкование Евангелия [Электронный ресурс] / Б. И. Гладков. — Режим доступа: <https://predanie.ru/book/100417-tolkovanie-evangelija/> (дата обращения 22.10.2022).

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Религиозный дискурс : функциональный и антропологический аспекты / Е. Е. Анисимова. — Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. — 240 с.
2. *Афанасьева Т. И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII—XVI вв.: исследование и тексты / Т. И. Афанасьева. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. — 393 с.
3. *Бувич А. А.* Концепт «спасение» в единстве трех планов — духовно-мировоззренческого, культурно-исторического и лингво-семиотического / А. А. Бувич // Хрестоматия теолингвистики. — 2019. — С. 403—412.

4. *Васильева Е. А.* Язык и слово в представлениях западных теолингвистов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета / Е. А. Васильева. — 2013. — № 2 (23). — С. 127—133.
5. *Водясова Л. П.* Экспликация концепта «религия» в романе А. М. Доронина «Баганысулейт» («Тени колоколов») / Л. П. Водясова // Гуманитарные науки и образование. — 2013. — № 3 (15). — С. 119—124.
6. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 17—28.
7. *Гадомский А. К.* Русская теолингвистика : история, основные направления исследований / А. К. Гадомский // Стил. Београд. — 2010. — № 9. — С. 357—374.
8. *Галиева М. Р.* Теолингвистика : к обоснованию термина / М. Р. Галиева // Нижневартовский филологический вестник. — 2022. — № 2. — С. 113—125.
9. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 560 с.
10. *Киквидзе И. Д.* Сопоставительная теолингвистика : предмет и цели исследования / И. Д. Киквидзе // Политическая лингвистика. — 2018. — № 2 (68). — С. 115—118.
11. *Кончаревич К.* К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теолингвистики (на материале русского и сербского языков) / К. Кончаревич // Достигения и перспективы сопоставительного изучения русского и других языков. — Белград, 2012. — С. 14—22.
12. *Лапшина В. В.* Религионимы в политическом дискурсе / В. В. Лапшина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 583. — С. 92—100.
13. *Луговой В. С.* Функционирование лексики религиозной культуры (религионимов) во французской католической литературе (на материале произведений Э. Базена и Ф. Мориака) / В. С. Луговой // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики : педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодёжью. — 2020. — № 1. — С. 100—106.
14. *Постовалова В. И.* Теолингвистика в современном гуманитарном познании : истоки, основные идеи и направления / В. И. Постовалова // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири «Magister Dixit». — 2012. — № 4. — С. 54—101.
15. *Постовалова В. И.* Теолингвистика в современном гуманитарном познании : истоки и направления / В. И. Постовалова // Хрестоматия теолингвистики. — 2019. — С. 36—47.
16. *Русская философия : Словарь* / Под общ. ред. М. А. Маслина. — Москва : Республика, 1995. — 655 с.
17. *Сабиров В. Ш.* Основы философии: учебник / В. Ш. Сабиров, О. С. Соина. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 336 с.
18. *Сергий* (Страгородский), архиепископ. Православное учение о спасении. — Санкт-Петербург : Общество памяти игумении Таисии, 2010. — 320 с.
19. *Смолина А. Н.* Эпистолярное наследие Святителя Луки (Войно-Ясенецкого) : идейное содержание и стилистические особенности / А. Н. Смолина // Художественные традиции Сибири. Материалы II Международной научной конференции. — 2019. — С. 16—20.
20. *Смолина А. А.* Духовный эпистолярный русского православного монашества XX — начала XXI века : типология жанровых форм, их риторико-стилистическая орга-

низация, речевой этикет : диссертация ... доктора филологических наук / А. А. Смолина. — Красноярск, 2021. — 569 с.

21. Смолина А. Н. Религиознимы в русских церковно-религиозных автодокументальных текстах : типология и стилистические функции / А. Н. Смолина // Филология : научные исследования. — 2022. — № 4. — С. 1—15.

22. Степаненко В. А. Теоллингвистика? — Да, теоллингвистика! / В. А. Степаненко // Вестник Иркутского государственного университета. — 2012. — № 2 (18). — С. 221—226.

23. Тульчинский Г. Л. Конструктивизм и стереометрическая семантика : основания нормативно-ценностного синтеза в социальных науках / Г. Л. Тульчинский // Человек. Культура. Образование. — 2017. — № 1 (23). — С. 32—42.

24. Урбанович Л. Н. Система работы с религиозными понятиями на уроках духовно-нравственной направленности / Л. Н. Урбанович // Вестник ПСТГУ. Серия IV : Педагогика. Психология. — 2017. — № 44. — С. 11—19.

25. Crystal D. Whatever Happened to Theolinguistics / D. Crystal // Religion, Language and Human Mind. New-York : Oxford University Press, 2018. P. 3—18.

26. Noppen J. P. van. Theolinguistics / J. P. Noppen// Brussels: StudiereeksTijdschrift Vrije Universiteit Brussel, 1981. № 8. P. 1.

Material resources

Gladkov, B. I. *Interpretation of the Gospel*. Available at : <https://predanie.ru/book/100417-tolkovanie-evangeliiya> (accessed 22.10.2022). (In Russ.).

References

Anisimova, E. E. (2019). *Religious discourse: functional and anthropological aspects*. Moscow : FGBOU V MGLU. 240 p. (In Russ.).

Afanasyeva, T. I. (2012). *Ancient Slavic interpretations of the Liturgy in the manuscript tradition of the XII—XVI centuries: research and texts*. Moscow : Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 393 p. (In Russ.).

Buevich, A. A. (2019). *The concept of "salvation" in the unity of three planes — spiritual-ideological, cultural-historical and linguistic-semiotic*. 403—412. (In Russ.).

Vasilyeva, E. A. (2013). *Language and word in the representations of Western theolinguists*. 2 (23): 127—133. (In Russ.).

Vodiasova, L. P. (2013). *Explication of the concept of "religion" in A. M. Doronin's novel "Bayagansuley" ("Shadows of bells")*. 3 (15): 119—124. (In Russ.).

Gadomsky, A. K. (2018). *Lexicographic description of terminology of theolinguistics (on the example of Russian and Polish languages)*. 17 (1): 17—28. (In Russ.).

Gadomsky, A. K. (2010). *Russian theolinguistics: history, main directions of research*. 9. 357—374. (In Russ.).

Galieva, M. R. (2022). *Theolinguistics: to substantiate the term*. 2. 113—125. (In Russ.).

Yesaulov, I. A. (2004). *Paskhality of Russian literature*. Moscow: Krug. 560 p. (In Russ.).

Kikvidze, I. D. (2018). *Comparative theolinguistics: the subject and objectives of the study. Political linguistics*. 2 (68): 115—118. (In Russ.).

Koncharevich, K. (2012). *On the theoretical and methodological substantiation of comparative theolinguistics (based on the material of Russian and Serbian languages). Achievements and prospects of comparative study of Russian and other languages*. Belgrade. 14—22. (In Russ.).

- Lapshina, V. V. (2010). Religious names in political discourse. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 583. 92—100. (In Russ.).
- Lugovoy, V. S. (2020). Functioning of the vocabulary of religious culture (religious names) in French Catholic literature (based on the works of E. Bazin and F. Mauriac). *Problems and prospects of modern humanities: pedagogy, teaching methods, philology, organization of work with youth*. 1. 100—106. (In Russ.).
- Postovalova, V. I. (2012). Theolinguistics in modern humanitarian cognition: origins, main ideas and directions. *Scientific and Pedagogical Journal of Eastern Siberia "Magister Dixit"*. 4. 54—101. (In Russ.).
- Postovalova, V. I. (2019). *Theolinguistics in modern humanitarian cognition: origins and directions*. 36-47. (In Russ.).
- Maslin, M. A. (ed.). (1995). *Russian Philosophy: Dictionary*. Moscow: Republic. 655 p. (In Russ.).
- Sabirov, V. Sh. Soina, O. S. (2012). *Fundamentals of philosophy: textbook*. Moscow: FLINT: Nauka. 336 p. (In Russ.).
- Sergius (Stragorodsky), Archbishop. (2010). *The Orthodox doctrine of salvation*. St. Petersburg: Society of Memory of Abbess Taisiya. 320 p. (In Russ.).
- Smolina, A. N. (2019). *Epistolary heritage of St. Luke (Voino-Yasenetsky): ideological content and stylistic features*. 16—20. (In Russ.).
- Smolina, A. A. (2021). *Spiritual epistolary of the Russian Orthodox monasticism of the XX — beginning of the XXI century : typology of genre forms, their rhetorical and stylistic organization, speech etiquette*: author's abstract of Doct Diss. Krasnoyarsk. 569 p. (In Russ.).
- Smolina, A. N. (2022). Religious names in Russian ecclesiastical and religious auto-documentary texts: typology and stylistic functions. *Philology: scientific research*. 4. 1—15. (In Russ.).
- Stepanenko, V. A. (2012). Theolinguistics? — Yes, theolinguistics! *Bulletin of Irkutsk State University*, 2 (18):221—226. (In Russ.).
- Tulchinsky, G. L. (2017). Constructivism and stereometric semantics: the foundations of normative-value synthesis in the social sciences. *Man. Culture. Education*. 1 (23): 32—42. (In Russ.).
- Urbanovich, L. N. (2017). The system of working with religious concepts in the lessons of spiritual and moral orientation. *Bulletin of the PSU. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 44. 11—19. (In Russ.).
- Crystal, D. (2018). *Whatever Happened to Theolinguistics. Religion, Language and Human Mind*. New-York: Oxford University Press. 3—18.
- Noppen, J. P. (1981). *Theolinguistics*. Brussels: Studiereeks/Tijdschrift Vrije Universiteit Brussels. 8. p. 1.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022,
одобрена после рецензирования 19.01.2023,
подготовлена к публикации 30.01.2023.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM



Александра Дмитриевна Реброва, аспирант (Москва)

Елена Вячеславовна Маринова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

Жером Багана, д-р филол. наук (Белгород; Трнава, Словакия)

Татьяна Геннадьевна Волошина, д-р филол. наук (Белгород)



Багана Ж. Нигерийская киноиндустрия и киносценарный текст : исторический и лингвосоциокультурный симбиоз / Ж. Багана, Т. Г. Волошина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 132—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-132-150.

Baghana, J., Voloshina, T. G. (2023). Nigerian Film Industry and Screenplay Text: Historical and Linguo-Socio-Cultural Symbiosis. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 132-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-132-150. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-132-150

Нигерийская киноиндустрия и киносценарный текст: исторический и лингвосоциокультурный симбиоз

Багана Жером^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6061-3288
доктор филологических наук,
профессор
baghana@yandex.ru

Волошина Татьяна Геннадьевна¹

orcid.org/0000-0002-6839-9631
доктор филологических наук,
профессор
tatianavoloshina@rambler.ru

¹ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
(Белгород, Россия)

² Университет Св. Кирилла
и Мефодия в Трнаве
(Трнава, Словакия)

Nigerian Film Industry and Screenplay Text: Historical and Linguo- Socio-Cultural Symbiosis

Jerome Baghana^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6061-3288
Doctor of Philology, Professor
baghana@yandex.ru

Tatiana G. Voloshina¹

orcid.org/0000-0002-6839-9631
Doctor of Philology, Professor
tatianavoloshina@rambler.ru

¹ Belgorod State
National Research University
(Belgorod, Russia)

² The University of Ss. Cyril
and Methodius in Trnava
(Trnava, Slovakia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о развитии киноиндустрии нигерийского кинематографа и о специфике киносценарного текста как отражения лингвокультурной картины мира. Поднимается вопрос о выявлении лингво-социокультурных особенностей киносценарного текста, сформированного в ходе контактного взаимодействия британского английского языка и автохтонных языков и культур Нигерии. Доказано, что текст нигерийского киносценария обладает всеми ключевыми текстовыми категориями, как и тексты британских и американских кинофильмов, но в преломлении к нигерийской лингвокультуре. Научная новизна исследования определяется выведенными новыми свойствами нигерийского киносценарного текста в процессе лингвокультурной адаптации британского английского языка к реалиям нигерийской культуры. Представлена авторская разработка модели лингвокультурной адаптации нигерийского киносценарного текста. Выявлены его уникальные свойства на уровне лексики и грамматики. Особенное внимание уделяется аспекту социолингвистической дифференциации нигерийского общества и выявлению в диалогической коммуникации персонажей ошибок в зависимости от принадлежности к социолингвистическому типу — акролект, мезолект, базилект. Полученные результаты могут быть использованы для исследователей в области теории языковых контактов и коммуникативного синтаксиса.

Ключевые слова:

языковой контакт; нигерийский кинематограф; киносценарный текст; лингвокультурная адаптация; лексические трансформации; грамматические трансформации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the development of the Nigerian film industry and the specifics of the screenplay text as a reflection of the linguocultural picture of the world is considered. The question is raised about identifying the linguo-socio-cultural features of the screenplay text formed during the contact interaction of British English and the indigenous languages and cultures of Nigeria. It is proved that the text of the Nigerian film script has all the key textual categories, like the texts of British and American films, but in the refraction of the Nigerian linguistic culture. The scientific novelty of the study is determined by the derived new properties of the Nigerian screenplay text in the process of linguocultural adaptation of British English to the realities of Nigerian culture. The author's development of a model of linguocultural adaptation of the Nigerian screenplay text is presented and its unique properties at the level of vocabulary and grammar are revealed. Particular attention is paid to the aspect of the sociolinguistic differentiation of the Nigerian society and the identification of errors in the dialogic communication of the characters depending on their belonging to the sociolinguistic type — acrolect, mesolect, basilect. The results obtained can be used for researchers in the field of the theory of language contacts in the field of communicative syntax.

Key words:

language contact; Nigerian cinema; screenplay text; linguocultural adaptation; lexical transformations; grammatical transformations.

Нигерийская киноиндустрия и киносценарный текст: исторический и лингвосоциокультурный симбиоз

© Багана Ж., Волошина Т. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Вопросы контактного взаимодействия и специфики функционирования территориальных вариантов европейских языков на территории стран Африки входят в ранг продуктивных работ в рамках современных лингвистических исследований. Аспекты изучения функционирования европейских языков и африканских языков были исследованы в трудах ученого Ж. Багана и его последователей. Ж. Багана и Е. В. Хапилина в работе «Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм» рассматривают специфику взаимодействия французского языка и местных языков в условиях франко-конголезского билингвизма [Багана и др., 2021]. В монографии Ю. С. Блажевич анализу подлежат особенности адаптации французского и английского языков, функционирующих на территории Камеруна в качестве официальных языков государства [Блажевич, 2021]. В работе Т. Г. Володиной изучаются особенности английского языка, «обладающего официальным статусом на территории Нигерии, и выявляются его уникальные свойства в ходе контактного взаимодействия британского английского языка и автохтонных языков и культур Нигерии» [Волошина, 2020, с. 16].

Такой вид искусства, как кинематограф, несомненно, занимает значимую позицию в современной африканской культуре [Akporobaro, 2001]. Нигерийский кинематограф в Африке занимает лидирующую позицию, что, несомненно, заслуживает внимания со стороны исследователей в разных областях науки. Так, вопросы изучения истории развития нигерийского кинематографического искусства были отражены в трудах нигерийских исследователей О. Ибе, К. О'Нил Райан, М. Чоудхури, Т. Ландес, М. Сантини, Л. Техада, Дж. Висконти (O. Ibe, C. O'Neill Ryan, M. Chowdhury, T. Landesz, M. Santini, L. Tejada, G. Visconti) и др., см. [Dagona, 2009].

Специфика изучения киносценарного текста как важного компонента в процессе создания кинофильма представляет собой значимый аспект при исследовании киноискусства в целом и анализе нигерийского киноискусства, в частности. Вопросы изучения адаптации художественных произведений нигерийских авторов к нормам кинотекста были изучены в работах нигерийских киноведов У. Н. Вачуку, А. Али Ибби (U. N. Wachuku, A. Ali Ibbi) [Ibbi, 2014; Wachuku et al., 2010 и др.]. Исследование лекси-

ческих единиц, заимствованных из автохтонных языков, в составе нигерийских киносценарных текстов было проведено в работах нигерийского лингвокультуролога Дж. Усмана (J. Usman), подчеркивавшего «значимость применения единиц родного языка для сохранения культуры» [Ibbi, 2014, с. 24]; специфику категорий киносценарного текста изучает Дж. Нгамса, при этом автор акцентирует внимание на таком явлении, как «когезия» [Ngamsa, 2014, с. 36]; исследователь Р. Финнеган изучал лингвостилистические особенности такого киножанра нигерийского киносценарного текста, как комедия, и выявил ряд специфических для нигерийской комедии свойств [Finnegan, 2012]. Необходимо отметить, что в отечественной лингвистике отсутствуют исследования, посвященные выявлению лингвосоциокультурных особенностей киносценарных текстов нигерийского кинематографа, чем обусловлена актуальность настоящего исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В нашей работе анализу подвергается лингвокультурная специфика нигерийского киносценарного текста, вынужденного адаптироваться к реалиям британского английского языка, сохранив при этом норму родных культур и языков.

Методика исследования базируется на применении комплексной системы, в основе которой лежит симбиоз общенаучных и специальных методов. Группа общенаучных методов включает анализ и обобщение с целью систематизации теоретического и практического материала исследования. К группе специальных методов принадлежат сопоставительный метод, позволяющий выявить уникальные свойства нигерийских киносценарных текстов по сравнению с британскими и американскими киносценарными текстами; метод моделирования, при помощи которого осуществляется вычленение лингвокультурных единиц, формирующих основу киносценарного текста; количественный метод для определения продуктивности тех или иных явлений, типичных для нигерийских киносценарных текстов [Blench et al., 2005; Dagona, 2009; Igboanusi, 2010; Langlo, 2017].

Целью работы является систематизация закономерностей развития киноискусства Нигерии, повлиявших на состояние современного кинематографа, а также выявление ключевых свойств современных нигерийских киносценарных текстов, обусловленных лингвокультурной адаптацией автохтонных языков и культур в условиях глобализации.

Материалом исследования послужили словари нигерийского варианта английского языка, разработанные зарубежными исследователями (R. Blench, B. Dagona, H. Igboanusi, T. Langlo, L. Williams). Словари нигерийского варианта английского языка не только предоставляют данные

о значении тех или иных дефиниций, но вместе с тем содержат информацию о том, каким образом та или иная лексическая единица или грамматическая структура появилась в нигерийском варианте английского языка.

Практическая часть нашего исследования базируется на анализе нигерийского киносценарного текста «King of Boys» (Король мальчиков), опубликованного в 2018 году. В этом киносценарном тексте описана история жизни героини — Альхаджи Эниолы Салами, представляющей собой идеал современной женщины — независимая бизнес-леди с неоднозначным прошлым и многообещающим политическим будущим. Выбранный киносценарный текст относится к жанрам смешанного типа — экшн, политический триллер, детектив и трагедия, что уже говорит об исключительности выбранного киносценария, так как в большей степени киносценарные тексты для фильмов современного нигерийского кинематографа ориентированы на такой жанр, как комедия. Киносценарист, сопродюсер и режиссер Кеми Адетиба в тексте киносценария и в самом фильме выдвинул на первый план наиболее актуальную социальную проблему нигерийского общества — коррупцию.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. История развития нигерийского кинематографа

Африканский кинематограф представляет собой молодую и быстро развивающуюся отрасль киноиндустрии в мировом киносообществе. Если исходить из принципа продуктивности, то следует отметить, что нигерийская кинокорпорация Нолливуд уступает на мировой кинематографической арене только кинокорпорации индийского города Мумбаи в Индии — Болливуду и опережает ежегодное производство фильмов в Голливуде, США [Wachuku et al., 2010].

История развития Нолливуда насчитывает около 20 лет, при этом изначально эта сфера базировалась исключительно на принципе самофинансирования, и только в настоящее время нигерийское правительство заявило о заинтересованности в продвижении киноиндустрии как сферы национальной отрасли культуры [Usman, 2019].

Производство первых нигерийских фильмов датируется началом XX века, в этот период ключевое влияние на состояние киноиндустрии в целом оказывали нормы британского английского языка и британской культуры. Особым успехом среди местного населения пользовались традиционные «театральные постановки народности Йоруба, которые сочетали в себе объединение традиционных форм искусства: музыку, танцы, акробатические номера, драму» [Finnegan, 2012, с. 26].

Индустрия кинопроизводства в мире пережила потрясение и быстро адаптировалась к новым технологиям. Нигерия располагала достаточны-

ми запасами цифровых технологий, поступающих из азиатских стран, которые стремились к быстрой регенерации собственных запасов технологических устройств. В результате такого развития в 90-х годах в Нигерии появилось достаточное количество дешевых чистых видеокассет, компакт-дисков и DVD-дисков, а также видеоплееров, которыми могли пользоваться нигерийцы всех социальных слоев в домашних условиях.

В 1992 году продавец электрооборудования Лагоса Кеннет Ннебу и его друзья, имея в наличии дешевую цифровую камеру, сняли первый видеофильм о традициях передвижного театра народности Йоруба. Кеннет Ннебу записал полученный материал на все невыкупленные пустые видеокассеты в надежде увеличить прибыль от объема продаж видеокассет. Полученный материал автор назвал «Жизнь в рабстве». В нем рассказывалось о человеческих жертвоприношениях. Появление этого произведения киноискусства рассматривалось как первостепенно значимое в истории развития нигерийского кинематографа [Usman, 2019].

Следует отметить, что трансляция фильмов Нолливуда на государственных каналах Нигерии началась относительно недавно — около 13 лет назад; до 2010 года государственные телеканалы показывали преимущественно американские или индийские блокбастеры.

3.2. Процесс создания фильма в Нолливуде

Первоначальным этапом создания фильма в Нолливуде является процесс написания киносценарного текста. Характерной чертой нигерийской киноиндустрии является тот факт, что написание киносценарного текста осуществляется кинопродюсером, в отличие от Голливуда, где существует специальная профессия — киносценарист. В перечень обязанностей киносценариста в Голливуде входит разработка, вычитка, переработка текста киносценария, а продюсер фильма приобретает уже готовый киносценарный текст и занимается исключительно работой над процессом производства кинофильма.

После разработки киносценарного текста нигерийский кинопродюсер нанимает на работу режиссера и техническую команду для производства фильма, а также сам находит оборудование для съемок. Обычно «продолжительность съемок фильма Нолливуда колеблется от 10 до 20 дней (в отличие от Голливуда, где съемочный процесс варьируется приблизительно от 5 месяцев до 3 лет)» [Ngamsa, 2016, с. 37].

Фильмы в Нолливуде снимают исключительно в цифровом формате, что в значительной степени снижает затраты на процесс монтажа, который обычно занимает от 1 до 2 недель. Таким образом, процесс создания фильма часто завершается в течение 4—5 недель. В отличие от Нолливуда, в Голливуде и Болливуде процесс съемки от начала и до конца процесса

может продолжаться от нескольких месяцев до нескольких лет (для более масштабных проектов).

Нигерийская киноиндустрия также существенно отличается от других киноиндустрий, где основной источник дохода поступает от кассовых сборов. Напротив, для Нигерии сбор финансовых средств от просмотров фильмов в кинотеатрах является малоприбыльной сферой деятельности. В свою очередь, прокат дисков набирает крупные обороты в Нигерии и приносит стабильную прибыль малому бизнесу. Необходимо отметить, что для нигерийского рынка сбыта кинопродукции характерной особенностью является распространение нелегальных копий дисков, что обусловлено отсутствием закона о пиратстве и защите авторских прав, а также невозможностью сбыта кинопродукции на международных рынках.

3.3. Киноиндустрия Нолливуда

Количество фильмов, ежегодно выпускаемых в Нигерии в период с 1992 по 2006 годы, значительно увеличилось и на современном этапе развития кинематографа составляет около 2000 единиц. Обязательным этапом выхода нигерийского фильма является процесс его рецензирования. Процесс прохождения цензуры кинофильмов осуществляется при помощи государственного органа власти — нигерийского национального совета по цензуре фильмов и видео [Usman, 2019].

Активное развитие отрасли киноиндустрии, несомненно, оказало положительное влияние на финансовое положение местного населения, предоставив тем самым спектр дополнительных возможностей для специализированных отраслей работников в сфере технического оснащения (оператор, звукорежиссер, электрик, редактор). В дополнение ко всему, «развитие кинематографа способствовало росту занятости местного населения в развитии сферы индустрии туризма» [Williams, 2008, с. 87].

Принимая во внимание статистические данные подсчета вовлеченности местного населения в работу киноиндустрии, следует отметить, что общее количество людей, работающих в отрасли кино, превышает 1 миллион человек, что, несомненно, подтверждает правомерность оценки киноиндустрии как лидирующей и экономически прибыльной отрасли, самостоятельно, без государственной поддержки развивающейся в Нигерии. Такая финансовая независимость от государственных субсидий дала возможность нигерийскому кинематографу определить себя, как саморазвивающийся экономический кластер.

В ранг наиболее популярных жанров нигерийского кинематографа входят исторические драмы и мелодрамы о культурах этнических групп Йоруба, Игбо и Хауса, представляющих собой культурное большинство нигерийского общества. Нигерийские кинозрители отдают предпочтение

кинофильмам, репрезентирующим специфику повседневной жизни представителей местных культур.

Следует отметить, английский язык является официальным в Нигерии, это — язык политики, экономики, юриспруденции, образования. Английский язык — язык нигерийского кинематографа, что, несомненно, в значительной степени увеличивает его популярность и на мировой киноарене. Языком кинофильмов Нолливуда изначально был английский, учитывая внушительный потенциал для распространения фильмов не только внутри своей страны, но и в англоговорящей Африке, так же как и на международном уровне.

Например, в отличие от киноиндустрии Болливуда, характерной чертой которого является обязательность применения автохтонного языка хинди в качестве киноязыка, для Нолливуда специфической особенностью выступает производство фильма на британском английском языке. Необходимо добавить, что нигерийские фильмы пользуются особой популярностью среди англоговорящих африканцев, например, в Гане и Уганде. Кроме того, численность африканских диаспор по всему миру составляет более 169 миллионов африканцев, которые способны стать потребителями, то есть потенциальным рынком сбыта кинопродукции Нолливуда. В столице Великобритании, Лондоне, проживает многочисленная диаспора нигерийцев (более 2,5 миллионов человек), они отдают предпочтение фильмам, произведенным именно в Нолливуде, так как такие фильмы демонстрируют особенности многочисленных африканских лингвокультур в целом и специфику нигерийских традиций, в частности.

3.4. Текстовые категории и жанровое разнообразие нигерийского киносценарного текста

Текст нигерийского киносценария, как и любой другой тип текста, обладает всеми текстовыми категориями, «ключевыми из которых являются целостность, связность, членимость, информативность, модальность, завершенность; такие текстовые категории как локальная и темпоральная отнесённость (хронотоп), антропоцентричность, прагматическая направленность, входят в ранг добавочных категорий» [Akporobaro, 2011, с. 109].

Текстовая категория «модальность» для нигерийского киносценарного текста является его уникальной особенностью по сравнению с британскими и американскими киносценариями [Волошина, 2020, с. 112].

Через категорию модальности киносценарного текста реализуется особый вид репрезентации позиции сценариста в форме авторских ремарок. Авторская позиция, выраженная в киносценарных текстах Нигерии, представляет собой продуктивную часть текста и занимает внушительный объем — до 30 % от текста киносценария в целом, например:

(1) — *I'm busy* (Я занят)

Branch stands and goes back to facing the hall. Gate walks to the fridge and opens it (Бранч встает и идет по коридору. Гейт подходит к холодильнику и открывает его) [King of Boys, 2018].

— *You are distracting me. I need to focus* (Ты меня отвлекаешь. Мне нужно сосредоточиться)

Gate walks to a chair, shoves the clothes on it to the floor; then sits. He stares at Branch for a while (Гейт подходит к стулу, скидывает с него одежду, затем садится. Он пристально смотрит на Бранча) [King of Boys, 2018].

В примере герой Бранч обращается к своему коллеге, заявляя, что очень занят в настоящий момент (*I'm busy*). Его короткая реплика дополняется объемной авторской ремаркой, в которой сценарист считает нужным передать детальную информацию о состоянии героя и его дальнейших действиях: Бранч встает и идет по коридору (*Branch stands and goes back to facing the hall*). В этот момент другой персонаж подходит к холодильнику и открывает его (*Gate walks to the fridge and opens it*). Из ответной реплики диалога мы узнаем, что Бранч недоволен, так как его отвлекают (*You are distracting me*), а ему необходимо сконцентрироваться на деле (*I need to focus*). Вторая реплика диалога, так же как и первая, сопровождается подробной информацией киносценариста, который детально описывает специфику поведения героя, реагирующего на раздражение: он подходит к стулу (*walks to a chair*), сбрасывает одежду на пол (*shoves the clothes on it to the floor*), садится на стул (*sits*), пристально смотрит на Бранча (*He stares at Branch for a while*).

Модальность нигерийского киносценарного текста обладает многослойной структурой, так как на его организацию влияет не один человек, а группа людей, участвующих в создании кинотекста. Таким образом, многоуровневая модальность киносценарного текста оказывает влияние на его структуру: часто происходит уменьшение диалогической части киносценария за счет увеличения объема авторских ремарок, что влечет за собой изменение стиля киносценария.

Киносценарный текст представляет собой креолизованный текст. Базируясь на текстовых признаках, принято различать следующие типы киносценария: учитывая принцип адресата, выделяют массовый и элитарный киносценарий; принимая во внимание критерий степени оригинальности, выделяют оригинальный сценарий, сценарий — переработку, адаптированный сценарий; принцип жанровой принадлежности дает возможность выделить основные киножанры (экшен, приключенческий жанр, комедия, исторический фильм, фильм ужасов, научная фантастика, военный фильм)

и дополнительные жанры (автобиографичные фильмы, детективы, фильм-катастрофа, фантастика, мелодрама, романтическая драма, фильм о спорте и др.) [Волошина, 2020, с. 132]. Есть все основания полагать, что жанровая принадлежность нигерийских кинофильмов играет важную роль для развития современного кинематографа. Изначально нигерийский рынок был ориентирован на производство мелодрам, драм и комедий, отражающих трагические и романтические отношения между людьми. Современный нигерийский кинематограф отражает острые социально-экономические, социально-политические, демографические и экологические проблемы, поэтому жанровая принадлежность включает политический детектив, историческую драму, триллер, ужас и другие жанры.

Перед современным нигерийским обществом стоит множество нерешенных социальных проблем, ключевыми из которых являются бедность, высокий уровень преступности и безработицы, вооруженные конфликты, коррупция, низкий уровень образования. Проблема низкого уровня образования нигерийцев четко прослеживается на материале киносценарных текстов: в диалогической коммуникации представлены нигерийцы разного социального статуса, речь многих персонажей характеризуется как малограмотная, с большим количеством ошибок. Такая авторская позиция киносценариста призывает обратить внимание на острую проблему нигерийского общества — около 40 % нигерийцев являются необразованными, многие из них не получили даже школьного образования, так как вынуждены были начать работать. Школьное образование в Нигерии не является обязательным, поэтому многие подростки не заканчивают школу. Высшее образование в Нигерии доступно лишь для элитарной части общества.

Таким образом, в киносценарном тексте, как в любом другом типе текста, реализуются все текстовые категории. Такая категория, как модальность, обладает специфическим характером в рассматриваемом нами нигерийском киносценарном тексте: объем авторских ремарок в значительной степени превышает диалогическую речь персонажей. Динамика изменения жанровой принадлежности нигерийского кино продиктована сменой ракурса: фокус изображения социальных проблем общества постепенно смещается от освещения опыта межличностных отношений и исторических конфликтов до моделирования и осмысления сюжетов политической нестабильности и экологической катастрофы.

3.5. Характерные особенности нигерийского киносценарного текста на примере киносценария «King of Boys» (Король мальчиков)

Анализ структурных характеристик киносценарного текста «King of Boys» (Король мальчиков) показал тенденцию к предоставлению детальной информации для читателей, например:

— наличие так называемых *slug line* — обязательных составных частей киносценарных текстов, раскрывающих особенности времени и места происходящих событий [Igboanusi, 2010];

— внушительный объем детального описания сцен киносценарного текста, а также наличие подробных инструкций в такой части сценарного текста, как авторские ремарки перед или после каждой реплики киногороев.

(2) — *Thank you, once again [whooping]* (Еще раз всех благодарю (слышится выкрик));

— *Be merry with me, please [applause]* (Выходи за меня замуж (слышны аплодисменты));

— *His Excellency, my governor, the MC is saying hello, sir. That's my governor, [chuckles]* (Его превосходительство, наш губернатор передает Вам привет)

— *[music continues]* (Музыка продолжает играть) [King of Boys, 2018].

Как видно из приведенного диалога, нигерийский киносценарный текст включает не только реплики для актеров первого плана, но также в нём приводится дополнительная информация для актеров второго плана, звуорежиссёров, с целью создания нужной атмосферы во время съемки фильма.

Язык киносценарных нигерийских текстов также обладает уникальными свойствами. Английский язык в Нигерии обладает официальным статусом наряду с языками этнического большинства — автохтонными языками *хауса*, *йоруба* и *игбо*. Английский язык — язык политики, экономики, судебной системы, СМИ, образования в Нигерии. Тем не менее *Nigerian Pidgin English* (нигерийский пиджин инглиш) обладает статусом неофициального средства коммуникации, объединяющего все слои общества, так как содержит в своём составе лексические единицы не только многочисленного языкового большинства, но и меньшинства. Более того, «нигерийский пиджин инглиш обладает облегченной грамматической структурой, что делает его доступным не только для нигерийской элиты — социально-го типа *акролект* и представителей среднего класса — *мезолект*, но также и для нигерийцев, принадлежащих к типу *базилект* — для которого свойственно базовое владение английским языком» [Волошина, 2020, с. 56].

Таким образом, текст киносценария является отражением адаптации британского английского языка к реалиям местных языков и культур, что также обусловлено спецификой социолингвистической дифференциации нигерийского общества. Все эти факторы оказали существенное влияние на лингвостилистическую составляющую киносценарного текста.

К наиболее значимым лингвистическим особенностям нигерийского киносценарного текста, выявленным в ходе нашего исследования, относятся следующие характеристики.

Текст нигерийского киносценария базируется на преобладании британского английского языка и включении в его состав отдельных реплик языков коренных народов — хауса, йоруба, игбо, нигерийского пиджина и других автохтонных языков, например:

- (3) — *Enjoy the rest of the party, sir* (Наслаждайтесь вечеринкой, сэр)
— *[music continues]* (музыка продолжает играть)
— *[man whimpering]* *Boss, please* (Босс, пожалуйста (говорит мужчина едва слышно))
— *Stand him up* (Поднимите его)
— *[whimpering]* (шёпот)
— *Gbe e dide [in Yoruba]* (Поднимите его (на языке йоруба))
— *Bii o se le huwa pelu ore ti o dara julọ* (Они даже не знают как нужно вести себя с лучшим другом (на языке йоруба))
— *No sabi he is friend? [in Pidgin]* (А он является лучшим другом? (на языке пиджин))
— *Ok* (Хорошо) [King of Boys, 2018].

Приведенный пример иллюстрирует функционирование серии языков в рамках одного диалога — британского английского языка, автохтонного языка йоруба и нигерийского пиджина. Вкрапления лексических единиц и словосочетаний из коренных нигерийских языков в речи персонажей киносценарного текста объясняются желанием киносценариста подчеркнуть принадлежность героев к разным социальным типам общества, дифференцированным по владению разновидностями языками, называемыми *мезолектом* и *базилектом*. Социолингвистический тип мезолект в данном примере вынужден понизиться до социолингвистического типа базилект чтобы быть понятным собеседником, поэтому сперва персонаж использует словосочетание автохтонного языка йоруба — «*Gbe e dide*» (Поднимите его) [Williams, 2008, с. 22], а далее, не получив одобрения, произносит реплику на нигерийском пиджине «*No sabi he is friend?*» (А он является лучшим другом?) [Igboanusi, 2010, с. 23]. Собеседник, к которому обращался главный герой, принадлежит к социолингвистическому типу базилект, для которого свойственной чертой является ограниченный уровень владения английским языком, следовательно, он способен понять только отдельные базовые фразы британского английского языка, поэтому в диалоге используются словосочетания из нигерийского пиджина и простые конструкции британского английского языка.

Часто нигерийские киносценаристы изображают своих персонажей малограмотными или безграмотными, приписывая им ряд грамматических и лексических ошибок, например:

(4) — *Baddest, baddest, baddest, Nothing's new?* (Все хуже, и хуже, и хуже. Ничего нового?) [King of Boys, 2018].

Приведенный пример представляет собой реплику малограмотного персонажа, который жалуется на жизненные трудности. Герой киносценарного текста не может найти даже малооплачиваемую работу, так как не имеет базового школьного образования, что и прослеживается в его высказывании — в некорректном использовании степеней сравнения прилагательного.

(5) — *No, Hajia, don't worry yourself* (Нет, Хаджия, не нужно волноваться) [King of Boys, 2018].

Как видно из примера, персонаж киносценарного текста является неграмотным, так как неверно употребляет возвратное местоимение. В данном случае глагол как британского английского языка, так и американского варианта английского языка *to worry* не требует после себя употребления возвратного местоимения.

Причиной, по которой в диалогической коммуникации персонажей наблюдаются многочисленные ошибки, является акцентирование внимания кинорежиссера на необходимости повышения уровня грамотности среди подавляющей части нигерийского общества. Следует отметить, что незначительная часть нигерийцев (до 10 %) реализуют в своей речи такой социолингвистический вариант, как *акролект*, их речь максимально приближена к речи британцев или содержит незначительное количество ошибок. Социолингвистический тип *мезолект*, для которого свойственно владение британским языком на уровне продвинутого пользователя, характерен для 50 % нигерийского общества. Таким образом, в отношении 40 % нигерийцев можно говорить об ограниченном уровне владения британским английским языком (социолингвистический тип *базилект*) и острой социальной проблеме — необходимости бороться с неграмотностью среди нигерийского населения.

Тенденция к использованию в диалогической речи персонажей американского варианта английского языка вызвана влиянием экстралингвистических факторов, а именно неоспоримым преимуществом влияния киноиндустрии США на состояние мирового кинообщества в целом, например:

(6) — *What's up? Want something interesting?* (Привет! Хотите приобрести что-то необычное?)

— *Everything I see here hand-crafted* (Все, что я могу здесь видеть, — товары, сделанные вручную).

It is neck breaking labor (Это очень тяжелый труд) [King of Boys, 2018].

Первая реплика диалога содержит в своём составе разговорное выражение американского варианта английского языка *What's up?* (Привет), при помощи которого продавец приветствует покупателя. Необходимо отметить, что такой неформальный тип приветствия не типичен для британской лингвокультуры, подобное обращение к потенциальному клиенту может быть расценено как уничижительное. Напротив, для лингвокультуры США неформальный тип коммуникации даже с малознакомым человеком является нормой. Такая особенность лингвокультуры США была принята нигерийской культурой, что можно проследить в приведенном примере.

Грамматический строй американского варианта английского языка по сравнению с британским английским языком отличается тенденцией к симплификации. Такая особенность также наблюдается и в нигерийском варианте английского языка, а именно в киносценарных текстах. Например, второе предложение первой реплики представляет собой вопросительную конструкцию, а именно общий вопрос, который в британском английском языке начинается с вспомогательного глагола. Для американского варианта английского языка вспомогательный глагол при образовании общего или альтернативного типов вопроса может опускаться, что проиллюстрировано в примере: *Want something interesting?* (Хотите приобрести что-то необычное?)

Вторая реплика приведенного диалога с точки зрения нормы британского английского языка представляется ошибочной, так как в ней отсутствует глагол — *is*. Однако для разговорного варианта американского варианта английского языка такой вариант считается приемлемым.

Третья реплика приведенного диалога иллюстрирует тенденцию к орфографической симплификации, что прослеживается в написании существительного *labor* (труд), что соответствует американскому варианту английского языка, тогда как для британского английского языка корректным считается вариант *labour* (труд).

Функционирование в диалогической части киносценарного текста разговорных выражений, междометий и эллиптических конструкций говорит о тенденции к аналитизму грамматического строя нигерийского варианта английского языка и высокой степени эмоциональности нигерийцев, например:

(7) — *Hmm?* (Ммм).

— *Okay, Don't worry, mum, I'll handle it, Thank you, baby.* (Ладно, мам, не волнуйся, я разберусь с этим, Спасибо тебе, детка)

— *This is the one I was telling you about, ma. Very pretty, Mummy, see.* — (Это именно та девушка, о которой я тебе рассказывал, мам. Она очень красивая, смотри)

— *Mmm, yes, It's fine, but ...* (Ммм, да, она прекрасна, но ...)

— *Huh? What is all of that?* (И что же это все значит?)

— *Wow, Feel that?* (Ох, ты это видишь?) [King of Boys, 2018].

Для нигерийских киносценарных текстов характерна высокая частотность лингвокультурем, что говорит о желании следовать нормам родной культуры, например:

(8) — *Waiter! Come, come.* (Официант, подойди ко мне)

— *Where's my food now? We ordered Amala, Gbegiri and Ewedu* (Где же наша еда? Мы заказали амалу, гбегири и эведу) [King of Boys, 2018].

В данном примере описывается ситуация в ресторане: друзья находятся в ожидании заказанных блюд. Конечно, лингвокультуремы *Amala*, *Gbegiri* и *Ewedu*, соотносительные с нигерийской лингвокультурой, отражают специфику местной гастрономии: амала — базовый продукт питания этнической группы йоруба, проживающей в юго-западной части Нигерии, это блюдо представляет собой пасту из батата, маниоки и муки подорожника; гбегири, или суп гбегири — густой суп, приготовленный на основе африканских медовых бобов, или коричневых бобов; эведу, или суп эведу — блюдо этнической группы йоруба, этот суп готовят на основе листьев джута.

(9) — *Rice or Eba?* (Ты будешь рис или эбу?)

— *Either one, Boss.* (Либо то, либо другое, босс)

— *How about pounded yam?* (А как насчет мамалыги?) [King of Boys, 2018].

В этом диалоге коллеги обедают вместе в кафе и начальник интересуется у подчиненного, какое блюдо тот выберет: *рис* или *эбу*. Лингвокультурема *Eba* называет специфический нигерийский продукт питания — пасту, похожую на картофельное пюре, приготовленную из обжаренной муки маниоки. Персонаж сомневается, поэтому ему предлагают также попробовать *pounded yam* (мамалыга) — традиционное блюдо этнических групп

йоруба, избо, тив и эбира, которое готовят при помощи растирания вареного батата, такое блюдо принято есть руками.

Желание нигерийских создателей кинопродукции воспроизвести в тексте нормы родной культуры проявляется также в том, что в речь персонажей киносценарных текстов вводятся фразеологизмы и паремии.

В ходе исследования мы установили, что в нигерийском киносценарном тексте высокую частотность имеют паремии, адаптированные под нормы местных языков и культур и низкую — фразеологизмы британского английского языка, например:

(10) *Oh, look at him! This politician...They say if a monkey puts on his sneakers and steps into the hood, there must be a mission* (Посмотри на него! Ох уж этот молодой политик. Говорят, если обезьяна надевает кроссовки и прыгает на капот машины, значит, у неё какое-то крупное дело) [King of Boys, 2018].

Выявленная в этом фрагменте киносценария паремия «*if a monkey puts on his sneakers and steps into the hood, there must be a mission*» отсутствует как в британском английском языке, так и в американском варианте английского языка, её значение находит объяснение в специфике нигерийской культуры. Паремия строится на сравнении обезьяны с молодым политиком, который пытается произвести впечатление на потенциальных избирателей. Весьма значимым для преуспевающих нигерийцев, особенно для политиков, является тот факт, как они выглядят: на важную деловую встречу принято надевать дорогой костюм, галстук, туфли, именно поэтому в приведенном примере обезьяна буквально «надевает кроссовки». Символом преуспевающего современного нигерийского бизнесмена являются дорогие наручные часы и мобильный телефон, что было заимствовано из американской культуры. Таким образом, дорого одетый политик собирается произвести впечатление на публику и, по мнению простых нигерийцев, замышляет что-то неладное.

— *I'd be mindful not to hug the tail of the lion if I were you* (На твоём месте я бы постарался не дергать льва за хвост) [King of Boys, 2018].

Фразеологизм *to hug the tail of the lion* в приведённом примере является адаптацией английского фразеологизма *to twist the lion's tail* (дёргать льва за хвост, напрашиваться на неприятности) к нигерийским лингвокультурным реалиям.

(11) *The person who talks too much will definitely tell tall tales* (Человек, который слишком много говорит, — рассказывает сказки) [King of Boys, 2018].

В примере (11) использован фразеологизм *to tell tall tales* (рассказывать сказки), заимствованный из британского английского языка.

Все приведенные примеры доказывают, что нигерийский киносценарный текст обладает рядом особенностей, наблюдаемых на уровне структуры и организации самого текста, а также является отражением этнической лингвокультуры, сформированной в ходе контактного взаимодействия британского английского языка и многочисленных автохтонных языков и культур.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, нигерийский кинематограф играет значимую роль в развитии мировой кинематографии, принимая во внимание принцип продуктивности производства кинофильмов. Процесс формирования и развития нигерийского кинематографа был обусловлен взаимовлиянием исторических, экономических, политических закономерностей. Текст киносценария нигерийского кинофильма отражает видение, мироощущение и мировосприятие киносценариста.

Нигерийский киносценарный текст обладает рядом уникальных особенностей, отличающих его от киносценариев Великобритании и США. Анализ структурной составляющей нигерийского киносценарного текста (на материале киносценария «King of Boys») выявил более существенное описание событий и пошаговые рекомендации актерам первого, второго планов и звукорежиссерам в составе авторских ремарок по сравнению с британскими и американскими киносценариями.

Лингвистическая специфика нигерийского киносценарного текста продиктована влиянием местных языков и культур, что находит отражение в превалировании заимствованных из автохтонных языков лексем, фразеологизмов, паремий, конструкций. Язык нигерийского киносценарного текста на уровне лексики и грамматики характеризуется тенденцией к аналитизму, что объясняется влиянием американского варианта английского языка на состояние мирового киносообщества и проявляется, в частности, использовании персонажами-нигерийцами сокращённых и разговорных форм для комфорта коммуникации.

В киносценариях персонажи часто нарочито бывают представлены безграмотными, что обусловлено желанием привлечь внимание к острой социальной проблеме — необразованности нигерийского общества.

Литература

1. Багана Ж. Контактная лингвистика : взаимодействие языков и билингвизм / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. — Москва : Флинта, 2021. — 126 с. — ISBN 978-5-9765-0958-0.

2. Блажевич Ю. С. Происхождение, историческое развитие, классификация языков / Ю. С. Блажевич. — Москва : Флинта, 2021. — 196 с. — ISBN 978-5-9765-4574-8.
3. Волошина Т. Г. Английский язык в Африке : лингвокультурологический аспект / Т. Г. Волошина. — Москва : Флинта, 2020. — 188 с. — ISBN 978-5-9765-4481-9.
4. Akporobaro F. B. Introduction to African oral literature a literary-descriptive approach / F. B. Akporobaro. — Lagos : Ikeja, 2001. — 495 p.
5. Blench R. A dictionary of Nigerian English : draft circulated for comment / R. Blench, M. Dendo. — Cambridge : [б. и.], 2005. — 29 p. — ISBN 92-3-1 02556-2.
6. Dagona B. W. Bade-English-Hausa dictionary : western dialect : Yobe languages research project / B. W. Dagona ; ed. by G. S. Russell. — 2nd ed. — Potiskum : Ajami, 2009. — 173 p.
7. Finnegan R. Oral literature in Africa / R. Finnegan. — Cambridge : Open Book Publishers, 2012. — 568 p.
8. Ibibi A. A. Subtitling in the Nigerian Film Industry, Informative or Misleading? / A. A. Ibibi // CINEJ Cinema Journal. — 2014. — Volume 1. — № 1. — Pp. 47—61. — DOI: 10.5195/cinej.2014.100.
9. Igboanusi H. A dictionary of Nigerian English usage / H. Igboanusi. — Berlin ; Münster : Lit, 2010. — 369 p. — ISBN 10: 382581453X.
10. King of Boys — *Moviescript* [Electronic resource]. — Access mode : https://sublike-script.com/movie/King_of_Boys-8329618 (accessed 08.01.2023).
11. Langlo T. Dictionary of Nigerian English / T. Langlo. — Scotts Valley, CA : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017. — 42 p. — ISBN 13: 978-1544947389.
12. Ngamsa J. Reference Cohesion as Narrative Enhancer in the Nigerian Film script / J. Ngamsa // International Journal of English Language and Communication Studies. — 2016. — Volume 2. — № 1. — Pp. 30—42.
13. Usman J. Indigenous Narratives as Experimental Cinematic Texts in Nigerian Films / J. Usman // Southern African Journal for Folklore Studies. — 2019. — Volume 29. — № 4. — DOI: <https://doi.org/10.25159/1016-8427/4228>.
14. Wachuku U. N. The Nigerian film industry and literary adaptation : The journey of things fall apart from page to screen / U. N. Wachuku, C. U. Ihentuge // Creative Artist : A Journal of Theatre and Media Studies. — 2010. — Volume 5. — № 1.
15. Williams L. Nigeria / L. Williams. — Chalfont St. Peter : Bradt Travel Guides, 2008. — 344 p.

References

- Akporobaro, F. B. (2001). *Introduction to African oral literature a literary-descriptive approach*. Lagos: Ikeja. 495 p.
- Baghana, J., Hapilina, E. V. (2021). *Contact linguistics: interaction of languages and bilingualism*. Moscow: Flint. 126 p. ISBN 978-5-9765-0958-0. (In Russ.).
- Blazhevich, Yu. S. (2021). *Origin, historical development, classification of languages*. Moscow: Flint. 196 p. ISBN 978-5-9765-4574-8. (In Russ.).
- Blench, R., Dendo, M. (2005). *A dictionary of Nigerian English: draft circulated for comment*. Cambridge: [b. i.]. 29 p. ISBN 92-3-1 02556-2.
- Dagona, B. W. (2009). *Bade-English-Hausa dictionary: western dialect: Yobe languages research project*. Potiskum: Ajami. 173 p.
- Finnegan, R. (2012). *Oral literature in Africa*. Cambridge: Open Book Publishers. 568 p.
- Ibibi, A. A. (2014). Subtitling in the Nigerian Film Industry, Informative or Misleading? *CINEJ Cinema Journal*, 1 (1): 47—61. DOI: 10.5195/cinej.2014.100.



- Igboanusi, H. (2010). *A dictionary of Nigerian English usage*. Berlin; Münster: Lit. 369 p. ISBN 10: 382581453X.
- King of Boys — *Moviescript*. Available at: https://sublikescript.com/movie/King_of_Boys-8329618 (accessed 08.01.2023).
- Langlo, T. (2017). *Dictionary of Nigerian English*. Scotts Valley, CA: CreateSpace Independent Publishing Platform. 42 p. ISBN 13: 978-1544947389.
- Ngamsa, J. (2016). Reference Cohesion as Narrative Enhancer in the Nigerian Film script. *International Journal of English Language and Communication Studies*, 2 (1): 30—42.
- Usman, J. (2019). Indigenous Narratives as Experimental Cinematic Texts in Nigerian Films. *Southern African Journal for Folklore Studies*, 29 (4). DOI: <https://doi.org/10.25159/1016-8427/4228>.
- Voloshina, T. G. (2020). *English in Africa: Linguoculturological aspect*. Moscow: Flint. 188 p. ISBN 978-5-9765-4481-9. (In Russ.).
- Wachuku, U. N., Ihentuge, C. U. (2010). The Nigerian film industry and literary adaptation: The journey of things fall apart from page to screen. *Creative Artist: A Journal of Theatre and Media Studies*, 5 (1).
- Williams, L. (2008). *Nigeria*. Chalfont St. Peter: Bradt Travel Guides. 344 p.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023,
одобрена после рецензирования 25.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Маринова Е. В. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) / Е. В. Маринова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 151—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169.

Marinova, E. V. (2023). Evolution of Concept VIRTUAL PERSONALITY in Digital Age (a Sociolinguistic Study based on Russian Texts). *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 151-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169

**Эволюция понятия
«виртуальная личность»
в цифровую эпоху
(социолингвистическое
исследование на материале
русских текстов)**

Маринова Елена Вячеславовна

orcid.org/0000-0003-3860-5606

доктор филологических наук,

профессор

кафедры преподавания русского языка

как родного и иностранного

marinova@list.ru

Нижегородский государственный

лингвистический университет

имени Н. А. Добролюбова

(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда

№ 23-28-00991,

<https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

**Evolution of Concept
VIRTUAL PERSONALITY
in Digital Age
(a Sociolinguistic Study
based on Russian Texts)**

Elena V. Marinova

orcid.org/0000-0003-3860-5606

Doctor of Philology, Professor

Russian Language as Native and Foreign

Teaching Departments

marinova@list.ru

Linguistics University

of Nizhny Novgorod

(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number 23-28-00991,

<https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается эволюция актуального для цифровой эпохи понятия «виртуальная личность» (от диффузного до терминологического). Анализируются средства его выражения. Источники исследования: персональные сайты и блоги современных отечественных авторов, прозаические и философские тексты. Привлекались также электронные поисковые базы: Национальный корпус русского языка, медиабанк «Интегрум». Цели исследования — определить и описать семантическую структуру термина *виртуальная личность*; выявить смысловые связи со смежными номинациями (сетевая личность, цифровая личность; реальная личность); установить возможные трансформации понятия «личность» в цифровую эпоху. Исследование выполнено с использованием методик когнитивистики и функциональной социолингвистики. В итоге: представлена модель словарной статьи термина *виртуальная личность* (для готовящегося словаря терминов цифрового общества). Впервые проведён сравнительный анализ понятий «виртуальная личность» и «цифровая личность» по таким критериям, как намеренность / ненамеренность, активность / пассивность, субъект / объект воздействия, наличие / отсутствие (относительной) свободы. Предложен вывод о расширении семантики слова *личность* в контексте цифровых технологий информационного общества за счёт нового лексико-семантического варианта: ‘совокупность данных пользователя, представленных в Сети в цифровом формате; цифровой след’.

Ключевые слова:

язык цифрового общества; виртуальная личность; эволюция понятия; семантическая структура термина; цифровая личность; лексика двоемирия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The evolution of the concept of “virtual personality” relevant for the digital age (from diffuse to terminological) is considered. The means of its expression are analyzed. Research sources: personal websites and blogs of contemporary Russian authors, prose and philosophical texts. Electronic search databases were also involved: Russian National Corpus, the media bank “Integrum”. The objectives of the study are to define and describe the semantic structure of the term *virtual personality*; identify semantic connections with related nominations (network personality, digital personality; real personality); to establish possible transformations of the concept of “personality” in the digital age. The study was carried out using the methods of cognitive science and functional sociolinguistics. As a result: a model of a dictionary entry for the term *virtual personality* is presented (for the forthcoming dictionary of digital society terms). For the first time, a comparative analysis of the concepts of “virtual personality” and “digital personality” was carried out according to such criteria as intentional / unintentional, activity / passivity, subject / object of influence, presence / absence of (relative) freedom. A conclusion is proposed about the expansion of the semantics of the word *personality* in the context of digital technologies of the information society due to a new lexical-semantic variant: ‘a set of user data presented on the Web in digital format; digital footprint’.

Key words:

the language of the digital society; virtual personality; concept evolution; semantic structure of the term; digital personality; dual world vocabulary.

Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов)

© Маринова Е. В., 2023

1. Введение = Introduction

Терминологическое сочетание *виртуальная личность* мы рассматриваем как единицу нового пласта русской лексики, формирующегося в эпоху цифровой революции, по масштабу и степени качественного преобразования технологий сопоставимой с важнейшими нововведениями в жизни человечества (изобретением огня, паровой машины, печатного станка). Этот пласт лексики можно считать своеобразной терминологией *цифрового общества* — той стадии современного социума, на которой его основные институты и институции последовательно и уже безвозвратно переводятся на цифровые технологии (подробнее об этом см., например, в [Lovink, 2016; Selwyn, 2019; Добринская, 2021]).

Следует отметить, что формирующаяся на наших глазах лексика цифровой эпохи отражает не только социальные последствия новой технологической революции (новые форматы деятельности человека, массового и межличностного коммуницирования и под.), но и её *онтологические последствия*, проявляющиеся в некоем удвоении мира, бытия, в осознании существования по ту сторону экрана нашего технического устройства реальности иной, чем у естественной и когда-то единственной реальности, природы.

Особенно остро это «удвоение» ощущают философы, теоретики сетевой культуры [Барикко, 2019; Жижек, 1998; Ловинк, 2019; Морозов, 2014; Харари, 2019; Эко, 2018], а также писатели, режиссёры и другие представители творческих профессий, как правило, чувствительные к глубинным переменам бытия, в особенности если эти перемены касаются самой сути Homo Sapiens. Однако происходящие в восприятии мира изменения фиксирует своими собственными средствами и язык. По нашим наблюдениям, в русском языке представление его носителей о существовании Другой, «заэкранной» (С. Жижек) реальности отражают следующие языковые процессы:

— регулярная полисемия по типу: *библиотека* — об электронной библиотеке, *почта* — об электронной почте и под.;

— устоявшиеся антонимические пары, задающие оппозицию двух миров: *виртуальный* — *реальный*, *онлайн* — *офлайн*;

— разрастание парадигматического ряда языковых единиц с общей атрибутивной семантикой ‘реализуемый, осуществляемый, существующий в интернете’, как то: *веб-, виртуальный, интернет-, кибер-, онлайн-, сетевой, цифровой, электронный*. Присоединяясь к самым привычным словам различных предметных областей (от бизнеса и политики до развлечений и досуга), эти слова участвуют в номинировании виртуальных **аналогов** тех реалий и явлений, которые существовали и в «до-интернетовскую» эпоху (см., например: *виртуальный музей, интернет-торги, цифровые деньги, онлайн-голосование* и др.). Причём в круг сочетаемости этих ключевых слов цифровой эпохи входят и наименования лиц (*виртуальный доктор, цифровой педагог, электронный брокер, онлайн-переводчик* и др.).

Эти предварительные наблюдения над формированием лексики «дво-емирия» в русском языке, представленные более подробно в [Маринова, 2022б, с. 42—73], мы учитывали, обратившись к устойчивому словосочетанию *виртуальная личность*, обозначающему одно из важнейших понятий в теории сетевой культуры. Вопросы, которые мы ставили перед собой в ходе исследования:

— Каковы границы понятия «виртуальная личность»? средства его выражения в разного типа дискурсах?

— Каковы семантические связи этих средств выражения с номинациями, обозначающими противоположные понятия (*живая личность, реальная личность*), а также смежные понятия (*сетевая личность*, и в особенности набирающее популярность с 2020 года — *цифровая личность*)?

— Каким образом можно представить семантическую структуру термина *виртуальная личность* с учётом эволюции понятия?

— Можно ли констатировать тенденцию к трансформации понятия «личность» в цифровую эпоху?

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods Review

Исследование проведено на стыке функциональной социолингвистики и когнитивистики с использованием методики компонентного анализа семантики, лингвокультурологического комментария, контекстного и дискурсивного видов анализа. В качестве основного избран научный подход, опирающийся на представление о динамическом характере языковых процессов, среди которых наиболее значимыми являются изменения в языковой семантике, свидетельствующие о глубинных преобразованиях в сознании языкового коллектива (по терминологии А. Д. Шмелёва, «подлинных» изменений) [Шмелёв, 2012, с. 72—73]).

Источниками исследования послужили интернет-ресурсы: персональные страницы, сайты, интернет-издания, в материалах которых в течение

последних 20 лет обсуждается проблематика виртуальной личности и поднимаются смежные вопросы социального и философского характера (вопросы идентичности, свободы, онтологии человека и под.); научные статьи по психологии виртуальной (сетевой) личности; труды теоретиков сетевой культуры; художественные тексты отечественных авторов. Привлекались также электронные поисковые базы: Национальный корпус русского языка [НКРЯ], медиабанк «Интегрум» (сервис «Архив СМИ», с 1996 года) [Интегрум]. Путём поискового запроса на исследуемые нами языковые единицы, а именно различные вербальные средства выражения понятий «виртуальная личность», «реальная личность», выявлялись контексты употребления запрашиваемых слов и словосочетаний в дискурсе следующих типов: художественный (по НКРЯ), публицистический (по НКРЯ и «Интегруму»), сетевой (по НКРЯ). Всего проанализировано свыше 1000 диагностирующих контекстов.

Подчеркнём, что научный интерес к эволюции понятия «виртуальная личность» и связанной с этим проблеме возможной трансформации семантики слова *личность* объясняется и тем, что на современном этапе терминология цифрового общества как объект лингвистики системно не рассматривалась — по крайней мере, на материале русского языка. До сих пор отечественные исследователи занимались лингвистическим анализом лишь отдельных терминов и идеологем — *искусственный интеллект*, *цифровая экономика*, *цифровая цивилизация* (В. В. Волков — в лингвоментальном аспекте), *QR-код* (О. А. Глущенко — в социолингвистическом аспекте), *экосистема* (А. В. Алтухов, З. Н. Афинская — в свете когнитивного терминоведения).

Иное положение дел мы видим в смежных гуманитарных науках. В глобальном плане актуальность осмысления проблемы перехода человечества «на цифру» связана с решением целого комплекса гуманитарных вопросов современности (трансформация традиционных ценностей; трансформация концепции человека как одной из таких ценностей; опасность техноцентризма; размывание границ реальности как следствие симуляции действительности в интернет-пространстве; переосмысление этики и т. д.). Эти вопросы поднимаются и освещаются в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей в области политологии, социальной философии, социологии (А. Барикко, П. Домингос, С. Жижек, В. А. Кутырёв, Г. Ловинк, М. Маклюэн, Евг. Морозов, П. Слотердаик, В.И. Спиридонова, Ю. Харари, У. Эко и др.) [Барикко, 2019; Ловинк, 2019; Морозов, 2014; Харари, 2019; Эко, 2018; Lovink, 2016 и др.]. В специальной научной литературе активно обсуждаются и вопросы безопасности, включая безопасность личности как ценности человеческой культуры, чему посвящены, например, работы Алекс. Дж. Беллами, Р. Инглхарта, В. Н. Конашева, О. Н. Ми-

хайлѐнка, В. Н. Назарова, П. Норриса, Ш. Таджбахш, А. В. Худайкуловой и др. В контексте отмеченной проблематики рассматривается и понятие виртуальной личности. В нашем исследовании акцент делается как на особенностях вербализации понятия в русскоязычных текстах, так и на его смысловом наполнении и развитии. Кроме того, впервые проводится сравнительный анализ данного понятия с близкими и, напротив, противоположными, обозначенными номинациями *сетевая личность*, *цифровая личность*; *реальная личность*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Виртуальная личность»: история и границы понятия

В русскоязычном публичном дискурсе выражение *виртуальная личность* закрепилось в конце XX века. Именно с этого времени в Сети широко обсуждаются как само понятие, так и конкретные примеры сетевых феноменов, его иллюстрирующие. Прежде всего, это феномен под названием *Мерси Шелли*. В 1998 году под этим псевдонимом писатель Алексей Андреев, уже тогда занимавшийся активной сетевой деятельностью, начал размещать в Интернете отдельные главы своего романа «Паутина» — пожалуй, первого в отечественной литературе художественного произведения о «русской сетевой жизни» [Современная русская литература..., 1999]. Ещё одним, но не единственным примером виртуальной личности стала сетевой обозреватель Катя Деткина — творение популярного блогера и интернет-идеолога Артемия Лебедева [Житинский, 1997].

Таким образом, первоначально выражение *виртуальная личность* использовалось, когда речь шла об **авторе** сетевых текстов (художественных, публицистических), пишущем под псевдонимом и узнаваемом по определённым содержательным и формальным (включая псевдоним) особенностям своих творений. В таком понимании виртуальная личность (ВЛ) — это современный вариант творца, литератора, заявившего о себе благодаря творчеству как о своеобразном писателе и скрывающегося (по крайней мере какое-то время) под псевдонимом. Разница между ВЛ и традиционной литературной мистификацией заключалась только в том, что творения ВЛ бытуют в Сети. Отсюда типичные контексты вроде следующего: *И чем, скажите, бессмертный Козьма Прутков не «виртуальная личность»?* (М. Аснин. Живая пирамида // Известия. 19.12.2001) [НКРЯ] — ср. *вымышленная*. Можно сказать, что понятие ВЛ интерпретировалось как категория литературоведения, а само словосочетание — как модный термин сетературы, именующий такой вид словесного творчества, как «псевдоавторство» — намеренное, безобидное (по замыслу) приписывание своего творчества вымышленному лицу (не анонимность, как тол-

куется в некоторых работах по сетевой культуре, а скорее мистификация). В таком понимании виртуальной личности деятельность по её созданию «приравнивается к созданию литературного персонажа или актёрского образа» [Завьялова, 2008, с. 54].

Наиболее последовательно взгляд на ВЛ как феномен интернет-культуры сформулирован в статьях Е. А. Горного, который абсолютизирует форму сетевого предьявления творчества, интерпретируя ВЛ как *тексты* («семиотические манифестации») или даже *жанр* [Горный, 2004; Горный, 2008]. Подробно феномен рассматривается в коллективном труде «Control + Shift. Публичное и личное в русском Интернете» (2009). Один из авторов сборника, а именно тот же Е. А. Горный пишет: «[ВЛ] узнаваемый жанр сетевого творчества, узаконенный соответствующей категорией в сетевом литературном конкурсе» [Control + Shift..., 2009, с. 212].

В нулевые годы XXI века феномен ВЛ становится предметом изучения лингвистов. Анализируя творчество «сетян», исследователи пишут о *виртуальной языковой личности* (см., например: [Галинская, 2010]), объект исследования при этом — текст(ы), размещённые в Сети; информация, которую человек там публично транслирует. Представление о *тексте* как форме «реализации» человека в Интернете отражено и в современной художественной литературе. Так, в романе Алексея Иванова «Комьюнити» с помощью метафоры текста передаётся восприятие интернет-пространства главным героем: *Глеба раздражала безграмотность в Сети. Сеть — это тексты. Если ты не научился излагать мысли нормативным способом, ты не овладел главным инструментом. Зачем же тогда ты лезешь что-то делать* (имеется в виду: в интернет-пространстве. — Е. М.)? [Иванов, 2012, с. 18]. В романе Дмитрия Глуховского «Текст» название становится метафорой жизни главного героя Ильи Горюнова, который от лица другого человека и с его айфона ведёт интенсивную переписку по электронной почте и мессенджером с адресатами владельца этого чужого айфона [Глуховский, 2017]. Таким образом, создаётся картина новой формы существования личности, а именно в виде электронных сообщений, и *единственной формы восприятия личности* — только через визуализацию созданного ею текста [Маринова, 2022б, с. 172].

С появлением и широким распространением соцсетей номинация *виртуальная личность* как термин сетературы уже не так актуальна, поскольку авторами в той или иной степени становятся все. ВЛ трактуется шире — как более-менее устоявшийся, различаемый в Сети образ пользователя, целенаправленно создаваемый кем-либо в разных целях (например, общения, бизнеса, игры — то есть не обязательно творчества). Понятие интерпретируется уже не только идеологами Сети, но и психологами — как на

различных сайтах, так и в специальной научной литературе. Вот типичные контексты, в которых сочетание использовано как термин психологии: *Мониторинги Интернета показывают, что количество виртуальных личностей, активно функционирующих в Глобальной сети, возрастает* [Скородумова, 2007, с. 349]; *Интернет создаёт благоприятные условия для существования различных масок (виртуальных личностей) у одного и того же пользователя* [Дьячкова, 2010, с. 69] и т. п. В исследованиях по психологии ВЛ как явление сетевой жизни пользователя Интернета обычно обсуждается в свете проблем идентичности (кстати, в английском языке выражения *virtual identity* и *virtual personality* ‘виртуальная личность’ синонимы [Горный, 2004, с. 78]), в контексте рассуждений о «раздвоении» личности современного человека (в особенности личности геймера) [Осипова, 2008; Ворон, 2021 и др.].

Следует отметить также характерную сочетаемость термина *виртуальная личность*. Весьма частотны, как показывает НКРЯ, синтагмы *создание виртуальной личности, конструирование виртуальной личности*. Семантика таких оборотов подчёркивает искусственность феномена ВЛ, его преднамеренный, подобно какому-либо проекту, характер. См.: *Если к тому же Джону Клиппенгеру удастся в своей гарвардской лаборатории построить новые системы для конструирования виртуальной личности, то кто знает... может быть, в просторах Интернета за поворотом нас ждет новый Ренессанс* (Г. Асмолов. Доверие в Сети. Психология на каждый день. 2010) [НКРЯ]; *Видимо, это инструкция по созданию виртуальной личности попалась на глаза* (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум). 2005) [НКРЯ]; *«Профессиональное» жюри не взялось оценивать такие сугубо сетевые категории, как «гипертекстовая литература» или «создание виртуальной личности»* (М. Аснин. Живая пирамида. Известия. 19.12.2001) [НКРЯ]; *Обезумевший хакер Sleepwalker, начинавший с консультаций по анонимности и экспериментов по созданию виртуальных личностей, позже взял на себя ответственность за крах уже несуществующей международной торговой площадки Amberoad* (А. Жавнерович. Бесславные ублюдки. Lenta.ru. 25.09.2017) [НКРЯ].

3.2. Средства выражения понятия «виртуальная личность»

Итак, происходит терминологизация выражения *виртуальная личность*. В нулевые годы XXI века в качестве термина, обозначающего типичное социальное и психологическое явление, оно окончательно входит в научный дискурс. Его семантическую структуру (в виде словарной статьи, где знак // вводит оттенок) можно представить следующим образом:

Виртуальная личность — устоявшийся, различаемый в Сети образ пользователя, целенаправленно создаваемый кем-либо в целях общения,

творчества, самовыражения, бизнеса, игры. // Об авторе сетевых текстов, пишущем под псевдонимом.

В современном научном дискурсе используются также **варианты** данного словосочетания (*вирт-личность*, *виртуальная «личность»*, *виртуал*) и его **синонимы**. К последним, претендующим, по всей видимости, на статус термина, относятся: *сетевая личность*, *онлайновая личность*, *электронная личность*, *цифровая личность*. Кроме того, встречаются и менее «терминологичные» обозначения феномена ВЛ, как правило индивидуально-авторские, метафорические. См.: *Население земного шара пополняется за счёт блогговых теней личности* [Засурский, 2007, с. 11]; [В сегодняшнем мире] *появляются образы виртуальных личностей, создаются аватары современного человека... рассыпаются его устоявшиеся ценности и смысловые ориентиры* [Арутюнян, 2011, с. 146]; *Личность интернет-пользователя является компьютерным двойником реального человека. ...это виртуальная копия настоящей языковой личности* [Ворон, 2021, с. 193]. Ср. также *экранная персона* в переводе статьи «Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия» С. Жижека, *оцифрованное «я»* [НКРЯ], *электронное «я»* [НКРЯ] и др.

Несколько иную картину номинирования понятия ВЛ представляет сетевой неформальный дискурс — форумы различных интернет-сообществ, где также обсуждается проблематика ВЛ. Например, в дискурсе, связанном тематически с индустрией компьютерных игр и игроманией, для обозначения ВЛ используются с разной степенью частотности такие номинации, как *виртуал*, *клон*, *мульт*, *сокпаппет*, *фейк*, *фиктивная личность*, что отмечается также в [Ильин, 2005].

В художественном дискурсе представление авторов о своеобразном двойничестве современного человека воплощается в самых разных как однословных, так и составных нетерминологических номинациях. Вот некоторые из них: *виртуальный персонаж* [Чубарьян, 2006]; *цифровой* (субстантивированное прилагательное) [Дяченко и др., 2009]; *аватар*, *сетевая виртуальная персона* [Иванов, 2012]; *фальшивая личность*, *запасная личность* [Пелевин, 2018]; *«я»-проект* [Елизаров, 2020]. Причём если в научном и «околонаучном» сетевом дискурсе термин *виртуальная личность* используется нейтрально, то в литературных произведениях чаще всего номинации понятия ВЛ имеют негативную коннотацию и сопровождаются соответствующей авторской рефлексией. Так, главный герой романа Алексея Иванова «Комьюнити» Глеб Тяженко создаёт и излагает целостную концепцию ВЛ, не скрывая своих опасений относительно её пугающей искусственной сущности: **Аватар** — *сетевой образ человека... «Аватар» означает «воплощение», но кто или что воплощается в Сети? Ведь ава-*

тар автору не тождествен. Глеб был убеждён, что аватар — сложный синтез нескольких сущностей. Как минимум трёх... [Иванов, 2012, с. 8].

В целом обширная группа наименований понятия ВЛ в русскоязычных текстах свидетельствует о его актуальности. Несколько слов следует сказать об особом, «футуристическом» значении термина *виртуальная личность*. С появлением высокотехнологичных программ-ботов и внедрением их в различные сферы жизни в качестве альтернативы «живым» специалистам выражение *виртуальная личность* стало использоваться в интернет-изданиях как синоним по отношению к словам и выражениям *бот*, *искусственный интеллект*, *цифровой аватар* и под. Например: *...на телеэкранах Японии появилась 17-летняя ведущая Киоко Датэ. Непонятным образом Киоко удавалось днем вести телепередачи, сниматься в клипах и рекламе, а ночью работать в студии, подолгу отвечая на звонки радиослушателей... Оказалось, Киоко Датэ — не человек, а виртуальная личность, созданная как компьютерная программа фирмы «Хори Про»* [Виртуальные личности...].

3.3. Оппозиция «виртуальная личность — реальная личность»

В дискурсе, связанном с обсуждением феномена ВЛ, заметно выстраивание и последующее осмысление оппозиции «виртуальная личность — реальная личность». См., например: *С появлением блогов... человек как бы имеет два воплощения: то, что он представляет себя как реальная личность, во всём многообразии качеств и черт характера, и то, что объективируется в блоге, то есть виртуальная личность* [Засурский, 2007, с. 11]. Наряду с выражением *реальная личность* в русскоязычных текстах используются также синонимичные сочетания *истинная <живая, настоящая> личность*; см.: *Авторы сравнивали истинные и виртуальные личности пользователей, степень социальной привязанности и психологического благополучия, уровень тревоги, стресса и депрессии* (Учёные выявили главную опасность социальных сетей. Lenta.ru. 18.08.2016) [НКРЯ].

Рефлексирование по поводу взаимоотношений виртуальной и реальной личностей объясняется отчасти особенностями сетевой коммуникации: подлинность лица, с которым идет общение в соцсетях, даже в условиях обязательной авторизации пользователя по его настоящему, а не вымышленному имени, всё ещё может подвергаться сомнению. Не случайно один из поисковых запросов, автоматически выдаваемых системой «Яндекс» на слово *фейк* (2017), следующий: «как отличить фейк от реального человека» [Маринова, 2022б, с. 17]. Кроме того, соотношение понятий, составляющих данную оппозицию, имеет непосредственное отношение к философским категориям истинности / ложности, что находит отражение в работах как отечественных, так и зарубежных авторов [Жижек, 1998; Завьялова, 2008; Ловинк, 2019; Скородумова, 2004; Харари, 2019; Эко, 2018 и др.].

По данным НКРЯ, выражение *реальная личность* в «до-интернетовскую» эпоху использовалось в фигуре противопоставления по отношению к обороту *вымышленная личность* или же словам *мистификация*, *миф*, *легенда*, *призрак*, *псевдоним* и др. Вот характерный контекст: *В космос входит и в Божестве пребывает лишь то, что подлинно есть, лишь настоящее бытие, а не фальсификация, не фикция, не кажущееся и иллюзорное бытие, лишь реальная личность, а не призрак самоутверждающегося «я»* (Н. А. Бердяев. *Философия свободы*. 1911 [НКРЯ]). Само же прилагательное *реальный* в подобных контекстах использовалось в значении ‘существующий на самом деле, действительный, не воображаемый’ (ср. аналогичное употребление в предложениях, приведённых в словарной статье этого прилагательного в [БТС]: *реальный мир*, *реальная действительность*, *реальная основа бытия*, *реальная жизнь*). Однако в наших материалах, отражающих современное использование сочетания *реальная личность*, оно выступает в оппозиции именно по отношению к ВЛ, реализуя при этом новый семантический оттенок — ‘проявляющийся в действительности, а *не в виртуальном пространстве*’. Актуальным становится именно этот смысл, который органично вписывается в общее семантическое поле лексики «двоемирия».

Иными словами, ранее все проявления *не* реальной личности (мистификация, фикция, фальсификация и др.) были не что иное, как феномены окружающей действительности; сейчас — виртуальной реальности, где и протекает бытие ВЛ. Причём и философы, и психологи, и сами «сетяне» по-разному отвечают на вопрос «что реальнее — виртуальная или реальная личность?». Например, известный словенский философ Славой Жижек пишет: «Экранная персона — я её творю сам для себя — *может оказаться в большей степени “мной самим”*» (выделено нами. — *Е. М.*), чем моя “реально жизненная” персона (мой “официальный” имидж), поскольку в ней наличествуют видимые черты моего “я”, которые я не решаюсь эксплицировать в реальной жизни... Игра в виртуальных мирах позволяет нам обнаружить новые аспекты собственного “я”, богатство меняющихся сущностей, масок без стоящей за ними “реальной персоны» [Жижек, 1998]. Примерно та же позиция изложена в некоторых работах других авторов (см., например: [Гримов, 2013, с. 61—62]).

3.4. «Виртуальная личность» и смежные понятия

Как уже отмечалось в 3.2, в качестве синонимов к термину *виртуальная личность* в научном дискурсе нередко выступают сочетания *сетевая личность* и *цифровая личность*. Однако приблизительно за последние пять лет наметилась тенденция к дифференциации значений этих номинаций, заметная прежде всего в медийном дискурсе. Так, сочетание *сетевая лич-*

ность используется преимущественно как характеристика лица по роду деятельности (обычно — о блогере). Например, о каком-либо активном деятеле Сети можно сказать: «Он (она) известная сетевая личность». То есть референт этой номинации — реальный, конкретный человек, осуществляющий свою деятельность в Сети; **физическая** личность. Такое значение вполне коррелирует с одним из смысловых оттенков слова *личность*, зафиксированным словарями: «Человек с точки зрения его характера, поведения и т. п., определяющих его сущность» [БТС]. В словаре отмечается также, что в этом значении существительное используется только в сочетании с определением; отсюда *публичная личность*, *медийная личность*. Выражение *сетевая личность* встраивается в этот ряд.

Наблюдаются и семантические расхождения в паре *виртуальная личность* — *цифровая личность*. В контексте последних мировых событий, связанных с пандемией, режимом ограничения и цифровизацией жизни, в том числе посредством QR-кода, актуализировалось именно последнее сочетание. Отсюда заголовки типа *Цифровую личность каждому жителю России* (CryptoFeed.ru>news); *«Цифровую личность» за копейки* (Com-News) и др. См. также типичные контексты употребления этого выражения: *Многие эксперты говорят, что цифровая личность человека в ближайшее время станет очень ценным товаром* (VC.ru 15.08.2022); *Можно и даже нужно попросить друга найти вас в интернете и посмотреть на вашу цифровую личность со стороны* (Tomsk State University (en.tsu.ru) 10.08.2022) и под.

Предполагаем, что в сферу медиа термин *цифровая личность* (синонимы: *цифровой портрет*, *цифровой след*) пришёл из такой современной отрасли IT-сферы, как Science Data, изучающей технологию сбора данных о ком-либо по «следам» его присутствия в интернет-пространстве и методы обработки этих данных с помощью специальных алгоритмов [Маринова, 2022а, с. 214]. Как видим, объём понятия «цифровая личность» шире, чем объём понятия «персональные данные», поскольку сведения о пользователе, считываемые и обрабатываемые алгоритмами, включают не только то, что пользователь вводит в виде обязательных сведений о себе для авторизации в системе или регистрации на каком-либо сайте, но и то, что пользователь не сообщает, то есть ту специфическую цифровую информацию, которая остаётся в Сети как факт его присутствия и деятельности, например поисковой.

Важно подчеркнуть, что и виртуальная личность, и цифровая личность — это результат «двойной» жизни современного человека, но расхождение между самими понятиями значительное (см. табл. 1), поскольку под *цифровой личностью* понимается совокупность **данных**, хранящихся в Сети в цифровом формате и позволяющих специальным программам

(алгоритмам) составлять представление об интересах, вкусах, предпочтениях, социальном статусе, материальном достатке и других подробностях жизни пользователя без его участия. В «Критической теории Интернета» Герт Ловинк, комментируя высказывание Чарльза Ледбитера «You are what you share» («Ты то, чем ты делишься»), подчёркивает, что личность в современном мире сводится к **данным**, при этом «автономное Я» трансформируется «в некоторую направленную вовне сущность, постоянно воспроизводящую социальный капитал через **передачу ценностных данных** другим (выделено нами. — Е. М.)» [Ловинк, 2019, с. 54].

Таблица 1

Содержание понятий «виртуальная личность» и «цифровая личность»

Виртуальная личность	Цифровая личность
намеренность	ненамеренность
активность субъекта: способность / возможность манипулировать другим(и)	пассивность; объект (а не субъект); уязвимость
относительная свобода	отсутствие свободы

Отметим характерную сочетаемость коллокации *цифровая личность*. Если в случае с *виртуальной личностью* это генитивные конструкции на базе слов *создание* и *конструирование*, о чём говорилось выше, то в случае с *цифровой личностью* — та же генитивная модель, но на базе слов *кража*, *проверка*, *подтверждение*, *стирание* и под.: см., к примеру: *С учетом давно реализуемых планов по уходу государства с рынка сбора и контроля персональных данных, такие «инновации» грозят кражей отдельных «цифровых личностей» россиян с непредсказуемыми последствиями* (Континенталистъ (continentalist.ru) 02.09.2022) [НКРЯ].

4. Заключение = Conclusion

Таким образом, в цифровую эпоху как никогда актуализируется вопрос о границах личности, как, впрочем, и о границах самой объективной действительности. Ощущение раздвоенности бытия, двойственности сферы существования и деятельности современного человека отражается в языке — в выражениях *виртуальная реальность*, *интернет-пространство*, *кибермир*, *сжатая версия мира*, *цифровая копия мира* и под., именующих наличие особой онтологической области жизни человека — не физической, не телесной. Вечная тема «двойничества» как аномальной формы существования индивида в мире, о чём свидетельствует мировая литература, мировое искусство, в цифровую эпоху так или иначе затрагивает каждого пользователя Интерне-

та. Понятие «виртуальная личность» знаменует эти изменения: пройдя путь от диффузного, размытого представления об иной ипостаси существования человека в виртуальном пространстве — до терминологического, специального, это понятие, так же как и понятие «виртуальная реальность», закрепляет новую практику манифестации личности в сетевой среде.

Проведённое исследование выявило множественность обозначений ВЛ в разного типа дискурсах, что говорит об актуальности понятия. Большинство авторов, обращающихся к проблематике ВЛ, используют различные её обозначения с отрицательной коннотацией и эксплицитно или имплицитно — в зависимости от жанра и стиля текста — выражают опасение по поводу виртуальной формы «расширения человека» (М. Маклюэн), связывая свои выводы с проблемой идентичности человека, категориями истинности / ложности и другими проблемами гуманизма, вставшими перед человечеством в XXI веке. В настоящее время все эти философские вопросы только набирают остроту, поскольку, говоря юридическим языком, в деле появился новый фигурант — искусственный интеллект (ИИ). Гуманитарная угроза видится уже не только в потере идентичности человека, но и в потере свободы и даже в утрате самого существования [Волков, 2020, с. 756].

В этом отношении показательна дифференциация значений бывших синонимов *виртуальная личность* и *цифровая личность*. Если понятие ВЛ предполагает всё же некую намеренность субъекта (сформировать в Сети свой определённый образ; возможно, воздействовать с помощью него на других пользователей), а значит, активность субъекта и наличие хотя бы относительной его свободы в интернет-пространстве, то понятие цифровой личности названные параметры исключает. Цифровая личность как совокупность оставляемых пользователем «следов» присутствия в Сети, оцифрованных персональных данных, которыми могут воспользоваться и без разрешения пользователя, становится не субъектом, а объектом воздействия, пассивным и несвободным. На наш взгляд, развитие семантики выражения *цифровая личность* реализует сравнительно устойчивый сценарий семантических изменений, условно обозначенный нами так: «от техницизма (термина) к идеологеме» [Маринова, 2022а, с. 212].

В контексте идеологии цифрового общества переосмысливается содержание понятия «реальная личность». Анализ употреблений самого сочетания показывает, что в современной речи реализуется его новый семантический оттенок — «проявляющийся в действительности, а не в виртуальном пространстве; живой, телесный». Постепенно преобразуется и семантика слова *личность*: смысловая структура слова пополняется новым значением: «совокупность данных пользователя, представленных в Сети в цифровом формате; цифровой след». Подобные изменения в семантике

ценностной лексики, обусловленные глубинными, ментальными изменениями в идеологии общества в цифровую эпоху, заслуживают дальнейшего изучения. Перспективы настоящего исследования видятся нам также в создании словаря терминологии цифрового общества.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 1534 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. *Виртуальные личности* — аватары сегодняшних дней [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.huminfakt.ru/psihika42.html> (дата обращения 21.10.2022).
3. *Глуховский Дм. Текст* / Дм. Глуховский. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — ISBN 978-5-17-114425-8.
4. *Дяченко М. Цифровой, или Brevis est* / М. Дяченко, С. Дяченко. — Москва : ЭКСМО, 2009. — 416 с. — ISBN 978-5-04-122968-9.
5. *Елизаров М. Земля* / М. Елизаров. — Москва : АСТ, 2020. — 784 с. — ISBN 978-5-17-118544-2.
6. *Житинский А. Виртуальная жизнь и смерть Кати Деткиной* [Электронный ресурс] / А. Житинский. — Режим доступа : <https://www.netslova.ru/zhitinski/kadet1.htm> (дата обращения 10.09.2022).
7. *Иванов А. Комьюнити* / А. Иванов. — Москва : Издательство АСТ, 2012. — 382 с. — ISBN 978-5-17-098091-8.
8. *Ильин Ю. Жизнь виртуала* [Электронный ресурс] / Ю. Ильин. — Режим доступа : <https://old.computerra.ru/features/243449/> (дата обращения 10.09.2022).
9. *Интегрум* : архив СМИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://search.integrum.ru> (дата обращения 10.09.2022).
10. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.11.2022).
11. *Пелевин В. iPhuck 10* / В. Пелевин. — Москва : ЭКСМО, 2018. — 480 с. — ISBN 978-5-04-093653-3.
12. *Современная русская литература* с Вячеславом Курицыным [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.guelman.ru/slava/archive/25-03-99.htm> (дата обращения 21.11.2022).
13. *Чубарьян А. Полный root* / А. Чубарьян. — Москва : Росмэн, 2006. — 420 с. — ISBN 5-353-02353-6.

Литература

1. *Арутюнян С. Г. Образ виртуальной личности в глобальном пространстве современности* / С. Г. Арутюнян // *Интеллектуальный потенциал XX века : ступени познания*. — 2011. — № 6. — С. 146—150.
2. *Барикко А. Игра* / А. Барикко. — Москва : КоЛибри, 2019. — 352 с. — ISBN 978-5-389-15798-9.
3. *Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум : футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты)* / В. В. Волков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семантика. Семантика*. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 745—759. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759.

4. *Ворон Е. В.* Дискурсивная цифровая личность как виртуальная копия языковой личности / Е. В. Ворон // Современное педагогическое образование. — 2021. — № 5. — С. 193—196.
5. *Галинская Т. Н.* Проблема идентичности и виртуальной языковой личности / Т. Н. Галинская // Наука и современность. — 2010. — № 2—3. — С. 99—104.
6. *Горный Е. А.* Онтология виртуальной личности / Е. А. Горный // Бытие и язык : сборник статей Всероссийской гуманитарной конференции. — Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2004. — С. 78—88. — ISBN 5-7620-10-17-1.
7. *Горный Е. А.* Виртуальная личность как жанр творчества [Электронный ресурс] / Е. А. Горный. — Режим доступа : <http://www.netslova.ru/gornyy/vl.html> (дата обращения 23.11.2022).
8. *Гримов О. А.* Самопрезентация личности в социальных сетях / О. А. Гримов // Социология. — 2013. — № 2. — С. 59—66.
9. *Добринская Д. Е.* Что такое цифровое общество? / Д. Е. Добринская // Социология науки и технологий. — 2021. — Т. 12. — № 12. — С. 112—129. — DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129.
10. *Дьячкова У. В.* Деловая культура в эпоху Интернет : виртуальная личность как средство манипуляции сознанием / У. В. Дьячкова // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2010. — № 1. — С. 65—71.
11. *Жижек С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия [Электронный ресурс] / С. Жижек. — Режим доступа : <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения 25.11.2022).
12. *Завьялова З. С.* Проблема определения статуса виртуальной личности : критерий истинности / З. С. Завьялова // Труды Томского государственного университета. Серия философская. Проблемы истины в философии и науке. — 2008. — Т. 270. — С. 52—57.
13. *Засурский Я. Н.* Особенности современной коммуникации / Я. Н. Засурский // Язык массовой и межличностной коммуникации : сборник научных трудов. — Москва : Медиа-Мир, 2007. — С. 9—14. — ISBN 978-5-91-177-02101.
14. *Ловинк Г.* Критическая теория Интернета / Г. Ловинк. — Москва : Ад Маргинем, 2019. — 304 с. — ISBN 978-5-91103-498-6.
15. *Маринова Е. В.* Цифровая личность : границы понятия и средства выражения в русском языке / Е. В. Маринова // Языки и культуры в цифровую эпоху : Сборник научных статей. По материалам Международной научной конференции (Нижний Новгород, 28 октября 2022). — Нижний Новгород : ННГУ, 2022a. — С. 211—215. — ISBN 978-5-91326-781-8.
16. *Маринова Е. В.* Язык Рунета в Сети и за её пределами / Е. В. Маринова. — Москва : Ленанд, 2022b. — 306 с. — ISBN 978-5-95-19-24-76-6.
17. *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети / Е. Морозов. — Москва : АСТ, 2014. — 528 с. — ISBN 978-5-17-084792-1.
18. *Осипова А. Г.* Виртуальная «личность» и реальное «я» : проблема идентичности / А. Г. Осипова // Вопросы культурологии. — 2008. — № 1. — С. 16—17.
19. *Скородумова О. Б.* Виртуальная личность и свобода / О. Б. Скородумова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2004. — № 2. — С. 75—96.
20. *Скородумова О. Б.* Феномен «виртуальной личности» в пространстве массмедиа / О. Б. Скородумова // Медиакультура новой России : материалы Международной научной конференции. — Екатеринбург, Москва : Академический проект, 2007. — Т. II. — С. 349—359. — ISBN 978-5-8291-0903-5.

21. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари. — Москва : Синдбад, 2019. — 416 с. — ISBN 978-5-00131-113-3.
22. Шмелёв А. Д. Падение речевой культуры или изменение нормы? / А. Д. Шмелёв // Вопросы культуры речи. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — Выпуск IX. — С. 69—76. — ISBN 978-5-9551-0600-7.
23. Эко У. Заклятие Сатаны. Хроники текущего общества / У. Эко. — Москва : АСТ, 2018. — 704 с. — ISBN 978-5-86793-683-9.
24. *Control + Shift* : Публичное и личное в русском Интернете / Н. Конрадова, Э. Шмидт, К. Тойбинер (ред.). — Москва : Новое литературное обозрение, 2009. — 336 с. — ISBN 978-5-86793-683-9.
25. Lovink G. Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation / G. Lovink. — Cambridge and Malden : Polity, 2016. — 183 p. — ISBN 978-1-509-50776-4.
26. Selwyn N. What is Digital Sociology? / N. Selwyn. — Cambridge, UK : Polity Press, 2019. — 134 p. — ISBN 978-1-509-52714-4.

Material resources

- BTS — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2004). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Chubaryan, A. (2006). *Full root*. Moscow: Rosman. 420 p. ISBN 5-353-02353-6. (In Russ.).
- Dyachenko, M., Dyachenko, S. (2009). *Digital, or Brevis est*. Moscow: EKSMO. 416 p. ISBN 978-5-04-122968-9. (In Russ.).
- Elizarov, M. (2020). *Zemlya*. Moscow: AST. 784 p. ISBN 978-5-17-118544-2. (In Russ.).
- Glukhovskiy, Dm. (2017). *Text*. Moscow: AST Publishing House. 320 p. ISBN 978-5-17-114425-8. (In Russ.).
- Ilyin, Yu. *Virtual Life*. Available at: <https://old.computerra.ru/features/243449/> (accessed 10.09.2022). (In Russ.).
- Integrum: media archive*. Available at: <https://search.integrum.ru> (accessed 10.09.2022). (In Russ.).
- Ivanov, A. (2012). *Community*. Moscow: AST Publishing House. 382 p. ISBN 978-5-17-098091-8. (In Russ.).
- Modern Russian literature with Vyacheslav Kuritsyn*. Available at: <http://www.guelman.ru/slava/archive/25-03-99.htm> (accessed 21.11.2022). (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 20.11.2022). (In Russ.).
- Pelevin, V. (2018). *iPhuck 10*. Moscow: EKSMO. 480 p. ISBN 978-5-04-093653-3. (In Russ.).
- Virtual personalities — avatars of today*. Available at: <https://www.huminfakt.ru/psihika42.html> (accessed 21.10.2022). (In Russ.).
- Zhitinsky, A. *Virtual life and death of Katya Detkina*. Available at: <https://www.netslova.ru/zhitinski/kadet1.htm> (accessed 10.09.2022). (In Russ.).

References

- Barikko, A. (2019). *Game*. Moscow: KoLibri. 352 p. ISBN 978-5-389-15798-9. (In Russ.).
- Control + Shift: Public and Personal in the Russian Internet*. (2009). Moscow: New Literary Review. 336 p. ISBN 978-5-86793-683-9. (In Russ.).
- Dobrinskaya, D. E. (2021). What is a digital society? *Sociology of Science and Technology, 12 (12)*: 112—129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129. (In Russ.).

- Dyachkova, U. V. (2010). Business culture in the Internet era: virtual personality as a means of manipulating consciousness. *Philosophical problems of information technologies and cyberspace*, 1: 65—71. (In Russ.).
- Eco, U. (2018). The curse of Satan. Chronicles of a fluid society. Moscow: AST. 704 p. ISBN 978-5-86793-683-9. (In Russ.).
- Galinskaya, T. N. (2010). The problem of identity and virtual linguistic personality. *Science and modernity*, 2—3: 99—104. (In Russ.).
- Gorny, E. A. (2004). Ontology of virtual personality. In: *Being and language: collection of articles of the All-Russian Humanitarian Conference*. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House. 78—88. ISBN 5-7620-10-17-1. (In Russ.).
- Gorny, E. A. Virtual personality as a genre of creativity. Available at: <http://www.netslova.ru/gorny/vl.html> (accessed 11/23/2022). (In Russ.).
- Grimov, O. A. (2013). Self-presentation of personality in social networks. *Sociology*, 2: 59—66. (In Russ.).
- Harari, Yu. N. (2019). *21 lesson for the XXI century*. Moscow: Sinbad. 416 p. ISBN 978-5-00131-113-3. (In Russ.).
- Harutyunyan, S. G. (2011). The image of a virtual personality in the global space of modernity. *Intellectual potential of the twentieth century: stages of cognition*, 6: 146—150. (In Russ.).
- Lovink, G. (2019). *Critical theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem. 304 p. ISBN 978-5-91103-498-6. (In Russ.).
- Lovink, G. (2016). *Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation*. Cambridge and Malden: Polity. 183 p. ISBN 978-1-509-50776-4.
- Marinova, E. V. (2022a). Digital personality: the boundaries of the concept and means of expression in the Russian language. In: *Languages and cultures in the Digital Age: A collection of scientific articles. Based on the materials of the International Scientific Conference (Nizhny Novgorod, October 28, 2022)*. Nizhny Novgorod: UNN. 211—215. ISBN 978-5-91326-781-8. (In Russ.).
- Marinova, E. V. (2022b). *The language of the Runet on the Web and beyond*. Moscow: Lenand. 306 p. ISBN 978-5-95-19-24-76-6. (In Russ.).
- Morozov, E. (2014). *The Internet is like an illusion. The reverse side of the Network*. Moscow: AST. 528 p. ISBN 978-5-17-084792-1. (In Russ.).
- Osipova, A. G. (2008). Virtual “personality” and real “I”: the problem of identity. *Questions of cultural studies*, 1: 16—17. (In Russ.).
- Raven, E. V. (2021). Discursive digital personality as a virtual copy of a linguistic personality. *Modern pedagogical education*, 5: 193—196. (In Russ.).
- Selwyn, N. (2019). *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK: Polity Press. 134 p. ISBN 978-1-509-52714-4.
- Shmelev, A. D. (2012). The fall of speech culture or a change in the norm? In: *Questions of speech culture, IX*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 69—76. ISBN 978-5-9551-0600-7. (In Russ.).
- Skorodumova, O. B. (2007). The phenomenon of “virtual personality” in the space of mass media. In: *Media Culture of the New Russia: Materials of the International Scientific Conference, II*. Yekaterinburg, Moscow: Academic Project. 349—359. ISBN 978-5-8291-0903-5. (In Russ.).
- Skorodumova, O. B. (2004). Virtual personality and freedom. *Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy*, 2: 75—96. (In Russ.).



- Volkov, V. V. (2020). Artificial “intelligence” and the human mind: futuristic synecdoche and reality (linguistic and linguistic aspects). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 11 (4): 745—759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759. (In Russ.).
- Zasursky, Ya. N. (2007). Features of modern communication. In: *The language of mass and interpersonal communication: a collection of scientific papers*. Moscow: Media World. 9—14. ISBN 978-5-91-177-02101. (In Russ.).
- Zavyalova, Z. S. (2008). The problem of determining the status of a virtual personality: the criterion of truth. *Proceedings of Tomsk State University. The series is philosophical. Problems of truth in philosophy and science*, 270: 52—57. (In Russ.).
- Zhizhek, S. *Cyberspace, or The unbearable isolation of being*. Available at: <https://old.kino-art.ru/archive/1998/01/n1-article25> (accessed 25.11.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.01.2023,
одобрена после рецензирования 20.01.2023,
подготовлена к публикации 30.01.2023.



Реброва А. Д. Словотворчество в речи героини мультипликационного сериала «Маша и Медведь» / А. Д. Реброва, Н. С. Гегелова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 171—184. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-171-184.

Rebrova, A. D., Gegelova, N. S. (2023). Word Creation in Speech of Animated Series Character “Masha and the Bear”. *Nauchnyi dialog*, 12(1): 171-184. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-171-184. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-171-184

Словотворчество в речи героини мультипликационного сериала «Маша и Медведь»

Реброва Александра Дмитриевна ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-9817-0256

аспирант,

кафедра массовых коммуникаций;

шеф-редактор,

РЕН ТВ «Самая народная программа»

a.rebrova@mail.ru

Гегелова Наталья Сергеевна ¹

orcid.org/0000-0003-1329-0169

доктор филологических наук, доцент,

кафедра массовых коммуникаций

mikhail0001@mail.ru

¹ Российский университет
дружбы народов
(Москва, Россия)

² РЕН ТВ
(Москва, Россия)

Word Creation in Speech of Animated Series Character “Masha and the Bear”

Aleksandra D. Rebrova ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-9817-0256

аспирант,

кафедра массовых коммуникаций;

шеф-редактор,

РЕН ТВ «Самая народная программа»

a.rebrova@mail.ru

Natalia S. Gegelova ¹

orcid.org/0000-0003-1329-0169

доктор филологических наук, доцент,

кафедра массовых коммуникаций

mikhail0001@mail.ru

¹ Peoples' Friendship
University of Russia
(Moscow, Russia)

² REN-TV
(Moscow, Russia)

© Реброва А. Д., Гегелова Н. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются особенности детского словотворчества в одной из серий мультипликационного фильма «Маша и Медведь». Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение языковой игры на примере речи героев детских мультфильмов позволяет получить новые сведения об особенностях детского словотворчества в современной медиапродукции. Показано, что авторы мультипликационного сериала «Маша и Медведь» намеренно используют разнообразные игровые приёмы для имитации детской речи. Анализируется серия, которая посвящена обыгрыванию особенностей креативной деятельности детей при освоении ими языка. Отмечается, что героиня Маша в данной серии использует спунеризмы и окказионализмы. Приводятся иностранные переводы данных средств выразительности на английский, французский, испанский и украинский языки. Показано, что не все необычные слова, которые создает Маша, в иноязычных мультфильмах переводятся точными эквивалентами. Часть из них заменяется названиями животных, образ которых чаще используется в иностранной культуре. Делается вывод, что детское словотворчество в медийном контенте недостаточно изучено, в то время как оно играет важную роль и в отражении особенностей речи детей, и в формировании творческого мышления маленьких зрителей.

Ключевые слова:

детское словотворчество; спунеризмы; окказионализмы; мультипликационный фильм; детское телевидение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of children's word creation in one of the series of the animated film "Masha and the Bear" are studied. The relevance of the study is due to the fact that the study of the language game on the example of the speech of children's cartoon characters allows us to obtain new information about the features of children's word creation in modern media products. It is shown that the authors of the animated series "Masha and the Bear" deliberately use a variety of game techniques to imitate children's speech. A series is analyzed, which is devoted to playing out the features of the creative activity of children when they master the language. It is noted that the character Masha in this series uses spoonerisms and occasionalisms. Foreign translations of these means of expression into English, French, Spanish and Ukrainian are given. It is shown that not all unusual words that Masha creates are translated in foreign cartoons with exact equivalents. Some of them are replaced by the names of animals, the image of which is more often used in foreign culture. It is concluded that children's word creation in media content has not been sufficiently studied, while it plays an important role both in reflecting the characteristics of children's speech and in shaping the creative thinking of young viewers.

Key words:

children's word creation; spoonisms; occasionalisms; cartoon; children's television.

Словотворчество в речи героини мультипликационного сериала «Маша и Медведь»

© Реброва А. Д., Гегелова Н. С., 2023

1. Введение = Introduction

Детское словотворчество находится в фокусе внимания специалистов разных сфер, в том числе занимающихся созданием детского медийного дискурса. Мультипликация — один из видов киноискусства, который отражает особенности детства, в частности языкового развития детей, для которых характерна склонность к созданию новых слов, свидетельствующая «о творческом характере речевого онтогенеза» [Цейтлин, 2021, с. 107]. При этом необходимо учитывать, что в аспекте социального развития «содержание мультфильма может прививать ребенку нормы поведения», а «мультипликационный персонаж представляется для ребенка важной фигурой, с которой он отождествляет себя» [Серебренникова и др., 2020, с. 48].

В качестве объекта исследования был выбран анимационный сериал «Маша и Медведь» [Маша ...], поскольку он является самым популярным детским медиапродуктом российского производства в международном пространстве [Гарас и др., 2020]. Речь главной героини Маши представляет собой интересный феномен, так как является имитацией детской речи. Она часто использует каламбуры, пародийные аллюзии, диминутивы, занимается словосочинительством, в том числе посредством конструирования новых слов.

Авторы данной статьи ранее рассматривали примеры речевых отклонений от норм языка в российских анимационных фильмах, транслируемых на популярном детском канале «Карусель», в частности, непродуманное словосочинительство, употребление слов в несвойственном им значении, плеоназмы, нарушение норм смыслового согласования и др. [Реброва и др., 2020б], которые могут восприниматься как ошибки и в то же время как речевое творчество в зависимости от контекста ситуации. Кроме того, выявлялись орфоэпические и акцентологические ошибки в речи героини сериала «Маша и Медведь» [Реброва и др., 2020а]. При этом мы не раз отмечали, что словотворчество играет важную стилистическую и смысловую роль в данном мультфильме, в частности, метод спунеристической игры слов используется для создания комического эффекта в рамках обиходно-разговорной речи и может вызывать у реципиента одобрение, насмешку, удивление, смущение или сомнение [Там же].

В связи с неоднозначным влиянием детских медиапродуктов на их целевую аудиторию представляется необходимым постоянный анализ использования приемов словотворчества в художественных произведениях и передачах, транслируемых детским телевидением. При этом надо учитывать, как отмечает Н. Д. Арутюнова, что «все тропы и риторические приемы построены на нарушениях языковых правил и стандартов речевого поведения. Эти нарушения задают границы поэтических анклавов в обыденной речи» [Арутюнова, 2006, с. 13]. Так, например, несовместимые по стилю и смыслу сочетания в речи отдельно взятого персонажа всегда создают эффект неожиданности, без которой нет ни комического образа, ни ситуации с соответствующим подтекстом. Именно в момент резкой смены стиля, когда грамматически правильно сконструированная художественная речь персонажа внезапно меняется на просторечие или неграмотную речь с ее стилистически маркированным фоном, происходит «стилистический слом» (по терминологии Ю. М. Лотмана) [Беляева и др., 1985, с. 29]. В таких случаях для выражения комического используется игра слов: слова-перевертыши, каламбуры, пародии, аллюзии, парадоксы, спунеризмы и другие приемы. По мнению американского учёного Кина Джеймса, нестандартные элементы языка, такие как, например, спунеризмы, наделены определенной лингвистической ценностью и используются как «экспрессивные средства в стилистически сниженных оборотах речи», подчеркивая функционально-риторические особенности речи, вместе с этим они наделены всеми основными свойствами разговорности, такими как спонтанность, эмоциональность, образность, юмористичность и саркастичность [James, 2000, p. 123].

Цель данного исследования — проанализировать особенности конструирования необычных слов в речи главной героини мультфильма «Маша и Медведи» (серия «Следы невиданных зверей») и их перевода на английский, французский, испанский и украинский языки.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужила речь героини мультипликационного сериала, представляющего собой детский контент, содержание которого находится в фокусе внимания представителей разных наук, поскольку мультипликация используется как одно из средств воспитания и образования детей дошкольного и младшего школьного возраста. Более того, словотворчество в художественных произведениях влияет на формирование речевой культуры детей, поскольку они подражают речи героев [Реброва и др., 2020а, с. 236].

Словотворчество в речи Маши представлено в одной из серий как пример креативной языковой деятельности, при которой близкие слова в пред-

ложении меняются корнями, слогами или отдельными звуками. Такой способ освоения языка свойствен детям, хотя часто необычные слова появляются в речи ребенка как оговорки. То и другое используется в литературе, мультипликации и других видах художественного творчества, в которых осуществляется стилизация речи ребенка. Как отмечает Т. А. Гридина, детская языковая картина мира является «индивидуальной у каждого ребенка и в то же время обнаруживающей общие черты в аспекте тех ментальных доминант детского языкового сознания, которые в ней отражаются [Гридина, 2004, с. 20].

В детской речи встречаются, например, различные виды контаминации [Ковалевич, 2017; Харченко, 2005; Цейтлин, 2021 и др.]. Одним из малоизученных явлений креативной языковой деятельности являются спунеризмы, которые нередко используются в имитации речи детей, в текстах взрослых авторов как в художественных произведениях, так и в текстах СМИ и интернет-коммуникации, поскольку такая игровая форма словотворчества позволяет добиться комического эффекта. Исследование спунеризмов проводится на материале англоязычных художественных и разговорных текстов [Орлова, 2017; Храмова, 2015, 2018; Crystal, 2001; James, 2000; Kelty-Stephen et al., 2018], иностранных и русских рекламных произведений [Тиханова, 2013], русскоязычных произведений интернет-ресурсов [Апушкина, 2021], детской литературы [Денисова, 2017] и мультипликационных фильмов [Реброва и др., 2020а, 2020б; Резцова, 2022]. В целом надо признать, что изучение спунеризмов на русскоязычном материале представлено фрагментарно. Спунеризмы — феномен фонетического словотворчества, еще не получивший должного научного осмысления. По мнению И. А. Астафьевой, чаще всего исследования учёных-лингвистов лежат в области формирования новых слов, образования речевых искажений в различных вариантах художественных, публицистических, политических текстов [Астафьева, 2021, с. 79].

Языковой материал отбирался путем просмотра оригинального мультсериала и выявления элементов креативной языковой деятельности главной героини. В результате для анализа была выбрана серия, вся построенная на репрезентации особенностей детского словотворчества. Далее необычно созданные слова сопоставлялись с их переводами в соответствующих фрагментах мультипликационных фильмов, переведенных на английский, французский, испанский и украинский языки с целью «подсветить» некоторые особенности русского детского словотворчества. Кроме того, использовались методы описания и контекстного анализа. Материал представляет интерес с точки зрения исследования образа ребенка в детском мультсериале.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Словообразовательное и фонетическое словотворчество в советской и зарубежной мультипликации

В отечественной мультипликации примеры использования языковой игры на словообразовательном и фонетическом уровнях языка в речи героев можно найти еще в советских произведениях. Так, например, в 1975 году Творческое объединение «Экран» выпустило мультфильм «Вот какой рассеянный», снятый по одноимённому стихотворению С. Я. Маршака. Игра слов здесь встречается по ходу всего мультфильма, самые знаменитые контаминации и спунеризмы представлены в следующем контексте: *Глубокоуважаемый Вагоноуважаемый! Вагоноуважаемый Глубокоуважаемый! Во что бы то ни стало мне надо выходить. Нельзя ли у трамвала вокзай остановить?* [Вот какой ..., 1975]. Смешение корней в обращении и крестообразная замена последних звуков (спунеризм) в словах *трамвай* и *вокзал* служат для характеристики рассеянности героя. Другой известный пример спунеризма мы можем обнаружить в высказывании госпожи Беладонны из мультфильма «Приключение Фунтика»: *Начинацию операем!* [Приключения поросенка ..., 1986].

Отметим, что зрителю для декодирования игрового замысла автора требуются не только языковые, но и социокультурные навыки, которые помогут понять особенности характеристик персонажей, создаваемые за счет спунеризмов (рассеянность или волнение героя, комичность злобного характера и др.).

Используя спунеризмы, комического эффекта добиваются и авторы зарубежных мультфильмов. В большинстве случаев российские переводчики стараются адаптировать иноязычную игру слов для отечественного зрителя. К примеру, в мультипликационном сериале «Новые фильмы о Скуби-Ду», эпизоде «Проделки крестоносца», встречаются высказывания, содержащие такие спунеризмы: *В моей лаборатории наишки с ядписью* (ящики с надписью), *можно обдохнуть с взлегчением* (вздыхнуть с облегчением), *костючий летун* (летучий костюм), *нужно предупредить ребят об их плотных залах, то есть злобных планах* [Новые приключения ...]. Игровой эффект, создаваемый в результате креативного применения спунеризмов в «Скуби Ду», зачастую имеет юмористическую основу, маркирует ситуацию абсурда. Стоит отметить, что спунеризмы, которые сложно декодируются и могут быть непонятны для юных зрителей, переводчики дополнительно объясняют либо заменяют другими средствами выразительности (см. п. 3.3).

3.2. Словотворчество в речи героини русскоязычного мультсериала «Маша и Медведь»

Высказывания главной героини анимационного сериала — девочки Маши — включают в себя каламбуры, иронию, фонетическую игру слов.

Они запоминаются и расходятся в качестве цитат благодаря их особой выразительности.

«Следы невиданных зверей» — самая насыщенная креативными языковыми единицами серия «Маши и Медведя» [Следы ...]. Её сюжет полностью построен на тематике словотворчества в речи детей. Разглядывая следы разных животных и путая их, Маша поёт про несуществующих зверей, изменяя их названия разными способами. При этом девочка образует несколько видов необычных слов:

— спунеризмы, соединяя слоги в парах слов: *крокомот*, *бегедил* (крокодил, бегемот), *попукан*, *пелигай* (попугай, пеликан); первые буквы: *ворова* (ворона, корова), *коробей* (коров, воробей);

— окказионализмы, соединяя корни разных слов: *нособраз*, *дикорог* (носорог, динозавр), корень одного слова и конец другого: *жукаф* (жук, жираф).

При этом надо отметить, что словотворчество в данном случае не влечет за собой появление слов с новыми значениями. По сути это просто игра словами, свойственная детям. В то же время данные высказывания понятны маленьким зрителям. В начале песни главная героиня называет правильные обозначения животных, поэтому дети легко дешифруют новые образования, понимают их. Спунеризмы *крокомот* и *бегедил* (крестообразное преобразование слов *бегемот* и *крокодил*), которые придумали создатели «Маши и Медведя», и вовсе уже перешли в разряд крылатых выражений, которые используются во взрослом контенте. Так, в Интернете можно прочитать рассказ «Бегедил и Крокомот» Бориса Кригера (proza.ru, 2007) [АА], в социальной сети «ВКонтакте» появился аккаунт официальной группы Центра Креативного Развития Детей «Крокомот и Бегедил» (vk.com, 2015) [Там же], с использованием данных спунеризмов называют публикации «Крокомот, бегедил и нейромаркетинг» (proforientator.ru, 2018) [Там же] и др.

Повторно эти спунеризмы авторы «Маши и Медведя» включают в анимационный сериал «Машкины страшилки» с той же главной героиней в роли рассказчицы. В серии «Ужасающая история про бабушку и внука» [Ужасающая история ...] спунеризмы *бегедил* и *крокомот* визуализированы (рис. 1, 2), что позволяет показать ребенку готовый образ, в случае, если творчески преобразованные слова оказались бы непонятны на слух, поскольку контекст напрямую не связан с обыгрыванием названий необычных животных, в отличие от ситуации в серии «Следы невиданных зверей», где использование креативного подхода к языку обусловлено разгадыванием названий животных.

3.3. Словотворчество в иностранных переводах мультипликационного сериала «Маша и Медведь»

Анимационный сериал «Маша и Медведь» переведен на 36 языков и транслируется более чем в 100 странах мира. На англоязычный канал



Рис. 1. Бегедил. Стоп-кадр из серии «Ужасающая история про бабушку и внука» мультипликационного сериала «Машинки страшилки»



Рис. 2. Крокомот. Стоп-кадр из серии «Ужасающая история про бабушку и внука» мультипликационного сериала «Машинки страшилки»

мультфильма подписано 36,4 миллиона человек [Статистика Youtube канала Masha and The Bear]. Количество подписчиков официального канала на русском языке ненамного больше — 39,5 миллиона человек [Статистика Youtube канала «Маша и медведь»]. В 2022 году анимационная комедия «Маша и медведь» набрала на «YouTube» свыше 100 миллиардов просмотров по всему миру. Пять официальных YouTube-каналов сериала: русский, украинский, английский, испанский и португальский — получили «бриллиантовую кнопку» — специальную награду видеохостинга

YouTube, которую присуждают, когда количество подписчиков превышает 10 миллионов человек [Parrot Analytics]. В настоящее время зарубежная аудитория «Маши и Медведя» продолжает расти.

Важно, что в иностранных версиях мультфильма переводчики пытаются сохранить креативный подход главной героини к номинациям зверей: подбирают аналоги каламбуров, спунеризмов и других приемов словотворчества.

Сложность в переводе высказываний главной героини анимационного сериала на немецкий язык в своей научной работе отмечали А. В. Гарас и Н. Н. Евтугова. Так, например, высказывание «Иди прятаться!», где применена неверная грамматическая форма глагола *прятаться*, является сочетанием, комичность которого, как отмечают исследователи, непонятна носителям языка немецкого языка. Поэтому данную фразу в германоязычной версии мультфильма заменили на «Jetzt bist du dran!», что переводится как «Сейчас твоя очередь!» [Гарас, 2020, с. 214].

Приведём примеры из самых популярных иноязычных версий мультипликационного фильма, чтобы оценить переводы «необычных» слов из русскоязычной версии серии «Следы невиданных зверей» на английский, испанский, французский и украинский языки.

В английском переводе этой серии («Tracks of Unknown Animals») для достижения комического эффекта используются иные номинации животных, нежели в русской версии, при этом они представлены как катахрезы и анафразы. *A longhorn pig, a guinea cow* / длиннорогая свинья, морская корова (вместо длиннорогой коровы и морской свинки); *Billy bear with Grizzly goat* / медведь Билли с козой Гризли (вместо медведя Гризли с козой Билли). Языковая игра здесь строится на сочетании противоречивых и логически не связанных понятий: *It was a furry elephant or a feathered crocodile?* / Это был пушистый слон или пернатый крокодил?; *It's the tropic jungle penguin and the arctic cockatoo!* / Это тропический пингвин из джунглей и арктический какаду! Кроме катахрез и анафраз английские переводчики занимают словосочинительством, используя антонимы *night / day* (ночь / день). Вместо *nightingale* / соловей героиня Маша узнаёт следы мистического *daytingale* [Tracks ...].

Абсурда и логической несогласованности при помощи катахрезы добиваются и французские переводчики. Во франкоязычной версии серии «Следы невиданных зверей» — «À Qui Est Cette Trace» («Чей это след») героиня Маша поёт про какаду с Северного полюса (*Cacatoès de Pôle Nord*) и пингвинов с Азорских островов (*Penguin dès Açores*) [À Qui Est Cette Trace].

В испанской версии героиня Маша использует спунеризмы, построенные на крестообразном изменении последовательности слогов: *Un gran*

cocodripótamo / крокодилопотам (большой крокодил + бегемот); *Pincan y Tungüino* (тукан и пингвин); *Hipodrilo* (hipopotamo + crocodrilo). Кроме того, испанская версия включает в себя новые варианты зоонимов, которых в русском мультфильме не было: *Una verafa* (venado + jirafa / олень + жираф), *jinado* (jirafa + venado / жираф + олень), *arabriz* (araña + lombriz / паук + червь).

Наиболее близким является украинский перевод необычных слов, придуманных героиней Машей. Здесь встречаются уже знакомые спунеризмы: *крокомот* и *бегедил* (крокодил + бегемот), *пінгвікан* и *пелівін* (пингвин + пеликан), а также окказионализмы *нособраз* и *дикоріг* (дикообраз + носорог). Кроме того, как и в других переводах, здесь появляются новые слова *корафка* и *жирова* (жираф + корова), *сомашка* и *кова* (сова+комашка / пер. букашка) [Сліди небачених тварин].

Таким образом, дословно перевести русскоязычные детские креативные названия животных на другой язык с полным сохранением моделей образования спунеризмов и окказионализмов не всегда возможно. Трудность перевода заключается в различных лексических и грамматических особенностях каждого языка. Кроме того, играет роль и специфика культурного фона, в связи с чем некоторые необычные русские слова были заменены лингвокультурами, которые ближе детям и взрослым тех стран, где смотрят мультсериал «Маша и Медведь».

4. Заключение = Conclusions

В анимационном сериале «Маша и медведь» одна серия полностью посвящена креативной языковой деятельности героини, что можно рассматривать как отдельную тему в исследовании художественного творчества, посвященного детям. Маша придумывает слова, используя фонетические (спунеризмы) и словообразовательные (окказионализмы) приемы. Включение средств выразительности в речь героев детских фильмов позволяет сформировать у маленьких зрителей творческий подход к разговорной речи, при том что на первый взгляд необычные слова не имеют особого смысла: у них не появляются новые значения, Маша просто играет со словами, соединяя по-разному слоги и морфемы подобно тому, как это делают дети. Между тем логико-семантическая нагрузка достигается при помощи точно подобранных игровых оборотов и нарочито путанных акустических образов, которые детям понятны. Таким образом, в речи героини обыгрывается детское восприятие языка, когда ребенок, конструируя новые слова, фантазийно интерпретирует действительность.

Интересно, что необычные слова в речи русскоязычного персонажа переводятся на другие языки зачастую при помощи иных приемов созда-

ния средств выразительности, например, катахрезы во французском языке, катахрезы и анафразы в английском. При этом в иноязычных версиях мультфильма образы животных из оригинальной версии заменяются более актуальными для культуры страны образами зверей и творчески осмысливаются уже их названия. Мультсериал «Маша и Медведь» является очень популярным в других странах.

В дальнейших исследованиях детского телевидения важно выявить особенности словотворчества, которые обыгрываются в мультипликационных фильмах и в различных передачах. При этом интересен сопоставительный характер исследований современных произведений и медийных текстов советского периода, а также русскоязычных произведений и их иностранных переводов.

Источники

1. АА — *Архив* автора.
2. *Вот* какой рассеянный. ТО «Экран», 1975 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://yandex.ru/video/preview/12001157067183546631> (дата обращения 25.10.2022).
3. *Маша и Медведь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/channel/UCRv76wLBC73jiP7LX4C3I8Q> (дата обращения 21.10.2022).
4. *Новые приключения Скуби Ду*. Эпизод «Проделки крестоносца» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://my.mail.ru/mail/codreanu_1989/video/3/17.html (дата обращения 21.10.2022).
5. *Приключения* поросенка Фунтика. ТО «Экран», 1986 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://yandex.ru/video/preview/7898103961550643190> (дата обращения 25.10.2022).
6. *Следы* невиданных зверей. Серия 4 [Электронный ресурс] // *Маша и Медведь*. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=zFr0egXs2eE> (дата обращения 21.10.2022).
7. *Следи* небачених тварин [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=meicYIdn6vU> (accessed 29.04.2022).
8. *Статистика* канала «Маша и Медведь» [Электронный ресурс] // WhatStat. — Режим доступа : <https://whatstat.ru/channel/MashaMedvedTV> (дата обращения 25.10.2022).
9. *Статистика* канала Masha and The Bear [Электронный ресурс] // WhatStat. — Режим доступа : <https://whatstat.ru/channel/MashaBearEN> (дата обращения 25.10.2022).
10. *Ужасающая* история про бабушку и внука. Машкины страшилки // Иви. — Режим доступа : <https://www.ivy.ru/watch/mashkinyi-strashilki/157384> (дата обращения 25.10.2022).
11. *À Qui Est Cette Trace* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=jBWb-09Z-kE> (accessed 30.04.2022).
12. *Masha and The Bear* — Jam Day (Episode 6) [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=1BmcE6OFRyE&t=210s> (accessed 21.10.2022).
13. *Parrot Analytics* [Electronic resource]. — Access mode : <https://tv.parrotanalytics.com/US/masha-and-the-bear-russia-1> (accessed 21.10.2022).
14. *Tracks of Unknown Animals* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=pFsOIgCiZtU> (accessed 21.10.2022).

Литература

1. Апушкина Д. И. Продуктовые мемы : комическая функция эрратических спунеризмов / Д. И. Апушкина // Язык. Культура. Коммуникация : Материалы XIV Международной научно-практической конференции (памяти профессора С. А. Борисовой), Ульяновск, 02 июня 2021 года. — Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2021. — С. 13—16.
2. Арутюнова Н. Д. Виды игровых действий / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. — Москва : Индрик, 2006. — С. 5—16. — ISBN 5-85759-368-9.
3. Астафьева И. А. Словотворчество в коммуникативном пространстве газеты «Коммерсантъ» / И. А. Астафьева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2021. — № 2 (31). — С. 79—82.
4. Беляева Т. М. Нестандартная лексика английского языка / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. — Ленинград : Изд. Ленинградского Университета, 1985. — 138 с.
5. Гарас А. В. Языковые особенности речи персонажей российских современных мультфильмов в аспекте ее перевода на немецкий язык (на примере мультфильма «Маша и медведь») / А. В. Гарас, Н. Н. Евтугова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. — 2020. — № 2 (46). — С. 212—217.
6. Гридина Т. А. Мотивационная рефлексия в детской речи : лингвокогнитивный аспект / Т. А. Гридина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2004. — № 2. — С. 19—32.
7. Денисова М. А. Язык современной литературы для детей «от двух до пяти» : словотворчество в поэзии / М. А. Денисова // Инновационные процессы в лингводидактике : сборник научных трудов. Выпуск 14. — Воронеж : Воронежский государственный технический университет, 2017. — С. 116—123.
8. Орлова О. Ю. Композиционная функция фоностилистических приемов в прозаическом тексте (на материале англоязычной литературной сказки) / О. Ю. Орлова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 19. — № 3 (166). — С. 260—268. — DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.057.
9. Реброва А. Д. Особенности речи героев мультфильма «Маша и Медведь» / А. Д. Реброва, Н. С. Гегелова // Язык и речь в Интернете : личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей IV Международной научно-практической конференции. — Москва : РУДН, 2020а. — С. 233—236.
10. Реброва А. Д. Особенности речи героев современных мультипликационных сериалов отечественного производства / А. Д. Реброва, Н. С. Гегелова // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2020б. — № 3 (66). — С. 162—167.
11. Резцова С. А. Фонетические выразительные средства создания комического эффекта в англоязычных мультфильмах : проблемы перевода на русский язык / С. А. Резцова // Язык и культура в глобальном мире. — Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2022. — С. 132—135.
12. Серебренникова Ю. А. Педагогический потенциал детской мультипликации в современном образовании / Ю. А. Серебренникова, Н. С. Муродходжаева // Известия института педагогики и психологии образования. — 2020. — № 3. — С. 47—52.
13. Тиханова К. Д. Языковые средства создания комического эффекта в американской и российской рекламе / К. Д. Тиханова // Лингвокультурология. — 2013. — № 7. — С. 176—200.

14. Харченко В. К. Словарь современного детского языка : ок. 10000 слов : свыше 15 000 высказываний / В. К. Харченко. — Москва : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. — 637 с.
15. Храмова Е. А. Особенности фонетической игры в тексте английского лимерика / Е. А. Храмова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 9—2 (87). — С. 396—401.
16. Храмова Е. А. Фонетические средства создания игрового смысла в англоязычном мини-тексте : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. А. Александровна. — Саранск, 2015. — 184 с.
17. Цейтлин С. Н. К вопросу о словообразовании в русской детской речи / С. Н. Цейтлин // Российский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10. — № 2. — С. 99—110. — DOI 10.15643/libartus-2021.2.4.
18. Crystal D. Language Play / D. Crystal. — Chicago : The University of Chicago Press, 2001. — 249 p.
19. James K. Stoopnagle's Tale is Twisted : Spoonerisms Run Amok / K. James. — Sherman Oaks, CA : Stone and Scott Publishers, 2000. — 174 p. — ISBN 1891135031.
20. Kely-Stephen D. G. Prosody improves detection of spoonerisms versus both sensible and nonsense phrases / D. G. Kely-Stephen, E. P. Raymakers, K. M. Matthews-Saugstad // Language and speech. — 2018. — Vol. 61 (1). — Pp. 71—83.

Material resources

AA — *The author's archive.*

À Qui Est Cette Trace. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=jBWb-09Z-kE> (accessed 30.04.2022). (In Span.).

A terrifying story about a grandmother and a granddaughter. Masha's horror stories. In: Ivy. Available at: <https://www.ivy.ru/watch/mashkinyi-strashilki/157384> (accessed 25.10.2022). (In Russ.).

Masha and the Bear. Available at: <https://www.youtube.com/channel/UCRv76wLBC73ji-P7LX4C318Q> (accessed 21.10.2022). (In Russ.).

Masha and the Bear — Jam Day (Episode 6). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=1BmcE6OFrYE&t=210s> (accessed 21.10.2022).

Parrot Analytics. Available at: <https://tv.parrotanalytics.com/US/masha-and-the-bear-russia-1> (accessed 21.10.2022).

Statistics of the channel “Masha and the Bear”. In: *WhatStat.* Available at: <https://whatstat.ru/channel/MashaMedvedTV> (accessed 25.10.2022). (In Russ.).

Statistics of the channel Masha and the Bear In: *WhatStat.* Available at: <https://whatstat.ru/channel/MashaBearEN> (accessed 25.10.2022).

“That's how scattered”. TO “Screen”, 1975. Available at: <https://yandex.ru/video/preview/12001157067183546631> (accessed 25.10.2022). (In Russ.).

“The Adventures of Funky Pig”. TO “Screen”, 1986. Available at: <https://yandex.ru/video/preview/7898103961550643190> (accessed 25.10.2022). (In Russ.).

The new adventures of Scooby Doo. Episode “Tricks of the Crusader”. Available at: https://my.mail.ru/mail/codreanu_1989/video/3/17.html (accessed 21.10.2022). (In Russ.).

Traces of unseen Animals. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=meicYIdn6vU> (accessed 29.04.2022). (In Ukr.).

Traces of unseen animals. Series 4. In: *Masha and the Bear.* Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=zFr0egXs2eE> (accessed 21.10.2022). (In Russ.).

Tracks of unknown Animals. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=pFsOIGciZtU> (accessed 21.10.2022).

References

- Apushkina, D. I. (2021). Food memes: the comic function of erotic spoonerisms. In: *Language. Culture. Communication: Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, June 02, 2021*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. 13—16. (In Russ.).
- Astafyeva, I. A. (2021). Word-making in the communicative space of the newspaper “Kommersant”. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*, 2 (31): 79—82. (In Russ.).
- Belyaeva, T. M., Khomyakov, V. A. (1985). *Non-standard vocabulary of the English language*. Leningrad: Leningrad University Publishing House. 138 p. (In Russ.).
- Crystal, D. (2001). *Language Play*. Chicago: The University of Chicago Press. 249 p.
- Denisova, M. A. (2017). The language of modern literature for children “from two to five”: word-making in poetry. In: *Innovative processes in linguodidactics: a collection of scientific papers*, 14. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2017. 116—123.
- Garas, A. V., Evtugova, N. N. (2020). Linguistic features of the speech of the characters of Russian modern cartoons in the aspect of its translation into German (on the example of the cartoon “Masha and the Bear”). *Bulletin of the Shadrinsky State Pedagogical University*, 2 (46): 212—217. (In Russ.).
- Gridina, T. A. (2004). Motivational reflection in children’s speech: linguocognitive aspect. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 2: 19—32. (In Russ.).
- James, K. (2000). *Stoopnagle’s Tale is Twisted: Spoonerisms Run Amok*. Sherman Oaks, CA: Stone and Scott Publishers. 174 p. ISBN 1891135031.
- Kargapolova, I. A. (2008). *Linguistic and socio-cultural factors of ludic speech behavior*. Author’s abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 41 p. (In Russ.).
- Kelty-Stephen, D. G., Raymakers, E. P., Matthews-Saugstad, K. M. (2018). Prosody improves detection of spoonerisms versus both sensible and nonsense phrases. *Language and speech*, 61 (1): 71—83.
- Kharchenko, V. K. (2005). *Dictionary of modern children’s language: about 10000 words: over 15,000 utterances*. Moscow: Astrel: AST: Transitkniga. 637 p. (In Russ.).
- Khramova, E. A. (2015). *Phonetic means of creating a game meaning in an English mini-text*. PhD Diss. Saransk. 184 p. (In Russ.).
- Khramova, E. A. (2018). Features of phonetic play in the text of English Limerick. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 9-2 (87): 396—401. (In Russ.).
- Orlova, O. Y. (2017). The compositional function of phonostylistic techniques in a prose text (based on the material of an English-language literary fairy tale). *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 19 / 3 (166): 260—268. DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.057. (In Russ.).
- Rebrova, A. D., Gegelova, N. S. (2020). Features of the speech of the heroes of modern animated series of domestic production. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 3 (66): 162—167. (In Russ.).
- Rebrova, A. D., Gegelova, N. S. (2020). Features of the speech of the cartoon characters “Masha and the Bear”. In: *Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference*. Moscow: RUDN. 233—236. (In Russ.).



- Reztsova, S. A. (2022). Phonetic expressive means of creating a comic effect in English-language cartoons: problems of translation into Russian. In: *Language and culture in the global world*. St. Petersburg: LEMA. 132—135. (In Russ.).
- Serebrennikova, Yu. A., Murodkhodzhaeva, N. S. (2020). Pedagogical potential of children's animation in modern education. *Proceedings of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education*, 3: 47—52. (In Russ.).
- Tikhonova, K. D. (2013). Linguistic means of creating a comic effect in American and Russian advertising. *Linguoculturology*, 7: 176—200. (In Russ.).
- Tseitlin, S. N. (2021). On the question of word formation in Russian children's speech. *Russian Humanitarian Journal*, 10 (2): 99—110. DOI 10.15643/libartrus-2021.2.4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.10.2022,
одобрена после рецензирования 13.12.2022,
подготовлена к публикации 25.01.2023.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Артем Борисович Борунов, канд. филол. наук (Москва)
Виолетта Анатольевна Путра, канд. культурологии (Симферополь)
Максим Вадимович Норец, канд. культурологии (Симферополь)
Наталья Александровна Плаксицкая, канд. филол. наук (Елец)
Ольга Борисовна Элькан, д-р искусствоведения (Санкт-Петербург)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск)
Тамара Викторовна Кудрявцева, д-р филол. наук (Москва)
Татьяна Николаевна Баранова, соискатель (Санкт-Петербург)



Богданова О. В. Образно-мотивное единство цикла И. Бродского «Мексиканский дивертисмент» / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 186—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-186-212.

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2023). Figurative and Motive Unity of Joseph Brodsky's Cycle "Mexican Divertissement". *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 186-212. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-186-212. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-186-212

Образно-мотивное единство цикла И. Бродского «Мексиканский дивертисмент»

Богданова Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0001-6007-7657

доктор филологических наук,
профессор,

Научно-исследовательская лаборатория
перспективных проектов в образовании
olgabogdanova03@mail.ru

Баранова Татьяна Николаевна

orcid.org/0000-0003-0516-2773

соискатель,
кафедра русской литературы
bysinka27@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-01671 (Русская христианская
гуманитарная академия)

Figurative and Motive Unity of Joseph Brodsky's Cycle "Mexican Divertissement"

Olga V. Bogdanova

orcid.org/0000-0001-6007-7657

Doctor of Philology, Professor,
Research Laboratory
for Advanced Projects in Education
olgabogdanova03@mail.ru

Tatyana N. Baranova

orcid.org/0000-0003-0516-2773

degree seeker,
Department of Russian Literature
bysinka27@mail.ru

A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by a grant
from the Russian Science Foundation
project № 22-28-01671
(Russian Christian Academy
for the Humanities)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предложена интерпретация смыслового единства поэтического цикла Иосифа Бродского «Мексиканский диверτισмент» (1975), состоящего из 7 (15) лирических текстов. Если ранее исследователи изолированно рассматривали одно или другое стихотворение цикла, то в работе актуализирована проблема цельности всего лирического произведения, поднят вопрос о взаимосвязи отдельных циклических текстов. Показано, как одни и те же характеры (император Максимилиан, Хуарец, лирический герой), образы (утки, попугай, ящерка, рак и др.), мотивы (одиночество, смерть, бред), детали (геометрия фигур и др.), слова и знаки (эксплицированные и имплицированные) переходят из текста в текст, обеспечивая единство всего многообразия мелодических «картин» диверτισмента. Прослежено, как возникающие в одном тексте «случайные» детали обстрают дополнительные коннотациями в другом, обеспечивая семантико-смысловую поддержку всего целого. Выявлены интертекстуальные отсылки Бродского к классической русской литературе, которые переводят код текста с «мексиканского диверτισмента» на «ленинградский / петербургский», позволяя за экзотическими реалиями Мексики различить контуры истории России и судьбы самого героя (alter ego автора). Расшифрованы некоторые «темные места» цикла, предложены новые интерпретации уже отрефлексированных критикой. Показано, что интенция героя-рассказчика ориентирована не на позицию скриптера-путешественника, но художника-мыслителя.

Ключевые слова:

Иосиф Бродский; Мексиканский диверτισмент; композиционное единство; интертекст; аналогии; параллели.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An interpretation of the semantic unity of the poetic cycle of Joseph Brodsky "Mexican Divertissement" (1975), consisting of 7 (15) lyrical texts, is proposed. If earlier researchers considered one or another poem of the cycle in isolation, then the problem of the integrity of the entire lyrical work is actualized in the work, the question of the relationship of individual cyclic texts is raised. It is shown how the same characters (emperor Maximilian, Huaretz, lyrical hero), images (ducks, parrot, lizard, cancer, etc.), motives (loneliness, death, delirium), details (geometry of figures, etc.), words and signs (explicated and implied) pass from text to text, ensuring the unity of the whole variety of melodic "pictures" of the divertissement. It is traced how "random" details appearing in one text are overgrown with additional connotations in another, providing semantic and logical support for the whole. Brodsky's intertextual references to classical Russian literature are revealed, which translate the code of the text from "Mexican divertissement" to "Leningrad / Petersburg", allowing one to discern the contours of the history of Russia and the fate of the hero himself (alter ego of the author) behind the exotic realities of Mexico. Some "dark places" of the cycle are deciphered, new interpretations of those already reflected by criticism are proposed. It is shown that the intention of the hero-narrator is focused not on the position of the scripter-traveler, but the creator-thinker.

Key words:

Joseph Brodsky; Mexican divertissement; compositional unity; intertext; analogies; parallels.

Образно-мотивное единство цикла И. Бродского «Мексиканский дивертисмент»

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Поэтический цикл «Мексиканский дивертисмент» написан Иосифом Бродским в 1975 году в ходе его поездки в Мексику по приглашению мексиканского поэта и публициста Октавио Паса. Тем летом Бродский побывал в Мехико-сити, где прочел лекцию о роли («obligation») писателя в обществе и выступил на телевидении, посетил О. Паса в городе Куэрнавака, доехал до Мерида на востоке Мексики, проехал по священным местам Юкатанского полуострова, увидел древние пирамиды майя. Возникший в результате ряда впечатлений и размышлений цикл стихов был впервые опубликован в журнале «Вестник русского христианского движения» (Париж. 1976. № 3) и посвящен Октавио Пасу.

Цикл «Мексиканский дивертисмент» включает в себя 7 так называемых «больших стихотворений» Бродского («Гуэрнавака», «1867», «Мерида», «В отеле “Континенталь”», «Мексиканский романсеро», «К Евгению», «Заметка для энциклопедии»), отдельные из которых состоят из нескольких текстов, то есть общее число стихов, входящих в «Мексиканский дивертисмент», — 15.

Отвечая на вопросы о «Мексиканском дивертисменте» в интервью В. Полухиной, Бродский пояснял: «Единственно, что, по-моему, стоит сказать об этих стихах, — это то, что темой была Мексика, не конкретно Мексика, а, как я полагаю, состояние духа, помещенного на менее благоприятный для него фон <...> Я пытался использовать традиционные испанские метры. Первая часть, о Максимилиане, начинается как мадригал. Вторая, “1867” — где о Хуаресе, — сделана в размере чокло, то есть аргентинского танго. “Мерида”, третья часть, написана размером, который в XV веке использовал величайший испанский поэт, я думаю, всех времен — Хорхе Манрике. <...> “Романсеро” — традиционная испанская вещь, это тетраметры. Есть приближение к современным стихам в главе “К Евгению”. И классический пятистопный ямб — нормальная, обычная вещь, приводящая домой, — в заключительной энциклопедической части “Заметка для энциклопедии”. В конце концов, это называется дивертисмент. <...> Если можно так выразиться, это дань культуре, о которой идет речь» [Бродский, 2007, с. 64—65].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Итак, по словам Бродского, темой «дивертисмента» стала «тема Мексики». Одни специалисты утверждают, что «автор передал в стихотворной поэтической форме достаточно сухие географические данные, сведения об экономике, климате, истории страны», так что «не нужно никаких пособий и учебников», «сразу как будто видишь все своими глазами и попадаешь в Мексику 70-х годов» [Книппер, 2002]. Другие исследователи упрекают Бродского в дилетантизме и обилии ошибок в тексте «дивертисмента». Так, автор заметки «Гуернавака Бродского — реальность стиха и проза реальности» констатирует: «...при написании стиха Бродский не удосужился перелистать энциклопедию, и стих пестрит фактическими неточностями:

<...> “Гуернавака” — это на самом деле искаженное написание названия Cuernavaca, курортного городка неподалеку от Мехико. Наиболее вероятным объяснением подобной транскрипции является то, что Бродский, павший жертвой латиноамериканской полиграфии, спутал “C” и “G”.

<...> Столицу повстанцы не окружали, М. вышел навстречу наступающей с севера армии Хуареса, был взят в плен под Керетаро (километров 200 от Мехико) и через некоторое время там же расстрелян.

<...> Время французских гочкисов в 1867 году еще не пришло — они появились в 1892.

И жена Максимилиана Карлота повредилась рассудком лишь в результате гибели мужа.

<...> К списку можно с чистой совестью приплюсовать индианку — любовницу М., которая упоминается в истории, и была именно индианкой, но никак не мулаткой» [Ritas, 2003].

Как видно, отклики противоречивы. В целом же нужно заметить, что исследований цикла «Мексиканский дивертисмент» крайне мало [Крепс, 1984; Гаврилова, 2007; Бекетов, 2018; Райнхардт, 2021], внимание критиков привлекают, как правило, отдельные стихи цикла. Чаще всего рассматривались «Гуернавака», «1867» и «Мексиканский романсеро» [Тименчик, 2002; Кобеяцкая, 2011; Турома, 2021], единство же поэтической конструкции «дивертисмента» остается без анализа. Именно этот ракурс и составляет центральный аспект последующих размышлений.

Для проведения намеченного исследования используются следующие методы: прежде всего метод целостного анализа художественного текста, а также типологический и поэтологический методы — в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, осуществленный в статье, открывает новые грани творческого своеобразия «большого» стихотворения Бродского и позволяет обнаружить единство и целостность калейдоскопической природы «Мексиканского дивертисмента».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Гуернавака»: он и я

Прежде всего обращает на себя внимание название цикла «Мексиканский дивертиссмент», в котором для русского слуха оба слова наполнены особым смыслом, заключающим в себе экзотику определения и музыкальность номинатива, калейдоскопическую мозаичность цвета и звука. Но одновременно заглавие несет в себе и смысловое указание на «тему Мексики», на вариативность ее воплощения, порождает ассоциацию к перемежающимся картинам ее ожидаемо яркого цветового и звукового разнообразия.

Между тем знакомство с текстом уже первого стихотворения — «Гуернавака» — дает представление о том, что Бродский не отражает в стихе свои впечатления от Мексики, но эксплицирует размышления, порожденные знакомством с этой страной, помещенные «на [не] благоприятный <...> фон». Поэт не воссоздает красоту впервые увиденных им природных и архитектурных ландшафтов или самобытность культуры местного этноса, но вспоминает трагическую историю императора-австрийца Максимилиана, представителя наследной европейской династии фон Габсбургов, прибывшего в Мексику, чтобы пробить здесь императором в течение трех лет и быть жестоко убитым. Весьма короткая «мексиканская» судьба Максимилиана заслоняет собой судьбу всей исторической Мексики. Мексика остается только темой, на первый план выходит медитативный план лирического персонажа.

Изначально, уже в первом стихотворении цикла, рядом с Максимилианом возникает образ самого лирического героя — «певца», как сказано автором, прибывшего «издалека» [Бродский, 1998, с. 92]. Персонификация голоса лирического героя сразу устанавливает незримую аналогию между текстовыми персонажами-европейцами, возникает непрписанная взаимосвязь *душ*, оказавшихся в этом иноземном *переполненном* аду: «Слух различает в ропоте листвы / жаргон, которым пользуются души, / общаясь в переполненном Аду» [Бродский, 1998, с. 92].

Мексика — не рай (примечательно, что лирический герой-певец находится *в саду*), Мексика — ад. Отсюда столь сниженное соседство литер М и Ж, подтекстово выявляющих нескрываемое отношение лирического персонажа к окружающему. Таково и последующее снижение: глагол *имел* вместо *любил* (о возлюбленной); о рабочих — *окалчивают* (груши) как ассоциация к их лени — *окалчиваются*. Даже райские птицы, которые могли бы наполнить *густой сад* императорского дворца, например, соловьи или лебеди, трансформированы субъективным восприятием героя в *дроздов* и *уток*: «Летает дрозд, как сросшиеся брови. <...> Три белых утки плавают в пруду» [Бродский, 1998, с. 92].

Если в первом случае сравнение *сросшиеся брови*, без сомнения, отсылает к (авто)портретам известной мексиканской художницы Фриды Кало (хотя сравнение женских бровей было бы поэтичнее и корректнее, например, с абрисом чаек, особенно в контексте окруженной океанами Мексики), то во втором — *три белых утки* в атмосфере дворцового / сказочного парка позволяют предположить легкую иронию автора: не три белых лебедя (пусть даже это было бы поэтической вольностью), не белые гуси, но три белых *утки* (заметим, что в реальном Jardine Borda в дворцовом пруду Куэрнаваки действительно плавают белые утки). Райские коннотации изначально сняты и довершены *грустным курлы* [Бродский, 1998, с. 92], доносящимся из синевы неба. Устанавливается атмосфера неприятия и отчуждения (даже шелест садовой / райской листвы воспринимается как недовольный *ропот*), синева небес с курлыкающими птицами (в русской традиции, несомненно, ассоциирующимися с песней на стихи Р. Гамзатова в переводе Н. Гребнева (1968) в исполнении М. Бернеса) вводит тему смерти, а точнее, амплифицирует ее, так как сообщение о смерти М. (Максимилиана) уже прозвучало.

В тексте второго стихотворения из части «Гуернавака» лирический герой пытается представить, какие мысли и чувства мог испытывать мексиканский император, когда писал в Европу письма родным. При этом Бродский выстраивает эпистолярное стихотворение так, что читатель еще отчетливее угадывает пересечения судеб М. и лирического персонажа (условно alter ego автора), а еще точнее — наблюдает смешение / подмену одной и другой.

На внешнем нарративном уровне кажется, что речь продолжает идти о Максимилиане, но лирический герой зачем-то предлагает отбросить *пальму* («Отбросим пальму» [Бродский, 1998, с. 92]) и выделить *платан*. Почему-то на Максимилиане оказывается шелковый *шлагфрок* (можно предположить: прежде всего ради звукописи, но тот закономерно привносит в текст европейский и даже русский колорит, невольно возникают интертекстуальные аллюзии к «Евгению Онегину» и «Метели» А. Пушкина, «Братьям Карамазовым» Ф. Достоевского, произведениям И. Гончарова, И. Тургенева, А. Чехова и др.). Не мексиканская пальма, а почти европейский *платан* (точнее *от* литературно древнегреческий, мифологически связанный с культом Аполлона, Диониса и Геракла, напрямую ассоциируемый с историей Елены Прекрасной) рифмуется с разговорно-русским *братан* — и в тексте появляется сам *Иосиф* (точнее — Франц Иосиф, брат Максимилиана), «насытиваясь с грустью “Мой сурок”» [Бродский, 1998, с. 92].

Оборот «мой сурок» появится в тексте стихотворения Бродского (только в его втором стихе) три раза. С одной стороны, «Мой сурок», как из-

вестно, — классическая коротенькая песенка, которая вполне может быть ассоциирована с Максимилианом или Францем Иосифом, так как написана Бетховеном на стихи Гете (*нем.* «Ich komme schon» из пьесы «Ярмарка в Плундерсвейлере»), и ее средневропейская «локализация» напрямую координирована с героями-императорами Бродского. Но, с другой стороны, следует вспомнить, что в России песня «Мой сурок» была популярна, во-первых, в исполнении И. Козловского, во-вторых, что еще более примечательно, в Ленинграде 1970-х она довольно часто звучала на концертах и в радиозаписях Э. Хилы (ленинградского эстрадного певца, не менее популярного в СССР, чем Бетховен). Можно предположить, что насвистывать песенку мог и сам Иосиф Бродский (об этом должны сказать друзья или знакомые поэта). Наконец, гетевский образ савояра, бродячего певца, странствующего с шарманкой и живым сурком по разным странам, имплицитно выдает затекстовую параллель к автору «Гуернаваки» («певец, прибывший издаля») и, может быть, отсылает к его любимцам-котам, нередко его сопровождавшим. В любом случае текст Бродского задает двойной код восприятия. Именно поэтому последняя строфа из «Отбросим пальмы...», представляющая собой строки из письма М. к брату Францу Иосифу, звучит очень по-бродски: «Опрichь того, мне хочется домой. / Скучаю по отеческим тpущoбaм. / Пошлите альманахов и поэм. / <...> И мой / сурок со мною, стало быть» [Бродский, 1998, с. 93].

Каждая строчка этого заключительного шестистишия вбирает в себя некий знак, маркер русскости: от устаревшего русского *опричь* (совр. *кроме*) через отеческие *тpущoбoы* (не императорские дворцы) к просьбе выслать (даже более разговорная форма — *пошлите*) *альманахов и поэм*. Личность М. становится заместителем образа лирического героя (и наоборот), синонимичными оказываются потребности их родственных *душ*. Особенно если вспомнить, что император Максимилиан был известен и как лирический (немецкоязычный) поэт, автор ряда стихов.

Мадригал Максимилиану «Гуернавака» завершает третья часть, в которой лирический герой философизирует ментальные наблюдения-размышления. Образ Мексики-*ада* осознается героем-повествователем как страна, «где меньше впереди, чем позади» [Бродский, 1998, с. 93]. Великая цивилизация майя («пирамиды, безупречные <...> громады» [Бродский, 1998, с. 100]) противопоставляется нынешнему мелкому «бренчанию гитары» [Бродский, 1998, с. 93]. Теперь взгляд Максимилиана «не узнал бы местности»: «...Из ниш / исчезли бюсты, портики пожухли, / стена осела *деснами* в овраг» [Бродский, 1998, с. 93]. Бродский использует скрытую (свернутую) метафору: стены императорского дворца в Куэрнаваке, служившего летней резиденцией императора Максимилиана, сверху увенча-

ны каменными *зубцами* (зубчатые стены) — потому нижняя часть дворца, спускающаяся к пруду, поименована поэтом *деснами*.

Грустная картина («с грустью...») насыщает взгляд лирического героя, но «мысль не удлин[яе]т» [Бродский, 1998, с. 93]. Будущего страны лирический персонаж не провидит: «Сады и парки переходят в джунгли. / И с губ срывается невольно: рак» [Бродский, 1998, с. 93]. Бродский играет (со) словом. Только что, определяя дворцовое запустение, он упоминал природных ужей и ящериц («Кишат ужи и ящерицы...» [Бродский, 1998, с. 93]). В следующей строфе возникает *рак*. Но это уже не гад, не пресмыкающееся, не членистоногое — это рак-онкология, рак-метафора. Возникает еще одна аналогия: как прежде был убит Максимилиан, так теперь страна гибнет без императора, убиваемая словно бы раком. Дикие джунгли наступают на дворец, мотив смерти усиливается и насыщается. Образ птиц, которые «клубятся» в кронах деревьев, переносит свои корреляты на прошлое и настоящее — фактологический признак гнезд «с яйцами и без» [Бродский, 1998, с. 93] превращается в характерологический эпитет, дифференцирующий власть расстрелянного императора и беспомощность лидеров современности, акцентирующий противопоставление величия былого и ничтожности настоящего.

С точки зрения финской исследовательницы С. Туромы, «стратегия репрезентации, которую использует Бродский, заключается в возвращении к имперскому (европейскому и русскому) знанию для поэтического выражения столкновения с неевропейской территорией. В 70-е, эпоху *деколонизации*, это выдает *устаревшую позицию поэта*» [Турома, 2021, с. 136; выд. нами. — О. Б., Т. Б.]. Вряд ли можно согласиться, что позиция поэта *устарела*, и едва ли можно признать, что Бродский мыслил столь узко. Как будет показано далее, взгляд поэта погружается много глубже, его интересуют не проблемы колонизации / постколонизации / деколонизации, не аспекты социального или политического государственного мироустройства, но вопросы бытийные, экзистенциальные. Мексика сама по себе и ее «постколониализм» не вызывают рефлексии Бродского — Мексика только «тема», но она выводит поэта к неконтурированным проекциям его собственного прошлого.

Как ни странно, экзотическая для европейца Мексика становится для Бродского поводом не к удивлению и восхищению, а к размышлениям о себе, к выстраиванию незримых внутренних параллелей, к нестрогим сопоставлениям и воспоминаниям о прошедшем. В интервью П. Вайлю Бродский признавался: «Я ожидал увидеть [в Мексике] что-то вроде нашей среднеазиатской республики. И точно — было очень похоже» [Бродский, 1995, с. 158]. Однако не следует принимать это утверждение букваль-

но — поэтические ассоциации Бродского, как показывает текст, связаны не столько со Средней Азией, сколько с Россией, ключевое слово в приведенной цитате — «нашей».

3.2. «1867»: чужое и свое

Второе стихотворение цикла «Мексиканский дивертизм» — «1867» — подхватывает стратегию мадригала-прославления М. Максимилиана, но реализуется в иной жанрово-музыкальной ритмике — «в размере чокло... аргентинского танго».

Как известно, «El Choclo» (*исп.*) — название танго, написанного аргентинцем А. Вильольдо и впервые прозвучавшего в ресторане «El Americano» в Буэнос-Айресе (1903). Позже мелодия обрела инструментальные аранжировки, а в 1905-м была сопровождена текстом, вначале на испанском («El Choclo»), позже на других языках. Так, в английском она известна как «Kiss of Fire» (была в репертуаре Л. Армстронга), в России — как «На Дерибасовской открылась пивная...», получившая распространение на рубеже 1920—30-х годов, а позже, в 1950—60-х, звучавшая в популярных советских фильмах «Тихий Дон» (1957) и «Свадьба в Малиновке» (1967).

Примечательно, что интонационный рисунок стиха музыкально необычайно тонок: если совместить текст Бродского с мелодией «El Choclo» (или знакомой «Дерибасовской...»), то ритмика стиха в точности ляжет на мелодию танго, следуя ей в продолжении всех шести строф-куплетов. По образному выражению Р. Тименчика, в стихотворении «1867» «“мелькает” ритмическая “подкладка” музыкального мотива» [Тименчик, 2002, с. 100].

Схема рифмовки стихотворения необычна. Три первые строки каждой строфы охвачены одной рифмой, четвертая рифмуется с четвертой строкой следующей строфы. Рисунок стиха словно бы воссоздает мелодию «El Choclo», в которой один и тот же мотив длительностью в два такта повторяется с небольшими вариациями трижды, а в четвертый раз заканчивается на устойчивом аккорде, если пользоваться музыкальным термином, — разрешается. Рифмы во всех случаях абсолютно точные, отчасти даже «банальные», что, вероятно, входило в задачу поэта ради акцентуации популярности чистого, простого и запоминающегося ритма чокло. Фонетическая память об оригинальном названии *choclo* проступает в сравнении мулатки с «шоколадкой» из шестого стиха (*chocolate*, *исп.*).

Не менее важно и другое обстоятельство — за ритмико-музыкальным мотивом Мексики (Аргентины, Мезоамерики) возникает ряд ассоциативных «отеческих» меморий («Скучаю по отеческим трущобам...»), отсылающих к прошлому автора и / или его лирического alter ego. С одной стороны, стихотворение «1867» строится в рамках явно акцентированного пред-

метного мира Мексики (*манго, танго, бумеранг*), но с другой — явственный революционный подтекст, знакомый поэту по истории его родной страны и моделирующий образно-стилевые пары-противопоставления.

Два катрена «1867» начинаются почти одинаково, формируя сопоставительную связь, которая разрастается контрастами. Исходная параллель: «В ночном саду... // В ночной тиши <...> леса...» [Бродский, 1998, с. 94]. Но в одном случае — фруктовый сад с гроздьями зреющего манго, в другом — сень (// тень) девственного (= дикого) леса. Один из героев — император Максимилиан, другой — республиканец Хуарец. Один танцует, другой «винтовки выдает» [Бродский, 1998, с. 94]. С одной стороны — «хрусталь, шампанское, балы», музыка и любовь (мулатка-шоколадка), с другой — пеоны (солдаты-пехотинцы), винтовки, затворы, нищета («два песо») и др.

Название стихотворения «1867» фиксирует год смерти императора, то есть затекстово предупреждает о приближении трагической расправы над Максимилианом. На поверхностно-нарративном уровне речь, несомненно, идет именно о мексиканских реалиях, о событиях мексиканской истории XIX века. Между тем критиков обескуражило именование исторического героя мексиканского повстанческого движения Бенито Хуареса *Хуарцем* [Бродский, 1998, с. 94]. Критики увидели в «неверном» поименовании Хуареса еще одну ошибку Бродского [Райнхардт, 2021, с. 91]. Однако, с нашей точки зрения, это решительно не так.

На наш взгляд, Бродский сознательно искажает имя Хуареса, рифмуя его с затекстовой / подтекстовой ассоциацией к гражданской войне в послереволюционной России. Бродский использует суффикс *-ец*, намеренно ставя в один образно-понятийный ряд новопроизводное имя *Хуарец* и отечественный неологизм периода Гражданской войны *красноармеец*, когда внутренняя звуковая перекличка *-ар-* (*Хуарец* / *красноармеец*) дополняет аллитерированно-ассонансное созвучие двух, казалось бы, далеких друг от друга сущностей. В контексте уже эксплицированных в первом стихотворении оценочных *М* и *Ж* новообразование *Хуарец* (особенно с начальным слоговым *ху-*) звучит и узнаваемо-исторически, и разоблачительно-эмоционально. Ошибки поэт явно не совершил, но привнес в текст ошугитимую аксиологию, проступающую за реальными историческими фактами.

Создавая образ Хуарес(ц)а, Бродский обращается к привлечению паремии, эксплицирующей корреляцию истории двух стран. Для портретизации Хуареца поэт использует устойчивый оборот «двигатель прогресса» («Хуарец, действуя как двигатель прогресса...» [Бродский, 1998, с. 94]). В русской речи (пост)революционной эпохи бытовал пролетарский лозунг «Труд — двигатель прогресса». Уже только эта фразеологическая перекличка уязвляет события революций в Мексике и России. Однако для

Бродского и целого поколения советской молодежи 1960-х годов этот лозунг получил новую огласовку в стихах А. Вознесенского «Лень» (1964), когда в ироническом прочтении поэта-шестидесятника декларация прозвучала иначе. «Лень — двигатель прогресса» [Вознесенский, 1980, с. 141]. Аппелляция к устойчивому фразеологическому обороту (в той или иной его форме) позволяла Бродскому для посвященных читателей-реципиентов эксплицировать связь событий в теперешней Мексике с далекой («издаля») Россией и одновременно через актуализацию «ленивого» лозунга Вознесенского привнести ироническую ноту, чуть позже реализованную популяем «весьма тропической расцветки» [Бродский, 1998, с. 94] уже на довольно серьезном, около-философическом уровне: «Презренье к ближнему у нюхающих розы / пускай не лучше, но честней гражданской позы. / И то, и это порождает кровь и слезы. / Тем паче в тропиках у нас, где смерть, увы, // распространяется, как мухами — зараза, / иль как в кафе удачно брошенная фраза, / и где у черепа в кустах всегда три глаза, / и в каждом — пышный пучок травы» [Бродский, 1998, с. 94].

Бродский (точнее его лирический герой) не выступает морализатором. Его личностное суждение абсурдировано образом местного философа-популяя, чья возвышенная речь выстроена в опоре на расхоже-банальные рифмы *розы / позы, кровь / слезы* [Бродский, 1998, с. 94] почти вслед за пушкинскими «розы / морозы». И тем самым ораторская патетика стиха снимается, уплощается, превращается в доступное пониманию суждение.

Мадригал Максимилиану и его имперской Мексике завершается мотивом смерти — образом трехглазого черепа, на котором отверстия глазниц умножаются отверстием от пули, напоминая о расстреле Максимилиана повстанцами Хуареца («...республиканская пехота М. расстреляла» [Бродский, 1998, с. 92]). При этом за образом голого белого черепа проступает не только судьба реального исторического лица, но и напоминание о сакральной Голгофе, о страдании Христа и всего человечества.

3.3. «Мерида»: мистические мотивы

Третья часть «Мексиканского дивертисмента» написана Бродским в ином каноне сменяющих друг друга форм — в подражание стансам средневекового испанского поэта Хорхе Манрике, в частности, его «Стансам на смерть отца» (1447). Стансы, как известно, излюбленный жанр Бродского, к которому он обращался еще в раннем творчестве. В данном случае стансы Бродского озаглавлены «Мерида» по названию города на востоке Мексики, столицы полуострова Юкатан.

В ориентации на Х. Манрике стихотворение написано шестистишиями с треугольной рифмовкой (*авсавс*) и лишено нарративной сюжетики. Исторические персонажи мексиканского прошлого остались в пределах

«Гуернаваки» и «1867» — в «Мериде» главным героем становится *вечер*, мифопоэтический субъект, наделенный антропоморфическими чертами и совершающий прогулку по «коричневому городу» [Бродский, 1998, с. 94]. Герой-вечер и лирический персонаж как будто бы разведены: последний не обнаруживает приятельства с *вечером*, он только следит за тем, что делает и куда направляется сотканный из тени мистический герой.

Жанровые законы дивертисмента (так же, как и стансов) предполагают переключку последних строк предшествующего стиха и первых строк последующего. Именно так происходило в «Гуернаваке» и «1867» — там образом-связкой был Максимилиан (М.). Между «1867» и «Меридой» — это образ кафе, упоминанием которого завершается первое стихотворение и открывается второе. И, наряду с кафе, звуковая переключка — между фонетическим обликом *черепа* и *черепицы*, последняя словно бы вводит в текст «Мериды» напоминание о бренности жизни, явленное ранее.

В «Мериде» Бродский описывает наступление вечера в городе — точнее визит антропоморфически контурированного *вечера* в меридийское кафе. Лирический герой словно сидит за соседним столиком и следит за взглядом *вечера*, смотрит на город его глазами. «В позлащенном лучами / ультрамарине неба / колокол, точно / кто-то бренчит ключами: / звук, исполненный неги / для бездомного» [Бродский, 1998, с. 95]. В тексте вновь звучит мотив одиночества. На фоне ультрамаринового неба с позлащенными лучами незримо возникает абрис местного собора (неполногласная старорусская форма «позлатить» вместо «позолотить» архайзирует впечатление и свидетельствует о древности соборного здания, а сочетание цветов ультрамаринового с золотым пробуждает в памяти образы православных соборов с ярко-синими, небесного цвета куполами и золотыми звездами на них, как, например, Троицкий (Измайловский) собор в Ленинграде / Петербурге или Софийский собор в (Великом) Новгороде). Сдвоенная семантика образа актуализирует мысль о священном приюте для сырых и одиноких, звук колокола, подобный бренчанию ключей, обещает негу *бездомному*. В означенный контекст бездомья попадают и *вечер*, на короткое время присевший в кафе, и лирический герой-путешественник, прибывший «издалека». Образы ключей и колокола интертекстуально дополняют пространство стиха символикой стансов поэта-проповедника Дж. Донна и их перепевами-мотивами в прозе Э. Хемингуэя («По ком звонит колокол...»).

Контуры-тени одиноких героев заполняют стихотворение Бродского: *вечер* окружен тенью («Стая теней его окружает...» [Бродский, 1998, с. 95]), *вечер* «отвязывает вороную лошадь. И скачет дальше / на Запад» [Бродский, 1998, с. 95]. Лирический персонаж остается в кафе наедине с собой и мыслями, но вектор передвижения одинокого героя-*вечера* —

«на Запад» — совпадает с динамикой пространственных «перемещений» Бродского. Таким образом, сюжетно не связанные между собой персонажи — *вечер* и лирический повествователь-наблюдатель — обнаруживают внутреннее эмоционально-психологическое родство.

В вечерний час визуальные картины Мексики, ее архитектурный (затененный и затемненный) абрис, ничем не напоминающий то «далёко», из которого прибыл странник-«певец», только усиливают чувство одиночества и бездомья, которое окружает его и преследует, подобно теням-сброду, с «дурными манерами» и «луковым запахом» [Бродский, 1998, с. 95]. Заметим, Бродский вновь использует семантически sdвоенный образ. Если для Мексики запах лука — нередко признак готовящейся на улице еды, то для российского скитальца — это закрепленный жизненным опытом и русской литературой маркер пьянствующего «сброда», отразившегося в произведениях русской классики — от Н. Гоголя (Лука Лукич, «Ревизор») до М. Горького («В людях», «Жизнь Матвея Кожемякина» и др.). Везде бедность, нищета, пьянство, несправедливость, особенно в канун революции.

В «Мериде» «луковый запах» приземленного «никчемного сброда» с «дурными манерами», «забывшего начисто, как выглядят два песо» [Бродский, 1998, с. 95, 94], противопоставлен «длинной в черной паре фигуре» [Бродский, 1998, с. 95] элегантного *вечера*, обращенного взглядом к небу в поисках созвучного пушкинскому Вespera: «Ночь тиха, в небесном поле / Светит Вesper золотой...» [Пушкин, 1985, с. 594], вечерней звезды, согласно древней мифологии, бога приближающихся сумерек, сына Астреи. И вновь возникает мистическая стансовая переключка — между белым черепом в стихотворении «1867» и сыном богини Астреи в «Мериде», эксплицирующими и оттеняющими сакральные знаки известных религиозно-философских учений прошлого и настоящего.

В этой связи следует вспомнить о литерах *М* и *Ж*, о которых заходила речь выше. Критики предложили множество интерпретаций [Книппер, 2002; Ritas, 2003; Райнхардт, 2021], но к ним может прибавиться еще одна. Представляется, что символика подобного рода (белый череп, кости, игра света и тьмы, тени, таинственность) порождена в стихах Бродского, с одной стороны, историческим распространением религиозно-философских учений (например, масонства) с европейского континента на американский, с другой — органичной этим учениям монограммой (и собственно братством) Максимилиана I, императора Мексиканского. Именно сложная монограмма Максимилиана украшает дворцовые стены старинного дворца-крепости в Куэрनावаке и особенно выразительно выглядит на каменных воротах дворца. Монограмма состоит из sdвоенных и чуть sdвинутых относительно друг друга *М* с наложением поперх них *I* (Максимилиан *I* Мек-

сиканский). Литеры монограммы Максимилиана действительно создают впечатление символического таинственного братского знака и порождают аллюзию в том числе и к букве, зрительно близкой русской Ж. Однако у Бродского осуществляется не просто констатация, но и поэтическая семантизация конкретной детали-монограммы — наполнение ее религиозно-символическими и одновременно игровыми ментальными сущностями. В любом случае становится ясно, что обращение к буквам М и Ж в первой части дивертисмента со всей определенностью инспирировано видом именно магических настенных рельефов, что не снимает той снижающей оценочной модальности (М и Ж), о которой шла речь выше.

3.4. «В отеле “Континенталь”»: геометрия Вселенной

В стихотворении «В отеле “Континенталь”» символично-мистический дивертисмент продолжается: геометрические углы и градусы, кубы и параллелепипеды смешиваются с визуальными кругами, полукругьями, циферблатами (по упомянутой в стихе формуле $S=\pi R^2$), заставляя обратиться к «платоновской пещере» [Бродский, 1998, с. 96], к противопоставлению хаоса и космоса, сталкивая природную наивность «краснокожих ацтеков» [Бродский, 1998, с. 96] с угловатой архитектурой маленьких мексиканских городков, напоминающих лирическому герою своим геометрическим (от *Geometra*) видом абстрактную живопись художника и теософа Пита Мондриана. Примитивная кубическая архитектура современной провинциальной Мексики не просто уступает величественным пирамидам майя и ацтеков («...пирамиды, / Безупречные *геометрические* громады» [Бродский, 1998, с. 100]), но и окончательно лишает оптимизма лирического героя, захваченного мыслями об иллюзии прогресса.

Использование лексемы *победа* из «военного» вокабуляра (а пятью строками ниже и *оружье*) словно бы продолжает тему военно-оружейных столкновений, уже отрефлексированных в прежних стихах дивертисмента, и словно бы объясняет герою причину оскудения и обнищания современной Мексики. Название отеля «Континенталь», звучащее в заглавии стиха, позволяет спроецировать эту метафору на весь континент, может быть, и на мир.

Мировые проекции эксплицируются в тексте стихотворения благодаря образу «платоновской пещеры» [Бродский, 1998, с. 96]. Уже в «Мериде» визит *вечера* в кафе сопровождался образом «стаи теней» [Бродский, 1998, с. 95], как известно из трактата Платона «Государство», населяющих глубокую подземную «пещеру» человечества. В стихотворении «В отеле “Континенталь”» тени как будто бы отсутствуют, но упоминание «платоновской пещеры» реинкарнирует призраки-тени, незримо населяет ими текст.

Согласно древнегреческому философу, мир сумрачной пещеры символизирует «чувственный мир», мир повседневного — ограниченного —

опыта людей. Платон (ок. 375 г. до н. э.): «...посмотри-ка, ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры <...> разве люди что-нибудь видят, свое или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?» [Платон, 2007, с. 349]. По Платону, постижение существа истины и знания возможно только за пределами пещеры — в «мире идей», в «идеальном мире», управляемом «идеальным государем». Согласно Платону, чтобы получить истинное знание, люди должны следовать законам свободы, равенства и братства: «Право свободы, долг равенства, идеал братства» — и, как следствие, в тексте Бродского закономерно (и почти случайно) появляется ироничное именование «брат» [Бродский, 1998, с. 96], корреспондирующее с «братан» Максимилиана из «Гуернаваки», выводящее в более обширные философские сферы, сплетающие все стихи цикла в единое — внешнее и внутреннее, поверхностное и глубинное — целое.

3.5. «Мексиканский романсеро»: одиночество и бред

Грустные медитации лирического героя получают свое развитие в части «Мексиканский романсеро», по словам Бродского, написанного в пластике испанских тетраметров. Испанский жанр *romancero* (собрание романсов) создавался преимущественно восьмисложником с перекрестной ассонансной рифмовкой (с акцентированным ассонансом в каждой четвертой строке). Бродский же несколько видоизменяет испанскую романсную строфу и приводит ее к более привычной метрической строфике европейской / русской романсной традиции, приближенной к стансовым катренам. Правда, в каждом стихотворении романсеро катренов четыре, то есть строк в итоге все-таки $4 \times 4 = 16$, равное двум (почти) восьмистишиям. На этом нестрогом рифмическом фоне Бродский строго соблюдает антологический характер испанского романсеро — *сборника* романсов. В «Мексиканский романсеро» входит семь стихотворений.

Как в мезоамериканской (главным образом испаноязычной), так и в европейской поэтической практике романс — это традиционная форма любовного послания, преобладающего среди исторической, патриотической, военной, гражданской и проч. тематики. Любовь — доминирующий мотив романсной лирики. Между тем «Мексиканский романсеро» Бродского едва касается любовной темы, но продолжает развивать тему «мексиканскую». Причем звенья-связки единой циклической цепи ощутимо рельефны и выразительно акцентированы.

Начиная романсную мелодию, Бродский удерживает связь с предшествующим текстом дивертисмента: выход из «пещеры Платона» имплицитно должен был вывести к солнцу. И именно образ солнца открывает первый текст романсеро. «<...> Солнце встает с Востока, / улыбаясь лу-

каво, / а приглядишься — жестоко. // Испепеленные скалы, / почва в мертвой коросте. / Череп в его оскале! / И в лучах его — кости!» [Бродский, 1998, с. 96]. Религиозно-философская символика означенного рода — череп и кости, тайна и смерть — вновь мелькает в тексте, теперь уже будучи спроецированной на Солнце — «Череп в его оскале...» (совмещение лика Солнца и, кажется, более подходящей Луны не мешает образно мыслящему Бродскому), обеспечивая связь со стихами «1867» и «Мериды» и возвращаясь (в том числе) к судьбе Максимилиана. Проекция абриса черепа на Солнце порождает представление о недостижимости «идеальной государственности» для Мексики и шире — мира или непосредственно России, поскольку в силу вступает сказочное русское распутье-росстань: «...Направо / пойдешь — там стоит агава. / Она же — налево. Прямо — / груди ржавого хлама» [Бродский, 1998, с. 96]. Прочерченные мистическими практиками пути-дороги оказываются бесперспективными для лирического героя: ни в одну из сторон-*стран* пути нет, ни одно из направлений — направо, налево, прямо — счастливого конца не сулят.

Сакральные формы русской сказочной ментальности (в соседстве с ранее означенным мотивом лени «от Вознесенского») становятся условием обращения лирического персонажа к совершенно иной географии и иным воспоминаниям. Неожиданно выясняется, что за внешними наблюдениями над Мексикой скрывается внутренняя (*в скобках*) боль «большой любви» [Бродский, 1998, с. 98].

«Сад громоздит листву и / не выдает вас зною. / (Я не знал, что существую, / пока ты была со мною.)» [Бродский, 1998, с. 97].

Жесткий рубленый строй первых двух строк, фиксирующих реалии облика мексиканской столицы, нищего и «веселого Мехико-сити», со стилистикой лексического отбора — *громоздит, не выдает* (словно напоминающая о режимно-государственных преследованиях прошлого и настоящего), внутри графически внесенных в текст скобок переходит в совершенно иную тональность — лирически тихий и спокойный строй афористического любовного признания. Сохранив зависимость от философской максимы рационализма Рене Декарта *Cogito ergo sum*, откровение Бродского обретает форму иррационального, чувственного, безрассудного *условия* существования: «...пока ты была со мною». Прошедшее время предиката *была* дает объяснение нынешнему состоянию героя — *была*, но не *есть*. Достоверность декартовского утверждения рассыпается в прах, точнее в пепел («испепеленные» [Бродский, 1998, с. 96]).

Следующий катрен сохраняет бинарную структуру, двойственное членение, словно бы выстраивая парную параллель-противопоставление: «Площадь. Фонтан с рябою / нимфою. Скаты кровель. / (Покуда я был с тобою, /

я видел все вещи в профиль.» [Бродский, 1998, с. 97]. Внешнее — зримость архитектурного пейзажа: площадь, фонтан, крыши, видимые детали, маркированные снижением образного определения (нимфа *рябая*). Внутреннее — признание слепоты рядом с любимой (в соседних строках упоминание *слепой* силы [Бродский, 1998, с. 96]), все вещи видны только в профиль, почти неразличимы, потому что взгляд «en face» обращен только на неё.

Следующая строфа романсеро возвращает к образам уже заданных ранее в дивертисменте контрастных образов *рая* и *ада* («Гуернавака»): «Райские кущи с адом / голосов за спиною», — и разрешается риторическим вопросом: «(Кто был все время рядом, / пока ты была со мною?)» [Бродский, 1998, с. 96]. Риторический вопрос не предполагает ответа, но характер бинарного выстраивания наррации моделирует контрастную пару: кто(?) — никто. Кроме *тебя* вокруг не было никого.

Наконец, последний катрен (последнее полувосьмистишие) обеспечивает связь с геометрическими формами предшествующего стихотворения «В отеле “Континенталь”» с его квадратами, кубами, кругами, полукружьями: «Ночь с багровой луною, / как сургуч на конверте» [Бродский, 1998, с. 97]. Темный круг в углу светлого прямоугольника — очень в духе абстракций Мондриана.

И заключительное признание: «(Пока ты была со мною, / я не боялся смерти.)» [Бродский, 1998, с. 97]. В сильной заключительной позиции оказывается лексема *смерть*, которая маркирует кульминационное развитие мотива одиночества, пронизывающего весь цикл стихотворений, и его трагическое разрешение. Уже знакомые мотивы жизни-трагедии Максимилиана вновь актуализируются в тексте, смыкая образы лирических персонажей различных эпох, разных стихотворных частей цикла-дивертисмента.

Некоторые исследователи обратили внимание, что не все стихи в «Мексиканском романсеро» начинаются со слов «Вечерний Мехико-сити» или «Веселый Мехико-сити», не находя этому объяснение [Книппер, 2002; Ritas, 2003]. На наш взгляд, Бродский отчетливо размежевал в романсеро то, что связано с Мехико и что принадлежит сфере чувств его лирического героя. Поэт успешно осуществил эту дифференциацию на уровне фоновой звуковой драматургии. Стихи, связанные с образом Мехико-сити, задаются четким и резким (почти маршевым) ритмом с доминирующими ассонансами на узкие и высокие звуки [и] и [э] — тенденция формируется уже первыми словами-строками «Вечерний Мехико-сити», «Веселый Мехико-сити». Что же касается стихов, которые ориентированы на внутренний мир *героя в городе*, то его ассонансный рисунок строится с преобладанием открытых и широких [а] и [о]. В зарифмованных словах под ударением оказываются только эти звуки. Ритм шумного и динамичного большого го-

рода-сити контрастирует с медитативным погружением лирического героя в себя.

На зрительном уровне зачин «Вечерний Мехико-сити» или «Веселый Мехико-сити» маркирует вид («квадрат» или «прямоугольник») внешней картины восприятия города («Веселый Мехико-сити. Точно картина в раме...» [Бродский, 1998, с. 98]), тогда как отсутствие этой словесной формулы сигнализирует о переходе во внутренний план лирического персонажа («Что-то внутри...» [Бродский, 1998, с. 98]).

Следом за мозаичным чередованием обращения к возлюбленной и очередной картинкой «пляски» Мехико-сити [Бродский, 1998, с. 98] лирический герой романсеро отдается внутреннему вздоху-выдоху «О, Боже» [Бродский, 1998, с. 98]. Понятно, что устойчивый оборот «о, Боже» далеко не всегда носит религиозный оттенок, в позиции междометия он может быть выражением спонтанной эмоции, как здесь, и потому вызывает удивление самого лирического героя: «Произнося “о Боже”, / слышу собственный голос» [Бродский, 1998, с. 98]. Герой ощущает, что «что-то внутри, похоже, сорвалось, раскололось...» [Бродский, 1998, с. 98] — это может быть утомление жарой («правильней — жара» [Бродский, 1998, с. 98]), может быть внутренним прощанием с любимой, но может быть и поэтическим отражением или реализацией смерти, о боязни которой говорил персонаж («я [не] боялся смерти...»). Неслучайно далее в тексте возникает уже почти осмысленная молитва («мольба» [Бродский, 1998, с. 98]), обращение к Богу в звательной-молитвенной форме «Отче» [Бродский, 1998, с. 98], и эксплицируется символика христианского плана — рыбы как раннехристианский символ Иисуса. «Так, забыв рыболова, / рыба рваной губою / тщетно дергает слово» [Бродский, 1998, с. 98].

Тема бытийного (экзистенциального) одиночества (1—4 части), сомкнувшаяся с любовной темой расставания с возлюбленной (5 часть), повышает градус драматизма посредством мотива смерти и далее трансформируется в тему творчества, которая художественно закономерно возникает на пересечении болевых мотивов «Мексиканского дивертисмента». «Так страницу мараешь / ради мелкого чуда. / Так при этом зришь / на себя ниоткуда» [Бродский, 1998, с. 98]. Впечатление о Бродском-небожителе, которое сохранилось в воспоминаниях друзей и знакомых, разбивается о самовосприятие лирического персонажа, который «марание» страницы квалифицирует как «мелкое чудо», где эпитет *мелкое* содержит коннотации небрежности и даже снисходительного пренебрежения к им создаваемому.

Признаки сердечного приступа, по-видимому, переживаемого героем («что-то внутри... раскололось» — почти реализованная метафора разбитого сердца), и попытка прислушаться к боли уподобляются процессу

творчества, когда, глядя на возникающие строки, поэт словно бы «взирает на себя ниоткуда».

Для поэтически настроенного слуха наречие «ниоткуда» в текстах Бродского прочно увязано с выражением «Ниоткуда с любовью...», названием стихотворения того же 1975 года (из «Части речи»), адресованного возлюбленной и представляющего собой взволнованное и чувственное любовное послание. В тексте дивертисмента оборот «Ниоткуда с любовью...» как будто бы отсутствует, но начальное *ниоткуда* будет подхвачено следующим текстом (о влюбленной официантке и брюнете [Бродский, 1998, с. 99]) и дополнит фразеологему Бродского недостающей компонентой: «В нищей стране никто вам / вслед не смотрит *с любовью*» [Бродский, 1998, с. 99]. Концевая позиция обоих акцентированных слов задает их нестрогую связь.

То есть текст лирического признания позволяет понять, что все размышления о Мексике, о ее прошлом и настоящем, сопровождавшиеся неприятием и разочарованием, казалось, искренние и откровенные, осознанные и невыдуманные, в значительной мере объясняются одиночеством любящего сердца, столкнувшегося в незнакомой стране с узнаваемыми реалиями, напоминающими о прошедшем и ранящими своей (не)возвратимостью. Затекстовая фраза «Из России с любовью» (название знаменитого фильма по роману Я. Флеминга, 1957) актуализирует механизм переподстановки и незримо эксплицирует «отеческий» фон.

3.6. «К Евгению»: пушкинский интертекст

Следуя логике композиционного обрамления, Бродский шестую часть «Мексиканского дивертисмента» вновь (как и вторую часть, письмо Максимилиана) оформляет как эпистолярное послание: вторая и шестая части из семи главков-частей структурно-симметрично закольцовывают цикл.

Эпистолярная шестая часть названа «К Евгению». Критики высказывают предположение, что конфидентом лирического героя мог быть Евгений Рейн, поэт и друг Бродского («именно о нём идёт речь» [Райнхардт, 2021, с. 89]). Возразить сложно, но, прибегая к латентности адресации, Бродский порождает целый ряд собственно литературных, интертекстуальных аллюзий. Во-первых, уже означенная композиционная структура (7 частей-глав) наводит на мысль о такой же структуре (7 глав) в пушкинском «Евгении Онегине». Во-вторых, имя *благородного* (этимология имени) Евгения в заглавии (Евгений — «добрый мой приятель...»). В-третьих, аналогичное симметричное кольцевое расположение писем (ср.: письма Татьяны и Евгения в романе в стихах расположены тоже во второй и шестой главах). Знаменитый пятистопный ямб. Наконец, в-пятых, выделенная цитата в финале поэтической эпистолы — «на всех стихиях...» — прямо указывает

на А. Пушкина. Иными словами, завершая структурно-композиционное и идейно-смысловое оформление «Мексиканского дивертисмента», Бродский несомненно и осознанно (игрово) ориентируется на пушкинского «Евгения Онегина».

Хорошо зная русскую литературу очевидно, что сюжетный стержень романа Пушкина «Евгений Онегин» связан с путешествием (за)главного героя. Особенно если вспомнить, что часть «Путешествие Онегина» должна была составить самостоятельную главу, но по цензурным (и др.) соображениям осталась вне пределов романа в стихах. В путешествие отправляется и «скучающий» (в терминологии XIX века) одинокий персонаж Бродского: «Скушно жить, мой Евгений» [Бродский, 1998, с. 100].

Заметим, что первая часть приведенной цитаты — еще одна аллюзия на русскую классику, узнаваемая реплика из Н. Гоголя: «Скучно жить на свете, господа!» («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», NB: последняя строка VI главы [Гоголь, 1984, с. 234]).

Возвращаясь к роману Пушкина «Евгений Онегин», напомним, что его центральный герой — тип так называемого «лишнего человека». Интертекстуальная аллюзия усиливает смысловое наполнение образа лирического персонажа Бродского, его герой физически ощущает свою «лишность» (мотивы смерти, боли, одиночества, надломленности — «подломив колена» [Бродский, 1998, с. 99]). Потому итоговое суждение в главке «К Евгению» целиком созвучно Пушкину: «...Куда ни странствуй, / всюду жестокость и тупость воскликнут: “Здравствуй, / вот и мы!” Лень загонять в стихи их. / Как сказано у поэта, “на всех стихиях...” / Далеко же видел, сидя в родных болотах! / От себя добавлю: на всех широтах» [Бродский, 1998, с. 100].

Во внутренней цитате Бродского речь идет об апелляции к строке из стихотворения Пушкина «К Вяземскому» (1826): «На всех стихиях человек — / Тиран, предатель или узник» [Пушкин, 1985, с. 381]. Лирический герой Бродского не только соглашается с Пушкиным, но и добавляет — не только на всех стихиях, но и на всех широтах. Эта финальная сентенция подтверждается идейно-смысловым контентом всех ранее рассмотренных стихотворений, входящих в «Мексиканский дивертисмент». Однако ограничиться этим замечанием мало.

В русской классической традиции существовали различные произведения с обозначением имени или фамилии адресата послания, которые оформлялись в вариативных стратегиях и тактиках, см. [Богданова, 2019, с. 34–49]. Так, у Г. Державина было поэтическое послание со сходным названием — «Евгению. Жизнь Званская» (1816) с характерным началом: «Блажен, кто менее зависит от людей...» [Державин, 2002, с. 383]. Между тем Бродский воспользовался формулой «К...» (подобно «К вельможе», «К Овидию»,

«К моей чернильнице» и др.), то есть Бродскому ближе пушкинская формула — «К Вяземскому» (// «К Евгению»). И это примечательно. Дело в том, что, напомним, ранее уже заходила речь о ненормативном написании имени исторического Хуареса — Хуарец. Обратим внимание, что у Пушкина в первой же строке текста-референта «К Вяземскому» появляется слово с тем же суффиксом: «Так море, древний *душегубец*, / Воспламеняет гений твой? / Ты славил лирой золотой / Нептуна грозного трезубец. / Не славь его. <...>» [Пушкин, 1985, с. 381]. И этот теперь и пушкинский (не только революционный) суффикс *-ец* вступает в коррелятивные отношения с именованием Хуарец, то есть *душегубец*, имплицитно напоминая о роли Хуареса в трагической судьбе Максимилиана. Выявленная ранее семантическая функция использованного Бродским суффикса *-ец* затекстово прирастает, дополняется более емкой семантико-эмоциональной аксиологией.

О неназванном в тексте Пушкине лирический герой Бродского с восторгом восклицает: «Далеко же видел, сидя в родных болотах!» Между тем бродсковедам хорошо известны другие строки Бродского, автобиографические, ориентированные на него самого — «Я родился и вырос в балтийских болотах...»: «Я родился и вырос в балтийских болотах, подле / серых цинковых волн, всегда набегавших по две, / и отсюда — все рифмы, отсюда тот блеклый голос, / вьющийся между ними, как мокрый волос <...>» [Бродский, 1998, с. 131].

Если ранее в тексте дивертисмента Бродского были акцентированы связи-переключки лирического героя с образом и судьбой «бездомного» и «грустного» Максимилиана, то теперь речевая формула явно указывает на родственность Пушкину, на близость их поэтических ментальных истоков и, как следствие, поэтических суждений и представлений. То есть, повествуя о Мексике, воссоздавая экзотические особенности ее природных и архитектурных «картин», на внешнем уровне апеллируя к испано-мексиканским традициям, на подтекстовом и затекстовом уровне Бродский прочно опирается на законы и символические маркеры, связанные с Россией (=Отче / Отечество), с балтийскими болотами и классической литературной (прежде всего пушкинской) традицией.

3.7. «Заметка для энциклопедии»: Мексика и Россия

Наконец последняя — седьмая — часть «Мексиканского дивертисмента» называется «Заметка для энциклопедии», о которой Бродский говорил, что это «нормальная вещь, приводящая домой». Действительно, заключительная глава написана классическим пятистопным ямбом, как помним «онегинским», то есть действительно создана очень «по-домашнему». Между тем, например, Р. Райнхардту седьмая часть дивертисмента представляет «так называемой справкой по схеме, ежегодно подготавливаемой каждым

посольством и направляемой в центральный аппарат внешнеполитического ведомства» [Райнхардт, 2021, с. 93]. В представлении С. Туромы, «название последнего стихотворения, “Заметка для энциклопедии”, подчеркивает авторитарную позицию, занимаемую лирическим героем по отношению к прошлому и настоящему Мексики, ее истории и географии. Заглавие предвосхищает использование энциклопедического тона и стиля <...>» [Турома, 2021, с. 133]. Но позиции обоих исследователей требуют уточнения.

Как уже неоднократно отмечалось, все тексты дивертисмента Бродского изящно переплетены узелками-связками между собой (можно даже высказать суждение о близости дивертисмента Бродского классическому «венку сонетов»). Так, упоминание о географических широтах в «К Евгению» получает продолжение в энциклопедической заметке, где не столько лирический герой, сколько сам автор дает описание природно-географических просторов изображаемой страны: «Прекрасная и нищая страна. / На Западе и на Востоке — пляжи / двух океанов. Посредине — горы...» [Бродский, 1998, с. 101].

Если позволить себе допущения, подобные тем, которые реализовал в двойном коде «Мексиканского дивертисмента» Бродский, то можно легко ошибиться («перепутать»), о которой из стран идет речь, — о Мексике или о России. Не будучи названной, в «Заметке...» эта изображаемая страна может оказаться и той, и другой. Энциклопедический дискурс словно бы делокализуется.

Сравним: «Касаясь двух великих океанов, / Она лежит, раскинув города...» («Родина» К. Симонова [Симонов, 1979, с. 90]). Не помнить этих строк советский школьник Бродский не мог, а потому создание некой исходной двусмысленности (двузначности) можно считать намеренным, целенаправленно задуманным и обыгранным автором. «Посредине — горы» — может быть, Уральские (?). Прямого отождествления, понятно, не происходит, но смена поэтической перспективы вероятна и допустима. И оттого последующие размышления лирического повествователя обретают обобщенный, касающийся обеих стран характер. «Прекрасная и нищая страна...».

А если вспомнить, что В. Г. Белинский назвал роман Пушкина «Энциклопедией русской жизни», то и появление прототипического жанрового определения «Заметка для энциклопедии» у Бродского и связи «Заметки...» с «русской жизнью» становятся особенно очевидны и содержательны.

Замечание лирического героя Бродского: «История страны грустна; однако, / нельзя сказать, чтоб уникальна» [Бродский, 1998, с. 101] — подтверждает установленные пересечения-подмены Мексика/Россия. И даже «вторжение испанцев и варварское разрушение древней цивилизации ацтеков» [Бродский, 1998, с. 101] признается поэтом «местным комплексом

Золотой Орды» [Бродский, 1998, с. 101]. Упоминание же *ружья* в качестве способа «как-то легче заняться государственным устройством» [Бродский, 1998, с. 101] обрывает дополнительными коннотациями, с явной очевидностью проецируется на революционные события обеих стран.

Продолжая рассуждения о сцехах между поэтическими текстами «Мексиканского дивертисмента», в связи с «Заметкой для энциклопедии» можно обозначить еще одну корреляцию. Кольцевая композиция, актуализированная в дивертисменте, предполагает соединение начала и конца — следовательно, жанр энциклопедии в заключительной части цикла может объяснить (в качестве еще одного дополнительного варианта интерпретации) именование Максимилиана в первой части «Гуернаваки» в виде М. Помимо игровых проекций на императорскую монограмму и многоцелевое игровое пересечение *М* и *Ж*, Бродский словно бы ведет рассказ о Максимилиане в традиции нормативного словарно-энциклопедического дискурса, используя принятое словарное сокращение имен (М.).

Остается обратиться к заключительному образу «Заметки...» — образу «ящерицы на валуне», которая, «задрвав головку в небо, будет наблюдать полет космического аппарата» [Бродский, 1998, с. 102]. На наш взгляд, в рамках ранее эксплицированной нами стратегии этот образ обретает у Бродского самый обобщенный и универсально символический смысл: колесо на календаре мая пройдет свой большой цикл, и все вернется «на круги своя». Законы природного и цивилизационного мира навсегда останутся неизблевыми и изначально (экзистенциально) противопоставленными.

Надо признать, что финальный образ дивертисмента — ящерица на камне — вызвал разные интерпретации, причем достаточно противоречивые. Так, Р. Райнхардт уподобил образ ящерицы Бродского образу ужа из «Песни о соколе» М. Горького, сочтя горьковский афоризм «Рожденный ползать летать не может» ключевым в прочтении финальной сентенции поэта [Райнхардт, 2021, с. 89]. И. Романов увидел в образе «космического аппарата» символ «выхода сознания за край реальности» [Романов, 2004, с. 9]. С. Турома, глубоко ориентированная на «параллели между СССР и Мексикой», на проекции «советского опыта Бродского <...> на Мексику», оставляет образ ящерицы и космического корабля без социологического комментария, но полагает, что в этом сопоставлении ящерицы и космоса заключена «значительная доля иронии» [Турома, 2021, с. 133]. Однако, на наш взгляд, предложенные суждения серьезно ослабляют философский подтекст мексиканского цикла, для Бродского представляются слишком поверхностными и маловероятными. С нашей точки зрения, гипоним (ящерица и космический аппарат) выходит за пределы визуально-фактуальной парадигмы и возвышается до абстрагированного гиперонимического

ряда (природа — цивилизация, мир — человек, вечное — историческое и др.). Медитативные проекции собственно мексиканского пространства перерастают пределы непосредственного (географического, национального, личного) опыта, текстуальная интеракция обеспечивает смысловую — философско-поэтическую — многозначность.

4. Заключение = Conclusions

Завершая размышления о проблемном поле «Мексиканского дивертисмента» и его образно-метафорическом и структурном единстве, можно заключить, что цикл стихотворений Бродского о Мексике и о Максимилиане I Мексиканском был создан поэтом удивительно гармонично, композиционно осмысленно, поэтически интертекстуально, метатекстуально опосредованно. Каждое стихотворение цикла стоит на своем месте, обнаруживает коррелятивные связи с другими стихами единого циклического целого и последовательно (в динамичной мозаике дивертисмента) проводит присущий Бродскому философско-поэтический взгляд на природу и жизнь, на цивилизационное развитие и на государственное мироустройство, на любовь и творчество, на субъективно понимаемое одиночество, обнажая своеобразно личностное отношение к смерти. «Тема Мексики» составляет исключительно внешний план циклического повествования «Мексиканский дивертисмент», служит «неблагоприятным» (по словам поэта) поводом к ментально-медитативным путешествиям лирического героя в пространстве и времени, на Запад и на Восток, к ней и к себе.

В 1977 году «Мексиканский дивертисмент» вошел как составная часть (наряду с циклами «Письма римскому другу», «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» и «Часть речи») в сборник под названием «Часть речи» [Бродский, 1977]. По словам Л. Лосева, «Бродский ничем так не дорожил, как циклом “Часть речи”» [Лосев, 2008, с. 191]. Это обстоятельство еще раз подчеркивает художественную значимость «Мексиканского дивертисмента» в системе поэтических циклов Бродского и обнаруживает его соотнесенность с единым и цельным метатекстом художника.

Теперь если еще раз вернуться к суждениям критиков об ошибках и погрешностях, которые якобы допустил поэт в «Мексиканском дивертисменте», то станет очевидным, сколь скромны компетенции современной критической мысли и как наивно выглядят анализы подобного типа: «... погрешности можно условно разделить на две группы — формальные и содержательные. В первую группу входят неточности передачи двух топонимов (“Гуэрнавака” вместо “Куэрнавака” и “тегуанпетекский” вместо “теуанпетекский”), одного антропонима (“Хуарец” вместо “Хуарес”), а также по одному фонетическому (“скушно”) и грамматическому (“кофе”

в среднем роде) огреху. Во вторую — два культурологических анахронизма: обстоятельства возникновения танца танго и дешифровка письменности майя...» [Райнхардт, 2021, с. 94]. Как было показано выше, критики нашли и другие «ошибки» и «погрешности» в «Мексиканском дивертисменте» Бродского, однако оспаривание подобного рода критических суждений — дело неблагодарное. Лирический текст Бродского сам открывает возможности для понимания «тайнописи» и красоты идейно-музыкального дивертисмента, его стилевой полифонии и символической иерархичности. Интерпретационный дискурс поэзии Иосифа Бродского всякий раз может приумножаться, варьироваться, активизировать и дополнять глубину пытливого читательского восприятия.

Литература

1. Бекетов Р. Ф. «Родина» и «чужбина» в поэзии Иосифа Бродского (несколько замечаний к проблеме авторской аксиологии в контексте школьного преподавания курса истории русской классической литературы) / Р. Ф. Бекетов // Problems of modern education. Materials of the IX international scientific conference. — Prague : Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. — Pp. 12—17. — ISBN 978-80-7526-326-1.
2. Богданова О. В. Дедикация как стратегия и код культурного текста / О. В. Богданова // Человек. Культура. Образование. — 2019. — № 1 (31). — С. 34—49.
3. Бродский И. Часть речи. Стихотворения 1972—1976 / И. Бродский ; сост. и подг. Вл. Марамзин и Л. Лосев. — Ann Arbor : Ardis, 1977. — 113 с.
4. Бродский И. Книга интервью / И. Бродский ; сост. В. Полухина. 3-е изд. — Москва : Захаров, 2007. — 783 с. — ISBN 5-8159-0548-8.
5. Бродский И. Пересеченная местность. Путешествия с комментариями / И. Бродский ; сост. и автор послеслов. П. Вайль. — Москва : Независимая газета, 1995. — 196 с. — ISBN 5-86712-020-1.
6. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. / И. Бродский. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — Т. 3. — 312 с. — ISBN 5-89803-001-8.
7. Вознесенский А. Витражных дел мастер : стихи / А. Вознесенский. — Москва : Советский писатель, 1980. — 304 с.
8. Гаврилова Н. С. Англо-американский мир в рецепции И. Бродского : реальность, поэзия, язык : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. С. Гаврилова. — Томск, 2007. — 27 с.
9. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 8 т. / Н. В. Гоголь. — Москва : Правда, 1984. — Т. 2. — 320 с.
10. Державин Г. Р. Сочинения / Г. Р. Державин ; вст. ст., сост. и примеч. Г. Н. Ионин. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. — 712 с. — ISBN 5-7331-0152-0.
11. Книппер А. «Мексиканский дивертисмент» Иосифа Бродского : географическая интерпретация [Электронный ресурс] / А. Книппер. — 2002. — Режим доступа : http://www.researcher.ru/practice/issl_work/sh1553/kurs2002/kurs_2002-2-05.html (дата обращения 21.11.2022).
12. Кобеляцкая И. И. Проблема исторической личности в творчестве Иосифа Бродского / И. И. Кобеляцкая // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия Литературоведение. Журналистика. — 2011. — № 2. — С. 53—63.

13. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского / М. Крепс. — Анн Арбор : Ардис, 1984. — 273 с.
14. Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии / Л. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 447 с. — ISBN 978-5-235-03089-3.
15. Платон. Сочинения : в 4 т. — Санкт-Петербург : Издательство О. Абышко, 2007. — Т. 3. — Ч. 1. — 752 с. — ISBN 5-89740-157-8.
16. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 3 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Художественная литература, 1985. — Т. 1. — 735 с.
17. Райнхардт Р. О. «Мексиканский дивертисмент» Иосифа Бродского : лингвокультурологический анализ / Р. О. Райнхардт // Филологические науки в МГИМО. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 86—96. — DOI: 10.24833/2410-2423-2021-3-27-86-96.
18. Романов И. Лирический герой поэзии И. Бродского : преодоление маргинальности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. Романов. — Москва, 2004. — 16 с.
19. Симонов К. Собрание сочинений : в 10 т. / К. Симонов. — Москва : Художественная литература, 1979—1987. — Т. 1. Стихи. — 670 с.
20. Тименчик Р. «1867» (1975) / Р. Тименчик // Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе / ред.-сост. Л. Лосев и В. Полухина. — Москва : НЛЮ, 2002. — С. 100—107.
21. Турома С. Бродский за границей : империя, туризм, ностальгия / С. Турома. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 320 с. — ISBN 978-5-4448-1252-5.
22. Ritas. Гуернавака Бродского — реальность стиха и проза реальности [Электронный ресурс]. — 2003. — Режим доступа : <https://stihi.ru/2003/07/18-109> (дата обращения 24.11.2022).

References

- Beketov, R. F. (2018). "Homeland" and "foreign land" in the poetry of Joseph Brodsky (a few remarks on the problem of author's axiology in the context of school teaching of the course of the history of Russian classical literature). In: *Problems of modern education. Materials of the IX international scientific conference*. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o. 12—17. ISBN 978-80-7526-326-1. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V. (2019). Dedication as a strategy and code of a cultural text. *Human. Culture. Education, 1* (31): 34—49. (In Russ.).
- Brodsky, I. (2007). *Book of interviews*. Moscow: Zakharov. 783 p. ISBN 5-8159-0548-8. (In Russ.).
- Brodsky, I. (1977). *Part of speech. Poems 1972—1976*. Ann Arbor: Ardis. 113 p. (In Russ.).
- Brodsky, I. (1995). *Rough terrain. Travels with comments*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 196 p. ISBN 5-86712-020-1. (In Russ.).
- Brodsky, I. (1998). *The works of Joseph Brodsky: in 7 vols, 3*. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 312 p. ISBN 5-89803-001-8. (In Russ.).
- Derzhavin, G. R. (2002). *Essays*. Saint Petersburg: Academic Project. 712 p. ISBN 5-7331-0152-0. (In Russ.).
- Gavrilova, N. S. (2007). *The Anglo-American world in the reception of I. Brodsky: reality, poetry, language*. Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 27 p. (In Russ.).
- Gogol, N. V. (1984). *Collected works: in 8 volumes, 2*. Moscow: Pravda. 320 p. (In Russ.).
- Knipper, A. (2002). "Mexican divertissement" by Joseph Brodsky: geographical interpretation. Available at: http://www.researcher.ru/practice/issl_work/sh1553/kurs2002/kurs_2002-2-05.html (accessed 21.11.2022). (In Russ.).

- Kobelyatskaya, I. I. (2011). The problem of historical personality in the works of Joseph Brodsky. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. A series of Literary studies. Journalism*, 2: 53—63. (In Russ.).
- Kreps, M. (1984). *About the poetry of Joseph Brodsky*. Ann Arbor: Ardis. 273 p. (In Russ.).
- Losev, L. (2008). *Joseph Brodsky. The experience of literary biography*. Moscow: Molodaya gvardiya. 447 p. ISBN 978-5-235-03089-3. (In Russ.).
- Plato. *Essays: in 4 volumes, 1 (3)*. (2007). St. Petersburg: O. Abyshko Publishing House. 752 p. ISBN 5-89740-157-8. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1985). *Collected works: in 3 volumes, 1*. Moscow: Fiction. 735 p. (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2021). “Mexican divertissement” by Joseph Brodsky: linguoculturological analysis. *Philological sciences at MGIMO*, 7 (3): 86—96. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-3-27-86-96. (In Russ.).
- Ritas. *Brodsky's Guernavaca — the reality of verse and the prose of reality*. (2003). Available at: <https://stihi.ru/2003/07/18-109> (accessed 24.11.2022). (In Russ.).
- Romanov, I. (2004). *The lyrical hero of I. Brodsky's poetry: overcoming marginality*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 16 p. (In Russ.).
- Simonov, K. (1979—1987). *Collected works: in 10 volumes, 1. Poems*. Moscow: Fiction. 670 p. (In Russ.).
- Timenchik, R. (2002). “1867” (1975). In: *How Brodsky's poem works. From the studies of Slavists in the West*. Moscow: UFO. 100—107. (In Russ.).
- Turoma, S. (2021). *Brodsky abroad: empire, tourism, nostalgia*. Moscow: New Literary Review. 320 p. ISBN 978-5-4448-1252-5. (In Russ.).
- Voznesensky, A. (1980). *Stained glass master: poems*. Moscow: Soviet Writer. 304 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.10.2022,
одобрена после рецензирования 06.01.2023,
подготовлена к публикации 28.01.2023.



Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Борунов А. Б. Игровые стратегии как принцип создания сверткестового единства в творчестве Б. Акунина / А. Б. Борунов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 213—231. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-213-231.

Borunov, A. B. (2023). Game Strategies as a Principle of Creating Supertext Unity in Work of B. Akunin. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 213-231. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-213-231. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-213-231

Игровые стратегии как принцип создания сверткестового единства в творчестве Б. Акунина

Борунов Артем Борисович
orcid.org/0000-0003-2507-7218
кандидат филологических наук,
докторант кафедры истории
журналистики и литературы
borunov.artem@yandex.ru

Московский университет
имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

Game Strategies as a Principle of Creating Supertext Unity in Work of B. Akunin

Artem B. Borunov
orcid.org/0000-0003-2507-7218
PhD in Philology,
Doctoral degree seeker
of the Department of History
of Journalism and Literature
borunov.artem@yandex.ru

A. S. Griboyedov Moscow University
(Moscow, Russia)

© Борунов А. Б., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена стратегиям создания Борисом Акуниным прозаического сверхцикла посредством обращения к технике игры как сквозного циклообразующего принципа. Актуальность предложенного анализа обусловлена тем, что потенциал создания принципов создания сверхтекстового единства требует дополнительного исследования в отечественном литературоведении, так как в современной литературе ряд авторов прибегает именно к этой модели компоновки своих произведений (помимо Акунина, это, например, Пелевин, Рубина, Водолазкин и пр.). Новизна исследования обусловлена изучением того, как произведения «фандоринского корпуса» объединяются в сверхтекстовую целостность в силу ряда игровых тактик, в том числе и тактики энигматически-игрового диалога с читателем. Классический канон детектива, заданный авторами XIX столетия, предполагает игру с читателем, основанную на вычислении преступника, и эта игра носит герметичный характер. Акунин, эксплицитно отсылая в аннотациях к серии «Новый детектив» к XIX столетию, в тексте детектива размыкает систему игры, предлагая читателю по желанию вступить в интерактивный квест. Этот же принцип используется и в других произведениях «фандоринского корпуса».

Ключевые слова:

игровые тактики; фандоринский корпус; метацикл; детектив; Акунин; квест.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the strategies for creating a prosaic super-cycle by Boris Akunin by referring to the technique of the game as a through cycle-forming principle. The relevance of the proposed analysis is due to the fact that the potential for creating principles for creating supertextual unity requires additional research in Russian literary criticism, since in modern literature a number of authors resort to this particular model of arranging their works (in addition to Akunin, these are, for example, Pelevin, Rubina, Vodolazkin, etc.). The novelty of the study is due to the research of how the works of the “Fandorin corpus” are combined into a supertext integrity due to a number of game tactics, including the tactics of an enigmatic-game dialogue with the reader. The classic canon of the detective, set by 19th-century authors, involves a game with the reader based on the calculation of the criminal, and this game is hermetic. Akunin, explicitly referring to the 19th century in the annotations to the New Detective series, opens the game system in the text of the detective story, offering the reader to enter an interactive quest at will. The same principle is used in other works of the “Fandorin corpus”.

Key words:

game tactics; fandorin corpus; metacycle; detective; Akunin; quest.

Игровые стратегии как принцип создания сверхтекстового единства в творчестве Б. Акунина

© Борунов А. Б., 2023

1. Введение = Introduction

Цель данной статьи — уточнение функций игровой установки в процессе объединения сверхтекста на основе выявления некоторых ранее не обнаруженных имплицитных координат создания сверхтекста, объединяющих романы о Фандорине в циклическое единство. Это подразумевает решение таких задач, как вычленение в текстах «фандоринского корпуса» элементов постмодернистской игры с читателем, указание на потенциальные ключевые моменты интерактивного квеста и осмысление принципов взаимодействия квестовых практик из одного текста с другими текстами как того же автора, так и других писателей.

Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена большим интересом среди отечественных литературоведов к принципам формирования сверхциклов. В новейшей русской литературе именно Б. Акунину принадлежит наиболее разветвленный и обширный текст-сверхцикл, что ставит вопрос о необходимости изучения стратегий циклизации и цементирования разножанровых текстов в единое целое.

В эпоху постмодерна развиваются разнообразные медиа, включающие в себя компьютерные технологии, и это не может не влиять на некоторые художественные стратегии. Литература обращается к языку медиа, и возникает формат проникновения принципов компьютерной игры в плоскость порождения и восприятия текста. В частности, это порождает жанр текстового квеста, который в «фандориане» превращается в смысловое развитие детективного жанра. Основой детектива является поиск (преступника, доказательств и пр.), а принцип компьютерного квеста, эксплицитно обозначаемый Акуниным в качестве жанра (роман «Квест»), являет собой не просто поиск, но некое компилирование реальности, которая для каждого игрока будет отличаться.

В романе «Квест» читателю несколько раз предлагается выбрать из трех вариантов (например, какую пробирку открыть), и только один выбор предполагает, что главный герой будет жить дальше. При выборе любого из двух остальных вариантов он умирает. В компьютерной игре при выборе неверного варианта герой погиб бы, игра прекратилась, и игроку пришлось бы перепроходить игру заново, вновь дойти до момента выбора и принять другое

решение. Текстовый квест позволяет продолжить читать далее, мысленно отрефлексировав тот факт, что главный герой мог умереть при неверном выборе. Также текстовый формат позволяет вовсе не задумываться над выбором, линейно воспринимая текст и игнорируя моменты выбора необходимой пробы или другого артефакта, — сюжет в любом случае развивается далее. Соответственно, этот принцип «добровольной игры в квест», по нашей гипотезе, интегрирован и в другие произведения «фандоринского корпуса».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Б. Акунин (Г. Ш. Чхартишвили) является создателем обширного корпуса произведений, тематически и концептуально связанных личностью главного героя — Эраста Фандорина, его предков, потомков и отдаленных родственников. По состоянию на декабрь 2022 года сверхцикл включает в себя 13 романов, 6 повестей, 1 пьесу и 9 рассказов о приключениях самого Эраста Фандорина (серия «Новый детектив»), цикл «Приключения магистра», состоящий из 4 романов, где действуют предки и потомки Фандорина, а также 5 произведений, объединенных в проект «Жанры». В разрозненных «Жанрах» представлено 5 произведений, однако, по авторской задумке, этот цикл должен был включать в себя «“чистые” образцы разных жанров беллетристики, причём каждая из книг носит название соответствующего жанра. Первый залп — три книги, которые поступят в продажу в феврале 2004 года с интервалом в одну неделю. 4 февраля выйдет “Детская книга”, 11 февраля — “Шпионский роман”, 18 февраля — “Фантастика”. В дальнейших планах — “Семейная сага”, “Производственный роман”, “Страшная книжка”, “Женский роман” и т. д.» [Акунин, 2004].

В итоге на сегодняшний день «фандоринский корпус» включает в себя 38 разножанровых произведений, в которых, помимо связанной персонажной системы — представителей разветвленного родословного древа Фандориных, выделяются также циклообразующие мотивы и принципы.

Исследователи творчества Б. Акунина выделяют в качестве циклообразующих принципов отсылку к традициям классического детектива [Кихней и др., 2017, с. 609] [Герейханова, 2017, с. 182], специфическую организацию гипертекста [Трускова, 2012, с. 20], особую организацию совокупности жанров текста [Казачкова, 2015, с. 4], отсылку к национально-культурным пластам [Афанасьева, 2019], интертекстуальность [Калганова и др., 2014], принцип игры [Снигирева и др., 2017, с. 163]. В последнем случае выделяются два вида игры, разделяемые за счет англоязычных терминов *play* и *game*: «Внешне играя по выверенным правилам масскульта, *game*, то есть играя по чужим правилам, которым сопутствуют понятия соревновательный, спортивный, успешный, Б. Акунин постоянно уходит

в поле игры по своим законам, play, то есть играет уже по правилам, которые сопрягаются с иными понятиями — художественный, театральный, талантливый» [Там же, с. 163]. Развитием игровой стратегии является принцип поиска — квеста: активной игры, предполагающей самостоятельный поиск ответов на поставленные ведущим игры вопросы.

Ключевым понятием для данного исследования является принцип квеста, понимаемый как приглашение читателя к активному поиску затекстовой информации. Эксплицитно этот формат реализован Б. Акуниным в романе «Ф. М.»: писатель предлагал читателям найти перстень, разгадав загадки, помещенные в тексте романа: «В тексте “Ф. М.” автор одну из загадок оставил неразгаданной и предложил это сделать читателям. Тот, кто справится с ребусом, в награду должен был получить старинный золотой “Перстень Порфирия Петровича” с бриллиантом в четыре карата» [Широкова, 2006]. В данном случае принцип квеста используется как конструирование дополненной реальности: границы текста размыкаются, и читателям предлагается найти реально существующий артефакт (впрочем, загадка не была разгадана, и автор сам разъяснил ее спустя оговоренное время [Орлова, 2006]).

Квесты подобного типа, предполагающие моделирование виртуальной затекстовой реальности, возникают и в других произведениях «фандоринского корпуса», при этом особенного внимания, как представляется, заслуживает тот случай, когда квест остается в плоскости восприятия текста, не переводясь в реальные внетекстовые действия. Акунин предлагает читателю «поиграть в детектива», восстановить, в частности, пробелы в литературной биографии главного героя. Основная рецептивная драма в данном случае разворачивается не в сюжете, а в читательском сознании.

Квест, таким образом, рассматривается как жанрообразующая стратегия, задающая композиционное членение текста (что эксплицитно обозначено автором «фандоринского корпуса» — роман «Квест» включается в цикл «Жанры» (наряду со «Шпионским романом», «Детской книгой»), следовательно, позиционируется как жанр). При этом данное членение, которое задает квест, может быть внешним (деление произведения на две части, вопросы / ответы в раме текста) и внутренним — смысловая архитектоника, сама организация подтекста. Предметное поле статьи включает как внешнее, так и внутреннее понятие квеста.

При изучении жанрового и внутритекстового принципа квеста как объединяющего для сверхцикла произведений были использованы следующие методы:

— социокультурный метод: использованные в тексте повести «Парус одинокий» даты рассматриваются в контексте мировой и отечественной

истории и культуры, установлены их соответствия событиям, коррелирующим с реалиями «вселенной Фандорина»;

— сравнительно-исторический метод: реализация принципа интерактивной игры с читателем сопоставляется на материале разных произведений, входящих в «фандоринский корпус»;

— метод структурно-семантического анализа: в текстах выделены имплицитные и эксплицитные средства обеспечения игры с читателем и межтекстового диалога как внутри «вселенной Фандорина», так и за ее пределами.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эксплицитно обозначенный принцип «квеста» в произведениях о потомках Фандорина

В состав проекта «Жанры», в текстах которого главные герои являются предками или потомками Фандорина, входит произведение, озаглавленное «Квест», включающее в себя вопросы, задаваемые читателю. Когда главный герой, Гальтон Норд (фамилия которого, как и фамилии *Дорн*, *Дронов* и подобные, указывает на его косвенное родство с семейством Фандориных), оказывается перед выбором, читателю предлагается три варианта дальнейших действий героя, только один из которых является правильным. Отсылая к традиции русских сказок и надписи на камне, находящемся на распутье («направо пойдешь — ..., налево пойдешь — ..., прямо пойдешь — ...»), Акунин в то же время превращает текст в подобие игры-стратегии, в которой при выборе одного из двух неверных вариантов игра заканчивается, а при выборе единственного верного приключения героя продолжают дальше. При этом в «Квесте» принцип «квеста» находится на поверхности, он очевиден, а в других произведениях «фандоринского корпуса» — скрыт и подсказки необходимо искать. Автор вступает в игру с проницательным читателем, который может принимать подсказки и «проходить» по предлагаемым вариантам, а может игнорировать их и продолжать читать текст как обыкновенное произведение.

Принцип квеста находит на страницах «фандоринского корпуса» эксплицитное и имплицитное воплощение. К эксплицитному следует отнести не только роман «Квест», но и роман «Внеклассное чтение» из цикла «Приключения магистра». Во «Внеклассном чтении» главный герой Николас Фандорин (внук Эраста Петровича Фандорина) в свободное время сочиняет игру-квест из жизни своего предка, Даниила Ларионовича Фандорина, причем, судя по введенным в текст описаниям проекта игры, ее дизайн и функциональность мало отличны от текстовой версии «Квеста»: отсканированные портреты и изображения и ответы на вопросы-загадки:

... в эту самую минуту решалась судьба Данилы Фондорина. Сумеет ли юный сержант Семеновского полка попасть в камер-секретари к супруге наследника престола, будущей великой императрице. Для этого нужно было пройти испытание — разгадать хитроумную загадку, предложенную Екатериной Алексеевной. При неудаче Данила попадал на гауптвахту, откуда не так-то просто выбраться, а играющий терял очки и время <...>

Ах, если б получше разбираться в программировании, да иметь высококлассную аппаратуру, тогда можно было бы создать полноценную игру с анимацией и умопомрачительными эффектами, а так приходилось довольствоваться чем-то вроде диафильма [Акунин, 2015, с. 20].

Значительно более интересным в контексте настоящего исследования являются «скрытые» квесты, изучению одного из которых посвящена статья. Такие квесты являются приглашением читателя к моделированию дополненной реальности, «внесценических» дел Фондорина.

3.2. Игра с читателем в «фондоринском корпусе» как отсылка к традициям классического детектива

Жанр детектива, ставший стартовой точкой для создания метацикла об Эрасте Фондорине и связанных персонажах, основан на игре с читателем. Начиная с первых детективных рассказов Эдгара По, сложился канон создания текста: читателю предъявляется загадочное преступление, которое сыщик расследует постепенно, приоткрывая и узнавая различные факты. Сам интерес к детективным произведениям обусловлен, в частности, попытками определить преступника, оказаться сообразительнее и умнее литературного героя — сыщика (см. [Бавин, 1991; Вольский, 2006; Кириленко, 2009]). В этом отношении классические детективы Конан Дойля, Честертона, Кристи выработали определенный жанровый канон: репрезентация преступления, описание хода расследования и финальная сцена, в которой сыщик, как правило, собирает вместе всех подозреваемых и рассказывает им, кто является преступником.

В «фондоринском корпусе» при многочисленных отсылках к канону классического английского детектива (см. [Гереиханова, 2017; Метелищев, 2002; Осьмухина, 2013; Казачкова, 2015]), периодически присутствует и финальная сцена с реконструкцией хода расследования и идентификацией преступника — например, в романах «Любовник Смерти», «Весь мир — театр» и т. д. Однако Б. Акунин не останавливается на этом виде игры с читателем, а разрабатывает игру-квест, предполагающую непосредственное участие читателя в судьбе героя.

Так, например, рассказ «Table-talk 1882 года» первоначально был опубликован до половины, а затем читателю предлагалось продолжить текст

самостоятельно — угадать, чем именно закончилось расследование [Курицын, 2000]. Роман «Ф. М.» из серии «Приключения магистра» предполагал игру с поиском клада: в стихотворной подсказке было зашифровано местонахождение перстня, который никто из читателей не смог обнаружить [Орлова, 2006]. Эти игры с читателем были предприняты в 2000 и в 2006 году соответственно. Публикуя в 2015 году сборник «Планета Вода», Акунин, по нашему мнению, выходит на новый уровень игры: это путешествие по различным уровням текста, в том числе проникновение в гипотетические хронологические пробелы биографии главного героя.

3.3. Повесть «Парус одинокий» как ключ к межтекстовым связям

Прежде всего отметим, что в составе книги «Планета Вода» публикуется произведение, выстраивающее межтекстовые связи с другим циклом Б. Акунина — «Провинциальный детектив». В этот цикл входят три романа о монахине Пелагии, расследующей загадочные преступления в городе Заволжске. Несмотря на примерную синхронность во времени действия (вторая половина XIX века), два цикла — «Новый детектив» и «Провинциальный детектив» — не имеют общих персонажей и пересекаются только в одной точке: в повести «Парус одинокий». При осмотре кельи Февронии Эраст Петрович обращает внимание на две фотографии:

Задержался только у стены, к которой были прикреплены две фотографии.

Какой-то длиннородый архиерей и очкастая монашка. Вероятно, умершие — под каждым снимком по оплывшей свечке. Эти неизвестные Эрасту Петровичу люди для нее что-то значили [Акунин, 2021, с. 328].

Любитель текстов Акунина, безусловно, опознает в «длиннородом архиерее и очкастой монашке» главных героев «Провинциального детектива». Однако эта краткая фраза, связывающая между собой два цикла в макротекстовое единство, — не единственная подсказка для читателя, заложенная в текст повести.

По сюжету повести, Фандорин расследует убийство игуменьи Февронии — в миру Ангелины Крашенинниковой, девушки, которая некоторое время проживала с ним вместе (упоминается в рассказе «Скарпея Баскаковых» и повести «Декоратор»). В «Декораторе» герои расстаются, и Ангелина уходит в монастырь, приняв имя *Феврония* (имя *Феврония* связывается со святыми Петром и Февронией — предыдущий квест, задуманный в «Ф. М.», был основан именно на использовании имени *Петр*).

Интересно, что во «Внеклассном чтении» в качестве сюжета для компьютерного квеста об Эрасте Петровиче Фандорине используется именно столкновение Фандорина с Джеком-Потрошителем, легшее в основу сюжета «Декоратора». И принципиальное расхождение по вопросу сюжета

квеста у Николаса Фандорина и его ученицы возникает именно по вопросу участи Потрошителя: «как раз перед ужином у Николаса произошел ожесточенный спор с Мирой — как должен поступить Эраст Фандорин, если ему удастся изловить это чудовище. По мнению губернатора, несчастного психопата следовало поместить в тюремную больницу, чтобы врачи попробовали исцелить его больную душу. Именно так бы и сделал Эраст Петрович, который, будучи защитником правопорядка и человеком истинно цивилизованным, свято верил в то, что слово эффективнее насилия. Мира же о подобном исходе не желала и слышать. «Наш Эраст нашел бы эту гадину и прикончил» [Акунин, 2015, с. 288].

«Внеклассное чтение» было впервые опубликовано в 2003 году, спустя 4 года после первой публикации «Декоратора» (1999). Соответственно, читатель, знакомый с «фандорианой», при прочтении этого фрагмента уже знает, что в «Декораторе» Эраст действительно «прикончил гадину», а Ангелина Крашенинникова как раз выступала за помещение Джека-Потрошителя в больницу. После убийства Фандориным Потрошителя Ангелина покидает Эраста Петровича, и следующее ее упоминание в «фандоринском цикле» — только в «Парусе одиноким». Фрагмент из «Внеклассного чтения» содержит намек для читателя, что квестовый принцип заложен не только в сам роман «Квест», но и в произведения, связанные с Джеком Потрошителем. Небольшая повесть «Парус одинокий» становится своеобразной «точкой сборки» нескольких циклов автора и одновременно ключом к скрытым от глаз читателя расследованиям Фандорина. Помимо этого, «Парус одинокий» отсылает к известному стихотворению М. Ю. Лермонтова, задействуя характерные для «Нового детектива» и «Провинциального детектива» интертекстуальные связи с классической русской литературой.

3.4. Скрытая биография главного героя: вехи для самостоятельного расследования читателя

Приглашением к добровольному «прохождению квеста» представляется следующий момент в «Парусе одиноким». В сундучке Февронии, где грабитель надеялся найти драгоценное демидовское распятие, находятся многочисленные записки с молениями за раба Божьего Эраста. В финальной сцене Эраст Петрович достает наугад четыре записки, на которых проставлены следующие даты: 31 августа 1893, 11 января 1901 года, 1 марта 1895 года и 20 октября 1904 года. Начало всех записок идентично: «Боже Милосердный, сохрани и защити не верующего в Тебя раба Твоего Эраста. Убереги его от опасности» [Акунин, 2021, с. 328].

Продолжение различается: каждый раз Ангелина-Феврония молится о различных вещах: «31 августа 1893 — Дай ему силы не затвердеть в своей силе и не ожесточиться душой».

«11 января 1901 года. — Дай ему веру и избави от одиночества».

«1 марта 1895 года. — Дай ему радостей и избави от горестей».

«20 октября 1904 года. — Дай ему телесного здоровья и душевной крепости» [Акунин, 2021, с. 328].

Записок, как отмечает рассказчик, несколько тысяч, и эксплицитно названные даты не могут быть подобранными случайно: в мире «фандоринского корпуса» даты приобретают чрезвычайную важность. Так, например, в «Декораторе» разгадка найдена именно благодаря датировке преступлений и соотнесению европейского (нового) и российского (старого) стиля датировки, в «Коронации» все действия персонажей также обозначены по дням с четкой привязкой к дате коронации Николая II, в «Планете Вода» действия героев также снабжены датировкой.

Прежде всего в глаза бросается следующий факт: ни одна из дат, упомянутых в тексте «Паруса одинокого», не относится к какому-либо известному делу с участием Эраста Петровича. «Новый детектив» излагает биографию протагониста дискретно, не обо всех его делах читателю известно, в хронологии присутствуют значительные пробелы. Все моменты, которые отмечены вынутыми Фандориным из сундука записками, не освещены в текстах «Нового детектива», и если читатель задастся вопросом, в какой же конкретной опасной ситуации Феврония помогла Фандорину своей молитвой, он обнаружит, что в текстах цикла такие моменты эксплицитно не описаны.

Так, 1893 год приходится на хронологический пробел между «Чаепитием в Бристоле» (1891), действие которого происходит перед отплытием Эраста Петровича в Америку, и «Долиной мечты» (1894), действие которой происходит уже в США. Во многих произведениях упоминается, что Эраст Петрович в США окончил Массачусетский технологический институт в качестве вольнослушателя — в августе 1893 он мог пребывать там, но никаких рассказов и повестей об этом периоде его жизни нет.

1 марта 1895 года приходится на период между деятельностью в США и прибытием в Россию для расследования дел доктора Линда («Коронация, или последний из романов», действие которой относится к 1896 году). Можно предположить, что в 1895 году Фандорин продолжает пребывать в Америке.

11 января 1901 года — период между расследованием в Бретани («Узница башни», время действия — последний день XIX века) и временем действия повести «Планета Вода» (1903 год). Из «Планеты Воды» известно, что событиям повести предшествовали интенсивные исследования в области подводного плавания и физические упражнения, но точных све-

дений о месте пребывания Эраста Петровича в 1901 году в текстах Акунина нет.

Наконец, 20 октября 1904 года — дата, приходящаяся на период между «Планетой Водой» (1903) и непосредственно «Парусом одиноким» (1906). Из «Паруса одинокого» читатель узнает, что поиски затонувших кораблей с сокровищами увенчались успехом, Эраст Петрович разбогател и поселился в Париже, где его и настигла новость о смерти игуменьи Февронии. Как отмечает автор: «Эраст Петрович перемещался из Москвы в Америку, из Петербурга в южные моря, из Лондона в Константинополь» [Акунин, 2021, с. 328].

Таким образом, все четыре даты на вынутых из сундука «наугад» записках относятся к периодам пребывания Эраста Петровича за границей. На наш взгляд, они относятся к не освещенным в текстах «фандорианы» гипотетических делах Фандорина, на которые в различных текстах корпуса присутствуют только намеки.

Упоминание о расследованиях, которые еще не описаны в отдельном тексте, также входит в традицию классического детектива. Это, например, характерно для образа Холмса — его биограф доктор Ватсон неоднократно говорит о делах, которые пока не описаны и еще ждут своего часа. Этот же мотив встречается и в текстах об Эрколе Пуаро, биограф которого капитан Гастингс также упоминает о других интересных, но пока не освещенных расследованиях.

Упомянутые, но не описанные расследования, таким образом, становятся важной частью образа сыщика в классическом детективе и выступают связующим звеном с традицией Артура Конан Дойля, Агаты Кристи и других признанных мастеров жанра. В то же время Акунин идет дальше: используя принцип квеста, он рассчитывает на то, что внимательный читатель заинтересуется указанными датами и попробует с помощью интернета установить, что именно происходило в мире в указанные дни.

Вынимая записки из сундука, Эраст Петрович берет их не в хронологическом порядке. Первые две записки относятся к 31 августа 1893 и 11 января 1901 года. Если вбить эти даты в поисковую систему в интернете, можно обнаружить следующие: этими днями датированы письма А. П. Чехова к В. М. Лаврову и О. Л. Книппер. В обоих случаях речь идет о пропавшем и найденном тексте.

Дата 31 августа (12 сентября) 1893 года относится к письму А. П. Чехова В. М. Лаврову: «Дорогой Вукол Михайлович, отиски давно уже получил, но не посылаю их, потому что хочу сам привезти» [Чехов, 1974].

Это суждение является ответом на слова Лаврова из предыдущего письма: «Мы отправили Вам недели две тому назад 3 экз. “Сахалина”. Неужели бандероль пропала? На всякий случай я приказал оттиснуть еще,

так что если Ваш брат придет в редакцию в субботу, то всё будет готово» [Чехов, 1974].

11 (24) января 1901 года подписано письмо Чехова Ольге Книппер, в котором он переживает из-за того, что переписка нерегулярна: «Жестокая, свирепая женщина, сто лет прошло, как от тебя нет писем. Что это значит? Теперь письма доставляются мне аккуратно, и если я их не получаю, то виновата в этом только ты одна, моя неверная» [Переписка Чехова и Книппер ..., 2004].

11 января в 01-00 О. Л. Книппер пишет письмо Чехову и также переживает об утерянной переписке: «Дорогой мой, родной мой, ты жалуешься все, что не получаешь писем, но ведь я писала все время или каждый день, или через 2 дня! За что ты на меня ворчишь?» [Там же, 2004].

Эта тема поднята и в ее ответе от 15 января 1901: «В последних твоих письмах, дорогой мой, все жалоба и негодование на меня, что я не пишу. Повторяю тебе еще раз, что больше двух дней я не пропускала, даже, кажется, больше одного дня. Не понимаю, куда попадают мои письма — опять к какому-нибудь господину, верно. Адрес пишу полный <...>

Антончик, ну куда же деваются мои письма? Меня это мучает. Не брани ты меня, я тебе так часто пишу, родной мой» [Там же, 2004].

Видимо, после получения этого письма Чехов 17 (29) января упоминает, что проблема с пропадающими письмами решена: «Дуся моя, не беспокойся, твои письма я получаю аккуратно и готов держать пари, что ни одно не пропало» [Там же, 2004].

О. Л. Книппер-Чехова упоминается в романе «Весь мир театр». Она обращается к Фандорину с просьбой расследовать проблемы ее подружки-актрисы и упоминает о поиске и обретении рукописи Чехова: «Умоляю вас ради всего, что нас связывает: выясните, в чем там дело. Для вас это пустяк, вы ведь мастер разгадывать тайны. Как гениально отыскивали вы пропавшую рукопись Антона Павловича! — напомнила она Фандорину об истории, с которой началось их знакомство» [Акунин, 2015, с. 432].

Таким образом, первые две даты, проставленные на записках Февронии, отсылают к не описанному автором расследованию — поиску пропавшей рукописи А. П. Чехова.

Две других даты — 13 марта 1895 и 20 октября 1904 — связаны с событиями совершенно иного типа: это даты крупных техногенных катастроф, которые могут непосредственно пересекаться с деятельностью Эраста Петровича как увлеченного инженера и изобретателя.

13 марта 1895 года (01 марта 1895 года) — это дата чудовищного пожара на Пятой авеню, в лаборатории Николы Теслы. Пожар уничтожил приборы и записи ученого, который, впрочем, не пал духом, а восстано-

вил по памяти все пропавшее и быстро продолжил работу: «Утро 13 марта 1895 года. Еще не наступил час прихода служащих в лабораторию на Пятой авеню, и Тесла, по обыкновению закончивший рабочий день на рассвете, только что вернулся к себе в отель, когда по городу разнеслась ужасная весть: огромный дом, в котором помещалась лаборатория изобретателя, объят пламенем. ... Пожар не только уничтожил все результаты многолетних трудов, но и разорил ученого, не застраховавшего свое имущество. В огне погибли также письма сестры и бюст матери, всегда стоявший на столе в рабочем кабинете Николы Теслы <...>

По городу распространился слух, порожденный широко известной борьбой двух изобретателей. Причиной пожара называли поджог, совершенный якобы подкупленными Эдисоном сотрудниками лаборатории Теслы» [Пожар на Пятой авеню].

Историческое событие имеет несомненную детективную подоплеку: пребывавший в указанный период в Америке и сотрудничавший с агентством Пинкертона (что упоминается в «Долине мечты») Эраст Петрович Фандорин мог принимать непосредственное участие как в расследовании инцидента, так и в восстановлении чертежей и приборов ученого — его интерес к техническим новинкам упоминается в «Любовнике смерти» и «Планете Воде». Помимо этого, из «Коронации» известно, что Фандорин противостоял доктору Линду в Нью-Йорке и доктор прибежал к разнообразным преступлениям с целью стать величайшим преступником мира. Поджог лаборатории великого изобретателя, на несколько десятков лет отбрасывающий человечество назад на пути прогресса, — вполне представимое преступление величайшего преступника.

Еще одна дата из перечня связана не только с крупной катастрофой, но и с событиями русско-японской войны, которая упоминается в «Алмазной колеснице» и в самой повести «Парус одинокий». «20 октября (3 ноября) 1904 года затоплен миноносец “Расторопный”, оказавшийся в блокаде японских судов в порту Чифу.

По решению собрания флагманов в ночь со 2 на 3 ноября в Чифу был послан миноносец “Расторопный” под командованием лейт. Плена и имея на борту морского врача Штернберга с депешами и донесениями в адрес русского командования. Успешно миновал японскую блокаду, к рассвету 3 ноября 1904 года “Расторопный” к 6 час. 3 мин. подошел к Чифу и встал на якорь к востоку от Консульской горки.

Передав документы и не имея возможности вернуться в Артур, так как у выхода из Чифу его уже ожидали два японских крейсера и миноносцы, а также во избежание захвата корабля, как это было с миноносцем “Реши-тельный”, лейт. Плен решил взорвать корабль: в 7 час. вечера были откры-

ты кингстоны и одновременно произведены взрывы 5 подрывных патронов в разных местах. Миноносец затонул на глубине 16 футов» [Ведерников].

За год до этого в 1903 году Эраст Петрович находится на острове Тенерифе («Планета Вода») и активно занимается подводным плаванием на субмарине, осваивает навыки водолаза и механика. «Планета Вода» заканчивается затоплением подводного города и бегством команды — новую Атлантиду постигает практически та же судьба, что и миноносец «Расторопный». Сведений о деятельности Эраста Петровича в 1904 году нет, из «Паруса одинокого» косвенно явствует, что он продолжал подводные работы, так как ему в итоге удалось обнаружить сокровища затонувшего галеона. В 1905 году Фандорин расследует дело о взрывах на железной дороге, выполненных японским агентом («Алмазная колесница»), причем упоминается о том, что Маса на время боевых действий выдает себя за китайца и старается держать нейтралитет, не помогая господину в его действиях против Японии. В 1906 году Маса как представитель враждебной державы обрекает себя на добровольное заточение и не принимает участия в расследовании смерти Ангелины-Февронии. Не случайно в записке от 20 октября 1904 года Ангелина просит дать Эрасту Петровичу душевной крепости, намекая на его возможное участие в конфликте с дорогой его сердцу страной — Японией.

Таким образом, в «Парусе одиоком» присутствуют отсылки к «внесценической» деятельности Фандорина: даты обнаруженных в сундуке записок отсылают к связи Фандорина с А. П. Чеховым, вскользь упомянутой в «Весь мир театр», и к участию Фандорина в расследовании техногенных катастроф. Сама повесть «Парус одинокий» опубликована после всех произведений, отсылки к которым в ней содержатся, но хронологически события «Паруса одинокого» предшествуют событиям романа «Весь мир театр», отражающего уже реалии 1911 года.

4. Заключение = Conclusions

Б. Акунин в своих произведениях об Эрасте Фандорине и в других проектах ищет новые формы игры с читателем. Варианты интерактивной игры с реально существующим объектом в качестве награды (роман «Ф. М.») оказались чересчур сложными для читателя: найти зарытый клад не удалось никому. В ряде произведений (включая новейший роман «Сулажин», обозначенный автором как «книга-осьминог») вариант игры-квеста организован с помощью переходов по тексту не в хронологическом, а в заданном автором порядке. В определенные моменты читателю предлагается выбрать ответ на вопрос и в зависимости от выбранного варианта перейти к указанному фрагменту текста.

Б. Акунин также задумывает и воплощает игры, требующие от читателя инициативы. В 2007—2012 годах Г. Ш. Чхартисвили выпустил ряд книг под псевдонимами Анна Борисова и Анатолий Брусникин (инициалы зеркально отражают инициалы его наиболее распространенного псевдонима — Борис Акунин), и после многочисленных суждений читателей и критиков, которые обнаруживали сходство приемов, стилистики и сюжетов книг трех авторов, признался в своем авторстве книг Борисовой и Брусникина. Знаковым моментом в данном случае является отсутствие явных подсказок, как в «Квесте» и «Ф. М.» — читателю предлагалось догадаться самому. В этом отношении особенно важны упоминаемые в текстах, но не описанные подробно расследования Фандорина: они «закрыты» для невнимательного читателя, а для внимательного и заинтересованного приоткрываются, как уровни компьютерной игры.

На инициативного и внимательного читателя рассчитаны также дискретные сведения о биографии главного героя «фандоринского корпуса» — Эраста Петровича Фандорина. Описанные расследования Фандорина разделены большими промежутками времени, сведения о которых в текстах отрывочны. Упомянутые в тексте повести «Парус одинокий» даты позволяют с помощью привлечения сведений из истории и литературы предположить, какие именно расследования проводил Э. П. Фандорин в указанные периоды. Установленные корреляции подтверждаются другими текстами «фандоринского корпуса». При этом игровая стратегия, предполагающая инициативу читателя и его интерес к самостоятельному поиску информации, носит интегративный характер как для «фандоринского корпуса», так и для «вселенной Акунина» в целом.

Б. Акунин, привлекая новые формы взаимодействия с читателем, дает возможность проникнуть в глубокие уровни авторского замысла — самостоятельно заполнить пробелы в биографии любившегося героя. Это позволяет разомкнуть границы текстовой вселенной, проведя связи с реальными событиями, и дополнить тексты гипотетическими элементами. Квест как жанрообразующая стратегия работает на внешне-композиционном уровне (задает внешнее членение текстов — романа «Квест», «Внеклассное чтение», новейшего романа «Сулажин»), на архитектурном (организуются сюжеты детективного поиска и размыкание текста — реальный поиск по подсказкам («Ф. М.»), дописывание недописанного текста и т. п.), рецептивно-прагматическом (включает читателя в игру, ответы на которую читатель получает по прошествии некоторого времени — ср. признание Акунина в том, что он скрывается за псевдонимами Анна Борисова и Анатолий Брусникин). Постмодернистская игра строится по принципу дополненной реальности и предполагает определенную опти-

ональность: читатель может не обращать внимания на предоставляемые автором подсказки, но также может и увлечься ими, погружаясь в еще не прописанные эпизоды истории Фандорина. Коммуникативно-прагматический уровень в данном случае является базовым, под него выстраивается структура подтекста «фандоринского корпуса» и смежных с ним циклов, образуя макроцикл.

Источники

1. Акунин Б. Весь мир театр / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2015. — 432 с. — ISBN 978-5-8159-1361-5.
2. Акунин Б. Внеклассное чтение / Б. Акунин. — Москва : АСТ, 2015. — 576 с. — ISBN 978-5-17-093812-4.
3. Акунин Б. Планета Вода. Приключения Эраста Фандорина в XX веке. Часть 1 / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2021. — 416 с. — ISBN 978-5-8159-1640-1.
4. Акунин Б. Я никогда не сочинял шпионских романов в жанре «спокойно, Дункель!» [Электронный ресурс] / Б. Акунин // Известия. — 23 декабря 2004. — Режим доступа : <https://iz.ru/news/297960> (дата обращения 04.02.2022).
5. Ведерников Ю. В. Гибель кораблей и судов в русско-японскую войну 1904—1905 г. [Электронный ресурс] / Ю. В. Ведерников. — Режим доступа : https://asia-business.ru/military/lost/lost_176.html (дата обращения 04.02.2022).
6. Книппер О. Л. Письмо А. П. Чехову 15 (28) января 1901 г. [Электронный ресурс] / О. Л. Книппер // Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер. — Москва : Искусство, 2004. — Т. 1. 16 июня 1899 года — 13 апреля 1902 года. — Режим доступа : http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0550.shtml (дата обращения 04.02.2022).
7. Курицын В. Один раз — не Эраст [Электронный ресурс] / В. Курицын. — Режим доступа : <http://www.guelman.ru/slava/akun.html> (дата обращения 04.02.2022).
8. Орлова А. Перстень Бориса Акунина достанется больным детям. Писатель продаст его на аукционе, ведь никто не разгадал его головоломку [Электронный ресурс] / А. Орлова // Комсомольская правда. — 3 ноября 2006. — Режим доступа : <https://www.kp.ru/daily/23801.4/59419/> (дата обращения 04.02.2022).
9. Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер. — Москва: издательский дом «Искусство», 2004. Т. 1. 16 июня 1899 года — 13 апреля 1902 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0550.shtml (дата обращения 04.02.2022).
10. *Пожар* на Пятой авеню. Новая лаборатория на Хаустон-стрите, 46. «Ковчег», управляемый по радио. Торпеды или роботы? Автомат с «собственным умом» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.electrolibrary.info/tesla/book10.htm> (дата обращения 04.02.2022).
11. Чехов А. П. Письмо Лаврову В. М., 31 августа 1893 г. Мелихово [Электронный ресурс] / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Письма : в 12 т. — Москва : АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1974—1983. — Режим доступа : <http://chegov-lit.ru/chegov/letters/1892-1894/letter-1338.htm>. (дата обращения 04.02.2022).
12. Широкова С. Бориса Акунина разорили читатели [Электронный ресурс] / С. Широкова // Известия. — 21 декабря 2006. — Режим доступа : <https://iz.ru/news/320228> (дата обращения 04.02.2022).

Литература

1. *Афанасьева О. В.* Англо-американский культурный пласт в детективной прозе Бориса Акунина : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. В. Афанасьева. — Москва, 2019. — 220 с.
2. *Бавин С. П.* Зарубежный детектив XX века (в русских переводах) : Популярная библиографическая энциклопедия / С. П. Бавин. — Москва : Книжная палата, 1991. — 208 с. — ISBN 5-7000-0247-7.
3. *Вольский Н. Н.* Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра [Электронный ресурс] / Н. Н. Вольский. — Новосибирск, 2006. — Режим доступа : <https://www.metodolog.ru/00926/00926.html> (дата обращения 04.02.2022).
4. *Герейханова К. Ф.* «Конандойловский» след в «Нефритовых четках» Б. Акунина : стилистические рецепции оригинала и русских переводов / К. Ф. Герейханова // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7. — № 4А. — С. 182—189.
5. *Казачкова А. В.* Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 — начала 2000-х гг. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Казачкова. — Нижний Новгород, 2015. — 23 с.
6. *Калганова В. Е.* Интертекстуальность как текстообразующий механизм романа Бориса Акунина «Азазель» / В. Е. Калганова, Э. Л. Михайлов // Пушкинские чтения. — Выпуск XIX. — 2014. — С. 119—127.
7. *Кириленко Н. Н.* Детектив : логика и игра / Н. Н. Кириленко // Новый филологический вестник. — 2009. — № 2 (9). — С. 27—47, № 3 (10). — С. 105—115, № 4 (11). — С. 74—84; 2010. — № 1 (12). — С. 16—39.
8. *Кихней Л. Г.* «У шкатулки второе дно...» : к интертекстуальным парадоксам Б. Акунина / Л. Г. Кихней, К. Ф. Герейханова // Вестник РУДН. — Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2017. — Т. 22. — № 4. — С. 608—613.
9. *Менькова Н. Н.* Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей (по материалам Б. Акунина) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. Н. Менькова. — Москва, 2005. — 23 с.
10. *Метелищенков А. А.* Проза Б. Акунина как модель продуктивного литературоведения / А. А. Метелищенков // Русская литература XX века : Итоги и перспективы изучения. — Москва : Экон-Информ, 2002. — С. 263—268. — ISBN 978-5-9506-0777-6.
11. *Олизько Н. С.* Интертекстуальность как системообразующая категория пост-модернистского дискурса : на материале произведений Дж. Барта : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. С. Олизько. — Челябинск, 2002. — 194 с.
12. *Осьмухина О. Ю.* Детектив 2000-х гг. как полихудожественный текст : «Черный Город» Бориса Акунина / О. Ю. Осьмухина // Пушкинские чтения-2013. «Живые» традиции в литературе : жанр, автор, герой, текст : материалы XVIII Международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова ; отв. ред. Т. В. Мальцева. — Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. — С. 55—59.
13. *Снигирева Т. А.* Борис Акунин и его игровой мир : монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, А. В. Снигирев. — Санкт-Петербург : Алетей, 2017. — 178 с. — ISBN 978-5-906910-83-7.
14. *Трускова Е. А.* Романские циклы Бориса Акунина : специфика гипертекста : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Трускова. — Екатеринбург, 2012. — 23 с.

15. Химич В. В. Роман Б. Акунина : «чужой» текст в своей игре / В. В. Химич // Материалы III Международной научно-практической конференции «Литературный текст XX века : проблемы поэтики». — Челябинск : ЮУрГУ, 2010. — С. 394—399.

Material resources

- Akunin, B. (2004). I have never written spy novels in the genre of “calm down, Dunkel!”. *Izvestia. December 23*. Available at: <https://iz.ru/news/297960> (accessed 04.02.2022). (In Russ.).
- Akunin, B. (2015). *The whole world theater*. Moscow: Zakharov. 432 p. ISBN 978-5-8159-1361-5. (In Russ.).
- Akunin, B. (2015). Extracurricular reading. Moscow: AST. 576 p. ISBN 978-5-17-093812-4. (In Russ.).
- Akunin, B. (2021). *Planet Water. The adventures of Erast Fandorin in the twentieth century, 1*. Moscow: Zakharov. 416 p. ISBN 978-5-8159-1640-1. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (1974—1983). Letter to Lavrov V. M., August 31, 1893 Melikhovo. In: *Complete works and letters: In 30 vols. Letters: in 12 vols*. Moscow: USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka. Available at: <http://chehov-lit.ru/chehov/letters/1892-1894/letter-1338.htm>. (accessed 04.02.2022). (In Russ.).
- Correspondence of A. P. Chekhov and O. L. Knipper, 1. June 16, 1899 — April 13, 1902*. (2004). Moscow: Art. Available at: http://az.lib.ru/c/chehov_a_p/text_0550.shtml (accessed 04.02.2022). (In Russ.).
- Fire on Fifth Avenue. The new laboratory at 46 Houston Street. “Ark”, controlled by radio. Torpedoes or robots? An automaton with a “mind of its own”*. Available at: <http://www.electrolibrary.info/tesla/book10.htm> (accessed 04.02.2022). (In Russ.).
- Knipper, O. L. (2004). *Letter to A. P. Chekhov on January 15 (28), 1901. In: Correspondence between A. P. Chekhov and O. L. Knipper, 1, June 16 1899, April 13 1902*. Moscow: Iskusstvo. Available at: http://az.lib.ru/c/chehov_a_p/text_0550.shtml (accessed 04.02.2022). (In Russ.).
- Kuritsyn, V. *Once — not Erast*. Available at: <http://www.guelman.ru/slava/akun.html> (accessed 04.02.2022). (In Russ.).
- Orlova, A. (2006). Boris Akunin’s ring will go to sick children. The writer will sell it at auction, because no one has solved his puzzle. *Komsomolskaya Pravda. November 3*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/23801.4/59419>. (accessed 04.02.2022). (In Russ.).
- Shirokova, S. (2006). Boris Akunin was ruined by readers. *News. December 21*. Available at: <https://iz.ru/news/320228> (accessed 04.02.2022). (In Russ.).
- Vedernikov, Yu. V. *The death of ships and vessels in the Russian-Japanese war of 1904—1905*. Available at: https://asia-business.ru/military/lost/lost_176.html (accessed 04.02.2022). (In Russ.).

References

- Afanasyeva, O. V. (2019). *The Anglo-American cultural layer in Boris Akunin’s detective prose*. Diss. PhD. Moscow. 220 p. (In Russ.).
- Bavin, S. P. (1991). *Foreign detective of the XX century (in Russian translations): popular bibliographic encyclopedia*. Moscow: Book Chamber. 208 p. ISBN 5-7000-0247-7. (In Russ.).

- Geikhanova, K. F. (2017). “Kondoylovsky” trace in the “Jade rosary” by B. Akunin: stylistic receptions of the original and Russian translations. *Culture and civilization*, 7 (4A): 182—189. (In Russ.).
- Himich, V. V. (2010). Roman B. Akunina: “alien” text in his game. In: *Materials of the III International scientific and practical conference “Literary text of the XX century: Problems of poetics”*. Chelyabinsk: SUSU. 394—399. (In Russ.).
- Kazachkova, A. V. (2015). *Genre strategy of Boris Akunin’s detective novels of the 1990s — early 2000s*. Abstract of the PhD. Nizhny Novgorod. 23 p. (In Russ.).
- Kalганова, V. E., Mikhailov, E. L. (2014). Intertextuality as a text-forming mechanism of Boris Akunin’s novel “Azazel”. *Pushkin Readings, XIX*: 119—127. (In Russ.).
- Kihney, L. G., Gereikhanova, K. F. (2017). “At the casket of the second day”: towards the intertextual paradoxes of B. Akunin. *Bulletin of the RUDN. Series: Literary Studies. Journalism*, 22 (4): 608—613. (In Russ.).
- Kirilenko, N. N. (2009). Detective: logic and game. *New philological bulletin*, 2 (9): 27—47; 3 (10): 105—115; 4 (11): 74—84. (In Russ.).
- Kirilenko, N. N. (2010). Detective: logic and game. *New philological bulletin*, 1 (12): 16—39. (In Russ.).
- Menkova, N. N. (2005). *The writer’s linguistic personality as a source of the characters’ speech characteristics (based on the materials of B. Akunin)*. Abstract of the PhD. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Metelishchenkov, A. A. (2002). B. Akunin’s prose as a model of productive literary criticism. In: *Russian literature of the XX century: results and prospects of study*. Moscow: Ekon-Inform. 263—268. ISBN 978-5-9506-0777-6. (In Russ.).
- Olizko, N. S. (2002). *Intertextuality as a system-forming category of postmodern discourse: based on the works of J. Barta*. Diss. PhD. Chelyabinsk. 194 p. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2013). Detective of the 2000s as a poly-artistic text: “The Black City” by Boris Akunin. In: *Pushkin Readings-2013. “Living” traditions in literature: Genre, author, hero, text: materials of the XVIII International Scientific Conference*. St. Petersburg: LSU named after A. S. Pushkin. 55—59. (In Russ.).
- Snigireva, T. A. (2017). *Boris Akunin and his game world: monograph*. St. Petersburg: Aleteya. 178 p. ISBN 978-5-906910-83-7. (In Russ.).
- Truskova, E. A. (2012). *Boris Akunin’s novel cycles: the specifics of hypertext*. Abstract of the PhD. Yekaterinburg. 23 p. (In Russ.).
- Volsky, N. N. (2006). *Easy reading. Works on the theory and history of the detective genre*. Novosibirsk. Available at: <https://www.metodolog.ru/00926/00926.html> (accessed 04.02.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.12.2022,
одобрена после рецензирования 24.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Кудрявцева Т. В. Культурная память : к 100-летию пребывания А. М. Горького в немецком Саарове / Т. В. Кудрявцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 232—245. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-232-245.

Kudryavtseva, T. V. (2023). Cultural Memory: to 100th Anniversary of A. M. Gorky Stay in German Saarov. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 232-245. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-232-245. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-232-245

Культурная память: к 100-летию пребывания А. М. Горького в немецком Саарове

Кудрявцева Тамара Викторовна

orcid.org/0000-0002-8279-8639

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник

Отдела литератур Европы
и Америки Новейшего времени
muchina@yandex.ru

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в Институте
мировой литературы имени
А. М. Горького РАН за счет гранта
Российского научного фонда
(РНФ, проект № 21-18-00131)

Cultural Memory: to 100th Anniversary of A. M. Gorky Stay in German Saarov

Tamara V. Kudryavtseva

orcid.org/0000-0002-8279-8639

Doctor of Philology,
Leading Researcher
Department of Europe
and modern America Literature
muchina@yandex.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 21-18-00131

© Кудрявцева Т. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены свидетельства пребывания А. М. Горького в немецком г. Саарове в 1922—1923 годы. В рамках историко-контекстуального подхода предпринята попытка показать, как функционируют механизмы сохранения и актуализации памяти в отношении конкретного писателя. Речь идет о всемирно известном классике русской / советской литературы — А. М. Горьком. Прослеживается, как его личность и творческое наследие, некогда ставшее принадлежностью мировой литературы, воспринимаются в чужом культурном пространстве XXI века (а именно спустя столетие после пребывания Горького в Германии в начале XX века). К анализу привлекаются как материальные объекты культуры (музейные комплексы, памятники и пр.), ономастическая геолокация, так и элементы мемориальной культуры, имеющие отношение к письменным источникам. Это воспоминания современников, исследования, а также актуализация творчества Горького на уровне массового сознания (создание некоего цитатника из произведений Горького и пр.). Сделан вывод о том, что личность и творчество Горького продолжают оставаться составной частью мемориальной культуры Германии, а его имя, несмотря на смену поколений, идеологий и геополитических сдвигов, не стерто с культурной карты этой страны.

Ключевые слова:

Горький; Германия; мемориальная культура; рецептивная эстетика; имагология; аксиология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents evidence of A. M. Gorky's stay in the German city of Saarov in 1922-1923. Within the framework of the historical-contextual approach, an attempt was made to show how the mechanisms for preserving and updating memory function in relation to a particular writer. We are talking about the world-famous classic of Russian / Soviet literature — A. M. Gorky. It is traced how his personality and creative heritage, which once became part of world literature, are perceived in a foreign cultural space of the 21st century (namely, a century after Gorky's stay in Germany at the beginning of the 20th century). The analysis involves both material objects of culture (museum complexes, monuments, etc.), onomastic geolocation, and elements of memorial culture related to written sources. These are the memoirs of contemporaries, research, as well as the actualization of Gorky's work at the level of mass consciousness (the creation of a certain citation book from Gorky's works, etc.). It is concluded that Gorky's personality and work continue to be an integral part of the memorial culture of Germany, and his name, despite the change of generations, ideologies and geopolitical shifts, has not been erased from the cultural map of this country.

Key words:

Bitter; Germany; memorial culture; receptive aesthetics; imagology; axiology.

Культурная память: к 100-летию пребывания А. М. Горького в немецком Саарове

© Кудрявцева Т. В., 2023

1. Введение = Introduction

Многоаспектная тема «Горький в Германии» недостаточно исследована как в отечественной, так и в зарубежной русистике и германистике. Основными источниками информации по-прежнему остаются письма писателя (и письма к писателю), его публицистика, а также летопись его жизни и творчества [Летопись ..., 1959]. Как известно, в художественных произведениях писателя Германия фактически не нашла отражения. Пребывание писателя в Германии (1906, 1921—1923) также остается малоизученным в отличие, скажем, от жизни Горького в Италии. Эта тема может рассматриваться с разных точек зрения. В данной статье мы ограничились периодом пребывания писателя в курортном местечке Сааров, расположенном между Франкфуртом-на-Одере и Берлином, поскольку именно здесь сосредоточены наиболее показательные примеры мемориализации имени Горького в немецкоязычном культурном пространстве. Статья является частью более широкого исследования, посвященного местам пребывания Алексея Максимовича в Германии в 1921—1923 годы (Берлин, Фрайбург, Герингсдорф).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования стали как свидетельства самого Горького в его письмах исследуемого периода, свидетельства немцев-современников (воспоминания и пр.), исследования немецких литературоведов, культурологов, краеведов, а также интернет-публикации на многочисленных официальных сайтах муниципальных, краеведческих, исторических, образовательных и пр. институций Германии). Исходя из задач исследования — показать, в какой степени жива память о Горьком, как сохраняются материальные объекты, насколько имя Горького присутствует в топонимике и ономастике в целом, а также в мемуарных и эпистолярных источниках, — мы выбрали в качестве основных культурологический и историко-контекстуальный подходы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Места проживания А. М. Горького в Германии

25 сентября 1922 года А. М. Горький, с конца 1921 года находившийся на лечении в Германии, переехал с балтийского курорта Герингсдорф (остров

Узедом) в нижнелужицкое курортное местечко Бад Сааров (Bad Saarow) недалеко от Берлина, где писатель пробыл до начала июня 1923 года.

Писатель жил в небольшом «Новом санатории» («Das Neue Sanatorium am Kurpark») на озере Шармюцель. Здание санатория снесли в конце 1989 года. Однако на этом месте была установлена памятная стела с бюстом писателя.

Других непосредственных материальных следов пребывания Горького в Саарове почти не осталось. Вместе с тем местные жители до сих пор хранят воспоминания своих земляков о писателе, который «бродил с тростью по берегу озера и в сосновом бору в своем широком темном пальто и мягкой шляпе», о том, что он «любил посидеть в кондитерской “Балыц” на Вокзальной площади или сыграть партию в шахматы с сааровчанами вблизи “винного рестораника Альтмана”» [Stürmer, 2018, p. 10] (здесь и далее перевод наш. — Т. К.).

С именем Горького связан деревянный дом в псевдорусском северном стиле, построенный в 1920 году для семьи берлинского банкира Курта Ландсберга, так называемая «Вилла путти» («Villa Putti»). Прямых свидетельств, жил ли там Горький, нет. Судя по письмам писателя, в его планы входило сменить место жительства в Саарове. Так, в письме М. Ф. Андреевой от 15 февраля 1923 года он пишет: *«Решили — кажется — снять дачу. За 100 долл. в год. Восемь ванн. 3 сада. Клубника. Арбузы. Две собаки и садовник, — на одну собаку больше, чем у Лопе де Вега»* [Горький, 2009, с. 142] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников). В письме П. П. Крючкову, датированном тем же числом, Горький сообщает: *«Сейчас смотрел дачу, — снаружи, в нутро не пускают. Внешне — очень уютно и достаточно изолированно»* [Горький, 2009, с. 143]. В письме Е. П. Пешковой от 3 марта 1923 года Горький сообщает: *«Переехали в другой дом, на время; скоро, кажется, переедем в третий, сняв его на целый год. Желаем жить своим хозяйством»* [Горький, 2009, с. 151].

Новый, неполный адрес: *Saarow (Mark). Fürstenwald* — появляется в письмах Горького начиная с 18 марта 1923 года. В письме И. С. Коноплину от 22 марта 1923 года появляется детализация: *«Если Вы пожелаете посетить меня — предупредите об этом по телефону: Saarow (Mark) 32»* [Горький 2009, с. 167]. Если исходить из того, что Горький переселился в нынешний район курорта Сторков (Марк), то предположение о том, что новым местом жительства писателя могла быть вилла «Путти», лишено оснований, поскольку она расположена на улице «Под вязами» (Ulmenstrasse), ближе к прежнему месту пребывания Горького, «Новому санаторию».

На новом месте писатель жил недолго. Уже 7 апреля 1923 года он пишет Ф. А. Брауну: *«К моему великому сожалению, я не мог приехать в Берлин, ибо*

в этот день мне, совершенно неожиданно, пришлось перебираться из квартиры, где я жил, на новую, точнее: на старую, туда, где Вы были у меня. Меня немножко обворовали, а кроме того, задержали мои вещи, не имея на сие никакого права, ибо плату за квартиру я внес в полицию, которая, однако, не приняла никаких мер к защите моих прав» [Горький, 2009, с. 173].

19 декабря 1972 года по случаю 50-летия образования СССР в Саарове (на территории бывшей ГДР) был открыт Мемориальный комплекс Максима Горького (Maxim-Gorki-Gedenkstätte Saarow-Pieskow). Он, в частности, включал библиотеку, которая насчитывала 8000 книг Горького, переведенных на разные языки мира. «Вилла Путти», которая также вошла в состав комплекса, получила название *Дом Горького (Gorki-Haus)*. Во времена ГДР мемориал ежегодно принимал более 10 000 посетителей.

Остались воспоминания основателя музея Р. Ульриха: *«Мы стараемся пробуждать интерес к творчеству Горького, особенно у молодежи <...>. Устраиваем тематические экскурсии, учитывая возраст наших посетителей, а зимой собираем ребят на “литературные встречи у самовара”. Дети вместе с нами размышляют о том, какую роль играют в жизни литература и искусство, которым так преданно служил русский писатель»* [Цит. по: Чудов, 2015; Кудрявцева, 2015, с. 27].

В 1999 году дом вернулся к наследникам прежнего владельца, вернувшимся в Германию из Бразилии, куда Ландсберг в 1938 году бежал с семьей от нацистов. Позже дом был продан, и в настоящее время здесь размещается мини-отель, который сохранил в своем названии имя Горького (Villa Maxim-Gorki-Haus). Книжный фонд бывшего музея приняла городская библиотека Саарова. Однако у постояльцев есть возможность познакомиться с творчеством Горького по книгам, для которых отведена специальная полка. С некоторыми первыми изданиями произведений Горького жители и посетители Саарова могут ознакомиться в открытом в 2016 году Литературном кабинете Союза содействия развитию искусства и сохранению исторического наследия (Literaturkabinett des Fördervereins). Здесь размещается также коллекция графических работ, имеющих отношение к творчеству писателя, аудио-документы, фотографии и слайды. К юбилейным датам, связанным с жизнью Горького, устраиваются выставки. В частности, одна из них была посвящена 150-летию юбилею писателя. Кроме того, в дни памяти Горького здесь прошел научный коллоквиум. О мемориальном комплексе в Саарове см. также: [Gebhardt, 1983, pp. 918—920].

3.2. Школа имени Горького в Саарове

Память о писателе хранит и сааровская школа, носящая его имя. На школьном дворе еще в 1969 году был установлен памятник, выполненный скульптором Герхардом Гросманом (Gerhard Großmann) в виде мозаики из

мейсенского фарфора. Писатель изображен в окружении детей, на фоне мотивов «Песни о буреви́стнике». На официальном сайте школы имеется страничка, посвященная Горькому, где размещены его биография, портрет и несколько высказываний писателя на немецком языке:

— «Je mehr ich las, umso näher brachten die Bücher mir die Welt, um so heller und bedeutsamer wurde für mich das Leben» («Чем больше я читал, тем более книги роднили меня с миром, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь»). Источник: М. Горький. «Как я учился». — Т. К.).

— «Die Wissenschaft ist der Verstand der Welt, die Kunst ihre Seele» («Как наука является разумом мира, так искусство — сердце его»). Источник: М. Горький. «Несвоевременные мысли». — Т. К.).

— «Es genügt nicht das Bestehende darzustellen, notwendig ist an das Erwünschte und an das Mögliche zu denken» («Мало изобразить сущее, необходимо помнить о желаемом и возможном»). Источник: М. Горький. «Беседа с молодыми». — Т. К.).

На заглавной странице сайта размещены слова Горького из пьесы «На дне»: «Der Mensch kann den Menschen zum Guten führen» («Человек — может добру научить»). — Т. К.).

Нельзя не отметить, что эти, равно как и другие изречения Горького и героев его произведений, стали крылатыми фразами. Они и в наши дни, прежде всего благодаря немецким интернет-сайтам, доступны носителям немецкого языка во всем мире, что свидетельствует о непреходящей актуальности мыслей, высказанных когда-то русским писателем. Так, слова Горького из «Беседы с молодыми», получившие широкую известность в немецкоязычном культурном пространстве в немалой степени благодаря Эрнсту Блоху, который взял их в качестве эпиграфа к главе «Karl Marx und die Menschlichkeit; Stoff der Hoffnung» («Карл Маркс и человечность; материал надежды») своего сочинения «Принцип надежды» (“Das Prinzip Hoffnung”) [Bloch, 1959, p. 1602], превратились в крылатую фразу, без которой практически не обходится ни одно немецкоязычное современное исследование по социальной утопии.

3.3. Воспоминания Э. Э. Киша о знакомстве с Горьким в Саарове

Большое значение для исследователей личности и творчества Горького имеют воспоминания австрийского журналиста и писателя Э. Э. Киша о знакомстве с Горьким, которое состоялось в Саарове:

«В Саарове-Пискове на дворе стояла зима, виллы спали за опущенными ставнями, а озеро Шармюцель не бороздили ни парусные лодки, ни яхты.

В санатории Саарова вечный странник Максим Горький занимал квартиру из двух маленьких комнат, в которых он казался таким посторонним (ср. признание самого Горького в письме к М. Ф. Андреевой от 28 де-

кабря 1922 года: *«Привези мне бронзовые фигуры китайские, а то очень скучно у меня в комнате. Торчит Нитцше, но он похож на брендмейстера из Арзамаса»* [Горький, 2009, с. 113]. — Т. К.) и которые имели вид такого временного пристанища, как будто их обитатель пребывал в позе прыжка, готовый кочевать дальше, как тридцать лет назад, когда он бродяжничал по степям, ночевал в стогах и знал людей, которые были готовы убивать друг друга за гривенник, и тех, что были полны решимости биться насмерть из-за бабы, даже если речь шла об отце и сыне» [Kisch, 1983, p. 113].

«В Саарове тогда срубили в садах все березы, потому что не было угля, а с озера поднимался туман, скрывающий окрестности. Зимой и в тумане все они похожи. Здесь, под Берлином, местность напоминала ландшафт под Ростовом-на-Дону.

Рабочий стол Горького был завален книгами, журналами и рукописями, внешность стоявшего писателя была далека от того образа, который сложился в среде западной молодежи. В дни нашего знакомства с “Ночлежкой” было модным представлять Пепла в облике писателя, одетым в яркую, с застёжкой на плече полотняную рубашу, которую окрестили тогда “блузой Горького”, широкую, мешковатую, в шароварах и высоких сапогах. Внешность Горького была далека от этого образа. Это был высокий худой человек, с седой головой и усами, с усталыми большими глазами на впалом лице» [Kisch, 1983, p. 113].

Для исследователей личности и творчества Горького, прежде всего его взаимоотношений с русской эмиграцией и позиции писателя по поводу событий тех лет в России, немаловажно объяснение Кишем причин, побудивших его отправиться на встречу с Горьким. В начале статьи Киш объясняет обстоятельства своего визита в Сааров:

«В любое другое время предложение посетить Максима Горького меня бы ужасно обрадовало. Но тогда, в январе 1923 года, он уехал из Советской России, которой угрожала опасность, и именно тогда в капиталистической прессе мелькали многочисленные непроверенные высказывания Горького о зверствах в Москве, о злоупотреблениях властью со стороны большевиков и т. п.

Вполне вероятно, что даже Горькому было нелегко разместить опровержение, сказать доброе слово об СССР во времена, когда все реакционные силы надеялись на скорый крах советской власти.

Но возможно, что Горький и не пытался протестовать, возможно, он действительно стал противником диктатуры? Ведь рассказывали же, что он не принимает европейских писателей и журналистов, а якиается с эмигрантами, с тем отребьем, которое именно тогда, во времена ин-

фляции, особенно процветало в Берлине благодаря торговле бриллиантами, украденными картинами и валютным махинациям.

Да, в другое время предложение посетить Максима Горького наполнило бы меня радостью. Для нашего поколения Горький был фигурой номер один. Мы, входившие в жизнь на рубеже веков, из классики сразу окунулись в рассказы Горького; на месте напыщенных королевских особ прошлых времен нам вдруг явились голодающие рабочие и странные бродяги, вместо сверкающих золотом тронных залов мы попали в подвалы, ночлежки, увидели ночные пристани, бескрайние стены. Это не было простой сменой кулис — нет, стилизованное прошлое сменилось реальным настоящим, героизированная фантазия — голой правдой.

И все мы, находившиеся под впечатлением этого юношеского переживания и два десятилетия хранившие Горькому верность, мы были счастливы, что Горький не был в рядах предателя Керенского, мы были счастливы, что в октябре он выступил на стороне пролетариата и на стороне Ленина.

А теперь Горький ответил на верность поколения, которое он воспитал, предательством? Разве такое возможно? Если да, то я хочу услышать об этом от него самого» [Kisch, 1983, pp. 111—112].

По всей видимости, ответы Горького убедили его в обратном:

«“Я болен, — начал он (Горький. — Т. К.), и это прозвучало так, как будто он хотел этими словами удостоверить свою личность. — Я болен и поэтому вынужден был покинуть Россию. Я хочу закончить свой роман, отдохнуть на Капри, а потом я вернусь в Россию”.

— Вы хотите вернуться в Россию, Алексей Максимович?

— Конечно, мое место в России. Я приехал на запад только потому, что дома я не мог работать и поправить здоровье. Много политики, много отвлекало и мешало. Но я надеюсь скоро вернуться в Россию.

— Значит, то, что пишут в газетах, что Вас выслали, что Вы бежали, неправда?

— Все это неправда. Советские люди — мои друзья. И Дзержинский, о котором распространяют самую бесстыжую ложь, — один из благороднейших людей, которых я когда-либо знал.

Двое эсеров (их имена выяснить не удалось. — Т. К.), которые также были гостями Горького, старались удержать его от прямых ответов. Ведь именно очернение ЧК и самого Дзержинского составляли тогда основу эмигрантской пропаганды. Они не хотели, чтобы западный публицист услышал хвалебные слова в адрес этой организации и ее руководителя из уст такого известного человека. Но Горький не сдавался, и чем больше эсеры пытались его унять, тем настойчивее он доказывал гостю, что непозволительно прибегать к лживым измышлениям, пытаясь поме-

шать происходящему в России: “То, что там происходит, — величайший процесс мировой истории. И то, что я, больной писатель, был вынужден уехать за границу, совершенно недопустимо расценивать как демонстрацию против советской власти!”.

Было выпито немало чашек чая, пока спор не угас. После этого молодая чешка (речь идет о переводчице Ярмиле Гаасовой-Нечасовой, которая приехала к Горькому вместе с Кишем. — Т. К.) предложила Горькому прочитать перевод какого-то русского стихотворения. Девушка смущается. Горький хочет ее подбодрить:

— Когда я был молод, как Вы, я был смелее.

— Да, учитель, если бы мне пришлось читать что-то из Ваших произведений, я бы не стеснялась. Но, к сожалению, Вы стихов не писали, — отваживается возразить девушка.

— О, я тоже писал стихи, просто никогда их не публиковал.

— Вот видите, учитель, — приободрилась маленькая чешка, — значит, храбрости у Вас не больше моего.

Все смеются, но уловка девушке не помогает. Ей приходится перейти к декламации.

Она читает в переводе на чешский язык революционный марш Маяковского: Кто там шагает правой?левой!левой!

Максим Горький обращается ко мне: “Нет, нет, я правой не шагаю...”» [Kisch, 1983, pp. 113—114].

Впервые эти воспоминания были опубликованы в 1928 году в газете немецких коммунистов «Красное знамя» («Die Rote Fahne»). Спустя неделю текст, правда, по понятным причинам, в сокращенном виде (опущены обстоятельства посещения Кишем Горького, пояснения Киша по поводу внутренней политики большевиков и отношения к ней русского писателя) в переводе на русский язык напечатала по случаю 60-летия Горького газета «Известия» в подборке «Писатели Запада и СССР — Максиму Горькому» [Киш, 1928, с. 3].

3.4. Современные немецкие исследователи о пребывании А. М. Горького в Саарове

Одна из первых краеведческих работ, посвященных пребыванию А. М. Горького в Саарове, принадлежит Э. Гутсмутсу, в 1964 году опубликовавшему в местной газете заметку «Когда Максим Горький жил в Бад Саарове» (1964) [Gutsmuths, 1964]. Однако основным источником информации служат тексты рекламного характера, размещаемые на сайтах, посвященных описаниям достопримечательностей курорта.

О пребывании Горького в Саарове свидетельствует небольшое биографическое исследование специалиста по русской литературе Кристи Эберт

«Максим Горький в Саарове. 1922/23» [Ebert, 2019]. Помимо мест, связанных с пребыванием Горького на немецком курорте, ее интересуют контакты советского писателя с русской эмиграцией и немецкими интеллектуалами.

Так, среди прочего она пишет и об обстоятельствах визита к Горькому Э. Э. Киша, напоминая при этом об июльском процессе 1922 года против эсеров после покушения на Ленина и о неприятии писателем большевистского террора как такового. См., в частности, письмо Горького от 1 июля 1922 года Рыкову: *«Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, это будет убийство с заранее обдуманым намерением, гнусное убийство <...> Вам известно, что за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране»* [Горький, 2009, с. 66]. Об отношении Горького к «красному» террору свидетельствуют многочисленные письма Горького 1918—1923 годов к Ленину, Дзержинскому, Каменеву и др.; см. подробнее: [Горький, 2009, с. 544].

Как пишет рецензент книги, современный политик и редактор журнала «Листок» («Das Blättchen») Вольфганг Брауэр, *«... визит Киша носил контрольный характер, а его статья в коммунистической прессе появилась не случайно в начале второго показательного процесса за несколько лет до "большой чистки". В 1923 году он хотел выяснить <...> действительно ли Горький окружил себя "эмигрантским отребьем" и стал противником диктатуры пролетариата»* [Brauer, 2019].

Историк-публицист Кристиан Боммариус в книге «В мятежном угаре. Германия 1923» («Im Rausch des Aufruhrs: Deutschland 1923», 2022) задается вопросом, мог ли Горький быть искренним в своих ответах западному репортеру, или, может быть, Киш в своих воспоминаниях намеренно искажил правду? (см.: [Bommarius, 2022, pp. 28—29]). Ответ на первый вопрос остается открытым. Хотя, если судить по откровенному письму Горького Р. Роллану от 7 декабря 1922 года, осторожность писателя в беседе с незнакомым ему Кишем можно понять:

«И, наконец, сейчас я пишу <...> три рассказа на темы о любви к людям, к женщине и о любви женщины к миру. <...> Затеваю книгу "Русские люди". Эта книга, наверное, будет интересна для Европы, все же выше-названное — едва ли. Уверен, что все, что я пишу сейчас, не будут читать и в России, ибо там о любви к людям теперь не говорят и необходимость этой любви под сильным сомнением. Когда желаешь осчастливить сразу все человечество — человек несколько мешает этой задаче. Жить очень трудно, дорогой друг <...>. Там, на родине, воят вьюги и коммунисты, землю засыпает снег, людей — сугробы слов. Превосходные слова, но — тоже как снег, и не потому, что они так же обильны, а потому что холодны.

Когда фанатизм холоден, он холоднее полярного мороза. А все-таки восхищает меня изумительное напряжение воли вождей русского коммунизма. За всю свою страшную историю Россия еще не имела таких волевых людей ни в эпоху Ивана Грозного, ни при Петре Великом. Их — ничтожная кучка, искренних друзей они имеют сотни, непримиримых врагов — десятки миллионов русских крестьян, всю европейскую буржуазию, да прибавьте сюда и социалистов Европы. И все-таки эти Архимеды уверены, что найдут точку опоры и перевернут весь мир. Право же — хорошие люди! Иногда мне очень жаль, что я не согласен с ними в деле истребления культурных людей и никогда не соглашусь на это» [Горький, 2009, с. 109].

Еще более откровенно о своей невозможности возвращаться в СССР Горький пишет Р. Роллану 21 апреля 1923 года: «<...> телеграмма о моем возвращении в Россию была напечатана в московской газете “Известия” под заголовком: “Давно пора!”».

Я предполагаю, что заголовок этот следует рассматривать как угрозу, ибо за мое отношение к процессу социалистов-революционеров меня провозгласили “врагом народа”. Принимая во внимание, что с той поры я не один раз писал моим друзьям-вождям <...>, их отношение ко мне как к “врагу” народа, несомненно, упрочилось еще сильнее <...>. Все это, конечно, чепуха, но признаюсь, что довольно с меня этой чепухи! — Я хочу писать, много писать и не чувствую ни малейшего желания возвращаться в Россию. Я не мог бы писать, если бы вынужден был все свое время тратить на то, чтоб непрерывно повторять: “Не убий”.

Убийца всегда подлец, но когда он выполняет это в целях пропаганды, то он в сто крат подлее! А террор в России все увеличивается» [Горький, 2009, с. 176]. Как известно, из Саарова Горький уехал в Гюнтерсталь (Шварцвальд, юго-западная Германия), а оттуда (через Чехословакию) в Италию.

Взгляды Горького на политические события в Советской России повлекли за собой обвинения писателя в «буржуазном перерождении» [Горький, 2009, с. 544] вплоть до угроз «расправиться с ним, как с больным зубом» [Там же]. В феврале 1923 года, вскоре после визита Киша в Сааров, в Харькове состоялся «показательный заочный суд над Горьким» [Там же, с. 545]. На этот раз писателя обвинили в «травле евреев-коммунистов за их самоотверженную борьбу против тьмы и фанатизма» [Там же]; см. также: [Там же, с. 398—399]. Основанием для обвинения послужило весьма вольное переложение слов Горького в интервью еврейско-польскому писателю Шолому Ашу, опубликованном в апреле 1922 года в нью-йоркской газете «Форвертс» («Forverts»): «Причиной теперешнего антисемитизма в России является бестактность еврейских большевиков. Еврейские большевики, не все, но безответственные мальчишки участвуют в осквернении святынь русского народа.

Они превратили церкви в кинематографы и читальни, они не посчитались с чувствами русского народа. Еврейские большевики должны были эти дела оставить для русских большевиков» [Там же, с. 545].

Все это стало достоянием западной прессы. Вероятно, Киш знал о статье Шолома Аша. Известно также, что и сам Горький написал в газету «Форвертс» письмо-опровержение, которое заканчивалось словами: «Есть <...> целый ряд явлений и причин, расширяющих в русской народной массе рост антисемитизма. Люди привыкли искать друг в друге наиболее худшее, и рост гнилой плесени антисемитизма не может быть остановлен даже такими, очевидными и для слепого, свидетельствами бескорыстной и талантливой работы на пользу русского народа, какова работа <...> евреев-коммунистов» [Там же, с. 52].

Насколько искренним был в своих воспоминаниях австрийский публицист, установить сложно. Однако, скорее всего, убежденный коммунист Киш был действительно уверен в правдивости слов Горького. Косвенным свидетельством этого может служить его некролог 1936 года по случаю смерти писателя «Великий учитель, который одновременно был верным товарищем» («Der große Lehrer, der zugleich der teure Genosse war»), содержание которого перекликается с воспоминаниями Киша 1928 года:

«Максим Горький мертв — для кого из нас нашлось бы слово, способное глубже выразить боль тяжелейшей утраты? Осиротевшие пролетарские писатели стоят у этой могилы. Возможно, многие в Советском Союзе и не подозревают о том, что дал западной литературе еще молодой Горький; на глазах изумленного поколения обездоленные внезапно стали объектами искусства, героями драмы, новеллы, романа. Представьте себе молодых людей (я был в их числе), которые едва прочитав «Германа и Доротею» Гёте, взяли в руки рассказы Горького. Это была молния, осветившая невиданный доселе путь, путь социалистической литературы. И каким счастьем было для ученика назвать позже своего учителя товарищем. И как безмерна боль потерять великого учителя, который одновременно был верным товарищем» [Kisch, 1983, p. 418].

К сожалению, исследователи жизни и творчества Горького и Киша не располагают достаточными сведениями об их переписке, равно как и о других документах, свидетельствующих о контактах советского писателя с австрийским публицистом. Таким образом, воспоминания Киша приобредают характер уникального документа эпохи.

4. Заключение = Conclusions

Следы пребывания А. М. Горького в Германии, в данном случае «саровского» периода его жизни и творчества, свидетельствуют о том, как

функционируют механизмы исторической памяти в отношении той или иной известной личности. Речь идет прежде всего о мемориальной культуре (см. подробнее: [Ярычев, 2021]) как о бережном отношении к сохранившимся фактам (воспоминания современников и пр.) и о попытках их фиксации в конкретном географическом пространстве. Это охрана старых и создание новых памятников, увековечение имени в названиях улиц, школ и пр. Большое значение для формирования мемориального пространства приобретает знание контекстов, предопределяющих творческое сознание личности, вовлеченной в процесс мемориализации. Писатель сопричастен историческим, идеологическим и политическим реалиям своего времени. Наряду с востребованностью творческого наследия (а в случае Горького, и с его заслуженной канонизацией в немецкоязычном культурном пространстве) описанные факты культурной мемориализации помогают лучше понять причины актуального «присутствия» писателя в современной Германии.

Источники

1. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2009. — Т. 14. — 821 с. — ISBN 5-02-011192-9.
2. *Киш Э.* Писатели Запада и СССР — Максиму Горькому» по случаю 60-летия Горького. Эгон Эрвин Киш / Э. Киш // «Известия». — 1928. — 29 марта. — № 75. — С. 3.
3. *Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung / E. Bloch. — Frankfurt a.M : Suhrkamp, 1959. — 1665 p.
4. *Kisch E. E.* Bekanntschaft mit Maxim Gorki / E. E. Kisch // Mein Leben für die Zeitung 1926—1947. Journalistische Texte 2. — Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1983. — Pp. 111–114.
5. *Kisch E. E.* Gesammelte Werke / in Einzelausgaben / E. E. Kisch // Mein Leben für die Zeitung. 1926—1947. Journalistische Texte 2. — Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1983. — 582 p.

Литература

1. *Кудрявцева Т. В.* Русская литература в Германии : культурные горизонты / Т. В. Кудрявцева // Русская литература в зеркалах мировой культуры. — Москва : ИМЛИ РАН, 2015. — С. 9—55. — ISBN 978-5-9208-0483-9.
2. *Летопись жизни и творчества А. М. Горького.* В 4 т. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1959. — Т. 3. — 767 с.
3. *Чудов В.* Максим Горький — вдали от родины [Электронный ресурс] // Литература. Отражение внутреннего мира людей. — Режим доступа : <http://ubeditelno.ru/articles/rt002.shtml> (дата обращения 14.11.2022).
4. *Ярычев Н. У.* Мемориальная культура в зеркале гуманитаристики : актуальные исследовательские тренды / Н. У. Ярычев // Вестник культуры и искусств. — 2021. — № 4 (68). — С. 15—21.
5. *Bommarius Ch.* Im Rausch des Aufruhrs : Deutschland 1923 / Ch. Bommarius. — München : dtv Verlagsgesellschaft, 2022. — 352 p.
6. *Brauer W.* Gorki in Saarow [Electronic resource] / W. Brauer // Das Blättchen. — 2019. — № 22. — Access mode : <https://das-blaettchen.de/2019/10/bemerkungen-257-50066.html> (accessed 18.11.2022).

7. Ebert K. Maxim Gorki in Saarow 1922/23 / K. Ebert. — Frankfurt-an-der Oder : Verlag für Berlin-Brandenburg, 2019. — 32 p. — ISBN 978-3-947215-62-1.
8. Gebhardt H. Zehn Jahre Maxim-Gorki-Gedenkstätte in Bad Saarow-Pieskow / H. Gebhardt // Zeitschrift für Slawistik. — 1983. — N 28. — Pp. 918—920.
9. Gutsmuths E. Als Maxim Gorki in Bad Saarow weilte / E. Gutsmuths // Neue Fürstenwalder Zeitung. — 1964. — Jg. 5. — N 25.
10. Stürmer A. Das neueste Heft «Die Mark Brandenburg». Kurgast Gorki und andere Russen / A. Stürmer // Märkische Allgemeine. — 09.04.2018. — P. 10.

Material resources

- Bloch, E. (1959). *Das Prinzip Hoffnung*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 1665 p. (In Germ.).
- Gorky, M. (2009). *The complete works. Letters: in 24 volumes, 14*. Moscow: Nauka. 821 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).
- Kisch, E. E. (1983). Bekanntschaft mit Maxim Gorki. In: *Mein Leben für die Zeitung 1926—1947. Journalistische Texte 2*. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag. 111—114. (In Germ.).
- Kisch, E. E. (1983). Gesammelte Werke / in Einzelausgaben. In: *Mein Leben für die Zeitung. 1926—1947. Journalistische Texte 2*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag. 582 p. (In Germ.).
- Kish, E. (1928). Writers of the West and the USSR to Maxim Gorky on the occasion of Gorky's 60th anniversary. Egon Erwin Kish. "Izvestia", 75. March 29. P. 3. (In Russ.).

References

- Bommarius, Ch. (2022). *Im Rausch des Aufbruchs: Deutschland 1923*. München: dtv Verlagsgesellschaft. 352 p. (In Germ.).
- Brauer, W. (2019). Gorki in Saarow. *Das Blättchen*, 22. Available at: <https://das-blaettchen.de/2019/10/bemerkungen-257-50066.html> (accessed 18.11.2022). (In Germ.).
- Chronicle of the life and work of A. M. Gorky. In 4 volumes, 3*. (1959). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 767 p. (In Russ.).
- Chudov, V. Maxim Gorky — far from the motherland. *Literature. Reflection of the inner world of people*. Available at: <http://ubeditelno.ru/articles/rt002.shtml> (accessed 14.11.2022). (In Russ.).
- Ebert, K. (2019). *Maxim Gorki in Saarow 1922/23*. Frankfurt-an-der Oder: Verlag für Berlin-Brandenburg. 32 p. ISBN 978-3-947215-62-1. (In Germ.).
- Gebhardt, H. (1983). Zehn Jahre Maxim-Gorki-Gedenkstätte in Bad Saarow-Pieskow. *Zeitschrift für Slawistik*, 28: 918—920. (In Germ.).
- Gutsmuths, E. (1964). Als Maxim Gorki in Bad Saarow weilte. *Neue Fürstenwalder Zeitung*, 5 (25). (In Germ.).
- Kudryavtseva, T. V. (2015). Russian literature in Germany: cultural horizons. In: *Russian literature in the mirrors of world culture*. Moscow: IMLI RAS. 9—55. ISBN 978-5-9208-0483-9. (In Russ.).
- Stürmer, A. (2018). Das neueste Heft «Die Mark Brandenburg». Kurgast Gorki und andere Russen. *Märkische Allgemeine*. 09.04. P. 10. (In Germ.).
- Yarychev, N. U. (2021). Memorial culture in the mirror of humanitarianism: current research trends. *Bulletin of Culture and Arts*, 4 (68): 15—21. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.11.2022,
одобрена после рецензирования 15.01.2023,
подготовлена к публикации 28.01.2023.



Осьмухина О. Ю. «Нордический (скандинавский) нуар» vs скандинавский детектив : дискуссионный аспект изучения / О. Ю. Осьмухина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 246—265. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-246-265.

Osmukhina, O. Yu. (2023). “Nordic (Scandinavian) Noir” vs Scandinavian Detective: a Debatable Aspect of Study. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 246-265. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-246-265. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-246-265

**«Нордический
(скандинавский) нуар»
vs скандинавский детектив:
дискуссионный аспект
изучения**

Осьмухина Ольга Юрьевна
orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы
osmukhina@inbox.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

**“Nordic (Scandinavian) Noir”
vs Scandinavian Detective:
a Debatable Aspect of Study**

Olga Yu. Osmukhina
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature
osmukhina@inbox.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

© Осьмухина О. Ю., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается феномен «нордического (скандинавского) нуара», сформировавшегося в литературе Северной Европы в последние два десятилетия. Автор рассматривает произведения шведских, датских, норвежских прозаиков и доказывает недостаточную правомерность их отнесения к «нуару». Обосновывается термин *нуар*. На основе анализа романов С. Ларссона, Ю Несбё, Х. Флод, М. Линдстин, А. Метте Ханкок утверждается релевантность именно термина *детектив* применительно к творчеству норвежских, шведских и датских прозаиков. Установлено, что ни к одному из новейших скандинавских романов не применима дефиниция «скандинавский (нордический) нуар». В жанровом отношении фактически каждое из этих произведений представляет собой детектив, сочетающий в себе и другие жанровые элементы. «Миллениум» С. Ларссона, «Снеговик», «Леопард», «Красношейка» Ю Несбё, «Трупный цветок» А. М. Ханкок синтезируют элементы детектива, семейного и социального романа. «Терапевт» Х. Флод представляет собой синтез психологического триллера и детектива. «Секта с туманного острова» М. Линдстин сочетает свойства готического романа (замкнутый хронотоп усадьбы, являющийся аналогом замкового хронотопа; наличие героя-злодея, определяющего сюжетное развертывание) и психологического детектива (героиня-расследователь, реконструирующая события прошлого, опирающаяся на логику в раскрытии тайны и придающая реалистическую мотивировку происходящему).

Ключевые слова:

нуар; детектив; современная скандинавская литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The phenomenon of “Nordic (Scandinavian) noir”, which has formed in the literature of Northern Europe in the last two decades, is studied. The author considers the works of Swedish, Danish, Norwegian prose writers and proves the insufficient legitimacy of their attribution to “noir”. The term *noir* is substantiated. Based on the analysis of the novels by S. Larsson, J. Nesbø, H. Flood, M. Lindstein, A. Mette Hancock, the relevance of the term detective in relation to the work of Norwegian, Swedish and Danish prose writers is stated. It has been established that the definition of “Scandinavian (Nordic) noir” is not applicable to any of the newest Scandinavian novels. In terms of genre, in fact, each of these works is a detective story that combines other genre elements. “Millennium” by S. Larsson, “The Snowman”, “Leopard”, “Redneck” by J. Nesbø, “Corpse Flower” by A. M. Hancock synthesize elements of a detective, family and social novel. “The Therapist” H. Flod is a synthesis of a psychological thriller and a detective story. “A sect from a misty island” by M. Lindstein combines the properties of a gothic novel (a closed chronotope of a manor, which is an analogue of a castle chronotope; the presence of a villain hero who determines the plot deployment) and a psychological detective story (an investigating heroine who reconstructs the events of the past, relying on logic to solve the mystery and giving realistic motivation to what is happening).

Key words:

noir; detective; modern Scandinavian literature.

«Нордический (скандинавский) нуар» vs скандинавский детектив: дискуссионный аспект изучения

© Осьмухина О. Ю., 2023

1. Введение = Introduction

Общеизвестно, что настоящий всплеск популярности скандинавской литературы и кинематографа в России пришелся на последнее десятилетие, что было связано прежде всего с публикацией на русском языке трилогии «Миллениум» шведского журналиста Стига Ларссона (2005—2007; рус. перевод 2009—2019) с последующей экранизацией всех её трёх частей шведскими режиссерами в 2009 году и голливудской версией Д. Финчера «Девушки с татуировкой дракона» в 2011 году. Вслед за этим популярность обретают серия о Харри Холме и романы «Сын», «Королевство» норвежского прозаика Ю Несбё, ставшие международными бестселлерами романы Камиллы Лэкберг (от «Ледяной принцессы» и «Проповедника» до «Укротителя» и «Ведьмы»), ретро-детективы «1793», «1794», «1795» начинающего шведского писателя Никласа Натт-о-Дага, «Секта с туманного острова» шведки Мариэтт Линдстин, дебютный роман «Терапевт» норвежки Хелене Флод, фактически случайно открытой в 2020 году литературным редактором Ю Несбё, а также шведско-датский сериал «Мост» (2011—2018), датский «Убийство» (2011—2013), созданные в одной стилистике. Мы назвали наиболее примечательные примеры, но список, безусловно, можно продолжить. Как отметила в одном из интервью авторитетный эксперт скандинавского кино и редактор веб-сайта «Cinema Scandinavia» Эмма Вестрхейм, отвечая на вопрос о причинах популярности «нордического нуара», «I think what makes Nordic Noir stand out is because, first and foremost, crime is a genre that can be easily translated to other countries and cultures. <...> Additionally, I think what made Nordic Noir so big is the fact that in the last 10 years, Scandinavia has become this cool and trendy region. Whenever someone hears about Scandinavia, it's normally about how Utopian, modern, safe, and equal the countries are. Nordic Noir breaks down this perception of Scandinavia» / «Я думаю, что нордический нуар выделяется тем, что, в первую очередь, это криминальный жанр, который может быть легко транслирован на другие страны и культуры <...> Кроме того, я думаю, что столь популярным нордический нуар сделал тот факт, что за последние 10 лет Скандинавия стала крутым и модным регионом. Всякий раз, когда кто-то слышит о Скандинавии, обычно речь идет о том, насколько эти

страны утопичны, современны, безопасны и равноправны. Нордический нуар разрушает это представление о Скандинавии» (перевод наш. — О. О.) [Interview ..., 2019].

Объект нашего исследования — феномен так называемого «нордического (скандинавского) нуара», сформировавшегося и обретшего популярность в последние два десятилетия. В связи с актуализацией интереса отечественной и западной литературной критики и литературоведения к этому явлению [Алешничева, 2014; Каплун, 2014; Козина, 2014; Шарапенкова, Сафрон, 2022; Bergman, 2014, 2018; Forshaw, 2013; Gallanger, 2013; Lesser, 2020; Miller, 2010; Nestingen, 2011; Povlsen, 2011 и др.] обращение к нему представляется весьма перспективным и своевременным, поскольку в пристальном изучении нуждается не только обширный пласт подобных текстов, но требует конкретизации и сама дефиниция «нордический (скандинавский) нуар». **Научная новизна** настоящей статьи состоит в том, что предпринятый впервые комплексный анализ скандинавских романов позволит, во-первых, дать терминологически обоснованное определение этому феномену; во-вторых, расширить научное представление о сущности нуара и отграничить его от современного скандинавского детектива; в-третьих, осмыслить специфику его хронотопа и персонажной системы.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Материал исследования составили шведско-норвежско-датские романы Мариэтт Линдстин «Секта с туманного острова», «Терапевт» Хелен Флод, серия о Харри Холле и «Королевство» Ю Несбё, трилогия «Милле ниум» Стига Ларссона, «Трупный цветок» Анне Метте Ханкок.

В своей статье автор использовал **историко-функциональный метод**, позволяющий обнаружить схожие особенности «скандинавского (нордического) нуара», сближающие его с детективом и отличающие от «нуара»; **сравнительно-исторический**, благодаря которому были выявлены важнейшие общие «составляющие» произведений С. Ларссона, Ю Несбё, М. Линдстин, Х. Флод, А. М. Ханкок; **метод целостного анализа** литературного произведения, давший возможность осмыслить жанровые особенности скандинавского романа в неразрывной связи и единстве с его образно-тематическим и персонажным уровнями.

Теоретической базой нашей статьи явились работы, посвященные тем или иным аспектам изучения современного скандинавского романа [Алешничева, 2014; Каплун, 2014; Кобленкова, 2016; Козина, 2014; Шарапенкова, Сафрон, 2022; Bergman, 2013, 2018, 2019; Forshaw, 2013; Gallanger, 2013; Lesser, 2020; Miller, 2010; Nestingen, 2011; Povlsen, 2011], детективного жанра [Вулис; Казачкова, 2015; Осьмухина, 2019; Chandler, 1959; Symons,

1992; The Poetics of Murder, 1983]. Особую значимость в решении стоящих перед нами задач имели исследования, в которых непосредственно анализируются феномены не только «нордического (скандинавского) нуара», но и нуара вообще [Васильченко, 2019; Осьмухина, Куряев, 2018; Пономарева, Пономарева, 2020; Пушкин, 2016].

Практическая значимость статьи состоит в том, что её материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории мировой литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных современной скандинавской прозе в целом и творчеству отдельных её представителей, в частности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Скандинавский (нордический) нуар»: история вопроса

Столь обширный пласт литературной и кинопродукции, произведенный скандинавами и погружающий читателя в реалии Северной Европы, в современной гуманитаристике однозначного терминологического наименования так и не получил. Отечественными исследователями (И. Новицкая, М. Каплун, Ю. Козина) он упорно именуется «скандинавский нуар» [Каплун, 2014; Козина, 2014; Новицкая, 2019]; исключение составляют, пожалуй, лишь статьи О. В. Тихоновой [Тихонова, 2014, 2016]. В западных работах Керстин Бергман, Барри Форшоу, Лауры Миллер для характеристики кино и литературы наряду с «Nordic Noir» («нордический нуар») [Bergman, 2014, 2018; Forshaw, 2013; Miller, 2010] используется более обобщенное «Scandinavian Crime Fiction» [Nestingen, 2011]. Прежде чем вести разговор непосредственно о самом явлении, необходимо осмыслить его сущностные свойства и жанровую специфику; принципиально важно, на наш взгляд, определиться с терминологическим аппаратом, поскольку разнообразные варианты определений отличаются недостатками, главный из которых состоит в том, что они не раскрывают сущность обозначаемого этим понятием явления. Как справедливо отмечает Е. В. Титова, «довольно часто значительная часть понятий и терминов, через которые описывается предмет исследования, являются либо не определенными, то есть не имеющими точного определения, либо неоднозначными, то есть употребляющимися в различных, не всегда разводимых, значениях. В свое время К.-Г. Юнг в отношении психологии заметил: “употребляя термин, мы должны определить его значение, в противном случае мы будем говорить на невразумительном языке, а для психологии это просто несчастье”» [Титова, 2010]. То же в полной мере относится и к литературоведению, для которого «уточнение и формирование научного языка до сих пор продолжает оставаться актуальным, а та “невразумительность”, которая имеет место даже

в современных научных текстах и речах, есть действительное несчастье. При построении понятийно-терминологического аппарата любой науки принято руководствоваться требованием (принципом) однозначности терминов, согласно которому каждому термину должно соответствовать лишь одно значение. Иначе говоря, термин, избираемый для обозначения какого-либо объекта в языке науки, не должен использоваться для обозначения другого объекта в том же языке» [Там же].

На наш взгляд, из трех терминологических понятий ни одна дефиниция не пригодна для описания указанного объекта исследования. «Scandinavian Crime Fiction» слишком широкое, не отражающее сути того, о чём идет речь, и фактически подразумевает криминальную литературу, включающую и «бульварную» продукцию, и классический детектив, и «авантюрное расследование» (термин Н. Н. Кириленко), и полицейский роман, и «расследование жертвы» [Федунина], «сделанную» писателями-скандинавами на языках скандинавских стран. Однако и термины «Scandinavian Noir» и «Nordic Noir» вряд ли можно счесть уместными. Поясним, что мы имеем в виду.

«Нордический нуар» как субжанровое явление в Скандинавии вообще не укоренён. Общеизвестно, что своё начало «нордический нуар» берет в кинематографе и генетически восходит, во-первых, к «Аляска-триллерам» («Ледяное безмолвие», реж. Питер Мастерсон, 1993; «Бессонница», реж. Эрик Шёлдбьерг, 1997 и римейк реж. Кристофер Нолан, 2002; «На грани», 1997; «Схватка», 2011). Действие в каждом из них происходит на Крайнем Севере, где большую часть года занимает полярная ночь, чаще всего на Аляске; практически во всех картинах так или иначе изображается противостояние человека и враждебной среды (достаточно вспомнить мучительную бессонницу и раздражающий свет из окна в мотеле героя Аль Пачино Дормера, прилетевшего из Лос-Анджелеса в захолустный Найтмьют на Аляске в «Бессоннице» Кр. Нолана); финал всех «Аляска-триллеров» открытый — не вполне понятно, кто же остался победителем: так, в «Схватке» герой Лиам Ниссона Джон Оттуэй умирает в последнем кадре, навалившись на тело убитого им волка; в «Бессоннице» Уилл Дормер, застреливший убийцу Финча, умирает от его же пули со словами «Я хочу спать...».

Во-вторых, источником «нордического нуара» являются «прибрежные детективы» [Васильченко, 2019, с. 303], традиция которых берет начало в романах А. Кристи, построенных по одной и той же сюжетной схеме: в локальном пространстве небольшого провинциального городка, где все действующие лица знают друг друга, происходит ужасное преступление, в ходе расследования которого выясняется, что под видом благополучия и благопристойности скрываются самые пугающие тайны. Наиболее примечательными примерами являются романы А. Кристи «Загадочное происшествие

в Стайлзе», где действие разворачивается в усадьбе Стайлз-Корт графства Эссекс; «Объявлено убийство», сюжет которого разворачивается в деревушке Чиппинг-Клегхорн; «Загадка Ситтафорда», «Убийство в доме викария» и др. В кинематографе эта же схема максимально реализована в «Догвилле» Ларса фон Триера (2003), где все жители городка в Скалистых горах оказываются полными чудовищами, с которыми главная героиня Грэйс Маллиган в исполнении Николь Кидман расправляется в финале. Таким образом, становится очевидно, что генезис «нордического нуара» никоим образом не соотносится со Скандинавией. Более того, весь, условно говоря, шведско-норвежско-датский литературно-кинематографический поток последнего десятилетия не вполне правомерно обозначать «нуаром».

Напомним, что термином *нуар*, появившимся благодаря кинокритику Нино Франко в 1946 году, была обозначена стилистика голливудских кинолент «Двойная страховка» Билли Уайлдера, «Женщина в окне» Фрица Ланга, «Мальтийский сокол» Джона Хьюстона, «Лора» Отто Премингера. Все они отличались эротизмом, мотивами фатума, особой таинственной атмосферой. В этом же году Борис Виан на просьбу одного из парижских издательств о книге, которая могла бы конкурировать с «Черной серией» издательского дома «Галлимар», выпускает под псевдонимом Вернон Салливан имевший оглушительный успех и едва не вызвавший судебное разбирательство роман «Я приду плюнуть на ваши могилы», пронизанный жестокостью, похотью и изображающий склонного к необъяснимому саморазрушению героя. В результате термин *нуар* закрепляется сначала в киноиндустрии, а затем к середине 1950-х годов и в литературе, где связывается с творчеством Корнелла Вулрича, чьи «черные романы» активно экранизировались, в том числе А. Хичкоком («Окно во двор», 1954) и Фр. Трюффо («Невеста была в черном», 1968), а также Дэшила Хэммета, Рэймонда Чандлера и Джеймса М. Кейна.

Эстетика нуара, детально проанализированная А. В. Васильченко [Васильченко, 2019], характеризуется рядом устойчивых черт. Во-первых, сюжет разворачивается в мрачной атмосфере города, причем город становится символом плотских желаний, развращенности, а также и маркирует экзистенциальное одиночество героя, разобщенность персонажей, его населяющих [Осьмухина и др., 2018]. Во-вторых, действие строится на анализе психологии преступника, которая показывается «изнутри», при этом насилие эстетизируется, создает параноидальную атмосферу, схожую с кошмарным сном. В-третьих, преступления могут быть самыми изощренными, убийцей оказывается кто угодно, причем преступники незаурядны, способны к философствованию или к рефлексии, а жертва чаще всего сама виновата не меньше преступника. В-четвертых, главным героем в нуаре, как правило, яв-

ляется частный детектив, не молодой, не отличающийся свойствами «супермена», занимающий «промежуточное» положение между криминалитетом и полицией, а потому балансирующий на грани законности, нередко рискующий жизнью во исполнение договора с нанимателем [Васильченко, 2019; Пономарева и др., 2020]. В-пятых, главного героя в нуаре всегда окружают женщины, роковые красавицы, умело манипулирующие окружающими, являющиеся воплощением эротизма, губящие и мужчин, и самих себя. Наконец, реалистичность происходящего в нуаре сочетается с нелогичностью поведения персонажей, неожиданными поворотами сюжета, что в конечном итоге создает атмосферу страха и усиливает чувство читательской (зрительской) тревоги, дезориентирует реципиента.

Некоторые исследователи пытаются вывести «скандинавский нуар» от творчества норвежского прозаика Морица Кристофера Хансена, опубликовавшего в начале XIX века новеллу «Сумасшедший христианин», однако согласимся с мнением А. В. Васильченко в том, что это «не более чем спекулятивная попытка, присущая многим периферийным явлениям, которые стремятся во что бы то ни стало быть частью общемировых трендов» [Васильченко, 2019, с. 304].

3.2. Художественное своеобразие современного скандинавского детективного романа

Действие практически всех романов, причисляемых к «скандинавскому (нордическому) нуару», происходит отнюдь не в городе, но в провинции. Так, в трилогии Стига Ларссона, по сути, благодаря которому русские читатели в начале 2000-х заново открыли для себя скандинавскую литературу, события разворачиваются в основном либо вдали от большого города, либо не в нём одном. В «Девушке, которая играла с огнем» и «Девушке, которая взрывала воздушные замки» действие происходит не только и не столько в Стокгольме, но и в Соллебрунне, Носсебру, в усадьбе Залаченко в Госсеберге. В «Девушке с татуировкой дракона» Блумквист заключает договор с Хенриком Вангером и поселяется на острове Хедебю, который «представлял собой кусок земли неправильной формы, вытянутый километров на десять в длину и в самом широком месте едва достигавший полутора километров. Большую часть острова занимал лес. Постройки располагались поблизости от моста и вокруг маленькой лодочной гавани; на дальней стороне острова имелось только одно хозяйство, Эстергорд» [Ларссон, 2012с, с. 115]. В «Королевстве» Ю Несбё все сюжетные коллизии разворачиваются на ферме, находящейся в горах, удаленной не только от столицы, но и от близлежащей деревни: «Я обвел взглядом окрестности. Те, что не заволкло туманом. Горный склон по другую сторону долины словно вырисовывался из серого моря. <...> Порой туристы поднимаются по извилистой дороге из

деревни, чтобы посмотреть, какой отсюда открывается вид, и тогда они рано или поздно оказываются у меня во дворе. <...> высокогорная ферма — это прежде всего пастбище для скота, настоящее пустынное королевство» [Несбё, 2021, с. 13—14]. В его же «Снеговике» события переносятся из Румиреке в Осло, в окрестности Бергена, в Берген [Несбё, 2018]. В «Терапевте» Хелене Флод герои хотя и действуют в Осло, но пространство города сжимается до минихронотопов и локализуется в квартире и кабинете частного психотерапевта Сары в районе Нурберга и отчасти в квартире ее сестры и доме отца [Флод, 2020], равно как и в «Трупном цветке» Анне Метте Ханкок, где Элоиза и Шефер перемещаются по Копенгагену (офис, квартира, полицейский участок), а во время их пребывания в Париже пространство вообще сужается до локуса тюрьмы. В «Секте с туманного острова» Мариэтт Линдстин место действия фактически заявлено уже в заглавии, и действительно, усадьба «Виа Терра» расположена на острове, отрезанном от материка, добраться на который можно исключительно по морю на пароме: «Впереди начал величественно проступать остров, контуры елей на холмах, покоящиеся в гавани лодки и кое-где тени домов. <...> Туман рассеивался. <...> По обеим сторонам острова вдоль берега идут дороги <...> А в глубине находятся в основном лес и торфяники. <...> На северной оконечности острова есть видовая площадка, откуда можно посмотреть на Скагеррак» [Линдстин, 2020, с. 21—22]. Очевидно, что топонимика не репрезентована как разрушающая личность среда, лишена особого нуарового флёра отчуждения персонажей друг от друга.

Практически во всех романах главный герой не является экзистенциально одиноким: Рой спустя годы вновь обретает брата и возлюбленную («Королевство» Ю Несбё); у Софии есть верный друг Беньямин, а также Бьёрк с женой, помогающие ей покинуть остров («Секта с туманного острова» М. Линдстин); даже после потери мужа Сара Латхус окружена заботой и любовью отца и сестры («Терапевт» Х. Флод); Элоиза Кальдан дружит с Гердой и Эриком Шефером и его женой («Трупный цветок» А. М. Ханкок); разведенный и живущий один Харри Холе встречается с Ракелью и любимым пасынком (серия о Харри Холе Ю Несбё); у Микаэля Блумквиста, помимо Лисбет и Эрики, есть дочь и сестра («Миллениум» С. Ларссона).

Главные герои не всегда выполняют функцию частных детективов, но если и выполняют, то заметно отличаются от их нуаровых аналогов. В «Миллениуме» С. Ларссона в роли частного детектива выступает журналист Микаэль Блумквист, но в отличие от детективов нуара он не балансирует между законностью и миром криминала, не идет на моральные компромиссы, напротив: «Доверие — это <...> его главный капитал. Он создал себе образ блюстителя морали в мире предпринимательства» [Ларссон, 2012а,

с. 63]. Вполне сопоставима с ним и Элоиза Кальдан из «Трупного цветка», начинающая расследование обвинённой в убийстве Анны Киль, для которой журналистская этика превыше всего: «Я была честна» [Ханкок, 2021, с. 17]. В «Королевстве» Ю Несбё главный герой, от лица которого ведется повествование, живущий на удаленной ферме Рой Абель Олгард вообще занимается бензозаправками. Рой ведет почти затворническую, лишенную каких-либо событий жизнь, но ровно до возвращения брата Карла, чье появление и воскрешает в памяти Роя те преступления, которые были совершены много лет назад, в том числе им из братской любви, и тянет за собой вереницу новых убийств, в которых, а заодно и в себе Рою предстоит разобраться. В «Секте с туманного острова» М. Линдстин и в «Терапевте» Х. Флод «детективами» становятся сами женщины-жертвы. Так, София в «Секте...», по непонятным для неё же самой причинам, остается в «Виа Терре»: «В дальнейшем она будет бесчисленное количество раз копаться в себе. “Почему, скажите на милость? Что на меня нашло? Как я могла?” Она всегда приходила к одному и тому же выводу. Это была некая комбинация. Притягательная, неотразимая смесь. Красивый остров, повсюду роскошь, еда, сон, ощущение после тезисов; но главным образом — <...> Освальд и его притягательная сила. Здесь речь шла не о секте или культе, а о чем-то совершенно другом. Почти что о новом мире, осуществленной мечте о будущем» [Линдстин, 2020, с. 53]. И лишь когда героиня понимает, что в усадьбе происходит нечто необъяснимое и преступное, а вырваться за ее пределы невозможно, она берётся за собственное расследование. Сара Латхус в «Терапевте», в отличие от полицейских, которым «за целую неделю выявить подозреваемых не удалось», но «вполне возможно, что дело будет раскрыто» [Флод, 2020, с. 334], путем скрупулезного анализа произошедшего самостоятельно доходит до осознания того, что убийцей ее мужа стал ее же собственный отец: «Папа, видящий в семье единственную святыню. Считающий, что за неверность следует наказывать. Поборник общественных инициатив, гражданской обороны и самосуда, если этого требуют интересы стаи. <...> Папа сторонник крайних мер. <...> Папа знал про Сигурда и Веру. <...> Но он не отвернулся, пожал плечами <...> И это папа, не сохранивший ни одного моего рисунка <...> Не помнящий, как зовут моих подруг, забывающий поздравить меня на день рождения <...> И тем не менее готовый ради меня на все, если сам сочтет это необходимым» [Флод, 2020, с. 344—345]. Пожалуй, лишь Харри Холм отчасти соответствует образу детектива нуара: разведенный герой-одиночка, не очень молодой, изрядно потрепанный («стиль Харри — эдакая небрежность человека слегка “под мухой” <...> такой рок-н-ролльный» [Несбё, 2017, с. 28—29]), страдает алкоголизмом, красавцем его тоже назвать нельзя; нередко он подвергается суровым испытаниям буквально накануне счастли-

вой развязки («Снеговик», «Леопард», «Красношейка»), рискует жизнью и способен на самопожертвование. При этом он не частное лицо, он — полицейский, руководствующийся при раскрытии преступлений прежде всего не личными, своекорыстными мотивами или болезненным любопытством, как традиционные персонажи нуара, но профессиональным долгом, о чем говорит ему бывшая жена: «Ты сам и есть работа, и движет тобой не любовь, не ответственность. А солидарность. Никаких личных устремлений, вот в чем дело <...> А это неправильно, Харри, так быть не должно» [Несбё, 2017, с. 37]. Таким образом, положительные главные герои также никак не вписываются в эстетику нуара.

Примечательно, что и героини-женщины, спутницы персонажа-расследователя, очевидно не «дотягивают» до роковых красоток классического нуара. Так, «помощницами» Блумквиста в «Миллениуме» С. Ларссона выступают две женщины — Лисбет Саландер и Эрика Бергер. Несмотря на эффектную внешность, главный редактор «Миллениума» Эрика, принадлежащая к высшему обществу, отнюдь не является *femme fatale*: не отличающаяся ни коварством, ни склонностью к манипуляциям, она серьезна, рациональна, предана журналу, ее характеризуют прежде всего высочайшее чувство ответственности, журналистский профессионализм, независимость от любых стереотипов; двадцатилетняя связь с Блумквистом сделала ее для Микаэля не столько постоянной любовницей, сколько надежным другом и партнером. Бисексуалка Лисбет Саландер вообще абсолютно лишена физической привлекательности: «бледная, анорексически худая девушка со стрижкой “бобрик” и пирсингом на носу и бровях. На шее у неё имела татуировка в виде осы длиной в два сантиметра, одна вытатуированная цепочка обвивала бицепс левой руки, а другая — щиколотку <...> на лопатке у нее присутствует еще более крупная татуировка, изображающая дракона. Естественным цветом её волос был рыжий, но она красила их в иссиня-черный. <...> по своей конституции она от рождения была худой, тонкокостной, словно девчонка, стройной, с маленькими руками, узкими щиколотками и едва заметной под одеждой грудью. Ей было двадцать четыре года, а выглядела она на четырнадцать. Широкий рот, маленький нос и высокие скулы придавали ее внешности нечто азиатское. Двигалась она быстро, как паук, а во время работы за компьютером ее пальцы летали по клавишам с какой-то одержимостью. С таким телом на карьеру в модельном бизнесе рассчитывать не приходилось» [Ларссон, 2012с, с. 47]. При этом она не только профессиональный хакер, но еще и наделена выдающимися интеллектуальными и аналитическими способностями, невероятной интуицией и памятью, она всегда «действовала с фантазией и всегда возвращалась с чем-нибудь совершенно неожиданным <...>», ее способность

добывать информацию граничила с волшебством. Она великолепно разбиралась в бюрократических архивах и могла отыскать самых малоизвестных людей» [Ларссон, 2012с, с. 44]. У Ю Несбё в серии о Харри Холе не во всех романах главного героя сопровождает спутница, но, к примеру, в «Снеговике» такая «красотка» появляется: «Катрина Брат. <...> Смотри-ка ты, настоящая красавица! И не старается понравиться, подумал Харри. <...> Само личико было тонким, бледным и имело выражение серьезное, почти усталое, — такое Харри видел у записных красоток, которые настолько привыкли, что их вечно разглядывают, что потеряли к этому всякий интерес» [Несбё, 2018, с. 24]. Однако и ей не свойственно мрачное очарование, распутство или коварство. Её попытка в определенный момент манипулировать Харри логически объяснима и благородна: она пытается доказать невиновность и вернуть честное имя собственного отца.

Фактически всем скандинавским романам присущи лишь отдельные элементы нуара: прежде всего это касается эстетизации насилия, когда совершаются и подробнейшим образом описываются самые жестокие и изощренные преступления, как, к примеру, в «Леопарде» Ю Несбё [Несбё, 2017, с. 726]. Убийцы не являются фигурами однозначно отрицательными. Так, в «Королевстве» Ю Несбё убийцами оказываются сам главный герой, склонный к рефлексии, наблюдательный и внимательный, и его брат, психологически травмированный в детстве: и если Рой жестоко мстит за насилие над любимым младшим братом своему отцу, а также, реализуя в полной мере эдипов комплекс, убивает и мать, виновную, по его мнению, в бездействии; Карл же, не задумываясь, расправляется с женой, как только понимает, что она может помешать реализации его бизнес-проекта. В «Снеговике» маньяк-убийца, отягощенный детской травмой, прекрасно образован, социально успешен, умен и расчетлив, более того, он хорошо усвоил «сценарий» идеального убийства, который в шутку озвучила его очередная жертва: «Подружись с жертвой, убей ее, а затем убей следователя» [Несбё, 2018, с. 156]. Помимо жестоких убийств женщин, офицеры полиции Катрина Братт и Харри Холм обнаруживают труп своего коллеги из Бергена Герте Рафто в холодильнике, в загородном доме Рафто, где никто не бывает, причем убийство совершено с особой изощренностью: у трупа рот вышит черными нитками, а нос вырезан — вместо него приделана морковь. В «Секте с туманного острова» М. Линдстин преступник Освальд поистине незауряден. Равно как классический готический злодей, он физически весьма привлекателен: «Высокий, хорошо сложенный <...>. Темные волосы зачесаны назад и собраны в хвост. Загар наверняка искусственный, но ему идет. Он нес аuru аккуратности и изысканности, но в то же время излучал нечто примитивное, почти животное. Однако что заставляло воздух трепетать от нетерпеливого ожида-

ния — это <...> его бросающаяся в глаза авторитетность» [Линдстин, 2020, с. 14]. Обладая «притягательной силой», он сочетает способность к философствованию, необычайное ораторское мастерство с необузданной жестокостью, умением манипулировать [Там же, с. 350—351]. В «Трупном цветке» А. М. Ханкок все члены секретного «клуба» в Нордхавнене — состоятельные, «достойные», «люди, которые живут обычной жизнью. Школьные учителя, юристы, предприниматели, врачи» [Ханкок, 2021, с. 230].

При этом атмосфера страха, тревожности создается отнюдь не за счет нелогичности поступков персонажей, как в произведениях нуара (действия главных героев-расследователей в скандинавских текстах лишены спонтанности, продуманы, выверены), но благодаря неожиданным сюжетным поворотам, нередко таинственным событиям, деталям, создающим особый антураж. Так, в «Снеговике» Ю Несбё атмосфера страха нагнетается с первых строк повествования, когда в Норвегии в конце ноября выпадает первый снег, становящийся предвестником очередного преступления, ибо из года в год в этот день бесследно исчезают замужние женщины. Неожиданно появляющийся как предзнаменование убийства снеговик, возникающий буквально из ниоткуда перед домом Юнаса, вызывает у мальчика необъяснимый, животный страх: «Юнас забрался на стул и выглянул на улицу. А там, посреди газона, прямо напротив их дома, и правда стоял большой снеговик. Глаза и рот выложены камешками, а нос сделан из морковки <...>, да и рука была всего одна — тонкая веточка, выдернутая, как догадался Юнас, из изгороди. И еще кое-что было не так: снеговик стоял неправильно. Юнас не смог бы этого объяснить, но чувствовал...» [Несбё, 2018, с. 31]. Наконец, этой же ночью, проснувшись от кошмарного сна, Юнас, пытаясь отыскать пропавшую мать, выбегает во двор: «И тут его взгляд упал на снеговика. Тот стоял как и прежде, без движения, все также повернувшись к дому <...> Но все-таки кое-что изменилось <...>. Он не мог сдвинуться с места, стоял как вкопанный <...>: до него только что дошло, почему снеговик показался таким знакомым. Теперь на нем был шарф. Розовый шарф. Шарф, который Юнас подарил маме на Рождество» [Несбё, 2018, с. 43—44]. В этом же романе нагнетанию страха способствует и таинственное письмо, которое получает Харри Холе, ведя расследование: «Скоро выпадет первый снег. И тогда он снова объявится. Снеговик. А когда снег растает, он снова кого-то заберет с собой. Ты должен спросить себя вот о чем. Кто сделал снеговика? Кто породил Мурри? Потому что сам снеговик об этом не знает» [Несбё, 2018, с. 91]. Примечательно, что письмо, написанное убийцей, отсылает к прошлому Холе: Мурри — псевдоним серийного маньяка, которого Холе застрелил в Австралии несколько лет назад («Нетопырь»). В «Секте с туманного острова» М. Линдстин в лучших традициях

европейской готики [Осьмухина и др., 2019] созданию атмосферы страха, окутывающей все здание усадьбы, ужаса, нагнетаемого повествованием, способствуют неожиданная абсолютная тишина, «будто за толстыми стенами смолкло вечное гудение мира» [Линдстин, 2020, с. 24], возникающий необъяснимый шорох, смятение и страх, испытываемый обитателями «Виа Терры», таинственная смерть одного из них в морской пучине. Сама героиня чувствует нечто жуткое, впервые оказавшись в усадьбе: «...здесь царила непонятная, слегка настораживающая атмосфера. В чем она проявлялась, София определить не могла: “Здесь так красиво, что дух захватывает, и тем не менее меня пробирает дрожь”, — подумала она» [Линдстин, 2020, с. 24]. В «Трупном цветке» Элоизу охватывает первобытный страх и отвращение, когда она погружается в расследование преступлений секретной «ложи», а затем и шок, когда узнаёт правду о собственном отце: «Ужасная тоска, заставившая её заплакать, вновь уступила место невыразимой горечи. Негодованию и возмущению» [Ханкок, 2021, с. 227]. В «Девушке с татуировкой дракона» С. Ларссона ужас проникает в сознание Блумквиста, когда он изучает историю семьи Вангеров, насыщенную извращенными ритуальными убийствами, насилием, инцестуальным в том числе; кульминацией же в нагнетании страха в первой части становится сцена, когда Блумквист захвачен Мартином Вангером и заточен в подвал его дома, а перед смертью вынужден с отвращением слушать историю грязных преступлений Мартина и его отца. Во второй части трилогии примечательна страшная атмосфера детской психиатрической клиники Петера Телебориана, где несколько лет насильственно содержалась Лисбет. Равно как и персонаж известного фильма немецкого экспрессионизма «Кабинет доктора Калигари» (1920), Телебориан — садист и маньяк, наслаждающийся властью над своими подопечными; ужасающе выглядит и сцена, когда отец и брат Лисбет хоронят её заживо.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав современные скандинавские романы, обозначаемые как «нордический нуар», мы пришли к следующим выводам.

Очевидно, что ни к одному из новейших скандинавских романов не применима дефиниция «скандинавский (нордический)» нуар. В жанровом отношении фактически каждое из этих произведений являет собой детектив, сочетающий в себе и другие жанровые элементы. Так, «Миллениум» С. Ларссона, «Снеговик», «Леопард», «Королевство» Ю Несбё, «Трупный цветок» А. М. Ханкок синтезируют элементы детектива, семейного и социального романа благодаря вплетению в структуру детективного сюжета истории той или иной семьи и социальной проблематики; «Терапевт»

Х. Флод — это синтез психологического триллера и детектива; «Секта с туманного острова» М. Линдстин сочетает свойства готического романа (особый замкнутый хронотоп усадьбы, являющийся аналогом замкового хронотопа; герой-злодей, определяющий сюжетное разворачивание) и психологического детектива (героиня-расследователь, реконструирующая события прошлого, опирающаяся на логику в раскрытии тайны и придающая реалистическую мотивировку происходящему).

Перспективы исследования видятся нам в дальнейшем осмыслении современного скандинавского остросюжетного романа синтетической структуры, к примеру, трилогии Никласа Натт-о-Дага, соединяющей элементы детектива и исторического романа, романов Анне Метте Ханкок «Собираатель лиц», «Питбуль», синтезирующих элементы детектива и психологического триллера. За пределами нашего исследования, в силу ограниченности объема, остались и современные исландские романы Ирсы Сигурдардоттир («ДНК», «Расплата», «Последние ритуалы», «Возьми мою душу» и др.). И наконец, одной из перспектив может стать анализ национальных особенностей шведских, норвежских, датских, исландских детективных романов.

Источники

1. *Ларссон С.* Девушка, которая взрывала воздушные замки / Стиг Ларссон ; [пер. со швед. А. В. Савицкой]. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Домино, 2012а. — 784 с. — ISBN 978-5-699-76246-0.
2. *Ларссон С.* Девушка, которая играла с огнем / Стиг Ларссон ; [пер. со швед. И. Стребловой]. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Домино, 2012b. — 720 с. — ISBN 978-5-699-38923-0.
3. *Ларссон С.* Девушка с татуировкой дракона / Стиг Ларссон ; [пер. со швед. А. В. Савицкой]. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Домино, 2012с. — 624 с. — ISBN 978-5-699-54019-8.
4. *Линдстин М.* Секта с туманного острова / Мариэтт Линдстин ; [пер. со швед. А. В. Савицкой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — ISBN 978-5-04-108435-6.
5. *Несбё Ю.* Королевство / Ю Несбё ; Пер. с норв. А. Наумовой, Д. Гоголевой. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 576 с. — ISBN 978-5-389-17932-5.
6. *Несбё Ю.* Леопард / Ю Несбё ; Пер. с норв. Т. Арро. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 768 с. — ISBN 978-5-389-04018-2.
7. *Несбё Ю.* Снеговик / Ю Несбё ; Пер. с норв. Е. Гудовой. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 544 с. — ISBN 978-5-389-02594-3.
8. *Флод Х.* Терапевт / Хелене Флод ; [перевод с норвежского А. И. Ливановой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — ISBN 978-5-04-113357-3.
9. *Ханкок А. М.* Трупный цветок / А. М. Ханкок ; [перевод с датского М. В. Шершаковой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 228 с. — ISBN 978-5-04-110463-4.
10. *Interview with cinema Scandinavia Editor-In-Chief Emma Vestrheim* [Electronic resource]. — July 16, 2019. — Access mode : <https://www.filminquiry.com/interview-emma-vestrheim/> (accessed 04.10.2022).

Литература

1. *Алешничева Т.* Мокрое дело и сухой закон [Электронный ресурс] / Т. Алешничева // Коммерсантъ Weekend. — 2014. — № 10 (10). — Выпуск 39. — С. 12. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/2579962#kids> (дата обращения 04.10.2022).
2. *Васильченко А. В.* Пули, кровь и блондинки. История нуара / А. В. Васильченко. — Москва : Пятый Рим, 2019. — 352 с. — ISBN 978-5-9500937-6-0.
3. *Вулис А.* Поэтика детектива [Электронный ресурс] / А. Вулис. — Режим доступа : <http://litera.websib.ru/volsky/text.htm?236> (дата обращения 04.10.2022).
4. *Казачкова А. В.* Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 — начала 2000-х гг. : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Казачкова. — Нижний Новгород, 2015. — 24 с.
5. *Каплун М.* Скандинавский нуар [Электронный ресурс] / М. Каплун // Lumiere. Журнал о кино. — 2014. — 11 декабря. — Режим доступа : www.lumiere-mag.ru (дата обращения 04.10.2022).
6. *Кобленкова Д. В.* Шведский нереалистический роман второй половины XX — начала XXI века / Д. В. Кобленкова ; отв. Ред. Т. А. Тоштендаль-Салычева. — Москва : РГГУ, 2016. — 447 с. — ISBN 978-5-7281-1852-7.
7. *Козина Ю. Е.* Современный шведский детектив как синкретический жанр (к постановке проблемы) / Ю. Е. Козина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (3). — С. 254—257.
8. *Новицкая И. Я.* Может ли быть качественной общемировая массовая культура : «Скандинавский нуар» — древняя скандинавская сага на современный лад (Статья 3) / И. Я. Новицкая // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2019. — № 4 (30). — С. 60—77. — ISBN 2076-7919.
9. *Осьмухина О. Ю.* Образ героя-детектива : специфика интерпретации литературы и современным кинематографом / О. Ю. Осьмухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 2 (12). — С. 389—393. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.83.
10. *Осьмухина О. Ю.* Синтез комикса и нуар-стилистики в серии «графических романов» Ф. Миллера «SIN CITY» : к проблеме реинтерпретации / О. Ю. Осьмухина, И. Р. Куряев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 3 (81). — Ч. 1. — С. 49—52.
11. *Осьмухина О. Ю.* Специфика преломления готической традиции в романе Г. Леру «Призрак Оперы» / О. Ю. Осьмухина, А. Б. Танасейчук // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2019. — № 1 (28). — С. 76—84.
12. *Пономарева Е.* Петербургский текст с оттенком нуара (сборник малой прозы «Петербург нуар») / Е. Пономарева, Э. Пономарева // Филология и культура. Philology and Culture. — 2020. — № 4 (62). — С. 124—133. — DOI: 10.26907/2074-0239-2020-62-4-124-133.
13. *Пушкин С. А.* Экзистенциализм как квинтэссенция неонуара / С. А. Пушкин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2016. — № 1. — С. 29—35.
14. *Титова Е. В.* Терминологический анализ как метод и задача исследования [Электронный ресурс] / Е. В. Титова // Эмиссия. Оффлайн. Письма. Электронное научное издание (научно-педагогический Интернет-журнал). — 2010. — Режим доступа : <http://www.emissia.org/offline/2010/1425.htm> (дата обращения 04.10.2022).
15. *Тихонова О. В.* Визуализация детективного жанра и тип сканди-полицейского : сериал «Мост» в литературном контексте / О. В. Тихонова // Мировая литература

на перекрестке культур и цивилизаций (Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского). — 2016. — № 2 (14). — С. 121—133.

16. Тихонова О. В. Скандинавский детектив / О. В. Тихонова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (3). — С. 156—160.

17. Федунина О. Кругозор героя в криминальном нарративе : жанровый аспект / О. Федунина [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628912> (дата обращения 19.01.2023).

18. Шарапенкова Н. Г., Сафрон Е. А. Трансформация женского начала в романах П. Хёга «Смилла и ее чувство снега» и Э. А. Сунда «Слабость Виктории Бергман» / Н. Г. Шарапенкова, Е. А. Сафрон // *Studia Humanitatis Borealis*. — 2022. — № 1 (22). — С. 29—37. — DOI: 10.15393/j12.art.2022.3803.

19. Bergman K. From Literary Girl to Graphic Novel Hero : Trans-medial Transformations of Stieg Larsson's Lisbeth Salander / K. Bergman // *Journal of Specialised Translation*. — 2014. — 22 July. — Pp. 93—109.

20. Bergman K. Navigating the Borders of Reality : Johan Theorin and the Gothic Revival in Swedish Crime Fiction / K. Bergman // *Crime Fiction : A Critical Casebook*. Butler, S. & Sienkiewicz-Charlish, A. (red.). — Berlin : Peter Lang Publishing Group, 2018. — Pp. 15—29. — ISBN 9783653052299.

21. Chandler R. R. The simple Art of Murder / R. R. Chandler // *Crime in Good Company*. — London : Constable, 1959. — Pp. 103—104.

22. Forshaw B. Nordic Noir : The Pocket Essential Guide to Scandinavian Crime Fiction, Film & TV / B. Forshaw. — Harpenden : Pocket Essentials, 2013. — 161 p. — ISBN 9781842439876.

23. Gallanger P. Nordic noir's sexual violence attacked by British crime writer [Electronic resource] / P. Gallanger // *The Guardian*. — 2013. — 28 September. — Access mode : <https://www.theguardian.com/books/2013/sep/29/nordic-noir-violence-against-women> (accessed 07.01.2023).

24. Lesser W. Scandinavian Noir : In Pursuit of a Mystery / W. Lesser. — New York : Farrar, Straus and Giroux, 2020. — 289 p.

25. Miller L. The Strange Case of the Nordic Detectives [Electronic resource] / L. Miller // *The Wall Street Journal*. — 2010. — January 15. — Access mode : <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703657604575004961184066300> (accessed 04.10.2022).

26. Nestingen A. Unnecessary Officers : Realism, Melodrama and Scandinavian Crime Fiction in Transition / A. Nestingen // *Scandinavian Crime Fiction*, edited by Andrew Nestingen and Paula Arvas, 1st ed. — Cardiff : University of Wales Press, 2011. — Pp. 171—184.

27. Povlsen K. K. Gender and Geography in Contemporary Scandinavian Television Crime Fiction / K. K. Povlsen // *Scandinavian Crime Fiction* / A. Nestingen and P. Arvas (eds.). — Cardiff : University of Wales Press, 2011. — 196 p.

28. Symons J. Bloody Murder : From the Detective Story to the Crime Novel / J. Symons ; 3d rev. ed. — New York : Mysterious Press, 1992. — 349 p.

29. *The Poetics of Murder* : Detective Fiction and Literary Theory / Ed. Glenn W. Most and William W. Stowe. — San Diego, CA : Harcourt Brace Jovanovich, 1983. — 394 p.

Material resources

Flod, H. (2020). *Therapist*. Moscow: Eksmo. 352 p. ISBN 978-5-04-113357-3. (In Russ.).

Hankok, A. M. (2021). *Corpse flower*. Moscow: Eksmo. 228 p. ISBN 978-5-04-110463-4. (In Russ.).

Interview with cinema Scandinavia Editor-In-Chief Emma Vestrheim (2019). July 16. Available at: <https://www.filminquiry.com/interview-emma-vestrheim/> (accessed 04.10.2022).

- Larsson, S. (2012a). *The girl who blew up castles in the air*. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Domino. 784 p. ISBN 978-5-699-76246-0. (In Russ.).
- Larsson, S. (2012b). *The girl who played with fire*. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Domino. 720 p. ISBN 978-5-699-38923-0. (In Russ.).
- Larsson, S. (2012c). *The girl with the dragon tattoo*. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Domino. 624 p. ISBN 978-5-699-54019-8. (In Russ.).
- Lindstin, M. (2020). *The Sect from the Misty Island*. Moscow: Eksmo. 448 p. ISBN 978-5-04-108435-6. (In Russ.).
- Nesbe, Yu. (2021). *Kingdom*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 576 p. ISBN 978-5-389-17932-5. (In Russ.).
- Nesbe, Yu. (2017). *Leopard*. Moscow: The foreigner, ABC-Atticus. 768 p. ISBN 978-5-389-04018-2. (In Russ.).
- Nesbe, Yu. (2018). *The Snowman*. Moscow: The Foreigner, ABC-Atticus. 544 p. ISBN 978-5-389-02594-3. (In Russ.).

References

- Alyoshnicheva, T. (2014). Wet case and dry law. *Kommersant Weekend*, 10 (10) / 39: P. 12. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2579962#kids> (accessed 04.10.2022). (In Russ.).
- Bergman, K. (2014). From Literary Girl to Graphic Novel Hero: Trans-medial Transformations of Stieg Larsson's Lisbeth Salander. *Journal of Specialised Translation*. 22 July. 93—109.
- Bergman, K. (2018). Navigating the Borders of Reality: Johan Theorin and the Gothic Revival in Swedish Crime Fiction. In: *Crime Fiction: A Critical Casebook*. Berlin: Peter Lang Publishing Group. 15—29. ISBN 9783653052299.
- Chandler, R. R. (1959). The simple Art of Murder. In: *Crime in Good Company*. London: Constable. 103—104.
- Fedunina, O. *The hero's outlook in the criminal narrative: genre aspect*. Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628912> (accessed 19.01.2023). (In Russ.).
- Forshaw, B. (2013). *Nordic Noir: The Pocket Essential Guide to Scandinavian Crime Fiction, Film & TV*. Harpenden: Pocket Essentials. 161 p. ISBN 9781842439876.
- Gallanger, P. (2013). Nordic noir's sexual violence attacked by British crime writer. *The Guardian*. 28 September. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2013/sep/29/nordic-noir-violence-against-women> (accessed 07.01.2023).
- Kaplun, M. (2014). Scandinavian noir. *Lumiere. Magazine about cinema*. December 11. Available at: www.lumiere-mag.ru (accessed 04.10.2022). (In Russ.).
- Kazachkova, A. V. (2015). *Genre strategy of Boris Akunin's detective novels of the 1990s — early 2000s*. Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 24 p. (In Russ.).
- Koblenkova, D. V. (2016). *Swedish unrealistic novel of the second half of the XX — beginning of the XXI century*. Moscow: RSUH. 447 p. ISBN 978-5-7281-1852-7. (In Russ.).
- Kozina, Yu. E. (2014). Modern Swedish detective as a syncretic genre (to the formulation of the problem). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2 (3): 254—257. (In Russ.).
- Lesser, W. (2020). *Scandinavian Noir: In Pursuit of a Mystery*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 289 p.
- Miller, L. (2010). The Strange Case of the Nordic Detectives. *The Wall Street Journal*. January 15. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703657604575004961184066300> (accessed 04.10.2022).

- Nestingen, A. (2011). Unnecessary Officers: Realism, Melodrama and Scandinavian Crime Fiction in Transition. In: *Scandinavian Crime Fiction, edited by Andrew Nestingen and Paula Arvas, 1st ed.* Cardiff: University of Wales Press. 171—184.
- Novitskaya, I. Ya. (2019). Can there be quality global mass culture: “Scandinavian noir” — ancient Scandinavian saga on modern lad (Article 3). *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 4 (30): 60—77. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Kuryaev, I. R. (2018). Synthesis of comics and noir stylistics in the series of “graphic novels” by F. Miller “SIN CITY”: to the problem of reinterpretation. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 3 (81) / 1: 49—52. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Tanaseychuk, A. B. (2019). The specifics of the refraction of the Gothic tradition in G. Leroux’s novel “The Phantom of the Opera”. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 1 (28): 76—84. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Yu. (2019). The image of a detective hero: the specifics of interpretation by literature and modern cinema. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2 (12): 389—393. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.83. (In Russ.).
- Ponomareva, E. (2020). Petersburg text with a touch of noir (collection of small prose “Petersburg Noir”). *Philology and Culture. Philology and Culture*, 4 (62): 124—133. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-62-4-124-133. (In Russ.).
- Povlsen, K. K. (2011). Gender and Geography in Contemporary Scandinavian Television Crime Fiction. In: *Scandinavian Crime Fiction*. Cardiff: University of Wales Press. 196 p.
- Pushkin, S. A. (2016). Existentialism as the quintessence of neo-noir. *Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*, 1: 29—35. (In Russ.).
- Sharapenkova, N. G., Safron E. A. (2022). Transformation of the feminine principle in P. Heg’s novels “Smilla and her sense of Snego” and E. A. Sunda “Weakness of Victoria Bergman”. *Studia Humanitatis Borealis*, 1 (22): 29—37. DOI: 10.15393/j12.art.2022.3803. (In Russ.).
- Symons, J. (1992). *Bloody Murder: From the Detective Story to the Crime Novel*. New York: Mysterious Press. 349 p.
- The Poetics of Murder: Detective Fiction and Literary Theory*. (1983). San Diego, CA: Harcourt Brace Jovanovich. 394 p.
- Tikhonova, O. V. (2014). Scandinavian detective. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2 (3): 156—160. (In Russ.).
- Tikhonova, O. V. (2016). Visualization of the detective genre and the type of scandi-policeman: the series “Bridge” in a literary context. *World literature at the crossroads of cultures and civilizations (Simferopol, V. I. Vernadsky KFU)*, 2 (14): 121—133. (In Russ.).
- Titova, E. V. (2010). Terminological analysis as a method and task of research. *Issue. Offline. Letters. Electronic scientific publication (scientific and pedagogical Online magazine)*. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2010/1425.htm> (accessed 04.10.2022). (In Russ.).
- Vasilchenko, A. V. (2019). *Bullets, blood and blondes. The history of noir*. Moscow: The Fifth Rome. 352 p. ISBN 978-5-9500937-6-0. (In Russ.).
- Vulis, A. Poetics of the detective. Available at: <http://littera.websib.ru/volsky/text.htm?236> (accessed 04.10.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.10.2022,
одобрена после рецензирования 12.12.2022,
подготовлена к публикации 30.01.2023.



Плаксыцкая Н. А. Рецепция явления самозванства в творчестве М. А. Булгакова 1920-х годов / Н. А. Плаксыцкая // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 265—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-265-281.

Plaksitskaya, N. A. (2023). Reception of Imposture Phenomenon in Mikhail Bulgakov's Work 1920s. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 265-281. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-265-281. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-265-281

**Рецепция явления
самозванства в творчестве
М. А. Булгакова
1920-х годов**

Плаксыцкая Наталья Александровна
orcid.org/0000-0002-5086-9412
кандидат филологических наук
доцент кафедры литературоведения
и журналистики
nplak@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

**Reception of Imposture
Phenomenon in Mikhail
Bulgakov's Work 1920s**

Natalya A. Plaksitskaya
orcid.org/0000-0002-5086-9412
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literary Studies
and Journalism
nplak@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Плаксыцкая Н. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется рецепция явления самозванства в «московских» повестях М. А. Булгакова 20-х годов: «Дьяволиаде», «Роковых яйцах» и «Собачьем сердце». Актуальность изучения проблемы обусловлена тем, что рецепция представляет собой не процесс репликации или реконструкции первичных признаков явления, а их переосмысление. Исследование рецепции самозванства продемонстрировало, какие именно фрагменты первичного культурного кода феномена самозванства остались, а какие модифицировались после актуализации в новых условиях. Делается попытка проследить эволюцию и усложнение образа самозванца от «Дьяволиады» и «Роковых яиц» к «Собачьему сердцу». Особое внимание уделяется способам репрезентации явления «бытового самозванства». Определено, что «самозванство» предстает в двух вариантах: вынужденное (поневоле) и осознанное (являющееся результатом сознательного выбора персонажа). Выявлены основные способы проявления самозванства в повестях: присвоение чужого / утрата своего имени или звания, занятие чужого места / должности, навязывание новых ролей, театральное / актерское поведение героев, «ряжение» (переодевание) персонажей. Сделан вывод о том, что в основе явления самозванства в сатирических повестях лежит психологический «ролевой» конфликт, обусловленный проблемой идентификации личности в социуме.

Ключевые слова:

Михаил Булгаков; Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; самозванство; самозванец; мнимое самозванство; самозванство идейное; самозванство антропологическое; самоидентификация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The reception of the phenomenon of imposture in the “Moscow” stories of M. A. Bulgakov in the 1920s: “Diaboliade”, “Fatal Eggs” and “Heart of a Dog”. The relevance of studying the problem is due to the fact that reception is not a process of replication or reconstruction of the primary features of the phenomenon, but their rethinking. The study of the reception of imposture demonstrated which fragments of the primary cultural code of the phenomenon of imposture remained, and which ones were modified after actualization in the new conditions. An attempt is made to trace the evolution and complication of the image of the impostor from the “Diaboliad” and “Fatal Eggs” to the “Heart of a Dog”. Particular attention is paid to the ways of representing the phenomenon of “domestic imposture”. It is determined that “imposture” appears in two versions: forced (involuntarily) and conscious (resulting from a conscious choice of a character). The main ways of manifestation of imposture in the stories are revealed: appropriation of someone else’s / loss of one’s name or title, taking someone else’s place / position, imposing new roles, theatrical / acting behavior of the characters, “dressing up” of the characters. It is concluded that the phenomenon of imposture in satirical stories is based on a psychological “role” conflict, due to the problem of identifying a person in society.

Key words:

Michael Bulgakov; Diaboliad; Fatal eggs; Dog’s heart; imposture; impostor; imaginary imposture; ideological imposture; anthropological imposture; self-identification.

Рецепция явления самозванства в творчестве М. А. Булгакова 1920-х годов

© Плаксицкая Н. А., 2023

1. Введение = Introduction

Самозванство в истории как явление общественной жизни возникало в периоды кризисов с целью корректировки политических сил в государстве: в моменты политической нестабильности народ искал замену «плохим» царям, выдвигая альтернативу из своих рядов. В. И. Даль отмечал, что «все бывшие на Руси возмущения происходили от самозванцев» [Даль, 2003, с. 133]. Русская история помнит и Лжедмитриев, и Лжепетров, и княжну Тараканову, и Емельяна Пугачева, и других претендентов на русский престол. «Вне русских пределов самозванство — довольно редкое и спорадическое, но, так сказать, “равномерное” явление <...>, — отмечает А. М. Панченко. — На Руси же оно ограничено четкими хронологическими рамками — от начала XVII века до крестьянской реформы 1861 года <...> Русское самозванство возникло тогда, когда поколебалось относительное единство средневековой идеологии. Низы пришли к мысли о соперничестве с властью, хотя в той же монархической оболочке» [Панченко, 1999, с. 22]. На первый план истории выдвинулся человек, «принявший чужое имя или звание, утаившийся под видом другого человека, выдающий себя за кого-либо иного» [Даль, 2003, с. 133], движимый желанием занять не принадлежащее ему от рождения положение. Происходя из низших классов и сословий, самозванцы претендовали на царский трон, выступая как нарушители канонов и реформаторы. Б. А. Успенский отмечает, что самозванство — это «специфический тип поведения», который «целиком вписывается в традиционную для России ситуацию, предполагающую вообще, наряду с правильным, нормативным поведением, антиповедение в тех или иных его формах; иными словами, самозванчество отвечает традиции антиповедения на Руси» [Успенский, 1994, с. 88—89]. По мнению В. О. Ключевского, «с легкой руки первого Лжедмитрия» самозванство, как вариант «русского бунта», имея антифеодальную направленность, стало «хронической болезнью государства» Российского [Ключевский, 1988, с. 26].

На протяжении четырех веков время Смуты и связанный с ним феномен самозванства обнаруживают себя как явление не только политической истории, но и социально-культурной жизни России. Начиная с середины XVIII века данная тема продуктивна в литературе, где яркие образы са-

мозванцев рождаются творческим сознанием писателей: А. А. Ржевский «Подложный Смердий» (1769); А. П. Сумароков «Дмитрий Самозванец» (1771); М. Н. Херасков «Ненавистник» (1774); А. А. Шишков «Лжедмитрий» (1828), А. С. Хомяков «Дмитрий Самозванец» (1833); М. П. Погодин «История в лицах о Дмитрие Самозванце» (1835); А. С. Пушкин «Борис Годунов» (1825), «Дубровский» (1833), «Капитанская дочка» (1836); Н. В. Гоголь «Ревизор» (1835); А. Н. Островский «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1867), А. К. Толстой «Царь Борис» (1870), А. А. Голенищев-Кутузов «Смута» (1879), А. Ф. Федотов «Годуновы» (1884), и т. д.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интерес к сюжету о самозванцах во многом инициирован трудами по историографии В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, в которых в центре изучения — история России периода смуты начала XVII века, в том числе явление самозванства. В XIX веке в работах историков предпринята попытка систематизации данных о явлении самозванства в России [Мордовцев, 1901; Соловьев, 1868; Фирсов, 1910]. В исследованиях XX века самозванство рассматривается и как политический, и как социально-культурный феномен [Мауль, 2005; Пригов, 2001; Усенко, 2001; Смирнов, 2001].

Если в исторической науке самозванство изучено детально и обстоятельно, то в литературоведении обращение к этой проблеме имеет не столь длительную историю. Серьезные исследовательские работы появились только во второй половине XX века: осмысление исторических и социально-культурных истоков и причин проявления разных типов самозванства дается в трудах Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, А. М. Панченко и др. В конце XX — начале XXI веков отмечается интерес к мотиву и сюжету самозванства в русских исторических драмах XVIII века, посвященных эпохе «смутного времени» [Карушева, 1997; Макаренко, 2002], и в литературе XIX века, где обращение к мотиву и сюжету самозванства возникает в основном в связи с анализом творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, на данный момент подробно изученном с точки зрения и жанровой специфики, и сюжетной реализации мотива [Поддубная, 1994; Злочевская, 2003; Полтавец, 2004; Снигирева, 2019 и др.].

Стимулом для научного внимания к проблеме самозванства в литературе стал очерк В. Г. Короленко «Современная самозванщина» (1896), в котором писатель подверг детальному анализу данное явление и выделил его типы: «самозванцев духовного прозвания» [Короленко, 1914, с. 273], «самозванцев гражданского ведомства» [Короленко, 1914, с. 315] и «самозванцев в литературе» [Короленко, 1914, с. 357]. Причина жизненности

самозванства в России, по мнению В. Г. Короленко, в «глубокой и распространенной тяжкой болезни “русской личности”, ищущей внешней опоры, легко от себя отрешающейся и так жадно стремящейся к чужим сильным личностям и положениям» [Короленко, 1914, с. 333]. Критик производит детальный обзор феномена и дает анализ психологии «повторяющегося у нас самозванства и хлестаковщины всякого рода» [Короленко, 1914, с. 272—273]. Он отмечает, что, исходя из побуждающих мотивов, следует различать самозванцев-«эстетов», присваивающих имя без определенной цели, и самозванцев «из корысти», движимых желанием выгоды. На рубеже XIX—XX веков явление, по мнению В. Г. Короленко, имеет чаще бытовой или психологический характер, потому что, «с одной стороны, время царственных призраков прошло, с другой — торжествует самозванческая мелкота», или «самозванство обыденное» [Короленко, 1914, с. 320]. Справедливость наблюдений писателя XIX века подтверждается в современных исследованиях. В статье «Характеры самозванцев в творчестве Пушкина» В. Н. Турбин продолжает мысль своего предшественника: «Кругом одни самозванцы! <...> От Гоголя к Достоевскому, и далее, в XX век, к нам: Михаил Булгаков, его «Мастер и Маргарита» — хоровод самозванцев, в котором и не разберешь, кто самозванец, а кто и не самозванец, быть может. А дальше что будет? Неизвестно, конечно. Неведомо. Но одно можно сказать достоверно: без самозванцев не обойдется, они хорошо прижились в русской литературе» [Турбин, 1994, с. 82]. По мнению исследователей, в литературе XX века отмечается эволюция самозванства, «его смысловой переход от статусной стадии (непременно связующей самозванство с правящим родом) к ролевой (обыденно распространенной)» [Тульчинский, 2019, с. 221]. Данной точки зрения придерживаются И. П. Смирнов [Смирнов, 2001], С. Г. Ильенко [Ильенко, 2005], Г. Л. Тульчинский [Тульчинский, 2019], М. С. Арканникова [Арканникова, 2009].

Сниженный вариант, или «ролевой», по мнению исследователей, характерен для сатирических произведений А. Н. Толстого, И. Ильфа и Е. Петрова, М. М. Зощенко, М. А. Булгакова.

Объектом исследования в статье станут особенности реализации самозванства в творчестве М. А. Булгакова как один из вариантов рецепции данного явления в литературе XX века.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть особенности репрезентации самозванства в «московских» повестях М. А. Булгакова, проследить эволюцию образа самозванца от «Дьяволиады», «Роковых яиц» до «Собачьего сердца», выявить разнообразные формы «самозванства обыденного» [Короленко, 1914, с. 320], или «бытового самозванства» [Арканникова, 2009, с. 27], в данных текстах.

Под «бытовым самозванством» мы будем понимать специфику бытового поведения героя, «основанного на обмане с целью личной выгоды» [Там же, с. 27], предполагающего отказ от своей личности, замещение её «чужими» именами и ролями с целью придания себе большей значимости, а также к данной категории относим и вынужденное самозванство, возникающее вследствие узурпации имени или утраты документов.

Для решения поставленных задач использовались структурно-семантический и мотивный методы анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мнимое самозванство, или самозванство поневоле: повесть «Дьяволиада»

Мотив самозванства заявляет о себе уже в первой из «московских» повестей Булгакова — «Дьяволиада» (1923), где главный герой Варфоломей Коротков непреднамеренно оказывается в роли «самозванца»: вначале из-за ошибки в приказе он теряет должность делопроизводителя, затем у него в трамвае крадут документы, а в завершение окружающие в нем начинают видеть разные личности. Так, какой-то «люстриновый старичок» принимает его за Колобкова Василия Павловича: «— Поз...вольте... Откуда же вы меня знаете?

— Хи. Шутник вы, Василий Павлович.

— Я — Варфоломей, — сказал Коротков и потрогал руками свой холодный и скользкий лоб, — Петрович.

Улыбка на минуту покинула лицо страшного старичка. Он уставился в лист и сухим пальчиком с длинным ногтем провел по строчкам.

— Что ж вы меня путаете? Вот он — Колобков, В. П.

— Я — Коротков, — нетерпеливо крикнул Коротков.

— Я и говорю: Колобков, — обиделся старичок» [Булгаков, 1992, с. 19—20].

Все служащие Центрснаба видят в нем другую личность: брюнетка из Бюро претензий принимает его за любовника («Вы ужасны... Из-за вас я не спала всю ночь и решилась. Будь по-вашему. Я отдамся вам» [Там же, с. 32]). Следует заметить, что она же определяет еще новые самозванные амплуа для «тихого» Короткова: «соблазнитель» и «мой змий». Далее странный служащий, отрекомендовавшийся герою как Ян Собесский, признает в нем журналиста («Чем же вы нас порадуете? Фельетон? Очерк?» [Там же, с. 29]). Но и Ян Собесский оказывается самозванцем против своей воли, так как окружающие его связывают с последним королем Речи Посполитой («Представьте, многие изумляются, <...> но вы не подумайте, товарищ, что я имею что-либо общее с этим бандитом. О нет. Горькое

совпадение» [Там же, с. 28]). Герой даже *«подал заявление об утверждении новой фамилии — Соцвосский»*, что *«красивее и не так опасно»* [Там же, с. 28], стремясь избавиться от неприятных аналогий. Клубок навязываемых Короткову «ролевых» масок и амплуа вытесняет в восприятии окружающих истинное лицо героя. Таким образом, делопроизводитель Главцентрбазспимата становится самозванцем против своей воли, его назначают на эту роль, он мнимый самозванец.

Ситуация построена в гоголевском ключе, но если Хлестаков в «Ревизоре» воспользовался открывшейся перспективой, принял с благодарностью новую роль, то «маленькому человеку» Короткову далеко до псевдоревизора, для него невозможен нравственный релятивизм, поэтому герой упорно пытается вернуть свою личность. Когда же делопроизводитель, утратив всякую надежду восстановить документы у «домового», получает, наконец, справку с бывшего места работы, его отчаянию нет предела, так как ему выдают новое удостоверение на другое имя, тем самым официально узаконивая самозванство: *«Все решительно помутилось в глазах Короткова, когда он прочел написанное на бумажке со штампом: «Предъявитель сего суть действительно мой помощник т. Василий Павлович Колобков», что действительно верно. Кальсонер»* [Булгаков, 1992, с. 25]. Герой, психологически раздавленный случившимся с ним, мечется в бесильном порыве все исправить.

В драматической ситуации Варфоломея Короткова максимально проявилась суть самозванства — постижение личностью своей «нулевой» ценности для общества (*«<...> я неизвестно кто. <...> ни арестовать, ни женить меня нельзя»*) [Там же, с. 36]), именно поэтому утрата официального документа переживается героем как вселенская катастрофа (*«У меня э... Произошло ужасное»*) [Там же, с. 29]), а наличие удостоверения, дополняющего полноту социального статуса человека, воспринимается как единственная возможность сохранения самости (*«<...> как ты арестуешь, ежели вместо документов — фига? Может быть, я Гогенцоллерн»*) [Там же, с. 36]).

Данная абсурдная ситуация провоцирует сумасшествие героя, и, доведенный до максимального психологического напряжения, он находит выход на крыше, которая становится, с одной стороны, образным символом алогичной социальной системы, а с другой — попыткой восстановления самости героя, избавления от навязываемой ему новой личности. С нее мнимый самозванец Коротков из фантазмагии странной галлюцинирующей реальности перемещается в реальность художественно-историческую, откуда «маленькому человеку» в настоящей истории приходится «выйти» столь страшным образом: смерть героя закономерна, это един-

ственно возможный способ «вернуть себя». В дьявольской советской бюрократической системе, установившейся в России после 1917 года, путь «к себе» возможен для героя через избавление от телесного, и только через принятие мученической смерти Коротков может сохранить внутреннюю свободу и «себя». Неслучайно Булгаков дает своему герою имя одного из двенадцати апостолов Иисуса Христа. Святой Варфоломей (Нафанаил) (*древне-греческое* Βαρθολομαῖος, *латинское* Bartholomæus) упоминается в Новом Завете, в Евангелии от Матфея (Мф. 10:3), от Марка (Мк. 3:18), от Луки (Лк. 6:14) как четвертый ученик Спасителя, стяжавший венец мученичества после смерти последнего тем, что доносил до людей слово Господа. И в «Дьяволиаде» травестированный апостол Варфоломей, не сумевший донести до других истину, принимает мученическую смерть, прыгнув с крыши одиннадцатизэтажного здания: *«С пронзительным победным кликом он подпрыгнул и взлетел вверх»* [Там же, с. 42]. Обращает на себя внимание важная деталь: герой *«взлетел вверх»*, а не упал вниз, как того требует закон физики. Этим полетом вверх, к свету, булгаковский герой получает освобождение от земных мытарств, он возвращает свою личность через избавление от телесной оболочки (*«Вмиг перерезало ему дыхание <...> Затем очень ясно увидел, что серое упало вниз, а сам он подымался вверх к узкой щели переулка, которая оказалась над ним»*) [Там же, с. 42]).

Смерть героя как вариант разрешения психологического конфликта проявляет изъян государственной системы, где личность без удостоверения является для общества самозваной, на весах закона документ перевешивает человека, а его утеря переводит живое в статус мертвого. Мотив самозванства, актуализируя оппозицию *«имя / документ»*, обнажил принципиально важную для М. А. Булгакова проблему зависимости человека от документа, сигнализирующую о деформации общественной системы, для которой делопроизводитель Коротков — «лишний человек».

3.2. Самозванство «от имени идеи» в повести «Роковые яйца»

Мнимое самозванство Варфоломея Короткова трансформируется в повести «Роковые яйца» (1924) в явное самозванство Александра Семеновича Рокка и становится толчком развития сатирической ситуации. В образе Рокка Булгаков реализует тип героя-авантюриста, который, не имея образования и профессиональных навыков, но обладая безграничной самоуверенностью и безрассудством, с энтузиазмом берется за государственное важное дело по восстановлению куроводства в стране, не задумываясь, к чему может привести его самонадеянность: *«Знаете что, — молвил Персигов, — вы не зоолог? нет? жаль... из вас вышел бы очень смелый экспериментатор... Да...»* [Там же, с. 84]. Голого энтузиазма и героического рвения оказалось мало, для успеха нужны научные знания и опыт, которых

не хватило даже приват-доценту Иванову, человеку со специальным образованием и научным званием, чтобы получить «*красный луч жизни*» и возобновить опыты над земноводными после смерти профессора Персикова. То есть, Рокк — авантюрист по своей природе и самозванец в профессии. Если самозванство Короткова поневоле, то выбор Рокка сознателен: предлагая государству свои услуги для борьбы с куриным мором, герой активно использует ситуацию, уже сложившуюся и как бы предложенную ему судьбой и историей. Столь ошеломительный карьерный взлет от флейтиста до директора экспериментального совхоза, государственного человека обусловлен наличием у героя авантюрно-игрового типа мышления: *«Играл на флейте сам заведующий совхозом Александр Семенович Рокк, и играл, нужно отдать ему справедливость, превосходно. Дело в том, что некогда флейта была специальностью Александра Семеновича»* [Там же, с. 92]. Имея артистичную натуру, такие персонажи, как Александр Семенович Рокк, легко меняют жизненные амплуа: герой *«бросился в открытое море войны и революции, сменив флейту на губительный маузер. Его долго швыряло по волнам, неоднократно выплескивая то в Крыму, то в Москве, то в Туркестане, то даже во Владивостоке. Нужна была именно революция, чтобы вполне выявить Александра Семеновича. Выяснилось, что этот человек положительно велик, и, конечно, не в фойе «Грез» ему сидеть»* [Там же, с. 92]. Иронический скепсис писателя прогнозирует возможность неограниченного количества вариантов самоутверждения героя.

Рокк — авантюрист с *«идеями в голове»* (*«Кому, желал бы я знать, пришла в голову мысль растить кур из яиц... — Мне, — ответил Рокк»* [Там же, с. 84]; *«<...> в номерах на Тверской «Красный Париж» родилась у Александра Семеновича идея, как при помощи луча Персикова возродить в течение месяца кур в республике»* [Там же, с. 92]), увлекаясь которой он впадает в экстатический энтузиазм, будь то выпуск газеты, орошение Туркестанского края или восстановление куроводства в республике Советов. Не смирившись с отправкой на заслуженный отдых (*«на горе республике кипучий мозг Александра Семеновича не потух»* [Там же, с. 92]) — опять иронизирует М. А. Булгаков), он сам находит применение своей бурной энергии, приходит туда, где его не ждали (иными словами, он — *самозванец*).

Г. Л. Тульчинский прав, заявляя: «Самозванство же может быть (и чаще всего) самозабвенным представительством “от имени” идеи, общности и т. д. Оно невменяемо, есть утрата себя, часто — бегство от себя вменяемого и ответственного в коллективизм, альтруизм и справедливость, оборачивающееся кошмаром для других. Выступая от коллектива, самозванец растаптывает любой коллектив в обыденной жизни, в политике, в менеджменте, в истории» [Тульчинский, 2019, с. 8—9]. Таким образом,

Рокк — самозванец идейный, «от имени» идеи он бросается с головой в любую авантюру, не боясь никаких трудностей, не задумываясь, принимает решения, не предполагая, а потому и не боясь никаких сложностей и преград. Но главное, что Рокк втягивает в свое авантурное поле всех окружающих, и уже образован совхоз «Красный луч», и уже профессор Персигов сам отдает научное открытие в руки непрофессионала. В итоге героическая самоотдача и рвение при выполнении служебного долга оказываются у Александра Семеновича не столько самозваной претензией, сколько попыткой восстановления личностью своей «самости».

В «Роковых яйцах» через мотив самозванства реализуется «“ролевая” форма причастности личности к миропорядку» [Тюпа, 1987, с. 54]. Александр Семенович Рокк — это собственно и не индивидуальность, а условная форма, в основе которой лежит игра различными «ролевыми» масками, укладывающимися в определенный семантический ряд: флейтист, революционер, редактор газеты, автор работ по орошению Туркестанского края, директор курсовхоза. Пред нами пример восполнения недостаточности «я» героя самозванными масками, но «я» Рокка из-за внутренней ограниченности не может восстановить целостность в своем новом амплуа, поэтому наблюдается столь большая смена ролей, предопределяющая скорое фиаско героя. Данное положение подчеркивается наличием у персонажа метафизической фамилии «Рокк», (кстати, при первом упоминании в тексте фамилия героя написана с одной буквой «к»: « — Рок с бумагой? Редкое сочетание» [Булгаков, 1992, с. 142]). В словаре Макса Фасмера дается следующие толкование значения слова «рок»: «рок I род. п. рѹка “судьба”, диал. “год, срок”, зап., южн. (Даль), укр. рік, род. п. рѹку “год”, блр. рок, др.-русс. рокъ “срок, год, возраст; правило; судьба”, ст.-слав. рокъ провѣсѣіа (Супр.), сербохорв. рѹк, род. п. рѹка “срок, время”, словен. rŏk, род. п. rŏka “срок, рок, предзнаменование”» [Фасмер, с. 496—497]. Фамилия героя символизирует «бессилие человека перед происходящим, которое управляется некими высшими силами» [Круглов, 2003, с. 283].

Таким образом, Александр Семенович Рокк — пример идейного самозванца, которого увлеченность идеей приводит к отказу от себя, «ролевому» поведению, замещению личности новыми масками.

3.3. Псевдочеловек, или самозванец антропологический в повести «Собачье сердце»

В повести «Собачье сердце» (1925) самозванство реализуется в образе Полиграфа Полиграфовича Шарикова. Этот псевдочеловек (самозванный человек) появился в результате научного эксперимента профессора Преображенского по пересадке гипофиза человека дворовой собаке. Сырье для гомункула оказалось не очень высокого качества: Клим Чугункин, мужчина

25 лет, явно не из добропорядочных, (*«Судился 3 раза и оправдан. <...> Профессия — игра на балалайке по трактирам. Маленького роста, плохо сложен. Печень расширена (алкоголь)»* [Булгаков, 1992, с. 165]), жизнь которого закончилась в пьяной драке в пивной «Стоп-сигнал». Жил Клим Чугункин своей никчемной жизнью, пока случай не вознес его на верхнюю ступень социальной лестницы. Идея нового общества *«кто был ничем, тот станет всем»* в его ситуации реализовалась в полном объеме: человек без образования, без элементарных знаний и каких-либо нравственно-этических понятий вдруг становится выше остальных и требует подчинения и уважения. Второй участник научного эксперимента — дворовая собака Шарик, подобранная профессором Преображенским в подворотне. *«Преображение»* не состоялось, из безродной дворняги и маргинальной личности получился суррогат человека, еще недочеловек, но уже имеющий самозванные претензии к обществу (*«Вы стоите на самой низшей ступени развития» <...> «еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо»* [Там же, с. 184]). Эта самозванная персона, подкрепив жизненные притязания нужной бумагой, требует уважения и социальных привилегий: *«Вот. Член жилищного товарищества, и жилплощадь мне полагается определенно в квартире номер пять у ответственного съемщика Преображенского в шестнадцать аришин»* [Там же, с. 188]. Характеристики, данные герою, — *прохвост* [Там же, с. 202] и *дрянь* [Там же, с. 203] — рисуют его полный портрет и лишают иллюзий в исходе эксперимента по созданию нового человека: вместо улучшенного человека получился самозванец антропологический.

Шариков Полиграф Полиграфович — это персонаж с лицом, но не имеющий личности, так как, появившись путем соединения двух биологических единиц, отказываясь от наследственных качеств и имени, самозванец сам нарекает себе новую личность. Рождение самозванца происходит не в момент операции, а когда он сам выбирает имя случайным способом: *«Имя я себе совершенно спокойно могу избрать. Пропечатал в газете и шабаш!»* [Там же, с. 170]. Имя в системе социальных координат — это индивидуальная метка, являющаяся способом идентификации лица в социуме. Отказ от собственного имени, его замена выступают важным условием проявления самозванства. В повести *«Дьяволиада»* герой борется за право носить имя, данное при крещении, если у человека нет имени, то он *«неизвестно кто»*: *«— <...> Вот он — Колобков В. П. — Я — Коротков, — нетерпеливо крикнул Коротков. — Я и говорю: Колобков, — обиделся старичок»* [Там же, с. 20]. Для Короткова имя, отчество и фамилия — не только личное именование, а чрезвычайно значимая часть персонального мифа. Отказ от имени и, соответственно, от личности, которую это имя обозначает, приводит к мимикрии.

У Булгакова истинная ценность имени собственного травестируется. В русской традиции имя, данное при крещении, — это связь с Богом, отчество — с семьей, фамилия — с родом. «Памятование Богом имён значит вечное существование этих “я”, а окончательный разрыв с бытием равносильно забвению Богом имени или уничтожение его в Книге жизни», — отмечает П. Флоренский [Флоренский, 2001, с. 67]. О разрушении системы ценностей Булгаков заявляет в декларативной форме, когда в «Собащем сердце» имя героя выбирают по календарю. В новой советской реальности личное наименование стало формальностью, мешающей человеку, поэтому от него без колебания избавляются, тем самым создается новая самозванная личность. В дегероизированной ценностной парадигме имя становится «бессодержательной оболочкой “я”» [Тюпа, 1999, с. 472], пустой, не имеющей индивидуального лица. Если в предшествующей литературной традиции «самозванец никогда не бывает просто вором, похитителем чужого имени, хотя обычно в нем видят только эту сторону» [Турбин, 1994, с. 75], то у Булгакова самозванцы с легкостью присваивают себе чужое имя, занимают не принадлежащее им место, должность и заодно привилегии, ущемляя в правах других.

Как форму выражения шариковского презрения к собственной личности следует рассматривать и «ряжение» героя в новый костюм. Имея обычную, *«несимпатичную наружность»* (*«человек маленького роста и несимпатичной наружности. Волосы у него на голове росли жёсткие, как бы кустами на выкорчеванном поле, а лицо покрывал небритый пух. Лоб поражал своей малой вышиной. Почти непосредственно над чёрными кисточками раскиданных бровей начиналась густая головная щётка»* [Булгаков, 1992, с. 167]), псевдочеловек прибегает к переодеванию, одежда выступает способом маскировки истинного лица: *«Лиджак, прорванный под левой мышкой, был усеян соломой, полосатые брючки на правой коленке продраны, а на левой выпачканы лиловой краской. На шее у человека был повязан ядовито-небесного цвета галстук с фальшивой рубиновой булавкой. Цвет этого галстука был настолько бросок, что время от времени, закрывая утомлённые глаза, Филипп Филиппович в полной тьме то на потолке, то на стене видел пылающий факел с голубым венцом. Открывая их, слеп вновь, так как с полу, разбрызгивая веера света, бросались в глаза лаковые штилеты с белыми гетрами. “Как в калошах” <...>»* [Там же, с. 167—168]. Искусственность облика героя подчеркивается употреблением прилагательного *фальшивый* в значении ‘поддельный, ненастоящий, ложный’ (*«галстук с фальшивой рубиновой булавкой»* [Там же, с. 168]). Психологическое неприятие себя приводит к физическому отторжению, следствием которого становится попытка придать respectable вид

с помощью нового костюма. Наряд Шарикова следует воспринимать как активную демонстрацию-вызов, обусловленную желанием героя не просто выделяться из толпы, а продемонстрировать смену социального статуса, причастность к группе власти: *«Полиграф вошел с необыкновенным достоинством, в полном молчании снял кепку, пальто повесил на рога и оказался в новом виде. На нем была кожаная куртка с чужого плеча, кожаные же потертые штаны и английские высокие сапожки на шнуровке до колен»* [Там же, с. 198]. С должностью заведующего подотделом очистки у персонажа появляется не только новый костюм, но особая манера поведения (*«вошел с необыкновенным достоинством»*). Смена наряда не исчерпывается переодеванием, меняется речь самозванца: *«Ну, что же пахнет... известно. По специальности. Вчера котов душили, душили»* [Там же, с. 198]. Однако внутреннее наполнение личности в данном случае остается ничтожно малым в сравнении с ее ролевой заявкой.

В самозванстве Полиграфа Полиграфовича Шарикова заключен символический смысл, оно помогает Булгакову одновременно показать деформацию и человека, и общества в исторической проекции и утверждать, что самозванность героя — это результат нового времени. Ситуация «смуты» в новой России после 1917 года вызвала к жизни явление самозванства: революция отменила старые (имперские) принципы общественной жизни, человек, отказавшись от иерархии, регламентации и порядка, бросился в омут хаоса и анархии. Чувствуя себя уверенно в новой фантасмагорической реальности (*«маленькие глазки смотрели на мир изумленно и в то же время уверенно, что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями»*) [Там же, с. 81]), самозванцы спокойно перемещаются по карьерной лестнице, примеряя новые маски-роли. Данное положение дает нам право согласиться с И. С. Урюпиным, утверждающим, что «в осмыслении феномена самозванства Булгаков попытался постичь метафизический путь России, переживающей в XX веке эпоху “новой смуты”» [Урюпин, 2009, с. 299].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги анализа явления самозванства в «московских» повестях М. А. Булгакова отметим, что в XX веке время монархических самозванцев прошло, но само явление не утратило жизненности, найдя новые сферы для проявления. Булгаковские самозванцы для приложения своих сил и реализации непомерных амбиций выбрали социально-бытовую сферу: они с «рвением» устраивают карьеру, личную жизнь и быт. В погоне за «призами» и «титулами» они, не гнушаясь никакими средствами и не брезгуя никакими методами, наступают, стремясь занять лучшее место. В самозванстве булгаковских героев заложено не созидательное, а разрушительное начало: близ-

нецы Кальсонеры доводят до сумасшествия Короткова («Дьяволиада»), Шариков устраивает потоп в квартире Преображенского («Собачье сердце»), результатом безумного «эксперимента» Рокка становится нашествие гадов на Москву («Роковые яйца»). Выбор самозванства как формы поведения обусловлен уровнем нравственного релятивизма персонажа.

На примере персонажей «московских» повестей можно утверждать, что самозванство — это качество маргинальной личности: «Маргинальность тесно, если не сказать — интимно, связана с самозванством» [Тульчинский, 2019, с. 120—121]. Маргинальная личность, по мнению Г. Л. Тульчинского, «обладая обременительной свободой, требует авторитета, но все же остается принципиально незавершенным человеком» [цит. по: Рыжова, 2009, с. 207]. Герой «с родословной, определенный, довлеющий себе характер» чужд самозванству» [Там же, с. 207], поэтому так яростно сопротивляется Варфоломеем Коротков в «Дьяволиаде» навязыванию ему новой личности Василия Колобкова, мошенника и вора.

Мы можем утверждать, что, изображая «бытовое самозванство», Булгаков показывает эволюцию этого явления, выводя следующие его виды: мнимое (поневоле), самозванство «от имени идеи» и самозванство антропологическое. Наличие у персонажей признаков самозванных «амплуа» позволяют взглянуть на творчество Булгакова с новой стороны и увидеть связь между самозванством и ситуацией в России после революции 1917 года.

Литература

1. Арканникова М. С. Самозванство как объект социально-политологического анализа / М. С. Арканникова // Философские науки. — 2009. — № 12. — С. 27—44.
2. Булгаков М. А. Собрание соч. в 5 томах. Дьяволиада ; Роковые яйца ; Собачье сердце ; Рассказы ; Фельетоны / М. А. Булгаков. — Москва : Художественная литература, 1992. — Т. 2. — 751 с. — ISBN 5-280-00761-7.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Москва, 2003. — Т. 4. — 683 с. — ISBN 5-9576-0053-9.
4. Злочевская А. В. Два самозванца в русской литературе, или Еще один пушкинский сюжет в «Ревизоре»? / А. В. Злочевская // Русская словесность. — 2003. — № 4. — С. 7—14.
5. Ильенко С. Г. Самозванство и случай как содержательно-интегрирующие доминанты художественно-стилевой основы «Повестей покойного Ивана Петрович Белкина» / С. Г. Ильенко // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Научный журнал. Общественные и гуманитарные науки. (Философия, языковедение, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право). — 2005. — № 5 (11). — С. 100—113.
6. Карушева М. Ю. Славянофильская драма. Проблема национального самоопределения и поэтика : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / М. Ю. Карушева. — Москва, 1997. — 45 с.
7. Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения : В 9 т. / В. О. Ключевский. — Москва : Мысль, 1988. — ISBN 5-244-00072-1.

8. *Короленко В. Г.* Современная самозванщина / В. Г. Короленко. Полн. собр. сочинений : в 10 т. / В. Г. Короленко. — Санкт-Петербург : А. Ф. Маркс, 1914. — Т. 3. — С. 271—368.
9. *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613 / Н. И. Костомаров. — Москва : Чарли, 1994. — 228 с. — ISBN 5-86859-005-6.
10. *Круглов А. Г.* Словарь. Психология и характерология понятий / А. Г. Круглов. — Москва : Российское гуманистическое общество, 2003. — 441 с. — ISBN 5-87387-009-8.
11. *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю. М. Лотман // Избранные работы : в 3 т. — Таллин : Александра, 1992. — Т. 1. — С. 248—268.
12. *Макаренко Е. К.* Жанровый аспект сюжета самозванства в русской драматургии и историографии конца XVIII — первой трети XIX конца вв. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. К. Макаренко. — Томск, 2002. — 24 с.
13. *Мауль В. Я.* Социокультурное пространство русского бунта : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Я. Мауль. — Томск, 2005. — 43 с.
14. *Мордовцев Д. Л.* Самозванцы и понизовая вольница : Ист. Монография : в 2-х т. / Д. Л. Мордовцев. — Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 1867.
15. *Панченко А. М.* Русская история и культура : Работы разных лет / А. М. Панченко. — Санкт-Петербург : Издательство «Юна», 1999. — 520 с. — ISBN 5-86720-007-8.
16. *Поддубная Р. Н.* Двойничество и самозванство / Р. Н. Поддубная // Достоевский Ф. М. : материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — № 11. — С. 34—39.
17. *Полтавец Е.* “Незванные гости” и самозванцы в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина / Е. Полтавец // Литература. — 2004. — № 26. — С. 39—51.
18. *Пригов Д. А.* Само-иденти-званство / Д. А. Пригов // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. — 2001. — № 13. — С. 10—32.
19. *Рыжова Е. А.* Феномен самозванства. Генезис и истоки. История изучения / Е. А. Рыжова // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2009. — Выпуск 10 (78). — С. 205—208.
20. *Смирнов И. П.* Самозванство, или Ролевая революция / И. П. Смирнов // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. — 2001. — № 13. — С. 33—58.
21. *Снигирева С. Д.* Мотив самозванства и сектантский контекст в «Бесах» / С. Д. Снигирева // Русская литература. — 2019. — № 4. — С. 81—91. — DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-81-91.
22. *Соловьев С. М.* Заметки о самозванцах в России / С. М. Соловьев // Русский архив. — 1868. — Выпуск 2. — Стб. 265—281.
23. *Татищев В. Н.* История Российская : В 7 т. / В. Н. Татищев. — Ленинград : АН СССР, 1968.
24. *Тульчинский Г. Л.* Феноменология зла и метафизика свободы / Г. Л. Тульчинский. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. — 484 с. — ISBN 975-5906980-76-2.
25. *Турбин В. Н.* Характеры самозванцев в творчестве Пушкина / В. Н. Турбин // Незадолго до Водолея : сборник статей. — Москва : Радикс, 1994. — С. 63—88. — ISBN 5-86463-021-7.
26. *Тюпа В. И.* Художественность / В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман // Введение в литературоведение. Литературное произведение : основные понятия и термины : Учебное Пособие. — Ленинград-Москва : Высшая школа ; Академия, 1999. — 556 с. — ISBN 5-06-003357-0.

27. Тюпа В. И. Художественность литературного произведения : Вопросы типологии / В. И. Тюпа. — Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1987. — 217 с.
28. Урюпин И. С. Архетип «русского бунта» в творчестве М. А. Булгакова : национальный историко-культурный феномен самозванства и его воплощение в романе «Белая гвардия» и пьесе «Батум» / И. С. Урюпин // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2009. — № 5. — С. 289—301.
29. Усенко О. Г. Кто такой «самозванец?» / О. Г. Усенко // Путь познания истории России : новые подходы и интерпретации. Серия «Новая перспектива». — Москва : Московский общественный научный фонд, 2001. — Выпуск XX. — С. 51—63.
30. Успенский Б. А. Царь и самозванец : самозванчество в России как культурно-исторический феномен / Б. А. Успенский // Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. — Москва : Гнозис, 1994. — Т. I. — ISBN 5-88766-007-4.
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер ; пер. с нем. О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1987. — Т. 3. — 830 с.
32. Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский. — Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. — 909 с. — ISBN 5-04-001315-9.
33. Фирсов Н. Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни / Н. Н. Фирсов. — Санкт-Петербург ; Москва : Вольф, 1910. — 50 с.

References

- Arkannikova, M. S. (2009). Imposture as an object of socio-political analysis. *Philosophical sciences*, 12: 27—44. (In Russ.).
- Bulgakov, M. A. (1992). *Collection of Op. in 5 volumes, 2. Diaboliad; Fatal eggs; Dog's heart; Stories; Feuilletons*. Moscow: Fiction. 751 p. ISBN 5-280-00761-7. (In Russ.).
- Dal, V. I. (2003). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes, 4. Moscow: Artistic literature*. 683 p. ISBN 5-9576-0053-9. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1987). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 3. Moscow: Progress*. 830 p. (In Russ.).
- Firsov, H. H. (1910). *Razinovshchina as a sociological and psychological phenomenon of people's life*. St. Petersburg; Moscow: Wolf. 50 p. (In Russ.).
- Florensky, P. A. (1998). *Names*. Moscow: EKSMO-Press; Kharkiv: Folio. 909 p. ISBN 5-04-001315-9. (In Russ.).
- Ilyenko, S. G. (2005). Imposture and chance as content-integrating dominants of the artistic and stylistic basis of the “Stories of the late Ivan Petrovich Belkin”. *Bulletin of the RSPU named after A. I. Herzen*, 5 (11): 100—113. (In Russ.).
- Karusheva, M. Y. (1997). *Slavophile drama. The problem of national self-determination and poetics*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 45 p. (In Russ.).
- Klyuchevsky, V. O. (1988). *Course of Russian history. Essays: In 9 volumes*. Moscow: Mysl. ISBN 5-244-00072-1. (In Russ.).
- Korolenko, V. G. (1914). Modern imposture. In: *Complete collection. works: in 10 volumes, 3*. St. Petersburg: A. F. Marx. 271—368. (In Russ.).
- Kostomarov, N. I. (1994). *The time of Troubles of the Moscow state at the beginning of the XVII century. 1604—1613*. Moscow: Charlie. 228 p. ISBN 5-86859-005-6. (In Russ.).
- Kruglov, A. G. (2003). *Dictionary. Psychology and characterology of concepts*. Moscow: Russian Humanistic Society. 441 p. ISBN 5-87387-009-8. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). Poetics of everyday behavior in Russian culture of the XVIII century. In: *Selected works: in 3 volumes, 1*. Tallinn: Alexandra. 248—268. (In Russ.).

- Makarenko, E. K. (2002). *Genre aspect of the plot of imposture in Russian dramaturgy and historiography of the end of the Khush — the first third of the XIX — late centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 24 p. (In Russ.).
- Maul, V. Ya. (2005). *The socio-cultural space of the Russian revolt*. Author's abstract of Doct. Diss. Tomsk. 43 p. (In Russ.).
- Mordovtsev, D. L. (1867). *Impostors and low-level freemen: Ist. Monograph: in 2 volumes*. St. Petersburg; Moscow: M. O. Wolf. (In Russ.).
- Panchenko, A. M. (1999). *Russian history and culture: Works of different years*. Saint Petersburg: Publishing house "Una". 520 p. ISBN 5-86720-007-8. (In Russ.).
- Poddubnaya, R. N. (1994). *Duality and imposture, 11*. St. Petersburg: Nauka. 34—39. (In Russ.).
- Poltavets, E. (2004). "Uninvited guests" and impostors in A. S. Pushkin's "Captain's Daughter". *Literature*, 26: 39—51. (In Russ.).
- Prigov, D. A. (2001). Self-identification. Place of printing. *Journal of Interpretive Art*, 13: 10—32. (In Russ.).
- Ryzhova, E. A. (2009). The phenomenon of imposture. Genesis and origins. History of study. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 10 (78): 205—208. (In Russ.).
- Smirnov, I. P. (2001). Imposture, or Role-playing revolution. Place of printing. *Journal of Interpretive Art*, 13: 33—58. (In Russ.).
- Snigireva, S. D. (2019). The motive of imposture and the sectarian context in "Demons". *Russian literature*, 4: 81—91. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-81-91. (In Russ.).
- Solovyov, S. M. (1868). Notes on impostors in Russia. *Russian Archive*, 2: 265—281. (In Russ.).
- Tatishchev, V. N. (1968). *Russian History: In 7 volumes*. Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Tulchinsky, G. L. (2019). *Phenomenology of evil and metaphysics of freedom*. Saint Petersburg: Aleteya. 484 p. ISBN 975-5906980-76-2. (In Russ.).
- Turbin, V. N. (1994). Characters of impostors in the works of Pushkin. In: *Shortly before Aquarius: collection of articles*. Moscow: Radiks. 63—88. ISBN 5-86463-021-7. (In Russ.).
- Tyupa, V. I., Khalizev, V. E., Broitman, S. N. (1999). Artistry. In: *Introduction to literary criticism. Literary work: basic concepts and terms: Textbook*. Leningrad-Moscow: Higher School; Academy. 556 p. ISBN 5-06-003357-0. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (1987). *The artistry of a literary work: Questions of typology*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Press. 217 p. (In Russ.).
- Uryupin, I. S. (2009). The archetype of the "Russian revolt" in the works of M. A. Bulgakov: the national historical and cultural phenomenon of imposture and its embodiment in the novel "The White Guard" and the play "Batum". *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 5: 289—301. (In Russ.).
- Usenko, O. G. (2001). Who is an "impostor?". In: *Path of cognition of the history of Russia: new approaches and interpretations. The "New Perspective" series, XX*. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation. 51-63. (In Russ.).
- Uspensky, B. A. (1994). The Tsar and the Impostor: Imposture in Russia as a cultural and historical phenomenon. In: *Selected works. Semiotics of history. Semiotics of culture, I*. Moscow: Gnosis. ISBN 5-88766-007-4. (In Russ.).
- Zlochevskaya, A. V. (2003). Two impostors in Russian literature, or Another Pushkin plot in "The Inspector"? *Russian Literature*, 4: 7—14. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.12.2022,
одобрена после рецензирования 20.01.2023,
подготовлена к публикации 30.01.2023.



Элькан О. Б. Концепция «Кихотизма» в творчестве Мигеля де Унамуно / О. Б. Элькан, М. В. Норец, В. А. Путра // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 282–295. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-282-295.

Elkan, O. B., Norets, M. V., Putra, V. A. (2023). Concept of “Quixoticism” in Work of Miguel de Unamuno. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 282-295. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-282-295. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-282-295

Концепция «Кихотизма» в творчестве Мигеля де Унамуно

Элькан Ольга Борисовна¹
orcid.org/0000-0003-2143-3692
доктор искусствоведения, доцент
профессор кафедры общественных
дисциплин и истории искусств
elkan.79@mail.ru

Норец Максим Вадимович²
orcid.org/0000-0002-4168-6278
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
теории и практики перевода
mnorets@yandex.ru

Путра Виолетта Анатольевна³
orcid.org/0000-0001-8838-4050
кандидат культурологии
доцент кафедры хореографии
Profi-vita.75@bigmir.net

¹ Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия
имени А. Л. Штиглица
(Санкт-Петербург, Россия)

² Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

³ Крымский университет культуры,
искусств и туризма
(Симферополь, Россия)

Concept of “Quixoticism” in Work of Miguel de Unamuno

Olga B. Elkan¹
orcid.org/0000-0003-2143-3692
Doctor of Arts, Associate Professor,
Professor of the Department
of Social Disciplines and Art History
elkan.79@mail.ru

Maxim V. Norets²
orcid.org/0000-0002-4168-6278
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Theory and Practice of Translation
mnorets@yandex.ru

Violetta A. Putra³
orcid.org/0000-0001-8838-4050
PhD in Cultural Studies, Associate
Professor,
Department of Choreography
Profi-vita.75@bigmir.net

¹ Saint Petersburg Stieglitz State
Academy of Art and Design
named after A. L. Stieglitz
(St. Petersburg, Russia)

² V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

³ Crimean University
of Culture, Arts and Tourism
(Simferopol, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению концепции «кихотизма» М. де Унамуно. Определено, что «Кихотизм» Унамуно формировался на основе философии Ф. М. Достоевского, с которой у М. де Унамуно много общего: восприятие образа Дон Кихота как отражения национального характера. Подчеркивается, что базовое отличие этих философий — реалистичность «христоподобного» образа у Ф. М. Достоевского и реальность «кихотического» образа, выходящего за рамки художественного мира у М. де Унамуно. Доказано, что кихотизм Унамуно по своей сути является религией, которая включает в себя основные религиозные составляющие, однако Дон Кихот обитает на земле, при этом, в отличие от Христа, он человек, человек с божественным началом, человек, который подражает Богу. Авторы отмечают, что, несмотря на разность подходов, и Ф. М. Достоевский, и М. де Унамуно преклоняются перед образом Дон Кихота. Каждый из них видит в нем отражение национальных особенностей народов, к которым себя относят авторы (русского и испанского), а также библейский отсыл к Иисусу Христу. Определено, что отличительными особенностями восприятия является тот факт, что персонажи Ф. М. Достоевского стремятся все к большей реалистичности, тогда как герои Унамуно по-своему более реальны, даже относительно его создателя, и оказывают большее воздействие на существование и духовное развитие «реальных» людей, чем другие «реальные» люди.

Ключевые слова:

кихотизм; руман; Мигель де Унамуно; Федор Достоевский; философия; образ; Христос; богоподобие; вера; религия; философия литературы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the concept of “quixoticism” by M. de Unamuno. It is determined that Unamuno’s Quixoteism was formed on the basis of the philosophy of F. M. Dostoevsky, with which M. de Unamuno has much in common: the perception of the image of Don Quixote as a reflection of the national character. It is emphasized that the basic difference between these philosophies is the realism of the “Christ-like” image in F. M. Dostoevsky and the reality of the “quixotic” image, which goes beyond the artistic world in M. de Unamuno. It has been proven that Unamuno’s Quixoticism is essentially a religion that includes the main religious components, but Don Quixote lives on earth, while, unlike Christ, he is a man, a man with a divine beginning, a man who imitates God. The authors note that, despite the difference in approaches, both F. M. Dostoevsky and M. de Unamuno bow before the image of Don Quixote. Each of them sees in it a reflection of the national characteristics of the peoples to which the authors identify themselves (Russian and Spanish), as well as a biblical reference to Jesus Christ. It is determined that the distinguishing features of perception is the fact that the characters of F. M. Dostoevsky are striving for greater realism, while the characters of Unamuno are more real in their own way, even relative to its creator, and have a greater impact on the existence and spiritual development of “real” people than other “real” people.

Key words:

quixoticism; ruman; Miguel de Unamuno; Fyodor Dostoevsky; philosophy; image; Christ; godlikeness; Vera; religion; philosophy of literature.

Концепция «Кихотизма» в творчестве Мигеля де Унамуну

© Элькан О. Б., Норец М. В., Путра В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Веками люди воспринимали себя прежде всего как элементы той или иной социальной общности — рода, народа, государства и т. п. В той же плоскости большей частью велась и философская, и литературно-художественная разработка темы «Человек». Люди рассматривались в основном как часть системы «человек — социум» или «человек — окружающий мир». Однако даже сегодня мы еще не можем сказать, что действительно приблизились к пониманию личности — «к роковой ее тайне», как сказал когда-то Ф. М. Достоевский. Наше познание постоянно углубляется, и существенный вклад в этот процесс вносят лучшие представители художественной литературы разных стран и эпох — такие, как, например, Достоевский или испанский писатель и философ М. де Унамуну.

Мигель де Унамуну — испанский прозаик, один из наиболее видных представителей испанской литературы (и в целом культуры Испании) XX века [Шайтанов, 2014, с. 410]. «Как романист, драматург, эссеист, поэт и общественный деятель, Мигель де Унамуну (1864—1936) был поразительно энергичным и плодовитым писателем, а также выдающейся фигурой в культурной и политической жизни Испании двадцатого века. В его работах рассматривались фундаментальные вопросы существования и идентичности (как индивидуальной, так и национальной)» [‘A Companion ..., 2016, p. 2].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для настоящего исследования послужили работы самого Унамуну: «Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуну» [Унамуну, 2002], эссе «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» [Унамуну, 1996]. Были использованы методы литературного анализа (в частности, пообразного) и биографический.

В отечественной научной литературе интерес к творчеству Унамуну традиционно высок. Не раз отмечалось, например, существенное влияние на философские взгляды Унамуну русских мыслителей и писателей. Во многом это объясняется значительным сходством социально-политических и культурно-исторических факторов в развитии обеих стран — Рос-

сии и Испании. Российские авторы не обходят вниманием и такую яркую страницу наследия Унамуно, как его концепция «кихотизма»; назовем, например, две недавние статьи А. С. Орешкина [Орешкин, 2012а; Орешкин, 2012b] и работу Е. А. Ереминой [Еремина, 2014]. В этих трудах исследуются различные аспекты унамуновского «кихотизма» — от языка и стиля произведений М. де Унамуно до проблемы соотношения реальности и вымысла в его произведениях. Новизна предлагаемого нами подхода заключается, на наш взгляд, в рассмотрении «кихотизма» в качестве своеобразного квазирелигиозного конструкта.

В творчестве Унамуно легко обнаружить идеи, предвосхитившие понимание личности в экзистенциализме и персонализме XX века. Главные темы философских раздумий Унамуно:

- человеческая личность в ее уникальности и индивидуальности («человек из плоти и крови»), что подразумевает отказ от любых «заведомых» принципов и предположений (идеологических, религиозных, социокультурных и пр.), ограничивающих восприятие и понимание конкретной личности;

- тема смерти и бессмертия («бессмертный голод бессмертия») как важнейшая характеристика человеческого существования перед лицом неминуемой смерти);

- проблема свободы воли, которая сводится в итоге к признанию экзистенциальной несвободы личности и поискам путей противостояния этой несвободе. Смертность человека — лишь одно из ярких проявлений этой тотальной несвободы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Причины возникновения и неугасающего интереса «кихотизма»

Унамуно создал новый тип романа, который сам обозначил как «руман» (исп. *nivola*). Автор противопоставил «руман» доминирующим принципам реализма, господствовавшим в его время в испанских романах (психологическая характеристика персонажей, реалистически описываемая среда и «всеведущий» рассказчик). Персонажи «румано́в», как правило, представляют собой концентрированное выражение одной-единственной идеи или страсти, что способствует более глубокому погружению именно в данную конкретную идею и / или страсть. Этим «агонический руман» Унамуно отличается от полифонического романа Достоевского; тем не менее в его сюжете и мотивах прослеживается серьезное влияние русского писателя [Норец, 2021, с. 45]. «Руманная» форма послужила композиционным остовом, на котором выстраиваются основные положения философии личности Унамуно, в первую очередь — вопрос о человеческой свободе.

Хотя идея «вторичности» человеческой реальности, подчиненной высшим силам, была давно популярна в европейской культуре, именно форма ее «подачи» обусловила восприятие этой идеи в «руманах» Унамуно как идеи революционной.

Особый интерес как читательской аудитории, так и исследователей в рамках творчества Унамуно вызывает такой феномен, как так называемый «кихотизм» (исп. *Quixotism*). «Кихотизм» не является, строго говоря, «изобретением» Мигеля де Унамуно — этим термином обозначают обширный тренд в испаноязычной литературе, направленный на глубинную рецепцию и интерпретацию классического образа Дон Кихота. Внимание испанской публики и ученых к Сервантесу и его Дон Кихоту особо усиливается уже начиная со второй половины XVIII века, а в XX веке, который часто называют в Испании «первым веком без империи», это внимание становится особенно острым.

В чем причина такого резкого обострения интереса? К. Бритт-Арредондо связывает его именно с новым статусом испанского государства и со стоящим перед обществом Испании выбором: предпочтут ли испанцы сохранить свои привычные традиционные ценности, которые в основной массе были достаточно консервативными, или же поддастся чарам «наступающей» (во всех смыслах современности с ее технологиями, свободой и другими вызовами, часто совсем не укладывающимися в привычные рамки)? Метафора, в рамках которой испанский характер ассоциировался с Дон Кихотом, которому противопоставлялась «нереальная реальность» этих современных вызовов, становится весьма популярна. «Появление (и применение) этой метафоры не ограничивалось одними испанскими интеллектуалами. По всей Латинской Америке победа Соединенных Штатов над Испанией в 1898 году воспринималась как угроза независимости региона. Латиноамериканские мыслители, такие как уругвайский политик и писатель Жозе Энрике Родо и никарагуанский поэт и журналист Рубен Дарио, связывали образ Робинзона Круза с ценностями американского экономического империализма и противопоставляли ему образ Дон Кихота как представляющий высшие культурные и духовные ценности (латиноамериканского) региона» [Britt-Agredondo, 2015, p. 3].

Но именно «кихотские» штудии Унамуно, а также Х. Ортеги-и-Гассета придали блеск этому тренду и сделали его широко известным и популярным в мире. Работу М. де Унамуно «Житие Дон Кихота и Санчо» [Унамуно, 2002], в которой, по утверждению американской «Энциклопедии Сервантеса», Дон Кихот наиболее наглядно представлен как универсальный «символ Испании» [Mancing, 2004, p. 48], называют «одним из наиболее репрезентативных произведений начала двадцатого века, представляющих “кихотизм”» [D'hondt et al., 2009, p. 18].

Кихотизм — понятие и концепция, базовые для всей философии Унамуно. Однако они неотделимы от еще одной важной сферы его размышлений — о вере; поскольку кихотизм стал для Унамуно высшим выражением его собственных религиозных размышлений и устремлений.

Он был воспитан в католической традиции, но к зрелому возрасту критически переосмыслил подходы ортодоксального богословия, уже не удовлетворявшие его стремление к познанию истины, которая, как считал Унамуно, может быть только конкретной, индивидуально-личностной. То, что он видел в современном ему мире, представлялось писателю «агонией христианства», главным признаком которой является раскол между верой и разумом, «сердцем» и «головой». Современный человек оказался в парадоксальной и мучительной ситуации напряженности между верой и сомнением, его религиозные убеждения, даже в случае если они имеются, представляют собой «только страстные надежды в зубах скептицизма».

Свои философские воззрения Унамуно передает как в форме размышлений-эссе, так и в художественных произведениях — в том числе в стихах. Так, в 1920 году Унамуно опубликовал стихотворение, которое до сих пор считается самым ярким шедевром его поэтического творчества, — «Христос Веласкеса». В этом стихотворении в полной мере проявилось постоянное стремление Унамуно выделить и проанализировать специфические национальные характеристики образа Христа, установить, как его понимают и воспринимают в Испании («испанский Христос»).

3.2. «Кихотизм» и религия в произведениях Унамуно

«Вера, которая не сомневается, — это мертвая вера» [Изотова, 2011, с. 142], — писал однажды Унамуно. При этом его не заботят абстрактные вопросы о сущности Бога или Бытия — его волнуют лишь конкретные, осязаемые, личностные проявления, человеческая жизнь как она есть.

Унамуно гораздо меньше занимал конфликт между наукой и религией или между религией и политикой, чем те усилия, которые люди должны прилагать, чтобы, подвергая сомнению то и другое, отвергать упрощенные или стереотипные ответы на «вечные» вопросы. Унамуно не был ни атеистом, ни католиком в строгом смысле слова — так, как понимают это в стране с такой глубокой католической традицией, как Испания. Он категорически оспаривал возможность быть помещенным исследователями его творчества в рамки какой-либо конкретной духовной традиции или религиозной конфессии. «Мудрость он искал там, где философия соприкасается с религией» [Гараджа, 1996, с. 11]. К. С. Корконосенко даже определяет «кихотизм» как «индивидуальную религию» испанского писателя [Корконосенко, 2002, с. 45].

Согласно М. Алессандри, «кихотизм» у Унамуно вполне может быть сопоставлен с религией, поскольку он обладает практически всеми основ-

ными характеристиками традиционных религиозных образований: в нем присутствуют образы божества и его последователей, поклонение этому божеству, идея веры, эсхатологические мотивы; присутствует даже некий сакральный текст (в терминологии Унамуно, сам «заглавный» текст этой квазирелигии — роман Сервантеса Дон Кихот»), который Унамуно так и называет «El Evangelio de Quijote», то есть «Евангелие от Кихота». Таким образом, поскольку Унамуно воспринимает «кихотизм» как определенную религиозную форму, он старается выстраивать и формулировать его общую идеологию как идеологию религиозную (либо, если подходить с более строгими мерками, опять же как квазирелигиозную). Несмотря на то, что Унамуно прямо называет Алонсо Кихану (настоящее имя идадьго) «испанским Христом» — подобно тому, как Достоевский в своих заметках признавал «христологический» генезис образов князя Мышкина и Алеши Карамазова, — было бы неправомерно так же прямо отождествлять «кихотизм» с христианством. «Вообще говоря, различия между «кихотизмом» и христианством проистекают из соответствующих онтологических статусов Христа и Дон Кихота: божественности и человечности. Владения Христа — это небеса, которым Унамуно эффектно противопоставляет (образ Дон Кихота), описывая его земные владения» [Alessandri, 2010, p. 106]. Алессандри утверждает, что унамуновскую концепцию «кихотизма» правильно было бы воспринимать в качестве такой религии, которая «параллельна некоему трансцендентному христианству, но базируется на этой жизни и на этой земле, а не на грядущей жизни на небесах. Кихотизм как религия “мира сего” выстраивает вымышленный образец — Бога, который ведет себя подражательным образом...» [Alessandri, 2010, p. 107].

К образу ламанчского идадьго Унамуно обращается уже в некоторых ранних своих эссе 1895 года. Позднее этот образ появляется во многих его сочинениях, однако свое концентрированное выражение эта тема получает в специальном эссе, так и названном автором: «Житие Дон Кихота и Санчо». Это глубоко личное эссе, написанное в 1905 году: автор постарался приурочить его к трехсотлетию со дня публикации первой части знаменитого романа Сервантеса (1605 год).

3.3. Взаимосвязь произведений Достоевского и Унамуно

Очень большое влияние на Унамуно оказало наследие Ф. М. Достоевского, которого он глубоко уважал. Как широко известно, Достоевский в свое время создал ряд «идеальных образов», представляющих христологическую традицию: Соня Мармеладова — как образ, прототипами которого выступают Мария Магдалина и гностическая София, Алеша Карамазов и князь Мышкин — как художественные воплощения образа «современного Христа». Однако, помимо того, в образах Алеши и князя

легко прочитывается влияние образа Дон Кихота — в котором, впрочем, сам Достоевский также видел такого же «современного Христа». Исследователи часто сопоставляют Дон Кихота в интерпретации Унамуно с князем Мышкиным Достоевского: с одной стороны, подчеркиваются такие объединяющие их черты, как доброта и общая оторванность от реальности, дефицит «такта действительности»; с другой — указывается героизм как существенный для характера идальго признак (Мышкину в целом чуждый) [Корконосенко, 2002, с. 322].

Унамуно исследует литературную фигуру, в которой, по его мнению, была наиболее адекватным образом запечатлена сама «душа Испании» (точно так же и Достоевский увидел в образе Дон Кихота отражение души всего русского народа [Норец, 2021]). В своем эссе автор защищает Дон Кихота и его рыцарскую миссию не только от настоящих «противников», но даже от самого автора — своего гениального тезки Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547—1616).

На протяжении всей литературной карьеры Унамуно использовал свой талант писателя в качестве средства для изучения тех философских вопросов, которые особенно его интересовали. Дон-Кихот представлен здесь именно с философских позиций, конкретнее — с позиций экзистенциализма с его приоритетом, отдаваемым личности. При этом он определенно следует сервантесовской эстетике, часто цитируя Сервантеса почти дословно — порой, правда, заменяя в этих цитатах используемые автором архаичные формы слов их более современными формами.

Философия кихотизма Унамуно — это подход, базирующийся на образе главного персонажа самого известного шедевра испанской литературы — романа Сервантеса «Дон Кихот Ламанский», который Унамуно часто называет испанской национальной Библией, наиболее выдающейся книгой за всю историю испанской литературы и, возможно, одним из наиболее важных литературных произведений для всего человечества (как близка эта оценка оценке Достоевского! [Норец, 2021, с. 126]).

Унамуно сразу предупреждает, что его интерпретация текста Сервантеса, конечно, окажется, очень субъективной — настаивая, однако, что как раз субъективная, личностная интерпретация художественного текста и есть самый важный аспект его философии кихотизма. Он утверждает, что каждый имеет право видеть собственные символы в фигурах Дон-Кихота и Санчо Пансы — его верного оруженосца и постоянного антагониста, персонажа насквозь «земного», материалистичного и прагматичного, обращаясь к которому Унамуно восклицает: «О прагматичные прагматики Санчо, позитивные позитивисты Санчо, материальные материалисты Санчо!..» [Унамуно, 2002, с. 110]

Для Унамуно Дон Кихот — герой, существующий вне сферы рационального. И хотя он не реальная личность, Унамуно видит в нем нечто даже большее, чем «плоть и кровь», — нечто, что позволяет ему стать «реальнее» собственного автора и к чему Унамуно испытывает, как он признается, зависть. Дон Кихот становится главным идеалом в рамках его мировоззрения, предоставляя, по утверждению Унамуно, новую фундаментальную систему — тот базис, ту опору, которая позволяет человеческой воле пережить трагизм собственного существования. И, в частности, именно в этом смысле Дон Кихот принимает на себя роль «испанского Христа».

Еще одна черта в образе Дон Кихота, которая постоянно привлекает внимание Унамуно (и которая снова заставляет вспомнить князя Мышкина как, в некотором смысле, «литературного потомка» Дон-Кихота; К. А. Степанян в работе «Достоевский и Сервантес» одну из глав специально посвящает данному вопросу — она названа: «Дон Кихот и князь Мышкин в поисках реальности»), — его безумие, в котором испанский писатель видит не случайный биологический фактор, а некую «судьбообразующую» парадигму, отбрасывающую ответ на любые другие аспекты жизни рыцаря. Таким образом, «Дон Кихот возвышает некий прежде неизвестный тип здравогомыслия, которое другие люди называют безумным, — здравомыслие, которое, уставшее от определений, ищет воды вечной жизни» [Cohen, 1973, p. 8].

Подобное понимание сложилось у Унамуно далеко не сразу. Исследователи отмечают, что 1895—1902 годы были для писателя «годами антикихотизма» (пик которых пришелся на 1898 год) [Alessandri, 2010, p. 107], и одной из главных причин был «стыд» Унамуно в связи с тем, что главный герой испанской культуры — безумец. Лишь со временем его видение полностью трансформируется: отныне для него безумие Дон Кихота — одна из наиболее существенных философски-экзистенциальных характеристик в образе рыцаря, но безумие это кардинальным образом отличается от любых возможных обывательских трактовок.

«И Дон Кихот, и князь Мышкин в качестве конечной (пусть порой скрытой) цели берут на себя миссию воскрешения <...> Именно эта связь (Бога с человеком и человека с другими людьми и с вечностью) и составляет главный “предмет” искусства Сервантеса и Достоевского...» [Степанян, 2013, с. 134].

Как отмечал автор литературной колонки одной из американских газет, в качестве исходного пункта всей его интеллектуальной критики можно принять следующую сентенцию: безумие представляет собой реальность, тогда как «историческая объективность» — это, на деле, и есть настоящее безумие. «Это определение “кихотизма” явно расходится с его общепринятым пониманием. Рыцарское призвание и начинания Дон Кихота, постоян-

но прагматизируемые его сочувствующим оруженосцем, рассматриваются Унамуно как высший тип паломничества. («Я верю, что мы могли бы предпринять священный крестовый поход, чтобы освободить Гробницу Рыцаря Безумия от власти поборников Разума»). Властители разумности — планировщики, ученые, политики возможного — все осуждаются Унамуно как предатели духа Дон Кихота» [Cohen, 1973, p. 8].

3.4. Философские вопросы произведений Унамуно

Писатель напрямую связывает тему Дон Кихота и с еще одной постоянной для себя темой — темой «голода по бессмертию», который выступает для него одной из важнейших характеристик человеческого существования. Унамуно по-своему отвечает на сакраментальный вопрос: безумен ли Дон Кихот? — Безумие Дон Кихота для него есть ярчайшее проявление этого «голода», предельное его выражение. Эта страсть, эта непреодолимая тяга к вечному существованию, «сублимируясь», как сказал бы Фрейд, превращается в — как говорит Унамуно — в источник самых экстравагантных глупостей, а также самых героических поступков. «Бессмертие как борьба (за бессмертие)» [Mora et al., 1962, p. 31] — так определяет основную мысль Унамуно Хосе Мора. «Подлинная жизнь начинается для Унамуно <...> когда личность побеждает страх и живет “по-донкихотски”» [Костюкович и др., 1994, с. 34].

Этот подход, который отражает понятие Унамуно о подлинном существовании — о человеческой экзистенции, — очень близок также и воззрениям одного из самых глубоких философов-экзистенциалистов XX века Альбера Камю (философа, на формирование воззрений которого глубокое воздействие оказали в том числе и работы Ф. М. Достоевского). В двух самых знаменитых своих эссе — «Бунтующий человек» и «Миф о Сизифе» [Камю, 1990] — Камю задается вопросом: в чем может человек найти опору для выживания в нашем абсурдном мире? Камю определяет три пути: бунт, свобода и страсть — эта триада как нельзя лучше определяет тот нестаренский образ «безумного» рыцаря, который лег в основу философии кихотизма Мигеля де Унамуно.

Еще большую глубину, однако, обретает этот образ в контексте всего творчества Унамуно — в частности, при сопоставлении его с философской проблематикой его романа «Туман». Исследователи даже специально подчеркивают, что «Туман» (написанный в 1914) представляет собой логическое продолжение или художественно-литературное воплощение тех теоретических положений, которые еще в 1902—1905 годах Унамуно развивает в «Глоссах к “Дон Кихоту”» и в «Житии Дон Кихота и Санчо Пансы» [Basdekis, 1974, p. 52]. И впрямь, разговор автора с Аугусто в «Тумане» о свободе воли литературных персонажей и «реальной» человеческой

личности перекликается с основными сентенциями «Жития Дон Кихота», такими как: «нельзя считать, что Дон Кихот это детище Сервантеса; ведь если последний был его отцом, то матерью был народ, среди которого жил и которым жил ...» [Унамуно, 2002, с. 311].

Если «положительно прекрасные» персонажи Достоевского, значительное влияние которого на испанского писателя признают все исследователи, эволюционируют в сторону все большей реалистичности образа (так, Алеша, герой его последнего романа, куда более активен, целеустремлен и социально адаптирован, чем Мышкин из более раннего «Идиота»), — Унамуно прямо провозглашает «идеального» героя по-своему более реальным даже, чем любой человек «из плоти и крови». Основанием для такого экстравагантного утверждения служит тот факт, что «идеальная» личность — подобная, например, Дон Кихоту — способна оказать (и действительно оказывает!) гораздо более осязаемое воздействие на жизнь и духовное развитие «реальных» людей, чем любые другие подобные ему «реальные» люди.

На протяжении всей книги Унамуно неоднократно просит не путать его с одним из тех литературоведов, которые в своей ограниченности рассматривают главных героев Сервантеса всего лишь как персонажей литературного произведения; в утверждении, будто их никогда не существовало, ему видится величайшая несправедливость, которую он призван исправить. Скрупулезно, в деталях рассмотрев жизнь Дон Кихота, он заключает, что Дон Кихот является «не существом вымышленным, как полагают светские маловеры, а человеком из плоти и крови, из тех, кому надо было и есть, и пить, и спать; и умереть...» [Basdekis, 1974, p. 118].

Глубоко показательно, что спустя много лет практически теми же словами он начнет свое главное эссе о человеке — «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» [Унамуно, 1996].

4. Заключение = Conclusions

Мы уже отмечали общепризнанное влияние Ф. М. Достоевского на творчество Мигеля де Унамуно. Двух писателей объединяет в том числе и преклонение перед образом Дон Кихота, в котором оба видели, во-первых, обобщенное отражение собственных народов (русского и испанского), во-вторых — несомненные черты Христа. На таком подходе основана философия кихотизма Унамуно, представляющая Дон Кихота как главную надежду человечества и главную опору человека в абсурдном и трагическом существовании. Исследователи отмечают типологическую близость в культурно-историческом развитии России и Испании; в подтверждение этому и Достоевский, и Унамуно находят в образе Дон Кихота отражение

национального характера своих народов. В то же время этот образ для них «перерастает» любые национальные границы, выступая как метафора возможного (и желательного!) пути развития всего человечества. Основное отличие в развитии «кихотических» и «христоподобных» образов Достоевского и Унамуно заключается в следующем: «положительно прекрасные» персонажи Достоевского эволюционируют в сторону все большей реалистичности, тогда как Унамуно прямо провозглашает «идеального» героя по-своему более реальным, чем его создатель или даже любой человек «из плоти и крови», ведь «идеальная» личность (такая как Дон Кихот) оказывает гораздо более осязаемое воздействие на жизнь и духовное развитие «реальных» людей, чем другие «реальные» люди.

Весьма перспективным для дальнейшего исследования по рассмотренной проблематике представляется следующее. Как известно, многие персонажи Ф. М. Достоевского, мягко говоря, «психически нестабильны»; даже «идеальная личность» — князь Мышкин — страдает психическим заболеванием. Но ведь и сам Дон Кихот у Сервантеса также нездоров, и именно психическим нездоровьем обусловлены его «рыцарские» фантазии, от которых он избавляется только перед смертью. М. де Унамуно не уделяет особого внимания данной проблеме — и все же неоднократно затрагивает ее, в той или иной форме, в своих работах. Интересно было бы проследить детальнее и снова сопоставить подход двух великих писателей к проблеме соотношения тех характеристик, которые Унамуно выделяет как маркерные для «кихотизма», и состояния ментального здоровья индивида.

Литература

1. *Гараджа Е. В.* Евангелие от Дон Кихота / Е. В. Гараджа // Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. — Киев : Символ, 1997. — 414 с. — ISBN 5-7248-0043-8.
2. *Изотова И. С.* Человек, Бог и религия в философской танатологии Мигеля де Унамуно / И. С. Изотова // Вопросы философии. — 2011. — № 1. — С. 56—69.
3. *Камо А.* Миф о Сизифе : Эссе об абсурде / А. Камо // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — Москва : Политиздат, 1990. — 415 с. — ISBN 5-250-01279-5.
4. *Корконосенко К. С.* Кихотизм — индивидуальная религия Мигеля де Унамуно / К. С. Корконосенко // Унамуно М. де. Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуно. Пер., примеч. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 2002. — 394 с. — ISBN 5-02-028458-0.
5. *Костюкович Е. А.* Испанская литература / Е. А. Костюкович, И. А. Тертерян // История всемирной литературы : В 8 томах / Гл. ред. Ю. Б. Виппер. — Москва : Наука, 1983—1994. — Т. 8. — С. 56—69.
6. *Норец М. В.* Мотив покаяния в романной прозе Ф. М. Достоевского : монография / М. В. Норец. — Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2021. — 232 с. — ISBN 978-5-907438-10-1.

7. Степанян К. А. Достоевский и Сервантес : Диалог в большом времени / К. А. Степанян. — Москва : Языки славянской письменности, 2013. — 363 с. — ISBN 978-5-9551-0537-6.
8. Унамуно М. де. Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре / М. де Унамуно. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 2002. — 394 с. — ISBN 5-02-028458-0.
9. Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов / М. де Унамуно. — Киев : Символ, 1997. — 414 с. — ISBN 5-7248-0043-8.
10. Шайтанов И. О. История зарубежной литературы эпохи Возрождения : учебник и практикум. 3-е изд., испр. и доп. / И. О. Шайтанов. — Москва : Издательство Юрайт, 2014. — С. 385—412. — ISBN 978-5-9916-3764-0.
11. *A Companion to Miguel de Unamuno* / ed. J. Biggane, J. Macklin J. Suffolk. — Woodbridge : Boydell & Brewer, 2016. — 243 p.
12. Alessandri M. A. Flesh and bone: Unamuno's "quixotism" as an incarnation of kierkegaard's "religiousness a" / M. A. Alessandri // The Pennsylvania State University. — 2012. — № 56 (4). — Pp. 434—448.
13. Basdekis D. Unamuno and the Novel / D. Basdekis // Estudios de Hispanófila, 1974. — № 31.
14. Britt-Arredondo C. Quixotism : the imaginative denial of Spain's loss of empire / C. Britt-Arredondo. — Albany : State University of New York Press, 2015. — 266 p.
15. Cohen A. A. Our Lord Don Quixote / A. A. Cohen // The New York Timrs. — 1973. — Dec. 16. — P. 397.
16. D'hondt R. International Don Quixote / R. D'hondt, T. D'haen. — Amsterdam, New York : Rodopi, 2009. — 280 p. — ISBN 9042025832.
17. Mancing H. The Cervantes Encyclopedia / H. Mancing. — Westport (Conn.) ; London : Greenwood Press, 2004. — Vol. 2 : L-Z. — Pp. 417—863. — ISBN 0-313-32891-9.
18. Mora J. F. Unamuno : A Philosophy of Tragedy / J. F. Mora, P. Silver. — Berkeley, CA : University of California Press, 1962. — 136 p.

References

- A Companion to Miguel de Unamuno*. (2016). Woodbridge: Boydell & Brewer. 243 p.
- Alessandri, M. A. (2012). Flesh and bone: Unamuno's "quixotism" as an incarnation of kierkegaard's "religiousness a". *The Pennsylvania State University*, 56 (4): 434—448.
- Basdekis, D. (1974). Unamuno and the Novel. *Estudios de Hispanófila*, 31.
- Britt-Arredondo, C. (2015). *Quixotism: the imaginative denial of Spain's loss of empire*. Albany: State University of New York Press. 266 p.
- Camus, A. (1990). The Myth of Sisyphus: An Essay on the absurd. In: *The Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art*. Moscow: Politizdat. 415 p. ISBN 5-250-01279-5. (In Russ.).
- Cohen, A. A. (1973). Our Lord Don Quixote. *The New York Timrs. Dec. 16*. P. 397.
- D'hondt, R., D'haen, T. (2009). *International Don Quixote*. Amsterdam, New York: Rodopi. 280 p. ISBN 9042025832.
- Garadja, E. V. (1997). The Gospel of Don Quixote. In: *Unamuno M. de. About the tragic feeling of life among people and nations*. Kiev: Symbol. 414 p. ISBN 5-7248-0043-8. (In Russ.).
- Izotova, I. S. (2011). Man, God and religion in the philosophical thanatology of Miguel de Unamuno. *Questions of philosophy*, 1: 56—69. (In Russ.).

- Korkonosenko, K. S. (2002). Quixotism — the individual religion of Miguel de Unamuno. In: *Unamuno M. de. The Life of Don Quixote and Sancho by Miguel de Cervantes Saavedra*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 394 p. ISBN 5-02-028458-0. (In Russ.).
- Kostyukovich, E. A., Terteryan, I. A. (1983—1994). Spanish literature. In: *History of World literature: In 8 volumes, 8*. Moscow: Nauka. 56—69. (In Russ.).
- Mancing, H. (2004). *The Cervantes Encyclopedia, 2: L-Z*. Westport (Conn.); London: Greenwood Press. 417—863. ISBN 0-313-32891-9.
- Mora, J. F., Silver, P. (1962). *Unamuno: A Philosophy of Tragedy*. Berkeley, CA: University of California Press. 136 p.
- Norets, M. V. (2021). *The motive of repentance in the novel prose of F. M. Dostoevsky: monography*. Simferopol: IT “ARIAL”. 232 p. ISBN 978-5-907438-10-1. (In Russ.).
- Shaitanov, I. O. (2014). *History of foreign literature of the Renaissance: textbook and workshop*. Moscow: Yurayt Publishing House. 385—412. ISBN 978-5-9916-3764-0. (In Russ.).
- Stepanyan, K. A. (2013). *Dostoevsky and Cervantes: Dialogue in a Big Time*. Moscow: Languages of Slavic Writing. 363 p. ISBN 978-5-9551-0537-6. (In Russ.).
- Unamuno, M. de. (1997). *About the tragic sense of life in people and people*. Kiev: Symbol. 414 p. ISBN 5-7248-0043-8. (In Russ.).
- Unamuno, M. de. (2002). *The Life of Don Quixote and Sancho by Miguel de Cervantes Saavedra*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 394 p. ISBN 5-02-028458-0. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.11.2022,
одобрена после рецензирования 23.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY



Андрей Александрович Иванов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)

Денис Владимирович Дорофеев, канд. полит. наук (Симферополь)

Екатерина Ивановна Красильникова, д-р истор. наук (Новосибирск)

Николай Иванович Богомазов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)

Номинь Дондоковна Цыренова, младший научный сотрудник (Улан-Удэ)

Цымжит Пурбуевна Ванчикова, д-р истор. наук (Улан-Удэ)

Эдуард Викторович Казиев, старший научный сотрудник (Владикавказ)



Ванчикова Ц. П. Монгольский монастырь Эрдэни-дзу : история и современность (результаты полевой экспедиции) / Ц. П. Ванчикова, Н. Д. Цыренова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 297—310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-297-310.

Vanchikova, Ts. P., Tsyrenova, N. D. (2023). Mongolian Monastery Erdeni-zu: History and Modernity (Results of an Expedition). *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 297-310. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-297-310. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-297-310

Монгольский монастырь Эрдэни-дзу: история и современность (результаты полевой экспедиции)

Ванчикова Цымжит Пурбуевна

orcid.org/0000-0002-1381-6186

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
Центр восточных рукописей
и ксилографов
vanchikova_ts@mail.ru

Цыренова Номинь Дондоковна

orcid.org/0000-0001-9578-5493

младший научный сотрудник, аспирант,
лаборатория «Центр переводов
с восточных языков»
nomin_n@mail.ru

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена
в рамках реализации проекта
РНФ № 22-18-20001
«Бурятские буддисты-паломники
по святым местам Тибета:
историко-культурный атлас»

Mongolian Monastery Erdeni-zu: History and Modernity (Results of an Expedition)

Tsymzhit P. Vanchikova

orcid.org/0000-0002-1381-6186

Doctor of History,
Chief Researcher,
Center of Oriental Manuscripts
and Xylographs
vanchikova_ts@mail.ru

Nomin D. Tsyrenova

orcid.org/0000-0001-9578-5493

Junior Researcher, Post-graduate Student,
Laboratory “Oriental Languages
Translation Center”
nomin_n@mail.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-20001
“Buryat Buddhist pilgrims
to the holy places of Tibet:
a historical and cultural atlas”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история Эрдэни-дзу — первого стационарного буддийского монастыря Монголии, основанного в 1585—1586 годах, уделено внимание его современному состоянию. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью истории отдельных монастырей, игравших важную роль в распространении буддизма, к каковым относится Эрдэни-дзу, который был образцом для других монгольских монастырей и имел культурообразующее значение в этнической истории народа. Новизна исследования видится в выводе, что первые монахи — тибетские ламы, принадлежавшие к сакьяпинской школе, способствовали монгольским ламам в изучении и освоении всей полноты и целостности буддистской богословской традиции. Они оказывали поддержку созданию собственно монгольской монашеской общины — сангхи, что вплоть до закрытия, монастырь Эрдэни-дзу был одним из религиозных, культурных и экономических центров Халха-Монголии. Сообщается, что в 30-е годы XX века монастырь был закрыт, в 1944 году взят под охрану государства, в 1947 году преобразован в музей. Согласно полевым данным, полученным авторами в 2022 году, он один из наиболее активно посещаемых туристических центров, продолжает оставаться одним из основных факторов сохранения культурного наследия монгольского народа.

Ключевые слова:

Эрдэни-дзу; история монастыря; Абатай-хан; архитектура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of Erdeni-dzu, the first stationary Buddhist monastery in Mongolia, founded in 1585—1586, is considered, and attention is paid to its current state. The relevance of the study is due to insufficient knowledge of the history of individual monasteries that played an important role in the spread of Buddhism, which include Erdeni-dzu, which was a model for other Mongolian monasteries and had a cultural significance in the ethnic history of the people. The novelty of the study is seen in the conclusion that the first monks — Tibetan lamas, who belonged to the Sakyapa school, contributed to the Mongolian lamas in the study and development of the fullness and integrity of the Buddhist theological tradition. They supported the creation of the actual Mongolian monastic community — the sangha, which, until the closure, the Erdeni-dzu monastery was one of the religious, cultural and economic centers of Khalkha-Mongolia. It is reported that in the 30s of the XX century the monastery was closed, in 1944 it was taken under state protection, in 1947 it was transformed into a museum. According to field data obtained by the authors in 2022, it is one of the most actively visited tourist centers and continues to be one of the main factors in the preservation of the cultural heritage of the Mongolian people.

Key words:

Erdeni-zu; the history of the monastery; Abatai Khan; architecture.

Монгольский монастырь Эрдэни-дзу: история и современность (результаты полевой экспедиции)

© Ванчикова Ц. П., Цыренова Н. Д., 2023

1. Введение = Introduction

Богатая история и культура буддизма в Монголии издавна привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью истории отдельных монгольских монастырей, игравших важную роль в распространении буддизма, к ним относится Эрдэни-дзу. Реконструкция историко-культурной региональной специфики монастыря Эрдэни-дзу в некоторой степени позволит восполнить отдельные пробелы в истории становления и формирования буддийской религиозно-политической традиции в Монголии. Монастырь Эрдэни-дзу является старейшим и наиболее почитаемым в истории Халха-Монголии стационарным буддийским монастырем. Он был построен в Убурхангайском аймаке как родовой монастырь династии Тушэту-ханов.

Создание монастыря Эрдэни-дзу было обусловлено стремлением Абатай-хана укрепить свой религиозно-политический статус среди остальных монгольских ханов. Для этого Далай-лама III направил туда по просьбе Абатай-хана тибетских лам буддийской школы сакья, а именно: Лодой-Нямбуу Гоми-Нансо, Самло-Нансо и Шидэту-гавжу. Строительство монастыря началось после встречи Абатай-хана с Далай-ламой в южномонгольском городе Хух-хото в 1577 году. Поэтому в историографии принято считать, что буддизм начал свое развитие в Монголии именно в этом году. Автор «Эрдэнийн эрихэ» отмечает, что «также Далай-лама объявил Абатай-хана хубилганом Очирвани и присвоил ему звание Очирай-Бату-Тушэту-сайн-хан» [Галдан, 2012, с. 199].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История изучения монастыря Эрдэни-дзу в отечественном монголоведении восходит к концу XIX века. Так, в дореволюционный период изучением монастыря Эрдэни-дзу занимались отечественные монголоеды А. М. Позднеев [Позднеев, 1887; 1898], В. Л. Котвич [Котвич, 1918; Bareja-Starzyńska, 2012], П. К. Козлов [Козлов, 1949]. Из трудов современных исследователей необходимо отметить работы С. В. Киселева [Киселев и др., 1965] и В. Н. Ткачева [Ткачев, 1979]. Важный вклад в изучение истории монастыря внесла А. Д. Цендина, современный российский монголовед [Цендина, 1999], кото-

рая выполнила и опубликовала перевод сочинения «История Эрдэни-дзу» со старописьменного монгольского на русский язык с обстоятельным анализом и факсимиле публикуемого списка памятника, подробными комментариями и справочным аппаратом. Особо следует отметить исследования монгольских ученых. Так, например, монгольские историки С. Ичинноров и Ч. Банзарагч опубликовали в 2007 году монографию «Монастырь Эрдэни-дзу и хошун Түшэту-хана» [Ичинноров и др., 2007]. В 2005 году Н. Хатанбаатар совместно с Е. Найгал выпустили книгу под названием «История Эрдэни-дзу (XVI—XX)» [Хатанбаатар и др., 2005]. В 2011 году под редакцией ламы Басан-Сурэна, настоятеля монастыря Эрдэни-дзу, была издана фотолетопись монастыря Эрдэни-дзу [Баасансурэн, 2011]. В 2018 году Н. Хатан-Батар опубликовал две работы: в монографии «История Эрдэни-дзу» им выполнен комментированный перевод с классической монгольской письменности на современный монгольский язык одного из летописных списков «История Эрдэни-дзу» с транслитерацией и исследовательским предисловием [Хатанбаатар, 2018б]. Во второй монографии «Ламы монгольских монастырей» автором детально рассмотрены вопросы истории монастыря, его административного устройства, приведены биографические сведения о линии преемственности его настоятелей, об основных религиозных службах [Хатанбаатар, 2018а].

Источниковой базой нашего исследования явились монгольские исторические сочинения, сведения путевых дневников ученых и предварительные результаты краткой экспедиции, совершенной авторами статьи в 2022 году. Основными источниками для статьи были летописи на старомонгольской письменности «История Эрдэни-дзу» (1803; в эру правления Цзяцин (1797—1820) императора Айсинь Цзюэло Юнь Янь) и «Эрдэнийн эрихэ» (является обширным летописным сводом и охватывает события монгольской истории с XII до середины XIX века [Галдан, 2012]), а именно — «Драгоценные четки» (1842; в эру правления Даогуан (1721—1850) императора Айсинь Цзюэло Мянью Нин). Автором первого сочинения был седьмой настоятель монастыря Эрдэни-дзу по имени Дагва-Даржаа (1734—1803). Второе сочинение было создано выдающимся монгольским летописцем XIX века Галдан-туслагчи (ок. 1795 — после 1879). Для раздела о современном состоянии и статусе монастыря были использованы материалы полевых записей, опроса информантов — монахов монастыря, собранные авторами в августе 2022 года. Результаты полевых материалов авторов статьи способствовали раскрытию традиционной монастырской системы Монголии в исторической ретроспективе, показали, как монашество и монастырь восстанавливают свои социальные функции в обществе и начинают играть существенную роль в духовной жизни монгольского общества.

В процессе исследования авторы использовали метод историко-топографического анализа священных объектов монастыря, метод включенного наблюдения, сравнительно-исторический метод, историко-биографический метод, а также источниковедческие методы. В совокупности данные методы позволили выполнить реконструкцию истории формирования и развития исследуемого монастырского комплекса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. История монастыря Эрдэни-дзу

История монастыря Эрдэни-дзу, первого буддистского стационарного монастыря в Северной Монголии, вплотную связана с историей буддизма в Халха-Монголии, с историей его распространения среди монголов и с именем Абатай-хана (1554—1588). Создание монастыря Эрдэни-дзу, родового монастыря Тушэту-ханов, было обусловлено стремлением Абатай-хана укрепить свой политический статус среди остальных монгольских ханов с помощью тибетских иерархов буддизма и буддийского учения. Согласно данным монгольских исторических источников («История Эрдэни-дзу», «Эрдэнийн эрихэ» и др.), его строительство было завершено в средний летний месяц года красной собаки (1586 год) Абатай-ханом (1554—1588)¹ в долине реки Орхон на южном склоне Хангайских гор, к югу от развалин Каракорума (*монг.* Хархорин) — ранней монгольской столицы, построенной Угэдэй-хаганом и разрушенной в 1380 году [Matsukawa, 2011, с. 30—31]. При возведении Эрдэни-дзу были использованы в качестве строительного материалы колонны, блоки, камни и кирпичи, собранные среди развалин Каракорума. Поэтому в монастыре сохранились исторические и культурные памятники того времени.

Первое название монастырю на монгольском языке «Эрдэни-дзу» — «Храм драгоценного Будды» было дано Абатай-ханом в честь статуи Будды, в которую были вложены мощи Шакьямуни, подаренные Далай-ламой III (1543—1588). Официальное тибетское название монастыря Лхундубдэченлинг («Место самовозникшего блаженства») было пожаловано Далай-ламой III при его освящении. Обряд большого освящения монастыря был проведен в 1587 году посланными Далай-ламой III семью тибетскими сакьяскими ламами под руководством Лодой-Нямбуу (Гоми-Нансо). Позднее Далай-лама III отправил в монастырь ламу-гелугпинца Шиддиту-Гуши-цор-

1 Абатай-хан (правнук Великого хана Монгольской империи Даян-хана, внук Гэрэсэндзэ) был правителем Тушэту-ханского аймака; известен как один из самых влиятельных ханов Северной Монголии (Халха), пытавшийся восстановить былую славу Юаньской империи, прославился как ревностный покровитель буддизма в своем аймаке. Абатай-хан был первым из местных ханов, кто провозгласил буддизм (школа сакья) государственной религией.

джи из Хух-хото, назначив его первым настоятелем (цорджи) Эрдэни-дзу [Цендина, 1999, с. 67—68]. Итак, в монастыре в его начальный период истории первыми ламами были тибетские монахи красношапочной школы, принадлежавшие к сакьяпинской буддистской традиции, по мере расширения и укрепления монастыря тибетских лам постепенно заменили монгольские ламы-гелугпинцы. Этот процесс начался только после возвращения Ундургэгэна Дзанабадзара с 1658 года после встречи с Далай-ламой V.

Поскольку первый Джебдзун-Дамба-хутукта Ундур-гэгэн Дзанабадзар неоднократно посещал Эрдэни-дзу, то прибывшие вместе с ним в Монголию тибетские ламы школы гелуг, а также Далай-лама V¹ и Панчен-лама IV², убедили его не сближаться с сакьяскими ламами и не жить в монастыре, в котором доминировали ламы-сакьяпинцы. Поэтому в 1648 году³ халхаские ламы и знать специально для Ундур-гэгэна возвели новый храм — Тувхин-хийд⁴, расположенный неподалеку от Эрдэни-дзу.

Следует отметить, что на начальном этапе распространения буддизма в Монголии роль тибетских лам была значительной, так как они способствовали монгольским ламам в изучении и освоении всей полноты и целостности буддистской богословской традиции, созданию первой собственно монгольской монашеской общины — сангхи.

С самого начала своей истории монастырь Эрдэни-дзу стал играть важную, центральную роль в системе сакральной географии монголов. Он оставался таковым вплоть до оседания ставки Тушету-хана и Богдо-гэгэнов в 1778 году на месте современной столицы Монголии — Улан-Батора, ставшей резиденцией Тушэту-ханов и всех последующих Богдо-гэгэнов, получившей название Урга (монг. «Ставка» или «Дворец»), которая быстро превратилась в новый политический, экономический и религиозный центр Халха-Монголии.

Три основных монастырских храма Эрдэни-дзу были возведены на личные средства Абатай-хана. Они посвящены трем периодам жизни Будды (юности, моменту поворота колеса учения и его преклонным годам). В последующие годы в строительстве принимали участие и потомки Абатай. В эру правления Цяньлун (1736—1796) императора Айсинь Цзюэло Хун Ли Тушэту-хан Чахун-Доржи и гун Тушэту-ханского аймака по име-

1 Далай-лама V (годы жизни 1617—1682 годы, годы правления 1642—1682 годы).

2 Панчен-лама IV (годы жизни 1570—1662 годы, годы правления 1645—1662 годы).

3 В эру правления (1644—1661) Шуньжи императора Айсинь Цзюэло Фу Линя.

4 Монг. Төвхөн хийд расположен на территории современного Бат-Улзий сомона Убурхангайского аймака в одном из живописнейших мест Монголии. Был основан в 1653 году в качестве места для медитации Ундур-гэгэна на склонах горы Шивээт. В 1773 году был восстановлен и в память о Богдо-гэгэне был построен новый храм, в котором стали проводиться богослужения [Ванчикова, 2019, с. 213].

ни Содномчоймбол построили одноэтажные храмы Цамба (1675) и Аюши (1771). Первоначально основные постройки Эрдэни-дзу были деревянными и сырцовыми. Активное строительство в нем началось в XVII веке и продолжалось до середины XIX века. Строили его в основном монгольские строители, в начальный период строительством руководил монгол по имени Манзушири.

В монастыре Эрдэни-дзу прослеживаются несколько архитектурных стилей — монгольский, тибетский и китайский. Территория монастыря размером 400x400 м была огорожена квадратной каменной стеной, соединенной 108 субурганами, на каждой стороне стены расположены 25 ступ-субурганов, а по углам — по 2 субургана. Эти субурганы воздвигались на протяжении нескольких десятилетий на пожертвования людей в честь знаменательных исторических событий или в качестве мемориальных сооружений для захоронения государственных или религиозных деятелей. Так, в 1674 году в эру правления третьего цинского императора Канси (эра правления 1662—1722) третий настоятель монастыря лама Ачиту цоржи Лувсан-Одсар возвел ступу для реликвий матери Ундур-гэгэна Ханд-Жамцо. Данный субурган стал первой из 108 ступ, расположенных в кирпичных стенах, опоясывающих территорию монастыря. В этих стенах с каждой стороны были устроены по четверо больших и малых ворот, средства на строительство которых были пожертвованы Джебдзун-Дамба-хутуктой IV в ознаменование его паломнической поездки в Тибет. В своей работе «Монголия и монголы» А. М. Позднеев, проанализировав текст надписей, обнаруженных им на 56 субурганах, сообщает, что они были написаны по одному образцу и различаются между собою лишь названиями самих субурганов и именами тех, кто их возвел [Позднеев, 1896, с. 440]. В 1743 году в монастыре был построен храм, посвященный Будде Шакьямуни, в котором была возведена знаменитая статуя Будды, содержащая, по легенде, часть его мощей, подаренных Далай-ламой III.

В XVII — первой половине XVIII веков Эрдэни-дзу был крупным религиозным и экономическим центром Халха-Монголии, а также влиятельным центром распространения буддизма. В период наибольшего расцвета монастыря в нем проживало до 1000 лам. Его основные архитектурные сооружения являлись образцами для строительства других монгольских монастырей, а его хуралы и ритуалы были известны по всей Монголии. Это относится и к тибето-буддийской мистерии *цам*, которая впервые начала проводиться в Эрдэни-дзу в 1780-х годах [Bareja-Starzynska, 2012]. Церемония *цам* впервые была подготовлена и организована в 1786 году номчи-цорджи-ламой Дагва-Даржа, с тех пор она проводилась ежегодно. А церемония круговращения Майтреи была едва ли не самой масштабной

из всех проводимых в монгольских монастырях [Позднеев, 1898, с. 458; Хатанбаатар, 2005, с. 94]. В 1871 году в монастыре был учрежден факультет тантры (джуд), философский факультет (цанид — 1879 год), астрологический факультет (1901 год), Лавран (1786 год) и Даданчойлин (1880 год) [Хатанбаатар, 2005, с. 60]. Как видно из перечня факультетов, в Эрдэни-дзу не было медицинского факультета.

Первым настоятелем монастыря Эрдэни-дзу, как было сказано выше, стал ученый лама Шиддиту(Ширеету)-Гуши-Цорджи. Вторым настоятелем был лама Санжа-Даша, третьим — Лувсан-Одсар, четвертым — Лувсан-Данзан, пятым — Лувсан-Ванчин, шестым — Лувсан-Цэдэн. Седьмой настоятель по имени Лувсан-Дагваа-Дарджаа (1734—1803) был широко известен в Монголии как автор сочинения «История Эрдэни-дзу» и многих богословских сочинений, он основал в Эрдэни-дзу и в монастыре Тувхин-хийд несколько храмов. Его собрание сочинений (сумбум) насчитывает 30 томов. Восьмым настоятелем был Ишчултэм-Пунцаг. Девятый настоятель по имени Гончик-Жанцан был арестован монгольскими властями в 1937 году в возрасте 87 лет [Хатанбаатар, 2018, с. 110—123].

За период своего существования в Эрдэни-дзу были накоплены многочисленные скульптурные, живописные изображения буддийских божеств и шедевры прикладного искусства, которые являются уникальными историческими и культурными памятниками монгольской духовной культуры. В период борьбы монгольских княжеств с цинско-маньчжурскими войсками монастырь подвергся значительным разрушениям и потому начал утрачивать свой высокий статус религиозного и экономического центра Халха-Монголии, постепенно теряя свое значение. По мере расширения и усиления роли ургинского монастыря Их-хурэ этот статус религиозного центра Монголии переходит к нему.

3.2. Устройство и архитектура монастыря Эрдэни-дзу

Монастырь расположен на правом берегу р. Орхон, в 370 км к западу от Улан-Батора, в Убурхангайском аймаке (сомоне Хархорин). Архитектурный комплекс Эрдэни-дзу состоит из трех центральных двухэтажных храмов (монг. *Гурван зуу*). Они построены на беломраморных фундаментах и расположены на одной линии север — юг, с парадным входом, ориентированным на восток. Средний из трех храмов (наиболее ранний) называется Центральным или Главным (*Гол сумэ* или *Их-дзу*), левый храм — Зуун-дзу и правый храм — Баруун-дзу были построены позже. Примечательно, что все три храма были построены без гвоздей. Год постройки центрального храма подтверждается надписью на деревянных стенах *Гол сумэ* на монгольском и китайском языках [Хатанбаатар, 2018, с. 34]. В Центральном храме находятся скульптуры божеств Лхамо и Гомбогуру, являющихся основными

хранителями Эрдэни-дзу. От монастырского ламы Чулуун-Доржийн Гонгора мы записали легенду, повествующую об истории появления в Эрдэни-дзу статуи божества Гомбогуру. Согласно легенде, монгольские буддисты перевозили статую *Алтан-Очирвани* (Золотого Ваджрапани) из Тибета в Монголию. Перед отправлением тибетские ламы сказали, что во время пути статую нельзя ставить на землю, в противном случае она останется на том же месте навсегда. Однако в пути монголы все же поставили статую на землю и потом не смогли её сдвинуть с места. Чтобы продолжить путь, они отделили верхнюю часть статуи, и из нее выпала малая статуя Гомбогуру. Таким образом, в монастыре Эрдэни-дзу оказались две статуи — Золотого Очирвани и Гомбогуру. Поэтому в настоящее время 25 числа каждого лунного месяца в Эрдэни-дзу проводится молебен в честь Гомбогуру.

На втором этаже центрального храма, куда не пускают туристов, хранится танка «Тысяча Будд благих времен» (монг. *Сайн Цагийн Мянган Бурхан*), на стене находится старинная надпись, на которой указана точная дата основания монастыря Эрдэни-дзу — 15 числа среднего летнего месяца 1586 года.

Одноэтажные храмы Цамба (1675) и Аюши (1771) построены Тушэтуханом Чахун-Доржи и гуном Содном-Чоймболом Тушэту-ханского аймака. Они расположены симметрично по обе стороны двух крайних храмов (Зуун-дзу и Баруун-дзу). В каждом из одноэтажных храмов имеются по три отдельные комнаты с отдельными входными дверями, каждая комната служила помещением для четырех лам, уходящих в ретрит. В этих трех и других храмовых зданиях (Лавран, Джанрайсиг¹, Нархажид и др.) сохранились уникальные скульптуры, изготовленные самим Ундур-гэгэном, его учениками и другими мастерами, разнообразные культовые предметы и произведения религиозного искусства, каменные стелы с надписями на восточных языках.

На территории самого монастыря перед его тремя главными храмами расположены ступы, в которых находился прах Абатай-хана, умершего в 1588 году, и его сына Тушэту-хана Гомбо-Доржи. Поскольку монастырь возводился преимущественно на личные средства Абатай-хана и его сына, то его стали называть родовым монастырем Тушэту-ханов. В центре монастыря находится вымощенная каменными плитами площадка размером в 45 м, называемая «Площадкой счастья и благоденствия». Согласно преданию, на ней стояла юрта Абатай-хана, а в 1658 году на ней была установлена большая деревянная юрта «Крепкое счастье» (монг. *Бат өлзий*), предназначенная для все-халхаских сеймов князей. Перед площадкой на-

1 Построен в 1803 году.

ходило небольшое озеро, от которого сохранилась только неглубокая котловина. Первые сто лет существования монастырь Эрдэни-дзу служил родовым монастырем Тушэту-ханов.

На протяжении всей своей истории монастырь постоянно перестраивался, расширялся, старые здания ремонтировались или реставрировались, деревянные кровли и некоторые стены построек были заменены кирпичами и черепицей. В 1872 году (в эру правления Тунчжи (1861—1875) императора Айсинь Цзюэло Цзай Чуня) монастырь, по архивным данным, насчитывал 62 больших и малых храмовых зданий, около 500 разных религиозных построек и более 1000 лам, проживавших в 6 аймаках. В конце XIX — начале XX веков в монастыре Эрдэни-дзу насчитывались 6 аймаков, а именно: Сумчин, Дамбаравжалин, Лавран, Дашчойлин, Даржагомон, Жанчивлан. Аймаки территориально разделялись по хошунам [Хатанбаатар, 2018, с. 124]. Полторы тысячи лам жили в пределах монастырского комплекса, во внутреннем дворе, в небольших домах или юртах. За монастырскими стенами проживало около 500 семей, их жизнь и доходы были связаны с обслуживанием жизнедеятельности монастыря и лам, а также многочисленных паломников и торговцев. К началу XX века монастырь Эрдэни-дзу утрачивает статус главного центра буддийской культуры и становится периферийным провинциальным монастырем.

3.3. Современная история монастыря Эрдэни-дзу

В 1930 году монастырь Эрдэни-дзу подвергся разрушению и был закрыт, а его ламы были репрессированы, тогда количество лам насчитывало около 500. В 1944 году монастырь и его уцелевшие ценности были взяты под охрану государства. В 1947 году он преобразован в исторический музей. На протяжении последующих лет в нем регулярно проводились реставрационные работы, в 1965 году ему присвоен статус Государственного музея истории религии. К настоящему времени сохранились 18 зданий, в том числе три храма (основной, двухэтажный Их-дзу, правый — Баруун-дзу и левый — Дзуун-дзу), построенный в тибетском стиле храм Лавран, объединивший в 1784 году три небольших храма в честь Махакалы, Манла и Гомбогуру, а также малые строения и объекты (ступу Боддхи-субурган, храм Цамба, Аюши, Ригсумгомба, Номун-хана, Далай-ламы, руины цогчен-дугана, здание администрации музея, Жанрайсига и др.).

С начала демократических преобразований в 1990-е годы 17 бывших лам возобновили религиозные службы в храме Лавран. В эти же годы было создано небольшое буддийское училище, названное в честь Дзанабазара. Обучение включает не только предметы буддийской образовательной программы, но также и светские дисциплины. Весь храмовый комплекс входит в государственный реестр музейных учреждений Монголии и нахо-

дится под охраной государства, кроме храма Лавран, в котором проводятся богослужения.

В настоящее время во главе Эрдэни-дзу стоит 25-й настоятель цорджи-лама по имени Басан-Сурэн, занявший данный пост в 2004 году. Сейчас штат монастыря насчитывает более 30 монахов. Под его руководством на пожертвования местного населения и при поддержке Гималайского фонда было построено небольшое буддийское училище с общежитием на 30 человек, названное в честь Дзанабадзара.

Современный монастырский устав был принят в 1995 году, в первый год работы монастыря под началом 24-го настоятеля Нагваджамцан Донжи-Лодойцанбала. 23-й настоятель по имени Билдэ занимал свою должность в период с 1990 по 1995 годы. Что касается финансового обеспечения, то монастырь не получает какой-либо поддержки от государства и функционирует за счет пожертвований и от поступлений за исполнение религиозных треб населения.

Ниже приведен краткий перечень основных ежемесячных хуралов (со слов монаха Чулуун-Дорж Гонгора): 3, 4, 5 числа лунного месяца — Лавран-хурал; 8 числа лунного месяца — хурал Отоши; 14 числа лунного месяца — Найдан-чого; 15 числа лунного месяца — Самдагдорж (монг. *Очирванийн Магтаал*); 17 числа лунного месяца — Лхоготой Гунриг; 22 числа лунного месяца — чтение текстов Ганжура; 25 числа лунного месяца — Гонгора; 29 числа лунного месяца — Арван-хангал; 30 числа лунного месяца — Дара Эхийн мандал шива и т. д.

Примечательно, что в монастыре до сих пор существует традиционная форма оповещения лам о начале хурала. Так, в частности, горн-*бурие* звучит три раза, первый сигнал приглашает божества, второй — приглашает монахов, все ламы должны быть в храме до третьего сигнала. Хотя порядок проведения хуралов и носит традиционный характер, современные интернет-технологии также оказывают свое влияние. Так, например, администрация принимает электронные заказы на чтение молитв более 100 хуралов по определенной цене от 500 до 45000 тугриков. Монастырь стал крупным туристическим центром, привлекающим как туристов, так и паломников своими многочисленными реликвиями и артефактами буддийской культуры.

В настоящее время специфика монастыря Эрдэни-дзу заключается в том, что он функционирует преимущественно как туристический и музеефицированный объект, включающий в себя штат гидов, кафе, фотозоны с прокатом национальных костюмов, торговые сувенирные ряды и удобный паркинг. На территории монастыря религиозные службы ведутся только в храме Лавран. Тем не менее местные верующие регулярно посещают монастырь не только во время важных буддийских праздников, но и в обычные

дни. В частности, они совершают большой круг-*гороо* вокруг всего монастырского комплекса, имея при себе буддийские сутры с домашнего алтаря, перевязанные традиционным монгольским поясом от *дэгэла* за спиной.

4. Заключение = Conclusions

В заключение следует отметить, что, во-первых, монастырь Эрдэни-дзу, монастырь с богатой четырехсотлетней историей, органично соединил в себе традиции тибето-буддийских школ сакья и гелуг. В качестве субстрата Эрдэни-дзу выступила традиция сакья, а в качестве надстройки — школа гелуг. Это обстоятельство является важным фактором развития буддийского религиозного туризма и духовной жизни монгольского общества. Во-вторых, на современном этапе монастырь не получает государственной поддержки, но, благодаря близости к известному городу Хархорин и столичному городу Улан-Батор, Эрдэни-дзу постепенно развивается и восстанавливает монастырские традиции и свое историческое значение и тем самым вносит вклад в развитие буддийской культуры и экономики Монголии. В 2004 году в период второго срока президентства Нацагийн Багабанди (2001—2005) монастырь и обширная территория вокруг монастыря, охватывающая долину реки Орхон, получившие название «Культурный ландшафт долины реки Орхон», были включены в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО (2004, номер 1081). Благодаря этому событию при монастыре был открыт современный благоустроенный музей. Монастырь Эрдэни-дзу, как памятник архитектуры и культуры в целом, выходит за рамки только религиозного культа, он является важной составляющей исторического наследия монгольского народа и продолжает оставаться одним из основных факторов сохранения его культурного наследия.

Источники

1. *Галдан*. История монголов, именуемая «Эрдэнийн эрихи». Исследование и комментированный перевод на русский язык П. Балданжапова. Введение, подготовка к публикации, дополнения к комментариям, перевод глав 45—47 Ц. П. Ванчиковой. — Улан-Батор-Улан-Удэ : Адмон ХХК, 2012. — 442 с.
2. *История Эрдэни-дзу* : факсимиле рукописи / пер с монг., введ., коммент. и прилож. А. Д. Цендиной. — Москва : Восточная литература Российской Академии Наук, 1999. — 255 с. — ISBN 5-02-018056-4.

Литература

1. *Баасансүрэн Х.* Энх тунх Эрдэнэ зуу / Х. Баасансүрэн. — Улаанбаатар : Позитив, 2011. — 216 с.
2. *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии : история, духовенство, монастыри / Ц. П. Ванчикова. — Иркутск : Оттиск, 2019. — 291 с. — ISBN 978-5-6042914-3-6.
3. *Ичинноров С.* Эрдэнэ зуу хийд ба Түшээт ханы хошуу / С. Ичинноров, Ч. Банзрагч. — Улан-Батор : Урлах эрдэм, 2007. — 326 с.

4. Киселев С. В. Из истории Кара-Корума / С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт // Древне-монгольские города. — Москва : Наука, 1965. — С. 123—137.
5. Козлов П. К. Путешествие в Монголию 1923—1927 гг. Дневники, подготовленные к печати Е. П. Козловой / П. К. Козлов // Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. — 1949. — Т. 7. — С. 17—230.
6. Котвич В. Л. Монгольские надписи в Эрдэни-дзу / Л. В. Котвич // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии Наук. — Петроград : Типография Российской Академии Наук, 1918. — С. 205—214.
7. Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Дневник и маршрут 1892 г. / А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1896. — Т. 1. — 670 с.
8. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии Наук, 1887. — 492 с.
9. Ткачев В. Н. Эрдэни-Зуу / В. Н. Ткачев // Декоративное искусство. — 1979. — № 5. — С. 46—49.
10. Хатанбаатар Н. Монголын хүрээ хийд лам нар (XVI—XX зууны эхэн) / Н. Хатанбаатар. — Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2018а. — 396 с.
11. Хатанбаатар Н. Эрдэни зуугин туух (XVI—XX) / Н. Хатанбаатар, Е. Найгал. — Улан-Батор : Соёмбо принтинг, 2005. — 264 с.
12. Хатанбаатар Н. Эрдэнэ Зуугийн намтар оршивой / Н. Хатанбаатар. — Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2018б. — 396 с.
13. Bareja-Starzyńska A. Description of the Erdene Zuu Monastery Life (Including Čam Ritual) Based on Notes From The Kotwicz Expedition / A. Bareja-Starzyńska // In the Heart of Mongolia. 100th Anniversary of W. Kotwicz's Expedition to Mongolia in 1912 (Studies and Selected Source Materials). — Cracow : Polska Akademia Umiejętności, 2012. — Pp. 131—189.
14. Matsukawa T. Historical aspects of Mongolian Buddhism : The Erdene Zuu Monastery / T. Matsukawa // Erdene Zuu : Past, Present and Future. — Ulaanbaatar : International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, 2011. — Pp. 27—34.

Material resources

Galdan. *The history of the Mongols, called “Erdeniyn erikhi”*. Research and commented translation into Russian by P. Baldanjavov. Introduction, preparation for publication, additions to comments, translation of chapters 45—47 by Ts. P. Vanchikova. (2012). Ulaanbaatar-Ulan-Ude: Admon XXK. 442 p. (In Russ.).

The history of Erdeni-dzu. Facsimile of the manuscript. (1999). [Translated from Mongolian, Introduction, commentaries and Apps by A. D. Tsendina]. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 255 p. ISBN 5-02-018056-4. (In Russ.).

References

- Baasansuren, H. (2011). *Enkh tunkh Erdene zu*. Ulaanbaatar: Positive. 216 p. (In Mong.).
- Bareja-Starzinska, A. (2012). Description of the monastery life of Erdene-Zuu (including the Cham ritual) based on the records of the Kotvich expedition. In: *In the heart of Mongolia. The 100th anniversary of V. Kotvich's expedition to Mongolia in 1912 (research and selected source materials)*. Krakow: Polish Academy of Arts. 131—189.
- Ichinnorov, S., Banzragch, Ch. (2007). *Erdene zu hiid ba Tusheet khany hoshuu*. Ulaanbaatar: Urlakh erdem. 326 p. (In Mong.).

- Khatanbaatar, N., Naigal, E. (2005). *Erdeni tuuh zuugin v (XVI—XX century)*. Ulaanbaatar: Soyembo printing. 264 p. (In Mong.).
- Khatanbaatar, N. (2018a). *Mongolyn khure hiid lam nar (XVI—XX zuuns ehen)*. Ulaanbaatar: printing Soembo. 396 p. (In Mong.).
- Khatanbaatar, N. (2018b). *Erdene Zuugiin namtar orshivoy*. Ulaanbaatar: Soyembo printing. 396 p. (In Mong.).
- Kiselev, S. V., Merpert, N. Ya. (1965). From the history of Kara-Korum. In: *Ancient Mongol cities*. Moscow: Nauka. 123—137. (In Russ.).
- Kozlov, P. K. (1949). Journey to Mongolia 1923—1927. Diaries prepared for publication by E. P. Kozlova. *Notes of the All-Union Geographical Society. A new series*, 7: 17—230. (In Russ.).
- Kotvich, V. L. (1918). Mongolian inscriptions in Erdeni-dzu. In: *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Russian Academy of Sciences*. Petrograd: Printing House of the Russian Academy of Sciences. 205—214. (In Russ.).
- Matsukawa, T. (2011). Historical aspects of Mongolian Buddhism: The Monastery of Erdene-Zuu. In: *Erdene-Zu: past, present and future*. Ulaanbaatar: International Institute for the Study of Nomadic Civilizations. 27—34. (In Mong.).
- Pozdneev, A. M. (1887). *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the attitude of this latter to the people*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 492 p. (In Russ.).
- Pozdneev, A. M. (1896). *Mongolia and the Mongols. The results of a trip to Mongolia, performed in 1892—1893. Diary and route of 1892, 1*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 670 p. (In Russ.).
- Vanchikova, Ts. P. (2019). *Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries*. Irkutsk: Imprint. 291 p. ISBN 978-5-6042914-3-6. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.10.2022,
одобрена после рецензирования 23.12.2022,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дорофеев Д. В. Генезис внешней политики США : тема в трудах российских исследователей XIX — начала XX веков / Д. В. Дорофеев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 311—329. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-311-329.

Dorofeev, D. V. (2023). Genesis of US Foreign Policy: Theme in Works of Russian Researchers of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 311-329. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-311-329. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-311-329

Генезис внешней политики США: тема в трудах российских исследователей XIX — начала XX веков

Дорофеев Денис Владимирович

orcid.org/0000-0001-7015-3713

кандидат политических наук,
доцент, кафедра археологии
и всеобщей истории
dorof-denis@yandex.ru

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

Genesis of US Foreign Policy: Theme in Works of Russian Researchers of 19th — Early 20th Centuries

Denis V. Dorofeev

orcid.org/0000-0001-7015-3713

PhD in Political Sciences,
Associate Professor,
Department of Archeology
and World History
dorof-denis@yandex.ru

V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

© Дорофеев Д. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты исследования эволюции восприятия генезиса внешней политики США в историографии дореволюционной России. Актуальность определяется заполнением пробела в мировой научной мысли. Новизна — заключается в том, что впервые составлен обзор развития темы в России до 1917 года. По итогам исследования были получены три результата. Во-первых, установлено, что изучением темы занимались В. Н. Александренко, Л. Н. Демис, Е. Ф. Зябловский, Н. П. Иванов, И. И. Ивановский, С. А. Котляревский. Эти ученые не были связаны рамками научных школ, при рассмотрении темы они не ссылались друг на друга. Во-вторых, определены и охарактеризованы всплески интересов к теме (начало 1830-х гг., 1850—1870-е гг., 1900—1910-е гг.). В-третьих, дана общая оценка развития историографии темы. Например, утверждается, что развитие темы в дореволюционный период характеризовалось отсутствием новых научных результатов и низкой интенсивностью академического интереса (перерывы между публикациями составляли в среднем 20—30 лет). Показано, что разработки дореволюционной историографии не прерывались и были перенесены в историческую науку СССР.

Ключевые слова:

внешняя политика США; генезис; дореволюционная историография; подход баланса сил; Российская империя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the evolution of the perception of US foreign policy genesis study in the historiography of pre-revolutionary Russia are presented. Relevance is determined by filling a gap in world scientific thought. The novelty lies in the fact that for the first time a review of the development of the topic in Russia before 1917 was compiled. Three findings were obtained as a result of the study. Firstly, it was established that V. N. Aleksandrenko, L. N. Demis, E. F. Zyablovsky, N. P. Ivanov, I. I. Ivanovsky, S. A. Kotlyarevsky were engaged in the study of the topic. These scientists were not bound by the framework of scientific schools; when considering the topic, they did not refer to each other. Secondly, bursts of interest in the topic are identified and characterized (early 1830s, 1850s—1870s, 1900s—1910s). Thirdly, a general assessment of the historiography of the topic development is given. For example, it is argued that the development of the topic in the pre-revolutionary period was characterized by a lack of new scientific results and a low intensity of academic interest (intervals between publications averaged 20—30 years). It is shown that the developments of pre-revolutionary historiography were not interrupted and were transferred to the historical science of the USSR.

Key words:

US foreign policy; genesis; pre-revolutionary historiography; balance of power approach; Russian empire.

Генезис внешней политики США: тема в трудах российских исследователей XIX — начала XX веков

© Дорофеев Д. В., 2023

1. Введение = Introduction

В американистике существует практика применять понятие «историко-географическая пустошь» в отношении неразработанных тем и направлений в истории внешней политики США. В 1970-е годы это имело отношение к оценке курса к Северной Африке, в начале 1980-х годов — к раннему периоду истории внешней политики Соединенных Штатов [Dull, 1981; Zingg, 1973]. Это понятие актуально и для оценки состояния разработанности генезиса внешней политики североамериканского государства в трудах дореволюционных исследователей в России, так как внимание к этой теме отсутствует в научной литературе [Болховитинов, 1966; Болховитинов, 1976; Бузескул, 1931, ч. 2, с. 40—77; Бутенко, 1922, с. 129; Варнаков, 1968, с. 99, 127; Вернадский, 1998, с. 230—237; Вольфсон, 1976, ч. 2., с. 375; Грабарь, 1958, с. 413; Ефимов, 1941, т. 1, с. 303; Кареев, 1923, с. 115; Краснов, 1976; Краснов, 1976а; Краснов, 2000, с. 73; Мельников, 1976, с. 106; Панов, 2020; Плешков, 1984; Плешков, 1987, с. 3; Плешков, 1991; Плешков, 1994; Севастьянов, 1974, с. 40; Тарле, 1942, с. 243; Трояновская, 2010, с. 10; Фофанова, 2018; Халфин, 1958, с. 107; Ширяев, 1997, с. 115; American ..., 2003; Butler, 2006, р. 2; Hecker, 1983, р. 123]. Фактически проведение исследования этого аспекта российской научной мысли является новаторским, поскольку выступает первой работой в данном направлении.

Изучение темы имеет и актуальное значение: без проведения этого анализа утрачивается понимание истоков интерпретаций двусторонних отношений между США, с одной стороны, и российским государством, с другой. Исследование проблематики в трудах ученых до 1917 года позволяет определить теоретический фундамент восприятия внешней политики североамериканского государства не только в имперский, но и в советский и современный периоды.

2. Материал, метод, обзор = Material, Methods, Review

Материалами для исследования выступили научные труды, опубликованные до начала 1917 года. Эти источники были классифицированы по двум группам. В первую — были отнесены исследования обобщающего характера. Они составили большую часть источников, для

которых было характерно отсутствие актуализации темы. В частности, были использованы такие монографии, как «Статистика европейских государств в нынешнем их состоянии» профессора истории и географии Санкт-Петербургского Педагогического института Евдокима Филипповича Зябловского (1764—1846) [Зябловский, 1830—1831]; «Обозрение трактатов о морском торговом нейтралитете» юриста, сотрудника Императорского Санкт-Петербургского университета Леонида Николаевича Демиса (?—?) [Демис, 1854]; «История международных отношений XVIII—XIX вв.» и «Правовое государство и внешняя политика» профессора всеобщей истории и конституционного права Императорского Московского университета Сергея Андреевича Котляревского (1873—1940) [Котляревский, 1909; Котляревский, 1911]. В эту группу были также отнесены статья «Краткий взгляд на науку дипломатии вообще» профессора кафедры международного права юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Игнатия Иакинфовича Ивановского (1807—1886) [Ивановский, 1836] и диссертационное исследование «Характеристика международных отношений и международно-го права в историческом развитии» Николая Павловича Иванова (1839—1905) [Иванов, 1874].

Работы специального характера сформировали вторую группу. Несмотря на малочисленность, в этих источниках, представленных статьями в периодических изданиях, тема была более детально актуализирована и рассмотрена. Причина этого состояния заключалась в том, что авторы рассматривали узкую тему — историю внешней политики США. Кроме работы профессора С. А. Котляревского «Внешняя политика Соединенных Штатов» [Котляревский, 1917], в группу была отнесена также статья «Внешняя политика Северо-Американских Соединенных Штатов и учение Монро» профессора кафедры международного права в Императорского Варшавского университета Василия Никифоровича Александренко (1861—1909) [Александренко, 1903].

Исследование преследует цель — создание историографии генезиса внешней политики США в дореволюционной России, поскольку эта область остается неразработанной темой в мировой и российской науке. В соответствии с этим определены задачи работы: 1) определить группу авторов, занимавшихся темой; 2) создать периодизацию; 3) дать оценку историческому значению дореволюционной историографии темы для развития научной мысли в российском государстве и мировой науке.

Методология исследования построена на сочетании двух уровней. Первый — состоит из принципов историзма и объективности, системного и компаративистского подходов. Второй уровень сформирован историко-

хронологическим, историко-биографическим, историко-сравнительным методами, методом библиометрического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Стремление к великодержавности и «право народов» (начало 1830-х годов)

На протяжении первой трети XIX века история внешней политики США и ее генезис не представляли научного интереса для академических кругов Российской Империи. Только в начале 1830-х годов стали появляться первые труды по этой теме, которая заняла междисциплинарное положение на стыке исторических, юридических, географических наук и статистики.

Евдоким Филиппович Зябловский (1764—1846) — профессор истории и географии в Санкт-Петербургском Педагогическом институте — в монографии «Статистика европейских государств в нынешнем их состоянии» (1831) постулировал тезис: внешняя политика США с самого момента их возникновения была ориентирована на занятие страной положения великой державы в мире. Основным средством достижения статуса, по мнению ученого, выступала территориальная экспансия [Зябловский, 1831, ч. 2, с. 292—293]. Взгляды его как ученого-статиста, отмечавшего пространственное расширение североамериканского государства в 1800—1820-х годах, проистекали из рефлексии развития Соединенных Штатов,.

В юридических науках прослеживалась иная ситуация: рассмотрение темы развивалось не из опыта наблюдения и осмысления, а из теоретических наработок правоведческой мысли. В журнальной публикации «Краткий взгляд на науку дипломатии вообще» (1835) Игнатий Иакинфович Ивановский (1807—1886) — профессор кафедры международного права юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета — утверждал: зарождение внешней политики США, как и всех стран Европы и Америки, проистекало из «права народов», регулировавшего международные отношения [Ивановский, 1836, с. 490—491, 497]. Делая этот вывод, автор не использовал в тексте название североамериканского государства, включив его в группу стран Западного полушария.

Вне зависимости от научной специализации, результатом трудов учёных стали контрастные оценки темы: достижение великодержавного статуса (Е. Ф. Зябловский), реализация на практике «права народов» (И. И. Ивановский). При рассмотрении темы ученые следовали двум методологическим стратегиями: презентизм — перенос современных наблюдений на исторические процессы последней трети XVIII века (Е. Ф. Зябловский); универсализм — интерпретация на основе теоретических нарабо-

ток правовой науки (И. И. Ивановский). Взгляды авторов формировались в полной изоляции от американских источников и историографии, что было ожидаемо: изучение истории внешней политики в США проходило начальные стадии становления и не было широко известно за пределами страны [Дорофеев, 2021a]. Несмотря на это обстоятельство, оценки были лишены влияния идеологического фактора: при наличии цензуры ученые не интерпретировали тему в контексте антибританской политики Российской империи (Е. Ф. Зябловский выделил страну в отдельную главу «Северо-Американские Союзные Штаты», поставив ее в один ряд с 27 государствами Европы и Америки).

Следует отметить, что наработки авторов начала 1830-х годов не стали толчком к изучению темы. Как результат, в научной мысли Российской империи возникла пауза, продлившаяся два десятилетия, до начала 1850-х годов.

3.2. Воздействие системы международных отношений (1850—1870-е годы)

Катализатором возобновления внимания к теме была трансформация Венской системы международных отношений в результате Крымской войны (1853—1856), отразившейся неблагоприятно на геополитическом статусе Российской империи. Происходившие изменения добавили в анализ макроуровень — функционирование миропорядка. Необходимо также учитывать: начиная с 1830-х годов к середине XIX века тема всё в большей степени стала концентрироваться в предметно-тематическом поле интересов правоведов-международников и не представляла научного интереса для историков-новистов. Это было результатом размежевания предметных полей научных дисциплин вследствие специализации. При этом интерес к теме не носил массовый и регулярный характер.

В середине XIX века примером трансформации стала оценка Леонида Николаевича Демиса (?—?) — юриста, сотрудника Императорского Санкт-Петербургского университета. В брошюре «Обозрение трактатов о морском торговом нейтралитете» (1854) он высказал суждение, согласно которому генезис возникал из адаптации страны к международным отношениям в Европе в годы Войны за независимость [Демис, 1854, с. 30—31, 35, 71—73]. Этот тезис не оказал побудительного влияния на движение научной мысли.

Спустя два десятилетия — в середине 1870-х годов — к близкой интерпретации пришел соискатель магистерской степени Николай Павлович Иванов (1839—1905), изложивший свои взгляды в диссертации «Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии» (1874), защита которой состоялась в Императорском

Казанском университете. По мнению соискателя, генезис внешней политики США был производным от функционирования Вестфальской системы международных отношений [Иванов, 1874, с. 179—180]. При этом автор не уточнял: зарождение внешней политики было результатом адаптации к международным отношениям, на чем настаивал Л. Н. Демис, или обусловленной производной от ее развития. Выводы выстраивались на основе воспроизведения оценок иностранных ученых. В частности, он использовал «Исторический справочник политической системы государств Европы и их колоний с момента открытия двух Индии» А. Г. Л. Геерена; «Справочник и практический сборник договоров» Г. Ф. Мартенса; «Международное теоретическое и практическое право» К. Кальво; «Немецкий государственный словарь» под редакцией И. К. Блюнчли.

Интерпретации Л. Н. Демиса и Н. П. Иванова не были продолжены ни их современниками, ни последующими поколениями: вплоть до начала 1900-х годов, наработки авторов не вызывали интереса в российском академическом сообществе. Однако они показали системные изменения. Во-первых, проявился политический фактор — антибританская коннотация восприятия, которая была производной от внутривнутриполитических процессов в России накануне Крымской войны и после проигрыша в ней. История США рассматривалась в формате британоцентризма. Во-вторых, работа продемонстрировала изоляцию от наработок российской исторической и правовой мысли (не было связи с трудами И. И. Ивановского). В-третьих, продолжался процесс игнорирования источников, анализ которых подменялся применением положений теоретических наработок правовой мысли. В-четвертых, выделялась зависимость российского автора от достижений зарубежной науки. В-пятых, ранняя история внешней политики США, как и ее генезис, и зарождение американо-российских отношений не представляли интереса для академического сообщества Российской империи. В-шестых, несмотря на доступ к американской историографии, ученые не использовали ее достижения. В-седьмых, в анализе темы появился макроуровень — влияние функционирующей системы международных отношений (как понимание влияния глобального фактора на развитие внешней политики государства). В-восьмых, разработка темы по-прежнему не была выделена в самостоятельное направление научного исследования.

Оценки, изложенные в брошюре (Л. Н. Демис) и магистерской диссертации (Н. П. Иванов), не способствовали развитию темы в российской науке.

3.3. Баланс сил и национальные интересы (1900—1910-е годы)

Дальновидные суждения Е. Ф. Зябловского в начале 1830-х годов о неизбежности изменений соотношения сил в мире или в Северной Аме-

рике от роста мощи США стали реализовываться на рубеже XIX—XX веков. Этот процесс послужил отправной точкой в привлечении интереса российских ученых к истории внешней политики этого государства. Итоги испано-американской войны (1898) в условиях нарастания кризиса Венской системы международных отношений становились причиной для рефлексии — поиска объяснений эволюции внешней политики Соединенных Штатов от периферийного второразрядного государства до великой державы, претендующей на мировое лидерство. Осознание этого процесса происходило в условиях сложившейся зрелой дореволюционной науки, наиболее ярким проявлением которой стала публикация специализированных трудов.

В конце XIX века внешняя политика США вошла в сферу научных интересов профессора кафедры международного права в Императорском Варшавском университете Василия Никифоровича Александренко (1861—1909). Внимание правоведа генерировалось изменением статуса государства в иерархии международных отношений. В статье «Учение Монро» (1898) им отмечалось: «Пререкания Северо-Американских Соединенных Штатов с Англией из-за Гвианы, война с Испанией из-за Кубы обратили в последнее время всеобщее внимание на направление внешней политики Штатов и дали толчок к изучению известной доктрины Монро, которой правительство Северо-Американских Штатов руководствуется в своих сношениях с европейскими державами» [Александренко, 1898, с. 37]. Через пять лет ученый опубликовал статью «Внешняя политика Северо-Американских Соединенных Штатов и учение Монро» (1903) [Александренко, 1903]. Это был первый и единственный обобщающий академический труд в Российской империи по теме. Лаконичные выводы были представлены автором в более поздней работе — статье «Порядок заключения и утверждения трактатов в Северо-Американских Соединенных штатах» (1906) [Александренко, 1906, с. 64—66].

В. Н. Александренко определял генезис внешней политики в годы Войны за независимость и связывал этот процесс с использованием ими европейского баланса сил [Александренко, 1903, с. 130—131]. По мнению ученого, в период с 1776 по 1823 годы «предусмотрительность и энергия первых государственных людей направляется главным образом на организацию успешной борьбы с метрополией и утверждение национальной независимости» [Там же, с. 126]. Несмотря на то, что этот тезис не был новаторским в российской историографии, он был помещен в американоцентрический контекст, что придало оценке новое осмысление. Произошел отказ от британоцентризма 1860—1870-х годов: Соединенные Штаты воспринимались самостоятельным объектом для восприятия и исследования.

Впервые в российской научной мысли был представлен обзор развития внешней политики США: открывались дискуссии между отцами-основателями (Б. Франклином и Дж. Адамсом), подчеркивалось влияние интеллектуального наследия Европы XVII—XVIII веков (школы «естественного права»), отмечалась ключевая роль Дж. Адамса в создании принципа ведения внешней политики, без детального анализа приводились сведения об отправлении в Европу американских посланников в сентябре 1776 года, впервые в российской академической среде предпринимались усилия научно рассмотреть становление американо-российских отношений в годы Войны США за независимость [Там же, с. 129—133, 136—137]. У этих новшеств было простое объяснение: если сравнить работу В. Н. Александренко с трудами его предшественников, — то она демонстрировала не только доступ к трудам американских специалистов, но и внедрение ее достижений, что было нововведением в российской практике. Им применялись наработки Юджина Скайлера (1840—1890), написавшего книгу «Американская дипломатия и развитие торговли» (1886), Уильяма Генри Трескота (1822—1898) — автора монографии «Дипломатия Революции: историческое исследование» (1852), Джона Уотсона Фостера (1836—1917) — создателя труда «Столетие американской дипломатии; будучи кратким обзором внешних сношений Соединенных Штатов, 1776—1876» (1900) [Там же, с. 128, 130, 132].

Оценки В. Н. Александренко не были уникальными в контексте развития научной мысли, но были передовыми в формате российской науки. Несмотря на вторичность оценок, следует обратить внимание на статус публикации: статья была издана в «Журнале Министерства юстиции» — печатном издании одного из центральных государственных учреждений Российской империи, что демонстрировало растущую актуальность для понимания внешней политики Соединенных Штатов.

Для самого В. Н. Александренко американская тематика не представляла ценность для глубокого и всестороннего изучения. Две статьи были интеллектуальной рефлексией изменяющегося статуса иностранного мира в период трансформации Венской системы международных отношений. Однако публикации носили ознакомительный характер для российского читателя, неосведомленного в тонкостях исторических истоков современного курса США.

Несмотря на то, что ученый был первым и единственным специалистом, его работа и оценки не стали заметным событием в российской науке, не получили признание в академической среде и не послужили импульсом к дальнейшему развитию. Преодолеть изолированность и стимулировать интерес к теме у него не получилось: внимание к взглядам ученого

было привлечено в конце 1950-х годов, но будет это сделано половинчато и в последующем забыто историками-американистами [Болховитинов, 1959, с. 333; Грабарь, 1958, с. 413; Халфин, 1958, с. 107].

Если В. Н. Александренко проводил исследование на основе достижений иностранной науки, то на рубеже 1900—1910-х годов имела продолжение практика 1830—1870-х годов: использование теоретических построений для интерпретации генезиса внешней политики США. В этом формате трудился Сергей Андреевич Котляревский (1873—1940) — профессор всеобщей истории и конституционного права Императорского Московского университета. В ряде публикаций — «Правовое государство и внешняя политика» (1909), «История международных отношений XVIII—XIX вв.» (1911) — он демонстрировал отсутствие интереса к США и к теме [Котляревский, 1909, с. 255; Котляревский, 1911]. Тем не менее отдельные аспекты им выделялись: он акцентировал внимание на географической отделенности страны от Европы как факторе формирования отношения к иностранным державам [Котляревский, 1909, с. 236—237]. Из общих рассуждений автора относительно развития внешней политики держав XVIII века ученый постулировал тезис о том, что международные отношения были организованы на основе принципа «raison d'être», а постоянной задачей внешней политики государства являлось обеспечение безопасности, использование европейского равновесия [Там же, с. 69, 236].

До начала Первой мировой войны ученый последовательно игнорировал исследование истории внешней политики Соединенных Штатов. Однако политические процессы и на уровне международных отношений, и на уровне внутрироссийской трансформации побудили С. А. Котляревского изменить отношение к данной проблематике. Будучи одним из учредителей Конституционно-демократической партии, даже после выхода из ее состава в 1912 году, в феврале 1917 года в журнале «Русский мир» — кадетском печатном органе — он опубликовал статью «Внешняя политика Соединенных Штатов». В публикации было показано не только знание концепции «морской мощи» А. Т. Мэхэна, но и высказан тезис о том, что изоляционизм определял формирование внешней политики США [Котляревский, 1917, с. 2—3]. Лишенная новаторства, оценка показывала растущее влияние политических наук. Публикация представляет интерес и по причине того, что актуализировала политический фактор в развитии темы: кадеты, как и многие праволиберальные россияне, стимулировали американо-российское сближение накануне Февральской Революции, что отобразилось в интерпретации зарождения внешней политики США.

Несмотря на незначительные расхождения в оценках, В. Н. Александренко и С. А. Котляревский воспроизводили тезис о первостепенной роли балан-

са сил в генезисе внешней политики. Эта интерпретация культивировалась и распространялась в юридической литературе [Даневский, 1882, с. 199—200; Капустин, 1866, с. 20; Коркунов, 1886, с. 54; Мартенс, 2008, т. 1, с. 68].

В работах правоведов-международников стал проявляться принцип историзма. Этот процесс был следствием роста науки в России и ее открытости к растущему влиянию американской научной мысли, достижения которой проникали и принимались российскими учеными в рамках заимствования опыта. Принимая во внимание, что историки-новисты не работали тему, пример с трудами В. Н. Александренко показывал расширение возможностей для ее развития на рубеже XIX—XX веков. Особенно его достижения окажут влияние на советскую американистику: фактографический материал, собранный ученым, будет использован А. В. Ефимовым в разделе «Дипломатия молодой американской республики (1775—1794 гг.)» (1941) в многотомном издании «История дипломатии». Описывая трансформации внешнеполитического ведомства в 1781 году, советский историк вместо термина «секретарь иностранных дел» применял — «статс-секретарь», то есть использовал наработку В. Н. Александренко [Александренко, 1903, с. 127; Ефимов, 1941, т. 1, с. 304].

Локализация темы в сфере правовых наук определила системные рамки для восприятия внешней политики США и ее генезиса. Это обстоятельство имело далеко идущие последствия для развития темы уже в постимперский период — в период гражданской войны и, особенно, РСФСР / СССР. Именно выпускник юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета стал переходной фигурой между историческими периодами. Им был не ученый, не практикующих правовед, а политик — Владимир Ильич Ленин (1870—1924). 22 августа 1918 года в газете «Правда» была опубликована его статья «Письмо к американским рабочим». В этом пропагандистском материале давалась оценка истокам внешней политики США: «В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал также “соглашения” с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах массы угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев» [Ленин, 1963, т. 37, с. 56]. Высказывание политика не было новаторским для российской историографии, оно отображало состояние научной мысли и, как следствие, общественно-политических настроений, которые использовались в большевистской пропаганде.

Несмотря на то, что подход к интерпретациям на основе концепции баланса сил был широко применим в Российской империи, его инкорпорация в идеологическую доктрину РСФСР / СССР — через постулаты марксизма-ленинизма — закрепили его в качестве системообразующего концепта советской исторической науки при рассмотрении темы. Примечательно, но именно советские историки-новисты, а не правоведы-международники приступят к изучению темы в новых исторических реалиях для российского государства.

Итоги гражданской войны — победа большевизма — не прервали интерпретацию темы учеными Императорской России, но сохранение преэминентности имело и свои особенности. Во-первых, внимание к теме получило не академический, а политический вектор развития. Марксистско-ленинский догматизм ограничивал концептуальные рамки научного поиска, что уничтожило принцип историзма дореволюционного периода, основанного на «ранкеанской революции». Во-вторых, тема была перенесена в сферу исторических наук. В итоге оценка В. И. Ленина из газетной публикации стала стереотипом в понимании генезиса внешней политики США, который ни советская, ни постсоветская наука в Российской Федерации так и не смогла преодолеть: в СССР по политическим причинам, в РФ — из-за сохранения авторитета.

4. Заключение = Conclusions

В дореволюционной России темой занимались шесть ученых: В. Н. Александренко, Л. Н. Демис, Е. Ф. Зябловский, Н. П. Иванов, И. И. Ивановский, С. А. Котляревский. Столь малочисленная группа исследователей характеризовалась дисперсностью: авторы не были связаны рамками научных школ, при рассмотрении темы они не ссылались друг на друга. За исключением Е. Ф. Зябловского, все ученые были правоведами-международниками. При этом только двое — В. Н. Александренко и С. А. Котляревский — написали узкоспециализированные работы, а труды остальных носили обобщающий характер.

На протяжении 86 лет, с 1831 года по 1917 год, было опубликовано восемь работ. Несмотря на малочисленность трудов, создание периодизации не представляется возможным: авторы не были объединены в рамках научной школы, их взгляды не обладали связью друг с другом. Тем не менее исследование позволило выделить три всплеска интереса к теме.

В начале 1830-х годов тема пребывала в междисциплинарном пространстве исторических, правовых, географических наук и статистики. Авторы использовали разные методологические стратегии (презентизм и универсализм), пришли к разным выводам относительно генезиса внеш-

ней политики США. Е. Ф. Зябловский придерживался тезиса достижения великодержавного статуса; И. И. Ивановский — реализации на практике «права народа». Оценки делались учеными в полной изоляции от достижений американской науки и без анализа первоисточников. При этом взглядам Е. Ф. Зябловского был свойственен американоцентризм. Несмотря на то, что позиции авторов публиковались в монографии и периодическом издании («Журнал Министерства Народного Просвещения»), их интерпретации не оказали воздействие на рост внимания к теме.

На протяжении 1850—1870-х годов произошло смещение темы в сферу правовых наук, поскольку межгосударственные отношения пребывали в центре юриспруденции, а исторические науки не стали питательной средой для роста интереса в истории внешней политики Соединенных Штатов. Причиной возобновления внимания к теме была трансформация Венской системы международных отношений, связанной с истоками и последствиями Крымской войны. Специфика — влияние фактора макроуровня — отобразилась и на близких друг к другу оценках ученых: Л. Н. Демис выдвинул тезис о зарождении внешней политики США из адаптации к функционирующей системе международных отношений; Н. П. Иванов — о производности генезиса из Вестфальской системы международных отношений. Формирование оценок происходило без принятия во внимание наработок предшествующих авторов начала 1830-х годов. Интерпретации авторов оказались под влиянием антибританских настроений в Российской империи, которые привели к тому, что внешняя политика США рассматривалась в контексте развития британо-российских отношений. При этом прослеживалась тенденция в методологической стратегии — использование теоретических наработок при анализе темы без изучения архивных документов. Также следует отметить, что уровень репрезентации оценок темы снизился в масштабности до малозаметных форматов брошюры и магистерской диссертации.

В 1900—1910-е годы появляются узкоспециализированные труды, созданные под воздействием принципа историзма. Катализатором трансформации эволюции темы стали одновременно происходившие процессы: 1) изменение геополитического положения США на рубеже XIX—XX веков на фоне приближения Первой мировой войны; 2) достижение зрелости науки в Российской империи, где в гуманитарной сфере происходило усиление влияния «ранкианской революции». Методологической стратегией ученых был синтез эмпирических и теоретических знаний исторических и правовых наук. В целом В. Н. Александренко и С. А. Котляревский разделяли общие представления: они считали, что генезис внешней политики США происходил из использования баланса сил. Эта интерпретация имела

не только связь с Л. Н. Демисом и Н. П. Ивановым, но и отображала общую тенденцию российского академического сообщества XIX века интерпретировать внешнюю политику государств мира. Авторы рассматривали страну и ее внешнюю политику в рамках американоцентризма. По-прежнему наблюдалась изоляция исследователей не только друг от друга, но и от предшественников. Одновременно, как это показал труд В. Н. Александренко, российская научная мысль стала использовать достижения американской историографии, но не вела работу над новизной, что делало ее наработки вторичными. Ознакомление научной общественности с результатами исследований приобрело широкий масштаб: воззрения авторов распространялись через монографии и периодическую печать («Журнал Министерства юстиции», «Русский мир»).

Развитие темы в дореволюционный период характеризовалось 1) отсутствием научных достижений и инноваций; 2) низкой интенсивностью академического интереса (перерывы между публикациями составляли в среднем 20—30 лет). При этом с 1831 по 1917 годы наблюдалась тенденция к формированию системных условий (эволюция американо-русских отношений, развитие российской науки, открытость к иностранным наработкам, отсутствие идеологического контроля) для роста научного интереса к теме генезиса внешней политики США. Однако тема так и не была выделена в самостоятельное поле для исследований, оставшись составной частью макротема. Несмотря на это положение, наработки дореволюционной историографии не прерывались в ходе политических процессов 1917—1922 годов: интерпретация, связанная с балансом сил, была перенесена идеологией марксизма-ленинизма в советскую историческую науку.

Литература

1. *Александренко В.* Учение Монро / В. Александренко // Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. — 1898. — Кн. 9. — С. 37—46.
2. *Александренко В. Н.* Внешняя политика Северо-Американских Соединенных Штатов и учение Монро / В. Н. Александренко // Журнал Министерства юстиции. — 1903. — № 4. — С. 125—150.
3. *Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро: происхождение и характер / Н. Н. Болховитинов. — Москва : Издательство ИМО, 1959. — 336 с. — ISBN 5-0504066-A.
4. *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость, 1775—1783 / Н. Н. Болховитинов. — Москва : Мысль, 1976. — 272 с. — ISBN 5-1200814-A.
5. *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775—1815 / Н. Н. Болховитинов. — Москва : Наука, 1966. — 639 с.
6. *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века : в 2 ч. / В. П. Бузескул. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1929—1931.

7. Бутенко В. А. Наука новой истории в России : историографический обзор / В. А. Бутенко // *Анналы*. — 1922. — № 2. — С. 129—167.
8. Варнаков Ю. Г. Из истории формирования внешней политики США : в колониальную эру и годы войны за независимость / Ю. Г. Варнаков // *Труды кафедры всеобщей истории* / [под ред. В. И. Мирзоева]. — Кемерово : [Б. и.], 1968. — С. 83—134.
9. Вернадский Г. В. Русская историография / Г. В. Вернадский. — Москва : Аграф, 1998. — 448 с. — ISBN 5-7784-0044-6.
10. Вольфсон С. В. Внешнеполитическое наследие американской революции XVIII века и проблемы историографии изоляционизма / С. В. Вольфсон // *Материалы второго Всесоюзного симпозиума историков-американистов : в 2 ч.* / ред. Г. Н. Севостьянов и др. — Москва : Институт Всеобщей истории АН СССР, 1976. — Ч. 2. — С. 374—379.
11. Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917) / В. Э. Грабарь. — Москва : Издательство Акад. наук СССР, 1958. — 491 с.
12. Даневский В. П. Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи : историко-догматическое исследование / В. П. Даневский. — Санкт-Петербург : Типография Р. Голике, 1882. — 335 с.
13. Демис Л. Н. Обзорение трактатов о морском торговом нейтралитете / Л. Н. Демис. — Санкт-Петербург : Типография Академии наук, 1854. — 78 с.
14. Дорофеев Д. В. Генезис внешней политики США : американская историография 1820—1850-х гг. / Д. В. Дорофеев // *Манускрипт*. — 2021. — № 7. — С. 1374—1380. — DOI: 10.30853/mns210246.
15. Дорофеев Д. В. Генезис внешней политики США : зарождение историографии темы, 1610—1820-е годы / Д. В. Дорофеев // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. — 2021а. — Том 7 (73). — № 2. — С. 81—93. — DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-81-93.
16. Ефимов А. В. Дипломатия молодой американской республики (1775—1794 гг.) / А. В. Ефимов // *История дипломатии* : в 3 т. / под ред. В. П. Потемкина. — Москва : ОГИС, 1941—1945. — Т. 1. — С. 303—316.
17. Зябловский Е. Ф. Статистика европейских государств в нынешнем их состоянии : в 2 ч. / Е. Ф. Зябловский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1830—1831.
18. Иванов Н. П. Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии / Н. П. Иванов. — Казань : Университетская типография, 1874. — 183 с.
19. Ивановский И. И. Краткий взгляд на науку дипломатии вообще / И. И. Ивановский // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. — 1836. — Ч. IX. — С. 478—519.
20. Капустин М. Н. Очерк истории права в Западной Европе / М. Н. Капустина. — Москва : Университетская типография (Катков и К), 1866. — 214 с.
21. Кареев Н. И. Новейшее время от 1859 до 1914 гг. : историографические очерки / Н. И. Кареев. — Петроград : Наука и школа, 1923. — 120 с.
22. Коркунов Н. М. Международное право / Н. М. Коркунов. — Санкт-Петербург : Издатель лейтенант Шидловский, 1886. — 344 с.
23. Котляревский С. А. Внешняя политика Соединенных Штатов / С. А. Котляревский // *Русский мир*. — 1917. — № 2. — С. 1—6.
24. Котляревский С. А. История международных отношений XVIII—XIX вв. / С. А. Котляревский. — Москва : Типография Титяева, 1911. — 146 с.

25. *Котляревский С. А.* Правовое государство и внешняя политика / С. А. Котляревский. — Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1909. — 428 с.
26. *Краснов Н. А.* Заключение американо-французского союза в 1778 г. / Н. А. Краснов // Война за независимость и образование США / под ред. Г. Н. Севостьянова. — Москва : Наука, 1976. — С. 164—192.
27. *Краснов Н. А.* Парижский мир 1783 г. / Н. А. Краснов // Война за независимость и образование США / под ред. Г. Н. Севостьянова. — Москва : Наука, 1976а. — С. 447—462.
28. *Краснов Н. А.* США и Франция : дипломатические отношения, 1775—1801 гг. / Н. А. Краснов. — Москва : ПАИМС, 2000. — 424 с. — ISBN 5-89574-102-9.
29. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — Москва : Госполитиздат, 1958—1965.
30. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / Ф. Ф. Мартенс. — Москва : Зерцало, 2008. — ISBN 978-5-8078-0154-8.
31. *Мельников Ю.* Внешняя политика США : традиции и современность / Ю. Мельник // Международная жизнь. — 1976. — № 9. — С. 104—113.
32. *Панов А. С.* Россия и США в последней четверти XVIII — первой трети XIX вв. : опыт взаимных репрезентаций : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15 / П. А. Сергеевич. — Москва, 2020. — 269 с.
33. *Плешков В. Н.* Внешняя политика США в конце XVIII века: очерки англо-американских отношений / В. Н. Плешков. — Ленинград : Наука, 1984. — 301 с.
34. *Плешков В. Н.* Внешняя политика США в конце XVIII века : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.03 / В. Н. Плешков. — Ленинград, 1987. — 33 с.
35. *Плешков В. Н.* Дипломатия американской революции / В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко // История внешней политики и дипломатии США, 1775—1877 / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. — Москва : Международные отношения, 1994. — С. 11—47.
36. *Плешков В. Н.* У истоков Госдепартамента / В. Н. Плешков // США : экономика, политика, идеология. — 1991. — № 11. — С. 70—75.
37. *Севастьянов Г. Н.* У истоков внешней политики США / Г. Н. Севастьянов, А. И. Уткин // США. Экономика, политика, идеология. — 1974. — № 12. — С. 37—48.
38. *Тарле Е. В.* Новая история в работах советских историков / Е. В. Тарле // Двадцать пять лет исторической науки в СССР : сборник статей / под ред. В. П. Волгина и др. — Москва : Издательство Академии наук Союза ССР, 1942. — С. 236—248.
39. *Трояновская М. О.* Дискуссия по вопросам внешней политики США (1775—1823) / М. О. Трояновская. — Москва : Весь Мир, 2010. — 328 с. — ISBN 978-5-7777-0495-5.
40. *Фофанова А. Р.* Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации: 1781—1787 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / А. Р. Фофанова. — Москва, 2018. — 298 с.
41. *Халфин Н. А.* Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана / Н. А. Халфин. — Москва : Восточная литература, 1958. — 110 с.
42. *Ширяев Б. А.* Принципы и цели дипломатии США в период становления (1775—1814) / Б. А. Ширяев // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 6. — 1997. — Вып. 4. — С. 115—119.
43. *American foreign relations since 1600 : a guide to the literature* / R. L. Beisner (ed.). — Santa Barbara : ABC-Clío, 2003. — 2065 p. — ISBN 978-1-5760-7080-2.

44. Butler W. E. Russia and the international legal system : a bibliography of writings by Russian jurists on public and private international law to 1917 with references to publications in emigration / W. E. Butler. — London : Wildy, Simmonds & Hill Pub., 2006. — 253 p. — ISBN 978-1-8980-2983-0.

45. Dull J. R. American foreign relations before the constitution : a historiographical wasteland / J. R. Dull // American foreign relations : a historiographical review / G. K. Haines, J. S. Walker (eds.). — Westport : Greenwood Press, 1981. — Pp. 3—16. — ISBN 978-0-31-321061-7.

46. Hecker H. Russische Universalgeschichtsschreibung : von den “Vierziger Jahren” des 19. Jahrhunderts bis zur sowjetischen “Weltgeschichte” (1955—1965) / H. Hecker. — München : Oldenbourg, 1983. — 376 p. — ISBN 978-3-4865-1121-5.

47. Zingg P. J. The United States and North Africa : An Historiographical Wasteland / P. J. Zingg // African Studies Review. — 1973. — Vol. 16. — № 1. — P. 107—118.

References

- Aleksandrenko, V. (1898). Monroe's Teachings. *Journal of the Legal Society at the Imperial St. Petersburg University*, 9: 37—46. (In Russ.).
- Aleksandrenko, V. N. (1903). The foreign policy of the North American United States and Monroe's doctrine. *Journal of the Ministry of Justice*, 4: 125—150. (In Russ.).
- Beisner, R. L. (ed.). (2003). *American foreign relations since 1600: a guide to the literature*. Santa Barbara: ABC-Clio. 2065 p. ISBN 978-1-5760-7080-2.
- Bolkhovitinov, N. N. (1959). *The Monroe Doctrine: Origin and Character*. Moscow: IMO Publishing House. 336 p. ISBN 5-0504066-A. (In Russ.).
- Bolkhovitinov, N. N. (1966). *Formation of Russian-American relations, 1775—1815*. Moscow: Nauka. 639 p. (In Russ.).
- Bolkhovitinov, N. N. (1976). *Russia and the US War of Independence, 1775—1783*. Moscow: Thought. 272 p. ISBN 5-1200814-A. (In Russ.).
- Butenko, V. A. (1922). The science of new history in Russia: historiographic review. *Annals*, 2: 129—167. (In Russ.).
- Butler, W. E. (2006). *Russia and the international legal system: a bibliography of writings by Russian jurists on public and private international law to 1917 with references to publications in emigration*. London: Wildy, Simmonds & Hill Pub. 253 p. ISBN 978-1-8980-2983-0.
- Buzeskul, V. P. (1929—1931). *General history and its representatives in Russia in the 19th and early 20th centuries*, 2. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
- Danevsky, V. P. (1882). *Systems of political equilibrium and legitimism and the beginning of nationality in their mutual connection: a historical and dogmatic study*. St. Petersburg: R. Golike Printing House. 335 p. (In Russ.).
- Demis, L. N. (1854). *Review of treatises on maritime trade neutrality*. St. Petersburg: Printing house of the Academy of Sciences. 78 p. (In Russ.).
- Dorofeev, D. V. (2021). The Genesis of US Foreign Policy: American Historiography of the 1820s—1850s. *Manuscript*, 7: 1374—1380. DOI: 10.30853/mns210246. (In Russ.).
- Dorofeev, D. V. (2021a). The genesis of US foreign policy: the origin of the historiography of the topic, 1610—1820-ies. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. The series “Historical Sciences”*, 7 (73) / 2: 81—93. DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-81-93. (In Russ.).

- Dull, J. R. (1981). American foreign relations before the constitution: a historiographical wasteland. In: G. K. Haines, J. S. Walker (eds.) *American foreign relations: a historiographical review*. Westport: Greenwood Press. 3—16. ISBN 978-0-31-321061-7.
- Efimov, A. V. (1941—1945). Diplomacy of the young American republic (1775—1794). In: Potemkin, V. P. (ed.) *History of diplomacy, 3/1*. Moscow: OGIS. 303—316. (In Russ.).
- Fofanova, A. R. (2018). *US foreign policy during the period of the Articles of Confederation: 1781—1787*: PhD. Diss. Moscow. 298 p. (In Russ.).
- Grabar, V. E. (1958). *Materials for the history of literature of international law in Russia (1647—1917)*. Moscow: Publishing house Acad. Sciences of the USSR. 491 p.
- Hecker, H. (1983). *Russische Universalgeschichtsschreibung: von den “Vierziger Jahren” des 19. Jahrhunderts bis zur sowjetischen “Weltgeschichte” (1955—1965)*. München: Oldenbourg. 376 p. ISBN 978-3-4865-1121-5. (In Germ.).
- Ivanov, N. P. (1874). *Characteristics of international relations and international law in historical development*. Kazan: University Printing House. 183 p. (In Russ.).
- Ivanovskiy, I. I. (1836). A brief look at the science of diplomacy in general. *Journal of the Ministry of National Education, IX*: 478—519. (In Russ.).
- Kapustin, M. N. (1866). *Essay on the history of law in Western Europe*. Moscow: Univ. type. (Katkov and K). 214 p. (In Russ.).
- Kareev, N. I. (1923). *The latest time from 1859 to 1914: historiographical essays*. Petrograd: Science and School. 120 p. (In Russ.).
- Khalfin, N. A. (1958). *Beginning of American expansion in the countries of the Mediterranean and the Indian Ocean*. Moscow: Eastern Literature. 110 p. (In Russ.).
- Korkunov, N. M. (1886). *International law*. St. Petersburg: Publisher Lieutenant Shidlovsky. 344 p. (In Russ.).
- Kotlyarevsky, S. A. (1909). *Legal state and foreign policy*. Moscow: Printing house of G. Lissner and D. Sobko. 428 p. (In Russ.).
- Kotlyarevsky, S. A. (1911). *History of international relations in the 18th—19th centuries*. Moscow: Tityaev Printing House. 146 p. (In Russ.).
- Kotlyarevsky, S. A. (1917). Foreign policy of the United States. *Russian world, 2*: 1—6. (In Russ.).
- Krasnov, N. A. (1976). The conclusion of the American-French alliance in 1778. In: Sevostyanova, G. N. (ed.). *The War for Independence and the Education of the USA*. Moscow: Nauka. 164—192. (In Russ.).
- Krasnov, N. A. (1976a). The Peace of Paris in 1783. In: Sevostyanova, G. N. (ed.). *The War for Independence and the Education of the USA*. Moscow: Nauka. 447—462. (In Russ.).
- Krasnov, N. A. (2000). *USA and France: diplomatic relations, 1775—1801*. Moscow: PAIMS. 424 p. ISBN 5-89574-102-9. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1958—1965). *Full composition of writings*. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.).
- Martens, F. F. (2008). *Modern international law of civilized peoples, 2*. Moscow: Mirror. ISBN 978-5-8078-0154-8. (In Russ.).
- Melnikov, Y. (1976). Foreign policy of the USA: traditions and modernity. *International life, 9*: 104—113. (In Russ.).
- Panov, A. S. (2020). *Russia and the USA in the last quarter of the 18th — the first third of the 19th centuries: experience of mutual representations*: PhD. Diss. Moscow. 269 p. (In Russ.).
- Pleshkov, V. N. (1984). *Foreign policy of the USA at the end of the 18th century: essays on Anglo-American relations*. Leningrad: Nauka. 301 p. (In Russ.).

- Pleshkov, V. N. (1987). *Foreign policy of the USA at the end of the 18th century*: author's abstract of Doct Diss. Leningrad. 33 p. (In Russ.).
- Pleshkov, V. N. (1991). At the origins of the State Department. *USA: economics, politics, ideology, 11*: 70—75. (In Russ.).
- Pleshkov, V. N., Fursenko, A. A. (1994). Diplomacy of the American Revolution. In: Bolkhovitinov, N. N. (ed.) *History of US Foreign Policy and Diplomacy, 1775—1877*. Moscow: International relations. 11—47. (In Russ.).
- Sevastyanov, G. N., Utkin, A. I. (1974). At the origins of US foreign policy. *USA. Economy, politics, ideology, 12*: 37—48. (In Russ.).
- Shiryaev, B. A. (1997). Principles and goals of US diplomacy in the period of formation (1775—1814). *Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6, 4*: 115—119. (In Russ.).
- Tarle, E. V. (1942). New history in the works of Soviet historians. In: Volgina, V. P. (ed.) *Twenty-five years of historical science in the USSR: collection of articles*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 236—248. (In Russ.).
- Troyanovskaya, M. O. (2010). *Discussion on the foreign policy of the USA (1775—1823)*. Moscow: Ves Mir. 328 p. ISBN 978-5-7777-0495-5. (In Russ.).
- Varnakov, Yu. G. (1968). From the history of the formation of US foreign policy: in the colonial era and the years of the war for independence. In: Mirzoeva, V. I. (ed.) *Proceedings of the Department of General History*. Kemerovo. 83—134. (In Russ.).
- Vernadsky, G. V. (1998). *Russian historiography*. Moscow: Agraf. 448 p. ISBN 5-7784-0044-6. (In Russ.).
- Volfson, S. V. (1976). The foreign policy legacy of the American Revolution of the 18th century and the problems of the historiography of isolationism. In: Sevostyanov, G. N. (ed.) *Proceedings of the Second All-Union Symposium of American Historians, 2/2*. Moscow: Institute of General History of the Academy of Sciences of the USSR. 374—379. (In Russ.).
- Zingg, P. J. (1973). The United States and North Africa: An Historiographical Wasteland. *African Studies Review, 16/1*: 107—118.
- Zyablovsky, E. F. (1830—1831). *Statistics of European states in their current state, 2*. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.11.2022,
одобрена после рецензирования 06.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Иванов А. А. Общественная дискуссия вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны / А. А. Иванов, Н. И. Богомазов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 330—350. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350.

Ivanov, A. A., Bogomazov, N. I. (2023). Public Discussion around American Purchases for Needs of Russian Roads during First World War. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 330-350. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-330-350

Общественная дискуссия вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны

Иванов Андрей Александрович
orcid.org/0000-0001-6438-5200
доктор исторических наук, профессор
кафедры новейшей истории России
Института истории
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Богомазов Николай Иванович
orcid.org/0000-0001-8307-4942
кандидат исторических наук, доцент
кафедры новейшей истории России
Института истории
n.bogomazov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-78-10036

Public Discussion around American Purchases for Needs of Russian Roads during First World War

Andrey A. Ivanov
orcid.org/0000-0001-6438-5200
Doctor of History, Professor,
Department of Contemporary History
of Russia, Institute of History
andrey.a.ivanov@spbu.ru

Nikolay I. Bogomazov
orcid.org/0000-0001-8307-4942
PhD in History, Associate Professor,
Department of Contemporary History
of Russia, Institute of History
n.bogomazov@spbu.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-78-10036

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема зависимости российского железнодорожного транспорта от иностранных поставок в годы Первой мировой войны. Впервые данный вопрос раскрывается через призму общественной дискуссии, которая велась на страницах российской периодической печати по вопросам американских закупок для железных дорог. Особое внимание уделено критике сложившегося положения в сфере железнодорожного транспорта, опасности зависимости российской промышленности от иностранных держав (как враждебных, так нейтральных и союзных) и необходимости импортозамещения. В научный оборот вводятся новые источники (материалы периодической печати, стенограммы заседаний Государственной думы), позволяющие составить более полное представление как о проблемах, сложившихся в сфере железнодорожного транспорта, так и об их восприятии в российском обществе. Отмечается, что несмотря на положительное отношение печати к налаживанию торгово-промышленных отношений с Америкой, многие публицисты и политики отмечали, что замена германских капиталов и промышленных товаров на американские представляло в перспективе для России не меньшую опасность, избежать которую было возможно лишь путем развития национального производства.

Ключевые слова:

Российские железные дороги; железнодорожный транспорт; Первая мировая война; иностранные закупки; американские закупки; США; общественная дискуссия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the dependence of Russian railway transport on foreign supplies during the First World War is considered. For the first time, this issue is revealed through the prism of a public discussion, which was conducted on the pages of the Russian periodical press on the issues of American procurement for railways. Particular attention is paid to criticism of the current situation in the field of railway transport, the danger of dependence of the Russian industry on foreign powers (both hostile, neutral and allied) and the need for import substitution. New sources are introduced into scientific circulation (materials of the periodical press, transcripts of meetings of the State Duma), which make it possible to get a more complete picture of both the problems that have developed in the field of railway transport and their perception in Russian society. It is noted that despite the positive attitude of the press to the establishment of commercial and industrial relations with America, many publicists and politicians noted that the replacement of German capital and industrial goods with American ones posed no less danger for Russia in the future, which could only be avoided through the development of national production.

Key words:

Russian Railways; railway transport; World War I; foreign purchases; American purchases; USA; public discussion.

Общественная дискуссия вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны

© Иванов А. А., Богомазов Н. И., 2023

1. Введение = Introduction

Первая мировая война, вызвавшая в Российской империи системный кризис, охвативший большинство жизненно важных сфер, стала серьезным испытанием и для отечественной транспортной отрасли. В первую очередь проблемы коснулись имевшего стратегическое значение железнодорожного транспорта, который оказался недостаточно подготовленным к испытаниям военного времени. Как отмечалось в одной из публикаций 1916 года, железные дороги «перевозили войска, оружие, снаряды, продовольствие, шли вперед вместе с нашей армией, эксплуатируя железные дороги в занятых неприятельских областях, и отступали вместе с армией, уводя за собой подвижной состав, рельсы, части мостов, шпалы, чуть не полотно. <...> Но кроме этих забот по обслуживанию армии, наши дороги несли еще и крайне тяжелые обязанности по обслуживанию тыла, осложнившиеся военными обстоятельствами» [Русские железные ..., 1916, с. 116]. Необходимость удовлетворять первоочередные нужды фронта при недостаточной развитости железнодорожной сети неизбежно приводила к ухудшению обслуживания тыла. Поток беженцев внутрь страны, невозможность использовать польские месторождения (Домбровский угольный бассейн), перекрытие поставок через европейские сухопутные границы, Черное и Балтийское моря; эвакуация предприятий, обслуживавших нужды Министерства путей сообщения (МПС), загруженность вагоностроительных предприятий военными заказами, а также зависимость российского транспорта от иностранных закупок, включая ставшие недоступными товары из Германии, привели к серьезному кризису, который современники нередко называли «расстройством транспорта» и даже «разрухой» [Р., 1915, с. 130—131]. Последствия этого кризиса хорошо известны — заметное ухудшение социально-экономического положения страны, ставшее одним из катализаторов революции.

Но было бы неправомерным считать, что с проблемами в транспортной сфере в годы Первой мировой войны столкнулась только Россия. Как справедливо отмечал публицист «Нового времени», «транспорт расстроен не только у нас, но и у наших врагов, и у наших друзей и даже в нейтральных

странах. Во время такой войны явление неизбежное и непредотвратимое» [Хохлов, 1916, с. 4]. Но, добавлял он далее, «конечно, в той стране всякого расстройства меньше, где до войны было больше порядка. У нас транспорт расстроен гораздо больше, чем в Англии, прежде всего потому, что он у нас до войны был налажен неизмеримо хуже, чем в Англии. <...> Вагонов и локомотивов не хватало. А думские законодатели урезывали кредиты на подвижной состав. До войны мы основательно подготовились к расстройству транспорта во время войны» [Там же]. В одном из железнодорожных периодических изданий весной 1916 года отмечалось, что серьезные затруднения с перевозками в связи с военными обстоятельствами «возникли в странах, несравненно более, почти идеально оборудованных в железнодорожном отношении», и что «если такая развитая и богатая сеть, как американская, находящаяся притом совершенно вне прямого воздействия войны, все же под косвенным влиянием последней переживает состояние, близкое к катастрофическому, то от наших дорог теперь едва ли справедливо требовать лучшей, чем в Америке, производительности» [Л. А., 1916, с. 73].

Одной из проблем, сказавшейся на работе российского железнодорожного транспорта в годы войны, стала его зависимость от экспорта, поскольку российские заводы (как частные, так и казенные) не имели возможностей, чтобы полностью удовлетворить резко возросшие потребности путей сообщения в рельсах, локомотивах, вагонах и комплектующих. В конце 1915 года журнал «Промышленность и торговля» отмечал, что невозможность российских металлургических заводов обеспечить потребности транспорта всем необходимым «ни в этом, ни в будущем году» заставляет передавать крупные правительственные заказы за границу, «несмотря на дальнейшее ухудшение в вследствие этих заказов нашего торгового баланса и на риск, с которым связано получение срочных военных материалов морскими кружными путями» [Бухштаб, 1915, с. 773]. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич в письме на имя министра путей сообщения С. В. Рухлова от 1 июня 1915 года указывал, что «рассчитывать на возможность получения рельс, скреплений и стрелок с отечественных металлургических заводов нельзя, так как производительность их совершенно исчерпана уже выданными заказами, и потому для получения этих материалов в потребном количестве и в потребные сроки неизбежным является обратиться к заказу их за границей» [РГИА-1, л. 1—2].

В 1916 году МПС информировало Государственную думу, что средний возраст товарных паровозов составляет 23 года, причем 25 % из них построены свыше 30 лет назад, в связи с чем, учитывая предельный срок службы паровоза в 30 лет, «немедленному исключению из службы и замене новыми подлежало бы 5 204 паровоза» из имеющихся в эксплуатации

20 177 машин (на 1 сентября 1915 года) [РГИА-2, л. 3]. При этом, отмечалось далее, «давно уже ощущался острый недостаток паровозов, определявшийся после тщательных подсчетов в 2 400 мощных паровозов» [Там же]. А поскольку средний ежегодный прирост работы казенных железных дорог составлял 7,4 % (за период 1908—1913 годов), то потребность железнодорожной сети в новых паровозах определялась в 1 500 единиц в год [Там же]. Интересно, что еще накануне войны, в апреле 1914 года, расчеты МПС показывали, что российской сети требуется не менее 1 000 паровозов в год (250 пассажирских и 750 товарных). При этом прогнозировалось, что «для потребностей [мирного времени. — *Авт.*] до 1920 года необходимо даже и более, чем по 1 000 паровозов в год» [ЦГИА СПб, л. 35]. Естественно, что с началом военных действий и последовавшим значительным ростом нагрузки на железные дороги потребности только увеличились. Не лучше была ситуация и с вагонами, нехватка которых в 1916 году определялась от 75 до 100 тыс. единиц, а потребность для вновь строящихся железных дорог — 48 тыс. товарных и 2 880 пассажирских вагонов [РГИА-2, л. 3]. С. В. Рухлов отмечал, что «уже с ноября месяца [1914 года] стал ощущаться недостаток подвижного состава» [РГИА-3, л. 4].

Первый заказ за границей был сделан еще 17 октября 1914 года, однако в тот момент это было скорее разовой акцией под конкретную задачу: у американского завода «Baldwin Locomotive Works» было заказано 30 сочлененных локомотивов для узкоколейного участка Северных железных дорог [Heuwood, 2003, р. 82]. Систематические заказы железнодорожного оборудования (как подвижного состава, так и материалов) за границей начались с 1915 года. Весной 1915 года в США были размещены первые заказы на подвижной состав: в апреле было заказано 10 000 большегрузных вагонов (в мае было заказано еще 6 700), в июне были заключены контракты на поставку 400 паровозов [Ibid; Краткий очерк, 1916, с. 63—67]. В июне 1915 года Совет министров выделил кредит на закупку за границей 10 млн пудов рельсов со скреплениями [Богомазов, 2021, с. 508]. В последующем Россия неоднократно заказывала железнодорожные материалы в США и Канаде, в том числе и после Февральской революции — при Временном правительстве [Heuwood, 2003, р. 82—85].

Российское правительство рассматривало возможность разместить заказы в Швеции или Японии, но только американские предприятия оказались способны выполнить заказы целиком. Однако сроки выполнения заказов были достаточно большими (не менее 6 месяцев), а цена — весьма высокой, при этом американцы принимали оплату только золотом [Краткий очерк ..., 1916, с. 63—64]. Возникали трудности и с доставкой заказов из Америки, которые приходилось ввозить в страну через Владивосток. И тем не менее

начиная с конца 1915 года в Россию стали поступать американские локомотивы, вагоны и путевые материалы, сыгравшие важную роль в усилении работы российской железнодорожной сети. Впрочем, как отмечает А. С. Сенин, к осени 1916 года зарубежных поставок стало уже недостаточно для компенсации потерь, вызванных войной [Сенин, 2009а, с. 257—258].

Зависимость российских железных дорог от иностранных закупок спровоцировала общественную дискуссию, в ходе которой были не только названы вскрывшиеся проблемы, но и намечены пути их преодоления в будущем. И хотя данный сюжет был далеко не основным среди тех, что беспокоили российское общество, тем не менее он представляется весьма важным и значимым для лучшего понимания как общественных настроений в годы Первой мировой войны, так и проблем, вставших перед российскими транспортной системой и промышленностью.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблематика военно-технического сотрудничества Российской империи со странами Антанты и — шире — заграничных закупок за рубежом, в том числе и в США, обращала и продолжает обращать на себя внимание российских и зарубежных исследователей. Первые работы на эту тему появились уже по горячим следам [Гайдук, 1918], о военных закупках за рубежом писали эмигрантские, советские и зарубежные историки, продолжается исследование этой темы и в работах современных российских исследователей. Особо здесь необходимо обратить внимание на труды отечественных историков, которые разрабатывали тему военно-технического сотрудничества России со странами Антанты в годы Первой мировой войны [Сидоров, 1973; Павлов, 2008; Поликарпов, 2015; Виноградов, 2019, 2021], а также на коллективную монографию «Порох золота и сталь: Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны» [Порох, 2017]. О различных сторонах взаимоотношений России и США в годы Первой мировой войны писал Р. Ш. Ганелин [Ганелин, 1969], однако в его фундаментальной работе акцент сделан на взаимоотношениях держав в финансовой сфере и интересах американских компаний в сфере железнодорожного строительства в России, в то время как теме закупок для железных дорог внимание уделено лишь отчасти и преимущественно по отношению к периоду нахождения у власти в нашей стране Временного правительства. Тема иностранных транспортных заказов частично затрагивалась в работах, посвященных строительству Мурманской и Северной железных дорог [Голубев, 2011; Гудкова, 2002; Нахтигаль, 2011], а также в исследованиях по истории развития железнодорожного транспорта в России [Старостенков, 2002; Транспорт, 2009]. В этом плане особо необходи-

мо отметить монографию А. С. Сенина, в которой рассматривается целый комплекс вопросов, связанных с функционированием железнодорожного транспорта в эпоху войн и революций [Сенин, 2009b]. Западная историография тоже активно занималась разработкой данной темы [Nielsen, 1984; Rielage, 2022], однако особый интерес представляют публикации британского историка Э. Хейвуда [Heywood, 2003, 2012, 2018].

Однако в этих и других исследованиях, посвященных российским иностранным закупкам за границей, не уделялось должного внимания общественному восприятию и обсуждению данной проблемы. В связи с этим цель данной работы — выявление и анализ реакции российского общества на возникшую в годы Первой мировой войны потребность закупать в США локомотивы, вагоны и комплектующие для железных дорог; восприятия им сложившегося положения в транспортной сфере, риска зависимости от американских поставок и поиска путей выхода из нее. Для достижения поставленной цели были привлечены материалы периодической печати, стенограммы заседаний Государственной думы; мнения и прогнозы, публично высказывавшиеся в печати по указанной проблеме как специалистами-железнодорожниками, так публицистами и политиками.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Поставки из США и дискуссия о технологической зависимости России

«Америка являлась главным поставщиком России предметов оборудования железнодорожного транспорта (паровозы, вагоны, рельсы и т. д.)», — справедливо отмечал советский историк [Сидоров, 1973, с. 280]. Кроме того, на США смотрели как на державу, которая весьма активно развивала свою железнодорожную сеть и демонстрировала большие успехи в технике. «Именно там, — писало одно из российских изданий, — мы можем видеть воочию ..., как должен быть организован в обширной стране транспорт» [Общество ..., 1915, с. 210]. Поэтому неудивительно, что именно американские поставки, игравшие важную роль в обеспечении российского железнодорожного транспорта необходимыми материалами, не только освещались в узкоспециальных изданиях, но становились предметом для обсуждения в многочисленных СМИ, а также в Государственной думе. Выступая в Государственной думе 15 марта 1916 года, министр путей сообщения А. Ф. Трепов в качестве одного из достижений возглавляемого им ведомства указывал следующее: «Сибирская магистраль усиливается как мощными паровозами, так и рельсами, заказанными за границей. Значительное количество товарных вагонов поступление коих хотя и замедлилось неисправностью заводов и обвалом Панамского канала, ныне начало поступать во Владивосток.

Благодаря этому, с апреля месяца можно будет значительно усилить вывоз прибывающих в этот порт грузов» [ГД—4.4, стб. 3438—3439]. В частности, Трепов доводил до сведения страны следующую статистику: «Вагонов и паровозов мы ожидаем в следующем количестве: от отечественных заводов — 20 000 и из Америки — 13 140 грузоподъемности по 2 400 пуд., что составляет в общем до 52 000 вагонов обыкновенной грузоподъемности. Паровозов мы ожидаем 900 штук» [Там же, стб. 3439].

Российская периодическая печать, высоко оценивая значение американских поставок, размещала на своих страницах материалы, в которых рассказывалось о типах американских локомотивов [В., 1916; Опыты ..., 1916], о технических параметрах и результатах испытаний в российских условиях прибывших из США паровозов «Декапод» (Decapod) [Рекорд ..., 1916; Увеличение ..., 1916; Опыты ..., 1916; Американский ..., 1916] и т. п. Некоторые издания выражали надежду, что Америка, как обладательница больших капиталов, могла бы сыграть значительную роль в том числе и в развитии российского железнодорожного дела после войны [Важная ..., 1916]. Однако, помимо этого, в прессе нередко появлялись материалы, в которых указывалась и негативная сторона образовавшейся зависимости. Как отмечал один из публицистов, США — это «*tertius gaudens* (третий радующийся. — А. И., Н. Б.), собирающий обильные жатвы с обеих враждующих сторон» [Л. А., 1916, с. 73]. Положение, при котором Россия была вынуждена решать вопрос зависимости от европейской продукции за счет американской, едва ли могло радовать, хотя в отношении державы, оказывавшей помощь (хоть и очень дорогостоящую) и, в конце концов, ставшей союзницей России, публично высказывать критику и претензии практически никто не решался. Хотя в том, что Америка использует затруднения России для того, чтобы захватить ее рынок, сомнений быть не могло. Как отмечал в 1915 году высокопоставленный чиновник Министерства торговли США Э. Пратт, Россия — это «рынок, заслуживающий особенного и серьезного внимания со стороны каждого промышленника и экспортера <...> это громадный рынок, открытый американцам <...> Россия — страна с огромными естественными богатствами, страна во многих отношениях еще не развитая. Железные дороги, порты, разные общественные предприятия — все это России необходимо, все это должно только строиться» [Д-р Пратт, 1916, с. 11]. Американский импорт в Россию (в целом) вырос в годы мировой войны более чем на 1 000 % по сравнению с довоенным и в 51 раз стал превышать российский экспорт в эту заокеанскую страну [Селезнев, 1957, с. 24—25]. В январе 1917 года американские предприниматели, за спиной которых стоял железнодорожный магнат У. Гарриман, возбудили перед МПС вопрос о предоставлении им концессии на строительство в России трех железнодорож-

ных линий — Московско-Донецкой, Перевальной (Тифлис—Владикавказ) и Симбирской. Интересовало американские деловые круги и налаживание железнодорожного сообщения Петрограда с Уралом. Американцами активно скупались акции российских железных дорог [Там же, с. 30]. С одной стороны, Россия была заинтересована в привлечении американских денег и технологий, но с другой — перед ней снова появлялась угроза попасть в опасную зависимость от иностранной державы.

Повторять допущенные до войны ошибки в деле обеспечения железнодорожного транспорта всем необходимым, разумеется, мало кому хотелось. Ведь эта проблема осознавалась уже до войны, и, как отмечал в «Новом времени» известный инженер-железнодорожник Н. А. Демчинский еще в 1902 году, «дешевый английский рельс или немецкий паровоз — все это последствия нашего экономического рабства» [Демчинский, 1902, с. 2]. Война, вскрыв эту проблему со всей очевидностью, заставила общество искать пути ее решения. В 1915—1916 годах в прессе появился ряд публикаций, направленных на преодоление зависимости от иностранцев и развитие собственного производства. «В том, что Россия отстала в развитии своей рельсовой сети от своих западных соседей, — двух мнений нет», — отмечалось в статье «Известий Собрания инженеров путей сообщения» [Руд-в, 1915, с. 4]. «...Все заводы России, занимающиеся изготовлением осей, бандажей и колес, — отмечал видный российский железнодорожник Л. Ф. Шухтан — могут доставить ежегодно этих предметов не более как на 30 000 вагонов и, следовательно, чтобы строить 60 000 вагонов в год, надо выписывать недостающие предметы из-за границы, а так как это весьма нежелательно, то надлежит увеличить производство осей, колес и бандажей в России...» [Шухтан, 1915, с. 441—442].

Первоначально речь шла о необходимости борьбы с германским влиянием и «засильем». Отмечалось, что особенная зависимость российского рынка от немецких поставок существовала в металлургической отрасли, на которую приходилась $\frac{1}{4}$ всего ввоза из-за границы, причем «главная часть падает на немецкие машины; в составе их добрая часть покрывается железнодорожными изделиями и связанными с ними» [Н. А., 1916, с. 6]. При этом признавалось, что такая зависимость во многом сложилась по причине «высокого качества германских изделий, аккуратности выполнения заказов, дешевизны, изящества и пр.» [Там же]. «Мы порвали с Германией, — отмечало созданное в 1915 году Общество сближения между Россией и Америкой, — и должны сбросить с себя наложенные ею путы» [Общество ..., 1916, с. 210]. Так, например, в «Журнале МПС» был опубликован пересказ обширного доклада французского химика и инженера А. Ле Шателье, предлагавшего меры противодействия германскому влиянию на французскую промышленность

[Роль ..., 1915]. Но со временем стали появляться материалы, в которых в корректной форме выражалась озабоченность все возрастающим влиянием США на железнодорожную отрасль России и необходимостью преодолеть иностранную зависимость в целом. Депутат Государственной думы, инженер-путеец и предприниматель В. Я. Демченко (прогрессивный националист), выступая в 1916 году с парламентской трибуны, недоумевал: «Ведь, когда в настоящее время нам понадобились рельсы, то мы вынуждены их выписывать в значительном количестве из-за границы, уплачивая вместо 1 р. 20 к. около 4 р., 4 р. 50 к. Неужели нельзя было за эти полтора года принять меры к тому, чтобы увеличить работу заводов, изготовляющих рельсы. <...> Господа, пока наше Министерство торговли и промышленности предполагает собирать различные совещания, в это время акции американских предприятий поднялись за счет нашего золота не менее, чем в десять раз» [ГД—4.4, стб. 1807—1808]. Депутат-меньшевик М. И. Скобелев возмущался, что находящиеся во власти рачители отечественной промышленности не спешат воспользоваться благоприятным временем, когда «от германских товаров их отгораживает вал из человеческих трупов, а в Англию и Америку приходится ездить чуть ли не через северный полюс или кругом света» [Там же, стб. 2013]. А депутат Д. И. Герценвиц (земец-октябрист), сам железнодорожник и товарищ (заместитель) председателя думской комиссии о путях сообщения, критиковал МПС за медлительность и неповоротливость в деле обеспечения железнодорожного транспорта необходимым количеством вагонов, что в итоге привело к заказам в Америке, «где раньше вообще ничего не заказывалось» [Там же, стб. 3454]. В одном из специализированных журналов отмечалось, что далеко не все заказы МПС, сделанные в США, жизненно необходимы российскому транспорту. В частности, указывалось, что закупка американских металлических вагонов стоимостью по 3 650 руб. за штуку не встречает сочувствия, что вагоны эти в России «не привились и дороги» и что с гораздо большей пользой для дела и казны можно было бы заказать за океаном лишь необходимые узлы и комплектующие для сборки подходящих нам и более дешевых вагонов в самой России [Увеличение парка ..., 1915, с. 51—52]. Обращалось внимание и на то, что американские заводы перегружены заказами и «на почве громадного спроса развились спекуляция и грюндерство» [Русские заказы ..., 1916, с. 185—186].

3.2. Дискуссия о необходимости расширения отечественного производства

Общественный резонанс имела статья горного инженера И. Клочкова, посвященная необходимости постройки в России казенного рельсового завода, который должен был снизить зависимость российского железнодорожного транспорта от иностранных поставок. Обращая внимание на то, что

российские заводы при правильной постановке дела могли бы «при желании и непрерывности рельсового производства выпускать очень хорошие рельсы и свободно конкурировать с иностранными, хорошо специализировавшимися рельсопрокатными заводами» [Клочков, 1915а, с. 59], Клочков выражал сожаление и обеспокоенность, что из-за отсутствия специализированного казенного производства страна вынуждена тратить значительные средства на покупку дорогостоящего иностранного оборудования. Доказывая с цифрами в руках, что значение железных дорог неизбежно будет возрастать с каждым последующим годом, автор статьи указывал на связанный с этим процессом рост потребностей МПС в железнодорожном оборудовании. Между тем, замечал Клочков, российская «промышленная косность» не позволяла угнаться за этими потребностями и идти «в ногу с рынком», так как вместо того, чтобы развиваться, она ограничивалась лишь «подновлением». А при такой постановке дела «все наши заводы даже при самой большой интенсивности не могли принимать и половины не только частных, но и правительственных заказов на предметы первой необходимости», что вынуждало власти «вопреки принципу поощрения отечественной промышленности», отдавать большую часть заказов за границу [Там же, с. 63]. «Кроме заказов, исходивших от морского, военного и других министерств, и министерству путей сообщения пришлось заказать за границей на несколько миллионов рублей рельсов, стрелок и крестовин» [Там же]. С 1910 по 1913 год экспорт машин и изделий из металла возрос с 72 до 113 млн руб., то есть более, чем в 1,5 раза [Там же, с. 66].

Главную причину такого неудовлетворительного положения дел И. Клочков видел в том, что в России не было создано государственных заводов, которые бы специализировались исключительно на заказах для железнодорожного транспорта. Вынужденные заниматься выполнением заказов, поступавших от самых разных ведомств (военного, морского, горного и др.), российские заводы еще до начала войны с Германией затягивали выполнение железнодорожных заказов «первостепенной важности» на 1,5—2 года. В результате эту нишу стали занимать филиальные отделения немецких заводов. «Эти отделения, — писал Клочков, — брали заказы на исполнение внутри России, а на самом деле заказы исполнялись за границей, предметы лишь доставлялись на место и собирались представителями этих филиальных отделений. Перед самой войной русский металлургический рынок, в особенности машиностроительный отдел, находился в большой зависимости от иностранцев и был наводнен немецкими изделиями» [Там же, с. 64]. Более того, автор, прибегая к данным статистики, наглядно показывал, что даже выплавка в России металла, необходимого для железнодорожного строительства, не поспевала за потребностями, что также

привело к необходимости больших закупок за рубежом не только недостающего металла (стали, чугуна, железа), но даже каменного угля и кокса. Ссылаясь на данные Департамента таможенных сборов, автор указывал на такое ненормальное положение дел, как практически полное отсутствие вывоза из страны, богатой собственными ресурсами, и постоянно возрасставший ввоз в нее «громadного количества металлов в обработанном и необработанном виде и значительного количества сырых металлургических материалов» [Там же, с. 66]. Данные официальной статистики также свидетельствовали, что за предвоенный год ввоз иностранных металлических изделий и машин возрос на 25 % по сравнению с 1912 годом, а рост российской металлургической промышленности составил лишь 2—3 %. «Эти цифры, — резюмировал Ключков, — ...являются прямо угрожающими» [Там же, с. 67]. Вывод из статьи был следующий: война наглядно показала, насколько опасной является зависимость от иностранных поставок для стратегических отраслей, включая транспортную, а потому необходимо расширять и специализировать собственное металлургическое производство, вводить планирование и рационально использовать имеющиеся в стране природные богатства. Во второй части статьи Ключков подробно описывал способы организации этого производства, указывал на наиболее рациональные способы добычи необходимых для него ресурсов и возможности обеспечения рациональной логистики [Ключков, 1915б].

Эта публикация, вышедшая в ведомственном журнале МПС, едва ли была бы замечена широкой общественностью, если бы на нее не обратил внимания известный русский публицист, колумнист «Нового времени» М. О. Меньшиков. Назвав материал Ключкова «статьей на скромную, но страшно жизненную тему», Меньшиков призывал обратить на нее самое пристальное внимание. Предвидя реакцию российских читателей, далеких от знакомства с положением дел в российской промышленности и транспортной сфере, публицист-нововременец писал: «Как, — воскликнут они, — неужели казна, как собственник гигантской сети железных дорог, до сих пор не имеет своего рельсового завода? Неужели допустимо, чтобы громадное хозяйство Министерства путей сообщения находилось в полной зависимости от частных заводов относительно такой необходимой для дорог вещи, как рельсы? Ведь это все равно, как если бы военное ведомство не умело само выделывать ружейных стволов и обрело себя на зависимость от частной промышленности! Ведь это равносильно тому, как если бы Министерство просвещения само не умело составить учебников для школ, а Министерство финансов само не умело начеканить дома денег!» [Меньшиков, 1916б, с. 13]. Соглашаясь с такой оценкой сложившейся ситуации, Меньшиков вместе с тем замечал: «Да, вы правы, это со-

вершенно равносильно и тому, и этому, но ведь “то” и “это”, то есть случаи зависимости наших *государственных* функций от каприза и произвола *частных* поставщиков настолько часты, что составляют уже не случайность, а явление, прочно установившиеся, которому удивляться пора бы перестать» [Там же]. При этом публицист обращал внимание, что за год до войны валовый доход российских железных дорог достиг 1 178 млн руб., из которых более половины выручки (827 млн руб.) пришлось на казенные железные дороги, что свидетельствовало о неуклонном росте коммерческого и промышленного движения. Но вырученные средства потекли не столько на развитие собственного производства, сколько на заграничные заказы. «В смысле удовлетворения культурной нужды мы опять очутились как будто в эпоху Петра Великого, — сетовал Меньшиков. — Пришлось большую часть государственных заказов направить за границу, хорошо осозная, что это тяжкая измена развитию национального труда» [Там же]. А когда грянула война, «мы больно почувствовали, что это за проклятие — идти даже в мирную зависимость к иностранцам». «Мы не только не заваливаем мир своими фабрикатами, как Англия и Германия (а могли бы при дешевизне сырого материала и рабочих рук), но *сами ввозим* ежегодно громадное количество металла в обработанном и необработанном виде и значительное количество даже сырых металлургических материалов. Вот, где истинное наше поражение, которого многие *стараяются* не замечать, хотя оно было верным предтечей и военных нашествий» [Там же].

Характеризуя XX век как век «железный», а мировую войну — как апогей этого века, Меньшиков напоминал читателям, что одной из причин поражения России в войне с Японией было «железное голодание» [Меньшиков, 1916а, с. 4]. «Что век наш действительно железный, — писал публицист, — это доказывается уже тем, что сама земля оделась железной тканью рельсовых путей. По ним катятся железные поезда, как по поверхности морей железные пароходы. Острием железа я пишу эти строки, и ураганом железных осколков одно племя стирает с лица земли другое. При трагическом возобладании железа во всем складе культурного труда и быта, скажите, можем ли мы устоять при наших 0,16 потребления железа против установленной на Западе нормы? <...> Мы — бедный народ и можем кое-как жить под соломенной крышей и пахать деревянной бороной. Но когда речь заходит о смертном бое между народами, о гигантских орудиях, тракторах, бронированных автомобилях, дредноутах, ружьях и пулеметах, и когда это нельзя привести иначе, как по железным дорогам и на железных платформах, — вот тогда сразу вырастает тяжкое значение жить теперь не иначе, как в железном веке, и жить в нем не одной шестою, а целой единицей потребления...» [Меньшиков, 1916б, с. 13].

Но в том, что это произойдет, и произойдет относительно быстро, Меньшиков сильно сомневался. «Прочтя внимательно статью инженера Ключкова с таблицами и цифровыми выкладками, вы не раз убеждаетесь в одном грустном явлении русской жизни. <...> В конце концов, ни указания здравого смысла, ни ученые подтверждения не способны сдвинуть дело с мертвой точки. Хотя необходимость казенного завода проповедуется в казенном журнале Министерства путей [сообщения], тем не менее, ждите, когда это почтенное министерство раскачается, да и раскачается ли, — Бог весть...» [Меньшиков, 1916а, с. 4]. Напоминая, что до начала войны с Германией российские власти имели все возможности для налаживания «национального труда» и перевода его на «культурные рельсы», Меньшиков констатировал, что это благоприятное время было упущено и при наших «талантливых финансистах» И. А. Вышнеградском и С. Ю. Витте «казна окончательно завязла в зависимости от иностранного и внутреннего капиталов». Именно тогда-то, утверждал публицист, «и надвинулось на нас иностранное вообще, а в частности немецкое промышленное засилье» [Там же].

Впрочем, критические отзывы в российской печати звучали не только по адресу министров финансов. Упреки были обращены и в сторону глав МПС. Так, например, после отставки с поста министра путей сообщения С. В. Рухлова, занимавшего этот пост с 1909 по 1915 год, «Известия Собрания инженеров путей сообщения», отмечая его заслуги и личные качества, вместе с тем замечали: «В отношении подготовки нашего железнодорожного механизма к удовлетворению тех потребностей, которые неизбежно должны были возникнуть при войне, к сожалению, было сделано при С. В. Рухлове очень мало» [Министр ..., 1916, с. 19]. Сменивший в 1915 году Рухлова А. Ф. Трепов признавал, что рассчитывать на быстрое исправление ситуации и увеличение транспортных средств ответственными силами нельзя и вопрос «коренного усиления» отечественной железнодорожной сети придется отложить на послевоенное время [А. Ф. Трепов, 1915, с. 1]. Однако проблеме иностранных закупок министр специального внимания не уделил. После крушения монархии царских министров стали критиковать значительно смелее. Инженер-путеец и бывший депутат II Государственной думы (кадет), ставший летом 1917 года министром путей сообщения Временного правительства, П. П. Юренев, так отзывался о периоде руководства МПС Рухловым: «С 1908 года наши железные дороги, отданные в руки Рухлова, преследовали исключительно цели мелкой фискальной политики <...> Это, конечно, не могло не расшатать их организма» [Беседа—2, 1917, с. 3]. Но, критикуя своих предшественников, возглавлявших МПС при «старом режиме», Юренев не собирался (да и не мог) сокращать зависимость «обновленной» России от Америки. В интер-

вью петроградским журналистам министр заявил: «Много толков вызывает та помощь, которую собирается нам в деле транспорта оказать наша союзница — Америка. Я не стану отрицать ..., что помощь эта для нас чувствительна. Мы уже в текущем году получим из Америки 350 паровозов и 8 тысяч вагонов. <...> Кроме того, Министерством путей сообщения командирована в Америку специальная миссия, во главе которой стоит инженер [Ю. В.] Ломоносов¹. Этой миссии поручено заказать в Америке около тысячи паровозов и соответствующее количество вагонов. Правда, заказ этот может быть исполнен приблизительно в течение двух лет. Но все же, надо отдать справедливость нашей союзнице, желающей помочь России в трудном деле поднятия ее транспортных сил» [Беседа—1, 1915, с. 1]. Однако быстро развивавшиеся революционные события не позволили этим планам осуществиться: двух лет у правительства «новой России» не было. Уже через несколько месяцев к власти пришли большевики, которым пришлось решать проблему зависимости России от иностранных закупок иными методами и средствами.

4. Заключение = Conclusions

Общественная дискуссия, развернувшаяся в годы Первой мировой войны вокруг проблемы иностранных закупок, необходимых для российских железных дорог, вскрыла серьезные проблемы в такой стратегически важной отрасли, как транспорт. От правильного развития и функционирования железнодорожной сети зависело очень многое — от бесперебойной работы промышленных предприятий до поставок армии и тылу всего необходимого. Между тем война со всей очевидностью показала, что зависимость российского железнодорожного транспорта от поставок техники, рельсов, комплектующих и даже топлива из-за границы может обернуться серьезными проблемами, чреватými «транспортной разрухой». То, что правительству удалось найти замену ставшим недоступными европейским поставкам в Америке, приветствовалось значительной частью общества. Однако вместе с тем наиболее дальновидные его представители отмечали, что замена германских капиталов и промышленных товаров на американские представляла в перспективе не меньшую опасность для России, избежать которую было возможно лишь путем развития национального производства, или, как сказали бы сегодня, импортозамещения. В активизации финансовых и торгово-промышленных отношений с США часть российского общества, включая квалифицированных специалистов, видела не только полезное и взаимовыгодное укрепление связей между двумя стра-

1 О миссии Ю. В. Ломоносова см.: [Хейвуд, 2013].

нами, но и попытки американского капитала заработать на этих заказах огромные средства, захватить российский рынок и поставить отечественный железнодорожный транспорт в крепкую зависимость от заокеанской продукции. В связи с этим обращалось внимание на необходимость в послевоенное время уделить особое внимание созданию государственных заводов, специализирующихся на заказах для железнодорожного транспорта, увеличение числа металлургических производств, планирование и рациональное использование имевшихся в стране природных богатств.

Источники

1. А. Ф. Трепов о задачах путейского ведомства // День : газета. — 1915. — № 303. — 3 ноября. — С. 1.
2. Американский «максимализм» // Новое время : газета. — 1916. — № 14616. — 12 (25) ноября. — С. 11.
3. Беседа-1 — Беседа с министром путей сообщения П. П. Юреневым // Петроградская газета : газета. — 1917. — № 187. — 27 августа. — С. 1.
4. Беседа-2 — Беседа с министром путей сообщения П. П. Юреневым // Русский инвалид : газета. — 1917. — № 172. — 26 июля. — С. 3.
5. Бухштаб В. Вопрос о современном положении железной промышленности на XL съезде горнопромышленников юга России / В. Бухштаб // Промышленность и торговля. — 1915. — № 35 (202). — С. 773—774.
6. В. Локомотивы для траншей // Русский инвалид : газета. — 1916. — № 216. — 13 августа. — С. 3—4.
7. Важная очередная задача // Новое время : газета. — 1916. — № 14452. — 1 (14) июня. — С. 5.
8. ГД-4.4. — Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1916. — 3501 стб.
9. Демчинский Н. А. Нужды сельского хозяйства / Н. А. Демчинский // Новое время : газета. — 1902. — № 9569. — 24 октября (6 ноября). — С. 2.
10. Д-р Пратт о торговле с Россией // Вестник Русско-американской торговой палаты. — 1916. — № 1. — С. 11.
11. Ключков И. О необходимости постройки казенного рельсопрокатного завода / И. Ключков // Журнал Министерства путей сообщения. — 1915а. — № 7. — С. 59—70.
12. Ключков И. О необходимости постройки казенного рельсопрокатного завода / И. Ключков // Журнал Министерства путей сообщения. — 1915б. — № 8. — С. 28—41.
13. Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую Отечественную войну. — Петроград, 1916. — Ч. 2. — С. 63—67.
14. Л. А. О железнодорожных затруднениях // Известия Собрания инженеров путей сообщения. — 1916. — № 5. — С. 73—74.
15. Меньшиков М. Железный век / М. О. Меньшиков // Новое время : газета. — 1916а. — № 14309. — 9 (22) января. — С. 13.
16. Меньшиков М. Железный век / М. О. Меньшиков // Новое время : газета. — 1916б. — № 14312. — 12 (25) января. — С. 4.
17. Министр путей сообщения С. В. Рухлов (1909—1915 гг.). (Продолжение) // Известия Собрания инженеров путей сообщения. — 1916. — № 2. — С. 18—22.

18. *Н. А.* О докладе Комиссии собрания выборных московского купеческого сословия по германскому и австрийскому засильям // Железнодорожное дело. — 1916. — № 1. — С. 6—7.
19. *Общество* сближения между Россией и Америкой // Промышленность и торговля. — 1915. — № 3 (171). — С. 210—211.
20. *Опыты* с локомотивом «Декапод» // Новое время : газета. — 1916. — № 14575. — 2 (15) октября. — С. 3.
21. *Р.* Разруха железнодорожного хозяйства // Промышленность и торговля. — 1915. — № 3 (171). — С. 130—131.
22. РГИА-1 — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 273. Оп. 6. Д. 101.
23. РГИА-2 — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 914.
24. РГИА-3 — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 203.
25. *Рекорд* грузоподъемности поезда // Новое время : газета. — 1916. — № 14531. — 19 августа (1 сентября). — С. 4.
26. *Роль* науки в борьбе с иностранным засильем в промышленности // Журнал Министерства путей сообщения. — 1915. — № 6. — С. 138—148.
27. *Руд-в Ник.* К вопросу о направлении политики железнодорожного строительства // Известия Собрания инженеров путей сообщения. — 1915. — № 1. — С. 4—8.
28. *Русские* железные дороги в 1915 г. // Журнал Министерства путей сообщения. — 1916. — № 1. — С. 116—119.
29. *Русские* заказы в Америке // Вестник Русско-американской торговой палаты. — 1916. — № 7. — С. 185—188.
30. *Увеличение* грузоподъемности товарного поезда // День : газета. — 1916. — № 271 (1431). — 2 октября. — С. 1.
31. *Увеличение* парка товарных вагонов // Журнал Министерства путей сообщения. — 1915. — № 3. — С. 51—52.
32. *Хохлов М.* Фантазия и действительность / М. Хохлов // Новое время : газета. — 1916. — № 14403. — 13 (26) апреля. — С. 4.
33. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 27.
34. *Шухтан Л.* Долгосрочный заказ вагонов / Л. Ф. Шухтан // Известия Собрания инженеров путей сообщения. — 1915. — № 21. — С. 441—442.

Литература

1. *Богомазов Н. И.* «Я прошу о срочном заказе за границей» : запрос начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича о закупках для нужд фронтовых железных дорог (июнь 1915 г.) / Н. И. Богомазов // Новейшая история России. — 2021. — Т. 11. — № 2. — С. 506—517. — DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.213>.
2. *Виноградов П. В.* Деятельность харбинских паровозосборочных мастерских по обеспечению перевозок военно-технических грузов в годы Первой мировой войны / П. В. Виноградов // Клио. — 2019. — № 1 (145). — С. 112—119.
3. *Виноградов П. В.* Значение владивостокского порта в стратегических грузоперевозках в годы Первой мировой войны (на примере обработки железнодорожных грузов) / П. В. Виноградов // История Гражданской войны на Дальнем Востоке и история русской эмиграции : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию окончания Гражданской войны и интервенции на Дальнем Вос-

токе / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. — Благовещенск : Благовещенский гос. педагогический ун-т, 2021. — С. 42—47. — ISBN 978-5-8331-0428-6.

4. *Гайдук М. И.* «Утюг». Материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных комиссий в Америке / М. И. Гайдук. — Нью-Йорк : [б. и.], 1918. — 144 с.

5. *Ганелин Р. Ш.* Россия и США. 1914—1917 гг. Очерки истории русско-американских отношений / Р. Ш. Ганелин. — Ленинград : Наука, 1969. — 417 с.

6. *Голубев А. А.* Мурманская железная дорога : история строительства (1894—1917 гг.) / А. А. Голубев. — Санкт-Петербург : Петербургский Гос. ун-т путей сообщения, 2011. — 250 с. — ISBN 978-5-7641-0276-4.

7. *Гудкова О. В.* Строительство Северной железной дороги и ее роль в развитии северного региона (1858—1917 гг.) / О. В. Гудкова. — Вологда : Древности Севера, 2002. — 187 с. — ISBN 5-93061-007-X.

8. *Нахтигаль Р.* Мурманская железная дорога, 1915—1919 года : военная необходимость и экономические соображения / Р. Нахтигаль. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. — 318 с. — ISBN 978-5-98187-882-4.

9. *Павлов А. Ю.* Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) / А. Ю. Павлов. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. — 186 с. — ISBN 978-5-288-04708-4.

10. *Поликарпов В. В.* Русская военно-промышленная политика. 1914—1917. Государственные задачи и частные интересы / В. В. Поликарпов. — Москва : Издательство «Центрполиграф», 2015. — 383 с. — ISBN 978-5-227-06136-2.

11. *Порох, золото и сталь : военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны* / науч. редактор А. Ю. Павлов. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2017. — 528 с. — ISBN 978-5-88812-889-3.

12. *Селезнев Г. К.* Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений / Г. К. Селезнев. — Москва : Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1957. — 203 с.

13. *Сенин А. С.* Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны : К вопросу о «расстройстве транспорта» / А. С. Сенин // Труды по руссиеведению. — 2009. — Выпуск 1. — С. 237—269.

14. *Сенин А. С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.) / А. С. Сенин. — Москва : Транспортная книга, 2009. — 316 с.

15. *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А. Л. Сидоров. — Москва : Наука, 1973. — 655 с.

16. *Старостенков Н. В.* Железнодорожный транспорт и обороноспособность Российской империи. (Вторая половина XIX в. — 1914 г.) / Н. В. Старостенков. — Москва : ООО Русь-Стиль-XXI век, 2002. — 493 с. — ISBN 5-348-00017-5.

17. *Транспорт России.* Исторические очерки / под общ. ред. Т. Л. Пашковой. — Москва : Пан пресс, 2009. — 325 с. — ISBN 978-5-9680-0151-1.

18. *Хейвуд Э.* Инженер революционной России. Юрий Владимирович Ломоносов (1876—1952) и железные дороги / Э. Хейвуд. — Москва : Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2013. — 443 с. — ISBN 978-5-89035-691-8.

19. *Heywood A. J.* Imperial Russia's Railways at War, 1914—17: Challenges, Results, Costs, and Legacy / A. J. Heywood // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914—22, Book 3: National Disintegration and Reintegration / eds. C. Read, P. Waldron, A. Lindenmeyr. — Bloomington : Slavica Publishers, 2018. — Pp. 65—92. — ISBN 9780893579272.

20. Heywood A. J. Russia's Foreign Supply Policy in World War I : Imports of Railway Equipment / A. J. Heywood // *Journal of European Economic History*. — 2003. — Vol. 31. — Iss. 3. — Pp. 77—108.

21. Heywood A. J. War, Civil War and Restoration of Russia's Industrial Infrastructure, 1914—25 : The Fate of the Railway Locomotive Stock / A. J. Heywood // *Revolutionary Russia*. — 2012. — Vol. 25. — Iss. 1. — Pp. 31—59.

22. Nielsen K. Russian Foreign Purchasing in the Great War : A Test Case / K. Nielsen // *The Slavonic and East European Review*. — 1984. — Vol. 60. — № 4. — Pp. 572—590.

23. Rielage D. C. Russian Supply Efforts in America during the First World War / D. C. Rielage. — London : McFarland, 2002. — 164 p.

Material resources

A brief outline of the activities of Russian railways in the Second World War, 2. (1916). Petrograd. 63—67. (In Russ.).

A. F. Trepov on the tasks of the travel agency. (1915). *Day: newspaper*, 303. November 3. P. 1. (In Russ.).

American “maximalism”. (1916). *Novoe vremya: gazeta*, 14616 / 12 (25) November. P. 11. (In Russ.).

Bukhshtab, V. (1915). The question of the current situation of the iron industry at the XL Congress of miners of the South of Russia. *Industry and trade*, 35 (202): 773—774. (In Russ.).

Conversation—1. — *Conversation with the Minister of Railways P. P. Yurenev*. (1917). *Petrogradskaya gazeta: gazeta*, 187. August 27. P. 1. (In Russ.).

Conversation—2. — *Conversation with the Minister of Railways P. P. Yurenev*. (1917). *Russian invalid: newspaper*, 172. July 26. P. 3. (In Russ.).

Demchinsky, N. A. (1902). Needs of agriculture. *Novoe vremya: gazeta*, 9569. October 24 (November 6). P. 210. (In Russ.).

Dr. Pratt on trade with Russia. (1916). *Bulletin of the Russian-American Chamber of Commerce*, 1: P. 11. (In Russ.).

Experiments with the locomotive “Decapod”. (1916). *Novoe vremya: gazeta*, 14575. 2 (15) October. P. 3. (In Russ.).

GD—4.4. — *The State Duma. Verbatim reports. Convocation IV. Session IV*. (1916). St. Petersburg: State Printing House. 3501 stb. (In Russ.).

Important next task. (1916). *Novoe vremya: gazeta*, 14452. 1 (14) June. P. 5. (In Russ.).

Increase in the fleet of freight cars. (1915). *Journal of the Ministry of Railways*, 3. 51—52. (In Russ.).

Increasing the load capacity of a freight train. (1916). *Day: newspaper*, 271 (1431). 2 October. P. 1. (In Russ.).

Khokhlov, M. (1916). Fantasy and reality. *Novoe vremya: gazeta*, 14403. 13 (26) April. P. 4. (In Russ.).

Klochkov, I. (1915a). On the need to build a state-owned rail rolling plant. *Journal of the Ministry of Railways*, 7: 59—70. (In Russ.).

Klochkov, I. (1915b). On the need to build a state-owned rail rolling plant. *Journal of the Ministry of Railways*, 8: 28—41. (In Russ.).

L. A. About railway difficulties. (1916). *Bulletin of the Meeting of Railway Engineers*, 5: 73—74. (In Russ.).

Menshikov, M. (1916a). The Iron Age. *Novoe vremya*, 14309. 9 (22) January. P. 13. (In Russ.).

Menshikov, M. (1916b). The Iron Age. *Novoe vremya*, 14312. 12 (25) January. P. 4. (In Russ.).

- Minister of Railways S. V. Rukhlov (1909—1915). (Continued). (1916). *Proceedings of the Meeting of Railway Engineers*, 2: 18—22. (In Russ.).
- N. A. (1916). On the report of the Commission of the Assembly of Elected Representatives of the Moscow merchant class on German and Austrian dominance. *Railway business*, 1: 6—7. (In Russ.).
- Ore-in Nick. (1915). On the issue of the direction of railway construction policy. *News of the Meeting of Railway Engineers*, 1: 4—8. (In Russ.).
- R. The ruin of the railway economy. (1915). *Industry and trade*, 3 (171): 130—131. (In Russ.).
- RGIA—1. — *Russian State Historical Archive*. F. 273. Op. 6. D. 101. (In Russ.).
- RGIA—2. — *Russian State Historical Archive*. F. 1278. Op. 7. d. 914. (In Russ.).
- RGIA—3. — *Russian State Historical Archive*. F. 1576. Op. 1. d. 203. (In Russ.).
- Russian orders in America. (1916). *Bulletin of the Russian-American Chamber of Commerce*, 7: 185—188. (In Russ.).
- Russian railways in 1915. (1916). *Journal of the Ministry of Railways*, 1: 116—119. (In Russ.).
- Shukhtan, L. (1915). Long-term order of wagons. *Bulletin of the Meeting of Railway Engineers*, 21: 441—442. (In Russ.).
- Society of rapprochement between Russia and America. *Industry and trade*, 3 (171): 210—211. (In Russ.).
- The role of science in the fight against foreign domination in industry. (1915). *Journal of the Ministry of Railways*, 6: 138—148. (In Russ.).
- Train load capacity record. (1916). *Novoye vremya: gazeta*, 14531. August 19 (September 1). P. 4. (In Russ.).
- TsGIA SPb. — *Central State Historical Archive of St. Petersburg*. F. 2101. Op. 1. D. 27. (In Russ.).
- V. Locomotives for trenches. (1916). *Russian invalid: gazeta*, 216. August 13. 3—4. (In Russ.).

References

- Bogomazov, N. I. (2021). “I am asking for an urgent order abroad”: the request of the Chief of Staff of the Supreme Commander-in-Chief General N. N. Yanushkevich on purchases for the needs of front-line railways (June 1915). *Modern History of Russia*, 11 (2): 506—517. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.213>. (In Russ.).
- Gaiduk, M. I. (1918). “Iron”. *Materials and facts about the procurement activities of Russian military commissions in America*. New York: [b. i.]. 144 p. (In Russ.).
- Ganelin, R. S. (1969). *Russia and the USA. 1914—1917. Essays on the history of Russian-American relations*. Leningrad: Nauka. 417 p. (In Russ.).
- Golubev, A. A. (2011). *Murmansk Railway: the history of construction (1894—1917)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Railways. 250 p. ISBN 978-5-7641-0276-4. (In Russ.).
- Gudkova, O. V. (2002). *Construction of the Northern Railway and its role in the development of the Northern region (1858—1917)*. Vologda: Antiquities of the North. 187 p. ISBN 5-93061-007-X. (In Russ.).
- Gunpowder, gold and steel: military-technical cooperation during the First World War*. (2017). St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 528 p. ISBN 978-5-88812-889-3. (In Russ.).
- Heywood, A. J. (2003). Russia’s Foreign Supply Policy in World War I: Imports of Railway Equipment. *Journal of European Economic History*, 31 (3): 77—108.
- Heywood, A. J. (2012). War, Civil War and Restoration of Russia’s Industrial Infrastructure, 1914—25: The Fate of the Railway Locomotive Stock. *Revolutionary Russia*, 25 (1): 31—59.

- Heywood, A. J. (2013). *Engineer of revolutionary Russia. Yuri Vladimirovich Lomonosov (1876—1952) and the railways*. Moscow: Educational and Methodological Center for Education in Railway Transport. 443 p. ISBN 978-5-89035-691-8. (In Russ.).
- Heywood, A. J. (2018). Imperial Russia's Railways at War, 1914—17: Challenges, Results, Costs, and Legacy. In: Read, C., Waldron, P., Lindenmeyr, A. (eds.). (2018). *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914-22, Book 3: National Disintegration and Reintegration*. Bloomington: Slavica Publishers. 65—92. ISBN 9780893579272.
- Nakhtigal, R. (2011). *Murmansk Railway, 1915—1919: military necessity and economic considerations*. St. Petersburg: Nestor-History. 318 p. ISBN 978-5-98187-882-4. (In Russ.).
- Nielsen, K. (1984). Russian Foreign Purchasing in the Great War: A Test Case. *The Slavonic and East European Review*, 60 (4): 572—590.
- Pavlov, A. Yu. (2008). *Bound by one goal. Strategic interaction of Russia and its allies during the First World War (1914—1917)*. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg State University. 186 p. ISBN 978-5-288-04708-4. (In Russ.).
- Polikarpov, V. V. (2015). *Russian military-industrial policy. 1914—1917. State tasks and private interests*. Moscow: Publishing house "Tsentrpoligraf". 383 p. ISBN 978-5-227-06136-2. (In Russ.).
- Rielage, D. C. (2002). *Russian Supply Efforts in America during the First World War*. London: McFarland. 164 p.
- Seleznev, G. K. (1957). *The shadow of the dollar over Russia. From the history of American-Russian relations*. Moscow: Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR. 203 p. (In Russ.).
- Senin, A. S. (2009). *Railway transport of Russia in the era of wars and revolutions (1914—1922)*. Moscow: Transport Book. 316 p. (In Russ.).
- Senin, A. S. (2009). The railway economy of Russia during the First World War: To the question of the "disorder of transport". *Proceedings on Russian studies*, 1: 237—269. (In Russ.).
- Sidorov, A. L. (1973). *The economic situation of Russia during the First World War*. Moscow: Nauka. 655 p. (In Russ.).
- Starostenkov, N. V. (2002). *Railway transport and defense capability of the Russian Empire. (The second half of the XIX century — 1914)*. Moscow: Rus-Style-XXI Century LLC. 493 p. ISBN 5-348-00017-5. (In Russ.).
- Transport of Russia. Historical essays*. (2009). Moscow: Pan Press. 325 p. ISBN 978-5-9680-0151-1. (In Russ.).
- Vinogradov, P. V. (2019). Activity of Harbin locomotive assembly workshops to ensure the transportation of military-technical goods during the First World War. *Klio*, 1 (145): 112—119. (In Russ.).
- Vinogradov, P. V. (2021). The significance of the Vladivostok port in strategic cargo transportation during the First World War (on the example of railway cargo handling). In: *History of the Civil War in the Far East and the history of Russian emigration*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. 42—47. ISBN 978-5-8331-0428-6. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.11.2022,
одобрена после рецензирования 29.12.2022,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Казиев Э. В. Аланы в военно-административных структурах Великой Монгольской империи в 1258—1291 годы / Э. В. Казиев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 351—365. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-351-365.

Kaziev, E. V. (2023). Alans in Military-Administrative Structures of Great Mongol Empire in 1258—1291. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 351-365. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-351-365. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-351-365

**Аланы в военно-
административных
структурах Великой
Монгольской империи
в 1258—1291 годы**

Казиев Эдуард Викторович
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
старший научный сотрудник
kedmon@rambler.ru

Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
(Владикавказ, Россия)

**Alans in Military-
Administrative Structures
of Great Mongol Empire
in 1258—1291**

Eduard V. Kaziev
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
Senior Researcher
kedmon@rambler.ru

Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia-Alania
(Vladikavkaz, Russia)

© Казиев Э. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В работе исследуется проблема процесса реформирования гвардии монгольского каана, начавшегося при каане Мункэ, продолжившегося и завершившегося при каане и императоре Хубилае. Целью исследования является определение места аланских воинских подразделений в системе военно-административной организации монголов в ходе этого реформирования. Основным материалом исследования послужили сведения из официальной «Истории Юань» и «Сокровенного сказания». Кроме того, в исследовании использовались сведения из хроник Ата Малика Джувейни и Рашид ад-дина, сведения из повествования Гийома де Рубрук, а также сведения из переписки аланских князей и императора Тогон-Тэмюра с папой Бенедиктом XII. В результате исследования было установлено, что процесс реформирования гвардии происходил в несколько этапов, пришедшихся на 1254, 1260, 1262, 1264, 1281 и 1291 годы. Делается вывод о том, что за эти годы был изменен порядок комплектования гвардейских подразделений с патримониально-аристократического на территориальный. Следствием этого процесса стала трансформация гвардейского войска монгольского каана в регулярное гвардейское войско китайского императора, управлявшееся порядком, присущим китайской властной традиции.

Ключевые слова:

аланы, монголы, династия Юань, гвардия, реформы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the process of reforming the guards of the Mongolian kaan, which began under the kaan Mongke, continued and ended under the kaan and emperor Kublai is examined in the paper. The purpose of the study is to determine the place of the Alanian military units in the system of the military-administrative organization of the Mongols in the course of this reform. The main material of the study was information from the official "History of the Yuan" and "The Secret History". In addition, the study used information from the chronicles of Ata Malik Juvaini and Rashid ad-Din, information from the narrative of Guillaume de Rubruk, as well as information from the correspondence of the Alanian princes and Emperor Toghon Temur with Pope Benedict XII. As a result of the study, it was found that the process of reforming the guard took place in several stages, which fell on 1254, 1260, 1262, 1264, 1281 and 1291. It is concluded that over the years the order of recruitment of guards' units has been changed from patrimonial-aristocratic to territorial. The consequence of this process was the transformation of the guards army of the Mongol kaan into the regular guards army of the Chinese emperor, governed by the order inherent in the Chinese power tradition.

Key words:

Alans; Mongols; Yuan dynasty; guard; reforms.

Аланы в военно-административных структурах Великой Монгольской империи в 1258—1291 годы

© Казиев Э. В., 2023

1. Введение = Introduction

Как известно, после Западного похода монголов (1236—1243 годы), имевшего среди своих прочих целей и результатов завоевание алан [TSHM, с. 201, 205; СС, с. 192, 194; Рашид ад-дин, 1952, с. 67—68], часть аланской правящей элиты присягнула завоевателям и, оказавшись встроенной в воинские порядки монголов, ушла с завоевателями на Дальний Восток, где аланы приняли участие во многих монгольских военных кампаниях [ЮШ, с. 3205—3206, 3208—3210, 3037—3038; Alemany, 2000, с. 408—409]. Поскольку служба алан монголам началась в период существования политически единой Монгольской империи (1206—1259 годы), продолжалась в период процесса ее фактического распада (1259—1271 годы) и не прекращалась в течение всего периода правления династии Юань (1271—1368 годы), когда аланы служили уже не столько формально-верховным монгольским правителям, сколько полновластным китайским императорам этой монгольской династии, а наряду с ними и разным независимым улусным монгольским владетелям, будет правильным рассматривать проблему места алан в военно-административной организации монголов, разделив ее на четыре вопроса: 1) аланы в военно-административных порядках системы управления единой Монгольской империи; 2) аланы в имперских военно-административных порядках в период трансформации системы управления Монгольской империи в систему управления империи Юань; 3) аланы в военно-административных порядках системы управления империи Юань; 4) аланы на службе монгольских улусных владетелей-Чингизидов. В настоящей работе исследуется второй из указанных вопросов.

Какие-либо исследования, посвященные специальному рассмотрению этого вопроса, на сегодняшний день нам неизвестны. Тем не менее сведения китайских источников об аланских подразделениях, состоявших на службе в юаньских гвардейских частях, приводятся в работах А. К. Моула, П. Пеллио, Сяо Ци-цина, Чжао Чжучэна и А. Ш. Кадырбаева [Moule, 1917, с. 20—21; Moule, 1930, с. 260—261; Pelliot, 1959, с. 19—20; Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 46—47, 97—98, 103; Чжао Чжу-Чэн, 2018, с. 781—782; Кадырбаев, 1990, с. 84—88]. Обстоятельное, но краткое представление места алан в военной системе империи Юань содержится в источниковедческой

компиляции А. Алеманя [Alemany, 2000, с. 404—408, 425—428]. Наиболее подробно вопрос о положении алан в военно-административных порядках монголов исследован в труде О. Б. Бубенка [Бубенок, 2005, с. 92—95, 114—115]. Однако во всех указанных работах ничего не говорится о том, какое место аланы занимали в общеимперской военно-административной системе монголов в процессе ее трансформации в военно-административную систему империи Юань.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Несмотря на то, что многие исследователи полагают, что именно при Хубилае началось введение традиционных китайских административных структур в систему монгольского имперского управления, первая такая структура, управлявшая гвардией, была учреждена в 1254 году при каане Мункэ. Основные же преобразования организации гвардейской службы были действительно проведены Хубилаем в период между началом его междоусобной войны с Ариг-Бугой в 1260 году и 1291 годом, когда гвардейцы были взяты на полное императорское содержание. По этим причинам представленное исследование охватывает период с 1254 по 1291 годы. В исследовании рассмотрены сведения из официальной «Истории Юань», монгольского «Сокровенного сказания», а также привлекаются данные из персидских хроник Ата Малика Джувейни и Рашид ад-дина, сведения из повествования Гийома де Рубрук и переписки аланских князей и императора Тогон-Тэмур с папой Бенедиктом XII, представленной в издании Л. Ваддингга. Исследование проводилось с использованием методов сравнительно-исторического, системно-хронологического, ретроспективно-аналитического, историко-биографического анализа, а также метода типологизации исторических явлений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Гвардия в системе управления Монгольской империи

В общеимперских монгольских порядках аланы оказались вслед за восхождением на престол каана Мункэ, которому в его бытность одним из военачальников-Чингизидов в Западном походе присягала часть аланских владетелей. На время правления Мункэ (1251—1259 годы) приходится первая реформа порядка организации службы в велико-ханской ставке. Как известно, Темуджин, будучи провозглашенным Чингиз-ханом после победы над меркитами, установил порядок организации службы в ставке и ввел титулы чербиев, носители которых отвечали перед кааном за соблюдение этого порядка [CC, с. 109—110; TSHM, с. 50—51]. Само же официальное учреждение гвардии при монгольском каане относится к 1203 году, когда

после победы над кереитами Чингиз-хан отобрал для себя дежурную стражу гвардейцев-кешикенов, подчинявшихся шести черибиям [СС, с. 144; TSHM, с. 115—116; Кычанов, 1993, с. 150; Скрынникова, 2015, с. 262]. Свое окончательное определение численности кешикенов и порядка их службы Чингиз-хан произвел в 1206 году перед войной с найманами [СС, с. 168—173; TSHM, с. 153—158]. Однако все действия Чингиз-хана в этот раз отличались лишь масштабом и широтой и не являлись принципиально и качественно новыми [Кычанов, 1997, с. 190, 192]. Целями же учреждения гвардии было создание имперского административного аппарата и достижение кааном военного паритета с монгольскими удельными владельцами [Чхао Чху-ченг, 2008, с. 88].

Мункэ, придя к власти, продолжил начатую, вероятно, еще при Чингиз-хане и реализовывавшуюся при каане Угэдэе политику создания в империи системы трех, а затем, в правление его сына Гуюка, возможно, и четырех региональных администраций, подчиненных ставке каана в Монголии и охватывающих в своей деятельности Северный Китай, Среднюю Азию, Иран с Южным Кавказом и южно-русские княжества (вероятно, с Кавказом Северным) [Allsen, 1986, с. 500; Buell, 2003, с. 40, 48]. Уже в анналах первого года правления Мункэ упоминаются *походные управления Императорской канцелярии Яньцзиня* [Пекина] *и других мест* (燕京等處行尚書省事), в анналах восьмого года — *походное управление* [Императорской канцелярии в] *Иду* [Шаньдуне] (益都行[中書省]) [ЮШ, с. 45]. Главы-чербии Императорской канцелярии упоминаются Гийомом де Рубрук, Ата Маликом Джувейни, Рашид ад-дином, а также в «Истории [династии] Юань» [Genghiz Khan, с. 572, 578; Рашид ад-дин, 1960, с. 133; Itinerarium, 1839, с. 334; ЮШ, с. 3054—3055; ЗОИ, с. 235; Allsen, 1986, с. 502—504, 507, 513]. Сама же *Императорская канцелярия* [чжуншуншен 中書省], известная со времен династии Хань как Дворцовая канцелярия, при династии Юань стала основным структурообразующим ведомством императорской администрации [Hucker, 1985, с. 194, 246, 412].

В 1259 году после смерти каана Мункэ в Монгольской империи началась междоусобная война за престол между его младшими братьями — Хубилаем и Ариг-Бугой. Ариг-Бугу в этой войне поддерживали главным образом прямые потомки Чингиз-хана, являвшиеся в то время улусными правителями: Джучид Берке, Угэдэид Хайду, Чагатаид Алгу [Рашид ад-дин, 1960, с. 127, 159—160; Бартольд, 1968, с. 504]. Хубилай также поддерживали улусные правители, но являвшиеся не прямыми потомками Чингиз-хана, а сыновьями его братьев — Джочи-Хасара, Тэмугэ-Отчигина и Белгутэя, чьи улусы были расположены в Северной и Восточной Монголии и в Северо-Восточном Китае [Рашид ад-дин, 1952, с. 277, 279; Рашид

ад-дин, 1960, с. 127, 159—160; Мелихов, 1977, с. 72]. Кроме того, Хубилай также использовал иноэтнические войска, находившиеся под его командованием в Южном Китае, среди которых были и подразделения аланских гвардейцев [ЮШ, с. 3205, 3208; Alemany, 2000, с. 410, 412; ЗОИ, с. 246].

Победивший в этой войне Хубилай, по мнению большей части монгольской властной элиты, считался отступником от кочевых традиций, поскольку вводил китайские порядки в военную организацию управления империей [Далай, 1983, с. 35]. Проявлялось это прежде всего в том, что наряду с *кешик* (*цесе* / 怯薛) [ЮШ, с. 2523; ЗОИ, с. 214]), то есть собственно гвардией монгольского каана, традиционно формировавшейся как военная дружина на договорных началах по аристократическому [Владимирцов, 1934, с. 82—83, 87, 93] или патримониальному [Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 34, 148; Allsen, 1986, с. 516; СС, с. 96, 114—115; TSHM, с. 30, 58—61] принципам и исполнявшей различные функции при их неопределенном множестве (охрана каана, его ставки, его жен, обеспечение ставки всеми средствами жизнедеятельности, администрирование, участие в ритуалах и церемониях и т. п. [Скрынникова, 2015, с. 266—267]), учреждалось гвардейское войско, состоящее из обычных солдат. Это войско должно было осуществлять охрану двух столиц (Ханбалыка / Пекина и Шанду / Кайпина), а также исполнять экспедиционные функции по подавлению мятежей или завоеванию соседей [Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 46]. Впервые такого рода *дворцовая стража* (*сувэй* / 宿衛) была набрана 8-го июня 1260 года, когда 6500 тысяч рекрутов прибыли из провинций в столицу [ЮШ, с. 65], заменив прежних гвардейцев, отправившихся на войну с Ариг-Бугой [Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 45].

Хотя это мероприятие было временной мерой и набранные рекруты не остались впоследствии в составе этой новой гвардии [Храпачевский, 2019, с. 32, 64], тем не менее сама новая гвардия, уже как *войско дворцовой стражи* (*увэй цзюнь* / 武衛軍), упоминается в той же юаньской хронике среди сведений, относимых к декабрю 1260 года [ЮШ, с. 2525]. В 1262 году в это войско набиралось по два обученных воина с каждых десяти тысяч дворов, внесенных в монгольский воинский реестр 1252 года [ЮШ, с. 2525; Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 94—95]. После победы над Ариг-Бугой войско дворцовой стражи указом Хубилая от 17 ноября 1264 года было преобразовано в *войско императорской гвардии* (*шивэй циньцзюнь* / 侍衛親軍) [ЮШ, с. 100; Храпачевский, 2019, с. 111], поделенное на левое и правое крылья, во главе которых были поставлены *командующие* (*дучжихуйши* / 都指揮使), подчинявшиеся учрежденному в 1262 году *Верховному тайному секретариату* (*шумиоань* / 樞密院) [ЮШ, с. 2525, 2507—2508; Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 72—73; ЗОИ, с. 210—211; Храпачевский, 2019, с. 104,

119] — органу китайской административной системы, известному со времен династии Тан (618—907 годы) [Hucker, 1985, с. 436], который при династии Юань определял военную политику, осуществлял общее руководство военными действиями, обеспечивал необходимые административные функции [Кычанов, 1997, с. 203] и состоял из тридцати пяти подведомственных учреждений, из которых пять представляли собой *Походные управления Верховного тайного секретариата* (*син шумиюань* / 行樞密院), к которым переходила вся гражданская и военная власть в возмущавшихся провинциях [Hucker, 1985, с. 436; ЗОИ, с. 211, 283].

В разгар войны Хубилая с империей Южная Сун 16 августа 1271 года два крыла гвардии были преобразованы в правую, левую и центральную *императорские гвардии*, подчинявшиеся трем управлениям со своими *командующими* (*вэйцзиньцзюнь дучжыхуйши* / 衛親軍都指揮使司) и выполнявшие функции личной дворцовой охраны императора и его конвоя, а также привлекавшиеся для выполнения любых важных государственных поручений, будь то непосредственные военные действия, сбор налогов, организация строительства крепостей, обработка земель военных поселений и пр. [ЮШ, с. 100, 136, 2525; Храпачевский, 2019, с. 175, 176]. Всего до смерти Хубилая, случившейся в 1294 году, было учреждено двенадцать такого рода гвардий (*вэй* / 衛), тогда как к концу периода правления в Китае династии Юань (1368 год) их насчитывалось уже тридцать четыре [Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 45, 46, 48–50, 95].

3.2. Аланы: кешиктены каана и гвардейцы императора

Первые упоминания в официальной «Истории Юань» алан, состоявших на службе в такого рода структурах, содержатся в жизнеописаниях нескольких аланских военачальников. В жизнеописании аланского правителя *Ханхусы* / 杭忽思 о его сыне *Атачи* / 阿塔赤 говорится, что в ходе аланской кампании Западного похода монголов он был взят на службу в *дворцовую стражу* (*сுவэй* / 宿衛). Следует понимать, что в данном случае речь идет о гвардии Чингизида Мункэ, который лишь впоследствии стал кааном и гвардейцы которого также впоследствии стали гвардейцами каана. Аналогичные сведения содержатся в официальной «Истории Юань» об аланском тысячнике *Еле-Бадуре* / 也烈拔都兒, а также об аланских военачальниках *Коуэрцзы* / 口兒吉 и его отце *Фудэлайсы* / 福得來賜 [ЮШ, с. 3205—3206, 3208—3210, 3277; ЗОИ, с. 245].

Кроме того, в трактате «Войско» в абзаце под заголовком *Правая гвардия асов* (*ю асу вэй* / 右阿速衛) сообщается о том, что в *девятом году* [де-виза правления] *Чжи-юань* [1272 год] *был впервые назначен даругачи над батурами асов*, [и] *позднее* [из] *реестровых* [дворов] *было набрано более трех тысяч рекрутов*, [а] *затем еще семьсот асов из резерва воинов-ке-*

шиктенов было отобрано в императорский конвой и [для] организации охраны пределов Запретного города, а также управления военными колониями, [расположенными] вдоль двух [рек] Чаохэ и Сузу [к северо-западу от Пекина, чтобы] пополнять войсковые запасы продовольствия (至元九年, 初立阿速拔都達魯花赤, 後招集阿速正軍三千餘名, 復選阿速揭只揭了溫怯薛丹軍七百人, 扈從車駕, 掌宿衛城禁, 兼營潮河, 蘇沽兩川屯田, 並供給軍儲) [ЮШ, с. 2527; Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1987, с. 97]. Из содержания этого пассажа нельзя однозначно установить то, входили ли подразделения аланских воинов только в кешик, то есть в войско личной охраны императора (как при Мункэ и в начале правления Хубилая), или же наряду с этим они также были и частью сформированных войск императорской гвардии (*шивэй циньцзюнь*/侍衛 親軍), вместе с которыми кешиктены составляли войска дворцовой гвардии, или дворцовой стражи (*сுவэй*/宿衛) [Genghiz Khan, с. 61, 145, 461].

Информативным здесь является жизнеописание аланского военачальника *Бадүэра* / 拔都兒, сообщающее, что в 1262 году Хубилай сделал его *тысячником асского войска* (阿速軍一千), а затем *конюшим и начальником над сотней дворов кешиктенов* (尋於阿塔赤內充怯薛百戶) [ЮШ, с. 3221—3213; Alemany, 2000, с. 415; ЗОИ, с. 245]. Эти сведения позволяют предполагать, что после проведенных Хубилаем преобразований аланы служили как в войсках императорской гвардии, так и в войсках кешиктенов. Между тем из сведений, содержащихся в юаньской хронике, не вполне понятно то, какому именно властному органу во времена династии Юань подчинялись аланские гвардейцы. Согласно сведениям из жизнеописания аланского тысячника *Адачи*/阿荅赤¹, во время *усмирения* [южно-сунской области] *Цзяннань Адачи состоял* [под началом] *канцлера Байяня* [и] *наставника в делах управления Ачжу... в походном* [управлении] *Императорской* [канцелярии] (丞相伯顏, 平章阿朮之平江南也, 阿荅赤皆在行中) [ЮШ, с. 3280; Alemany, 2000, с. 417—418; Храпачевский, 2019, с. 209]; тогда как из вышеприведенных сведений об управлении гвардией следует, что аланские гвардейцы подчинялись Верховному тайному совету. Некоторую ясность здесь могут внести сведения из официальной «Истории Юань» о том, что аланскому военачальнику *Чжэяню Бухуа* / 者燕不花, занимавшему должность *кравчего* (*цзю баоэрчи* / 酒寶兒赤) при императоре Шидэбале (1320—1323), а при императоре Тогон-Тэмуре (1333—1368) — одну из высших должностей в Верховном тайном совете, во второй год правления последнего было приказано *совмещать должности управляющего столичным округом, командующего дворцовой стражей* [и] *всем*

1 Тождественен упоминавшемуся аланскому военачальнику Атачи / 阿塔赤 [Moule, 1917, с. 23; Alemany, 2000, с. 429; ЗОИ, с. 249].

войском левой гвардии асов (順帝...二年命同知樞密院事者燕不花兼宮相都總管府達魯花赤, 領隆鎮衛、左阿速衛諸軍) [ЮШ, с. 3037; Alemany, 2000, с. 408].

Эти и вышеприведенные сведения позволяют предполагать, что при династии Юань организация императорской гвардейской службы сочетала в себе как традиционные монгольские элементы (например, должности кравчих, конюших и т. п.), так и элементы, свойственные китайской системе государственного управления, что достигалось через совмещение некоторыми высшими и средними чиновниками военной администрации империи гвардейских званий, принятых при монгольской великоханской ставке, и должностей, соответствующих государственной службе при китайском императорском дворе. Тождественность же ряда функций Высшего тайного совета и Императорской канцелярии, вероятно, подразумевает возможность их ситуативного руководства конкретными гвардейскими подразделениями.

Между тем в науке существует мнение, согласно которому воины в состав кешикенов монгольского каана набирались из населения Монголии [Дугарова, 2016, с. 164]. Однако представленные сведения дают основания утверждать, что аланы до и после указанных преобразований также входили в разные подразделения кешик, в том числе и в состав войска батуров, к которому они, вероятно, были причислены еще во времена правления каана Мункэ и где продолжали числиться во времена начала правления Хубилая. Сама же тысяча отборных батуров в составе гвардии кешикенов была учреждена еще Чингиз-ханом и выполняла функции второй тысячи дневной стражи наряду с тысячей кешикенов-турхаутов, тогда как в битвах эта тысяча батуров занимала при каане место передового отряда [TSHM, с. 152—153; CC, с. 169—170; Скрынникова, 2015, с. 261—262]. В начале правления Хубилая кешик, как и при Чингиз-хане, насчитывала десять тысяч отборных воинов, чья служба была наследственной [Hucker, 1985, с. 59, 61].

Заметим, что, согласно сведениям юаньской хроники, *багатурами* (*бадуэр* / 拔都兒), кроме аланского правителя *Ханхусы* и вышеупомянутого военачальника *Бадуэра*, именовались еще два аланских военачальника: *Еле-Бадуэр* / 也烈拔都 и *Шила-Бадуэр* / 失剌拔都兒 [ЮШ, с. 3208, 3212, 3284]. Нами уже отмечалось [Казиев, 2022, с. 404], что титул *багатур*, определяя одну из категорий императорских гвардейцев и являясь званием военачальников монгольской армии, отличившихся в боях, и званием военачальников союзных монголам армянских и грузинских войск, в именах указанных аланских военачальников обозначает их титул. Можно предполагать, что европейским эквивалентом титула *багатур*, в случаях его употребления в отношении аланских князей, является титул, обозначаемый словом *князь*. В подтверждение можно привести сведения из переписки

императора Тогон-Тэмүра и алан на его службе с папой Бенедиктом XII, в которой аланские военачальники названы *аланскими князьями* (*Alanorum Principes*) [Waddingus, 1733, с. 210—212].

Также следует пояснить, что в компиляции А. Алеманя фраза *асу чжэньцзюнь* / 阿速正軍, содержащаяся в приводимом выше фрагменте трактата «Войско», посвящённом описанию аланской гвардии, переведена как «регулярное асское войско» [Alemany, 2000, с. 406], что представляется не вполне верным, поскольку в оригинальном тексте источника иероглифы *чжэньцзюнь* / 正軍 есть сокращение графем *чжэньцзюньху* / 正軍戶, обозначающих регулярный военный двор, внесенный в воинский реестр [ЗОИ, с. 284]. Первый такой реестр был составлен, как выше указывалось, еще в 1252 году при каане Мункэ, и в дальнейшем, уже при каане Хубилае, в 1271, 1274 и 1290 годах, в него лишь вносились новые дворы / кибитки, тогда как сам общий порядок призыва не менялся [ЗОИ, с. 192, 212, 278; ЮШ, с. 2509]. Отправка кавказских алан в Монголию после переписи 1254 года [Казиев, 2021, с. 515] позволяет предполагать, что они, как и аланы, уже находившиеся при монгольском дворе, изначально вносились в реестр 1252 года.

Так называемым *асским войском* (*асу цзюнь* / 阿速軍) аланские гвардейцы стали не позднее первой половины 1275 года, когда они были отправлены в Южный Китай, где заняли город *Чжэньчао* / 鎮巢, понеся там большие потери. Необходимо уточнить, что в юаньской хронике эти события обозначены *двадцать третьим годом...девиза* [правления] *Чжи-юань* (至元...二十三年), что соответствует 1286 году григорианского календаря, однако это является ошибкой составителей, хотя и отмечаемой [Pelliot, 1959, с. 22; Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 225; Alemany, 2000, с. 406], но распространенной в литературе [Moule, 1917, с. 21; Кадырбаев, 1990, с. 88].

Несмотря на то, что в этих сведениях подразделение аланских воинов названо регулярным *асским войском*, другие приводимые выше сведения юаньской хроники дают основания утверждать, что речь здесь идет о войсках гвардии: сам этот фрагмент находится в официальной «Истории Юань» в трактате «Войско» в части, озаглавленной *Гвардия* (宿衛), и имеет подзаголовок *Правая гвардия асов* (右阿速衛); далее в этом же фрагменте прямо говорится, что *после* [событий в] *Чжэньчао 700 его дворов были приданы* [асскому войску], *с которым они составили одно темничество, распределенное между двумя гвардиями — передовой и арьергардной* (遂以鎮巢七百戶屬之, 並前軍總為一萬戶, 隸前後二衛) [Alemany, 2000, с. 2527; Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 97; ЗОИ, с. 215]; в жизнеописании аланского военачальника Адачи сообщается, что во время последнего этапа монгольского завоевания империи Южная Сун он состоял в походном управлении Императорской канцелярии [ЮШ, с. 3280; Alemany, 2000, с. 417—418;

Храпачевский, 2019, с. 209]. Можно предполагать, что *войском* (*цзюнь* / 軍) это подразделение аланских воинов названо по причине того, что воины набирались в него из регулярных аланских военных дворов, внесенных в реестр 1271 (вероятно, при учреждении темничеств) и 1274 годов, в войска гвардии, тогда как до этих лет из аланских военных дворов, внесенных в реестр еще каана Мункэ, аланы рекрутировались в кешиктены.

Если при первых четырех каанах, а также в начале правления Хубилая жизнедеятельность кешиктенов обеспечивалась за счет присылавших их на службу темничеств, тысяч или чиновничьих семей [ЮШ, с. 2511; Hsiao Ch'i-Ch'ing, 1978, с. 72—73; ЗОИ, с. 213—214], то с 1281 года Хубилай взял кешиктенов на частичное содержание двора, а с 1291 года гвардейцы стали получать от каана и императора полное содержание [Кычанов, 1997, с. 153]. Возможно, это было связано с тем, что Хубилаем в 1286 году улусы монгольских владетелей, располагавшиеся на территории Маньчжурии [Мункуев, 1965, с. 45], формально входившие в состав левого «крыла» Великого монгольского улуса, были переведены под контроль юаньских территориальных управлений по умиротворению [Мелихов, 1977, с. 73—77; ЮШ, с. 1395; Кычанов, 1997, с. 207]. Результатом этого явилось окончательное замещение имперско-числовой системы организации власти, введенной Чингиз-ханом, административно-территориальной системой, свойственной китайской властной традиции. Событийным маркером этого замещения можно считать последовавшее восстание монгольских улусных владетелей в Маньчжурии, подавленное Хубилаем в том числе и с участием подразделений аланской гвардии [Мелихов, 1977, с. 78; ЮШ, с. 298, 3037, 3209, 3212, 3284; Alemany, 2000, с. 407, 413, 415, 419; Храпачевский, 2019, с. 497, 498], военные дворы которой были еще раньше внесены в юаньские административно-территориальные порядки.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно утверждать, что императорская гвардия (кешик), которая играла со времен Чингиз-хана ключевую роль в организации управления создававшейся империи и в которой впоследствии служили многие аланские воины, в период трансформации системы управления Монгольской империи в систему управления империи Юань подверглась качественному реформированию. Провозгласив себя монгольским кааном в 1260 году, Хубилай разделил гвардейские части на две структуры: кешик, то есть гвардию монгольского каана, формировавшуюся еще при Чингиз-хане по патримониально-аристократическому принципу, и войска дворцовой охраны, набиравшиеся территориально и содержавшиеся центральной властью, что соответствовало традиционным порядкам военного

управления, присущим китайским правящим династиям. После победы в междоусобной войне за монгольский престол в 1264 году Хубилай преобразовал войско дворцовой стражи в войско своей личной гвардии, поделив его в 1271 году на три гвардейских войска. В период правления Хубилая (1260—1294) аланы входили как в подразделения кешик, так и в войска личной гвардии императора, а затем и в гвардейские войска. Продолжая носить титулы служащих при ставке монгольского каана, некоторые военачальники алан также занимали должности в Императорской канцелярии и Верховном тайном совете — учреждениях, при династии Юань осуществлявших командование гвардейскими войсками. Встраивая аланские военные дворы в систему административно-территориального деления империи Юань, в 1281 году Хубилай взял аланских, как и прочих, гвардейцев на частичное, а с 1291 года на полное содержание своего двора, завершив, таким образом, процесс трансформации войска кешиктенов монгольского каана в регулярное гвардейское войско китайского императора.

Источники и принятые сокращения

1. ЗОИ — *Золотая Орда* в источниках (Материалы для истории Золотой Орды и улуса Джучи). Китайские и монгольские источники / пер. Р. П. Храпачевского. — Москва : Наука, 2009. — Т. 3. — 335 с.
2. Рашид ад-дин 1952 — *Рашид ад-дин*. Сборник летописей / перевод О. И. Смирновой. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1952. — Т. 1. — Книга 2. — 315 с.
3. Рашид ад-дин 1960 — *Рашид ад-дин*. Сборник летописей / перевод Ю. П. Верховского. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1960. — Т. 2. — 253 с.
4. СС — *Сокровенное сказание*. Юань-чао би-ши / введение, пер., глосс. С. А. Козина. — Москва, Ленинград : АН СССР, 1941. — Т. 1. — 619 с.
5. Храпачевский Р. П. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4—7 «Юань ши») / Р. П. Храпачевский. — Москва : Центр по изучению военной и общей истории, 2019. — 744 с.
6. ЮШ — Сун Лянь дэн чжуань 宋濂 等撰. Юань ши 元史 [Сун Лянь и другие авторы. История Юань]. — Бэйцзин 北京 [Пекин] : Чжунхуа шуцзюй 中華書局 [Китайское книжное издательство], 1997. — цз 册 1 [Т. 1]. — 262 с. ; цз 册 2 [Т. 2]. — С. 263—596 с; цз 册 5 [Т. 5]. — С. 1265—1585; цз 册 8 [Т. 8]. — С. 2243—2551 ; цз 册 10 [Т. 10]. — С. 2869—3180 ; цз 册 11 [Т. 11]. — С. 3181—3470.
7. Alemany A. Sources on the Alans : a critical compilation / A. Alemany. — Leiden, Boston, Köln : Brill, 2000. — 460 p.
8. Genghiz Khan — *Genghiz Khan*. The History of the World Conqueror by ‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini / J. A. Boyle (transl.). — Manchester University Press, UNESCO Publishing, 1997. — lxvii+763 p.
9. *Itinerarium fratris Willelmi de Rubruk de ordine fratrum minorum anno gratiae MCCLIII ad partes Orientales* // *Recueil de Voyages et de Mémoires publié de la Société de Géographie*. — Paris : Société de Géographie, 1839. — Т. 4. — Pp. 215—399.
10. TSHM — *The Secret History of the Mongols* : in 2 vols. / I. de Rachewilts (transl., comm.). — Leiden, Boston : Brill, 2004. — Vol. 1. cxxvi+642 p. ; Vol. 2. — Pp. 643—1347.

11. *Waddingus L.* Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco Institutorum auctore A.R.P. Luca Waddingo Hiberno S. T. Lectore Jubilato, & Ordinis Chronologo. — Romæ : Typis Rochi Bernabò, 1733. — Tomus Septimus. — 632 p.

Литература

1. *Бартольд В. В.* Сочинения. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / В. В. Бартольд. — Москва : Наука, 1968. — Т. 5. — 709 с.
2. *Бубенок О. Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.) / О. Б. Бубенок. — Киев : Истина, 2004. — 324 с. — ISBN 966-7613-53-4.
3. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б. Я. Владимирцов. — Ленинград : АН СССР, 1934. — 223 с.
4. *Далай Ч.* Монголия в XIII—XIV веках / Ч. Далай. — Москва : Наука, 1983. — 232 с.
5. *Дугарова С. Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII — начало XIX в.) / С. Ж. Дугарова. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. — 332 с. — ISBN 978-5-9793-0836-4.
6. *Кадырбаев А. Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII—XIV вв. / А. Ш. Кадырбаев. — Алма-Ата : Гылым, 1990. — 160 с. — ISBN 5-628-00513-4.
7. *Казиев Э. В.* Еще раз о времени прихода асов на монгольскую службу / Э. В. Казиев // Золотоордынское обозрение. — 2021. — Т. 9. — № 3. — С. 506—519. — DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.506-519.
8. *Казиев Э. В.* Социально-политическое положение Алании накануне монгольского завоевания / Э. В. Казиев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 391—411. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-391-411.
9. *Кычанов Е. И.* Кешиктены Чингисхана (о месте гвардии в государствах кочевников) / Е. И. Кычанов // Mongolica : к 750-летию «Сокровенного сказания». — Москва : Наука, 1993. — С. 148—156.
10. *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е. И. Кычанов. — Москва : Восточная литература, 1997. — 319 с. — ISBN 5-02-017419-7.
11. *Мелихов Г. В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае / Г. В. Мелихов // Татаро-монголы в Азии и Европе. — Москва : Наука, 1977. — С. 62—85.
12. *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Перевод и исследование / Н. Ц. Мункуев. — Москва : Наука, 1965. — 223 с.
13. *Скрынникова Т. Д.* Титулатура монгольской элиты предимперского и раннеимперского периода / Т. Д. Скрынникова // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. — Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2015. — С. 250—268. — ISBN 978-5-7904-1997-3.
14. *Чжао Чжу-Чэн.* Сведения из Юань ши о военном сотрудничестве между Золотой Ордой и юаньской династией / Чжао Чжу-Чэн // Золотоордынское обозрение. — 2016. — Т. 4. — № 4. — С. 779—783. — DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.779-783.
15. *Чхао Чху-ченг.* Распад Монгольской империи / Чхао Чху-ченг. — Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. — 108 с. — ISBN 978-5-94981-102-3.
16. *Allsen Th. T.* Guard and Government in the Reign of The Grand Qan Möngke, 1251—1259 / Th. T. Allsen // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1986. — Vol. 46. — № 2. — Pp. 495—521. — DOI: <https://doi.org/10.2307/2719141>.
17. *Buell P. D.* Historical dictionary of the Mongol world empire / P. D. Buell. — Lanham, Maryland, and Oxford : The Scarecrow Press, Inc. 2003. — xlv+335 p.

18. *Hsiao Ch'i-Ch'ing*. The Military establishment of the Yuan dynasty / Hsiao Ch'i-Ch'ing. — Harvard University Press, 1978. — 314 p.
19. *Hucker Ch.* A dictionary of official titles in imperial China / Ch. Hucker. — Taipei : SMC Publishing Inc, 1985. — 676 p.
20. *Moule A. C.* Christians in China before the year 1550 / A.C. Moule. — London : Society for promoting Christian knowledge, 1930. — xvi+293 p.
21. *Moule A. C.* The Minor friars in China / A. C. Moule // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. — 1917. — January. — Pp. 1—36.
22. *Pelliot P.* Notes on Marco Polo / P. Pelliot. — Paris : Imprimerie Nationale, 1959. — Vol. 1. — 611 p.

Material resources

- Alemany, A. (2000). *Sources on the Alans: a critical compilation*. Leiden, Boston, Köln: Brill. 460 p.
- Genghiz Khan — Genghiz Khan. (1997). *The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*. Manchester University Press, UNESCO Publishing. lxxvii+763 p.
- Itinerarium fratris Willelmi de Rubruk de ordine fratrum minorum anno gratiae MCCLIII ad partes Orientales. (1839). *Recueil de Voyages et de Mémoires publié de la Société de Géographie*, 4. Paris: Société de Géographie. 215—399. (In Franc.).
- Khrapachevsky, R. P. (2019). “Annals of Kublai”, the main source on the history of the reign of the first emperor of the Yuan dynasty (Juan 4—7 “Yuan shi”). Moscow: Center for the Study of Military and General History. 744 p. (In Russ.).
- Rashid ad-din 1960 — Rashid ad-din. (1960). *Collection of Chronicles*, 2. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. 253 p. (In Russ.).
- Rashid al-din 1952 — Rashid al-din. (1952). *Collection of Chronicles*, 1 (2). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. 315 p. (In Russ.).
- SS is a secret legend. Yuan-chao bi-shi*, 1. (1941). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. 619 p. (In Russ.).
- TSHM — *The Secret History of the Mongols: in 2 vols*, 2. (2004). Leiden, Boston: Brill.
- Waddingus, L. (1733). *Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco Institutorum auctore A.R.P.*, 7. Romæ: Typis Rochi Bernabò. 632 p. (In Latin.).
- YUSH — Sun Lian deng zhuan. Yuan Shi. (1997). *Sun Lian and other authors. History of the Yuan*. Beijing: Chinese Book Publishing House. (In Chine.).
- ZOI — *The Golden Horde in the sources (Materials for the history of the Golden Horde and the ulus of Jochi)*. Chinese and Mongolian sources, 3. (2009). Moscow: Nauka. 335 p. (In Russ.).

References

- Allsen, Th. T. (1986). Guard and Government in the Reign of The Grand Qan Möngke, 1251—1259. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 46 (2): 495—521. DOI: <https://doi.org/10.2307/2719141>.
- Bartold, V. V. (1986). *Essays. Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples*, 5. Moscow: Nauka. 709 p. (In Russ.).
- Bubenok, O. B. (2004). *Alans-Aces in the Golden Horde (XIII—XV centuries)*. Kiev: Istina. 324 p. ISBN 966-7613-53-4. (In Russ.).
- Buell, P. D. (2003). *Historical dictionary of the Mongol world empire*. Lanham, Maryland, and Oxford: The Scarecrow Press, Inc. xlv+335 p.

- Chhao Chhu-cheng. (2008). *The Collapse of the Mongol Empire*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 108 p. ISBN 978-5-94981-102-3. (In Russ.).
- Dalai, Ch. (1983). *Mongolia in the XIII—XIV centuries*. Moscow: Nauka. 232 p. (In Russ.).
- Dugarova, S. Zh. (2016). *Historiography of the Mongolian state and law (XH — the beginning of the XIX century)*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House. 332 p. ISBN 978-5-9793-0836-4. (In Russ.).
- Hsiao, Ch'i-Ch'ing. (1978). *The Military establishment of the Yuan dynasty*. Harvard University Press. 314 p.
- Hucker, Ch. (1985). *A dictionary of official titles in imperial China*. Taipei: SMC Publishing Inc. 676 p.
- Kadyrbayev, A. Sh. (1990). *Turks and Iranians in China and Central Asia of the XIII—XIV centuries*. Alma-Ata: Gylm. 160 p. ISBN 5-628-00513-4. (In Russ.).
- Kaziev, E. V. (2021). Once again about the time of the arrival of the aces in the Mongolian service. *Golden Horde Review*, 9 (3): 506—519. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.506-519. (In Russ.).
- Kaziev, E. V. Socio-political situation of Alanya on the eve of the Mongol conquest. *Nauchnyy dialog*, 11 (6): 391—411. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-391-411. (In Russ.).
- Kychanov, E. I. (1993). Keshikten Genghis Khan (on the place of the guard in the nomadic states). In: *Mongolica: to the 750th anniversary of the "Secret Legend"*. Moscow: Nauka. 148—156. (In Russ.).
- Kychanov, E. I. (1997). *Nomadic states from the Huns to the Manchus*. Moscow: Oriental Literature, 319 p. ISBN 5-02-017419-7. (In Russ.).
- Melikhov, G. V. (1977). The establishment of the power of the Mongol feudal lords in Northeastern China. In: *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow: Nauka. 62—85. (In Russ.).
- Moule, A. C. (1930). *Christians in China before the year 1550*. London: Society for promoting Christian knowledge. xvi+293 p.
- Moule, A. C. (1917). The Minor friars in China. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. January. 1—36.
- Munkuyev, N. Ts. (1965). *Chinese source about the first Mongol Khans. The tombstone inscription on the grave of Yelyu Chu-tsai. Translation and research*. Moscow: Nauka. 223 p. (In Russ.).
- Pelliot, P. (1959). *Notes on Marco Polo, I*. Paris: Imprimerie Nationale. 611 p.
- Skrynnikova, T. D. (2015). The title of the Mongolian elite of the pre-Imperial and early Imperial period. In: *The elite in the history of the ancient and medieval peoples of Eurasia*. Barnaul: Publishing House of Altai University. 250—268. ISBN 978-5-7904-1997-3. (In Russ.).
- Vladimirtsov, B. Ya. (1934). *The social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism*. Leningrad: USSR Academy of Sciences. 223 p. (In Russ.).
- Zhao Zhu-Cheng. (2016). Information from Yuan shi on military cooperation between the Golden Horde and the Yuan Dynasty. *Golden Horde Review*, 4 (4): 779—783. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.779-783. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.12.2022,
одобрена после рецензирования 21.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Красильникова Е. И. Отражение истории Якутии в журнале «Сибирские огни» в 1920—1980-е годы / Е. И. Красильникова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 366—385. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-366-385.

Krasilnikova, E. I. (2023). Reflection of Yakutia History in Siberian Lights Journal in 1920—1980s. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 366-385. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-366-385. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-366-385

Отражение истории Якутии в журнале «Сибирские огни» в 1920—1980-е годы

Красильникова Екатерина Ивановна

orcid.org/0000-0003-0014-0655

доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
группа истории освоения Сибири
katrina97@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Reflection of Yakutia History in Siberian Lights Journal in 1920—1980s

Ekaterina I. Krasilnikova

orcid.org/0000-0003-0014-0655

Doctor of History, Associate Professor,
Leading Researcher,
Siberian Exploration History Group
katrina97@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

© Красильникова Е. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Прослеживается динамика репрезентаций исторического прошлого Якутии в публикациях ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни». Этот вопрос рассматривается в контексте процессов конструирования советской политики памяти на протяжении всего периода существования СССР. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием к специфике исторического знания, представленного в публичном пространстве, к его структурам, интерпретациям и использованию в политико-идеологических целях в прошлом и настоящем. Новизна исследования видится в том, что до сих пор история журнальных репрезентаций прошлого Якутии в контексте государственной политики не становилась предметом самостоятельного научного исследования. Исследование позволило выявить контексты, определявшие специфику создания журнальных репрезентаций истории Якутии. Автором установлено и охарактеризовано пять этапов этого репрезентирования. Показано, как менялись смыслы и приемы политики памяти, стоявшие за подходами к описанию и к характеристикам прошлого Якутии. Доказывается, что различия между подходами к репрезентациям определялись тенденциями усиления и ослабления политико-идеологического контроля государства в сфере политики памяти и национального строительства.

Ключевые слова:

политика памяти; репрезентация; историческая память; традиционная культура; идеология; Якутия; якуты; Сибирские огни.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article traces the dynamics of representations of the historical past of Yakutia in the publications of the monthly literary, artistic and socio-political magazine "Siberian Lights". This issue is considered in the context of the processes of constructing the Soviet policy of memory throughout the entire period of the existence of the USSR. The relevance of the study is due to the increased attention to the specifics of historical knowledge presented in the public space, to its structures, interpretations and use for political and ideological purposes in the past and present. The novelty of the study is seen in the fact that until now the history of journal representations of the past of Yakutia in the context of state policy has not become the subject of independent scientific research. The study made it possible to identify the contexts that determined the specifics of creating journal representations of the history of Yakutia. The author established and characterized five stages of this representation. It is shown how the meanings and techniques of the politics of memory that were behind the approaches to the description and characteristics of the past of Yakutia changed. It is proved that the differences between approaches to representations were determined by the tendencies of strengthening and weakening the political and ideological control of the state in the field of memory politics and nation building.

Key words:

memory policy; representation; historical memory; traditional culture; ideology; Yakutia; Yakuts; Siberian lights.

Отражение истории Якутии в журнале «Сибирские огни» в 1920—1980-е годы

© Красильникова Е. И., 2023

1. Введение = Introduction

Весной 2022 года отметил свое столетие журнал «Сибирские огни», неизменно позиционирующий себя в качестве «литературной летописи Сибири». Это издание всегда проявляло устойчивый интерес к истории коренных народов необъятного региона, принимая активное участие в конструировании коллективной памяти об их прошлом, во многом сохраняющей свои общие контуры и сегодня. В советское время журнал выступал от лица государства, участвуя в написании и популяризации стандартных национальных историй, объединявшихся общими смыслами государственной политики памяти. Национально-историческая тематика регулярно звучала в поэзии, прозе, публицистике и литературной критике. Однако процесс конструирования национальных историй протекал неравномерно применительно к прошлому разных коренных народов Сибири. Использование шаблонных рамок при изложении исторической фактологии осложнялось многими обстоятельствами, начиная с отдаленности той или иной национальной республики от Новосибирска, где базировалась редакция журнала, и заканчивая социально-политической обстановкой внутри республики.

Изучение репрезентаций истории и традиционной культуры коренных народов Сибири, представленных на страницах «Сибирских огней», отвечает одному из важнейших трендов современной гуманитарной науки, обращенной к изучению вопросов формирования исторической памяти как ценного ресурса политико-идеологической деятельности. В советское время «Сибирские огни» активно участвовали в формировании исторической памяти жителей нашего региона и страны в целом о прошлом отдельных сибирских территорий и населявших их народов, создавая довольно устойчивые образы, отношение к которым можно рассматривать как маркер определённых политических позиций, влияние которых распространяется и на современную социально-политическую действительность.

Заявленная тема ранее специально не изучалась. Однако историографическая почва для этого представляется подготовленной. Общие вопросы участия журнальной прессы в идеологизации представлений россиян о Сибири исследовались М. Бассином [Бассин, 2005] и Н. Н. Родигиной [Родигина, 2006]. Репрезентации сибирской «инородческой» проблематики в доре-

волюционной журнальной печати изучались А. Ю. Ледовских [Ледовских, 2009]. Е. И. Красильниковой и И. А. Вальдманом разрабатывались проблемы идеологизации памяти россиян о прошлом Ойротии (Горного Алтая) и Тувы в советское время посредством репрезентаций в журнале «Сибирские огни» [Красильникова, 2020; Красильникова и др., 2020]. Однако репрезентации истории Якутии на страницах данного издания ранее специально не изучались. Рассматривались лишь отдельные аспекты истории этого края в освещении дореволюционной периодики. Обращение к таким исследованиям дает возможность более глубокого понимания контекстов, влиявших на отношение авторов советского времени к якутскому прошлому и прошлому коренных народов Сибири вообще [Матюшенко и др., 2021; Кискидосова, 2019]. Мы учитываем также филологический опыт исследования этапов формирования специфичного «северного текста» (от мифологического до рационального советского и современного индустриального), представленного рядом нарративов, возникновение которых связано с памятью об освоении (открытии, покорении) Якутии [Бурцева, 2019, с. 16].

Исследование репрезентаций прошлого Якутии в «Сибирских огнях» предполагает и обращение к работам, посвящённым истории ее национальной литературы [Дарбасова и др., 2021; Киндикова, 2014; Канаев, 1984; Литература Якутии XX века, 2005; Сивцева-Максимова и др., 2001], наследию отдельных авторов, чьи произведения печатались в этом журнале [Башарина и др., 2019; Сивцева-Максимова, 2015], а также к историографии, раскрывающей общие исторические контексты литературного процесса в Якутии советского времени [Гоголев, 2001; История Якутии ..., 2021] и контексты советской политики памяти [Копосов, 2011; Миллер, 2009].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи состоит в характеристике репрезентаций истории Якутии на страницах «Сибирских огней» в период с 1920-х до конца 1980-х годов в контексте государственной политики памяти. В задачи исследования входит выявление контекстов, определявших специфику создания журнальных репрезентаций истории Якутии, а также этапов этого репрезентирования, в рамках которых происходили изменения смыслов политики памяти и ее приемов.

Формирование и идеологизация исторической памяти исследуются нами с ориентиром на концептуальное поле «Memory Studies», в рамках которого сегодня активно разрабатываются проблемы политики памяти [Segesten et al., 2017; Verovšek, 2016]. Также применяются историко-генетический, историко-сравнительный методы и метод нарративного анализа.

Основными источниками данного исследования послужили публикации журнала «Сибирские огни» за 1920-е — 1980-е годы, тематически

связанные с историческим прошлым Якутии (публицистические и художественные произведения — проза и поэзия). Этот литературно-художественный и общественно-политический журнал ежемесячно выходил на регулярной основе с 1922 года в Новосибирске. Его авторами становились люди, чья профессиональная деятельность и частная жизнь были связаны с Сибирью, со всеми ее регионами и территориями, которым редакция стремилась уделять равное внимание. В качестве источников данного исследования мы отобрали двадцать пять публикаций, авторами которых являлись как русские (преимущественно публицисты, литературные критики, историки, поэты-переводчики), так и якутские авторы (писатели, поэты, литературные критики). Произведения последних были представлены преимущественно в переводе с родного языка на русский. Отдельные якутские авторы самостоятельно писали на русском.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Контексты истории и политики памяти

В 1920-х годах авторы «Сибирских огней» часто обращались к образу жизни коренных народов нашего региона, прежде всего алтайцев, живопису существовавшие, скажем, в Ойротии «пережитки прошлого» и переменные «успехи» их искоренения [Красильникова, 2020, с. 374—376]. Якутия же долго оставалась вне зоны внимания этого издания. Дело было далеко не только в ее отдаленности и труднодоступности. Вплоть до конца 1920-х годов на этой территории шла напряженная политическая борьба, которую советские СМИ предпочитали замалчивать.

Уже в начале XX века на волне Первой русской революции в Якутии сформировалось национально-демократическое движение [История Якутии ..., 2021, с. 64], боровшееся за гражданские и экономические права и свободы, введение самоуправления, решение земельного вопроса, развитие просвещения и образования, а также за отмену политической ссылки в крае. О подъеме национального самосознания свидетельствовало и появление литературы на национальном языке, выражавшей социально-политическую мысль якутской интеллигенции. Дореволюционная Якутия была местом политической ссылки, во многом определившей идейное развитие края, которое шло неоднозначно, с различными вариациями. Не удивительно, что Октябрьская революция не была принята местными якутскими властями, эсерами и федералистами, боровшимися за расширение самоуправления. Установление советской власти в декабре 1919 года привело к серии «разоблачений националистических заговоров» против большевиков и к репрессиям против «буржуазной» интеллигенции и прочих слоев населения, не согласных с новой властью. В 1921—1922 годах

Якутию охватили повстанческие движения. Тогда же, в феврале 1922 года, в атмосфере споров и противоречий была образована Якутская АССР в составе РСФСР. Лишь в 1923 году в республике остановилось кровопролитие после разгрома войск генерала А. Н. Пепеляева, вступившего в борьбу с большевиками под лозунгом «Через автономную Якутию — к автономной Сибири» [История Якутии ..., 2021, с. 130]. Но, в 1927 году политическая обстановка в Якутии снова накалилась вследствие требования «партии конфедералистов» о получении Якутией статуса союзной республики и последовавшего за этим вооруженного выступления конфедералистов. В 1928 году их движение было сломлено, руководство Якутии смещено, а население всколыхнула новая, мощная волна репрессий. В это же время началось идеологическое осуждение взглядов и наследия основоположников якутской литературы (А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, П. А. Ойунского, В. В. Никифорова, П. И. Оросина и др.), которые подверглись гонениям. Им на смену пришло новое поколение литераторов, руководствовавшихся в творчестве соцреализмом.

Между тем в 1923 году в крае было открыто Алданское месторождение золота, что послужило началом выхода республики на новый этап хозяйственного развития. Именно за тему золота и ухватились журналисты «Сибирских огней», начав формировать в общественном сознании дихотомическое представление о Якутии старой и Якутии новой, рвущей связь со своим прошлым, которое не детализировалось, однако вскользь упоминалось, когда затевались редкие разговоры об истории якутской литературы и ее классиках.

Вслед за золотом в Якутии начали активно разрабатывать добычу угля, строить предприятия обрабатывающей промышленности, развивать дорожную сеть, связь, энергетику, исследовать недра республики, делая такие эпохальные открытия, как месторождения алмазов. В республике активно шло социалистическое культурное строительство. С середины 1960-х годов все заметнее усиливались тенденции этнокультурной унификации, которая ослабла лишь к середине 1980-х годов. Унифицированной в это время была и политика памяти, направленная на репрезентации национальных историй, основанных на идее всестороннего прогрессивного развития в советское время прежде «отсталых» народов и населяемых ими территорий. К 1970-м годам в Якутии выросло новое поколение творческой интеллигенции, усвоившей каноны соцреализма и шаблонный взгляд на национальное прошлое, что отразило и издание «Сибирские огни», начавшее регулярно печатать произведения якутских писателей и поэтов, одинаково негативно оценивавших историческое прошлое Якутии. Лишь на волне перестройки в республике резко возрос интерес к традиционной

культуре, а власть, ослабившая контроль, перестала навязывать литераторам уже морально устаревшие стереотипы отношения к прошлому, вследствие чего началась его открытая переоценка.

3.2. «Исчезающая легенда»: взгляд на Якутию из конца 1920-х годов

О Якутии «Сибирские огни» первый раз написали в 1928 году, представив регион неприглядно, с критической позиции. Первым до Якутии добрался корреспондент А. Маленький (А. Г. Попов), опубликовавший обширный очерк «Тяжелое дыхание» [Маленький, 1928]. Автор описал свое долгое, наполненное трудностями и пестрыми впечатлениями путешествие на северо-восток. В его восприятии, несмотря на усилия советской власти, Якутия оставалась инертной, не спешила становиться на социалистические рельсы общественно-экономического развития, «с трудом выбиралась из трясины доистории» [Там же, с. 184]. Отличаясь крайне неразвитой дорожной сетью, Якутия представлялась автору дикой «страной северного сияния, вечной мерзлоты, белых ночей и золотого песка» [Там же, с. 160], краем, где повсюду тяжело ощущалось присутствие истории — в почерневших от времени деревянных церквях, в остатках острога XVII века, а также в ленских легендах и все еще непреодоленных последствиях вторжения на эту территорию капитала.

Нельзя не заметить пересечения идей, изложенных в этом очерке, со смыслами романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река», первые главы которого параллельно публиковались в «Сибирских огнях» [Шапошников, 1988, с. 158]. Как и Шишков, Маленький попытался показать губительное воздействие капитала на моральный облик человека и тупиковость капиталистического пути развития экономики. Однако он отмечал, что якутская ярмарка, села, «выросшие на золоте», и приискательские костры, в конце 1920-х все еще определявшие образ Якутии, уже начинали уходить в прошлое [Маленький, 1928, с. 161—167]. Хищнической, полукриминальной золотодобыче в крае противостояла, по словам корреспондента, деятельность английской концессии Лена-Гольдфильдс, которая «ввозила механическое оборудование и вместо золота экспортировала тысячи уволенных и сокращенных рабочих и золотоискателей» [Там же, с. 168]. В остальном же, по мнению автора, Якутия страдала от последствий предыдущего исторического этапа: в царские времена «капитализм создал в Якутии спрос на аргу» (водку). Якуты пили, хотя водка здесь и запрещалась советской властью [Там же, с. 171]. Однако пьянством описание проблем якутов в этом очерке не ограничивалось, они были показаны как жертвы русского владычества [Там же, с. 173].

Гораздо благополучнее якутов выглядели в этом произведении скопцы, впервые сосланные в Сибирь во второй половине XIX века и уже успешные «избороздить всю Якутию». Маленький оценивал их как прекрасных

предпринимателей, среди которых до революции встречались купцы-миллионщики, а также как самый культурный слой населения, если не считать политических ссыльных. Развив в крае земледелие, именно скопцы, по словам очеркиста, «опровергли легенду о том, что азиатский северо-восток не пригоден для жизни» [Там же, с. 176]. А за развитием земледелия Маленький видел будущее региона. В заключении он отметил, что успешная борьба человека за право существовать в этом крае началась не с приходом большевиков, она тянулась сотни лет. Признавая, что советская власть многое давала Якутии как в культурном, так и в социально-экономическом смыслах, автор очерка подчеркивал, что «никакой экономический расцвет невозможен вне связи с национальным характером, национальной культурой человеческих масс» [Там же, с. 186].

3.3. Сбывшаяся вековая народная мечта: якутская тематика в публикациях 1950—1960-х годов

В 1930—1940-х годах якутская тема совершенно исчезла из «Сибирских огней». Лишь в 1950-х стали появляться отдельные публикации, где затрагивались темы, касавшиеся истории этой национальной республики. Все материалы 1950—1960-х годов можно разделить на три тематические группы. Первая — о стремительном хозяйственном освоении края в современности [Алексеев, 1963; Баблюк, 1958; Евгеньев, 1962]. Вторая — о развитии якутской национальной литературы [Канаев, 1954; Сыроватский, 1958]. Третья — об истории Якутии в новейшее время [Гаряев, 1961].

В статьях и заметках, посвященных успехам добычи алмазов, соли и развития сельского хозяйства в республике за последние годы, обычно использовался исторический контекст. Так, подчеркивались однозначные преимущества социалистического хозяйственного строительства в крае, куда более масштабного, нежели ранее, и, что еще важнее, основанного на принципах подлинной социальной справедливости. К примеру, Б. Баблюк приводил очевидно политизированную в марксистском духе легенду о том, как в старину якутский бедняк нашел алмаз, который потом хитростью отнял у него жадный царь, а также рассказы о том, как якуты и старатели находили камни и «выгодно» обменивали их у русских купцов на табак, порох, дробь и спирт [Баблюк, 1958, с. 103—104]. А. В. Евгеньев кратко сообщал, что еще до революции якутские охотники обнаружили месторождение соли на Вилюе. Но его разработку захватили в свои руки купцы, продававшие добытую соль тем же якутам по баснословным ценам. Далее говорилось, что в современности на Олекме планируется строительство предприятия по добыче соли, которое будет снабжать Дальний Восток и Камчатку [Евгеньев, 1962].

Первый обзор достижений советской литературы в Якутии, подготовленный В. П. Канаевым, предложил уже стандартную для этого времени

версию основных этапов формирования советской литературы на национальном языке и частично ответил на вопрос о причинах избегания якутской тематики в журнале на протяжении двух десятков лет. Из обзора следовало, что именно осмысление прошлого Якутии было основной темой ее национальной литературы. В версии В. П. Канаева, основу якутской литературы составил национальный эпос олонхо («эпическое сказание о подвигах богатырей»), отразивший «великий гнев и ненависть ко всем виновникам народного горя», жалкое, полуголодное существование якутской бедноты и ее «вековые мечты о счастливой, привольной жизни без угнетения, насилия и кровопролития» [Канаев, 1954, с. 166]. Советская литература Якутии, испытавшая сильное влияние декабристов и русских классиков, продолжила развитие темы преодоления старых порядков и построения нового справедливого общества. Говоря о зачатках якутской литературы, Канаев не мог обойти вниманием плеяду авторов, заявивших о себе после Первой русской революции («буржуазные писатели» А. Е. Кулаковский, А. И. Софронов, Н. Д. Неустроев, а также «демократ» П. Н. Черных-Якутский). По оценке автора обзора, «буржуазные» писатели призывали якутов к борьбе с патриархальщиной, мешавшей установлению капиталистических отношений в Якутии, пропагандируя «националистические идеологии и неприятие Октябрьской революции». Канаев обтекаемо пояснил, что до недавнего времени у наследия этих авторов в Якутии были защитники, но «настоящая» якутская литература «выросла именно в борьбе с влиянием «контрреволюционных» писателей. В числе признанных советской властью якутских литераторов у Канаева значились П. Н. Черных-Якутский, Эллай (С. Р. Кулачиков), Эрлик Эристин (С. С. Яковлев), Кюндэ (А. А. Иванов), Амма Аччыгыйа (Н. Е. Мординов), С. А. Саввин), создавшие «по горячим следам» ряд произведений о борьбе якутов с пережитками прошлого и белобандитизмом, в ходе которой проявлялся рост самосознания якутского народа [Там же, с. 169], упоминались и более поздние работы о революции, об укреплении обороноспособности страны, о коллективизации, «о рождении нового советского человека» [Там же, с. 172]. Сообщалось, что в военные годы они, как и другие писатели СССР, возвращались к тематике гражданской войны, показывая героическую преемственность. Отмечалось, что художественная литература Якутии работала над созданием идеологически «правильных» образов контрреволюционной буржуазно-националистической интеллигенции. Подчеркивалось развитие в литературе этого периода сквозной темы дружбы народов СССР, прежде всего русских и якутов, а также ведущей роли русского народа. Автор обзора высказал критику в адрес «некоторых писателей», которые «умалили роль русского народа в исторической судьбе Якутии» [Там же, с. 175].

Собственно истории Якутии на этом этапе посвящалась только статья С. В. Гаряева «Ленин и якутская большевистская политссылка» [Гаряев, 1961], отразившая, на наш взгляд, попытку повысить значимость далекой, плохо известной в СССР Якутии, увязав ее революционное прошлое с фигурой В. И. Ленина, а также «стандартизировать» историю республики, вписать ее в общесоветский контекст. Вождь мирового пролетариата, как выясняется из этой работы, не бывал в Якутии, но неизменно проявлял к ней интерес, свидетельства которого и объединил в подборку автор статьи, завершивший повествование стандартными тезисами: «Нет больше старой Якутии — застенка для революционеров, объекта колониального грабежа для эксплуататоров», Якутия стала индустриально-аграрной республикой, подлинной «жемчужиной Сибири» [Там же, с. 93].

Интересен и обзор книг по истории Якутии, предложенный А. Д. Сыроватским. Поводом для обзора послужило 325-летие добровольного вхождения Якутии в состав России — «праздник неразрывной дружбы якутского народа с великим русским народом». Сыроватский сделал вывод о том, что «современная литература показывает значение добровольного вхождения»: «защиту якутов от американских, английских и японских империалистов», «развитие классовой солидарности русских и якутских трудящихся в борьбе против внешних врагов, против царизма и местных тойонов», превращение «Якутии из отсталой окраины царской России в равную среди равных в составе Российской Федерации республику с высоко развитой промышленностью и крупным коллективным сельским хозяйством» [Сыроватский, 1958, с. 185]. Отмечалась и разработка темы возникновения и развития национальной культуры якутского народа под влиянием русской культуры [Там же]. Автор обзора не акцентировал темы истории политической борьбы в республике, зато останавливался на том, что современная литература впервые называет фамилии партийных и советских работников Якутии, «которые были действительными проводниками идей и установок Коммунистической партии в Якутии» [Там же].

3.4. 1970-е: черты «другого времени»

В следующем десятилетии Якутия оставалась интересна авторам «Сибирских огней» как территория интенсивного хозяйственного освоения, противостоявшего былой «отсталости». Можно сказать, что во второй половине 1970-х годов была уже фактически написана «наиновейшая» история Якутии — история последнего двадцатилетия, история успехов социалистического строительства, героями которой были преимущественно пришедшие извне специалисты и рядовые труженики (бурильщики, геологи, ученые, инженеры, транспортники, журналисты и др.), воспринимавшие Якутию как место, где до них словно «не было ничего». Эта история от-

рывалась ото всей предыдущей истории края, которая актуализировалась лишь для того, чтобы подчеркнуть масштабы перемен, происходивших в современности. Так, эпохальным сдвигом представлялось строительство малого БАМа. А реалии середины 1930-х годов казались уже далеким прошлым. Как курьез вспоминалось: «В 1935 году якутские делегаты второго всесоюзного съезда колхозников добирались до Москвы около месяца, да так и не успели к сроку» [Лейфер, 1977, с. 159]. Своевременным представлялось подведение итогов социалистического строительства в республике на *предыдущем* этапе ее истории [Шорников, с. 191—192].

С началом 1970-х годов публикации «Сибирских огней», посвященные якутской тематике, существенно дополнились художественными произведениями якутских же авторов. Печаталось много поэзии, которая воспроизводила уже знакомое нам по предыдущему периоду отторжение национального прошлого, не только мрачного, «исполненного несчастья» [Данилов, 1978], но даже и эпического, героического, революционного, меркнувшего на фоне современности [Ефимов, 1973]. На примере лирики Л. А. Попова литературная критика «Сибирских огней» отмечала в якутской поэзии «бережное отношение к национальным традициям», «однако же далекое от патриархальной замкнутости», а также концентрацию на образах и символах новой Якутии [Беленький, 1971, с. 182].

Событием в развитии якутской тематики в «Сибирских огнях» стала, на наш взгляд, публикация в 1974 году первого автобиографического произведения якутского поэта С. П. Данилова «Якут, сын якута» [Данилов, 1974], отразившая уже сложившийся на страницах «Сибирских огней» нарративный стандарт биографии «национала» [Шерхунаев, 1975]. Он включил в себя рождение в бедной семье, «забитое, темное, жалкое, холодное и голодное детство», приобщение с детских лет к народной фольклорной традиции, разбуженное эпосом желание петь и сочинять, активное включение в социалистическое строительство, учебу, долгие годы служения на благо народа, активный творческий поиск выражения «чаяний народных» и народной же борьбы за счастье и справедливость. На этом произведении хочется остановиться не только как на нарративном образчике, но и как на отражении новых тенденций «другого времени», как на одном из первых примеров отхода от жесткой повествовательной схемы и идеологических клише. Примечательно, что С. П. Данилов решился вернуться к старой полемике о «буржуазных просветителях» А. Е. Кулаковском, Н. Д. Неустроеве и А. И. Софронове, участие в которой привело его в 1950-х годах к увольнению с работы. Теперь же Данилов повторял, что не отказывается от своей позиции и до сих пор считает, что нельзя «вычеркивать классиков из истории». Кстати, на страницах «Сибирских огней» дискуссия об

оценке этих авторов продолжилась и в 1975 году [Демидов, 1975, с. 186]. Обращает на себя внимание также заключение, в котором автор посещает родной алас, оказавшийся заброшенным, чувствует обиду и тоску по прошлому, которое так часто порицал в своем творчестве. Он старается унять тоску мыслью, что «жить по старинке нельзя и невозможно», но вот справляется ли с тоской, остается до конца не ясно [Данилов, 1974, с. 93].

3.5. «Мы корнями в родное выросли олонхо»: тренды 1980-х

В новом десятилетии «Сибирские огни» еще воспроизводили стандартную, официозную версию истории Якутии, которая из «тюрьмы без решеток» (места ссылки) за годы советской власти превратилась в «золотой край», место активной добычи полезных ископаемых, республику с развитой инфраструктурой и социалистической культурой [Горохова, 1982, с. 4—5]. В журнале печатали рецензии на художественные произведения якутских писателей о революции в крае, одобрявшие столь же стандартное видение «героических страниц» национального прошлого. Однако нельзя не обратить внимания на подмеченную литературной критикой тенденцию некоторого оживления и расширения революционной тематики якутской художественной литературой, в которой обострение классовой борьбы в канун революции могло становиться, к примеру, лишь фоном для описания драмы любовного треугольника [Перов, 1984].

Революционная тематика по-прежнему занимала и историков, которые обращали внимание на новые книги, посвященные Октябрьской революции в Якутии. Так, А. В. Никульков, рецензируя книгу Г. Г. Маркова, отмечал недостаточность применения общих марксистских схем к интерпретации якутских источников, настаивал на необходимости выявления именно якутской специфики протекания революции, учитывая «исключительность» сложившейся в ней обстановки. Из рецензии ясно, что историография революционной темы не отпускала вопрос о деятельности интеллигенции, не принявшей революцию. Если ранее этот вопрос «Сибирские огни» старались обходить, то теперь рецензент, напротив, хотел его заострения [Никульков, 1984, с. 165—166]. В частности, в этом, на наш взгляд, проявлялось ощущение усталости от стандартизации и грубой идеологизации национальных историй в канун горбачевской перестройки. Показательно, что уже в 1987 году «Сибирские огни» впервые опубликовали рецензию на книгу стихов А. Е. Кулаковского, изданную годом ранее в Москве. О «буржуазности» и враждебности «якутского гуманиста» в отношении Октября больше не сообщалось (хотя фактически споры о его наследии велись до 1990-х годов). Наоборот, говорилось об оптимистичном восприятии Кулаковским революции. Основное содержание его творчества определялось обтекаемо, как «светлая мечта о счастье народа», состоявшем в просвеще-

нии («преодолении духовной отсталости и невежества») и достижении социальной справедливости [Владимиров, 1987].

Литературная критика «Сибирских огней» 1980-х осторожно преодолевала многолетнюю тенденцию шаблонного очернения прошлого. Характеристики творческого поиска отдельных литераторов стали в новом десятилетии более свободными. К примеру, было допущено упоминание о том, что еще в 1950-х годах в якутской литературе разрабатывалась тема отрыва от исторических корней. В частности, делались выводы о том, что лирика Л. А. Попова выражала тревогу и страх за дальнейшую судьбу якутского народа, отошедшего от национальных традиций [Беленький, 1982, с. 139].

Всплеск внимания к «корням» и «истокам» ярче всего проявился в публикациях на страницах «Сибирских огней» фрагментов якутского национального эпоса олонхо в поэтическом переводе А. А. Романова. В 1982 году автор предисловия к первой части перевода С. П. Данилов, вводя читателей в курс дела, пояснял, что главными героями эпоса выступают богатыри света и добра, которые «мстят за народные беды и разорение», что в эпосе выражена «многовековая народная мечта о мирной трудовой жизни под родным небом», «прославляется беззаветное служение во имя счастья людей» [Урастыров, 1982, с. 96—97]. Однако показательно, что поэты, переводившие эпос с национальных языков в 1980-х, уже не акцентировали классовую борьбу как его центральную тему. Поэт А. И. Плитченко писал, что сами сюжеты олонхо — «это история народа во всех аспектах: от переселения и освоения новых пространств, родовых, племенных отношений, этнографии, до истории духовного становления народа, формирования его представлений о космосе и месте человека в нем и до осмысления самого человеческого существования» [Плитченко, 1981, с. 191]. Поэт А. А. Романов подчеркивал «философскую глубину» эпоса, ценность его «бытовых, исторических и нравственных смыслов народной жизни» [Урастыров, 1982, с. 97]. Новое ценностное отношение к традиционной культуре якутов отразилось и в рецензии Г. Федорова на соответствующий сборник научных трудов, по его словам, фактически первый. Рецензент говорил об универсальности истоков человеческой культуры и «наибольшей глубине памяти» мифов северных народов, придающей этим, до сих пор живым мифам особенную ценность [Федоров, 1982, с. 174].

4. Заключение = Conclusions

Истории сибирских народов и традиционно населявших ими территорий писались авторами «Сибирских огней» в разных обстоятельствах, задававших отличия в интерпретациях прошлого. На протяжении всего изучаемого периода сохранялась общая идеологическая установка по-

казать Якутию (как и другие национальные республики) частью РСФСР и СССР. Решение этой задачи осложнялось особенной отдаленностью и трудной территориальной доступностью Якутии, история которой долго оставалась малоизвестной широкой публике, описанной только авторами извне, преимущественно с точки зрения ее хозяйственного освоения и утилитарной пользы для страны.

На первом этапе (1920-е годы) в национально-исторических нарративах еще не доминировала формула, согласно которой историческое развитие республики определяется крепкой дружбой с русским народом, во всем помогающим и покровительствующим «младшим братьям». Отмечался даже вред, нанесенный якутам русскими казаками и капиталистами. Не заявлялось однозначно и то, что коренные изменения в культурное и социально-экономическое развитие региона принесла лишь советская власть. На восприятие истории регионов еще влияла дореволюционная журналистика. Так, в истории освоения Якутии автор 1920-х годов А. Маленький различал многих участников этого процесса (кроме собственно якутов), еще до Октябрьской революции сумевших приспособиться к жизни в суровых климатических условиях северо-востока и превратить этот край в обитаемый. Как и дореволюционные авторы, он подробно остановился на теме скопцов и их выдающихся успехов в развитии сельского хозяйства [Матющенко и др., 2021, с. 437]. Однако А. Маленький не эстетизировал якутскую старину. Прошлое якутской земли он обобщал негативными, идеологизированными характеристиками: отсталость, выживание, криминал, социальная несправедливость, хищнический капитализм. Такая однозначность для 1920-х годов была, на наш взгляд, скорее радикальной, нежели типичной. Все-таки в этом десятилетии многие авторы «Сибирских огней» еще ностальгировали по сибирской старине и жалели об исчезновении ее следов в новом веке.

Вплоть до 1950-х годов «Сибирские огни» не уделяли никакого внимания истории Якутии. Ее сложное революционное прошлое игнорировалась. «Сибирские огни» на этом «пустом», втором этапе 1930—1940-х годов избегали всего неоднозначного и не брались печатать произведения, идейная чистота которых подвергалась сомнениям (как «Угрюм река» В. Я. Шишкова, большая часть рукописи которого так и не дождалась публикации в «Сибирских огнях»). В целом публикациям на исторические темы третьего (1950-е — 1960-е) и четвертого этапов (1970-е) был присущ модернистский пафос преобразования на научно-технической основе старого несовершенного мира. Прошлым Якутии явно пренебрегали. Редакция придерживалась установки подчеркивать в истории края национальную специфику, но она неизбежно терялась за стереотипными описаниями успехов социалистического строительства. Хотя в 1970-х годах печаталось

значительно больше произведений якутских авторов (и в этом проявлялась специфика этапа), их взгляд на историю республики оставался во многом сходным со взглядом авторов, смотревших на Якутию извне. За кадром деятельности журнала шла ожесточенная дискуссия о наследии «буржуазно-националистической» интеллигенции Якутии — ныне признанных классиков якутской литературы. Официальная политика памяти стремилась вычеркнуть из истории края опасные для государства идеи, которые потенциально могли вести к оправданию капитализма и национализма. Стремясь к идеологической чистоте, журнал пропагандировал лишь критическую оценку этого наследия, ставшую официальной, и участвовал в травле якутского историка Г. П. Башарина — его защитника.

Лишь на пятом этапе, в 1980-х годах, в условиях перестроечных изменений общественно-политической и культурной атмосферы, репрезентации истории Якутии на страницах «Сибирских огней» обрели иной характер. В духе общих тенденций развития исторической памяти позднесоветского общества и историографии редакция повернулась лицом к истории якутской культуры, прежде всего к эпосу. Сравнительно поздний перевод олонхо на русский язык (в сравнении, к примеру, с переводами и литературными обработками алтайских героических сказаний) позволил избежать его жесткой идеологизации, присущей 1930—1950-м годам. Новые условия дали авторам возможность изменить вектор направленности политики памяти. Постепенно ценность эпоса стала преподноситься не с точки зрения отражения в нем классовой борьбы как основного и универсального смысла человеческой истории. Ценность олонхо стала видеться в сохранении эпосом глубинных духовных и нравственных смыслов, сформировавших исконные черты культуры якутов, благодаря которым этот народ веками адаптировался к жизни на крайнем севере, при этом формируя далеко не примитивные, как казалось ранее, а самобытные, сложно и прекрасно устроенные мифологические системы, отражавшие и одновременно поддерживавшие устойчивую организацию традиционного якутского общества, способного гораздо к большему, нежели просто физическое выживание. Именно эта новая тематика, потенциально отменявшая отношение к якутскому прошлому как к затяжному периоду отсталости и ранее не поддерживавшаяся на государственном уровне из опасений националистического крена, получила дальнейшее активное развитие в последующих, постсоветских десятилетиях.

Источники и принятые сокращения

1. *Алексеев В.* Хлебодарная Якутия / В. Алексеев // Сибирские огни. — 1963. — № 3. — С. 192.
2. *Баблюк Б.* Якутские алмазы / Б. Баблюк // Сибирские огни. — 1958. — № 5. — С. 101—116.

3. *Беленький Е.* Поэзия близкого солнца / Е. Беленький // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 101—116.
4. *Беленький Е.* Песни Якутии / Е. Беленький // Сибирские огни. — 1971. — № 9. — С. 181—183.
5. *Владимиров Н.* Алексей Кулаковский. Стихотворения [рецензия] / Н. Владимиров // Сибирские огни. — 1987. — № 5. — С. 171—172.
6. *Гаряев С. В. И.* Ленин и якутская большевистская политссылка / С. Гаряев // Сибирские огни. — 1961. — № 4. — С. 90—93.
7. *Горохова Е. Н.* Крепче алмаза / Е. Н. Горохова // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 3—9.
8. *Данилов С.* Песнь, написанная в Торунь — родном городе Коперника / С. Данилов // Сибирские огни. — 1978. — № 10. — С. 60—61.
9. *Данилов С.* Якут, сын якута / С. Данилов // Сибирские огни. — 1974. — № 8. — С. 74—94.
10. *Демидов В.* Из истории русско-якутских литературных связей советского периода (20—40-е годы) [рецензия] / В. Демидов // Сибирские огни. — 1975. — № 3. — С. 185—186.
11. *Евгеньев В.* Кладовая соли / В. Евгеньев // Сибирские огни. — 1962. — № 8. — С. 122.
12. *Ефимов М.* Великая Тумайда / М. Ефимов // Сибирские огни. — 1973. — № 6. — С. 76—77.
13. *Канаев Н.* Литература советской Якутии / Н. Канаев // Сибирские огни. — 1954. — № 6. — С. 165—177.
14. *Лейфер А.* Из якутского блокнота / А. Лейфер // Сибирские огни. — 1974. — № 4. — С. 153—162.
15. *Маленький А.* Тяжелое дыхание / А. Маленький // Сибирские огни. — 1928. — № 6. — С. 155—187.
16. *Никульков А. Г. Г.* Марков. Октябрь в Якутии / А. Никульков // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 165—166.
17. *Перов Е.* Анастасия Сыромятникова. Кыс-Хотун [рецензия] / Е. Перов // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 168—169.
18. *Плитченко А. Н. В.* Емельянов. Сюжеты якутских олонхо [рецензия] / А. Плитченко // Сибирские огни. — 1981. — № 5. — С. 190—192.
19. *Сыроватский А.* Книги по истории Якутии / А. Сыроватский // Сибирские огни. — 1958. — № 8. — С. 184—185.
20. *Урастыров К.* (В. М. Новиков) Могучий Дьагарыма. Якутский героический эпос олонхо. Предисловие Софрона Данилова. Поэтический перевод Александра Романова / К. Урастыров // Сибирские огни. — 1982. — № 3. — С. 96—122.
21. *Урастыров К.* (В. М. Новиков) Могучий Дьагарыма. Якутский героический эпос олонхо. Перевод и послесловие А. Романова. Окончание / К. Урастыров // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 67—97.
22. *Федоров Г.* Мифология народов Якутии. Сборник [рецензия] / Г. Федоров // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 174—175.
23. *Шапошников В.* Шестидесятое годовое «Угрюм-реки» / В. Шапошников // Сибирские огни. — 1988. — № 6. — С. 158—166.
24. *Шорников М. З. В.* Гоголев. Социально-экономическое развитие Якутии (1917—1941 гг.) / М. Шорников // Сибирские огни. — 1975. — № 4. — С. 190—192.

25. *Шерхунаев Р.* Народный певец Якутии / Р. Шерхунаев // Сибирские огни. — 1975. — № 11. — С. 149—152.

Литература

1. *Бассин М.* Россия между Европой и Азией : Идеологическое конструирование географического пространства / М. Бассин // Российская империя в зарубежной литературе последних лет. — Москва : Новое издательство, 2005. — С. 277—310. — ISBN 5-88439-062-9.

2. *Башарина З. К.* С. П. Данилов и Г. П. Башарин : к вопросу о литературном наследии / З. К. Башарина, К. Г. Башарин, О. К. Башарина // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. — 2019. — № 6. — С. 46—56. — DOI: 10.25587/SVFU.2019.74.44568.

3. *Бурцева Ж. В.* История освоения крайнего севера Якутии как начальный этап формирования северного текста / Ж. В. Бурцева // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2021. — № 1 (23). — С. 14—20.

4. *Гоголев А. И.* Якутия : век XX (1917—2000) / А. И. Гоголев. — Якутск : Издательство Якутского университета, 2001. — 154 с. — ISBN 5-7513-0308-3.

5. *Дарбасова С. Д.* Творчество А. Е. Кулаковского в оценке якутской литературной критики 20-х годов XX века / С. Д. Дарбасова, И. С. Егорова // Litera. — 2021. — № 1. — С. 84—95. — DOI: 10.25136/2409-8698.2021.1.34766.

6. *История Якутии*: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Алексеева ; отв. ред. С. И. Боякова. — Новосибирск : Наука, 2021. — Т. III. — 592 с. — ISBN 978-5-02-038818-5.

7. *Канаев Н. П.* Зарождение и становление литературной критики в Якутии (1925—1940 гг.) / Н. П. Канаев. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1984. — 99 с.

8. *Киндикова Н. М.* Литературы Сибири : опыт исследования : монография / Н. М. Киндикова. — Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2014. — 180 с.

9. *Кискидосова Т. А.* Города Якутской области XIX в. В трудах В. Л. Приклонского / Т. А. Кискидосова // Эхо арктической Одиссеи : судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов, посвященная 100-летию со дня рождения Ильи Самуиловича Гурвича : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Е. Н. Романова. — Якутск : Электронное издательство НБ РС(Я), 2019. — С. 309—313.

10. *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России / Н. Е. Копосов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 315 с. — ISBN 978-5-86793-851-2.

11. *Красильникова Е. И.* История и традиционная культура алтайцев в контексте исторической политики Советского государства 1920—1940-х годов : по материалам журнала «Сибирские огни» / Е. И. Красильникова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 367—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-367-383.

12. *Красильникова Е. И.* Власть и традиционная культура региона в динамике журнальных репрезентаций : Тува на страницах журнала «Сибирские огни» (1920-е — 1940-е гг.) / Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 1. — С. 13. — DOI: 10.25178/nit.2020.1.13.

13. *Ледовских А. Ю.* Сибирские «иностранцы» в исторической публицистике (вторая половина XIX — начало XX вв.) / А. Ю. Ледовских // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 3 (25). — С. 347—351.

14. *Литература Якутии XX века* : историко-литературные очерки / отв. ред. В. Н. Иванов. — Якутск : Издательство ИГИ АН РС (Я), 2005. — 728 с. — ISBN 5-8176-0067-6.

15. Матющенко В. С. Скопцы Якутской области на страницах региональной периодической печати в конце XIX — начале XX веков / В. С. Матющенко, Р. А. Якушева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 425—441. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-425-441.
16. Миллер А. И. Россия : власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. — 2009. — Т. 13. — № 3—4. — С. 6—23.
17. Родигина Н. Н. Другая Россия. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начало XX в. / Н. Н. Родигина. — Новосибирск : Издательство Новосибирского педагогического университета, 2006. — 343 с. — ISBN 5-85921-562-2.
18. Сивцева-Максимова П. В. Концепты национальной культуры в лирике Семена Данилова / П. В. Сивцева-Максимова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. — 2015. — № 1—10. — С. 230—236.
19. Сивцева-Максимова П. В. Литература народов Якутии. XX век : своеобразие и основные итоги / П. В. Сивцева-Максимова, В. Б. Окурокова. — Якутск : Бичик, 2001. — 48 с.
20. Segesten A-D. Memory studies : The state of an emergent field / A-D. Segesten, J. Wüstenberg // Memory Studies. — 2017. — Vol. 10. — Issue 4. — Pp. 474—489. — DOI: 10.1177/1750698016655394.
21. Verovšek P. J. Collective memory, politics, and the influence of the past : the politics of memory as a research paradigm / P. J. Verovšek // Politics, Groups, and Identities. — 2016. — Vol. 4. — Issue 3. — Pp. 529—543.

Material resources

- Alekseev, V. (1963). Khlebodarnaya Yakutia. *Siberian lights*, 3: P. 192. (In Russ.).
- Bablyuk, B. (1958). Yakut diamonds. *Siberian lights*, 5: 101—116. (In Russ.).
- Belenky, E. (1982). Poetry of the near sun. *Siberian lights*, 4: 101—116. (In Russ.).
- Belenky, E. (1971). Songs of Yakutia. *Siberian lights*, 9: 181—183. (In Russ.).
- Danilov, S. (1978). A song written in Torun — the hometown of Copernicus. *Siberian Lights*, 10: 60—61. (In Russ.).
- Danilov, S. (1974). Yakut, son of Yakut. *Siberian lights*, 8: 74—94. (In Russ.).
- Demidov, V. (1975). From the history of the Russian-Yakut literary ties of the Soviet period (20—40s) [review]. *Siberian Lights*, 3: 185—186. (In Russ.).
- Efimov, M. (1973). Great Tumaïda. *Siberian lights*, 6: 76—77. (In Russ.).
- Evgeniev, V. (1962). Pantry of salt. *Siberian lights*, 8: P. 122. (In Russ.).
- Fedorov, G. (1982). Mythology of the peoples of Yakutia. Collection [review]. *Siberian lights*, 4: 174—175. (In Russ.).
- Garyaev, S. (1961). V. I. Lenin and the Yakut Bolshevik political link. *Siberian Lights*, 4: 90—93. (In Russ.).
- Gorokhova, E. N. (1982). Stronger than diamond. *Siberian lights*, 4: 3—9. (In Russ.).
- Kanaev, N. (1954). Literature of Soviet Yakutia. *Siberian lights*, 6: 165—177. (In Russ.).
- Leifer, A. (1974). From the Yakut notebook. *Siberian lights*, 4: 153—162. (In Russ.).
- Maly, A. (1928). Heavy breathing. *Siberian lights*, 6: 155—187. (In Russ.).
- Nikul'kov, A. (1982). G. G. Markov. October in Yakutia. *Siberian lights*, 4: 165—166. (In Russ.).
- Perov, E. (1982). Anastasia Syromyatnikova. Kyys-Khotun [review]. *Siberian lights*, 4: 168—169. (In Russ.).
- Plitchenko, A. (1981). N. V. Emelyanov. Plots of Yakut olonkho [review]. *Siberian lights*, 5: 190—192. (In Russ.).

- Shaposhnikov, V. (1988). The sixtieth flood of the “Ugryum river”. *Siberian lights*, 6: 158—166. (In Russ.).
- Sherkhunaev, R. (1975). Folk singer of Yakutia. *Siberian lights*, 11: 149—152. (In Russ.).
- Shornikov, M. (1975). Z. V. Gogolev. Socio-economic development of Yakutia (1917—1941). *Siberian Lights*, 4: 190—192. (In Russ.).
- Syrovatsky, A. (1958). Books on the history of Yakutia. *Siberian lights*, 8: 184—185. (In Russ.).
- Urastyrov, K. (1982). (V. M. Novikov) Mighty Dagaryma. Yakut heroic epic olonkho. *Siberian Lights*, 3: 96—122. (In Russ.).
- Urastyrov, K. (1982). (V. M. Novikov) Mighty Dagaryma. Yakut heroic epic olonkho. *Ending. Siberian lights*, 4: 67—97. (In Russ.).
- Vladimirov, N. (1987). Alexey Kulakovsky. Poems [review]. *Siberian lights*, 5: 171—172. (In Russ.).

References

- Basharina, Z. K., Basharin, K. G., Basharina, O. K. (2019). S. P. Danilov and G. P. Basharin: on the question of literary heritage. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov*, 6: 46—56. DOI: 10.25587/SVFU.2019.74.44568. (In Russ.).
- Bassin, M. (2005). Russia between Europe and Asia: Ideological construction of geographical space. In: *The Russian Empire in foreign literature of recent years*. Moscow: New Publishing House. 277—310. ISBN 5-88439-062-9. (In Russ.).
- Burtseva, Zh. V. (2021). The history of the development of the far North of Yakutia as the initial stage of the formation of the northern text. *Arctic XXI century. Humanities*, 1 (23): 14—20. (In Russ.).
- Darbasova, S. D., Egorova, I. S. (2021). A. E. Kulakovsky's creativity in the assessment of Yakut literary criticism of the 20s of the XX century. *Litera*, 1: 84—95. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.1.34766. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (2001). *Yakutia: century XX (1917—2000)*. Yakutsk: Publishing House of the Yakut University. 154 p. ISBN 5-7513-0308-3. (In Russ.).
- Kanaev, N. P. (1984). *The origin and formation of literary criticism in Yakutia (1925—1940)*. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 99 p. (In Russ.).
- Kindikova, N. M. (2014). *Literature of Siberia: research experience: monograph*. Gorno-Altaysk: RIO GAGU. 180 p. (In Russ.).
- Kiskidosova, T. A. (2019). Cities of the Yakut region of the XIX century. In: *Echo of the Arctic Odyssey: the fate of ethnic cultures in the studies of Northern scientists, dedicated to the 100th anniversary of the birth of Ilya Samuilovich Gurvich*. Yakutsk: Electronic Publishing House of the National Bank of the RS (Ya). 309—313. (In Russ.).
- Koposov, N. E. (2011). *Strict regime memory. History and politics in Russia*. Moscow: New Literary Review. 315 p. ISBN 978-5-86793-851-2. (In Russ.).
- Krasilnikova, E. I. (2020). History and Traditional Culture of Altai in Context of the Historical Policy of Soviet State of 1920s-1940s: based on the materials of “Siberian Lights” Magazine. *Nauchnyi dialog*, 4: 367—383. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-367-383. (In Russ.).
- Krasilnikova, E. I., Waldman, I. A. (2020). Power and traditional culture of the region in the dynamics of journal representations: Tuva on the pages of the journal “Siberian Lights” (1920s — 1940s). *New studies of Tuva*, 1: S. 13. DOI: 10.25178/nit.2020.1.13. (In Russ.).

- Ledovskikh, A. Yu. (2009). Siberian “foreigners” in historical journalism (the second half of the XIX — early XX centuries). *Problems of history, philology, culture*, 3 (25): 347—351. (In Russ.).
- Literature of Yakutia of the twentieth century: historical and literary essays*. (2005). Yakutsk: Publishing House of IGI AN RS (Ya). 728 p. ISBN 5-8176-0067-6. (In Russ.).
- Matyushenko, V. S., Yakusheva, R. A. (2021). Eunuchs of Yakutsk Region on Pages of Regional Periodicals in Late 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 10: 425—441. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-425-441. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2009). Russia: power and history. *Pro et Contra*, 13 (3—4): 6—23. (In Russ.).
- Rodigina, N. N. (2006). *Other Russia. The image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the XIX — early XX century*. Novosibirsk: Novosibirsk Pedagogical University Publishing House. 343 p. ISBN 5-85921-562-2. (In Russ.).
- Segesten, A.-D., Wüstenberg, J. (2017). Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*, 10 (4): 474—489. DOI: 10.1177/1750698016655394.
- Sivtseva-Maksimova, P. V., Okorokova, V. B. (2001). *Literature of the peoples of Yakutia. XX century: originality and main results*. Yakutsk: Bichik. 48 p. (In Russ.).
- Sivtseva-Maximova, P. V. (2015). Concepts of national culture in the lyrics of Semyon Danilov. *Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture*, 1—10: 230—236. (In Russ.).
- The history of Yakutia: in 3 volumes*, 3. (2021). Novosibirsk: Nauka. 592 p. ISBN 978-5-02-038818-5. (In Russ.).
- Verovšek, P. J. (2016). Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm. *Politics, Groups, and Identities*, 4 (3): 529—543.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022,
одобрена после рецензирования 20.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Мамяченков В. Н. Животноводство Свердловской области в 1953—1985 годах / В. Н. Мамяченков, М. И. Львова, Е. С. Куликова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 386—402. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-386-402.

Mamyachenkov, V. N., Lvova, M. I., Kulikova, E. S. (2023). Animal Husbandry in Sverdlovsk Region in 1953—1985. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 386-402. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-386-402. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-386-402

Животноводство Свердловской области в 1953—1985 годах

Мамяченков Владимир Николаевич
orcid.org/0000-0001-6070-8746
доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного
и муниципального управления
mamyachenkov@mail.ru

Львова Майя Ивановна
orcid.org/0000-0002-8695-6737
кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного
и муниципального управления
minlvova@mail.ru

Куликова Елена Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2280-8700
кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного и
муниципального управления
e.s.kulikova@mail.ru

Уральский государственный
экономический университет»
(Екатеринбург, Россия)

Animal Husbandry in Sverdlovsk Region in 1953—1985

Vladimir N. Mamyachenkov
orcid.org/0000-0001-6070-8746
Doctor of History, Professor,
Department of State
and Municipal Administration
mamyachenkov@mail.ru

Maya I. Lvova
orcid.org/0000-0002-8695-6737
PhD in Economics, associate professor,
Department of State
and Municipal Administration
minlvova@mail.ru

Elena S. Kulikova
orcid.org/0000-0002-2280-8700
PhD in Economics, associate professor,
Department of State
and Municipal Administration
e.s.kulikova@mail.ru

Ural State University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность работы обусловлена непреодолимым теоретическим и практическим интересом, проявляемым российским обществом к рассматриваемому в статье историческому периоду. Новизна проведенного исследования видится в том, что в статье использованы материалы фондов одного федерального и двух региональных архивов, часть из которых вводится в научный оборот впервые. Подчеркивается, что исследуемый период вместил в себя огромное количество событий, прямо повлиявших на состояние сельского хозяйства страны, в том числе — на животноводство. Утверждается, что Средний Урал уже к началу XX века располагал довольно развитой животноводческой сферой. Акцентируется внимание на том, что начало исследуемого периода животноводство региона встретило с плохими показателями. Авторы выражают убеждение, что личное подсобное хозяйство граждан (ЛПХ) играло важную роль в обеспечении населения продуктами животноводства на всем протяжении исследуемого периода. Делается вывод, что, несмотря на все перипетии и катаклизмы, среднестатистическое потребление трех важнейших продуктов животноводства (мяса, молока и яиц) у значительной части населения региона к началу 1970-х годов достигло уровня научно обоснованных норм потребления.

Ключевые слова:

Свердловская область; животноводство; продукция; потребление; показатели.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the work is due to the enduring theoretical and practical interest shown by Russian society in the historical period considered in the article. The novelty of the study is seen in the fact that the materials from the funds of one federal and two regional archives, some of which are introduced into scientific circulation for the first time are used in the article. It is emphasized that the period under study included a huge number of events that directly affected the state of the country's agriculture, including husbandry. It is argued that by the beginning of the 20th century the Middle Urals already had a fairly developed livestock sector. Attention is focused on the fact that the husbandry sector of the region met the beginning of the study period with poor performance. The authors express their conviction that the personal subsidiary plot of citizens (PSP) played an important role in providing the population with livestock products throughout the study period. It is concluded that, despite all the vicissitudes and cataclysms, the average per capita consumption of the three most important husbandry products (meat, milk and eggs) among a significant part of the population of the region by the beginning of the 1970s had reached the level of scientifically based consumption norms.

Key words:

Sverdlovsk region; animal husbandry; products; consumption; performance.

Животноводство Свердловской области в 1953—1985 годах

© Мамяченков В. Н., Львова М. И., Куликова Е. С., 2023

1. Введение = Introduction

Как специфическая сфера деятельности человека животноводство формировалось по мере развития процесса одомашнивания диких животных, которые для человека стали источником удовлетворения своих физиологических и бытовых потребностей. Это, прежде всего, потребность в пище, а кроме этого — в сырье (изготовление одежды и строительство примитивного жилья с помощью тех же шкур), тягловой силе (и одновременно транспорте), наконец, в охранниках и помощниках на охоте.

Невозможно спорить с тем, что возникновение животноводства активно способствовало процессу развития человеческой цивилизации, так как обеспечило ему более стабильное и предсказуемое пропитание, а также, что очень важно, значительно сократило затраты времени на поиски пищи. Несомненно, что все вышесказанное позитивно сказалось и на развитии общечеловеческой культуры и окончательном выделении человека из животного мира.

При этом, давая оценку животноводству как важному фактору развития человечества, следует подчеркнуть исключительную роль приобщения человека к стабильному употреблению мяса животных. Значение мясной пищи для формирования человека в современном понимании впервые обстоятельно обосновал еще классик марксистской политэкономии Фридрих Энгельс в своем известном труде «Диалектика природы». Он, в частности, дальновидно отметил, что именно мясо животных содержит в почти готовом виде наиболее важные элементы, в которых нуждается организм человека [Энгельс, 1934, с. 54].

Начало развития животноводства на Урале источники относят к четвертому тысячелетию до н. э., когда на его южных территориях появляются одомашненные животные — крупный и мелкий рогатый скот и, возможно, лошади. К середине второго тысячелетия до н. э. животноводство распространяется уже и на Средний Урал (нынешняя территория Свердловской области), а во второй половине первого тысячелетия нашей эры животноводство приходит и на Северный Урал в форме оленеводства [Уральская..., 2000, с. 206].

Если же говорить конкретно о Среднем Урале (второе название Свердловской области), то, как отмечал в своей статье один из авторов данного

труда, несмотря на далеко не самые благоприятные климатические условия, к началу XX века наш регион располагал уже довольно хорошо для своего времени развитой животноводческой сферой. В связи с этим приводился такой пример: в конце 1860-х годов население только шести небольших населенных пунктов Пермской губернии (в состав которой входила территория нынешней Свердловской области) в общей сумме имело в своем владении почти 10 тыс. коров и более 15 тыс. овец без учета свиней и коз (информация представлена на одном из выставочных стендов Нижнетагильского государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала).

О значении животноводства для экономики страны говорит такой факт: животноводство Российской Федерации в настоящее время обеспечивает более 60 % валовой продукции всей сельскохозяйственной отрасли страны [Скотоводство...]. Конечной же его продукцией являются продукты питания, сырьё для пищевой промышленности, костная мука, лекарственные средства, корма, мех, кожа, шерсть, пух, навоз, тягловая сила.

Обозначенный нами в заголовке статьи период вместил в себя огромное количество самых разнообразных событий, в том числе прямо повлиявших на динамику развития сельского хозяйства страны, в частности, на состояние животноводства. При этом, пожалуй, самое значительное влияние на развитие исследуемой нами отрасли оказали, конечно, реформы (скорее даже — мероприятия), осуществленные партией и правительством в 1950-х годах. К таковым прежде всего следует отнести решения сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953) и ряд решений, ограничивающих развитие животноводства в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) граждан.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

При написании данной статьи мы ставили цель исследовать динамику главных показателей животноводства и особенности его развития в Свердловской области в 1953—1985 годах, то есть фактически с момента кончины И. В. Сталина до прихода к власти М. С. Горбачева.

В соответствии с поставленной целью в данной работе нам предстояло решить следующие задачи:

- обосновать выбор темы и необходимых источников;
- обобщить имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы по теме исследования;
- сформировать необходимые для проведения анализа цифровые таблицы;
- провести объективный анализ на базе имеющегося материала;
- сформулировать выводы по итогам проведенного исследования.

Из вышесказанного следует, что объектом исследования в данной статье выступает животноводство Среднего Урала в течение тридцатилетнего посттоталитарного периода истории Советского Союза. Предметом же является динамика развития и общее состояние упомянутой подотрасли сельского хозяйства.

В соответствии с поставленной целью авторы статьи использовали обнаруженные ими цифровые и фактологические материалы в фондах Российского государственного архива экономики [РГАЭ], Центра документации общественных организаций Свердловской области [ЦДООСО], а также Текущего архива Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [УФСГССОиКО]. Говоря об архивных источниках, отметим, что публикуемые нами сведения из фондов РГАЭ (имеется в виду фонд 1562 — Центральное статистическое управление СССР) вводятся в научный оборот впервые. В ЦДООСО мы использовали материала фонда 4 (Свердловский областной комитет партии).

Значительный объем данных мы получили, используя различные статистические издания УФСГССОиКО (бывшего Свердловоблстата) [Народное..., 1956; Народное..., 1962; Основные..., 1979; Свердловская..., 1971; Свердловская..., 1976; Свердловская..., 1981; Свердловская..., 1986]. Преимущество таких изданий состоит в их доступности и периодичности. Главным же недостатком является изложение исключительно официальной точки зрения.

К вышеупомянутым изданиям примыкают различные энциклопедии и справочники [Уральская историческая энциклопедия ..., 2000; Экономическая жизнь..., 1967], а также источники сети Интернет справочного характера [Постановление 1956; Электронный фонд...; Федеральная служба ...]. Вседоступность перечисленных источников информации осложняется, к сожалению, необходимостью их постоянной и строгой верификации.

Абсолютно необходимым элементом для написания работ историко-экономического плана являются также сборники законодательно-нормативных документов [КПСС в резолюциях ..., 1983—1990; Решения партии ..., 1983; Сборник законов ..., 1976], так как они способствуют реконструкции общей картины исследуемого периода. Именно подобные издания служат источниками для соответствующих ссылок и цитирования постановлений органов власти.

Исследований, посвященных непосредственно теме нашей статьи, на сегодня не так много. Среди них отметим труды известного уральского историка-аграрника В. П. Мотревича [Мотревич, 2009; 2013], а также одного из авторов настоящей статьи [Мамяченков, 2016; 2016].

Кроме того, проблематика развития животноводства в исследуемом периоде в той или иной мере освещается в работах других известных российских историков-аграрников [Бакунин, 1990; Безнин, 1991; Вербицкая, 1992; Денисевич, 1991; Зеленин, 2000; Искендеров, 2018; Томилин, 2006]. Нетрудно заметить, что большая часть работ относится к 1990-м годам. Это, по нашему мнению, говорит, с одной стороны, о некотором снижении интереса историков к аграрной проблематике, а с другой — о возможно возросших трудностях с доступом к архивным материалам.

Наконец, в исследовании мы опирались также на материалы из научно-популярной и мемуарной литературы: [Гайдар, 2006; Бурлацкий..., 1990; Голдин..., 1983; Назаров, 1959; Попов, 1992; Совхозы..., 1986; Энгельс, 1934].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Численность поголовья скота в исследуемом периоде: тридцатилетие противоречий

Позитивные изменения стали происходить в сельском хозяйстве СССР с 1954 года, а начало этому процессу положил сентябрьский пленум ЦК КПСС (1953) и его постановление «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» [КПСС в резолюциях ..., т. 8, с. 303—345]. Конечно, здесь следует иметь в виду одно обстоятельство: сельское хозяйство страны находилось в глубоком кризисе. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в начале 1950-х годов зерновых собирали меньше, чем до войны; см. например: [Аджубей, 1989, с. 89].

Интересно, что значительные перемены в агросфере во многом инициировал руководитель СССР Н. С. Хрущев, которого известный советский публицист Ф. М. Бурлацкий считал «даже большим государственным, чем Сталин» [Бурлацкий, 1991, с. 193]. Обобщенную и, на наш взгляд, справедливую оценку аграрной политике Хрущева дал известный ученый-аграрник М. А. Безнин, рассматривавший ее как процесс «раскрестьянивания» и превращения крестьянина-колхозника в «рабочего с огородом» [Безнин, 1991, с. 106].

Что касается животноводства в колхозах Свердловской области, то, к примеру, в 1953 и в 1954 годах планы по росту численности поголовья скота были провалены. Этому способствовали хроническая нехватка кормов и крайне примитивная механизация трудоёмких работ. Общее состояние животноводства на Среднем Урале было настолько плохим, что у властей возникали даже сложности с определением «передовых» хозяйств. Исследователь уральского села В. Н. Голдин приводит такие цифры: из более чем 700 колхозов, имевшихся в области в начале 1950-х годов, к ка-

тегии «передовых» могли быть причислены лишь 22. Соответственно из примерно 10 тыс. колхозных доярок к «передовым» отнесли 31 [Голдин...].

Чтобы иметь возможность рассмотреть, как изменялось поголовье основных видов скота и птицы на Среднем Урале в исследуемом периоде, мы составили таблицу 1. При ее рассмотрении напрашивается очевидный вывод: почти семь десятилетий советской власти сказались на численности поголовья скота скорее отрицательно, чем положительно. Действительно, легко подсчитать (табл. 1), что с 1916 по 1985 годы общая численность крупного рогатого скота (КРС) на территории Свердловской области выросла всего лишь примерно на 12 %, но при этом численность коров даже снизилась на 9 %. Еще больше, можно сказать — катастрофически, упала численность овец и коз (на 76 %) и лошадей (на 93 %).

Остается добавить, что население региона на протяжении всего XX века стабильно росло (табл. 2). Отсюда становится понятно, насколько снизился уровень самообеспечения области продуктами животноводства — в этом плане область стала безнадежно-хронически дотационной. Подтверждение тому мы нашли в одном из документов, датированном 1978 годом: «Торговля мясом в области не производится. В продаже имеются [только] колбасные изделия, ассортимент которых ограничен» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 89, д. 212, л. 81].

Единственным отрядным фактом на фоне общего снижения численности скота был рост поголовья свиней и птицы, причем довольно стабильный и значительный. По таблице 1 видно, что в исследуемом периоде поголовье свиней выросло почти в 2,5 раза, а птицы — вообще многократно. Свидетельствует это только об одном — намучившись с нерешаемой проблемой комплексного и гармоничного развития животноводства в непростых климатических условиях Среднего Урала, партийные власти региона сделали ставку на преимущественное развитие свиноводства и птицеводства.

Такое решение по времени совпало с другим значимым событием в животноводстве всей страны. Мы имеем в виду то, что многолетняя борьба властей с «частнособственническими пережитками» достигла своей цели: к концу исследуемого периода население наконец отучилось держать в своих личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) какой-либо скот и даже птицу. Так, в 1985 году (последнем в исследуемом нами периоде) в ЛПХ населения области насчитывалось всего 58 тыс. голов свиней из 722 тыс. их общего поголовья, а птицы — 1979 из 16 861 тыс. (см. табл. 1 и 2). Остается лишь добавить, что в уже совсем близком к нашему времени 2017 году аналогичные цифры составили соответственно 26 из 335 и 264 из 14 390 тыс. [Федеральная служба...].

Таблица 1

Поголовье основных видов скота и птицы во всех категориях хозяйств Свердловской области в 1953—1985 годах (на начало года), *тыс. голов**

Год	Виды скота					Птица	
	КРС		свиньи	овцы	козы		лошади
	всего	в т.ч. коровы					
1916**	805	404	395	820	520	н/св	
1928**	809	403	339	1 031	454	н/св	
1953	573	300	291	581	185	н/св	
1954	553	294	300	575	182	н/св	
1957	654	342	363	519	143	н/св	
1960	675	360	577	548	108	ок. 2 900	
1963	803	382	708	521	92	н/св	
1966	851	400	524	334	74	н/св	
1969	828	394	446	291	69	н/св	
1972	826	368	633	280	н/св	н/св	
1975	847	362	596	256	н/св	н/св	
1978	906	369	578	228	н/св	н/св	
1981	865	366	549	213	61	15 898	
1984	901	368	722	225	36	16 861	
1985	904	365	672	195	36	16015	

*Источники: [Народное..., 1956, с. 69; Свердловская..., 1971, с. 56; Свердловская..., 1976, с. 78—79; Свердловская..., 1981, с. 75—76; Свердловская..., 1987, с. 64—65; Уральская..., с. 477; Федеральная служба ..., ЦДООСО, ф. 4, оп. 53, д. 171, л. 8] (расчеты авторов статьи).

** Летом.

Таблица 2

Динамика численности населения Свердловской области
в 1913—1985 годах*

	Годы						
	1913	1926	1939	1959	1970	1980	1985
Численность населения, тыс. чел.	1 455	1 716	2 610	4 045	4 320	4 483	4 634

*Источники: [Свердловская..., 1976, с. 3; Свердловская..., 1986, с. 3].

3.2. Валовая продукция и продуктивность животноводства в 1953—1985 годах

Продуктивность животноводства в начале исследуемого нами периода соответствовала общему состоянию сельского хозяйства как всего СССР, так и Среднего Урала. В архивных фондах ЦДООСО мы обнаружили справку отдела сельского хозяйства Свердловского обкома КПСС, в которой прямо говорится, что в колхозах Свердловской области «крайне низки показатели по животноводству» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 53, д. 171, л. 12, 14].

Чтобы дать представление о продуктивности среднеуральского животноводства в исследуемом периоде, мы составили таблицу 3, в которой представлены два важных показателя: удойность коров и яйценоскость кур. И, хотя эти показатели относятся к колхозам, данный факт ничего не меняет: в совхозах и ЛПХ населения, судя по статистическим данным, имеющимся в нашем распоряжении, положение было ничуть не лучше.

Тем не менее даже при умеренной продуктивности ЛПХ граждан служили серьезным подспорьем в обеспечении населения продуктами животноводства. Но именно это не устраивало власти, которые стремились свести роль ЛПХ к минимуму. Так, в целях ограничения животноводства в ЛПХ населения Совмин СССР еще 27 августа 1956 года принял постановление, резко ограничивающее использование простого хлеба при откорме скота. Оправданием этому служило голословное утверждение, что скормливание скоту продуктов питания «дезорганизует снабжение трудящихся» и «представляет собой один из видов спекулятивной деятельности» [Постановление 1956].

Но самый сильный удар животноводству ЛПХ был нанесен в 1959 году, когда содержание сельскохозяйственных животных в городских условиях было запрещено [Указ...]. Правда, через несколько лет, уже после отстранения Хрущева от власти, были предприняты шаги по восстановлению прав граждан на разведение скота [Постановление 1964], но должного эффекта уже не случилось.

Для анализа динамики показателей продуктивности отечественного животноводства мы составили таблицу 4, данные для формирования которой получены нами в Российском государственном архиве экономики, а также на доступном в свое время сайте Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области — ТОФСТССО. По таблице 4 видно, что в исследуемом периоде производство мяса и молока в области в целом росло, хотя при внимательном рассмотрении можно заметить фрагментарные замедления этого роста.

Причины такой динамики были различны: это и волюнтаризм «хрущевских» реформ, и хронический дефицит инвестиций (за исключением,

Таблица 3

Продуктивность коров и кур-несушек в колхозах Свердловской области
в 1953—1985 годы, кг*

Годы	Показатели продуктивности	
	Удой молока от одной коровы, л	Яйценоскость курицы-несушки, шт.
1953	965	39
1956	1 510	н/св
1960	2 423	101
1964	2 169	н/св
1966	2 629	138
1970	2 642	133
1973	2 579	127
1976	2 675	109
1979	2 627	94
1982	2 750	н/св
1985	2 947	н/св

*Источники: [Свердловская..., 1971, с. 66; Свердловская..., 1976, с. 92; Свердловская..., 1981, с. 85; Свердловская..., 1987, с. 66; ЦДОСО, ф. 4, оп. 53, д. 171, л. 13, 56—57; оп. 58, д. 191, л. 1; оп. 67, д. 161, л. 20].

Таблица 4

Валовое производство основных видов продукции животноводства
всеми категориями хозяйств Свердловской области в 1953—1985 годы,
тыс. т *

	Годы								
	1953	1958	1962	1966	1970	1974	1978	1981	1985
Мясо всех видов:									
— в убойном весе**	57	76	91	102	104	120	139	128	153
— в живом весе***	97	134	143	160	157	176	205	188	223
Молоко	487	722	746	932	900	897	975	834	973
Яйца, млн шт.	184	265	316	388	578	1 015	1 287	1 478	1 532
Шерсть, т	913	1 049	843	453	355	333	280	249	251

*Источники: [РГАЭ, ф. 1562 (ЦСУ СССР), оп. 324, д. 5969, л. 200, 208, 216, 218; д. 6209, л. 135 об., 143 об., 163 об., 165 об.; д. 6502, л. 18 об., 26 об., 34 об., 37 об.; д. 6776, л. 16 об., 28 об., 42 об., 45 об.; д. 7098, л. 128 об., 136 об., 144 об., 156 об., 160 об.; оп. 337, д. 1439, л. 31 об., 3 об., 47 об., 50 об.; д. 4274, л. 57 об., 65 об., 73 об., 76 об.; оп. 337, д. 7861, л. 108 об., 116 об., 119 об., 199 об.; оп. 37, л. 1499, л. 46—47, 73, 99, 112; оп. 44, д. 1577, л. 48, 52, 84, 98, 268; УФСГССОиКО].

** Убойный вес — масса туши животного после забоя с внутренним и подкожным салом, без кожи, головы, нижних частей ног и внутренностей.

*** Живой вес — масса животного перед забоем.

пожалуй, 1970-х годов), и нарастающая депопуляция села, и др. Например, в 1959 году по причине массового забоя скота его поголовье (только основных видов) в Свердловской области уменьшилось на 72 тыс. голов. При этом рост валового производства мяса составил 16 тыс. т [УФСГССОиКО].

Наиболее значительный рост производства мяса пришелся на 1970-е — начало 1980-х годов, что можно объяснить значительными инвестициями, которые осуществляло государство в эти годы в аграрную сферу. Действительно, эти инвестиции в целом по СССР в 1971—1980 годах составили астрономическую сумму — более 250 млрд руб., или около 20 % всех вложений в экономику [Борхунов]. При этом, помимо прямых инвестиций, государство принуждало городских жителей в той или иной форме «оказывать помощь» селу. По образному выражению российского историка В. П. Попова, именно в 1970-е годы деревня при активной поддержке города стала выращивать «золотой хлеб» [Попов, 1992, с. 12].

Но и громадные затраты уже не давали должной отдачи. По таблице 4 видно, что, например, производство молока уже со второй половины 1960-х годов если и приросло, то незначительно. Производство же шерсти начало стабильно снижаться еще раньше — оно объективно коррелировало с поголовьем овец и коз. Единственным отрядным явлением в животноводческой сфере было птицеводство: здесь за 1970-е годы численность поголовья птицы (в основном кур) увеличилась весьма значительно: с 7,5 до 15,9 млн голов [ЦДООСО, оп. 113, д. 225, л. 149].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги исследования, подчеркнем, что животноводство всегда играло и будет играть в обозримой перспективе очень важную роль в экономике человеческого общества, так как призвано обеспечивать его чрезвычайно ценными и где-то даже незаменимыми продуктами.

Исследованный нами более чем тридцатилетний промежуток времени составил весьма значительный период истории СССР, настолько же интересный, насколько и противоречивый. Эти противоречия со всей остротой проявились и в динамике развития животноводства. Суть же этих противоречий, как нам представляется, состояла в том, что советское государство уделяло излишнее внимание общественному сектору животноводства, при этом явно недооценивая роль ЛПХ граждан и даже препятствуя его развитию.

Тем не менее сельское хозяйство (и в его рамках животноводство) одновременно и благодаря, и вопреки проводимой властями политике жило и даже развивалось. Доказательством этого было то, что в животноводстве постепенно росло валовое производство за исключением разве что шерсти, на что были особые причины.

Этот рост способствовал тому, что, несмотря на все перипетии и катаклизмы исследованных нами трех десятилетий, среднестатистическое потребление трех важнейших продуктов животноводства также в целом росло. Такой рост на протяжении почти всего периода привел к тому, что уже к началу 1970-х годов потребление мяса, молока и яиц значительной частью населения Свердловской области фактически достигло уровня научно обоснованных норм потребления. (Напомним, что таковыми в наши дни считаются: для мясoproductов — 73, молокопродуктов — 325 кг, для яиц — 260 шт. в год [Приказ...]).

Действительно, если, например, в 1953 году среднестатистическое годовое потребление упомянутых продуктов в семьях рабочих промышленных предприятий Свердловской области составило по мясу — 39 и молоку — 239 кг, а по яйцам — 60 штук, то в 1972 году эти цифры (правда, уже по семьям рабочих и служащих, что несущественно) уже составили соответственно 71 и 378 кг и 289 штук [УФСГССОиКО] (динамические ряды по рабочим промышленности 1952—1968 годов, л. 21—24; динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1969—1978 годов, табл. 7; расчеты авторов).

Таков главный вывод по итогам нашего исследования.

Но, конечно, нельзя не добавить, что советская статистика всегда использовала методы некорректного расчета и по возможности завышала цифры потребления населением продуктов питания. Например, она обычно доводила до сведения населения цифры производства мяса только в живом, «увеличенном», весе. При этом под категорию «мясо», согласно советской статистике, подпадала и так называемая «требуха», то есть и сало, и печень, и почки, а также язык, вымя, мозги, легкие, рубец, головы, губы и даже уши животных. Доля такой «требухи» в общей массе «мяса» составляла от 16 до 30 %, то есть допускалась своеобразная «пересортица». И хотя «требуху» полагалось пересчитывать в мясо с коэффициентом 3:1, статистика потребления мяса, конечно, при этом серьезно искажалась [Назаров, 1959, с. 33—35].

Источники и принятые сокращения

1. Борхунов Н. А. Проблемы инвестиций в сельском хозяйстве России : презентация [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://myslide.ru/presentation/problemu-investicij-v-selskom-hozyajstve-rossii> (дата обращения 05.03.2022).
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. № 7.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1986) / под общ. ред. Егорова А. Г. и Боголюбова К. М. : В 15-ти т. — Москва : Политиздат. Изд. 9-е доп и испр. 1983—1990.
4. Народное хозяйство Свердловской области : Стат. Сборник / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Свердл. обл. — Свердловск : Госстатиздат, 1962. — 231 с.

5. *Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска* : Стат. Сборник / [Ред. Г. Г. Латышев] ; ЦСУ СССР. Стат. упр. Свердл. обл. — Свердловск : Госстатиздат, 1956. — 151 с.

6. *Основные показатели жизненного уровня населения Свердловской области в 1978 г.* — Свердловск : Свердловоблстат, 1979. — 41 с.

7. Постановление 1956 — *Постановление* Совета Министров СССР «О мерах борьбы с расхождением из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту» от 27 августа 1956 г. № 1192 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5123.htm (дата обращения 14.11.2022).

8. Постановление 1964 — *Постановление* ЦК КПСС «Об устранении необоснованных ограничений личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих» от 27 октября 1964 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 5. — С. 517.

9. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562 (ЦСУ СССР). Оп. 324. Д. 5969. Лл. 200, 208, 216, 218. Д. 6209. Лл. 135 об., 143 об., 163 об., 165 об. Д. 6502. Лл. 18 об., 26 об., 34 об., 37 об. Д. 6776. Лл. 16 об., 28 об., 42 об., 45 об. Д. 7098. Лл. 128 об., 136 об., 144 об., 156 об., 160 об. ; Оп. 337. Л. 1439. Лл. 31 об., 39 об., 47 об., 50 об. Д. 4274. Лл. 57 об., 65 об., 73 об., 76 об. ; Д. 7861. Лл. 108 об., 116 об., 119 об., 199 об. ; Оп. 37. Д. 1499. Лл. 46—47, 73, 99, 112 ; Оп. 44. Д. 1577. Лл. 48, 52, 84, 98, 268.

10. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам* : в 14-ти т. — Москва, 1983. — 703 с.

11. *Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1975* : В 4-х т. — Москва, 1976.

12. *Свердловская область в цифрах. 1966—1970* : статистический сборник. — Свердловск : Статистика, 1971. — 148 с.

13. *Свердловская область в цифрах за 1971—1975 годы* : статистический сборник. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1976. — 191 с.

14. *Свердловская область в цифрах. 1976-4. Бурлацкий Ф. М.* Вожди и советники : О Хрущеве, Андропове и не только о них... / Ф. М. Бурлацкий. — Москва : Политиздат, 1990. — 383 с.

15. *Свердловская область в цифрах. 1981—1985* : статистический сборник. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. — 128 с.

16. *Скотоводство России в 2021 году, данные на 1 октября* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://greenfieldparts.ru/korovy/pogolove-krs.html> (дата обращения 16.11.2022).

17. *Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках»* от 12 августа 1959 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959. № 30. Ст. 493.

18. *Уральская историческая энциклопедия*. — Екатеринбург : Академкнига, 2000. — 640 с.

19. УФСГССОиКО — *Текущий архив* Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области.

20. *Федеральная служба государственной статистики* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi> (дата обращения 06.06.2017).

21. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 (Обком КПСС). Оп. 53. Д. 171. Лл. 8, 12—13, 14, 56—57 ; Оп. 58. Д. 191. Л. 1 ; Оп. 67. Д. 161. Л. 20 ; Оп. 89. Д. 212. Л. 81 ; Оп. 113. Д. 225. Л. 149.

22. *Экономическая жизнь в СССР : хроника событий и фактов. 1917—1965 : в 2 книгах* : книга 2 : 1951—1965 / ред. С. Г. Струмилин. — Москва, 1967. — 932 с.

23. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов* [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения Российской Федерации / Приказ от 1 декабря 2020 года № 1276 «О внесении изменений в приложение к Рекомендациям по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, утвержденным приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614». — Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/420374878> (дата обращения 21.11.2022).

Литература

1. *Аджубей А. И.* Те десять лет : [Воспоминания : О Н. С. Хрущеве] / А. И. Аджубей. — Москва : Сов. Россия, 1989. — 333 с.

2. *Бакунин А. В.* Развитие личных подсобных хозяйств населения : тенденции и перспективы (30-е—80-е годы) / А. В. Бакунин, М. Н. Денисевич. — Свердловск : Препринт, 1990. — 53 с.

3. *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг. / М. А. Безнин ; Ин-т истории СССР АН СССР, Вологод. гос. пед. ин-т. — Москва, Вологда : [б. и.], 1991. — 255 с.

4. *Бурлацкий Ф. М.* Вожди и советники : О Хрущеве, Андропове и не только о них... / Ф. М. Бурлацкий. — Москва : Политиздат, 1990. — 383 с.

5. *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство : от Сталина к Хрущеву, середина 40-х — нач. 60-х гг. / О. М. Вербицкая ; Рос. АН, Ин-т истории России. — Москва : Наука, 1992. — 222 с.

6. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи : уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. — 448 с. — ISBN 5-8243-0759-8.

7. *Голдин В. Н.* Сельское хозяйство Среднего Урала в период правления А. Кириленко / В. Н. Голдин // Проза.ру [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://proza.ru/2016/11/08/608> (дата обращения 13.11.2022).

8. *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале / М. Н. Денисевич ; АН СССР, Урал. отд.-ние. — Екатеринбург : Ин-т истории и археологии, 1991. — 195 с.

9. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство / И. Е. Зеленин // Труды Института российской истории РАН. 1997—1998 гг. — Москва : Ин-т рос. истории РАН, 2000. — Выпуск 2. — С. 394—425. — ISBN 5-8055-0076-0.

10. *Искандеров М. Э.* Основные аспекты аграрной политики СССР в 1950-е годы / М. Э. Искандеров // Acta historica : труды по истории, археологии, этнографии и обществоведению. — 2018. — Т. 1. — № 2. — С. 137—141.

11. *История советского Урала, 1946—1975 : Учеб. Пособие* / [Подгот. В. А. Саматов В. Г. Андреева, Е. П. Зверев и др. ; Науч. ред. В. А. Саматов]. — Свердловск : УрГУ, 1983. — 80 с.

12. *Мамяченков В. Н.* Завершение хрущевских реформ в сельском хозяйстве : а было ли оно? (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений : материалы международной научно-практической конференции. — Мичуринск : Мичуринский государственный аграрный университет, 2016. — С. 76—81.

13. *Мамяченков В. Н.* Животноводство Свердловской области в советский период : достижения и провалы / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2016. — № 3 (51). — С. 209—224.

14. Мотревич В. П. Развитие сельского хозяйства на Урале в 1950-е гг. / В. П. Мотревич // Государственная власть и крестьянство в конце XIX — начале XXI вв. — Коломна : Коломенский государственный педагогический институт, 2009. — С. 466—471.
15. Мотревич В. П. «Новый курс» в сельском хозяйстве СССР (к 60 — летию аграрной реформы 1953 г.) // Аграрный вестник Урала. — 2013. — № 8 (114). — С. 36—38.
16. Назаров Р. С. Потребление в СССР и методика его исчисления [Текст] / Р. С. Назаров, В. М. Синютин, Ю. Л. Шнирлин. — Москва : Госторгиздат, 1959. — 84 с.
17. Попов В. П. Крестьянство и государство (1945—1953) / В. П. Попов // Исследования новейшей русской истории. — Париж : Ymca-Press, 1992. — 298 с.
18. Совхозы Урала в период социализма (1938—1985 гг.) : сборник научных трудов / АН СССР, Уральский науч. Центр ; [редкол.: П. П. Толмачева (отв. ред.) и др.]. — Свердловск : УНЦ АН СССР, 1986. — 77 с.
19. Томилин В. Н. Аграрные преобразования Н. С. Хрущева и МТС (1953—1958 гг.) / В. Н. Томилин // Судьбы реформ и реформаторства в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19—20 октября 2006 г. — Коломна : Коломенский государственный педагогический институт, 2006. — С. 215—218.
20. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. — Москва : Госполитиздат, 1955. — XVIII, 328 с.

Material resources

- Borkhunov, N. A. *Presentation, report “Problems of investments in agriculture of Russia”*. Available at: <https://myslide.ru/presentation/problemy-investicij-v-selskom-xozyajstve-rossii> (accessed 05.03.2022). (In Russ.).
- Cattle breeding in Russia in 2021, data as of October 1*. Available at: <https://greenfieldparts.ru/korovy/pogolove-krs.html> (accessed 16.11.2022). (In Russ.).
- Collection of laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, 1938—1975: In 4 volumes*. (1976). Moscow. (In Russ.).
- Decisions of the Party and the government on economic issues: In 14 vols*. (1983). Moscow. 703 p. (In Russ.).
- Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR “On the prohibition of keeping livestock in the personal property of citizens living in cities and working settlements” dated August 12, 1959. (1959). *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*, 30. St. 493. (In Russ.).
- Economic life in the USSR: chronicle of events and facts. 1917—1965: in 2 books, 2. (1951—1965)*. (1967). Moscow. 932 p. (In Russ.).
- Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical Documents. *Ministry of Health of the Russian Federation*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420374878> (accessed 21.11.2022). (In Russ.).
- Federal State Statistics Service*. Available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi> (accessed 06.06.2017). (In Russ.).
- National economy of the Sverdlovsk region: Stat. Collection*. (1962). Sverdlovsk: Gosstatstatdat. 231 p. (In Russ.).
- Resolution of the Central Committee of the CPSU “On the elimination of unjustified restrictions on personal subsidiary farms of collective farmers, workers and employees” of October 27, 1964. *Decisions of the Party and the government on economic*, 5: P. 517. (In Russ.).
- Resolution of the Council of Ministers of the USSR “On measures to combat the expenditure of bread and other food products from state funds for livestock feed” dated

- August 27, 1956 № 1192. *Library of Normative legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics*. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5123.htm (accessed 14.11.2022). (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 1562 (CSU of the USSR)*. (In Russ.).
- Sverdlovsk region in figures for the years 1971—1975: a statistical collection*. (1976). Sverdlovsk: Sred.-Ural. publishing house. 191 p. (In Russ.).
- Sverdlovsk region in numbers. 1966—1970: statistical collection*. (1971). Sverdlovsk: Statistics. 148 p. (In Russ.).
- Sverdlovsk region in numbers. 1976—1980: statistical collection*. (1981). Sverdlovsk: Sred.-Ural. publishing house. 144 p. (In Russ.).
- Sverdlovsk region in numbers. 1981—1985: statistical collection*. (1986). Sverdlovsk: Sred.-Ural. publishing house. 128 p. (In Russ.).
- The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898—1986)*. (1983—1990). Moscow: Politizdat. Ed. 9th supplement and ispr. (In Russ.).
- The main indicators of the standard of living of the population of the Sverdlovsk region in 1978*. (1979). Sverdlovsk: Sverdlobstat. 41 p. (In Russ.).
- The national economy of the Sverdlovsk region and the city of Sverdlovsk: Stat. Collection*. (1956). Sverdlovsk: Gosstatizdat. 151 p. (In Russ.).
- TSDOOSO — *Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. F. 4 (Regional Committee of the CPSU)*. (In Russ.).
- UFGSSOiKO — *Current archive of the Federal State Statistics Service Administration for the Sverdlovsk Region and the Kurgan Region*. (In Russ.).
- Ural Historical Encyclopedia*. (2000). Yekaterinburg: Akademkniga. 640 p. (In Russ.).
- Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 7. (In Russ.).

References

- Ajubey, A. I. (1989). *Those ten years: [Memoirs: About N. S. Khrushchev]*. Moscow: Sov. Russia. 333 p. (In Russ.).
- Bakunin, A. V., Denisevich, M. N. (1990). *Development of personal subsidiary farms of the population: trends and prospects (30s—80s)*. Sverdlovsk: Preprint. 53 p. (In Russ.).
- Beznin, M. A. (1991). *Peasant yard in the Russian Non-Chernozem region, 1950—1965*. Moscow, Vologda: [b. i.]. 255 p. (In Russ.).
- Burlatsky, F. M. (1990). *Leaders and advisers: About Khrushchev, Andropov and not only about them* Moscow: Politizdat. 383 p. (In Russ.).
- Denisevich, M. N. (1991). *Individual farms in the Urals*. Yekaterinburg: Institute of History and Archeology. 195 p. (In Russ.).
- Engels, F. (1955). *Dialectics of nature*. Moscow: Gospolitizdat. XVIII, 328 p. (In Russ.).
- Gaidar, E. T. (2006). *The Death of the Empire: lessons for modern Russia*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 448 p. ISBN 5-8243-0759-8. (In Russ.).
- Goldin, V. N. *Agriculture of the Middle Urals during the reign of A. Kirilenko. Prose*. Available at: <https://proza.ru/2016/11/08/608> (accessed 13.11.2022). (In Russ.).
- Iskenderov, M. E. (2018). Basic aspects agrarian policy of the USSR in the 1950s. *Acta historica: works on history, archeology, ethnography and social science*, 1 (2): 137—141. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2016). Animal husbandry of the Sverdlovsk region in the Soviet period: achievements and failures. *Nauchnyj dialog*, 3 (51): 209—224. (In Russ.).



- Mamyachenkov, V. N. (2016). *The completion of Khrushchev's reforms in agriculture: was it? (based on the materials of the Sverdlovsk region)*. Michurinsk: Michurinsk State Agrarian University. 76—81. (In Russ.).
- Motrevich, V. P. (2013). "New course" in agriculture of the USSR (to the 60th anniversary of the agrarian reform of 1953). *Agrarian Bulletin of the Urals*, 8 (114): 36—38. (In Russ.).
- Motrevich, V. P. (2009). Development of agriculture in the Urals in the 1950s. In: *State power and the peasantry in the late XIX—early XXI centuries*. Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute. 466—471. (In Russ.).
- Nazarov, R. S. (1959). *Consumption in the USSR and the methodology of its calculation*. Moscow: Gostorgizdat. 84 p. (In Russ.).
- Popov, V. P. (1992). The peasantry and the state (1945—1953). *Studies of modern Russian history*. Paris: Ymca-Press. 298 p. (In Russ.).
- State farms of the Urals in the period of socialism (1938—1985): collection of scientific papers*. (1986). Sverdlovsk: UNC of the USSR Academy of Sciences. 77 p. (In Russ.).
- The History of the Soviet Urals, 1946—1975: Studies. Manual*. (1983). Sverdlovsk: USU. 80 p. (In Russ.).
- Tomilin, V. N. (2006). Agrarian transformations of N. S. Khrushchev and MTS (1953—1958). In: *The fate of reforms and reformation in Russia*. Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute. 215—218. (In Russ.).
- Verbitskaya, O. M. (1992). *The Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev, mid-40s — beginning. 60s*. Moscow: Nauka. 222 p. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (2000). *Agrarian policy of N. S. Khrushchev and agriculture*, 2. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 394—425. ISBN 5-8055-0076-0. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.11.2022,
одобрена после рецензирования 12.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Николашин В. П. «Постантоновщина» как особый этап развития тамбовской деревни (1921 — середина 1920-х годов) / В. П. Николашин, П. В. Ерин, Э. В. Гатилов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 403—430. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-403-430.

Nikolashin, V. P., Erin, P. V., Gatilow, E. V. (2023). "Postantonovism" as a Special Stage in Development of Tambov Village (1921 — Mid-1920s). *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 403-430. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-403-430. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-403-430

**«Постантоновщина»
как особый этап развития
тамбовской деревни
(1921 — середина
1920-х годов)**

Николашин Вадим Павлович¹
orcid.org/0000-0002-3595-8556
доктор исторических наук
nikolashin.vadim@yandex.ru

Ерин Павел Викторович²
orcid.org/0000-0003-0674-5962
кандидат исторических наук
erin1987@mail.ru

Гатилов Эдуард Вячеславович³
orcid.org/0000-0002-4234-4333
кандидат исторических наук
gatilow.e@yandex.ru

¹ Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

² Мичуринский государственный
аграрный университет
(Мичуринск, Россия)

³ Липецкий государственный
технический университет
(Липецк, Россия)

**“Postantonovism”
as a Special Stage
in Development of Tambov
Village (1921 — Mid-1920s)**

Vadim P. Nikolashin¹
orcid.org/0000-0002-3595-8556
Doctor of History
nikolashin.vadim@yandex.ru

Pavel V. Erin²
orcid.org/0000-0003-0674-5962
кандидат исторических наук
erin1987@mail.ru

Edward V. Gatilow³
orcid.org/0000-0002-4234-4333
кандидат исторических наук
gatilow.e@yandex.ru

¹ Tambov State University
named after G. R. Derzhavin
(Tambov, Russia)

² Michurinsk State
Agrarian University
(Michurinsk, Russia)

³ Lipetsk State
Technical University
(Lipetsk, Russia)

© Николашин В. П., Ерин П. В., Гатилов Э. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается общественно-политическое положение тамбовской деревни в последние месяцы антоновского восстания и в период после его завершения. Конфликт, сформировавшийся к 1920 году, не был урегулирован и принял форму вооруженной борьбы, создал условия для развития «социального бандитизма». Ко второй половине 1921 года деревня «признала» силу за большевиками, но по-прежнему жаждала свободы от жесткой налоговой политики, мобилизаций и т. д. В 1923 году происходит поступательное «умиротворение» крестьянства. Начинается перерастание «социального бандитизма» в «уголовный бандитизм». Число преступлений «против Советской Республики и порядка управления» сокращается, начинают преобладать имущественные преступления. Это обуславливалось улучшением социально-экономического положения крестьянства после урожая 1922 года. Несколько десятков тысяч антоновцев и их семьи из-за гибели родственников, из-за пребывания в концентрационных лагерях, из-за конфликтных взаимоотношений в своих селах с соседями еще долго ощущали последствия восстания. На другом полюсе были семьи убитых повстанцами большевиков и советских работников, оказавшиеся в тяжелом экономическом положении. Представители противоборствующих сторон находились в упадке, апофеозом которого стал голод 1922 года. Для реставрации дестабилизированного местного социума требовались поступательные шаги со стороны власти.

Ключевые слова:

антоновщина; Тамбовское восстание; крестьянство; деревня; социальный бандитизм; повстанцы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The socio-political situation of the Tambov village in the last months of the Antonov uprising and in the period after its completion is studied. The conflict, which had formed by 1920, was not resolved and took the form of an armed struggle, created the conditions for the development of “social banditry”. By the second half of 1921, the village “recognized” the strength of the Bolsheviks, but still longed for freedom from harsh tax policies, mobilizations, etc. In 1923 there was a progressive “appeasement” of the peasantry. The development of “social banditry” into “criminal banditry” begins. The number of crimes “against the Soviet Republic and the order of government” is declining, and property crimes are beginning to predominate. This was due to the improvement in the socio-economic situation of the peasantry after the 1922 harvest. Several tens of thousands of Antonovites and their families, because of the death of relatives, because of their stay in concentration camps, because of conflict relations in their villages with their neighbors, felt the consequences of the uprising for a long time. At the other extreme were the families of the Bolsheviks and Soviet workers killed by the rebels, who found themselves in a difficult economic situation. Representatives of the opposing sides were in decline, the apotheosis of which was the famine of 1922. For the restoration of the destabilized local society, progressive steps were required on the part of the authorities.

Key words:

antonovism; Tambov uprising; peasantry; village; social banditry; rebels.

«Постантоновщина» как особый этап развития тамбовской деревни (1921 — середина 1920-х годов)

© Николашин В. П., Ерин П. В., Гатилев Э. В., 2023

1. Введение = Introduction

Кризисные явления в сельском хозяйстве в 1918—1921 годах стали следствиями Гражданской войны и целого ряда факторов, имевших объективный характер. Так, на территории, контролируемой Советской властью, особенно тяжело сказывались продразверстка, мобилизации, жесточайшая борьба с дезертирством, насильственное насаждение коллективных хозяйств, злоупотребления местных властей, а также недород и голод 1920—1921 годов. Все это вело к росту социального напряжения. Ключевой же причиной возникновения «антоновщины» все же стало экономическое положение деревни и ограниченность ресурсов, на которые претендовали как деревня, так и государство.

Сегодня все больше в научный оборот входит термин *Тамбовское восстание*, а не *антоновщина*, так как последнее выглядит как уничижительное наименование данного явления со стороны победителей и подразумевает тенденциозность в освещении. Глубокий анализ тематики «Тамбовского восстания» позволил рассмотреть этот процесс более широко, так как ряд общественно-политических, военно-мобилизационных мероприятий не находились под непосредственным контролем А. С. Антонова. В частности, последний не организовывал само выступление, оно вспыхнуло стихийно. Кроме того, А. С. Антонов полностью не контролировал ход восстания и многие отделения Союза трудового крестьянства (СТК), так же как и повстанческие отряды, действовали самостоятельно. И. А. Анфертьев подчеркивает, что «власть ... дискредитировала лидеров крестьянства. Например, 25 июня 1921 года Каменеву и Бухарину предстояло переговорить с Держинским и обязательно подготовить к публикации материал о связи эсеров с руководителем Тамбовского восстания Антоновым, и это в то время, когда деятели эсеровской и левоэсеровской партий считали «антоновщину» движением полубандитским [Анфертьев, 2016, с. 103].

Примененный в названии термин не предполагает оценочных суждений и позиции автора, а исходит из существующих в историографии подходов. В настоящее время в научной литературе уже закрепился термин *предантоновщина*, который ввел в научный оборот О. Г. Шадский в рамках подготовки диссертационной работы на тему «Советская власть и кре-

стьянство Тамбовской губернии (лето 1918 — лето 1920), “предантоновщина”». Таким образом, термин *постантоновщина* является продолжением взглядов, существующих в историографии.

В контексте существующей научной традиции необходимо отметить, что исследователи в различные периоды, изучая антоновское восстание, чаще всего в качестве объекта анализа выбирали события военно-политического характера 1920—1921 годов или же, изучая события в деревне, переходили к анализу проблематики НЭПа. При этом тема сглаживания общественно-политических, социальных противоречий в деревне оказывалась за рамками многих работ.

Деятельность советской власти, направленная на нивелирование, выравнивание общественных потрясений, требует специального изучения. На данном фоне опыт, приобретенный большевиками в «постантоновский период» на территории Тамбовщины, является во многом уникальным. Здесь в «крестьянской», «православной» губернии наиболее рельефно представлены самые разнообразные последствия восстания, и именно на их примере может быть подробно изучена механика разрешения социального внутрирегионального кризиса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография проблемы общественно-политического развития тамбовской деревни после восстания 1920—1921 годов в настоящее время развивается. В ряде исследований достаточно широко рассмотрены различные аспекты завершающей стадии подавления Тамбовского восстания и их последствия [Radkey, 1976; Есиков и др., 1993; Парахин и др., 2021].

В историографии представлены отдельные, более узкие темы поднятой проблематики. В частности, это особенности борьбы с бандитизмом после завершения восстания [Захарцев, 2022], судьба семей, члены которых выступили на стороне повстанцев [Болтнев, 2017], влияние восстания на детей, особенности трансформации детского и подросткового знания и сознания в данных условиях [Щербинин, 2017] и ряд других. В сборниках «“Атаманщина” и “партизанщина” в Гражданской войне» содержится целый ряд статей, описывающих ход Тамбовского восстания и его последствия [«Атаманщина» ..., 2015; «Атаманщина» ..., 2019]. Также опубликован обзор региональных источников по изучаемой теме [Николашин, 2022].

В целом существуют отдельные лакуны в историографии изучаемой проблематики, требующие более глубокого изучения. Это позволит подготовить обобщающую работу по проблеме развития тамбовской деревни после восстания.

Источниковая база исследования представлена комплексом опубликованных и неопубликованных (архивных) документов, позволяющих достаточно подробно проанализировать особенности общественно-политического развития тамбовской деревни в 1920-е годы.

Ряд документов опубликован [«Антоновщина»..., 2007], другие введены в научный оборот впервые. К последней группе документов необходимо отнести материалы Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области, представленные фондами Тамбовского уездного комитета ВКП(б) [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1], Козловского уездного комитета ВКП(б) [ГАСПИТО, ф. П-834, оп. 1], Кирсановского уездного комитета ВКП(б) [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1.], а также Государственного архива Тамбовской области, это фонд Тамбовского губернского революционного трибунала [ГАТО, ф. Р-5201, оп. 2].

Ряд материалов был выявлен в периодической печати [Известия ..., 31 июля 1921].

Методология исследования базируется на синтезе основных подходов современной социальной истории. Также была использована система методов исторического исследования, основанных на принципах историзма, объективности и системности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Феномен «социального бандитизма» в тамбовской деревне

Завершение крестьянского восстания не произошло «одномоментно», в первые дни после его подавления, не залечило социальные раны, не решило экономические проблемы. До середины 1920-х годов в тамбовской деревне сохранялись антагонисты советской власти из числа тех, кто ей активно противостоял в 1920—1921 годы. Зачастую это были те, кого большевики и (длительное время) советские историографы называли «бандитами». Именно поэтому одним из центральных сюжетов данной проблематики является борьба с «социальным бандитизмом», одновременно выступающим широким общественным явлением, имеющим как антисоветские корни, и являющимся последствием экономических потрясений и общественных девиаций. Все эти процессы послужили причиной возникновения социального явления «бандитизм». Именно под таким названием последствия постантоновщины и входят в историографию первой половины 1920-х годов. Например, в сборнике «Антоновщина: статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии» в 1923 году отмечалось: «В октябре 1920 года в Токаревском районе работа по сбору продразверстки шла полным темпом. Это послужило к развитию бандитизма...» [Жиркунов, 1923, с. 103].

Необходимо выделить «социальный бандитизм» как общественное явление, наиболее близкое по содержанию к объекту исследования, ассоциирующемуся у большевиков с антисоветским движением и подлежавшему подавлению, искоренению в крестьянском сознании. При этом в настоящее время в историографии сохраняется в качестве эпитета данного явления термин «политический бандитизм» как продолжение советской историографической традиции (который в свою очередь опирается на терминологию советских политработников времен Гражданской войны: именно так они называли противников советской власти). Термин же «социальный бандитизм» базируется на устоявшихся традициях современного крестьяноведения.

В действительности, как отметит С. В. Ещин, «в одном из своих докладов сами чекисты признавали тот факт, что грань между “бандитизмом” и “крестьянским движением” определить затруднительно. Кроме термина “политический бандитизм” в сводках ЧК часто употреблялись выражения: “повстанческое движение”, “кулацкий мятеж”, “банды” и т. д.» [Ещин, 2012, с. 624].

«Социальный бандитизм» уходил корнями в жестокость большевиков по отношению к крестьянству в ходе продразверстки, борьбы с дезертирством, а также обуславливался глубинными социальными трансформациями в деревне под влиянием Первой мировой войны, революционных событий, социодемографических процессов, «земельного голода» и др. При этом советская власть аргументировала свою безжалостность в ходе продразверстки угрозой голода многим миллионам жителей страны и необходимостью одержать победу в Гражданской войне. В этих условиях «большевистская идеология определяла смысл борьбы за хлеб как борьбу за социализм, трактовала крестьянские протесты против насильственного изъятия хлеба как “кулацкие”, а попытки вооруженного сопротивления как “бандитизм”» [Васильева и др., 2012, с. 52].

Распространение «социального бандитизма» в Тамбовской губернии происходило на фоне недовольства жителей деревни советской налоговой политикой и другими шагами большевиков, затрагивавшими их глубинные экономические интересы. Мощное социальное напряжение конвертировалось, в частности, в энергичное содействие крестьянства движению дезертирства. В целом же дезертирство как фактор, повлиявший на стабильность местного социума, необходимо рассматривать как широкое социальное явление, проистекавшее из нежелания крестьян участвовать в Гражданской войне ни за одну из противоборствующих сторон. Деревня стремилась реализовать собственные интересы и, самое главное, сокровенную мечту о «земле и воле».

Феномен «социального бандитизма» необходимо рассматривать через призму общественных девиаций, вызванных событиями на фронтах Пер-

вой мировой войны. «В Тамбовской губернии, как и всюду в России, война и революция произвела глубокие сдвиги в структуре и психологии общества. Массы людей, выбитых из привычного уклада жизни, но усвоившие психологию “человека с ружьем”, представляли собой питательную среду для всякого недовольства. Более трети мужчин из тамбовской деревни побывали в армии и вернулись домой с решимостью действовать по-своему и с оружием. В тамбовских лесах уже в 1918—1919 гг. скрывались десятки тысяч “зеленых” и дезертиров, уклонявшихся от военной мобилизации» [Васильева и др., 2012, с. 52].

Для советской власти было наиболее опасным отрицание взбунтовавшимся крестьянством сложившихся правовых норм и общественных институтов в сочетании с претензией на тотальный контроль экономических и политических ресурсов на местах. Вооруженный ответ деревни на давление государства стал реальной угрозой не только нормальному функционированию, но и существованию советских политических институтов. Именно поэтому для ЧК ключевой задачей являлось выявление состава участников крестьянских выступлений, а также определение причин аграрных движений. Голод, дефицит товаров «из города», стремление уклониться от участия в Гражданской войне усиливали антисоветское движение. Роль государства в организации продовольственных отрядов, отрядов по борьбе с дезертирством углубляла антагонизм деревни и советской власти.

«Военный коммунизм» с его реквизициями, отменой товарно-денежных отношений для крестьян был неприемлем. Большевики мешали экономическому развитию их хозяйств, вызывая раздражение своими действиями. В этих условиях в черноземной деревне стали возникать спонтанные бунты, акты насилия и жестокости против агентов режима, вылившиеся в итоге в «антоновское» восстание. «Антоновский бунт», по мнению тамбовских историков С. А. Есикова и В. В. Канищева, стал «попыткой Союза трудового крестьянства и других повстанческих органов осуществить альтернативу НЭПу» [Демографические и экологические проблемы ..., 2010, с. 149].

3.2. Особенности развития деревни после восстания и действий советской власти по умиротворению крестьянства

Конфликт, сформировавшийся к 1920 году в тамбовской деревне, не был урегулирован и принял форму вооруженной борьбы. Спираль насилия стала быстро раскручиваться как со стороны большевиков, так и со стороны повстанцев, и, по сути, массовые жертвы с обеих противоборствующих сторон и жестокость привели к необратимым процессам, когда раскол деревни стал неизбежным. Для подавления восстания достаточно было нескольких месяцев, для «умиротворения» сел, общин, соседних дворов требовались годы, так как семьи с обеих противоборствующих сторон теряли

родственников, зачастую кормильцев, и при этом знали или догадывались о причинах и условиях их смерти и тех лицах, кто способствовал этому. Зачастую это были соседи, односельчане.

Для возвращения большевиками контроля над территориями, где действовали повстанцы (прежде всего это волости Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского, Козловского, Моршанского уездов) нужно было не только применить целый набор экономических и неэкономических мер, но и добиться некоторого доверия от крестьян. Отчасти этому способствовали естественные границы той территории, где оперировали антоновцы. «Узость» экономической базы была одним из важных ограничителей развития повстанческого, антисоветского движения. «Бандиты в первое время у крестьян не брали (продовольствие, фураж, лошадей. — В. Н.), а грабили совхозы. Это обстоятельство служило агитационным козырем, для бандитских главарей и располагало к ним крестьян» [Богомолкин, 1923, с. 93], в то время как советские формирования, напротив, пополняли ресурсы напрямую у крестьян и при этом старались сохранить материальную базу советских хозяйств. «Именно этим и создавалось впечатление, что Антонов “спасает”, а мы грабим крестьян», — резюмировал в своей статье участник подавления восстания Богомолкин [Там же, с. 94]. Однако к началу 1921 года количество антисоветских участников восстания достигло 20 тысяч человек [Там же], а совхозы и ссыпные пункты были разграблены, потребность в ресурсах резко возросла. Именно в этот период антоновцы «привыкшие к грабежу совхозов, перенесли эти “действия” на крестьян: в начале грабили красноармейские семьи и семьи советских работников, а потом пошли подряд» [Там же]. Здесь необходимо выделить, что грабеж семей большевиков и советских работников встречался достаточно часто в том случае, если глава семьи убивался антоновцами. Приведем ряд примеров. В удостоверении Кошковой Ольги Дмитриевны из Старо-Калугинского сельского совета села Калугина Курдюковской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии 25 января 1925 года отмечалось, что ее муж, бывший совработник Петр Прокофьев был «убит бандитами в 1920 году 4 сентября, имущество все разграблено бандитами...» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 1179, л. 5]. В Кирсановский укомпарт написала заявление жена убитого члена РКП(б) Андрея Михайловича Редкина Марина Ивановна Редкина из Калугинской волости села Калугино 14 мая 1922 года: «Мой муж боролся с бандой и во время боя был убит в конце сентября 20 года в деревне Коровке и оставил нас на произвол... Кровожадные бандиты и после смерти не давали мне покоя, разобрали у меня все средства производства и ... кусок хлеба. Я до сих пор жила подачками некоторых граждан, которые сожалели меня и мою семью, а в последнее

время я совсем погибала от голода...»[ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 744, л. 23].

В конце весны 1921 года антисоветские формирования, действовавшие на территории Тамбовской губернии, окончательно обнажили свою асоциальность перед крестьянством, производя уже постоянные грабежи всех категорий крестьянских хозяйств. Это создало условия для окончательного слома базиса повстанческих сил в деревне, резко снизило уровень доверия к ним крестьянства. Так, «во время ярового посева бандиты отбирали семена у крестьян. Население просило защиты у Советвласти и к июню месяцу 1921 года оно уже само охраняло советских работников. Организовывались местные добровольческие дружины, главный образом, из демобилизованных красноармейцев. Эти отряды сами вылавливали последние остатки бандитов» [Жиркунов, 1923, с. 105].

Период постанововщины был связан с острым недостатком тягловой силы, о чем сообщалось в советских спецсводках. И это же становилось одной из важных причинах ненависти крестьян к бывшим повстанцам, так как последние уже в заключительный период восстания достаточно часто отбирали лошадей у крестьян. Отметим, что кража лошадей считалась в деревне одним из самых тяжелых имущественных преступлений. Подобные акты только усиливали антагонизм деревни и преступных групп. В докладе уполномоченного Тамбовского губотдела госполитуправления по Кирсановскому уезду о политэкономическом состоянии Кирсановского уезда от 1923 года отмечалось, что «самою главною болью является недостаток лошадей, вследствие чего в некоторых волостях крестьяне не в состоянии будут обсеменить яровой клин, как например в Паревской, Балыклейской и др. вол.» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 906, л. 66]. Кирсановский уком РКП(б) сообщал в Тамбовский губком 1 сентября 1922 года, что крестьянство южной части Кирсановского уезда потеряло 80 % «конского состава» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 635, л. 7].

Лошади были не только важнейшим звеном в производственной системе крестьянских хозяйств, но и стратегическим ресурсом в антоновском восстании. На «внутреннем театре» боевых действий, без привлечения извне крупных вооруженных, моторизованных формирований, по сути, происходило перераспределение коней из гражданской сферы, области агропроизводства в военный сегмент. Так, в протоколе № 19 заседания Рассказовского райревкома от 17 апреля 1921 года отмечалось, что «положение в Рассказове с транспортом было всегда тяжелое, в настоящее же время благодаря налету банды Антонова и уходу лошадей с фабрик положение стало катастрофическое. Все Рассказово насчитывает в настоящее время максимум 130 подвод у граждан тогда, как в настоящее время для фабрик

требуется ежедневно не менее 100 подвод, необходима срочная отправка спирта по нарядам губернии, подвоз топлива и массовая мобилизация лошадей для военных целей. Тов. Топильский говорит, что на проводимых сегодня митингах крестьянство, охотно идя за Советвластью, единогласно и настойчиво указывает на слабость власти в проведении стройной мобилизации, что назначаемые в наряды от них уклоняются и что благодаря этому некоторым приходится нести наряд к ряду несколько дней, что красноармейцы мобилизуют лошадей в поле, чем чрезвычайно мешают правильному севу, что красноармейцы прибегают даже к самовольному отобранию лошадей и уводу их в свои части» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 4]. Таким образом, важнейшим ресурсом как в военном противостоянии, так и в восстановлении крестьянских хозяйств в постантоновский период ведущую роль играл фактор обеспеченности лошадьми.

Тамбовское восстание раскрыло целый комплекс противоречий, формировавшихся годами. И для его завершения требовалось со стороны власти применение силы. Это отмечали и сами крестьяне. Так, в отчете из Рассказовского района Тамбовской губернии от 6 августа 1921 года представлено мнение Пичерских крестьян: «Они говорят вы докажете свою силу, тогда к вам придем, а пока у вас нет сил, то [к] вам никто не пойдет. Если вы были сильны, то давно усмирили [бы] нас» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 1]. Альтернативы силовому сценарию подавления антоновского восстания к 1921 году не было, но такое развитие событий вело к дальнейшему углублению социально-психологических, общественно-политических противоречий и травм среди различных крестьянских групп. Иллюстрацией к данному тезису может послужить описание одного из мест, где происходила схватка между противоборствующими сторонами. 29 апреля 1921 года Рассказовский райревком сообщал в Тамбовский угоркомпарт и отдел управления Тамбовского уисполкома о том, что «в окрестности деревень лежит масса неубранных трупов. Некоторые из них изъедены собаками» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 7]. Еще более глубокую травму в памяти крестьян оставляли концентрационные лагеря, где в качестве заложников оказывались не только мужчины, но и женщины, старики, дети.

Переход деревни на сторону большевиков был обусловлен не только применением более мощной вооруженной силы, но и некоторыми налоговыми послаблениями власти, приходом посевной кампании, которая дисциплинировала крестьянина и требовала от него большого внимания к сельскохозяйственным работам. Повстанческое движение как социальное явление ограничивало хозяйственную деятельность «мужика». Например, 29 апреля 1921 года рассказовский райревком сообщал в Тамбовский угоркомпарт и отдел управления Тамбовского уисполкома, что «поля под

Пичером близлежащие к селу все засеяны овсом и картофелем, дальние поля оставлены под просо. Крестьянство надеется их засеять» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 7].

Повстанческое движение ограничивало экономическое развитие крестьянских хозяйств в зонах особой активности антоновцев, что оказывало негативное воздействие на всю посевную кампанию, в том числе это было связано с нестабильностью и с отсутствием советских институтов, оказывавших консультативную поддержку деревне. Как сообщалось в телеграмме в Тамбовский губчека из Козловского уезда 23 мая 1921 года, «посевная в “бандитских волостях” прошла плохо» [ГАСПИТО, ф. П-834, оп. 1, д. 466, л. 5]. 28 мая 1921 года в телеграмме в Тамбовский губчека из того же Козловского уезда отмечалось, что «в тех местах, где царит “бандитизм”, работа протекает слабо...» [Там же, л. 36]. Постепенно крестьянство стало четко осознавать негативное влияние бандитизма на процесс аграрного производства.

В отличие от повстанцев советская власть параллельно с борьбой с «бандитизмом и антисоветскими настроениями» в деревне вела хозяйственную работу. 27 апреля 1921 года, как отмечалось в телеграмме в Тамбовский губчека из Козловского уезда, «половина полей обсеменена [и] овес дает всходы... начали сеять просо... пахота ярового клина продолжается... выдаются добавочные семена, что даст возможность засеять еще 2/3 полей» [Там же, л. 4]. Проблема обсеменения полей была логическим продолжением продовольственного вопроса, который ослабленная гражданской войной деревня не могла самостоятельно решить в полном объеме.

Тамбовские повстанцы проиграли большевикам не только в экономической сфере, в военной стратегии и тактике, по численности, но и в идеологическом пространстве, в области перспектив модернизации экономики и просвещения. Как отмечает участник подавления восстания Богомолкин, «политика Антонова строится не на принципиальных основных вопросах, спасающих положение крестьян, а на самых наглядных, но убедительных для темного крестьянства, — при этом все построено на подогревании (настроений. — *В. Н.*) ... крестьян-собственников» [Богомолкин, 1923, с. 93]. Напротив, большевики обращали внимание на решение бытовых вопросов на местах, на необходимость развития просвещения. В качестве подтверждения данного тезиса представим выдержку из протокола № 17 заседания Рассказовского райревкома от 15 апреля 1921 года. В постановлении предписывалось: «Тов. Манухину выяснить пострадавших от бандитизма, инструктировать и наладить работу райсобеса, инструктировать и проверить работу Рассказовской профкомиссии, приступить к организации дома вре-

менной социальной помощи и выяснить возможность открытия в с. Рассказове Дома призрения — материалы по последнему вопросу представить в Губсобес. Тов. Коржицкий совместно с т. Хрустальевым — инструктирование регулирование работы волнаробраза, выяснение постановки политработы среди войск Рассказовского гарнизона и выяснение политического настроения. Тов. Картавых для работы в местный комхоз, которому получается обратить особое внимание на использование домов и квартир в с. Рассказове, как учреждениями, так и частными лицами» [ГАСПИТО, ф. П-842, оп. 1, д. 321, л. 2].

Особую роль большевики уделяли культурно-просветительской деятельности. В этом они существенно превосходили повстанцев и закладывали широкий фундамент для дальнейшего развития деревни в постантоновский период. Инструменты работы с населением и в ходе восстания и после его завершения были следующими: работа с сельсоветами, партийная деятельность (чистки, взыскания, продвижения, обучение), проведение конференций (в том числе беспартийных), работа с женщинами, деятельность комсомола, агитпропаганда, создание изб-читален и марксистских кружков, деятельность антирелигиозных кружков, кампании по пропаганде ленинизма, организация торжеств в честь 1 мая и дня памяти о Ленском расстреле, различные собрания, клубная работа, партвоспитательная работа в форме кружков самообразования, подготовка в вузы (воскресные школы на рабфаки), агропропаганда, экономические меры (крестьянский заем), печатная пропаганда, кооперативная работа и др. [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 973, л. 5—15].

Для подавления антисоветских настроений советская власть применяла самый широкий спектр инструментов, в том числе и культурно-пропагандистские. Для повышения эффективности борьбы с повстанцами 28 июля 1921 года в Козлове была открыта «противобандитская выставка», «которая содержала много агитационного материала, рисующего все зло бандитизма и, следовательно, необходимости борьбы с ним» [Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета ..., 31 июля 1921 года]. Кроме того, в Козлове издавались специальные газеты, направленные против «бандитизма» [«Антоновщина» ..., 2007, с. 239].

Для иллюстрации масштаба охвата различных волостей Кирсановского уезда повстанчеством приведем систематизированные данные (табл. 1):

Данные, представленные в таблице, позволяют достаточно широко продемонстрировать уровень вовлеченности различных волостей Кирсановского уезда в антоновское движение (табл. 1). Южные волости зачастую становились основными «поставщиками» антисоветских сил. Видимо, цифра учтенных советской властью к 1923 году участников анто-

Таблица 1

Ведомость на участников банддвижения граждан Кирсановского уезда
Тамбовской губернии 1923 года [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 907,
л. 2—2-об]

№	Наименование волости	Количество участников	Осужден	Скры- ваю- щихся	Не су- димых	Возврат по ам- нистии	Убитых, умерших и без вести пропавших
1	Боглановская	129	47		47	41	35
2	Богородицкая	7	1		6	1	
3	Богословская	140	67		13	67	60
4	Булыгинская	8	2	2			2
5	Вяжлинская	111	78	11	7	57	15
6	Глуховская	33	10		20	10	8
7	Градо-Уметская	52	19	30	3	18	
8	Золотовская	699	105	63	168		231
9	Иноковская	167	52	49	55	45	11
10	Калугинская	99	36	3	10	86	
11	Карай-Салты- ковская	315	124	1	3	80	187
12	Красивская	8	6		2		
13	Курдюковская	414	230		177	110	1
14	Куровщинская	62	50		12	50	
15	Нащекинская	5	5			3	
16	Никольская	87	71		16	50	
17	Паревская	227	70		157	4	
18	Рамзинская	20	16		4	8	
19	Рудовская	146	13	16	54	13	63
20	Соколовская	4	3	1		3	
21	Софьинская	19	4	4	9	1	2
22	Трескинская	123	101	1	21	70	
23	Царевская	403	238	3	162	134	
24	Арбеньевская	56	23			23	33
25	Инжавинская	53	13				
26	Чернавская	89	40		10	40	39
27	Балыклейская	13	7			7	6
28	Осино-Гаевская	703	425		128	399	142
29	Пересыпкинская	230	111	3	18	20	98
30	Ржаксинская	193	160			141	43
31	Вячкинская	—	—	—	—	—	—

Окончание табл. 1

№	Наименование волости	Количество участников	Осужден	Скрывающихся	Не судимых	Возврат по амнистии	Убитых, умерших и без вести пропавших
32	Кобяковская	—	—	—	—	—	—
33	Васильевская	—	—	—	—	—	—
34	Пригородно-Слободская	—	—	—	—	—	—
35	Калаисская	—	—	—	—	—	—
36	Оржевская	—	—	—	—	—	—
37	Ирская	—	—	—	—	—	—
	Итого	4566	2439	197	234	1721	378

новского движения — 4566 — является неполной, так как по некоторым волостям нет информации, а также сам факт включения в число «бандитов» имел в ряде случаев субъективный характер. Кроме того, по нашему мнению, среди участников восстания можно выделить две крупные социальные группы: активные и пассивные участники. К первой относились те, кто открыто выступил с оружием против большевиков, ко второй — члены семей антоновцев, «сочувствующие» восстанию и группы лиц, глубоко «оскорбленные» действиями большевиков в 1918—1920 (накануне крестьянского выступления, в период предантоновщины). Обе группы после подавления восстания оказались подвержены как репрессиям (в открытой и скрытой форме), так и морально-этическому давлению со стороны местных сообществ. Именно в данной плоскости и разворачивались глубокие «постантоновские» противоречия, находившие существенный резонанс во внутридеревенских столкновениях.

Таблица 1 содержит информацию о численности еще скрывавшихся в 1923 году бывших повстанцев, что демонстрировало сохранявшиеся в их среде антисоветские настроения, страх наказания, а также их моральную поддержку со стороны родственников. На данном фоне выделяются Золотовская и Иноковская волости, где еще скрывалось соответственно 63 и 49 крестьян.

Соотношение несудимых и возвратившихся из мест заключений после отбывания наказания по волостям разнилось. Например, несудимых в Золотовской волости было 168, а возвратившихся по амнистии не было. Напротив, в Иноковской волости несудимых было 55 крестьян и имелось сопоставимое по численности вернувшихся по амнистии — 45 человек. В Ржакинской волости 141 повстанец вернулся по амнистии, но здесь не

было зафиксировано судимых. По численности умерших, погибших и пропавших без вести в Кирсановском уезде выделялись Золотовская и Карай-Салтыковская волости, где данный показатель составил соответственно 231 и 187 человек. По-видимому, такую палитру положений на местах обусловливали накал борьбы и вовлеченность различных населенных пунктов в антисоветскую борьбу. Также необходимо расценивать значительную долю возвращавшихся по амнистии ранее осужденных антоновцев как подтверждение лояльного отношения советской власти к своим бывшим антагонистам.

Сам факт возвращения в родные деревни отбывших по суду наказание повстанцев не всегда приводил к их бесконфликтному, мирному включению в гражданскую жизнь. Ответственный секретарь Кирсановского укома РКП(б) Дыренков в письме за сентябрь 1922 года в Тамбовский губком РКП(б) сообщал, что был отмечен «случай расстрела одного бандита членом РКП на почве мести. Укомом было дано указание местам о недопущении подобных явлений» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 635, л. 8]. Этот факт свидетельствует о сохранявшихся в тамбовской деревне в первые месяцы после завершения восстания острых противоречиях.

Пожалуй, одним из важнейших последствий антоновского восстания стал голод. К лету 1922 года в ряде волостей Тамбовской губернии питалось суррогатами более половины населения. Мы предлагаем данный процесс рассмотреть как системное явление, включающее в себя как возвращение из концентрационных лагерей бывших повстанцев, так и состояние здоровья населения, общественно-политическое положение деревни на примере одной из волостей Кирсановского уезда. Данную информацию удалось агрегировать по сводкам № 1—12 по Иноковской волости за период с 1 января по 10 июля 1922 года и представить в таблице 2:

В качестве объекта исследования была выбрана Иноковская волость, которая являлась родиной одного из руководителей крестьянского восстания в Тамбовской губернии Петра Михайловича Токмакова, и здесь особенно активно проявляли себя антоновцы. Именно на примере данной волости можно достаточно глубоко изучить динамику общественно-политических настроений крестьянства, событий.

Материалы, представленные далее (табл. 1), свидетельствуют о том, что, несмотря на углубление экономического кризиса, после подавления восстания и развития голода население в целом негативно воспринимало бывших антоновцев и не рассматривало возможности новых выступлений против советской власти. Возвращение из заключения бывших повстанцев не изменяло социальный баланс в деревне. При этом крестьяне по-прежнему негативно оценивали советскую налоговую политику.

Таблица 2

Динамика общественно-политического положения и развития голода в Иновской волости
Кирсановского уезда Тамбовской губернии с 1 января по 10 июля 1922 года
[ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 741, л. 36, 38, 39, 39-об, 41, 41-об,
42, 43, 43-об., 45, 45-об, 46, 47, 47-об., 48, 49, 50, 51, 52, 52-об]

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения участники банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрослых	Детей до 16 лет	Взрослых	Детей до 16 лет	Взрослых	Детей до 16 лет		
С 1 января по 21 февраля	195	240	2	11	1587	240	Вернулось из мест заключения 15 активных бандитов. По слухам, часть из них погибла в боях с Красной армией. Заложников из семей бандитов — 150 человек.	«Антисоветского элемента в волости имеются»: семьи бандитов, их родственники. Преданных советской власти ½ населения. Отношение населения к местной власти неудовлетворительное, так что случаются «некоторые нетодования». На почве голодовки выполнение продналога и трудужналга очень слабо. Происходят кражи скота и остатков хлеба друг у друга. Особых выдающихся событий не замечено.

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения участники банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрос- лых	Детей до 16 лет	Взрос- лых	Детей до 16 лет	Взрос- лых	Детей до 16 лет		
21— 28 февраля 1922 года	3195	240	1	0	1587	240	Вернулось из мест заключения актив- ных бандитов 3	Большинство семей доедают последние остатки суррога- тов. Вернулось осужденных за бандитизм — 3 человека. Население к ним в боль- шинстве своем относится злобно, но особенных тече- ний не замечается. Местная власть ведет за ними надзор. На почве голода население ни к чему не приходит. Со- брация, митинги посещает всяма малая часть населе- ния. Особенных неудоволь- ствий не проявляется, но выполнение государствен- ных налогов очень слабое и с неудовольствием («Мы слабы и у нас нечего есть и также не на чем ехать»).
								Транспорт в волости раз- битый: всего по волости более пригодно к работе около не более 150 лошадей, остальные заражены чесот- кой и другими болезнями из-за плохого питания по причине отсутствия фуража.

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения участники банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрослых	Детей до 16 лет	Взрослых	Детей до 16 лет	Взрослых	Детей до 16 лет		
С 1 по 13 марта	Более 300	Более 400	1	3			—	—
14—20 марта	Около 3000	До 500	2	1	Более 2000 взрослых и детей, целыми семьями		Из заключения вернулись одна женщина-заложница (арестованная за сына бандита, который так и не явился для сдачи), а также мужчина.	Большая часть населения доедала последние остатки запасенных суррогатов (кору дуба, солому, ольху и др.). Для обсеменения полей семена оставались «очень у редких граждан».
С 20 марта по 4 апреля	3000	500	1	1	Более 2000 взрослых и детей, целыми семьями		Из заключения вернулось 9 бандитов.	У ряда семей закончились суррогаты для питания, у некоторых их не имелось. Население высказывает недовольство по отношению к бандитам за то, что они уничтожили весь рабочий скот. Выполнение общегосударственного налога и продналога крестьяне затягивают.

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет		
С 24 апреля по 9 мая	Более 4000	До 2000	5	4	Более 1000	Детей до 16 лет	1 человек в д. Тихвинка	Есть опухшие от голода, развивается сыпной тиф. Население к бандитским семействам относится не очень доброжелательно. На почве голода население ни к чему не приходит. Сдача продналога и общегражданского налога совершенно остановились. От содержания служащих волостных и сельских советов из местных средств население отказалось. Также стала отмечаться слабая работа у некоторых служащих волостных и сельских работников. В ночь с 6 на 7 мая в поле в 15 верстах от волости неизвестными двумя вооруженными лицами у гражданина с Иноковки была отобрана лошадь с упряжью и всеми семенами.

Период	Количество голодающих		Умерших		Количество заболевших под влиянием голода		Вернувшиеся из заключения участники банд и заложники	Отношение к советской власти, общественно-политическое и хозяйственное положение
	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет	Взрос-лых	Детей до 16 лет		
С 9 мая по 31 мая	Более 5000	Более 2000	7	4	Около третьей части всего населения	Детей до 16 лет	Вернулось два заложника	Выступлений против советской власти нет.
С 1 по 13 мая	Более 6000	Более 3000	4	4	Около третьей части всего населения, большинство опухшие.		Вернулся активный бандит Квасов Федор Осипов	Население относится к бандитам негативно, у последних нет сторонников и поддержки, кроме их семей. Выступлений против советской власти нет.
С 13 по 20 июня	Более 6000	Более 3000	1	—	Около третьей части всего населения, почти все опухшие		Вернулось из мест заключения 5 амнистированных	Активных выступлений бандитов не замечается. Выступлений против советской власти нет.
С 21 по 27 июня	Более 6000	Более 3000	6	3	Около 9000, почти все голодающие			Агитации на почве голода нет.
С 28 июня по 10 июля	Около 75 % населения волости						5 бывших бандитов	В лесу обнаружен один дезертир. Выступлений против советской власти нет.

3.3. Особенности трансформации «социального бандитизма» в форму «уголовного бандитизма» и последствия восстания

Вслед за завершением активной фазы подавления восстания наступил естественный процесс перерастания «социального бандитизма» в форму «уголовного бандитизма». Ряды последних пополняли, с одной стороны, некоторые амнистированные повстанцы (особенно в тех случаях, когда по возвращении их хозяйства оказывались в упадке), с другой — по-прежнему скрывавшиеся в лесах и не оказывавшиеся под арестом, не сдававшиеся антоновцы. Их целью было выживание в тяжелых условиях вдали от своих дворов. В большинстве случаев основными способами получения средств к существованию для них были разбой и грабеж. Для крестьянских хозяйств они не представляли никакого интереса: ни политического, ни экономического. Напротив, имущественные преступления совершались именно по отношению к простым крестьянам. В качестве примера приведем положение в Козловском уезде, где уже летом 1921 года имели место данные явления. Здесь отмечались частые акты грабежа местных жителей рассеянными членами преступных групп. 4 июня 1921 года в телеграмме из Козловского уезда в Тамбовский губчека сообщалось, что в «Булатовском и Хмелевском лесу скрываются шайки бандитов числом десять человек вооруженные винтовками... шайки выходят на дорогу и отбирают у граждан все, что нужно для них...» [ГАСПИТО, ф. П-834, оп. 1, д. 466, л. 46].

Также бывшие антоновцы представляли опасность и для советских работников. В сводке № 2 за 22—28 февраля 1922 года по Вячкинской волости Кирсановского уезда описывалась ситуация, когда бежавший из концентрационного лагеря «ярый бандит» Злобин Никита 26 февраля поселился в селе Кавылка. Туда же по производственной необходимости направился волостной ямщик Федор Ивлев и вслед за ним волостной служащий. Злобин избил ямщика, заявляя ему: «Я ярый бандит» [ГАСПИТО, ф. П.-837, оп. 1, д. 741, л. 31]. Затем выхватил револьвер и хотел выстрелить, и лишь уговоры очевидцев остановили бывшего антоновца от убийства. Волостной служащий высказывал предположение относительно того, как развернулась бы ситуация в случае его поездки вместе с ямщиком и очной встречи со Злобиным: «То бы я или он меня застрелил» [Там же, л. 31-об].

Бывшие повстанцы, особенно те, кто до вступления в банду и совершения преступлений не успел найти свое место в жизни, с трудом интегрировались в мирную повседневность. Наиболее остро это проявлялось в первые дни и месяцы после их ареста. Так, в протоколе № 21 от 12 августа 1921 года начальника милиции 7-го района Тамбовского уезда Белова сообщалось, что 9 августа двадцатитрехлетний бандит из села Старое Челинцево Дмитрий Федорович Тарураев по кличке Лодырь доброволь-

но сдася, чтобы «искупить свою вину» [ГАТО, ф. Р-5201, оп. 2, д. 1812, л. 143]. Явившись, он принес с собой винтовку русского образца, а также револьвер системы наган с шестью патронами. Но, «пробыв под арестом около 6-ти часов», он «стал просить, чтоб дали ему отряд в количестве около 30-ти человек для того, чтобы поймать еще шайку, состоявшую по его словам [примерно из]... 15-ти человек во главе с командиром главарем Чернышовым Иваном Ефимовичем» [Там же]. Для этого Турураев стал просить направить отряд с пулеметом. Операция не была проведена. Было установлено, что сам бандит провел в банде девять месяцев и, как выяснилось впоследствии, зверски убил жену коммуниста на его глазах, а затем ограбил его [Там же].

Поступательное «умиротворение» крестьянства к 1923 году стабилизировало общественно-политическое положение тамбовской деревни. Значимую роль в этом процессе сыграл и первый урожай, собранный после завершения восстания. Голод начал отступать. На этом социальном фоне постепенно исчезают преступления, совершавшиеся ранее бывшими повстанцами. И постепенно в сводках милиции «особо опасные для государства и общества» преступления вытесняются бытовыми правонарушениями. Рост числа имущественных преступлений мог быть итогом перерастания «социального бандитизма» в «уголовный бандитизм». Так, уполномоченный губсуда по Кирсановскому уезду 16 апреля 1923 года в докладе о деятельности народных судов и народных следователей по Кирсановскому уезду за период с 1 октября 1922 года по 1 апреля 1923 года характеризует дела, поступавшие в суд, следующим образом: «Большой процент дают имущественные преступления, а в дежурную камеру суда поступают дела преимущественно самогонщиков» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 915. л. 10-об]. В сведениях о движении дел по 1-му, 2-му и 3-му районам Кирсановского уезда с 1 октября по 1 ноября 1923 года преобладали должностные преступления (75) и преступления против имущественных прав (54), по 17 преступлений было зафиксировано по статьям, связанным с противоправными деяниями «против Советской Республики и порядка управления» и «против жизни, здоровья и достоинства личности» [Там же, д. 914, л. 23].

Подобные трансформации, связанные с сокращением преступлений со стороны бывших антоновцев против существующего государственного строя и порядка, видимо, произошли на рубеже 1922—1923 годов. На это могли повлиять и природные условия — зима. Так, в сведениях о движении дел милиции Кирсановского уезда за период с 1 сентября по 1 ноября 1923 года на первом месте по числу преступлений выделялись противоправные деяния по статьям «против Советской Республики и порядка управления» (281), далее расположились преступления «против имущественных

прав» (95), «против жизни, здоровья и достоинства личности» (60), «хозяйственные» (59), «должностные» (39), «нарушение правил охраны здоровья», «общественной безопасности и публичного порядка» (19), «воинские преступления» (3). Всего в этот период было зафиксировано 495 преступлений, то есть доля правонарушения «против Советской Республики и порядка управления» составляла 56,8 % [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 914, л. 21].

Гипотеза о сохранявшихся в тамбовской деревне «проантоновских» настроениях в исследуемый период находит подтверждение и в суждениях некоторых крестьян в 1923 году. Так, в докладе уполномоченного Тамбовского губотдела госполитуправления по Кирсановскому уезду о политэкономическом состоянии Кирсановского уезда сообщалось, что «замечается сожаление некоторых участников бандитизма о том, что граждане плохо помогали бандитам, в результате чего опять власть перешла в руки Советов, а если бы наоборот, то нам бы не пришлось бы вести столько тяжестей причиняемых налогами, таковое суждение распространял среди граждан села Паревки отец бывш[его] ярого бандита — Пьяных. Кроме того, в Паревской волости наблюдается случай взятия из школы детей ввиду не преподавания там закона божьего» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 906, л. 66].

Еще одним важным артефактом, демонстрирующим влияние антоновского восстания на развитие тамбовской деревни и судьбы крестьян в последующие несколько лет, является переписка семей погибших от рук повстанцев большевиков и советских работников с местными органами власти. Вплоть до 1927 года сюда шли обращения с просьбой об оказании им материальной помощи. Так, 2 августа 1927 года председатель комитета Кирсановской страховой кассы Давыдов у Кирсановского укома ВКП(б) просил уточнить информацию о том, «работал ли гр. Власов Ефим Петрович заведующим Вяжлинским совхозом Градо-Уместкой вол. С марта м-ца 1920 года по апрель 1921 года ... по день убийства его бандой на станции Умет» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 1416, л. 2]. Запрос делался по просьбе жены убитого.

В фондах Государственного архива общественно-политической истории Тамбовской области выявлен целый ряд подобных документов за 1922—1927 годы. Это свидетельствует еще об одном важнейшем последствии антоновского восстания, которое не разрешилось «одномоментно», — о положении семей погибших с пробольшевистской стороны. Последние зачастую были главами семей и основными работниками в своих хозяйствах. Об этом же положении сообщал 1 сентября 1922 года Кирсановский уком РКП(б) в Тамбовский губком, отмечая, что «материальное положение членов партии крайне плохое, особенно тяжело положение семей убитых коммунистов...» [ГАСПИТО, ф. П-837, оп. 1, д. 635, л. 7].

4. Заключение = Conclusions

Мощные социальные сдвиги в начале XX века привели к глубинным трансформациям в традиционных установках, ментальности российского крестьянства. Тамбовская деревня не стала исключением. Наряду с отходничеством, участием в военных действиях на фронтах Первой мировой войны вспыхнувшее восстание стало еще одной ареной столкновения крестьянского традиционализма и ценностей индустриального общества.

Несмотря на охват восстанием целого ряда уездов Тамбовской губернии, ресурсы антоновцев по сравнению с возможностями государства были ограничены. Итогом же (вполне прогнозируемо) стало большое число человеческих жертв и глубоких экономических, ценностно-моральных последствий, репрессии и т. д. И, самое важное, начавшись в августе 1920 года, оно имело длительные негативные последствия, не менее чем в несколько лет (хотя потомки по сей день хранят память об этих событиях): взаимная ненависть формировала целый ряд витков репрессий, которые не завершились периодом подавления антоновского восстания, а вчерашние соседи, односельчане, земляки продолжили взаимную борьбу, что сохраняло социальное напряжение в деревнях, многолетнюю вражду между ними.

В целом же постантоновщина была периодом продолжительностью в несколько лет. В частности, вплоть до 1927 года (согласно сохранившимся в архивах данным) уездные органы власти получали просьбы поддержать семьи погибших от рук повстанцев членов ВКП(б) и советских служащих. Завершающими «аккордами» в этой драме стали коллективизация и борьба с инкомыслящими в деревне. Однако и эти события не стерли в памяти деревни противоречия, разожжённые в начале 1920-х годов. Только в 1930-х годах после завершения борьбы с инакомыслием в деревне данный вопрос приобрел менее острые социальные оттенки.

Переход к новой экономической политике не мог прекратить противостояние крестьянской общины тамбовской деревни и советской власти, он лишь ослабил протестную волну. Но и силовая операция государства, уничтожив, ослабив и рассеяв ключевой боевой ресурс антоновцев, не привела к полному «умиротворению», уничтожению конфликтности, а лишь создала мощный фундамент для восстановления экономики и общественно-политической жизни. Утвержденный в 1922 году Земельный кодекс РСФСР ознаменовал победу деревни в противостоянии с большевиками. Но это была «пиррова победа». После короткой передышки, которая совпала с «постантоновским периодом» на рубеже 1920—1930-х годов, наступил эпоха коллективизации.

Источники

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920—1921 гг. : документы, материалы, воспоминания / Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл. [и др.] ; [сост. : В. П. Данилов и др]. — Тамбов : Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл., 2007. — 772 с. — ISBN 978-5-98662-060-2.
2. ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-842, Оп. 1, Д. 321 ; Ф. П-834, Оп. 1, Д. 466 ; Ф. П-837, Оп. 1, Д. 635, 741, 744, 906, 907, 914, 973, 1179,
3. ГАТО — Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 1812.
4. Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 31 июля 1921.

Литература

1. Анфертьев И. А. Репрессивная политика большевиков в отношении эсеров : крестьянский вопрос в условиях реализации советского социального проекта в 1919 — начале 1920-х гг. по документам Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии РКП(Б)-ВКП(Б) / И. А. Анфертьев // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России : история и современность. Материалы III международной научно-практической конференции. — Брянск : Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2016. — С. 99—106.
2. «Атаманищина» и «партизанщина» в Гражданской войне : идеология, военное участие, кадры : сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. — Москва : АИРО—XXI, 2015. — 856 с. — ISBN 978-5-91022-229-2.
3. «Атаманищина» и «партизанщина» в Гражданской войне : идеология, военное участие, кадры. Атаманы и вожди междоусобицы : сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. — Москва : АИРО—XXI, 2019. — Ч. 1. — 410 с. — ISBN 9785910222879.
4. Богомолкин. Тамбовский Бандитизм (Воспоминания участника борьбы) // Антоновщина : статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / под ред. С. В. Евгенова и О. С. Литовского. — Тамбов : Издательство Тамбовского Губкома РКП «Коммунист», 1923. — С. 92—96.
5. Болтнев Г. Г. Причины и последствия крестьянского восстания в Тамбовской губернии (через призму судьбы семьи) / Г. Г. Болтнев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6—2 (80). — С. 13—16.
6. Васильева Т. В. Страницы истории России : «Антоновщина» как социальный феномен / Т. В. Васильева, К. А. Долгов, А. В. Скрыпников // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : исторические науки. — 2012. — № 2 (10). — С. 50—63.
7. Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке : сборник научных статей / М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУВПО «Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина», Науч. совет РАН по ист. демографии и ист. географии ; [отв. ред. : В. Б. Жиromская, В. В. Канищев]. — Москва ; Тамбов : Издательство ТГУ, 2010. — 239 с. — ISBN 978-5-89016-656-2.
8. Есиков С. А. Антоновский нэп. (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии 1920—1921 гг.) / С. А. Есиков, В. В. Канищев // Отечественная история. — 1993. — № 4. — С. 69—71.

9. Ещин С. В. Анализ органами безопасности причин крестьянских выступлений и подавление сопротивления крестьянства политике советской власти в годы гражданской войны (по материалам Пензенской губернии) / С. В. Ещин // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского гуманитарные науки. — 2012. — № 27. — С. 623—626.

10. Жиркунов Н. Токаревские коммунары / Н. Жиркунов // Антоновщина : статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / под ред. С. В. Евгенова и О. С. Литовского. — Тамбов : Коммунист, 1923. — С. 102—105.

11. Захарцев С. Н. Организационно-правовые основы борьбы с преступностью в РСФСР в 1921—1929 гг. / С. Н. Захарцев. — Санкт-Петербург : Нестор, 2007. — 160 с.

12. Иванов Д. П. «Антоновские» и «неантоновские» села в крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1920—1921 гг. / Д. П. Иванов // Альтернативы XX века : Россия и мир в поисках идеального сценария исторического развития. — Тамбов : Издательство Тамбовского государственного университета, 2008. — С. 63—76.

13. Николашин В. П. «Постантоновщина» как особый этап развития тамбовской деревни после крестьянского восстания 1920—1921 гг. По материалам региональных архивов / В. П. Николашин // Вестник архивиста. — 2022. — № 4. — С. 997—1011. — DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-997-1011.

14. Парахин С. А. Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия в борьбе с крестьянским протестом (1918—1922 гг.) / С. А. Парахин, В. Б. Безгин // Манускрипт. — 2021. — Т. 14. — № 8. — С. 1574—1578. — DOI: 10.30853/mns210290.

15. Щербинин П. П. “Антоновщина” сквозь призму восприятия детей и подростков : выбор жизненного пути и его последствий в первой четверти XX века / П. П. Щербинин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6—2 (80). — С. 113—115.

16. Radkey O. H. The Unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920—1921 / O. H. Radkey. — Stanford : Hoover Institution Press, 1976. — 457 p.

Material resources

“Antonovshchina”. *Peasant Uprising in Tambov province in 1920—1921: documents, materials, memoirs* / Department of Culture and Archival Affairs of the Tambov region. (2007). Tambov: Department of Culture and Archival Affairs of the Tambov Region. 772 p. ISBN 978-5-98662-060-2. (In Russ.).

Proceedings of the Tambov Provincial Executive Committee of the Soviets of Worker's, Soldier's and Peasant's Deputies. (1921). July 31. (In Russ.).

State Archive of Socio-political History of the Tambov region. F. P-842, Op. 1. D. 321; F. P-834, Op. 1. D. 466; F. P-837, Op. 1. D. 635, 741, 744, 906, 907, 914, 973, 1179. (In Russ.).

State Archive of the Tambov region. F. R-5201. Op. 2. D. 1812. (In Russ.).

References

Anfertiev, I. A. (2016). The repressive policy of the Bolsheviks against the Social Revolutionaries: the peasant question in the context of the implementation of the Soviet social project in 1919 — early 1920s. according to the documents of the Central

- Committee and the Central Control Commission of the RCP (B)-the CPSU (B). In: *Problems and trends in the development of the socio-cultural space of Russia: History and modernity. Materials of the III International Scientific and practical Conference*. Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology. 99—106. (In Russ.).
- Boltnev, G. G. (2017). The causes and consequences of the peasant uprising in the Tambov province (through the prism of the fate of the family). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 6—2 (80): 13—16. (In Russ.).
- Demographic and environmental problems of the history of Russia in the 20th century: collection of scientific articles / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Scientific. Council of the Russian Academy of Sciences on Ist. demography and ist. Geography*. (2010). Moscow; Tambov: TSU Publishing House. 239 p. ISBN 978-5-89016-656-2. (In Russ.).
- Eshchin, S. V. (2012). Analysis by security agencies of the causes of peasant protests and suppression of the resistance of the peasantry to the policy of Soviet power during the Civil War (based on the materials of the Penza province). *Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky humanities*, 27: 623—626. (In Russ.).
- Ivanov, D. P. (2008). “Antonov” and “non-Antonov” villages in the peasant uprising in Tambov province in 1920—1921. In: *Alternatives of the XX century: Russia and the world in search of an ideal scenario of historical development*. Tambov: Publishing House of Tambov State University. 63—76. (In Russ.).
- Nikolashin, V. P. (2022). “Post-Antonovism” as a special stage in the development of the Tambov village after the peasant uprising of 1920—1921. Based on the materials of regional archives. *Bulletin of the archivist*, 4: 997—1011. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-997-1011. (In Russ.).
- Parakhin, S. A., Bezgin, V. B. (2021). Tambov Provincial Emergency Commission in the fight against peasant protest (1918—1922). *Manuscript*, 14 (8): 1574—1578. DOI: 10.30853/mns210290. (In Russ.).
- Posadsky, A. V. (ed.). (2015). “*Atamanshchina*” and “*partisanship*” in the Civil War: ideology, military participation, personnel. *Collection of articles and materials*. Moscow: AIRO—XXI. 856 p. ISBN 978-5-91022-229-2. (In Russ.).
- Posadsky, A. V. (ed.). “*Atamanshchina*” and “*partisanship*” in the Civil War: ideology, military participation, personnel. *Atamans and leaders of civil strife. Collection of articles and materials*, 1. Moscow: AIRO—XXI. 410 p. ISBN 9785910222879. (In Russ.).
- Radkey, O. H. (1976). *The Unknown Civil War in Soviet Russia. A Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920—1921*. Stanford: Hoover Institution Press. 457 p.
- Shcherbinin, P. P. (2017). “Antonovschina” through the prism of perception of children and adolescents: choosing a life path and its consequences in the first quarter of the twentieth century. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 6—2 (80): 113—115. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. V., Dolgov, K. A., Skrypnikov, A. V. (2012). Pages of the history of Russia: “Antonovschina” as a social phenomenon. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences*, 2 (10): 50—63. (In Russ.).



- Yesikov, S. A., Kanishchev, V. V. (1993). Antonovsky nep. (Organization and activity of the “Union of the Working peasantry” of Tambov province 1920—1921). *Russian History*, 4: 69—71. (In Russ.).
- Yevgenov, S. V., Litovsky, O. S. (ed.). (1923). Bogomolkin. Tambov Banditry (Memoirs of a participant in the struggle). In: *Antonovshchina: articles, memoirs and other materials on the history of Socialist-revolutionary banditry in the Tambov*. Tambov: Publishing House of the Tambov Gubkom of the RCP “Communist”. 92—96. (In Russ.).
- Zakheartsev, S. N. (2007). *Organizational and legal foundations of the fight against crime in the RSFSR in 1921—1929*. St. Petersburg: Nestor. 160 p. (In Russ.).
- Zhirkunov, N. (1923). Tokarevsky communards. In: *Antonovshchina: articles, memoirs and other materials on the history of socialist-revolutionary banditry in the Tambov province*. Tambov: Communist. 102—105. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 23.12.2022,
одобрена после рецензирования 15.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Райнхардт Р. О. Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года : у истоков советско-американской научной дипломатии / Р. О. Райнхардт, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 431—446. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446.

Reinhardt, R. O., Nemudrov, K. A. (2023). Lacy—Zarubin Agreement of 1958: Origins of Soviet-American Science Diplomacy. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 431-446. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446

Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года: у истоков советско-американской научной дипломатии

Райнхардт Роман Отмарович

orcid.org/0000-0002-0890-8844

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры дипломатии
don.reinhardt@mail.ru

Немудров Константин Алексеевич

orcid.org/0000-0002-1651-8563

аспирант кафедры дипломатии
konstantin_nemudrov@mail.ru

Московский государственный институт
(университет) международных
отношений
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 18-78-10123-П

Lacy—Zarubin Agreement of 1958: Origins of Soviet-American Science Diplomacy

Roman O. Reinhardt

orcid.org/0000-0002-0890-8844

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Diplomacy
don.reinhardt@mail.ru

Konstantin A. Nemudrov

orcid.org/0000-0002-1651-8563

Post-graduate Student,
Department of Diplomacy
konstantin_nemudrov@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 18-78-10123-П

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается Соглашение между СССР и США об обменах в области культуры, техники, науки и образования, подписанное 27 января 1958 года в Вашингтоне У. С. Лэйси, специальным помощником по вопросам обменов между Востоком и Западом государственного секретаря США, и Г. Н. Зарубиным, Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США. Поднимается вопрос о роли названного соглашения в советско-американской научной дипломатии конца 1950-х — начала 1960-х годов. На основе рассмотрения биографий старших должностных лиц, участвовавших с американской и советской сторон в его заключении и реализации, исследован фактор личности в данных научно-дипломатических процессах. Доказано, что их высокий профессионализм, прагматизм и схожесть карьерных путей положительно сказались как на достижении взаимопонимания в отношении заключаемого межгосударственного договора, так и на придании последнему предельно конкретного характера. Особое внимание уделяется положениям соглашения Лэйси — Зарубина, регламентировавшим визиты ученых и научных работников, а также академические обмены. Для оценки эффективности имплементации договора в этой части в качестве источника введен в оборот и детально проанализирован Доклад Комитета Сената США по международным отношениям от 20 августа 1959 года, подготовленный под руководством сенатора Дж. Фулбрайта. Отмечено, что четкость при определении целей, средств и путей их достижения позволили соглашению Лэйси — Зарубина стать прочной и устойчивой к конъюнктурным колебаниям в условиях Холодной войны базой научно-технического сотрудничества СССР и США, определившей вектор их развития на протяжении последовавших за подписанием документа полутора десятилетий.

Ключевые слова:

советско-американские отношения; научная дипломатия; международное научно-техническое сотрудничество; соглашение Лэйси—Зарубина; Дж. Фулбрайт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The Agreement between the USSR and the USA on exchanges in the field of culture, technology, science and education, signed on January 27, 1958 in Washington DC by W. S. Lacy US Secretary of State Special Assistant for East-West Exchanges, and G. N. Zarubin, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR to the USA is considered. The question is raised about the role of this agreement in the Soviet-American science diplomacy of the late 1950s — early 1960s. Based on a review of the biographies of senior officials who participated on the American and Soviet sides in its conclusion and implementation, the personality factor in these scientific and diplomatic processes was investigated. It is proved that their high professionalism, pragmatism and the similarity of career paths had a positive impact both on reaching mutual understanding regarding the interstate agreement being concluded, and on giving the latter an extremely specific character. Particular attention is paid to the provisions of the Lacy—Zarubin agreement, which regulated the visits of scientists and researchers, as well as academic exchanges. To assess the effectiveness of the treaty implementation in this part, the Report of the US Senate Committee on Foreign Relations dated August 20, 1959, prepared under the leadership of Senator J. Fulbright, was introduced as a source and analyzed in detail. It is noted that the clarity in determining the goals, means and ways to achieve them allowed the Lacy—Zarubin agreement to become a solid and resistant to juncture fluctuations in the conditions of the Cold War, the basis for scientific and technical cooperation between the USSR and the USA, which determined the vector of their development over the decade and a half that followed the signing of the document.

Key words:

Soviet-American relations; science diplomacy; international scientific and technical cooperation; the Lacy—Zarubin agreement; J. Fulbright.

Соглашение Лэйси — Зарубина 1958 года: у истоков советско-американской научной дипломатии

© Райнхардт Р. О., Немудров К. А., 2023

1. Введение = Introduction

27 января 1958 года в Вашингтоне было заключено Соглашение между СССР и США об обменах в области культуры, техники, науки и образования (далее — Соглашение [Agreement, 1958]), также называемое *соглашением Лэйси — Зарубина* по именам лиц, подписавших данный документ. С одной стороны, это соглашение стало важной вехой в истории советско-американских отношений, поскольку впервые установило рамочную платформу для комплексного двустороннего взаимодействия в области науки и культуры. До его подписания любые проекты и обмены в соответствующих сферах осуществлялись на точечной и нерегулярной основе. Соглашение же дало возможность уполномоченным и заинтересованным лицам в обеих странах проводить их, исходя из четкого и зафиксированного на межгосударственном уровне плана.

С другой стороны, оно знаменует собою важный рубеж с позиций научной и академической дипломатии. Достаточно сказать, что его парафирование, подписание и последующая имплементация происходили на фоне довольно напряженной международной обстановки в условиях Холодной войны [Analysis ..., 1961]. Тем не менее ни различия социально-политических систем, ни разница — местами даже несовместимость — внешнеполитических курсов, ни глобальные и локальные конфликты (в том числе мало известные широкой общественности [Немудров и др., 2019]) и противоречия двух сверхдержав не стали препятствием на пути достижения ими договоренностей в части прагматичного взаимовыгодного научно-технического сотрудничества.

В настоящее время диалог Москвы и Вашингтона тоже переживает весьма тяжелый период. По некоторым параметрам продолжающаяся деградация отношений представляется даже сильнее той, что наблюдалась в первые послевоенные десятилетия. Одной из крайне негативных тенденций видится практически полная приостановка научного диалога и сотрудничества между странами вкупе с заморозкой институциональных, а отчасти даже и индивидуальных контактов в этой плоскости [Райнхардт, 2022]. В связи с этим закономерно встает исследовательский вопрос: почему и как в конце 1950-х — начале 1960-х годов СССР и США, несмотря на обозначенные трудности, удавалось развивать эту сферу и совместными усилиями прийти к заключению столь масштабного стратегического соглашения?

Предлагаемая объясняющая гипотеза сводится к тому, что в основе успеха лежала высокая квалификация, прагматизм и определенная профессиональная близость переговорщиков на данном треке. Иначе говоря, фактор личности У. С. Лэйси, специального помощника по вопросам обменов между Востоком и Западом государственного секретаря США, с одной стороны, и Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в США Г. Н. Зарубина, а также впоследствии сменившего его М. А. Меньшикова, с другой стороны. Обладая во многом схожими профессиональными портретами и «бэкграундом», поименованные деятели были нацелены на придание документу максимально конкретного характера в части целеполагания и средств достижения целей.

Благодаря такой установке, в научно-дипломатическом измерении Соглашение свободно от общих, обтекаемых формулировок и, наоборот, содержит индикативные показатели в части визитов ученых и обменов представителей высшей школы. Подобная конкретика, в свою очередь, позволила лицам, принимавшим решения, равно как и самим участникам научных мероприятий, эффективно реализовывать отдельные проекты.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Соглашение Лэйси — Зарубина, будучи одним из фундаментальных документов в области советско-американских научных и культурных связей, неоднократно упоминается в большинстве работ по истории двусторонних отношений [Иванян, 2007; Sher, 2019].

Вместе с тем в известных отечественных и зарубежных научных трудах оно практически не выступает в качестве полноценного и самостоятельного объекта исследования. Отечественные эксперты-американисты в своих работах раскрывают в основном то, как Соглашение влияло на общую динамику советско-американского диалога [Сазанова, 2007; Сазанова, 2013; Трегубов, 2017; Новиков и др., 2020] либо как оно само и предмет его регулирования (культурные и научные обмены) воспринимались политиками и обществом [Фоминых, 2018; Филлипс и др., 2019; Юдин, 2022]. При этом как в анализе действия, так и в рецепции замечен акцент на межкультурном измерении [Курляндцева, 2020; Курляндцева, 2021; Юдин, 2020]. В то же время его влияние на динамику научного сотрудничества по большей части остается за кадром и слабо представлено в научном дискурсе: главным образом в отдельных специализированных работах [Еремеева, 2011; Выборнова, 2019].

Фактор личности У. С. Лэйси, Г. Н. Зарубина и М. А. Меньшикова применительно к исследуемому сюжету также до сих пор не получил достаточного освещения в тематических исследованиях. Более того, в целом корпус работ, посвященных их биографиям, едва ли можно считать богатым. В отечественной и зарубежной историографии эти персоналии

фигурируют преимущественно в справочной литературе в контексте названного межгосударственного соглашения [Дипломатический словарь, 1960—1961; Ex-Ambassador, 1978].

Не представляли их биографии и предметом специализированных изысканий американских, равно как и иных иностранных историков дипломатии. В связи с этим представляется уместным кратко очертить и сопоставить некоторые штрихи жизненных путей подписантов соглашения, важные с точки зрения понимания их вклада в достижение консенсуса, который требовался для проработки рассматриваемого документа.

С учетом этого первым основным методом настоящего исследования выступает сравнительный биографический анализ протагонистов переговоров по заключению Соглашения, нацеленный на выявление общих черт, которые могли сыграть положительную роль в сближении позиций представляемых ими ведомств и, в конечном счете, государств.

Для оценки действия Соглашения и его эффективности в плоскости научной и академической дипломатии в качестве второго основного метода был использован экзегетический анализ текста соответствующих разделов. Затем был проанализирован доклад Комитета Сената США по международным отношениям от 20 августа 1959 года [United States Exchange Programs, 1959] о промежуточных результатах имплементации Соглашения, содержащий ценные количественные показатели и качественные оценки. Данный документальный источник, прежде не фигурировавший в профильных исторических исследованиях, вводится в оборот впервые. Посредством рассмотрения доклада были сопоставлены плановые и фактические индикаторы реализации Соглашения, что легло в основу синтетического осмысления его эффективности. Добавим, что в открытых источниках и доступных авторам архивных документах МИД России аналогичных аналитических материалов, в которых бы содержались оценки реализации Соглашения советской стороной, пока обнаружить не удалось.

Таким образом, научная новизна работы определяется прицельным и пристальным рассмотрением соглашения Лэйси — Зарубина не в призме «мягкой силы», публичной дипломатии [Фоминых, 2018] и кросс-культурного взаимодействия [Журавлева, 2013], но в качестве одного из уникальных инструментов и феноменов в истории научной дипломатии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Фактор личности в работе над Соглашением: У. С. Лэйси, Г. Н. Зарубин и М. А. Меньшиков

Успешному заключению Соглашения во многом способствовал фактор личности переговорщиков с американской и советской сторон. Главой

переговорной группы США как страны, где была достигнута договоренность, выступал опытный сотрудник Государственного департамента Уильям Стерлинг Берд Лэйси (1910—1978). Несмотря на богатый послужной список, включавший работу в трех американских загранпредставительствах в Азии, в исторических материалах национального органа внешних сношений У. С. Лэйси значится как «не-карьерный назначенец», иными словами, специалист, для которого дипломатическая служба не была основным видом профессиональной деятельности [William Sterling Byrd Lacy].

У. С. Лэйси родился в богатой и респектабельной семье из штата Вирджиния. Получил высшее экономическое образование в Университете Колорадо — штата, в котором его отец в 1925—1927 годах служил вице-губернатором. По окончании университета Лэйси-младший начал работать помощником по экономическим вопросам сенатора от штата Колорадо. Затем занимал ряд должностей по той же специальности в других государственных учреждениях, в том числе в созданном в 1942 году Совете по военному производству, а также в образованной в 1943 году Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНППА) [Ex-Ambassador ..., 1978].

В 1946 году поступил на службу в Государственный департамент США, где вскоре был замечен госсекретарем Дж. Маршаллом. Благодаря протекции влиятельного отца и главы внешнеполитического ведомства новоиспеченный дипломат получил назначение на ответственную должность в посольстве США в Индонезии, а позднее стал советником американской дипмиссии на Филиппинах. В 1955 году последовало назначение У. С. Лэйси послом США в Республике Корея. В силу различных обстоятельств как политического, так и личного характера он проработал на данном посту ровно семь месяцев, подав в том же году президенту Д. Эйзенхауэру прошение об отставке.

Завершив таким образом короткую посольскую карьеру, У. С. Лэйси был назначен специальным помощником госсекретаря Дж. Даллеса по вопросам обменов между Востоком и Западом. Его кандидатура на эту позицию была предложена американским Национальным советом безопасности, а также министрами иностранных дел трех стран-победительниц — СССР, США и Великобритании. Такая рекомендация и сам факт рассмотрения вопроса о замещении ставки на столь высоком уровне свидетельствовали о ее первостепенной важности и значимости. По сути, именно это, а не по большей части неудачная командировка в статусе главы диппредставительства в Республике Корея, стало кульминацией внешнеполитической карьеры У. С. Лэйси [Ex-Ambassador ..., 1978].

Перед новым сотрудником государственного департамента была поставлена задача развития и институционализации научных, технологиче-

ских, академических и культурных обменов США и их союзников со странами социалистического блока. Системная и последовательная работа по данному направлению в течение 1956—1957 годов и позволила подписать Соглашение, завершающая часть подготовки которого велась с 28 октября 1957 по 27 января 1958 года [Agreement ..., 1958].

С советской стороны визави У. С. Лэйси по переговорам в течение этих трех месяцев выступал Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США Георгий Николаевич Зарубин (1900—1958). С точки зрения трудовой биографии, он также не был карьерным дипломатом, поступив на службу в НКВД в 1940 году в довольно зрелом возрасте [Дипломатический словарь ..., 1960]. Счетовод по первому образованию (1918 год), Г. Н. Зарубин отслужил 6 лет в Красной армии, затем сделал блестящую партийную карьеру. В 1931 году окончил текстильный факультет Промышленной академии и в том же году был сам назначен директором данного вуза. В 1935—1938 годах возглавлял Главное управление учебных заведений Наркомата легкой промышленности СССР, а с 1938 по 1940 год трудился в должности заместителя генерального комиссара и председателя художественного совета советской части Всемирной выставки в Нью-Йорке.

Получив назначение в центральный аппарат внешнеполитического ведомства, уже зарекомендовавший себя чиновник стал заведовать сначала Консульским отделом (1940—1941), то есть функциональным подразделением наркомата, потом его территориальным отделом, курировавшим США (1941—1944). Накопивший в результате труда на перечисленных руководящих должностях внушительный опыт по части организационной, хозяйственной, культурной и представительской работы, Г. Н. Зарубин был назначен послом СССР в Канаде (1944—1946), затем в Великобритании (1946—1952) и, наконец, в США (1952—1958).

Примечательно, что на момент подписания Соглашения 27 января 1958 года Г. Н. Зарубин формально уже не считался главой советской дипмиссии в Вашингтоне. 4 января 1958 года он пошел на повышение, став заместителем министра иностранных дел. А 7 января 1958 года новым послом Советского Союза в Соединенных Штатах был назначен другой выдающийся государственный деятель, бывший министр внешней торговли (1949—1951), экс-посол в Индии (1951—1957) Михаил Алексеевич Меньшиков [Дипломатический словарь ..., 1961]. Прибыв в американскую столицу в конце января и вручив верительные грамоты 11 февраля 1958 года, именно он впоследствии стал работать над воплощением в жизнь положений Соглашения. Тем не менее под Соглашением стоит подпись Г. Н. Зарубина в статусе «Его Превосходительства, Посла Союза Советских Социалистических Республик», у которого М. А. Меньшиков вскоре перенял эстафету.

Самому Г. Н. Зарубину так и не суждено было увидеть результаты работы, фундамент которой он заложил. По возвращении в Москву он скоропостижно скончался в ноябре того же года (к слову, У. С. Лэйси пережил его на 20 лет). Тем не менее его миссию по проработке и подписанию исследуемого документа можно с уверенностью охарактеризовать как успешную. Прежде всего благодаря ей он вошел в историю не только отечественной дипломатической службы, но также советско-американских связей в целом и научной дипломатии в частности [Иванян, 2007].

Что касается личного дела М. А. Меньшикова (1902—1976), сменившего Г. Н. Зарубина на должности посла СССР в Вашингтоне, стоит добавить, что, как и последний, он окончил курсы бухгалтеров-счетоводов, служил в РККА, работал экономистом, позднее получил профильное высшее образование [Дипломатический словарь ..., 1961]. С другой стороны, в 1943—1946 годах он был заместителем директора Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРПА). Таким образом, с У. С. Лэйси они пересекались по одному из предыдущих мест работы в военные годы. Еще одно любопытное совпадение заключается в том, что конец предыдущей заграничной командировки М. А. Меньшикова в должности посла СССР в Индии — 26 октября 1957 года — почти день в день совпал с началом заключительной фазы работы над Соглашением.

Анализируя фактор личности старших должностных лиц, принимавших непосредственное участие в заключении Соглашения и последующей имплементации его положений, уместно выделить следующие объединяющие их черты: базовое экономическое образование, богатый опыт практической работы в различных сферах, сравнительно поздний приход в сферу международных отношений и переход на дипслужбу, занятие посольских должностей, предшествовавшее работе над Соглашением. Целесообразно предположить, что наличие и сочетание этих характеристик упрощало переговорный процесс, способствовало большему взаимопониманию его участников, близких друг другу по духу в силу профессиональной формации, позволяло им во многом говорить «на одном языке», пусть и с переводчиком, и достичь таким образом общего видения финальной версии документа.

3.2. Содержание Соглашения и процесс его имплементации

Соглашение Лэйси — Зарубина включало 14 разделов (секций) и носило рамочный характер, охватывая широкий спектр вопросов от сотрудничества в области кинематографа и радиовещания до гастролей советских и американских артистов, а также установления прямого авиасообщения между двумя странами [Agreement ..., 1958]. Некоторые из разделов были весьма детализированными. Так, в разделе 8 указывались имена отдель-

ных выдающихся музыкальных исполнителей с обеих сторон, которых планировалось направить на гастроли: Э. Г. Гилельса, Л. Б. Когана, Б. Теббом, Л. Уоррена и других. Иные разделы носили предельно общий и декларативный характер — например, раздел 12, в котором фиксировалось взаимное намерение развивать туризм.

В контексте настоящего исследования интерес представляют разделы 9 и 10, посвященные визитам ученых и обменам университетскими делегациями соответственно. С точки зрения научной и академической дипломатии, раздел 9 наделял акторностью советские Академию наук, Министерство здравоохранения и Министерство сельского хозяйства, с одной стороны, и американскую Национальную академию наук, с другой. По линии этих органов в 1958 году предполагалось осуществлять входящие и исходящие визиты научных работников. При этом индикативно указывались продолжительность поездок (от двух недель до одного года), численность делегаций (например, 3—4 ученых-медиков) и география (в СССР — Москва, Ленинград, Киев). Схожим по духу и букве предстает раздел 10. В нем специфицировалось количество профессоров, преподавателей и студентов, призванных участвовать в программах академического обмена между Московским государственным и Колумбийским университетами, а также между Ленинградским государственным и Гарвардским университетами в 1958—1959 и 1959—1960 учебных годах.

Несмотря на краткость анализируемых разделов, их отличает предельная четкость и конкретика. Из текста становится понятно, что его составители, скорее всего, благодаря вышеописанному личному опыту, имели весьма ясное представление о том, как предлагаемые мероприятия могут выглядеть в жизни и что именно в организационной плоскости они будут собой представлять. Этим указанные положения выгодно отличались от других (в частности, от обозначенного «туристического» пассажа), носящих в сущности абстрактный и постановочный характер.

Положительным следствием такого обстоятельства видится динамика реализации Соглашения в данной части начиная с февраля 1958 года [Analysis ..., 1961]. Ее количественное и качественное описание подробно представлено в докладе Комитета Сената США по международным отношениям от 20 августа 1959 года [United States Exchange Programs, 1959]. Председателем данного комитета в том же 1959 году стал сенатор от штата Арканзас Джеймс Уильям Фулбрайт, уже широко известный на тот момент благодаря программе международных обменов и грантов, инициированной им в 1946 году и до сих пор носящей его имя. Впрочем, обмены Соединенных Штатов и Советского Союза в рамках именно этой программы начались лишь в 1970-х годах. Тем не менее во второй половине 1959 года

по указанию Дж. Фулбрайта был подготовлен развернутый доклад о текущих итогах реализации соглашения Лэйси — Зарубина.

Согласно этому ценному докладу, к лету 1959 года порядка 75 % проектов, определенных в Соглашении, были полностью завершены, а 90 % находились на различных стадиях реализации [United States Exchange Programs, 1959, p. 1]. За первый год функционирования Соглашения (28 января 1958 года — 26 января 1959 года) более половины входящих и исходящих визитов пришлось на научных работников: в указанный период СССР посетили 58 американских ученых, преподавателей высшей школы и студентов, а США — 54 их советских коллег. В других областях, попадавших в поле действия Соглашения (культурные обмены, гастроли артистов, спортивные соревнования), цифры составили 23 и 16 человек соответственно. Первое полугодие 1959 года тоже продемонстрировало устойчивый тренд, причем уже с перевесом в пользу советских специалистов, посетивших США: 24 советских против 19 американских участников программ обмена в сфере науки и технологий [United States Exchange Programs, 1959, p. 2].

Несмотря на отмеченные в докладе сложности в части консульско-визовых вопросов, не всегда оперативной поддержки предлагаемых американцами инициатив советской стороной, других технических, юридических и финансовых нюансов, коллектив Дж. Фулбрайта оценивал ход имплементации Соглашения как весьма успешный — прежде всего с политической точки зрения. Приводимые в том же докладе данные по сотрудничеству с Польшей, Чехословакией, Румынией и Венгрией не могли сравниться даже в совокупности с американо-советским взаимодействием ни по численности и объему, ни по масштабу отдельных проектов.

Наряду со сводной характеристикой осуществляемых в соответствии с Соглашением обменов, в докладе был приведен их полный перечень. Так, с 15 февраля по 1 июля 1958 года в области научной дипломатии было запущено 36 проектов в различных областях. Среди них — теоретическая и молекулярная физика, гастроэнтерология, органическая и неорганическая химия, ветеринария, фармакология, исследования Арктики и другие области знания [United States Exchange Programs, 1959, p. 16—18]. Лето и осень 1958 года принесли еще больше плодов за счет реализации 58 профильных проектов в тех же и некоторых смежных областях [United States Exchange Programs, 1959, p. 26—28]. В первом полугодии 1959 года цифра чуть снизилась — до 30 проектов, но зато расширилась номенклатура обменов: к уже имевшимся функциональным измерениям советско-американского научно-технического сотрудничества добавились вирусология, вакцинология и астрономия [United States Exchange Programs, 1959, p. 38—40]. На второе полугодие 1959 года к моменту публикации доклада

был согласован и инициирован еще 31 проект [United States Exchange Programs, 1959, p. 42—43].

Как явствует из приводимых статистических сводок, с момента старта в результате подписания Соглашения программа научно-технического сотрудничества между СССР и США характеризовалась высокой динамикой, была наполнена субстантивным содержанием и развивалась по восходящей. Первые систематические обмены между советскими и американскими учеными происходили на фоне далеко не простой международной обстановки в период между запуском первого искусственного спутника Земли в 1957 году и Карибским кризисом 1962 года. В этом контексте уместно вспомнить и знаменитые «кухонные дебаты» [Белякова, 2021] на тот момент вице-президента США Р. Никсона с председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым 24 июля 1959 года в выставочном центре парка «Сокольники» в Москве (эта выставка тоже упоминается в докладе [United States Exchange Programs, 1959, p. 37]) и иные резонансные эпизоды двусторонних отношений.

Что касается менее известных широкой публике событий, то весьма любопытными представляются частные случаи, демонстрировавшие то, что, помимо укрепления уже имевшихся форматов взаимодействия между учеными и научными институтами, Соглашение упрощало процесс подключения к имеющейся инфраструктуре и новых участников.

Одним из таких примеров может служить проведение в Новосибирском Академгородке в конце августа 1963 года значимого советско-американского симпозиума по дифференциальным уравнениям с частными производными [Выборнова, 2019]. С советской стороны организаторами мероприятия выступили Институт математики, Институт гидродинамики Сибирского отделения АН СССР и Новосибирский государственный университет, который, в свою очередь, сам был учрежден в 1958 году и начал работать во второй половине 1959 года, став в некотором роде ровесником соглашения Лэйси — Зарубина.

Названный симпозиум вошел в историю как первая крупная научная встреча математиков СССР и США. Выбор места его проведения был сделан во многом исходя из прорывных результатов в теории дифференциальных уравнений, полученных учеными Сибирского отделения АН СССР — академиками И. Н. Векуа, М. А. Лаврентьевым, С. Л. Соболевым и их школами [Хроника ...].

Таким образом, в описываемый период, по мнению отечественных дипломатов, «американская администрация осознавала, что налаживание сотрудничества с СССР в таких областях, как культура, наука и образование, отвечало интересам американского народа» [Культурные связи ...].

Однако, помимо общего осознания и понимания важности сохранения и развития данного трека, то есть политической воли, для этого имелись и необходимые формальные условия: во-первых, солидная правовая база в виде соглашения Лэйси — Зарубина, во-вторых, богатый опыт, прагматичный подход и высокий уровень профессионализма лиц, участвовавших не только в достижении договоренностей, но и в их имплементации.

4. Заключение = Conclusions

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что соглашение Лэйси — Зарубина по сути стало отправной точкой советско-американского культурного и, что еще важнее в контексте настоящего исследования, научного диалога. Его значение для установления научно-дипломатических связей стран после Второй мировой войны сравнимо с восстановлением их же дипотношений в 1933 году, которые были разорваны после Октябрьской революции 1917 года [Райнхардт, 2017].

Впрочем, контекст этих событий принципиально различался. Так, восстановление дипломатических отношений спустя 16 лет после смены режима в России и последовавшей за ним иностранной военной интервенции, в которой участвовали США, стало во многом результатом принятия обеими сторонами пресловутого принципа мирного сосуществования. Заключение же соглашения о научном, культурном и гуманитарном сотрудничестве между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции по прошествии 13 лет с завершения войны происходило на фоне разворачивающейся Холодной войны уже между ними самими.

И тем не менее, не благодаря, но вопреки этому деструктивному явлению международной жизни, наблюдалось не просто сохранение имевшегося диалога по линии гражданского общества и научных сообществ, но в сущности его полноценный перезапуск вкупе с институционализацией. С нашей точки зрения, это было не следствием случайного стечения обстоятельств, но закономерным итогом кропотливой работы научных дипломатов по подготовке детального и конкретного Соглашения.

Став одной из несущих конструкций двустороннего сотрудничества в сферах науки и культуры в 1960-е годы, оно продлевалось каждые два года вплоть до подписания 19 июня 1973 года в американской столице Общего соглашения между СССР и США о контактах, обменах и сотрудничестве на период до 31 декабря 1979 года [Сазанова, 2007].

Думается, что из рассмотренного исторического кейса уместно извлекать уроки и в наши дни. Ведь даже в условиях гибридной войны теоретически, да и практически может найтись место для насколько возможно деполитизированного научного диалога между специалистами, представ-

ляющими недружественные по отношению друг к другу на текущем этапе государства. Необходимым, пусть и не всегда достаточным условием нахождения подобной «точки» может выступать профессионализм научных дипломатов и в более широком смысле администраторов от науки наряду с ясностью и лапидарностью договорно-правовой базы, которых часто не хватает действующим в настоящее время профильным документам [Дипломатические практики ..., 2021]. Именно эти два фактора, по нашему мнению, обеспечили успех соглашения Лэйси — Зарубина, которое эффективно заложило основу послевоенной советско-американской научной дипломатии.

Источники и принятые сокращения

1. *Дипломатические* практики содействия международному научному сотрудничеству в России : Доклад № 74 / 2021 / [Г. А. Краснова и др. ; под ред. Е. О. Карпинской, И. А. Цымбал, Е. С. Швецово] ; Российский совет по международным делам. — Москва : НП РСМД, 2021. — 41 с. — ISBN 978-5-6046309-2-1..
2. *Дипломатический* словарь. В 3-х т. Гл. ред. А. А. Громыко [перераб. и доп. изд.]. — Москва : Политиздат, 1960—1964. — 1756 с.
3. *Посольство* Российской Федерации в США. Россия и США. Двусторонние отношения. Культурные связи [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://washington.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/cultural-connections/> (дата обращения 15.01.2023).
4. *Хроника* Сибирского отделения Академии наук. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://chronicle.iis.nsk.su/event.aspx?id=1000534> (дата обращения 17.01.2023).
5. *Agreement* Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields. [Electronic Resource]. — Access mode : <https://librariesandcoldwarculturalexchange.wordpress.com/text-of-lacy-zaroubin-agreement-january-27-1958/> (accessed 10.01.2023).
6. *Analysis* of Our Moscow Link : The U.S.-U.S.S.R. Exchange Program Has Gone on Since 1958 — Despite the Cold War and Differences in the Two Sides' Objectives. Weintal E. The New York Times. 06.08.1961.
7. *Ex-Ambassador* William Lacy Dies. Pearson R. The Washington Post. 14.12.1978.
8. *United States* Exchange Programs With the Soviet Union, Poland, Czechoslovakia, Rumania and Hungary. Committee on Foreign Relations. United States Senate. August 20, 1959. — Washington : Government Printing Office, 1959. — 57 p.
9. *William* Sterling Byrd Lacy (1910—1979). Office of the Historian. Department of States. United States of America. [Electronic Resource]. — Access mode : <https://history.state.gov/departmenthistory/people/lacy-william-sterling-byrd> (accessed 11.01.2023).

Литература

1. *Белякова* Е. «Кухонные дебаты» Н. С. Хрущева и Р. Никсона на американской национальной выставке в Москве 24 июля 1959 г. / Е. Белякова // В сборнике : Студенческая наука — взгляд в будущее. Материалы XVI Всероссийской студенческой научной конференции. — Красноярск : [б. и.], 2021. — С. 155—157.
2. *Выборнова* В. А. Советско-американский математический симпозиум 1963 года в Новосибирском государственном университете как научно-образовательное событие /

В. А. Выборнова // Всеобщая история. — 2019. — № 4. — С. 23—30. — DOI: 10.25791/vseist.04.2019.1085.

3. *Еремеева А. Н.* Международное сотрудничество ученых Кубани в 1920-е — 1980-е годы : основные этапы и тенденции развития / А. Н. Еремеева // Культурная жизнь Юга России. — 2011. — № 4 (42). — С. 104—106.

4. *Журавлева В. И.* Американская кукуруза в России : уроки народной дипломатии и капитализма / В. И. Журавлева // Вестник РГГУ. Серия : Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2013. — № 21 (122). — С. 121—146.

5. *Иванян Э. А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей / И. Э. Иванян. — Москва : Международные отношения, 2007. — 432 с. — ISBN 978-5-7133-1316-6.

6. *Курляндцева А. С.* Америка конца 1950-х — начала 1960-х годов глазами советских художников / А. С. Курляндцева // США и Канада : экономика, политика, культура. — 2020. — № 1. — С. 88—105. — DOI: 10.31857/S268667300008058-3.

7. *Курляндцева А. С.* США и СССР : удивительная история выставочного обмена / А. С. Курляндцева // Международный журнал исследований культуры. — 2021. — № 2 (43). — С. 127—142. — DOI: 10.52173/2079-1100_2021_2_127.

8. *Немудров К. А.* Государственный переворот 1957 года в Республике Сан-Марино / К. А. Немудров, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 297—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-297-307.

9. *Новиков М. В.* Культурная дипломатия СССР в странах Запада в годы Холодной войны / М. В. Новиков, А. С. Морозов // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 2 (21). — С. 264—270. — DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-264-270.

10. *Райнхардт Р. О.* Научный тупик и санкционная вагонетка [Электронный ресурс] / Р. О. Райнхардт // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 24.08.2022. — Режим доступа : <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nauchnyy-tupik-i-sanktsionnaya-vagonetka/> (дата обращения 14.01.2023).

11. *Райнхардт Р. О.* США и Россия : 210 лет дипломатических отношений и международной коммуникации / Р. О. Райнхардт // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2017. — № 3. — С. 8—14. — DOI: 10.12737/article_58fda885671132.23223626.

12. *Сазанова Н. В.* Российско-американские обменные программы : история и современность (1958—2005 годы) / Н. В. Сазанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2007. — № 12. — С. 101—107.

13. *Сазанова Н. В.* Советско-американские отношения в области культуры и науки в военный и послевоенный период / Н. В. Сазанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2013. — № 1. — С. 69—74.

14. *Трегубов Н. А.* Трансформация советских культурных связей с США в условиях “Холодной войны” / Н. А. Трегубов // Евразийский журнал региональных и политических исследований. — 2017. — № 1 (17). — С. 54—65.

15. *Фоминых А. Е.* Публичная дипломатия в публичной истории : американские выставки в СССР в восприятии советских людей (1959—1991) / А. Е. Фоминых // Дневник Алтайской школы политических исследований. — 2018. — № 34. — С. 34—40.

16. *Филлипс В.* Восприятие советско-американских культурных обменов конца 1950-х гг. — начала 1970-х гг. в российском и американском обществах / В. Филлипс,

О. Н. Науменко, Е. А. Науменко // Манускрипт. — 2019. — № 7. — С. 58—61. — DOI: 10.30853/manuscript.2019.7.11.

17. Юдин К. А. Кинополитика и идеология США в период «Холодной войны» / К. А. Юдин // Вопросы истории. — 2020. — № 12—1. — С. 84—97. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi07.

18. Юдин К. А. Вот до чего довела нас дружба с американцами! Особенности советской культурной политики в середине 1950-х — 1970-е годы / К. А. Юдин // Локус : люди, общество, культуры, смыслы. — 2021. — № 1. — С. 30—46. — DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46.

19. Sher G. S. From Pugwash to Putin : A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation / G. S. Sher. — Bloomington : Indiana University Press, 2019. — 324 p.

Material resources

Agreement Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields. Available at: <https://librariesandcoldwarculturalexchange.wordpress.com/text-of-lacy-zaroubin-agreement-january-27-1958/> (accessed 10.01.2023).

Analysis of Our Moscow Link: The U.S.-U.S.S.R. Exchange Program Has Gone on Since 1958 — Despite the Cold War and Differences in the Two Side's Objectives. (1961). The New York Times. 06.08.

Chronicle of the Siberian Branch of the Academy of Sciences. Available at: <http://chronicle.iis.nsk.su/event.aspx?id=1000534> (accessed 17.01.2023). (In Russ.).

Diplomatic Dictionary. In 3 t. (1960—1964). Moscow: Politizdat. 1756 p. (In Russ.).

Diplomatic practices of Promoting international scientific cooperation in Russia: Report № 74. (2021). Moscow: NP INF. 41 p. ISBN 978-5-6046309-2-1. (In Russ.).

Ex-Ambassador William Lacy Dies. (1978). The Washington Post. 14.12.

The Embassy of the Russian Federation in the USA. Russia and the USA. Bilateral relations. Cultural ties. Available at: <https://washington.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/cultural-connections/> (accessed 15.01.2023). (In Russ.).

United States Exchange Programs With the Soviet Union, Poland, Czechoslovakia, Rumania and Hungary. Committee on Foreign Relations. United States Senate. August 20, 1959. (1959). Washington: Government Printing Office. 57 p.

William Sterling Byrd Lacy (1910—1979). Office of the Historian. Department of States. United States of America. Available at: <https://history.state.gov/departmenthistory/people/lacy-william-sterling-byrd> (accessed 11.01.2023).

References

Belyakova, E. (2021). “Kitchen debates” by N. S. Khrushchev and R. Nixon at the American National Exhibition in Moscow on July 24, 1959. Krasnoyarsk: [b. i.]. 155—157. (In Russ.).

Eremeeva, A. N. (2011). International cooperation of Kuban scientists in the 1920s - 1980s: the main stages and trends of development. *Cultural life of the South of Russia*, 4 (42): 104—106. (In Russ.).

Fominykh, A. E. (2018). Public diplomacy in public history: American exhibitions in the USSR in the perception of Soviet people (1959—1991). *Diary of the Altai School of Political Studies*, 34: 34—40. (In Russ.).

Ivanyan, E. A. (2007). *When the muses speak. The History of Russian-American cultural ties.* Moscow: International Relations. 432 p. ISBN 978-5-7133-1316-6. (In Russ.).

- Kurlandtseva, A. S. (2020). America of the late 1950s — early 1960s through the eyes of Soviet artists. *USA and Canada: economics, politics, culture, 1*: 88—105. DOI: 10.31857/S268667300008058-3. (In Russ.).
- Kurlandtseva, A. S. (2021). USA and the USSR: an amazing history of exhibition exchange. *International Journal of Cultural Studies, 2* (43): 127—142. DOI: 10.52173/2079-1100_2021_2_127. (In Russ.).
- Nemudrov, K. A., Reinhardt, R. O. (2019). The coup d'état of 1957 in the Republic of San Marino. *Nauchnyy dialog, 8*: 297—307. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-297-307. (In Russ.).
- Novikov, M. V., Morozov, A. S. (2020). Cultural diplomacy of the USSR in the countries of the West during the Cold War. *Verkhnevolzhsky philological Bulletin, 2* (21): 264—270. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-264-270. (In Russ.).
- Phillips, V., Naumenko, O. N., Naumenko, E. A. (2019). Perception of Soviet-American cultural exchanges of the late 1950s — early 1970s in Russian and American societies. *Manuscript, 7*: 58—61. DOI: 10.30853/manuscript.2019.7.11. (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2022). Scientific deadlock and sanctions trolley. *International discussion Club "Valdai". 24.08*. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nauchnyy-tupik-i-sanktsionnaya-vagonetka/> (accessed 14.01.2023). (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2017). USA and Russia: 210 years of diplomatic relations and international communication. Scientific research and development. *Modern communication studies, 3*: 8—14. DOI: 10.12737/article_58fda885671132.23223626. (In Russ.).
- Sazanova, N. V. (2007). Russian-American exchange programs: history and modernity (1958—2005). *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relations, 12*: 101—107. (In Russ.).
- Sazanova, N. V. (2013). Soviet-American relations in the field of culture and science in the war and post-war period. *Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relations, 1*: 69—74. (In Russ.).
- Sher, G. S. (2019). *From Pugwash to Putin: A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation*. Bloomington: Indiana University Press. 324 p.
- Tregubov, N. A. (2017). Transformation of Soviet cultural ties with the USA in the conditions of the “Cold War”. *Eurasian Journal of Regional and Political Studies, 1* (17): 54—65. (In Russ.).
- Vybornova, V. A. (2019). Soviet-American Mathematical Symposium of 1963 at Novosibirsk State University as a scientific and educational event. *Universal history, 4*: 23—30. DOI: 10.25791/vseist.04.2019.1085. (In Russ.).
- Yudin, K. A. (2020). Film policy and ideology of the USA during the “Cold War”. *Questions of history, 12—1*: 84—97. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi07. (In Russ.).
- Yudin, K. A. (2021). That's what friendship with Americans has brought us to! Features of Soviet cultural policy in the mid-1950s — 1970s. *Locus: people, society, cultures, meanings, 1*: 30—46. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46. (In Russ.).
- Zhuravleva, V. I. (2013). American corn in Russia: lessons of people's diplomacy and capitalism. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies, 21* (122): 121—146. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.12.2022,
одобрена после рецензирования 20.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Скипина И. В. Трансформация идентичности как фактор перелома в ходе Гражданской войны (весна — лето 1919 года) в оценке современных исследователей / И. В. Скипина, В. В. Московкин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 447—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-447-466.

Skipina, I. V., Moskovkin, V. V. (2023). Identity Transformation as a Turning Point during Civil War (Spring — Summer 1919) in Assessment of Modern Researchers. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 447-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-447-466. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-447-466

**Трансформация
идентичности как фактор
перелома в ходе
Гражданской войны
(весна — лето 1919 года)
в оценке современных
исследователей**

Скипина Ирина Васильевна

orcid.org/0000-0001-7061-1403

доктор исторических наук, профессор
кафедры документоведения
и документационного
обеспечения управления
i.v.skipina@utmn.ru

Московкин Владимир Васильевич

orcid.org/0000-0001-8115-1975

доктор исторических наук,
научный сотрудник
Сетевого исследовательского центра
«Человек, природа, технологии»
v.v.moskovkin@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Россия, Тюмень)

**Identity Transformation
as a Turning Point
during Civil War
(Spring — Summer 1919)
in Assessment
of Modern Researchers**

Irina V. Skipina

orcid.org/0000-0001-7061-1403

Doctor of History, Professor,
Department of Documentation and
Documentation Support of Management
i.v.skipina@utmn.ru

Vladimir V. Moskovkin

orcid.org/0000-0001-8115-1975

Doctor of History,
Researcher,
Network Research Center
“Man, nature, technology”
v.v.moskovkin@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена историографии вопроса о трансформации идентичности в ходе Гражданской войны в России. Цель — выявить особенности освещения исследователями самоопределения граждан в период весны — лета 1919 года на основе концепции исторической памяти и концепта идентичности. Авторы пришли к заключению: данный период явился переломным этапом Гражданской войны, который был обусловлен успехами Красной армии, поражением Колчака на Урале и заметным смещением общественных настроений в пользу советской власти. Как отмечают историки, война, на фоне милитаризации и раскола российского социума, усилила процессы самоопределения, став средством достижения относительной идентичности социума, способным обеспечить победу стороне, имеющей цели, понятные и близкие населению. Отмечено, что образ дореволюционного прошлого, сохранившийся в исторической памяти, сыграл определяющую роль в самоидентификации населения. Люди хотели изменений к лучшему. Большевики активно пропагандировали идеи интернационализма, равенства, строительства нового мира и закономерно одержали победу. Сегодня ученые на основе изучения рефлексий человека, идентификационных процессов, сопровождающих трансформационные сдвиги, происходившие в годы Гражданской войны в России, значительно продвинулись в изучении революционных изменений в обществе и их воздействия на дальнейшее развитие страны.

Ключевые слова:

историография; антропологический подход; идентичность; самоопределение; Гражданская война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the historiography of the history of identity transformation during the Civil War in Russia. The purpose of the study is seen in the researchers' coverage of self-determination of citizens during the spring — summer of 1919 based on the concept of historical memory and the concept of identity. The authors came to the conclusion that this period was a turning point in the Civil War, which was due to the success of the Red Army, the defeat of Kolchak in the Urals and a noticeable shift in public sentiment in favor of the Soviet government. As historians note, against the backdrop of militarization and the split of Russian society, the war intensified the processes of self-determination, becoming a means of achieving a relative identity of society, capable of ensuring victory for the side that has goals that are understandable and close to the population. It is noted that the image of the pre-revolutionary past, preserved in historical memory, played a decisive role in the self-identification of the population. It is noted that the image of the pre-revolutionary past, preserved in historical memory, played a decisive role in the self-identification of the population. Today, scientists, based on the study of human reflections, identification processes that accompany the transformational shifts that took place during the years of the Civil War in Russia, have made significant progress in studying revolutionary changes in society and their impact on the further development of the country.

Key words:

historiography; anthropological approach; identity; self-determination; Civil War.

УДК 94(47).084.3+94(470.53)“1919”+930(47)“20”

Трансформация идентичности как фактор перелома в ходе Гражданской войны (весна — лето 1919 года) в оценке современных исследователей

© Скипина И. В., Московкин В. В., 2023

1. Введение = Introduction

Современная историография, как и историческая наука в целом, характеризуется совершенствованием концептуального подхода в изучении истории Гражданской войны в России. Авторы отмечают обновление научных методик, расширение исследовательских полей, углубление анализа антропологической стороны конфликта, актуализацию изучения исторической памяти о войне. Остро ставятся и вопросы идентичности человека с общественной средой, во многом определяющей его социальное поведение. При этом Гражданская война рассматривается как проявление конфликтов идентичностей, вылившихся в крайние формы вооруженного противостояния.

Цель статьи — установить, насколько включение в теоретико-методологическую основу современных исследований такого фактора, как идентичность в классическом ее толковании, данном Э. Эриксоном, оправдано для объяснения ситуации, сложившейся на Урале весной — летом 1919 года, завершившейся наступлением Красной Армии и изгнанием Колчака. Авторы данной статьи исходят из того, что анализ социальной стороны идентичности следует проводить «с учетом личностной непротиворечивости, возникающей вследствие индивидуальной и ролевой адаптации в социальных группах; ведущих образов и идеологий времени; индивидуальной истории жизни и определенного исторического момента, в котором данный человек родился и живет» [Эриксон, 2008, с. 74].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретико-методологической основой статьи является антропологический подход, обусловивший дальнейшее развитие концепции исторической памяти [Историческая память..., 2018], а также концепт идентичности, дающие возможность на новом научном уровне, с использованием методов социальной истории, микро и макро-подходов, подойти к осмыслению прошлого, выстроить иерархию значимых событий [Репина, 2016а, с. 13]. Данные подходы позволяют продолжить объяснение поведения людей на разных этапах Гражданской войны, проанализировать осмысление

ими полученного опыта и соотнесения его с текущими обстоятельствами, рассмотреть ответную реакцию человека на изменившиеся условия, тем самым приблизиться к освещению сложного процесса самоидентификации, сопровождающегося распадом прежней и формированием иной идентичности. В статье используются методы междисциплинарного, феноменологического, компаративного анализа.

Одним из первых указал на роль исторической памяти в остром гражданском противостоянии Н. Бердяев. Сегодня актуален его вывод о том, что существенной чертой реальности того времени являлась активность революционного человека, для которого «прошлое не обязательно», так как «каждый молодой человек чувствует себя строителем нового мира» [Бердяев, с. 83; 124]. Неприятие пережитого, по его мнению, явилось залогом неудач большевиков в будущем: «Коммунисты не могут победить ненависть к прошлому, и в этом их главная слабость» [Бердяев, 1955, с. 150]. При этом контрреволюционеров он считал еще менее перспективной силой, так как это «люди, обращенные к прошлому» [Там же, с. 120].

Сегодня, как указывают О. С. Поршнева и М. А. Фельдман, прослеживается методологическая тенденция изучения российской революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны с позиций исторической компаративистики, «вписывания» этих важнейших событий XX века в общеевропейский контекст и рассмотрения их как проявления «военно-революционного кризиса 1914—1922 годов» [Поршнева и др., 2018, с. 9—26], сопровождающегося крахом действующих социальных ориентиров, повлекших за собой изменение идентичности. На данный факт обратили внимание многие историографы, в том числе и за рубежом [Новикова, 2005, с. 145—158]. В этом отношении вызывает интерес исследование А. Ретиш «Российские крестьяне в революции и Гражданской войне: гражданство, идентичность и создание Советского государства (1914—1922)», посвященное проблеме формирования российской идентичности в годы Гражданской войны [Retish, 2008].

В настоящее время история изучается многими учеными не «сверху», не через официальный дискурс, а «снизу» и «изнутри», при этом рядовой человек рассматривается как главное действующее лицо, выстраивающее свое поведение соответственно происходящим событиям [Поршнева, 2017, с. 6]. О. С. Поршнева подчеркивает, что антропологический аспект Гражданской войны активно разрабатывается на основе эгоисточников, которые позволяют рассмотреть повседневные практики взаимоотношений власти и общества с учетом восприятия «маленьким человеком» [Поршнева, 2012, с. 165—177]. Особую ценность в этом отношении имеют письма и воспоминания [Поршнева, 2016, с. 430—433]. О. С. Поршнева и М. А. Фельд-

дман считают, что относительная изученность социально-экономических и военных аспектов противостояния остается оторванной от понимания их социально-эмоционального осмысления. Ученые делают вывод, что результат Гражданской войны зависел от самоопределения населения, и считают необходимым дальнейшее изучение проблем самоидентификации современников событий в условиях, изменивших государство, социально-экономическую ситуацию, повседневную жизнь, персонализацию [Поршнева и др., 2016, с. 35—40].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исследование военных аспектов проблемы: антропологический подход

В последние годы для исследования военных аспектов Гражданской войны активно используется антропологический подход. Ученые считают важнейшим фактором, определяющим отношение граждан к власти, обеспечение их защищенности государством, поэтому успех на фронте той или иной стороны имел решающее значение для самоопределения населения.

Существенное значение для исследования вопроса имеет привлечение разнообразных по характеру источников, отражающих положение не только на фронтах, но и в тылу, с учетом настроения как военнослужащих, так и гражданских лиц [Поршнева и др., 2017, с. 57—71].

Историки пришли к заключению, что весной 1919 года военный аспект приобрел особый смысл. Это видно на примере прифронтовых территорий, где красные укрепились достаточно основательно. Мобилизация в Красную армию осуществлялась принудительно. Не явившиеся на призывные пункты становились врагами и попадали под суд Революционного трибунала. В. И. Бакулин пишет, что в тыловой жизни настроения населения были противоречивыми, в ней удивительно сочетались элементы анархии и железной дисциплины, мобилизация шла активно, но не без труда. Население постепенно определялось в пользу большевиков. Этот процесс усилился под воздействием продвижения Красной армии [Бакулин, 2006, с. 99—115]. По мере отдаления фронта население стало более взвешенно относиться к сложившейся ситуации, но добровольно участвовать в мероприятиях помощи фронту желающих было мало. Казачеству не удалось добиться сохранения при большевиках своей автономии, поэтому они затягивали с самоопределением, пока не стало понятно, что возвращение белых исключено [Сафонов, 2012, с. 56].

Условия войны обостряли восприятие происходивших событий, способствуя самоопределению, глубокому осмыслению пережитого с учетом личностных интересов. Особенно остро проблема выбора встала весной

1919 года, что во многом зависело от положения на фронте. Многие авторы подчёркивают, что весной — летом 1919 года именно по принципу «близости к миру» шел процесс обретения «потерянной» идентичности. Большинство населения, стремясь к стабильности, поддерживало побеждающую сторону, поэтому наметившееся успешное продвижение Красной армии меняло ситуацию и в тылу. Генеральное наступление Колчака, начатое в марте 1919 года, не увенчалось успехом. К середине апреля советские войска стабилизировали положение на Восточном фронте и вскоре перешли в наступление. Об изменении настроений населения свидетельствовали мартовские восстания мобилизованных в белую армию в 1919 году, их нежелание идти на передовую и рост дезертирства [Борьба..., 1967, с. 279—281]. Историки считают период весны — лета 1919 года переломным этапом Гражданской войны, обусловленным успехами Красной армии на Восточном фронте и смещением общественных настроений в пользу советской власти.

Летом 1919 года выступления против мобилизации в белую армию охватили ряд территорий Зауралья, например Шадринский уезд, хотя ситуация там и не вылилась в вооруженное столкновение. П. Н. Зырянов подчеркивал, что росло число дезертиров, негативные настроения насильно мобилизованных крестьян усилили неустойчивость воинских частей, в результате чего имели место факты перехода некоторых из них к противнику с оружием в руках [Зырянов, 2009, с. 482]. Важным критерием движения деревни к новой идентичности стало растущее противостояние крестьян и властей, причин для которого было множество: мобилизации, усиление налогового пресса, злоупотребления властей, расстрелы, массовые порки, мародерство. Всё чаще конфликты переходили в открытые столкновения между населением и военными, что ярко проявилось в росте партизанского движения.

Политические оппоненты Колчака пытались усилить свое влияние на партизанское движение, носителями идей которого выступали, как правило, дезертиры — бывшие фронтовики. Большевикам удалось завоевать наибольшее влияние в партизанской среде, особенно на Урале. В то же время в некоторых районах Сибири, отмечает Н. С. Ларьков, активно действовали и другие партии: от эсеров и анархистов до меньшевиков [Ларьков, 1991, с. 79]. М. В. Шиловский считает, что зажиточные старожилы не спешили создавать партизанские отряды, зато небогатые переселенцы являлись донорами движения. Это приводило к противостоянию старожилов и новоселов, обостряло политическую ситуацию, сказываясь на ситуации на всем Восточном фронте. Центрами нестабильности и партизанского движения становились переселенческие деревни [Шиловский, 2003, с. 363].

Коммунисты создавали подпольные организации, и прежде всего в больших городах с развитой промышленностью, где их могли поддер-

жать рабочие. На Урале наиболее крупными подпольными организациями РКП(б) были Екатеринбургская и Челябинская. Их организации насчитывали сотни человек. После разгрома подпольная организация Екатеринбурга полностью так и не была восстановлена, но влияние на часть городского населения все же сохранила [Московкин, 2018, с. 205—206].

Летом 1919 года советские войска наступали уже по всему фронту, чему способствовало обострение обстановки в тылу противника. Историки подчеркивают, что общественные настроения разных групп населения свидетельствовали о крахе надежд на мир и стабильность, которые они связывали с белыми, так как при них социально-экономическая и политическая ситуация продолжала ухудшаться, а обещанные изменения не обеспечивались реальными действиями. Неудовлетворенность сложившимся положением проявилась в крестьянском недовольстве, росте стачек на заводах, активизации подрывной работы подпольных антиколчаковских организаций. В июле 1919 года белогвардейцы оставили Урал, военные действия были перенесены в Сибирь. С отходом на восток усиливались негативные тенденции в армии Колчака, обусловленные множеством причин: отсутствием мотивации у солдат, нехваткой вооружений, обмундирования, плохой организацией медицинского дела, недостаточной организационной работой в частях [Фронт..., 2019]. Об этом ярко свидетельствуют не только официальные данные, но и эгодокументы [Письма..., 2014, с. 175, 177]. 14 ноября 1919 года белогвардейцы покинули Омск. Крах колчаковщины стал реальностью.

Война, на фоне милитаризации и раскола российского социума, усилила процессы самоопределения, став средством достижения относительной идентичности, способным обеспечить победу стороне, имеющей четкие цели, понятные и близкие населению. Сторонники Советов пропагандировали установление власти, основанной на идее общности интересов трудового народа, обещаниях рядовым гражданам участия в управлении государством, что стимулировало рост числа их сторонников.

Вместе с тем многочисленные факты свидетельствовали о неослабевающих сомнениях людей относительно своего выбора, усугубляющихся неясностью жизненных перспектив, а также о «спутанной идентичности» не только летом — осенью 1919 года, но и в последующий период Гражданской войны, поэтому говорить о кардинальных изменениях общественных настроений в 1919 году оснований нет.

3.2. Исследователи о влиянии военной повседневности на самоопределение населения

Современные авторы отметили, что война стирала социальные черты идентичности, разрушала ее, превращая личность в человека воюющего. Тем не менее исследователи считают необходимым рассматривать вопрос

о связи между уровнем жизни, с одной стороны, и революционными настроениями, с другой [Миронов, 2014а, с. 101]. Большинство авторов указывает, что понижение уровня жизни населения осложняет общественно-политическую ситуацию, делая гражданский мир более хрупким.

Историки отмечают, что весенний «полет к Волге» Колчака опирался на поддержку значительной части крестьянства. Рабочие оказывали поддержку белым значительно меньше. Главным в отношениях рабочих с владельцами фабрик и заводов был вопрос об увеличении заработной платы в соответствии с ростом цен на продукты первой необходимости. В наиболее тяжелом положении находились рабочие водного и железнодорожного транспорта, на которых, по мнению В. Цветкова, держалась не только экономическая, но и политическая жизнь «белой» Сибири» [Цветков, 2000, с. 143]. Но фабриканты и заводчики, не будучи уверенными в завтрашнем дне, думали прежде всего о личном обогащении, что вело к ухудшению состояния дел в промышленности и снижению уровня жизни населения [Московкин, 2018, с. 204].

Сегодня авторы подошли к пониманию повседневной жизни как важному фактору формирования идентичности. Экономическая разруха, обострение многих бытовых проблем, рост преступности, детской беспризорности, пьянства, проявления девиантного поведения, безработица поставили человека в условия поиска способа выживания и выбора той власти, которая могла бы обеспечить ему должный жизненный комфорт.

И. Нарский пишет об этом периоде как о гуманитарной катастрофе, считая, что жизнь под властью антибольшевистских режимов все больше рассеивала надежды горнозаводского населения Урала на лучшее будущее и оно постепенно созревало «для того, чтобы отчаянно принять любую другую власть» [Нарский, 2001, с. 261]. Белые мародерствовали, забирали у населения последнее, поэтому красных многие ждали, встречали их как освободителей. Но и красные проявляли насилие по отношению к населению, кроме того, при них продолжали сворачиваться производства, рынок, имела место спекуляция, нехватка продовольствия, росла преступность, была разрушена система социальной помощи населению, обострился квартирный вопрос. В городах не хватало школ, больниц, повсюду царили голод и антисанитария. Горожане покидали города, чтобы найти работу и прокормить свои семьи [Нарский, 2001, с. 492]. Люди, подчеркивает автор, были обеспокоены «бестолковостью» и «непредсказуемостью» реальности, но изменить ничего не могли [Нарский, 2001, с. 542].

В среде рабочих после революции, считает В. П. Булдаков, наблюдался мощный самоидентификационный процесс, обусловленный попытками осознать свою роль в происходивших событиях [Булдаков, 2010, с. 169—170].

Положение складывалось неоднозначное как у белых, так и у красных. Ухудшение в годы Гражданской войны положения людей, ожидавших мира и восстановления довоенного уровня жизни, стало фактором, ускорившим процесс самоопределения. Новое поколение, подчеркивает историк, «жаждало самоутверждения в агрессивной форме», что было характерно для людей со «спутанной» идентичностью [Булдаков, 2012, с. 664].

Эгоидентичность на изломе Гражданской войны переживала не менее жесткую трансформацию, чем коллективная идентичность. Менялись, содержание и носители культуры, методы участия в мероприятиях населения: все было подчинено решению политических задач. Людям приходилось делать выбор, отказываться от веры, традиций, формируя новые ценностные и жизненные ориентиры в зависимости от сложившейся ситуации.

Исследователи все чаще рассматривают эгоидентичность в зависимости от конкретного исторического периода, отмечая, что в годы Гражданской войны наблюдался социальный хаос, сопровождающийся чувством безысходности у людей, «утраты самих себя». Л. Репина считает, что для исследования данной области наиболее результативным является деятельностный подход, позволяющий анализировать ценности, верования, представления людей, традиции и их трансформационные изменения, происходящие под воздействием пережитого опыта [Репина, 2016б, с. 83—99].

Очевидно, что без изучения социально-культурных практик и мотиваций человека, объясняющих его поведение, осмыслить итоги Гражданской войны невозможно. В. П. Булдаков считает, что постреволюционный период характеризовался «кризисом ожидания в чудовищно искривлённом социально-историческом пространстве», приведшим к тому, что люди теряли «вкус к жизни» [Булдаков, 2012, с. 76]. Новая культура повседневности появилась на основе искоренения дореволюционной, процесс сопровождался трансформацией традиционных ценностей, шел во взаимосвязи с изменением самосознания, самоопределением, персонализацией, формированием иной эго-идентичности.

Многие исследователи отметили проявление у населения архаизации сознания и тягу к политической символике, объясняя это прежде всего переживаемыми трудностями. И. Нарский пишет, что большевистская власть пыталась «революционизировать и идеализировать даже досуг граждан, используя его для пропаганды и агитации за новую власть» [Нарский, 2001, с. 304]. Повседневная жизнь свидетельствовала об утрате дореволюционной эгоидентичности под влиянием войны. При этом большевики, используя идеологическое и политическое воздействие на повседневную жизнь, добились расположения к себе значительной части населения.

Новая культура повседневности появлялась на основе искоренения до-революционной, процесс сопровождался трансформацией традиционных ценностей, шел во взаимосвязи с изменением самосознания, самоопределением, персонализацией, формированием иной идентичности.

Историки считают, что период весны — лета 1919 года явился переломным этапом Гражданской войны, обусловленным успехами Красной армии на Восточном фронте и смещением общественных настроений в пользу большевиков. Вместе с тем многочисленные факты свидетельствуют о продолжающихся сомнениях людей относительно своего выбора, усугубляющихся неясностью жизненных перспектив, свидетельствуя о «спутанной идентичности» не только летом 1919 года, но и в последующий период Гражданской войны.

3.3. Историки о кризисе идентичности весной–летом 1919 года

Историки обратили внимание на то, что институциональные изменения периода Гражданской войны повлияли на идентичность. Б. Н. Миронов отметил: «Утверждение в обществе новых институтов всегда происходит долго, болезненно и противоречиво» [Миронов, 2014б, с. 214]. При этом нельзя недооценивать, считает автор, возможность самовыражения и самореализации, позволяющих обществу развиваться: «В нем в равной степени должна существовать возможность как для конструктивного, так и, к сожалению, для деструктивного деяния относительно традиции» [Там же, с. 201].

Д. Хоффман высказал мнение о том, что ничего нового в государственном вмешательстве и применении насилия в регулировании общественной жизни большевики не внесли, а отличие советского государства состояло лишь в применении практик, характерных для военного времени, в качестве постоянных методов управления [Hoffmann, 2017, pp. 619—628.]. Он соглашается с Д. Стеэнборном в том, что власть стремилась не столько подчинить людей, сколько добиться их участия в политике жесткими методами, что не могло не менять социум, так как государство хотело знать, что думает народ, и влиять на его мысли и действия [Хоффманн, 2018, с. 311].

Современные ученые установили, что изучение социальных институтов эффективно на основе анализа человеческой деятельности, путем смещения ракурса общественных процессов на опыт конкретных людей, вынесенный из социально-экономической, политической и культурной сфер. Опыт Первой мировой войны и революции подготовил сдвиг в умонастроениях людей в сторону общинных традиций, во многом предопределив выбор большинства населения в пользу большевиков, ратовавших за коллективизм, равенство, справедливость. При этом формирование «нового человека» базировалось на моделировании сознания и поведения людей через различные способы его «большевизации» [Поршнева, 2017, с. 11].

Д. Хоффман обратил внимание на то, что русская революция показала всему миру: продолжение военных действий и само выживание политических режимов зависит от состояния умов народа [Хоффманн, 2018, с. 250]. Дж. Санборн считал, что большевикам удалось быстро создать армию, восстановить государственные институты [Санборн, 2018, с. 221—224], кроме того, они боролись на расположение граждан, используя политические лозунги, например лозунг «право наций на самоопределение» [Санборн, 2017, с. 43—48], и это способствовало их успеху. В. П. Булдаков отмечает, что ленинцы постоянно показывали свою убежденность в необходимости создания советской власти, которая является не только «марксистской», «пролетарской», но и «народной», при этом индивидуальные проявления отношения к складывающейся реальности нивелировались требованием большевистского общественного единения [Булдаков, 2012, с. 15].

Наметившееся расположение населения большевики поддерживали пропагандой и агитацией. Историки отмечают, что обвинения белогвардейцев в измене Родине и других преступлениях оказали существенное влияние на умонастроения людей по обе стороны фронта. Большевики, стараясь «достучаться» до каждого человека, в огромном количестве выпускали и распространяли листовки, газеты и другие печатные издания не только в городах и селах Советской России, но и за линией фронта, в обращениях они говорили о равенстве, справедливости, победе рабочих и крестьян, строительстве нового государства, отвечающего интересам всего народа.

Колчаковцы, считают исследователи, предлагали населению и армии идеологию возврата к старому на основе единения, православия и непредрешения, надеясь на ее основе одержать верх над коммунистической идеологией. Свои планы белые не подкрепляли финансированием и организацией конкретной работы, кроме того, в рядах белогвардейцев не было единства [Домовитова, 2014, с. 44—48]. В противовес белым большевики демонстрировали стойкое единодушие, что предопределяло их уверенность в победе. Разные ценности, насаждаемые участниками противоборствующих сторон, приводили к конфликтам, выходом из которых были конформность, складывающаяся под влиянием сложившихся обстоятельств, ставшая в итоге базой единой социальной идентичности, исключающей иные возможности идентификации [Трифорова, 2015, с. 300].

Современные исследователи считают, что неопределенность идеологических посылов «белых», политика «непредрешенчества», неясность перспектив движения в итоге предопределили их кризис и провал. В отличие от них большевики имели четкие идеологические установки, они строили государственный аппарат в форме диктатуры пролетариата, спо-

собный поддерживать эти убеждения и утверждать в общественной среде надежды на светлое будущее.

Существенную роль в самоопределении населения играли идейные вдохновители движения. К весне 1919 года население Урала, прочувствовав на себе власть Колчака, разочаровалось в белых [Поршнева, 2019, с. 245]. В разгар весенне-летних боёв 1919 года Колчак продолжал терять симпатии сограждан, так как у простых людей не было возможности выразить озабоченность ухудшением социально-экономической ситуации, найти у диктатора ответ на многие насущные вопросы. В результате большая часть населения на данном этапе противостояния приняла решение примкнуть к сторонникам Ленина, это решение не было окончательным, но предопределило характер будущей государственности на многие годы [Скипина и др., 2020, с. 452—465]. М. А. Фельдман отмечает, что в итоге победа досталась той стороне, которая использовала опыт милитаризации экономики, полученный в годы Первой мировой войны. Милитаризационный фон, по его мнению, стал идеологической основой новой идентичности [Фельдман, 2012, с. 189—190].

Таким образом, весенне-летние бои 1919 года на Восточном фронте не только свидетельствовали о кризисе коллективной идентичности, но и подвели каждого человека, в условиях жесткого противостояния борющихся сторон, к мысли о необходимости решения вопроса о самоопределении.

3.4. Дискуссии о самоопределении российского крестьянства

Современные исследователи большое внимание уделяют проблеме крестьянского самоопределения, так как население деревни составляло более 80 % населения страны и играло определяющую роль в рассматриваемых событиях. Сегодня авторы отошли от объяснения поведения крестьянства в годы Гражданской войны исключительно его материальным положением. Б. Миронов подчеркивает, что крестьянство вплоть до революции 1917 года оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой и имело лишь зачатки буржуазного расслоения [Миронов, 2014а, с. 124].

Если советские исследователи объясняли позицию крестьянства в годы Гражданской войны главным образом военными и экономическими причинами, а также их социальным статусом, то в современных исследованиях авторы все чаще поднимают вопрос о сложном и неоднозначном процессе самоидентификации деревни, зависящем от целого комплекса причин. Ученые указали на важность данного вопроса, так как «колебания крестьянства» меняли соотношение сил между красными и белыми: верх брала та сторона, которую поддерживала в данный момент деревня [Данилин и др., 2000, с. 98]. Ряд авторов считает переменчивое поведение

крестьян проявлением самоопределения в сложных условиях Гражданской войны, постепенного осознания происходившего на основе пережитого опыта и принятия той политики, которая приносила им больше пользы, чем вреда [Ретиш, 2019, с. 129—135].

Противостояние, указывает И. Нарский, привело к насильственному втягиванию крестьянства в Гражданскую войну, к архаизации деревни, отбросив ее развитие на десятилетия, если не на века. По его мнению, «деревня отнюдь не металась между “красными” и “белыми”, сопоставляя и выбирая наиболее приемлемую для себя власть, а словно бы угрюмо замыкалась в себе, упрямо пытаясь свести к минимуму пагубное вмешательство и тех, и других» [Нарский, 2001, с. 262]. Слухи о победах «красных» весной 1919 года, по его мнению, порождали у крестьян Урала противоречивые чувства и даже панику: часть поддерживала белых, другие ждали красных.

В период подготовки к решающему наступлению Колчака неудовлетворенность крестьян военной диктатурой нарастала и весной 1919 года вылилась в открытое сопротивление. П. Н. Зырянов подчеркивал, что росло число дезертиров, негативные настроения насильно мобилизованных крестьян усилили неустойчивость воинских частей, имели место факты перехода некоторых из них к противнику [Зырянов, 2009, с. 482]. Важным критерием движения деревни к новой идентичности стало растущее недовольство тяготами войны, причин для которого было множество: мобилизации, мародерство, массовые порки, расстрелы. Всё чаще конфликты переходили в столкновения, что ярко проявилось в росте партизанского движения.

Под воздействием успехов Красной армии Крестьяне почувствовали приближение окончания войны. В. Булдаков считает, что Гражданская война остро поставила вопрос о самоопределении в крестьянской среде: после уничтожения вертикали производства — изъятие прибавочного продукта (тождественного культурному коду власти-подчинения) крестьяне, то есть основная масса подданных империи, ощутили себя в «плоском» (квазиобщинном) социокультурном пространстве. Это вызывало психологическую потребность к восстановлению иерархичной осмысленности существования снизу. Но, с другой стороны, это же оставляло власти свободу в навязывании сверху удобных ей форм и символов подчинения [Булдаков, 2010, с. 679].

Сегодня ученые активно обращаются к политическим сводкам о настроениях населения и эгодокументам, свидетельствующим о неоднозначной оценке современниками происходившего, зависящей от разных причин: начиная от социально-политической ситуации и до специфики индивидуального положения опрашиваемого. Позиция деревни становилась все более мотивированной, формировалось осмысленное недоверие к военной диктатуре, что подкреплялось неудачами белых на фронте.

Диктатура Колчака, отмечают историки, привела к вседозволенности военных в тылу. Террор белогвардейцев значительно усилился, карательные отряды расправлялись со всеми недовольными. Военные вмешивались в гражданское управление, не считаясь с местными властями. Преследования по доносам, аресты, порки, расправы с арестованными без суда и следствия стали обыденным явлением. Это не могло не сказаться на падении авторитета колчаковской власти, росте недовольства как в городе, так и в деревне.

Решающий период гражданской войны стал временем глубоких раздумий российского крестьянства. Крестьянстве, как отметили многие авторы, стали менее сдержаны в неодобрительных оценках деятельности правительства А. Колчака. К осени 1919 года крестьяне изменили свое отношение к белым в негативную сторону, что объясняется политикой диктатора, не отвечавшей интересам большинства населения.

Следует признать, что историки так и не пришли к однозначной характеристике социального поведения крестьянства в рассматриваемый период. Крестьяне, почувствовав всю тяжесть обеих диктатур, так и не решивших основные проблемы деревни, продолжали переживать сложный процесс самоидентификации, в основе которого было стремление к миру и доверие к той стороне, которая могла этот мир обеспечить в данный момент. При этом необходимо исходить из того, что процесс самоидентификации является непрерывным и во многом зависит от внешней среды, которая в период войны менялась очень быстро.

4. Заключение = Conclusions

Противоборство белых и красных на Восточном фронте завершилось поражением колчаковцев, предопределив исход Гражданской войны в России. После удачной для Колчака «Пермской операции» в конце 1918 года диктатор главной своей задачей продолжал считать решение военных проблем, упустив урегулирование социально-экономических и политических вопросов. Неумение и нежелание работать с людьми — одна из важнейших причин поражения белых и победы красных, уделявших большое внимание индивидуальной политической работе в армии и в тылу по обе стороны фронта.

Историческая память, как подчеркивают современные авторы, имела определяющее значение в самоидентификации населения в годы Гражданской войны. Значительную роль сыграла новая пролетарская идеология, отвергавшая возврат к старому миру, а также большевистские обещания счастливого будущего для каждого человека на основе равноправия и создания условий для саморазвития.

Важно учитывать, что процесс идентификации динамичен, человек откликается на самые незначительные изменения своего положения, поэтому поддержка населением Красной армии на решающем этапе Гражданской войны стала демонстрацией адаптации граждан к новым идеям, выдвинутым Советами, и победе большевиков в войне. Однако затягивание реализации обещанного привели к тому, что уже к концу 1920 — началу 1921 годов настроения людей стали заметно меняться в сторону негативного отношения к власти большевиков, что ярко проявилось в крестьянских восстаниях 1921 года. Но изменить траекторию формирования советской идентичности уже не удалось, будущее страны продолжало строиться на успехах большевиков, достигнутых в ходе решающих побед в Гражданской войне. Последствия войны оказали воздействие на последующие поколения людей. Такое положение не было случайным, так как в период кризиса идентичности популярными часто становятся тоталитарные доктрины и догмы.

В настоящее время историки все чаще определяют идентичность через ее конкретные проявления и дополнения, путем анализа рефлексий человека, его участия в политической жизни страны, а не через принадлежность к классам или общественным объединениям. По их мнению, идентификационные процессы, заданные глобальными трансформациями, идут постоянно, охватывают огромные массы людей и надолго остаются в исторической памяти народа.

Источники и принятые сокращения

1. *Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.)* : сборник документов и материалов. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1967. — 430 с.
2. *Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны* (март 1917 — ноябрь 1919 г.) : сборник документов. — Новосибирск : Параллель, 2014. — 270 с. — ISBN 978-5-98901-164-3.
3. *Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки* (июнь 1919 — март 1920 г.) : сборник документов / составитель М. И. Вебер. — Екатеринбург : УрО РАН, 2019. — 272 с. — ISBN 978-5-7691-2529-4.

Литература

1. *Бакулин В. И.* Организация тыла в прифронтовой полосе : Вятская губерния зимой — летом 1919 г. Листая истории страницы : Вятский край и вся Россия в XX веке : сборник научных статей / В. И. Бакулин. — Киров : Издательство ВятГГУ, 2006. — С. 99—115. — ISBN 978-5-93825-532-6.
2. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н. Бердяев. — Париж : УМКА ПРЕСС, 1955. — 160 с.
3. *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 967 с. — ISBN 978-5-8243-1263-8.

4. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920—1930 гг. / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 759 с. — ISBN 978-5-8243-1720.
5. Данилин А. Б. Гражданская война в России (1917—1922) / А. Б. Данилин, Е. Н. Евсеева, С. В. Карпенко // Новый исторический вестник. — 2000. — № 1 (1). — С. 98—167.
6. Домовитова П. Я. Проблема «двоевластия» на Урале в условиях режима А. В. Колчака (декабрь 1918 — апрель 1919) / П. Я. Домовитова // Вестник Пермского университета. История. — 2014. — № 2. — С. 42—50.
7. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России / П. Н. Зырянов. — Москва : Молодая гвардия, 2009. — 635 с. — ISBN 978-5-235-03150-0.
8. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. — Москва : РАН, 2018. — 508 с. — ISBN 978-5-907036-24-6.
9. Ларьков Н. С. Повстанческо-партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны (новые подходы) / Н. С. Ларьков // История Советской России : новые — идеи, суждения. — Тюмень : Издательство Тюменского университета, 1991. — С. 77—79.
10. Миронов Б. Н. Какая дорога ведет к революции? имущественное неравенство в России за три столетия / Б. Н. Миронов // Социологические исследования. — 2014а. — № 11. — С. 121—129.
11. Миронов Б. Н. Страсти по революции : нравы в российской историографии в век информации / Б. Н. Миронов. — Москва : Весь Мир, 2014б. — 335 с. — ISBN 978-5-7777-0551-8.
12. Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917—1921 гг.) / В. В. Московкин. — Тюмень : Тюменский государственный университет, 2018. — 291 с. — ISBN 978-5-400-01222-8.
13. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе Будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2001. — 613 с. — ISBN 5-8243-0280-4.
14. Новикова Л. Г. Гражданская война в России в современной западной историографии / Л. Г. Новикова // Отечественная история. — 2005. — № 6. — С. 142—158.
15. Поршнева О. С. Источники изучения проблемы взаимоотношений власти и рабочих Урала в условиях Гражданской войны / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман // Вестник архивиста. — 2017. — № 2. — С. 57—71.
16. Поршнева О. С. Концептуально-теоретические подходы к изучению проблем взаимоотношений власти и рабочих Урала в годы Гражданской войны / О. С. Поршнева // Вопросы всеобщей истории. — 2012. — № 4. — С. 165—177.
17. Поршнева О. С. Новый человек как компонент революционного советского проекта : ключевые проблемы изучения в современной историографии / О. С. Поршнева // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сборник научных трудов / гл. редактор Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. — С. 6—18. — ISBN 978-5-7996-2273-2.
18. Поршнева О. С. Образ «священной борьбы» в воспоминаниях рабочих и большевиков — участников Гражданской войны на Урале / О. С. Поршнева // Документ. Архив. История. Современность : Материалы VI Международной научно-практической конференции. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. — С. 429—433.
19. Поршнева О. С. Осмысление российской Гражданской войны в контексте двух юбилейных дат / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман // Известия Уральского федерального

университета. Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 20. — № 3 (178). — С. 9—26. — DOI: 10.15826/izv2.2018.20.3.042.

20. *Поршнева О. С.* Особенности русской революции и Гражданской войны на Урале : социально-политический аспект / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», 2019. — С. 238—248. — ISBN 978-5-7629-2545-7.

21. *Поршнева О. С.* Уральская историография Гражданской войны между прошлым и будущим : некоторые итоги постсоветского периода / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман // Гражданская война в России (1917—1922) : историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения / гл. ред. Д. А. Алисов. — Москва : Институт Наследия, 2016. — С. 35—41. — ISBN 978-5-86443-205-1.

22. *Репина Л. П.* Историческая память и национальная идентичность подходы и методы исследования / Л. П. Репина // Диалог со временем. — 2016а. — Выпуск 54. — С. 9—15.

23. *Репина Л. П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти / Л. П. Репина // Новое прошлое. — 2016б. — № 1. — С. 83—99.

24. *Ретиш А. Б.* Крестьяне России в годы революции и Гражданской войны : гражданство, идентичность и создание советского государства / А. Б. Ретиш // Революция и Гражданская война в России : Современная историография : Сборник статей, обзоров и рефератов. — Москва : РАН, ИНИОН, 2018. — С. 129—135. — ISBN 978-5-248-00903-9.

25. *Санборн Д. А.* Генезис русского вождизма : власть и насилие во время первой мировой и Гражданской войн (Реферат) / Д. А. Санборн // Труды по русистике. — Москва : РАН ИНИОН, 2018. — Выпуск 7. — С. 221—224. — ISBN 978-5-248-00906-0.

26. *Санборн Д. А.* Грандиозный апокалипсис : великая война и гибель Российской империи (Реферат) / Д. А. Санборн // Революции 1917 года в России : Современная историография : Реферативный сборник. — Москва : РАН, ИНИОН, 2017. — С. 43—49. — ISBN 978-5-248-00858-2.

27. *Сафонов Д. А.* Оренбургское казачье войско в годы Гражданской войны : тенденции формирования казачьей автономии / Д. А. Сафонов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 16 (270). — С. 52—57.

28. *Скипина И. В.* Феномен «Пермской катастрофы» 1918 года в оценке современных исследователей Гражданской войны в России / И. В. Скипина, В. В. Московкин // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 451—468. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468.

29. *Трифорова В. В.* Конфликты идентичностей в социально-политическом дискурсе Гражданской войны / В. В. Трифорова // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». — 2015. — Т. 6. — № 4. — С. 298—302.

30. *Фельдман М. А.* Причины поражения белого движения в Гражданской войне на Урале в контексте взаимоотношений власти и рабочих (проблемы — историографии) / М. А. Фельдман // Вопросы всеобщей истории. — 2012. — № 14. — С. 177—191.

31. *Хоффманн Д. Л.* Взращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914—1939 / Д. Л. Хоффманн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 424 с. — ISBN 978-5-4448-0730-9.

32. *Цветков В.* «Экономическое чудо» по Колчаку / В. Цветков // Родина. — 2000. — № 5. — С. 142—145.

33. *Шиловский М. В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. / М. В. Шиловский. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. — 428 с. — ISBN 5-87550-150-2.

34. Эриксон Э. Кризис идентичности в автобиографической перспективе / Э. Эрик-сон // *Личность. культура. общество*. — 2008. — № 1 (40). — С. 73—89.

35. Hoffmann D. L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context / D. L. Hoffmann // *Slavic Review*. — Fall 2017. — Vol. 76. — Iss. 3. — Pp. 619—628. — DOI: <https://doi.org/10.1017/slr.2017.169>.

36. Retish A. B. Russia's Peasants in Revolution and Civil War : Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State (1914—1922) / A. B. Retish. — New York : Cambridge University Press, 2008. — 295 p. — ISBN 978-0-521-89689-4.

Material resources

Letters to the authorities in the era of revolution and Civil War (March 1917 — November 1919): Collection of documents. (2014). Novosibirsk: Parallel. 270 p. ISBN 978-5-98901-164-3. (In Russ.).

The front and rear of the Kolchak army in intelligence and counterintelligence documents (June 1919 — March 1920). Collection of documents. (2019). Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 272 p. ISBN 978-5-7691-2529-4. (In Russ.).

The struggle for the power of the Soviets in the Tobolsk (Tyumen) province (1917—1920): A collection of documents and materials. (1967). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 430 p. (In Russ.).

References

Bakulin, V. I. (2006). *Organization of the rear in the front line: Vyatka province in winter — summer 1919. Flipping through the history pages: Vyatka Krai and the whole of Russia in the XX century: a collection of scientific articles*. Kirov: Vyatggu Publishing House. 99—115. ISBN 978-5-93825-532-6. (In Russ.).

Berdyayev, N. (1955). *The Origins and Meaning of Russian Communism*. Paris: UMSA PRESS. 160 p. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2010). *Krasnaya smuta. The nature and consequences of revolutionary violence*. Moscow: ROSSPEN. 967 p. ISBN 978-5-8243-1263-8. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2012). Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of the post-revolutionary time. Russia, 1920—1930. Moscow: ROSSPEN. 759 p. ISBN 978-5-8243-1720. (In Russ.).

Danilin, A. B., Evseeva, E. N., Karpenko, S. V. (2000). Civil War in Russia (1917—1922). *New Historical Bulletin*, 1 (1): 98—167. (In Russ.).

Domovitova, P. Ya. (2014). The problem of “dual power” in the Urals under the regime of A. V. Kolchak (December 1918 — April 1919). *Bulletin of Perm University. History*, 2: 42—50. (In Russ.).

Erikson, E. (2008). Identity crisis in an autobiographical perspective. *Personality. culture. Society*, 1 (40): 73—89. (In Russ.).

Feldman, M. A. (2012). The reasons for the defeat of the white movement in the Civil War in the Urals in the context of the relationship between power and workers (problems of historiography). *Questions of universal history*, 14: 177—191. (In Russ.).

Historical memory and Russian identity. (2018). Moscow: RAS. 508 p. ISBN 978-5-907036-24-6. (In Russ.).

Hoffmann, D. L. (2018). *The cultivation of the masses. The modern state and Soviet Socialism. 1914—1939*. Moscow: New Literary Review. 424 p. ISBN 978-5-4448-0730-9. (In Russ.).

- Hoffmann, D. L. (2017). The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context. *Slavic Review*, 76 (3): 619—628. DOI: <https://doi.org/10.1017/slr.2017.169>.
- Larkov, N. S. (1991). The insurgent-partisan movement in Siberia during the Civil War (new approaches). In: *History of Soviet Russia: new — ideas, judgments*. Tyumen: Tyumen University Press. 77—79. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2014). *Passions for Revolution: mores in Russian historiography in the age of information*. Moscow: The Whole World. 335 p. ISBN 978-5-7777-0551-8. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2014). Which road leads to revolution? property inequality in Russia for three centuries. *Sociological research*, 11: 121—129. (In Russ.).
- Moskovkin, V. V. (2018). *The confrontation of political forces in the Urals and Western Siberia during the Revolution and Civil War (1917—1921)*. Tyumen: Tyumen State University. 291 p. ISBN 978-5-400-01222-8. (In Russ.).
- Narsky, I. V. (2001). *Life in a catastrophe Everyday life of the population of the Urals in 1917—1922*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 613 p. ISBN 5-8243-0280-4. (In Russ.).
- Novikova, L. G. (2005). Civil war in Russia in modern Western historiography. *Domestic history*, 6: 142—158. (In Russ.).
- Porshneva, O. S., Feldman, M. A. (2018). Comprehension of the Russian Civil War in the context of two anniversaries. *Bulletin Ural Federal University. Humanities*, 20 / 3 (178): 9—26. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.3.042. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2012). Conceptual and theoretical approaches to the study of the problems of the relationship between the authorities and the workers of the Urals during the Civil War. *Questions of universal history*, 4: 165—177. (In Russ.).
- Porshneva, O. S., Feldman, M. A. (2019). Features of the Russian Revolution and the Civil War in the Urals: socio-political aspect. In: *Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Electrotechnical University “LETI”. 238—248. ISBN 978-5-7629-2545-7. (In Russ.).
- Porshneva, O. S., Feldman, M. A. (2017). Sources of studying the problem of the relationship between the authorities and the workers of the Urals in the conditions of the Civil War. *Archivist's Bulletin*, 2: 57—71. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2016). The image of the “sacred struggle” in the memoirs of workers and Bolsheviks — participants of the Civil War in the Urals. In: *Document. Archive. History. Modernity: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 429—433. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2017). The New Man as a component of the revolutionary Soviet project: key problems of study in modern historiography. In: *The Epoch of Socialist Reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations: a collection of scientific works*. Yekaterinburg: Ural University Press. 6—18. ISBN 978-5-7996-2273-2. (In Russ.).
- Porshneva, O. S., Feldman, M. A. (2016). Ural historiography of the Civil War between the past and the future: some results of the post-Soviet period. In: *The Civil War in Russia (1917—1922): historical memory and problems of memorialization of the “red” and “white” movement*. Moscow: Heritage Institute. 35—41. ISBN 978-5-86443-205-1. (In Russ.).

- Repina, L. P. (2016a). Historical memory and national identity approaches and research methods. In: *Dialogue with time*, 54: 9—15. (In Russ.).
- Repina, L. P. (2016b). Events and images of the past in historical and cultural memory. *New Past*, 1: 83—99. (In Russ.).
- Retish, A. B. (2018). Peasants of Russia during the Revolution and Civil War: citizenship, identity and the creation of the Soviet state. In: *Revolution and Civil War in Russia: Modern Historiography: A collection of articles, reviews and abstracts*. Moscow: RAS, INION. 129—135. ISBN 978-5-248-00903-9. (In Russ.).
- Retish, A. B. (2008). *Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State (1914—1922)*. New York: Cambridge University Press. 295 p. ISBN 978-0-521-89689-4.
- Safonov, D. A. (2012). Orenburg Cossack army during the Civil War: trends in the formation of Cossack autonomy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 16 (270): 52—57. (In Russ.).
- Sanborn, D. A. (2018). Genesis of Russian chiefdom: power and violence during the First World and Civil Wars (Abstract). In: *Proceedings on Russian studies*, 7. Moscow: RAS INION. 221—224. ISBN 978-5-248-00906-0. (In Russ.).
- Sanborn, D. A. (2017). Grand Apocalypse: the Great War and the Death of the Russian Empire (Abstract). In: *Revolutions of 917 in Russia: Modern Historiography: Abstract Collection*. Moscow: RAS, INION. 43—49. ISBN 978-5-248-00858-2. (In Russ.).
- Shilovsky, M. V. (2003). *Political processes in Siberia during the social cataclysms of 1917—1920*. Novosibirsk: Siberian Chronograph. 428 p. ISBN 5-87550-150-2. (In Russ.).
- Skipina, I. V., Moskovkin, V. V. (2020). The Phenomenon of “The Perm disaster” of 1918 in the Assessment of Modern Researchers of the Civil War in Russia. *Nauchnyi dialog*, 1: 451—468. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468. (In Russ.).
- Trifonova, V. V. (2015). Identity conflicts in the socio-political discourse of the Civil War. *News of universities. The series “Humanities”*, 6 (4): 298—302. (In Russ.).
- Tsvetkov, V. (2000). “Economic miracle” by Kolchak. *Rodina*, 5: 142—145. (In Russ.).
- Zyryanov, P. N. (2009). *Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia*. Moscow: Molodaya gvardiya. 635 p. ISBN 978-5-235-03150-0. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.12.2022,
одобрена после рецензирования 28.12.2022,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Слезин А. А. Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне 1920-х годов / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 467—491. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-467-491.

Slezin, A. A. (2023). Confrontation between Believers and Young “Godless” as a Factor of Intergenerational Rift in Russian Village in 1920s. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 467-491. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-467-491. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-467-491

**Противостояние верующих
и юных «безбожников»
как фактор
межпоколенческого разлома
в российской деревне
1920-х годов**

Слезин Анатолий Анатольевич
orcid.org/0000-0002-9559-7553
доктор исторических наук, профессор
anatoly.slezin@yandex.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

**Confrontation between
Believers and Young
“Godless” as a Factor
of Intergenerational Rift
in Russian Village in 1920s**

Anatoly A. Slezin
orcid.org/0000-0002-9559-7553
Doctor of History, professor
anatoly.slezin@yandex.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

© Слезин А. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы взаимоотношения представителей поколений «революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX—XX веков) и «детей революции» (тех, чье детство пришлось на первое послереволюционное десятилетие). Изучается роль юных «безбожников» 1920-х годов в эволюции морально-нравственного состояния крестьянских «отцов». Исследование проводится на основе широкого пласта архивных документов и материалов периодической печати, большая часть которых вводится в научный оборот впервые. Уделяется внимание теоретическому обоснованию роли пионеров в формировании «нового человека», их практическим усилиям на данном направлении и реакции крестьянства. Показано, что духовное наследие, которое по правилам преемственности развития поколение «революционного перелома» призвано было передать своим преемникам, в реальной жизни было отвергнуто активными представителями младшего поколения. Противостояние юных «безбожников» и приверженцев традиционных религий существенно повлияло на усиление межпоколенческого разлома российского села. Анализ опыта формирования основ пионерского движения и выявление причин обострения межпоколенческого конфликта в российской деревне (в том числе детской антирелигиозной деятельности) имеют особую актуальность в связи с процессом поиска модели воспитания, соответствующей современным запросам государства и общества.

Ключевые слова:

поколения; революционный перелом; отцы и дети; пионеры; крестьяне; религия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relationship between representatives of the generations of the “revolutionary turning point” (born at the turn of the 19th-20th centuries) and “children of the revolution” (those whose childhood fell on the first post-revolutionary fifteen years) is analyzed. The role of the young “godless” of the 1920s in the evolution of the moral state of the peasant “fathers” is studied. The role of the young “godless” of the 1920s in the evolution of the moral state of the peasant “fathers” is studied. Attention is paid to the theoretical substantiation of the role of the pioneers in the formation of the “new man”, their practical efforts in this direction and the reaction of the peasantry. It is shown that the spiritual heritage, which, according to the rules of continuity of development, the generation of the “revolutionary turning point” was called upon to pass on to its successors, in real life was rejected by active representatives of the younger generation. The confrontation between young “godless” and adherents of traditional religions significantly influenced the strengthening of the intergenerational rift in the Russian village. An analysis of the experience of forming the foundations of the pioneer movement and identifying the causes of the exacerbation of intergenerational conflict in the Russian countryside (including children’s anti-religious activities) are of particular relevance in connection with the search for a model of education that meets the modern demands of the state and society.

Key words:

generations; revolutionary change; Fathers and Sons; pioneers; peasants; religion.

Противостояние верующих и юных «безбожников» как фактор межпоколенческого разлома в российской деревне 1920-х годов

© Слезин А. А., 2023

1. Введение = Introduction

В современной науке утвердилась позиция, согласно которой «каждое общество, находящееся в условиях трансформации и модернизации, сталкивается с расколом между “старым”, консервативным поколением и “новым”, новаторским» [Чистякова, 2016, с. 99]. Конфликт поколений признается имманентно присущим всем переломным периодам истории и принимающим конструктивную или деструктивную форму в зависимости от конкретно-исторических условий.

Применительно к 1920-м годам Ф. Н. Козлов справедливо обращает внимание на атмосферу перманентного противостояния, конфликта всех со всеми, когда гарантом хоть какой-то устойчивости не были даже родственные связи. Причем внутрисемейные конфликты, по мнению Ф. Н. Козлова, подчас отличались наибольшей жесткостью, «поскольку, с одной стороны, “враги” в силу длительного общежития хорошо знали слабые стороны друг друга, а с другой стороны — руководствовались пресловутым принципом “бей своих, чтобы чужие боялись”» [Козлов, 2014, с. 72].

В данной статье ставится цель выяснить, какое влияние на разрастание разрыва поколений оказала ситуация в духовной сфере, а именно отношения между верующими (в поколении «революционного перелома» их в этот период было большинство) и юными «безбожниками».

Новизна исследования в первую очередь связана с попыткой *объяснения* роли младшего поколения советских атеистов в углублении разлома крестьянских поколений и *выявления* отношения крестьянских «отцов» из поколения «революционного перелома» к активизации части детей на данном направлении деятельности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой исследования послужил междисциплинарный подход «поколенческой истории». Автор согласен с позицией Т. Шанина, утверждавшего, что без изучения поколенческой истории научная картина прошлого будет не вполне четкой [Шанин, 2005, с. 11]. Под *детьми революции* имеются в виду родившиеся в первое постреволюцион-

онное пятнадцатилетие. *Революционным переломом*, как и Ю. А. Левада [Левада, 2001, с. 7], автор называет исторический период («условно») 1905—1930 годов. Обращая внимание на слово «примерно» в определении Ю. А. Левадой поколения «революционного перелома» как родившихся в 1890-е годы, автор считает правомерным расширение данных хронологических границ.

В методологическом плане крайне важен и вывод М. Мид, связывающей общественное предназначение юношества с «социальным бульдозированием», расчисткой почвы для будущего общества [Mead, 1970].

Современные историки показали, что межпоколенческий разрыв явно проявлялся уже в первое советское десятилетие. В частности, большую роль в ментальном разделении поколений играла советская школа: «то, что внушалось ребенку в семье, вступало в противоречие с тем, что преподавали в школе, а школьные знания ставила под сомнение бурно меняющаяся действительность» [Закарян, 2019, с. 13]. А. Ю. Рожков указывал на 1920-е годы как на время, когда на смену отживавшему культу старших приходил культ молодых. В результате активного влияния молодежи и в сельской местности произошло определенное прерывание традиций. Ювентизация, с его точки зрения, «была подобна дереву без корней» [Рожков, 2016, с. 179].

Солидаризируясь с данной позицией, попытаемся раскрыть роль детей, вовлеченных в антирелигиозную деятельность, в углублении разрыва поколений в российской деревне периода нэпа. При этом целесообразно учесть, что в современной историографии получили отражение не только активная роль детей 1920-х годов в антирелигиозной деятельности [Зиберт, 2017; Новиков, 2021; Новоселов и др., 2020; Перова, 2019; Рудюк, 2019; Рожков, 2012; Яшина, 2011; Kirschenbaum, 2001], но и ее влияние на общественные настроения крестьянства [Келемник, 2021; Макарова, 2015; Мухина, 2019]. Заслуживает внимания исследование, выявившее ресурсные особенности религиозной социализации поколения 1900—1917 годов рождения [Елютина и др., 2018]. В прошлом году были опубликованы довольно подробные обзоры современной литературы о роли поколения «революционного перелома» и молодежи в судьбе русской деревни первой трети XX века [Вязинкин, 2022; Слезин, 2022]. Радует, что современные исследователи, изучая сельскую реальность, все в большей степени делают выводы, изучая не только исходящие из центральных органов планы (не всегда достаточно реалистичные), но и отчеты с мест, документы, отражающие деятельность сельских организаций, повседневную жизнь сельского населения. В данном исследовании впервые вводится в научный оборот ряд архивных документов, анализируются опубликованные в 1920-е годы издания, на протяжении многих лет хранящиеся в спецхранах и недоступные ранее исследователям.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начальный этап вовлечения детей в антирелигиозную деятельность

Активное вовлечение детей и молодежи в антирелигиозную деятельность советского государства начиналось с использования чисто силовых способов преодоления церковно-религиозного влияния. Активной роли подростков в ходе так называемого «штурма небес» явно способствовали их психо-возрастные особенности, стремления к высвобождению от зависимости родителей во всех отношениях, в том числе и от сковывающих развитие самостоятельности норм поведения. Именно в подростково-молодежной среде легче формируются нестандартные поведенческие модели, сопряженные с желанием «быть непохожим».

Главным помощником комсомола в антирелигиозной деятельности с 1922 года стали пионеры. Н. И. Бухарин считал, что именно пионерия «своими слабыми ручонками разрушает старые отношения в этой семейной организации, то есть ведет медленный подкоп под самую консервативную твердыню всех гнусностей старого режима» [Бухарин, 1963, с. 516]. Пионеры виделись Н. И. Бухарину силой «с новыми отношениями, новыми навыками, новыми устремлениями, новой психологией» [Там же, с. 515], оказывающей благотворное влияние и на старшие поколения. Организация семьи рассматривалась как главное поле революционной борьбы, звучали призывы разрушать старые семейные отношения [Там же, 1963, с. 516].

Пионеры говорили о том, что «начался поход против бога в собственном доме» [Под пионерским знаменем ..., 1977, с. 42]. Отчитываясь перед ЦК РКСМ о проведении «комсомольского рождества», местные комитеты комсомола как положительное явление отмечали, что мероприятие вызвало «злобу среди обывателей, стариков и остальных религиозных слоёв населения [Из истории ..., 1972, с. 76], хвалились, что они и подшефные им пионеры «наделали громадный шум среди обывательщины» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 401, л. 14]. Негодование духовенства и «обывательской» общественности приравнивалось к трусости, боязни духовенства потерять паству [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 156, л. 78—85]. Причины отсутствия открытых выступлений тоже были истолкованы слишком упрощённо: «Паства оказалась не настолько религиозной, чтобы устраивать волнения» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 401, л. 14].

«Борьба со старым» сочеталась не только с активизацией просветительской работы и насаждением новых советских традиций, но и с более широким распространением девиантного поведения. Недаром за 1918—1924 годы удельный вес несовершеннолетних среди заключённых российских тюрем увеличился в три раза [Гернет, 1927, с. 108]. Когда необхо-

димых знаний и умений для цивилизованной пропаганды как агрономии, так и атеизма не хватало, юнцы, усвоившие, что «при коммунизме религии места нет», в виде решающих аргументов использовали провокационные действия. Заходя в храмы, они демонстративно не снимали кепки, грызли семечки. Устраивались хоровые исполнения антирелигиозных песен у стен храмов, принародные сжигания икон. В качестве особых достижений назывался срыв богослужений [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 401, л. 9—14].

В сложившейся ситуации, пожалуй, юношеству требовалось особое внимание опытных наставников. Тем не менее, по мнению тогдашних пионерских методистов, на детских сборах и собраниях взрослых «вообще не должно быть (они стесняют ребят)» [Волков, 1924, с. 17—18].

«Пионерская правда» регулярно призывала детей «посеять безбожные семена в своей семье». Журнал «Мурзилка» зывал: «Пионеры, раздувайте вы свои костры и на них богов сжигайте, вы свободны и сильны!» [А. П., 1924, с. 5]. Методические советы по организации антирелигиозной работы с детьми регулярно публиковал журнал «Пионер», неоднократно издавались книги на данную тему [Антирелигиозная пропаганда ..., 1925; Антирелигиозная кампания ..., 1926 и др.].

Н. И. Бухарин в качестве самой важной задачи указывал на воспитание крестьянских детей [Бухарин, 1924, с. 2]. На страницах детских изданий публиковалось множество рассказов, в которых старались как можно более простым языком объяснить детям парадоксальность религиозных догм и атрибутов. Примитивно показывалось и разочарование детей в Боге. 1 января 1927 года, например, «Пионерская правда» рассказала о впечатлениях девочки: «Влезла на стол, пощупала икону — доска. Поскребла ногтем — лупится краска. В угол за икону заглянула — пыль да паутина». Слово *безбожник* стало одним из самых популярных среди названий пионерских звеньев и уголков в школах и клубах.

Однако в сельской местности пионерское движение развивалось крайне медленно. В этой связи помочь деревне призывались городские пионеры: «Из города мы должны двинуться в деревню, рассмотреть, разузнать, как там живут, и вместе с тем помочь деревенским детям. Ни одной экскурсии в деревню без книжек, без “Ленинских внучат” — подарка деревенским товарищам! Каждое звено или отряд, пришедший в деревню, должен созвать детей, рассказать им все, что знают пионеры, организовать их при ячейке РЛКСМ или при избе — читальне. А затем не забывать — высылать книги, посылать письма, приходить самим» [Синеглазова, 1924]. Перед советскими праздниками, особенно в преддверии 1 Мая, пионеры города обычно выезжали в подшефные деревни с подарками — литературой, красными галстуками для пионеров деревни и красными ленточками для

остальных детей. Действенными методами пропаганды среди крестьян стали организуемые пионерскими лагерями вечера и концерты, шествия, сопровождаемые маршевой музыкой, скандированием революционных лозунгов и исполнением песен. Постепенно деревенские пионеротряды перенимали «эстафетную палочку» антирелигиозной пропаганды у городских товарищей и сами устраивали вечера, ставили антирелигиозные пьесы.

К 1 апреля 1924 года пионерская организация насчитывала 165 тысяч человек [Зиновьев, 1925, с. 6]. Про пионерское движение Г. Е. Зиновьев говорил: «Мы захватываем здесь совсем молодых ребят, родившихся после Октябрьской революции. Мы хотим организовать новое поколение, которое мы должны воспитать, переработать. Переварить в комсомольской организации, сделать из них коммунистов». Он призывал помнить, что «нужно перевоспитать целое поколение в коммунистическом духе». Именно поэтому, по логике Г. Е. Зиновьева, надо было значительно шире, чем в партию, привлекать в пионеры выходцев из крестьянской среды. Г. Е. Зиновьев обращал внимание на «колоссальную разницу между молодым поколением крестьян, выросшим в обстановке 7 лет революции, и крестьянскими стариками, выросшими в обстановке царизма» [Зиновьев, 1925, с. 11—12]. Чуть позже Л. Б. Каменев говорил о молодом поколении: «Это поколение, так сказать, идет под нашим стягом и единственно оно может поднять и создать новую психологию» [Каменев, 1929, с. 116]. Знаток нэповской деревни А. М. Большаков выделял в 1924 году «три поколения деревни на ленинском пути»: коммунисты — 173,5 тысяч человек, комсомольцы — 280 тысяч человек, пионеры — 200 тысяч человек [Большаков, 1925, с. 103].

3.2. Пионеры в авангарде детского антирелигиозного движения

В советском руководстве нашлись силы, осознавшие неэффективность «штурма небес» — преимущественного использования силовых способов преодоления религиозного влияния на общество. Повороту к более активной пропагандистской работе способствовало провозглашение политики государства «лицом к деревне». XIII съезд РКП(б) в мае 1924 года призвал полностью отказаться от борьбы с религией административными мерами, «не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения» [КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 249]. Выступая на съезде, Н. И. Бухарин говорил: «Положение в деревне такое, что при повышающейся активности крестьянского молодняка, если мы не возьмем его на цугундер, его возьмут другие» [Бухарин, 1924, с. 26]. Г. Е. Зиновьев выдвинул задачу не расширения, а углубления антирелигиозной пропаганды [Зиновьев, 1925, с. 31]. Осенью 1924 года Центральные

Комитеты партии и комсомола направили на места совместный циркуляр о новом курсе в борьбе с религией.

В регионах руководство пионерской организации тоже старалось кардинально поменять подходы к ведению антирелигиозной деятельности. В комсомольских методичках пионерам советовали проявлять осторожность в деревне, учитывать религиозность крестьянства, начинать работу спокойно, без «введения трусиков» и запретов ходить в церковь: «Этим самым отпугиваются дети, особенно девочки, да и взрослое крестьянство сразу враждебно настраивается к пионерам — безбожникам в коротких штанах» [Пионер в деревне ..., 1924, с. 6].

Председатель детских коммунистических групп Тамбовской губернии Борис Брюханенко (родился в 1904 году, в 1928 году — заведомо детского коммунистического движения ЦК ВЛКСМ), выступая в июне 1924 года на губернской комсомольской конференции, говорил, что вопрос антирелигиозной пропаганды среди детей «довольно сложный»: «Был грубый подход, и случился скачок в организации, родители брали детей из отрядов, так как был слишком грубый подход. Необходимо сейчас антирелигиозную пропаганду углубить, не проводя кампаний, но наталкивая лишь детей на размышления о правильности религиозных учений и верований, о явлениях в природе, как гром и молния и проч., объясняя летние деревенские праздники, носящие полуязыческий характер» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 549, л. 64.]. В августе 1924 года Б. Брюханенко требовал от председателей уездных и районных бюро юных пионеров «обратить внимание на изучение естествознания как на один из методов антирелигиозной пропаганды». Замечал при этом, что «с методами антипоповской пропаганды надо бороться» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 625, л. 73]. В сентябре 1924 года бюро юных пионеров при Тамбовском губкоме РЛКСМ, заслушав доклад Б. Брюханенко, еще раз напомнило, что «необходимо остерегаться антипоповских методов». При этом особо акцентировалось внимание на сельской специфике: «Работа в деревне должна строиться немного иначе, чем в городе, во избежание отрыва деревенских отрядов от жизни крестьянства» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 623, л. 19].

Между тем в сельской реальности религия и церковь зачастую по-прежнему представлялись однозначным злом, почему — толком не объяснялось. Способных пропагандировать атеизм среди сельской молодежи почти не было. Поэтому все так же предпочитали использовать «карнавальную» методику, дополняя ее читкой вслух присланных из центра текстов лекций, содержание которых непонятно было и самим новоиспеченным «лекторам». Активными участниками комсомольских мероприятий все в большей степени становились подшефные им пионеры.

Причем в детской и юношеской пропаганде отрицательными «старшими» персонажами не только в «поучительных» рассказах и заметках, но и в разделе «Письма читателей» часто подавали ближайших родственников детей и подростков: «Противостояние детей родителям отображалось как вполне серьезный “фронт” борьбы (можно судить хотя бы по названию одного из материалов — “У бабушки в плену”))» [Кравченко, 2010, с. 350]. Исследователь А. В. Кравченко подчеркивает: «Очень часто внутри Советской России конфликт происходил именно между положительными персонажами: пионерами и людьми, относящимися к старшему поколению, в том числе — родителями» [Там же, с. 352]. Материалы из-за рубежа на антирелигиозные темы нередко сопровождались выводом о стремлении мировой контрреволюции «захватить в свои сети новое поколение».

Работавшая в «Крестьянской газете», в Черноземье и на Урале Елизавета Алексеевна Васильева сама принадлежала к поколению «революционного перелома» (родилась в 1888 году). Но она относилась к тем большевистским деятелям, которые видели необходимость кардинального отказа от традиций прошлого. Выдвигая новые задачи социального воспитания, она писала: «Нам приходится иметь дело с тяжелым наследством прошлого. Нам приходится вытравлять его следы, лежащие тяжелым клеймом решительно отовсюду. Разрушенный старый мир лежит в осколках, и наша задача придать этим осколкам вид стройного целого, найти формы еще невиданные» [Васильева, 1919, с. 10—12]. Одной из главных задач провозглашалось «устранение влияния современной семьи на развитие ребенка, т. к. оно по существу своему антиобщественно» [Там же, с. 12]. Более того, говорилось, что «семья бессильна создать “лучшее” для общества, и она должна быть устранена от воспитания детей» [Там же].

Семья в традиционном понимании противопоставлялась «пионерской семье» («Пионер — семьи дружнее / Ведь нигде ты не найдешь» [Летняя работа ..., 1927, с. 6]). Газета «Правда» указывала в редакционной статье: «Школа должна пропитать всё воспитание детей элементами антирелигиозности, помогая ребёнку освобождать себя от влияния церкви, которое проводится через семью, и теми многочисленными средствами, которые находятся в распоряжении религиозных организаций» [Антирелигиозная пропаганда ..., 1927]. Н. К. Крупская писала: «Ослабление семейного влияния — одно из условий выварки всего молодого поколения в котле коммунистической общественности» [Крупская, 1930, с. 3].

В антирелигиозной литературе изучаемого времени подчеркивалось, что семья — оплот религиозности, родители в силу своего возраста намного более консервативны и традиционны, чем подрастающее поколение. Е. Ярославский призывал селькоров шире освещать в печати, «как отно-

сится к религии молодежи, в каких формах выражается борьба стариков и молодежи на этой почве» [Ярославский, 1924]. Редакция «Безбожника» обращала особое внимание на подрастающее поколение и его воспитателей. Регулярно выпускались специальные школьные страницы. В 1924—1925 годах был проведен конкурс на лучшего учителя-антирелигиозника. Красноречив его девиз: «Не надо к слову “учитель” прибавлять слово “безбожник”, — надо, чтобы иначе и быть не могло».

С 1926 года в «Пионерской правде» целую страницу занимала рубрика «Пионерская деревня». В газете публиковали информацию о правильном содержании скота, посадке и сборе урожая и т. п. Газета настойчиво напоминала, что пионер должен помогать по дому, быть хозяйственным. Пионерам советовали привлекать родителей к участию в собраниях, ликвидировать неграмотность в семье и объяснять происхождение религиозных чудес с точки зрения науки. Детей призывали обязательно доносить эту информацию не только до своих родителей, но и до других «стариков-крестьян» [Пионер ..., 1925].

В июне 1925 года в резолюции IV Всесоюзной конференции ВЛКСМ «Об очередных задачах детского коммунистического движения» говорилось, что пионерские организации деревни переживают период «оформления содержания и методов работы, которые бы отвечали интересам и запросам крестьянских детей» [Товарищ комсомол ..., 1969, с. 274]. На местах также принимались подобные резолюции. Так, Смоленская губернская конференция ВЛКСМ в феврале 1926 года постановила: «Полученные в отряде знания и навыки необходимо передавать в общественно-бытовую жизнь деревни. Большое место должно занимать сельскохозяйственное воспитание пионера, изучение сельского хозяйства, передача полученных знаний в хозяйство родителей» [Дети и молодежь ..., 2006, с. 83].

Если на 1 января 1924 года в деревне было 639 пионерских отрядов, то на 1 октября 1925 года насчитывалось уже 1 491 744 пионеров и 156 404 октябрят, число сельских пионерских отрядов составляло 21 030 [Сборник ..., 1925, с. 16]. К январю 1926 года показатель вырос до 24 338 [Орлова, 2020, с. 172]. Если в 1924 году только 15 % пионерских отрядов функционировали в деревне, то к весне 1926 года доля пионеротрядов в деревне увеличилась до 63,6 % [Горлов, 1926, с. 5]. Пионерская организация в это время росла в основном за счет неиспользованных доселе резервов деревни. Например, в Тамбовской губернии в начале 1926 года 70,6 % пионерских отрядов были сельскими, 63,2 % пионеров губернии проживали в сельской местности. Через год процент сельских пионеров увеличился до 71,3 % [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 1268, л. 113—114]. Сдерживало развитие движения то, что в деревнях лишь немногие вожатые получали

оплату за работу через отпуск средств в Едином потребительском обществе, кассы взаимопомощи, а иногда состояли на содержании местных крестьян. Большинство же деревенских вожатых работали бесплатно.

Мы еще не можем говорить о широком охвате детей пионерским движением в этот период и в целом по стране. На 1 января 1927 года в СССР количество детей в возрасте от 10 до 16 лет составляло 24,8 миллиона человек, из них пионерами были лишь 7 % (1 миллион 739 тысяч 977 человек) [ГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 665а, л. 5]. Но именно пионеры проявляли наибольшую активность в общественной жизни детей советской деревни.

Читая периодику тех лет, постоянно встречаешь рассказы об участии пионеров в антирелигиозной пропаганде на селе. Некоторые из них превращали свои дома в подобие агитпунктов, украшая их плакатами и вырезками из антирелигиозных журналов. Антирелигиозным содержанием пионеры наполнили частушки, песни, игры. Например, одна из пионерских частушек провозглашала: «Дуня, Дуня, — спросим строго, / Отвечайка, — Веришь в Бога?» / Дуня скажет: Что мне Бог? / У меня папаша строг» [ГАСПИТО, ф. П-1205, оп. 1, д. 1268, л. 111]. Как противовес религии преподносились занятия спортом. Пионеры пытались внушить крестьянам, что до революции их нарочно «дурманили религией», а теперь можно будет заниматься полезным отдыхом.

3.3. Образование Союза безбожников и его деятельность среди детей

С середины 1920-х годов заметную роль в общественной жизни страны стал играть Союз безбожников (СБ), строящийся как широкая организация рабоче-крестьянской общественности. Общество возникло в 1924 году (официально — 19—24 апреля 1925 года, когда состоялся I съезд членов «общества друзей газеты «Безбожник»). Было создано также несколько дочерних обществ Союза безбожников. Так, в 1925 году была образована Татарская секция СБ «Дагриляр».

Уже на I съезде СБ предлагалось создать ячейки юных безбожников, принимая в них подростков с 14 лет. Но это предложение (так же, как и предложение снизить возраст вступления во «взрослые» организации до 16 лет) было отвергнуто. Молодых людей до 18 лет было разрешено принимать в кружки общества только с совещательным голосом. Опасения создания параллельной юношеской организации и падения авторитета СБ среди крестьян, особенно негативно относящихся к детским поучениям, ввели вверх.

Правда, на местах были попытки создания детских групп юных безбожников. В частности, в 1927 году такие группы были созданы в Тамбовской губернии [ГАСПИТО, ф. П-840. оп. 1, д. 4015, л. 8]. Раздавались предложения даже дошкольников организовать в безбожные группы.

С 1928 / 1929 учебного года советская общеобразовательная школа стала переходить с безрелигиозного на антирелигиозное воспитание [Шевченко, 2007]. А. В. Луначарский в связи с данным переходом ориентировал на включение борьбы с религией во все преподаваемые в школе предметы, в методическую и учебную литературу для школы. Особо подчеркивалось, что школа «должна, опираясь на другие формы просвещения, идущие по линии борьбы с религиозностью взрослых, захватить и семью, поддерживая тех, кто освобождает ребенка от религии, разгоняя в самой семье мрак, который мог бы парализовать усилия школы по отношению к ребенку или поставить ребенка в положение мучительного раздвоения» [Луначарский, 1965, с. 308].

2 октября 1928 года Исполнительное Бюро Центрального Совета СБ рассмотрело вопрос о работе среди детей и юношества. Было решено создать секцию по работе среди детей. Предлагалось «антирелигиозное воспитание начинать с самого раннего возраста» [ГАРФ, ф. Р—5407, оп. 1, д. 14, л. 65], широко охватывая им как школьную, так и внешкольную работу с детьми. Было проигнорировано мнение заместителя наркома просвещения РСФСР Н. К. Крупской, считавшей, что резкое введение антирелигиозной пропаганды в школе принесёт лишь негативные результаты, приведёт к «балалаечному» уклону. Радикально настроенные руководители СБ, одержав победу над умеренной линией Народного комиссариата просвещения РСФСР, превращали школу в один из центров антирелигиозной борьбы. Центральный печатный орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» указывала в редакционной статье: «Школа должна пропитать всё воспитание детей элементами антирелигиозности, помогая ребёнку освобождать себя от влияния церкви, которое проводится через семью, и теми многочисленными средствами, которые находятся в распоряжении религиозных организаций» [Антирелигиозная пропаганда ..., 1928]. Руководитель СБ Е. М. Ярославский из статьи в статью настаивал на привлечении детей к антирелигиозной деятельности.

Однако каких-то заметных успехов в работе с детьми (по крайней мере в сельской местности) СБ до «великого перелома» не достиг. Решающие шаги к вовлечению детей в деятельность СБ сделал II съезд союза. В июле 1929 года СБ был переименован в *Союз воинствующих безбожников* и в него было разрешено вступать с 14 лет. Кроме того, при пионерских отрядах из детей с 8 лет создавались детские группы юных «воинствующих безбожников».

3.4. «Отцы» о детях

Среди крестьянства старших поколений, в том числе и поколения «революционного перелома», превалировало отрицательное отношение к пионерской организации. Важную роль в «отпугивании» крестьянства играл антирелигиозный характер ее деятельности. «Взрослое крестьянство сразу враж-

дебно настраивается к пионерам безбожникам в коротких штанах», — читаем мы в тогдашней комсомольской методичке [Пионер в деревне ..., 1924, с. 6]. От крестьян часто можно было услышать: «По нашей вере нам пионер не нужен» [Гурьянов, 1925, с. 34]. Практичные крестьяне опасались, что участие их детей в пионерском движении могло лишить семью рабочих рук, прибавить дополнительные финансовые расходы. Многие крестьяне связывали с пребыванием в пионерских отрядах праздное времяпрепровождение. Особое недоверие к новшествам в детской среде проявлялось в национальных селах.

При изучении ситуации в детском движении этого периода нам встретился интересный документ (дневник) о проведении культурного похода пионерактива железнодорожной базы юных пионеров г. Козлова в села Никифоровка и Ярославка в октябре 1928 года. Из бесед с крестьянскими детьми выяснилось то, что школа не охватывает всего населения. Многие ребята желали учиться, но их не принимали, так как школа была переполнена. Выяснилось, что у многих нет одежды и обуви. Когда спрашивали, имеется ли у них пионерорганизация и работала ли она у них, то они отвечали, что она имеется, но работать не работает, что вожатый совсем работу не ведет. Бывшие пионеры говорили, что бросили ходить в отряд только потому, что вожатый ими не занимался. На вопросы, почему они не записываются в пионерорганизации, говорили: или их матери не пускают, или просто не хотят. Пробовали беседовать о религии. На вопрос: «Вы веруете в Бога?» отвечали: «Да». На вопрос «А вы его видели?» последовал ответ: «Мы не видели. Отцы наши и прадеды видели». На вопрос «А вы в церковь ходите?» отвечали положительно. На вопрос «Зачем?»: «Богу молиться». Как следует из дневника, большинство крестьянских ребят указанных деревень желали учиться, но их или не принимали, или не пускали родители. Некоторые родители не давали своим детям окончить школу и принуждали их «дома сидеть» или младших ребят нянчить. К пионерской организации крестьяне относились плохо. Говорили, что там и курят, и хулиганят, и пьют наравне с большими. Городские пионеры старались рассказать, какой должна быть пионерская организация. После долгих рассуждений крестьяне высказывали сомнения: «Посмотрим, записывать ли нам детей в отряд или нет» [ГАСПИТО, ф. П-379, оп. 1, д. 57, л. 48—51].

Многочисленные примеры конкретных поступков пионеров и комсомольцев в нэповской деревне все больше давали повод говорить об их нетрадиционном отношении к старшим. Доходило до заявлений крестьянских сыновей отцу: «Ты меня должен кормить, так как я строю социализм, а ты собственник» [Русское ..., 2022, с. 111]. Информационный отдел ЦК ВЛКСМ признавал обострение взаимоотношений детей и молодежи с массами взрослого крестьянства из-за безответственного отношения юноше-

ства к своему хозяйству [Там же]. Это в корне противоречило крестьянскому культу семьи. Даже укоренившиеся в крестьянской среде пословицы ярко напоминают о традиционном понимании родительского долга в деревне: «Не тот отец, что вспоил, вскормил, а тот, кто уму-разуму научил».

Многие крестьяне пытались в домашних условиях «освободить от заблуждений» своих детей. Дело даже доходило до того, что отцы выгоняли из дома своих детей — «безбожников» [Козлов, 2013, с. 98]. Крестьяне, как правило, обвиняли пионеров в том, что те «позабыли Бога» и якобы из-за них погодные катаклизмы приводили к неурожаю и голоду.

32 % крестьян Донского округа в 1926 году выражали недовольство отсутствием преподавания в школах Закона Божьего. Типичный довод: «Закон Божий нужен для совести детей»; «Считаю религию основой нравственности» [Темкин, 1927, с. 127].

Отношение священников и крестьян к антирелигиозным мероприятиям как к хулиганству, судя по донесениям с мест, проявлялось очень широко [Большаков, 1925, с. 176, 196]. В Боровской волости Калужской губернии священник Виноградов говорил крестьянам, что «их дети развращаются, участвуя в антирелигиозных постановках». В Мартовской волости Актюбинской губернии священник отговаривал беспартийную молодежь идти на антирелигиозный спектакль. Посетивших спектакль он переписал и, вызвав их родителей, указал им на развращенность их детей. При формировании в деревне Ягуново Тюменской губернии пионерского отряда зажиточный крестьянин заявил, что в отрядах развращают детей, и многие крестьяне заставили своих детей выйти из отряда. В деревне Лежанке Омского уезда во время демонстрации пионеров в честь октябрьской революции крестьяне угрожали «вилами поколоть красных вырождаков» [Совершенно секретно ..., 2001, т. 2, с. 351—354].

Более того, во многих селах крестьяне переходили от угроз к экстремистским действиям против комсомольцев и пионеров. Так, на станции Годженской был избит пионерский отряд. Пионеры подверглись всечеловеческим издевательствам, их ставили на колени и заставляли молиться Богу [Там же, т. 4, ч. 1, с. 344—345].

Пропаганда связала несколько убийств на селе с религиозными убеждениями преступников. Е. Ярославский говорил, что на примере «убийств, совершаемых деревенскими кулаками, верующими, набожными людьми, будут учиться крестьяне распознавать ... новую правду»: «Но пусть не думают убийцы, что им удастся запугать молодую деревню, отрекающуюся от тьмы, невежества и религии» [Ярославский, 1926].

Справедливости ради заметим, что даже среди подростков, бесспорно, были и те, кто понимал, что их разгульное поведение в большей степени

работает против коммунистической идеологии (и атеизма в том числе). Это осознание приходило ко многим даже на бытовом уровне. Показательно название статьи в «Юном товарище»: «Довольно антирелигиозного хулиганства». Ее автор подчеркивал: «При всяком удобном и неудобном случае мы в демонстрацию введем что-нибудь антирелигиозное, наряжаем, как клоунов, несколько попов и пускаем их на посмешище». С позиции автора, «Такое кощунство не вырывает ... из-под влияния религиозного дурмана, а вызывает возмущение, и мы получаем вполне заслуженный упрек» [Слюсарев, 1924]. Многим юнцам все-таки было неприятно, когда их называли «хриstopродавцами», высмеивали в фольклоре, причем не только односельчане, но и ближайшие родственники.

Тем не менее к концу 1920-х годов некоторые родители перестали ходить в церковь, причем подчас не из-за изменения внутренних убеждений, а не желая испортить имидж детей. Интересно, что современные исследователи, пытаясь проанализировать воспоминания респондентов, родившихся до 1926 года, насчет религиозности их родителей, пришли к выводам об идентифицировании большинством из них своих родителей как неверующих. Даже если некоторые из них были религиозны, основной их религиозной практикой была домашняя (келейная) молитва [Уфимцева, 2018]. По крайней мере публично все чаще говорилось, что сельчане не отмечают религиозные праздники, не используют религиозные обряды. Под влиянием коммунистической пропаганды и воздействия младших членов семей на старших в жизни села постепенно в качестве важных вех повседневной жизни крестьян утверждались новые обряды.

Многих крестьян они возмущали, с особой неприязнью крестьяне относились к «красным похоронам»: организованное шествие с оркестром, красный гроб, революционные песни, почетный караул, полные революционной риторики речи над могилой. Как писал селькор, «всё было для крестьян ново и ошеломляюще» [Алеко, 1924]. Еще более удивляли крестьян «пионерские похороны», особенно когда дети хоронили сверстников без участия взрослых. «В заметках, написанных деткорами, пионерские похороны предстают как результат детской самостоятельности, при этом активность детей такова, что родители как бы отходят на второй план: они пассивны, полностью передают инициативу в руки товарищам покойного ребенка», — делает вывод исследовательница красной обрядности А. Д. Соколова [Соколова, 2013, с. 201—202].

Молодежи и пионерам настойчиво рекомендовалось агитировать за кремацию. Крематорий в молодежной и детской печати позиционировался как часть индустриального советского проекта, торжество технического прогресса, атеизма, санитарии, экономии и эстетики. Журнал «Огонек»,

например, внушал: «Кремация — это гигиена и упрощение захоронения, это отвоение земли от мертвых для живых...» [Маллори, 1927, с. 14]. Для крестьян старших поколений все эти разговоры выглядели кощунственными, а чаще — просто непонятными.

В то же время для привлечения к новой обрядности более широкого круга крестьян организаторы весьма широко использовали элементы обрядности старой. Так, современные исследователи правомерно отмечают среди «отсылок к обряду крещения» «и имянаречение, и роль вожатых в качестве своеобразных крестных, и наличие такого символа, как звезда, напоминающего христианам о звезде Вифлеемской» [Жидкова, 2012, с. 412]. Во время «октябрин» или «звездин» новорожденного нередко зачисляли в пионерскую организацию или провозглашали октябренком и устанавливали над ним их шефство [ГАСПИТО, ф. П-1204, оп. 1, д. 287, л. 25]. «Октябрины» или «звездины» приобретали характер «обряда посвящения в строителя коммунизма» с выбором непривычного для крестьян имени для нового гражданина и подписанием молитвы. Нередко использовался коллективный, при минимальном участии родителей, выбор имени путем голосования. Поэт А. Прокофьев провозгласил: «Мы святцы похерили... / Не имена — Лука, Фома, Митридор, / Их за пояс сразу навсегда / Заткнут Револа и Автодор» [Прокофьев, 1986, с. 114]. Нередко само присвоение новых имен вело к внутрисемейным конфликтам, свидетельствующим о борьбе традиций и «новой религии» и на этом уровне. Из-за подобных случаев в Воронежской губернии даже появилась поговорка: «Крестьянин октябрил, подарки получил, а потом у попа крестил» [РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 392, л. 23].

4. Заключение = Conclusions

В советской России вследствие разрушения сложившейся до революции системы произошла локализация ранней религиозной социализации советских граждан внутри семьи. В крестьянской среде именно семья являлась основным «хранилищем» религиозных ценностей. Поэтому в борьбе за «нового человека» коммунистические идеологи первого послереволюционного десятилетия сделали ставку на разрушение семьи, фактически нарочно обостряя межпоколенческие отношения. Пионеры рассматривались не только как «материал для строительства нового общества», но и как сила, способная в целях формирования личностей «с новыми отношениями, новыми навыками, новыми устремлениями, новой психологией и новым идеологическим строем» [Бухарин, 1963, с. 515] оказать глубокое влияние на старшие поколения.

Антирелигиозная пропаганда 1920-х годов в основном была ориентирована на слои, наиболее податливые к упрощенным схемам. В этом смысле дети стали одним из наиболее комфортных ее объектов. Сознание детей

в меньшей степени, чем сознание какого-либо другого из живших тогда поколений, было сориентировано на традиционные верования. К тому же в отличие от людей старших поколений у детей не было «механизма защиты» от критиков религии, а несправедливости и противоречия нэпа опровергали ценность многих религиозных идей. Прислушаемся к мнению М. А. Перовой: «Реальный выбор детей того времени свидетельствует об успехе воспитательной кампании партии, несмотря на все погрешности и недоработки» [Перова, 2019, с. 55].

Оценивая в целом взаимоотношения «отцов» и «детей» в крестьянской среде после революции, правильнее говорить даже не о конфликте поколений, а о глубоком разломе, разрыве поколений [Рожков, 2016]. Еще в «Азбуке коммунизма» Е. А. Преображенский и Н. И. Бухарин провозглашали: «Отдельный человек принадлежит не самому себе, а обществу — человеческому роду... Обществу же и принадлежит первейшее и основное право воспитания детей. И с этой точки зрения претензию родителей путем домашнего воспитания запечатлеть в психологии своих детей свою ограниченность необходимо не только отклонять, но и высмеивать самым беспощадным образом» [Бухарин, 1920, с. 197]. В нэповской действительности реализовались «случаи прямого вызова убеждениям взрослого человека, что в прежнем крестьянском сознании (иерархичность, уважение к старшим) было практически невозможно [Мищенко, 2020, с. 39]. Возмущавшее поколение «революционного перелома» оказалось в положении, когда материальное и духовное наследие, которое оно по правилам преемственности развития призвано было передать своим преемникам, в реальной жизни наиболее активными представителями младшего поколения отвергалось.

Источники и принятые сокращения

1. А. П. Петькин сапог // Мурзилка. — 1924. — № 5. — С. 3—6.
2. Алеко. Комсомольские похороны // Новь. — 1924. — 11 апреля.
3. *Антирелигиозная кампания среди пионеров* / Сост. Ольга Шиллингер ; Под ред. И. И. Лилиной. — Ленинград : Государственное издательство, 1926. — 90 с.
4. *Антирелигиозная пропаганда — классовая борьба* // Правда. — 1928. — 25 декабря.
5. *Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. Сборник статей и материалов* / Сост. А. Волков. — Москва : «Новая Москва», 1925. — 238 с.
6. *Большаков А. М. Современная деревня в цифрах : экономика и разнообразный быт деревни за революционный период* / А. М. Большаков. — Ленинград : Прибой, 1925. — 112 с.
7. *Большаков А. М. Советская деревня (1917—1925 гг.) : экономика и быт* / А. М. Большаков. — 2-е изд., знач. доп. — Ленинград : Прибой, 1925. — 264 с.
8. *Бухарин Н. И. Азбука коммунизма : Попул. объясн. программы. Рос. ком. партии большевиков* / Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский. — Москва : Государственное издательство, 1920. — 340 с.

9. Бухарин Н. И. Доклад о работе среди молодежи / Н. И. Бухарин // Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. — Москва : Госполитиздат, 1963. — С. 510—527.
10. Бухарин Н. Смелее в деревню / Н. И. Бухарин // Вожатый. — 1924. — № 5. — С. 1—5.
11. Васильева Е. А. Задачи социального воспитания / Е. А. Васильева // Вестник просвещения. — 1919. — № 1—2. — С. 10—12.
12. Волков А. Как вести работу пионеротряда / А. Волков // Вожатый. — 1924. — № 2. — С. 17—18.
13. Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее : 2-й вып. “Моральной статистики” / М. Н. Гернет. — Москва : ЦСУ СССР, 1927. — 270 с.
14. Горлов А. В. Очередные задачи детского коммунистического движения : доклад и заключительное слово на VII Всесоюзном съезде ВЛКСМ, 21 марта 1926 г. / А. Горлов. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1926. — 34 с.
15. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р—5407. Оп. 1. Д. 14.
16. ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-379. Оп. 1. Д. 57. Л. 48—51. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 4015. Л. 8. Ф. П-1205. Оп. 1. Д. 401. Л. 9—14. Д. 549. Л. 64. Д. 623. Л. 19. Д. 625. Л. 73. Д. 1268. Л. 111, 113—114.
17. Гурьянов В. Как относится крестьянство к пионерскому движению / В. Гурьянов // Вожатый. — 1925. — № 1. — С. 33—35.
18. Дети и молодежь Смоленщины : 1920—1930-е годы : Сб. док. / Гос. архив новейшей истории Смоленской обл. ; Отв.ред. Е. В. Козин. — Смоленск : Маджента, 2006. — 528 с. — ISBN 5-98156-054-1.
19. Зиновьев Г. Е. Что такое Комсомол и чем он должен стать : очередные задачи Комсомола : доклад на собрании Ленинградской организации Комсомола, 5-го мая 1924 г. / Г. Е. Зиновьев. — 3-е изд. — Ленинград : Прибой, 1925. — 45 с.
20. Из истории Курской областной комсомольской организации (1918—1970 гг.). — Курск : Курская правда, 1972. — 472 с.
21. Каменев Л. Б. Общие вопросы политики партии : Доклад на пленуме ЦК РЛКСМ 18 сентября 1924 г. / Л. Б. Каменев. — Статьи и речи. — Ленинград : Государственное издательство, 1929. — Т. 11 : Социалистическое строительство и его трудности. — С. 87—119.
22. Крупская Н. К. О пионердвижении на данном этапе / Н. К. Крупская // За коммунистическое просвещение. — 1930. — № 158. — С. 3.
23. Летняя работа городского и деревенского отряда юных пионеров / В. Л. К. С. М. Костромск. губ. ком-т. (Бюро юных пионеров). — Кострома, 1927 (2-я гос. типо-лит. Полиграфтреста). — 29 с.
24. Луначарский А. В. Антирелигиозная борьба в школе / А. В. Луначарский // Почему нельзя верить в бога? — Москва : Наука, 1965. — С. 303—308.
25. Маллори Д. Огненные похороны (фото С. Фридлянда) / Д. Маллори // Огонек. — 1927. — № 50. — С. 14.
26. О работе в деревне : Резолюция тринадцатого съезда РКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 9-е изд., испр. и доп. — Москва : Политиздат, 1984. — Т. 3 : 1922—1925. — Москва : Политиздат, 1984. — С. 240—250.

27. *Пионер — вожак деревенских ребят* // Пионерская правда. — 1925. — 14 июня.
28. *Пионер в деревне* (сборник материалов по работе деревенского отряда). — Омск : Издание Омского Губкома РКЛСМ, 1924. — 53 с.
29. *Прокофьев А. А.* Стихотворения и поэмы / А. А. Прокофьев. — Ленинград : Советский писатель, 1986. — 592 с.
30. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. М—1. Оп. 23. Д. 156. Л. 78—85. Д. 392. Л. 23. Д. 665а. Л. 5.
31. *Русское и советское молодёжное движение в документах 1905—1937 гг.* — Москва : ОМП-Пресс, 2002. — 384 с.
32. *Сборник статистических сведений о состоянии РЛКСМ и детдвижения за период с 1 апреля 1924 г. по 1 октября 1925 г.* / Рос. ленин. коммунистич. союз молодежи, Центр. ком. РЛКСМ, Стат. подотд. — Москва : Тип. ЦК РКП (б), 1925. — 20 с.
33. *Синеглазова И.* Крепче связь с крестьянскими детьми / И. Синеглазова // Молот. — 1924. — 6 сентября.
34. *Слюсарев.* Довольно антирелигиозного хулиганства / Слюсарев // Юный товарищ. — 1924. — 17 сентября.
35. «*Совершенно секретно*» : Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) : Сборник докладов в 10 т. — Москва : Институт российской истории Российской акад. наук [и др.], 2001. — Т. 2. — 516 с. — ISBN 5-8055-0067-1.
36. *Темкин А.* Что думает крестьянство и казачество Донокруга о школе / А. Темкин // Народное просвещение. — 1927. — № 8—9. — С. 122—132.
37. *Товарищ комсомол* : документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. В 2-х т. / Сост.: В. Десятерик и др. — Москва : Молодая гвардия, 1969. — Т. 1 : 1918—1941. — 606 с.
38. *Ярославский Е.* Доклад на Всесоюзном совещании рабкоров и селькоров при «Правде» / Е. Ярославский // Правда. — 1924. — 19 декабря.
39. *Ярославский Е.* Погибший за правду / Е. Ярославский // Безбожник. — 1926. — 28 марта.

Литература

1. *Вязинкин А. Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // Вопросы истории. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.
2. *Елютина М. Э.* Ресурсные особенности религиозной социализации : поколенческий подход (по материалам социологических исследований советского и постсоветского периодов) / М. Э. Елютина, Е. И. Уфимцева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2018. — № 3. — С. 88—100. — DOI: 10.21685/2072-3016-2018-3-10.
3. *Закарян С. А.* Молодежь в условиях культурной революции в советской России в 1920-е гг. : проблемы социализации / С. А. Закарян // Наука и образование : проблемы, идеи, инновации. — 2019. — № 10. — С. 12—15.
4. *Зиберт Н. П.* Антирелигиозная деятельность комсомольских и пионерских организаций на Алтае в 1920-е гг. / Н. П. Зиберт // Известия Алтайского государственного университета. — 2017. — № 5. — С. 44—48. — DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-06.
5. *Из истории* Курской областной комсомольской организации (1918—1970 гг.). — Курск : Курская правда, 1972. — 472 с.
6. *Келемник И. А.* «Смычка» города и деревни в контексте идеологического воспитания молодежи по материалам газеты «Пионерская правда» / И. А. Келемник // Гриша-

евские чтения. — Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2021. — С. 346—352.

7. Козлов Ф. Н. Комсомол и его роль в становлении и развитии антирелигиозного движения в первое десятилетие советской власти (на материалах Мордовии, Марий Эл и Чувашии) / Ф. Н. Козлов // Youth World Politic. — 2013. — № 1. — С. 98.

8. Козлов Ф. Н. Молодежные реакции на инновационный концепт советского безбожия : историко-психологический аспект / Ф. Н. Козлов // PolitBook. — 2014. — № 3. — С. 68—79.

9. Конович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР / А. А. Конович. — Москва : Высшая школа, 1990. — 208 с. — ISBN 5-06-000617-4.

10. Кравченко А. В. Репрезентация «врага» в советских детских журналах 1924—1932 годов (на основе материалов журналов «Пионер» и «Мурзилка») / А. В. Кравченко // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства (XVIII—XX вв.): сб. ст. / под общ. ред. В. Ф. Блохина. — Брянск : Курсив, 2010. — С. 331—356.

11. Красная Слобода / В. А. Юрченков [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-900029-55-9.

12. Левада Ю. А. Поколения XX века : Возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5. — С. 7—14.

13. Макарова Ю. В. Антирелигиозное воспитание пионеров в 1920-х гг. в СССР / Ю. В. Макарова // Преподаватель XXI век. — 2015. — № 3—2. — С. 353—358.

14. Мищенко Т. А. Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. в деревне Юго-Запада России / Т. А. Мищенко // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — № 10. — С. 34—40. — DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.7.

15. Мухинова Н. А. «Смелее в деревню» : распространение пионерского движения в сельских населенных пунктах Советского Союза в 1922—1925 гг. / Н. А. Мухинова // Манускрипт. — 2019. — Том 12. — Выпуск 9. — С. 41—44. — DOI: 10.30853/manuscript.2019.9.8.

16. Новиков С. Г. Пионерия в системе воспитания «нового человека» (1920-е годы) / С. Г. Новиков // Проблемы современного образования. — 2021. — № 3. — С. 150—162. — DOI: 10.31862/2218-8711-2021-3-9-23.

17. Новосёлов А. Л. Поп с кулаком сварганил «чудо» : антирелигиозная пропаганда на страницах детского журнала «Юные безбожники» / А. Л. Новосёлов, А. А. Сальникова // Современная научная мысль. — 2020. — № 2. — С. 80—86.

18. Орлова Л. Н. История становления пионерской организации в деревне в середине двадцатых годов XX века / Л. Н. Орлова // Вестник государственного и муниципального управления. — 2020. — Т. 9. — № 4. — С. 171—180. — DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-4-171-180.

19. Перова М. А. «Красногалстучные»: пионерское движение в повседневной жизни советских детей в 1920-е — начале 1930-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов) / М. А. Перова // Вестник Томского государственного университета. — История. — 2019. — № 61. — С. 50—57. — DOI: 10.17223/19988613/61/7.

20. Под пионерским знаменем / сост. В. И. Лопатова, Н. Н. Сластухин. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 1987. — 224 с.

21. Рожков А. Ю. «Бог есть, но я в него уже не верю» : детские религиозные / антирелигиозные представления и практики в 1920-е годы / А. Ю. Рожков // Культурная жизнь Юга России. — 2012. — № 4. — С. 86—90.

22. Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.
23. Рудюк О. Г. Начальный период атеистического воспитания среди детей и молодежи в БССР / О. Г. Рудюк // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. — 2019. — № 1. — С. 126—136.
24. Слезин А. А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2022. — № 8—2. — С. 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32.
25. Соколова А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому» / А. Соколова // Отечественные записки. — 2013. — № 5. — С. 201—202.
26. Уфимцева Е. И. Практики чтения религиозной литературы в процессе ранней религиозной социализации старшего поколения россиян / Е. И. Уфимцева // Книга в повседневной жизни : горизонты понимания. — Саратов : Экон-Информ, 2018. — С. 195—200.
27. Чистякова Д. П. Типологизация поколений по Ю. Леваде : социолого-культурологический аспект / Д. П. Чистякова // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция : теория и практика. — 2016. — № 9. — С. 99—103.
28. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.
29. Шевченко В. А. Советская школа : переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному (1927—1929 гг.) / В. А. Шевченко // Новый исторический вестник. — 2007. — № 2. — С. 207—213.
30. Яшина М. А. Антирелигиозное образование и воспитание в СССР в 1920-е годы : уроки истории и современность / М. А. Яшина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2011. — № 3. — С. 201—208.
31. Kirschenbaum L. A. Small Comrades : Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932 / L. A. Kirschenbaum. — New York ; London : RoutledgeFalmer, 2001. — IX, 232 c. — ISBN 0-8153-3945-3.
32. Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. — New York : Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press, 1970. — 113 c.

Material resources

- A. P. Petkin boot. (1924). *Murzilka*, 5: 3—6. (In Russ.).
- About work in the countryside: Resolution of the Thirteenth Congress of the RCP(b). In: The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898—1986)*, 3: (1922—1925). (1984). Moscow: Politizdat. 240—250. (In Russ.).
- Aleko. Komsomol funerals. (1924). *Nov. April 11*. (In Russ.).
- Anti-religious campaign among pioneers. (1926). Leningrad: State Publishing House. 90 p. (In Russ.).
- Antireligious propaganda — class struggle. (1928). *Pravda. December 25*. (In Russ.).
- Anti-religious propaganda in pioneer schools and schools. Collection of articles and materials*. (1925). Moscow: “New Moscow”. 238 p. (In Russ.).
- Bolshakov, A. M. (1925). *Modern village in numbers: economy and diverse life of the village during the revolutionary period*. Leningrad: Priboy. 112 p. (In Russ.).

- Bolshakov, A. M. (1925). *The Soviet village (1917—1925): economy and life. 2nd ed., significant additional*. Leningrad: Priboy. 264 p. (In Russ.).
- Bukharin, H. I., Preobrazhensky, E. A. (1920). *The Abc of Communism: Populus. explanation of the program. Ros. com. The Bolshevik Party*. Moscow: State Publishing House. 340 p. (In Russ.).
- Bukharin, N. I. (1924). Bolder to the village. *The counselor*, 5: 1—5. (In Russ.).
- Bukharin, N. I. (1963). Report on work among young people. In: *Thirteenth Congress of the RCP(b). May 1924. Verbatim report*. Moscow: Gospolitizdat. 510—527. (In Russ.).
- Children and youth of the Smolensk region: 1920—1930s: Collection of documents*. (2006). Smolensk: Magenta. 528 p. ISBN 5-98156-054-1. (In Russ.).
- Collection of statistical data on the state of the RLKSM and children's movement for the period from April 1, 1924 to October 1, 1925*. (1925). Moscow: Type. Central Committee of the RCP (b). 20 p. (In Russ.).
- Comrade Komsomol: documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol. In 2 volumes, 1*. (1969). Moscow: Molodaya gvardiya. 606 p. (In Russ.).
- From the history of the Kursk regional Komsomol organization (1918—1970)*. (1972). Kursk: Kurskaya Pravda. 472 p. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1927). *Crime and suicide during the war and after it: 2nd issue. "Moral statistics"*. Moscow: CSU of the USSR. 270 p. (In Russ.).
- Gorlov, A. V. (1926). *The next tasks of the children's communist movement: report and final speech at the VII All-Union Congress of the Komsomol, March 21, 1926*. Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya. 34 p. (In Russ.).
- Guryanov, V. (1925). How does the peasantry relate to the pioneer movement. *Vozhaty*, 1: 33—35. (In Russ.).
- Kamenev, L. B. (1929). General questions of party policy: A report at the plenum of the Central Committee of the Komsomol on September 18, 1924. In: *Articles and speeches, 11: Socialist Construction and its difficulties*. Leningrad: State Publishing House. 87—119. (In Russ.).
- Krupskaya, N. K. (1930). About the pioneer movement at this stage. *For Communist enlightenment*, 158: P. 3. (In Russ.).
- Lunacharsky, A. V. (1965). Antireligious struggle at school. In: *Why can't you believe in God?* Moscow: Nauka. 303—308. (In Russ.).
- Mallory, D. (1927). Fiery funeral (photo by S. Fridlyanda). *Ogonek*, 50: S. 14. (In Russ.).
- Pioneer in the village (collection of materials on the work of the village detachment). (1924). Omsk: Edition of the Omsk Gubkom of the RKLSM. 53 p. (In Russ.).
- Prokofiev, A. A. (1986). *Poems and poems*. Leningrad: Soviet Writer. 592 p. (In Russ.).
- Russian and Soviet youth movement in documents of 1905—1937*. (2002). Moscow: OMP-Press. 384 p. (In Russ.).
- Russian State Archive of Socio-Political History. F. M—1. Op. 23. D. 156. l. 78—85. D. 392. l. 23. D. 665a. l. 5*. (In Russ.).
- Sineglazova, I. (1924). Stronger connection with peasant children. *Hammer*. September 6. (In Russ.).
- Slyusarev. (1924). Enough anti-religious hooliganism. *Young comrade*. September 17. (In Russ.).

- State Archive of Socio-political History of the Tambov region. F. P-379. Op. 1. D. 57. L. 48—51. F. P-840. Op. 1. D. 4015. L. 8. F. P-1205. Op. 1. D. 401. L. 9—14. D. 549. l. 64. d. 623. L. 19. D. 625. L. 73. D. 1268. L. 111, 113—114. (In Russ.).*
- State Archive of the Russian Federation. F. R—5407. Op. 1. D. 14. (In Russ.).*
- Summer work of the city and village detachment of young pioneers. (1927). Kostroma. 29 p. (In Russ.).*
- Temkin, A. (1927). What the peasantry and Cossacks of the Donokrug think about the school. *National Enlightenment*, 8—9: 122—132. (In Russ.).
- The pioneer is the leader of the village children. (1925). *Pioneer truth. June 14. (In Russ.).*
- “Top secret”: *Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934): Collection of reports in 10 volumes, 2. (2001). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences [and others]. 516 p. ISBN 5-8055-0067-1. (In Russ.).*
- Vasilyeva, E. A. (1919). Tasks of social education. *Bulletin of the Enlightenment*, 1—2: 10—12. (In Russ.).
- Volkov, A. (1924). How to conduct the work of the pioneer group. *The counselor*, 2: 17—18. (In Russ.).
- Yaroslavsky, E. (1926). Perished for the truth. *Godless. March 28. (In Russ.).*
- Yaroslavsky, E. (1924). Report at the All-Union meeting of workers and selkors at Pravda. *Pravda. December 19. (In Russ.).*
- Zinoviev, G. E. (1925). *What is the Komsomol and what it should become: the next tasks of the Komsomol: a report at the meeting of the Leningrad Komsomol Organization, May 5, 1924. 3rd ed. Leningrad: Surf. 45 p. (In Russ.).*

References

- Chistyakova, D. P. (2016). Typologization of generations according to Yu. Levada: socio-cultural aspect. *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice*, 9: 99—103. (In Russ.).
- Elyutina, M. E., Ufimtseva, E. I. (2018). Resource features of religious socialization: a generational approach (based on the materials of sociological studies of the Soviet and post-Soviet periods). *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*, 3: 88—100. DOI: 10.21685/2072-3016-2018-3-10. (In Russ.).
- From the history of the Kursk regional Komsomol organization (1918—1970). (1972). Kursk: Kurskaya Pravda. 472 p. (In Russ.).*
- Kelemnik, I. A. (2021). “The bow” of cities and villages in the context of ideological education of youth based on the materials of the newspaper “Pionerskaya Pravda”. In: *Grishaevskie readings. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. 346—352. (In Russ.).*
- Kirschenbaum, L. A. (2001). *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932. New York; London: RoutledgeFalmer. IX, 232 c. ISBN 0-8153-3945-3.*
- Konovich, A. A. (1990). *Theatrical holidays and rituals in the USSR. Moscow: Higher School. 208 p. ISBN 5-06-000617-4. (In Russ.).*
- Kozlov, F. N. (2013). Komsomol and its role in the formation and development of the anti-religious movement in the first decade of Soviet power (based on the materials of Mordovia, Mari El and Chuvashia). *Youth World Political*, 1: P. 98. (In Russ.).
- Kozlov, F. N. (2014). Youth reactions to the innovative concept of Soviet atheism: historical and psychological aspect. *PolitBook*, 3: 68—79. (In Russ.).

- Krasnaya Sloboda*. (2008). Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 464 p. ISBN 978-5-900029-55-9. (In Russ.).
- Kravchenko, A. V. (2010). Representation of the “enemy” in Soviet children’s magazines of 1924—1932 (based on the materials of the magazines “Pioneer” and “Murzilka”). In: *Literature, language, periodicals in the life of Russian society and the state (XVIII—XX centuries): collection of articles*. Bryansk: Kursiv. 331—356. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 5: 7—14. (In Russ.).
- Makarova, Yu. V. (2015). Antireligious education of pioneers in the 1920s in the USSR. *Teacher XXI century*, 3—2: 353—358. (In Russ.).
- Mead, M. (1980). *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. New York: Published for the American Museum of Natural History, Natural History Press. 113 p.
- Mishchenko, T. A. (2020). The young generation in the construction of a new political identity in the 1920s in the village of the South-West of Russia. *Manuscript*, 13 (10): 34—40. DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.7. (In Russ.).
- Mukhinova, N. A. (2019). “Bolder to the village”: the spread of the pioneer movement in rural settlements of the Soviet Union in 1922—1925. *Manuscript*, 12 (9): 41—44. DOI: 10.30853/manuscript.2019.9.8. (In Russ.).
- Novikov, S. G. (2021). Pioneria in the system of education of the “new man” (1920s). *Problems of modern education*, 3: 150—162. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-3-9-23. (In Russ.).
- Novoselov, A. L., Salnikova, A. A. (2020). (2020). Pop with a fist cooked up a “miracle”: anti-religious propaganda on the pages of the children’s magazine “Young Atheists”. *Modern scientific thought*, 2: 80—86. (In Russ.).
- Orlova, L. N. (2020). The history of the formation of a pioneer organization in the village in the mid-twenties of the XX century. *Bulletin of State and Municipal Administration*, 9 (4): 171—180. DOI: 10.22394/2225-8272-2020-9-4-171-180. (In Russ.).
- Perova, M. A. (2019). “Krasnogalstuchnye”: the pioneer movement in the daily life of Soviet children in the 1920s — early 1930s. (based on the materials of the Kurgan and Shadrinsky districts). *Bulletin of Tomsk State University*, 61: 50—57. DOI: 10.17223/19988613/61/7. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2012). “There is a God, but I no longer believe in him”: children’s religious / anti-religious ideas and practices in the 1920s. *Cultural life of the South of Russia*, 4: 86—90. (In Russ.).
- Rozhkov, A. Yu. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in the conditions of intergenerational gap (1920s). *Voice of the past*, 3—4: 164—182. (In Russ.).
- Rudyuk, O. G. (2019). The initial period of atheistic education among children and youth in the BSSR. *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*, 1: 126—136. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Shevchenko, V. A. (2007). Soviet school: transition from non-religious education to anti-religious (1927—1929). *New Historical Bulletin*, 2: 207—213. (In Russ.).
- Siebert, N. P. (2017). Antireligious activity of Komsomol and pioneer organizations in the Altai in the 1920s. *News of the Altai State University*, 5: 44—48. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-06. (In Russ.).



- Slezin, A. A. (2022). Rural youth of the first third of the XX century and its influence on society in the assessments of modern researchers. *Questions of history*, 8—2: 106—128. DOI: 10.31166/VOPROSYISTORII202208STATY32. (In Russ.).
- Sokolova, A. (2013). “It is impossible, it is impossible to bury new people in the old way”. *Domestic notes*, 5: 201—202. (In Russ.).
- Ufimtseva, E. I. (2018). Practices of reading religious literature in the process of early religious socialization of the older generation of Russians. In: *Book in everyday life: horizons of understanding*. Saratov: Ekon-Inform. 195—200. (In Russ.).
- Under the pioneer banner*. (1987). Saransk: Mordovian Book Publishing House. 224 p. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of history*, 7—2: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).
- Yashina, M. A. (2011). Antireligious education and upbringing in the USSR in the 1920s: lessons of history and modernity. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, 3: 201—208. (In Russ.).
- Zakaryan, S. A. (2019). Youth in the conditions of the cultural revolution in Soviet Russia in the 1920s: problems of socialization. *Science and education: problems, ideas, innovations*, 10: 12—15. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.12.2022,
одобрена после рецензирования 17.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Суслова Л. Н. Экономическое развитие Сибири в период реформ Петра I : ремесло и возникновение промышленности / Л. Н. Суслова, И. В. Яркова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 492—516. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-492-516.

Suslova, L. N., Yarkova, I. V. (2023). Economic Development of Siberia during Reforms of Peter I: Craft and Emergence of Industry. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 492-516. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-492-516. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-492-516

Экономическое развитие Сибири в период реформ Петра I: ремесло и возникновение промышленности

Суслова Людмила Николаевна

orcid.org/0000-0002-2426-2967

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания
lnsuslova@yandex.ru

Яркова Ирина Васильевна

orcid.org/0000-0002-6574-3695

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания
irina_19714@mail.ru

Тюменский государственный
университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и Тюменской области
в рамках научного проекта № 20-49-720013

Economic Development of Siberia during Reforms of Peter I: Craft and Emergence of Industry

Ludmila N. Suslova

orcid.org/0000-0002-2426-2967

PhD in History, Associate Professor
Department of History,
Law, Socio-Economic Disciplines
and Teaching Methods
lnsuslova@yandex.ru

Irina V. Yarkova

orcid.org/0000-0002-6574-3695

PhD in History, Associate Professor
Department of History,
Law, Socio-Economic Disciplines
and Teaching Methods
irina_19714@mail.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with the financial
support of the Russian Foundation for Basic
Research and the Tyumen Region as part of a
scientific project number 20-49-720013

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучены особенности промышленного развития сибирского региона в конце XVII — первой четверти XVIII веков. Анализ законодательных и делопроизводственных, статистических источников, обобщение и систематизация результатов исследований в области развития сибирского ремесла и мануфактурного производства конца XVII — первой четверти XVIII веков позволили выявить степень влияния на этот процесс реформ Петра I. Сделан вывод о том, что в рассматриваемый период основной формой промышленного производства Сибири являлось мелкое ремесленное производство, во многих отраслях которого наблюдался прогресс, обусловленный как совершенствованием технологического процесса, так и регламентирующими распоряжениями Петра I общегосударственного и регионального характера. Отмечено, что в комплексе преобразовательных начинаний Петр I уделял Сибири особое внимание, хотя в отдельных случаях регламентирующие положения царских указов в отношении отдельных видов ремесленного производства не давали большого эффекта в крае, как это было, например, с указами 1715 года о запрещении выделки кож без применения ворвани и изготовлении узких льняных и пеньковых полотен. Наиболее значимые правительственные распоряжения региональной направленности в отношении ремесел касались каменного строительства и речного судостроения. Авторами статьи показано, что важным результатом реформаторской деятельности Петра I стало развитие в Сибири крупного мануфактурно-заводского производства.

Ключевые слова:

Сибирь; промышленное развитие; ремесленное производство; мануфактурно-заводское производство; петровские реформы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the industrial development of the Siberian region at the end of the 17th — the first quarter of the 18th centuries are studied. The analysis of legislative and clerical, statistical sources, generalization and systematization of the results of research in the field of development of the Siberian handicraft and manufacturing production of the late 17th — first quarter of the 18th centuries made it possible to identify the degree of influence of Peter I's reforms on this process. It is concluded that in the period under review, the main form of industrial production in Siberia was small-scale handicraft production, in many sectors of which progress was observed, due both to the improvement of the technological process and to the regulatory orders of Peter I of a national and regional nature. It is noted that in the complex of transformative undertakings, Peter I paid special attention to Siberia, although in some cases the regulatory provisions of the royal decrees regarding certain types of handicraft production did not give much effect in the region, as was the case, for example, with the decrees of 1715 on the prohibition of tanning leather without the use of blubber and the manufacture of narrow linen and hemp cloths. The most significant government decrees with a regional focus on crafts related to stone building and river shipbuilding. The authors of the article show that an important result of the reform activities of Peter I was the development of large-scale manufactory and factory production in Siberia.

Key words:

Siberia; industrial development; handicraft production; manufactory and factory production; Peter's reforms.

Экономическое развитие Сибири в период реформ Петра I: ремесло и возникновение промышленности

© Сулова Л. Н., Яркова И. В., 2023

1. Введение = Introduction

Реформы Петра I явились одним из ключевых моментов отечественной истории, поворотным рубежом в развитии модернизационных процессов в Российском государстве. Они затронули все важнейшие сферы жизнедеятельности общества. Поэтому интерес к данной теме в исторической науке не ослабевает на протяжении длительного времени. Активизация научно-исследовательского интереса обусловлена также 350-летием со дня рождения великого реформатора в 2022 году. При этом в настоящее время в отечественной исторической науке наблюдается тенденция изменения исследовательской установки от подхода в изучении истории России как монолитного целого, общероссийского контекста исследований обозначенной темы к рассмотрению российского регионального многообразия. Поэтому актуальным становится изучение петровских реформ с использованием местного материала. В выявлении влияния реформ Петра I на промышленное развитие сибирского региона в конце XVII — первой четверти XVIII веков заключается предмет нашего исследования.

Отдельные аспекты промышленного развития Сибири в конце XVII — первой четверти XVIII веков рассматривались во многих научных исследованиях. Одним из первых к избранной теме обратился управляющий уральскими казенными заводами с 1722 по 1734 годы В. Геннин [Геннин, 1937]. В своем труде о металлургической промышленности Сибири он уделил основное внимание характеристике технико-технологической организации промышленного производства, но наряду с этим в ней нашли отражение сведения по истории основания в регионе заводов и крепостей, об управлении горнозаводской промышленностью края, о взаимоотношениях администрации и заводских работников. В общих чертах характеристика экономического развития региона в изучаемый период дана в трудах по истории Сибири П. А. Словцова, Н. М. Ядринцева [Словцов, 1995; Ядринцев, 1882].

В советское время велись весьма активные исследования в области экономической истории сибирского региона. К наиболее значимым для нашего исследования отнесем монографию Р. М. Кабо «Города Западной Сибири», в которой прослеживаются изменения в городской экономике на протяжении XVII — первой половины XIX веков. При этом, на наш взгляд,

автор недооценил уровень промышленного развития сибирских городов, утверждая, что они не обладали какими-либо преимуществами для притягивания к себе промышленного производства [Кабо, 1949, с. 161]. Детальный анализ создания крупного металлургического производства на Урале представлен в труде Б. Б. Кафенгауза [Кафенгауз, 1949, с. 45—167]. Вопросы, связанные с развитием ремесел, рассмотрены преимущественно на материалах Тобольска в работах О. Н. Вилкова [Вилков, 1967; Вилков, 1969; Вилков, 1990]. Характеристика основных видов обрабатывающей промышленности Западной Сибири XVIII — первой половины XIX веков на богатом архивном материале дана Д. И. Копыловым [Копылов, 1973]. Большинство выводов, сделанных авторами, не вызывают сомнений и получили развитие в последующих исследованиях по данной проблематике.

В постсоветский период интерес к истории промышленного освоения Сибири не угас. Причем больше внимания стали уделять изучению развития отдельных отраслей производства с привлечением как архивных, так и археологических материалов. Так, на основе анализа свидетельств археологических источников по истории Тобольска И. В. Балюновым продолжена разработка состояния кожевенно-сапожного ремесла и деревообрабатывающего промысла в Сибири в конце XVI—XVII веков, Н. М. Зиняковым — железообрабатывающего производства XVII—XVIII веков [Балюнов, 2012; Балюнов, 2015; Зиняков, 2012; Зиняков 2016]. Вопросы, связанные с развитием винокурения в сибирском регионе, используя данные письменных источников, рассматривали Д. В. Раев и В. П. Зиновьев [Раев, 2005; Зиновьев, 2008]. Е. А. Курлаев внес значительный вклад в изучение зарождения металлургического и военного производства на Урале и в других районах Сибири [Курлаев, 2008; Курлаев, 2009; Курлаев, 2016; Курлаев 2018].

Во многих исследованиях авторы при рассмотрении отдельных процессов и явлений в промышленном развитии сибирского края отмечали влияние на них решений, принятых Петром I в этой области. Однако общих выводов по данной проблеме сделано не было. В статье предпринята попытка обобщения и систематизации результатов исследований в области развития сибирского ремесла и мануфактурного производства конца XVII — первой четверти XVIII веков и выявления степени влияния на этот процесс петровских преобразований.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В ходе исследования использовались как опубликованные, так и неопубликованные (архивные) источники. К опубликованным источникам относятся царские указы и наказы воеводам при вступлении их в должность, которые опубликованы в Полном собрании законов российской империи. Из неопубликованных архивных источников были привлечены делопроизвод-

ственные материалы, административно-хозяйственная учетная документация, касающаяся расходов на винокурение и дощаное дело, а также материалы архивных дел, содержащие переписку Сибирского приказа с верхотурскими и тобольскими воеводами о горных заводах в период 1700—1703 годов, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов.

Методологическим инструментарием исследования послужили взаимосвязанные научные принципы историзма и объективности, а также историографический, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Использование принципов историзма и объективности дало возможность выявить особенности изучаемого периода промышленного развития Сибири, понять причинно-следственные связи рассматриваемых событий и процессов путем критического анализа данных источников и историографического материала. С помощью метода историографического анализа были изучены архивные материалы и научная литература, относящаяся к проблеме исследования. Сравнительно-исторический метод позволил определить общее и особенное в развитии отдельных отраслей производства в Сибирском регионе и центральных районах Российского государства и влияние на них петровских преобразований.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие тенденции в развитии ремесла в Сибири в конце XVII — первой четверти XVIII веков

Значительная часть промышленности Сибири конца XVII — первой четверти XVIII веков была представлена в форме мелкого ремесленного производства. Как полагает В. П. Зиновьев, на XVII — первую четверть XVIII века пришелся первый этап индустриального освоения Сибири, когда частное раннекапиталистическое предпринимательство только начало развиваться в небольших масштабах [Зиновьев, 2007, с. 18; Зиновьев, 2016, с. 61].

Ведущая роль в развитии ремесла принадлежала городу. Ремесленная перепись 1720 года содержит свидетельства о 2310 ремесленниках, проживающих на территории Западной Сибири, из которых 1477 человек, что составляло 63,9 %, можно отнести к городскому населению [Копылов, 1973, с. 15]. В сибирских городах шло формирование особого слоя ремесленного населения как из ремесленников-выходцев из европейской части России, так и из местного служилого и крестьянского населения. О. А. Задорожная справедливо отмечает, что к началу XVIII века относится определение правового статуса ремесленников в социальной структуре городского населения Российского государства. Ремесленники становились основными производителями значительной части товаров для сибирского рынка, что соответствовало государственной политике на окраинах, так как «обеспе-

ченность промышленными изделиями способствовала процессу присоединения и включения удаленных территорий в состав Российской империи» [Задорожная, 2020, с. 7].

Важным шагом на пути оформления правового положения ремесленников стало принятие Регламента Главного Магистрата в 1721 году в рамках городской реформы Петра I. В соответствии с главой VII Регламента вводилась сословная дифференциация городских жителей. Предусматривалось выделение двух основных категорий горожан: регулярных и нерегулярных граждан. В составе первой категории предписывалось образование двух гильдий, и почти все ремесленники, за исключением золотарей и серебряников, были отнесены ко второй гильдии и должны были объединиться в цехи. В документе, в частности, говорится: «Каждое художество и ремесло свои особливые цунфты (цехи) или собрания ремесленных людей, и над оными алдерманов (или старшин) иметь, також и каждое ремесло или художество свои книги имеют в которых регулы или уставы, права и привилегии ремесленных людей содержаны быть должны» [ПСЗ, Т. 6, 3708, с. 295]. Более детально регламентирует создание новой формы организации городских ремесленников указ «О цехах», принятый 27 апреля 1722 года [ПСЗ, Т. 6, 3980, с. 664—665]. По мнению Д. И. Копылова, именно с целью создания цехов была проведена ремесленная перепись 1719—1720 годов. Цехи были созданы. Тем не менее глубоких корней в этот период цеховой строй в Сибири не пустил, так как не соответствовал существующим экономическим условиям [Копылов, 1973, с. 25]. О. А. Задорожная считает, что в центре Тобольской губернии первые цеховые организации появились в 1730-х годах, но окончательное их оформление приходилось на 1785—1793 годы [Задорожная, 2020, с. 9].

Главным ремесленным центром Сибири в рассматриваемый период был Тобольск. В единственной сохранившейся от XVII века переписной книге по Тобольску 1698 года, содержащей материал о занятиях и источниках дохода посадских людей, встречаются частые указания на следующие занятия: «шьют чоботное», «кормятца кузнечною работою», «делают кожевное», «шьют портное», «кормятца серебряным мастерством», «шьют шапки». Немало в ней и таких приписок, как «кормятца работою», что указывает, по-видимому, на людей, не имеющих определенного занятия, но живущих наймом в самом городе или в «низовых городах» [Кабо, 1949, с. 84]. О. Н. Вилков признает наличие в Тобольске в 1698 году 97 ремесленников 32 специальностей, а в 1720 году уже 655 ремесленников 64 специальностей [Вилков, 1990, с. 120]. Анализ представленных данных сословного учета позволяет говорить о динамике численности ремесленников (более чем в шесть раз) и их специальностей (в два раза) за четверть века правления Петра I. Другие исследователи отмечают существование в То-

больше в начале XVIII столетия около 60 ремесленных специальностей [Старцев и др., 2014, с. 29]. Вторым по числу ремесленников был Томск, третьим — Тюмень. Интенсивному развитию ремесленного производства в Тобольске способствовали наличие богатой местной сырьевой базы, постоянного и устойчивого спроса на ремесленную продукцию ввиду административного и торгового значения города, а также некоторые традиции промышленности коренных народов.

3.2. Особенности в развитии основных видов ремесел в Сибири в конце XVII — первой четверти XVIII веков

Тесная связь сибирского города с сельскохозяйственной округой обусловила развитие отраслей ремесла, связанных с обработкой продукции животноводства. Среди них наибольшее развитие получило кожевенное ремесло. В городах так же, как и в сельской местности, преобладающим было мелкое кустарное производство, семейное в своей основе, поставлявшее на рынок ежегодно 100 и более выделанных кож. Так, в Выписке из ведомости о ремесленных кожевенных заводах г. Тюмени 1710 года имеется указание на то, что «у посадского человека Елизара Болотова кожевенного заводу изба трех сажень, а в ней чан мерою в полтора аршина, а в чану в дубу кож десять юфтей да деланных кож с дегтем старого ж дела некрашенных пять юфтей, а делает кожи он Елизар» [ГАТО, ф. И47, оп. 1, д. 1697, л. 1]. Однако к концу XVII — началу XVIII веков относится появление и более крупных кожевенных мастерских, или, как их называют в источниках, «заводов», применявших уже наемный труд и производивших 1000—1500 кож в год. Их можно отнести к предприятиям мануфактурного типа, хотя по этому поводу высказывались и иные мнения. Так, Д. И. Копылов полагает, что такие кожевенные заведения можно считать не мануфактурой, а «капиталистической простой кооперацией с сезонным характером производства» [Копылов, 1973, с. 61].

Петр I, проявляя заботу о развитии ремесленного производства и о повышении качества изготавливаемой продукции, в 1715 году издал указ, запрещавший повсеместно в Российском государстве выделывать кожу без использования ворвани — продукта из подкожного жира морских млекопитающих, преимущественно китов. Было велено направить в Москву из городов, имеющих кожевенное производство, несколько человек для обучения их новой технологии под руководством ревельских мастеров. Из Сибирских городов также были направлены мастерские люди. Указ из канцелярии Сибирской губернии от 11 января 1717 года тюменскому коменданту И. В. Воронцову содержит имена двух таких тюменских кожевников — Ивана Понаморева и Ивана Пинжакова [ГАТО, ф. И47, оп. 1, д. 3594, л. 9]. Но выделка кож по «ревельскому» образцу не получила широкого распространения в Сибири,

и, хотя основные потребности сибирского рынка в данном виде товара обеспечивались за счет местного производства, на протяжении всего XVIII века продолжался ввоз высококачественных кож из европейской части России.

Кожевенное дело обусловило развитие ремесел, для которых сырьем являлась его продукция. Из ремесел, использующих в качестве сырья выделанные кожи, наиболее развитым было производство обуви. Еще Н. М. Ядринцев обратил внимание на отсутствие лаптей в Сибири и использование даже крестьянами в качестве постоянной обуви сапог [Ядринцев, 1882, с. 65]. Д. И. Копылов на основе анализа данных переписи 1720 года пришел к выводу о наличии в это время в Западной Сибири 207 производителей обуви. Наибольшее число обувщиков было в Тобольске, Томске, Тюмени. Производились сапоги, чарки (чирки), коты, башмаки, ступни, поршни, ичиги, туфли, бродни [Копылов, 1973, с. 92—93]. О. Н. Вилков, опираясь также на сведения письменных источников, сделал заключение о почти полном удовлетворении потребностей жителей Тобольска в обуви за счет местного производства уже во второй половине XVII века [Вилков, 1967, с. 42—43]. Более поздние археологические изыскания позволили конкретизировать представления о типах обуви, производимой в отелных сибирских городах. Так, И. В. Балюнов, изучая обнаруженную в ходе раскопок тобольскую обувную коллекцию XVII века, посчитал возможным выделение двух основных групп обуви: мягких и жестких форм. К первой группе он отнес поршни и мягкие туфли. Образцы второй группы в силу фрагментарности материала были распределены на четыре подтипа (модели): туфли на деревянном каблуке, сапоги с «внутренним» каблуком, сапоги с наборным каблуком, туфли без каблука [Балюнов, 2012, с. 181—185].

Из других ремесел по переработке животного сырья в Сибири было развито производство мыла. Уже к концу XVII века тобольское мыловаренное производство удовлетворяло все местные потребности в данном виде продукции. Об этом свидетельствует прекращение ввоза мыла в Тобольск из Европейской России и вывоз его в другие города Сибири [Вилков, 1967, с. 45; Вилков 1969, с. 50]. Сырьем для производства мыла служили говяжье сало, зола и соль, которые либо получались от заказчиков-потребителей, либо приобретались на рынке. В начале XVIII века большая часть продукции производилась для реализации на рынке, при этом источники содержат информацию о появлении скупщиков [ГАТО, ф. И29, д. 26, л. 2, 5]. Установлено, что в 1720 году в Тобольске имелось 12—14 мыловарен, в Томске — 13, в Тюмени — 4 [Копылов, 1973, с. 115]. Мыловарение часто совмещалось со свечным промыслом, так как для изготовления свеч также широко использовали говяжье сало. Сальные свечи были в большом ходу в Сибири. Восковые свечи стоили дороже, так как для их производства использовали привозное сырье.

В экономической жизни Сибири рассматриваемого периода большое значение имело винокурение, которое относят к производствам по переработке растительного сырья. Относительно времени возникновения винокурения в Сибири нет единства мнений у исследователей ввиду отсутствия точных сведений в источниках. С точки зрения дореволюционного историка П. А. Словцова, до 1698 года все потребности региона в хлебном вине удовлетворялись поставками из-за Урала [Словцов, 1995, с. 206]. Д. И. Копылов полагал, что в крае этот вид производства появился после указов Петра I о свободном винокурении [Копылов, 1973, с. 140]. По мнению Г. А. Леонтьевой, уже к середине 60-х годов XVII века в Сибири возникло большое число винокурен и кружечных дворов [Леонтьева, 1990, с. 98]. Д. В. Раев приходит к выводу о складывании к середине XVII — началу XVIII веков в Западной Сибири развитой сети кружечных дворов и питейных заведений, где происходило изготовление и реализация оптом и в розницу алкогольных напитков (пива, вина, меда) [Раев, 2005, с. 132]. Анализ законодательных и архивных материалов позволяет с уверенностью утверждать, что к концу XVII — началу XVIII веков винокурение получило распространение в сибирском регионе. Указом, принятым Петром I 7 ноября 1698 года, давалось предписание в Восточных сибирских городах, таких как Енисейск, Иркутск, Нерчинск, Томск, учредить кружечные дворы «в особых и пристойных местах, где бы от пожарного случая было безопасно... и приставить людей добрых умеющих вино тут курить на кабацкие расходы...» с целью получения прибыли казне [ПСЗ, Т. 3, 1652, с. 489—491]. На территории Западной Сибири винокуренные заведения появились раньше [ГАТО, ф. И47, оп. 1, д. 1180, л. 1—5, д. 1199, л. 1—2].

Винокурение представляло собой процесс производства хлебной водки (горячего вина). Исследователи отмечают наличие в материалах сибирских кружечных дворов упоминаний о двух видах данного напитка, простого вина и двойного вина. Для получения вина второго вида производили дополнительную перегонку, в результате чего происходило увеличение объемной доли спирта. Если крепость простого вина составляла примерно 20 градусов, то двойного — доходила до 45 градусов [Раев, 2005, с. 73—74]. В качестве сырья использовали ржаную или овсяную муку, ржаной солод и дрожжи.

Государство, проявляя заботу об увеличении доходов казны, стремилось монополизировать как производство, так и продажу хлебной водки. Производство должно было сосредоточиться на казенных винокурнях, исключение делалось только для помещиков, которым разрешалось заниматься изготовлением вина для собственного потребления. Однако запреты часто нарушались. Незаконным производством вина занимались представители почти всех категорий населения, даже пленные шведы.

Информация об этом содержится в документах Тобольского архива [ГБУ-ТО ГА в г. Тобольске, ф. И701, оп. 1, д. 2, л. 152—152об, л. 144—145 об]. Петр I, осознав безрезультатность борьбы с незаконным частным винокурением, указом от 28 января 1716 года предоставил право «как вышним, так и нижним всяких чинов людям, вино курить про себя и на подряд свободно...», с обязательным клеймлением оборудования (кубов и казанов) государственными служащими специальными клеймами, указывающими количество «осьмивершковых» ведер в нем, и с выплатой особой пошлины, исчисляемой с оборудования (полуполтинник в год с ведра) с учетом произведенного вина [ПСЗ, Т. 5, 2990, с. 195—196]. Так была расширена сфера частного винокурения без предоставления права на курение вина зависимому крестьянству. Но в хлебных районах Сибири после этого указа винокурение получило более широкое развитие.

Продажа вина в конце XVII — начале XVIII веков должна была осуществляться на кружечных дворах, устроенных во всех сибирских городах. Вне их торговать строго воспрещалось [Зиновьев, 2008, с. 13]. При этом, если историк В. П. Зиновьев, не находя различий, употребляет обозначения *кружечный двор* и *кабак* как синонимы [Там же], то Д. А. Раев отмечает существовавшее между ними главное отличие. В кабаке, как он полагал, спиртные напитки реализовывались на разлив, и покупатели их там же употребляли, тогда как в кружечном дворе продажа осуществлялась мелким оптом. Поэтому кабак можно рассматривать как питейное заведение, а кружечный двор как нечто подобное винному магазину [Раев, 2005, с. 139]. Появление кружечных дворов относится ко времени после кабацкой реформы 1652 года. Такое заведение находилось под общим управлением выборного кружечного головы, подчинявшегося воеводе. Реализация алкогольной продукции осуществлялась также выбранным из среды состоятельных посадских людей целовальником.

В Сибири, как и в других регионах Российского государства, получили распространение винные откупа, несмотря на попытки правительства во второй половине XVII века запретить их. С именем Петра I связывают один из этапов правового оформления винных откупов [Гавлин, 2007, с. 128; Махрова, 2015, с. 100]. После издания указа 15 декабря 1712 года они должны были иметь форму письменного договора с казной [ПСЗ, Т. 4, 2611, с. 876—877]. И хотя это указ касался только Московской губернии, можно предположить, что подобная практика в дальнейшем получила распространение на территории всего государства.

Из производств по переработке растительного сырья активное развитие на территории Сибири получила деревообработка ввиду обилия лесов из лиственных и хвойных пород деревьев. Становление деревообработы-

вающих промыслов началось с момента включения сибирских территорий в состав Московского государства. В рассматриваемый период в деревообработке произошли значительные изменения. В это время возрос общий объем производства, усилилась специализация, расширились связи с рынком. Д. И. Копылов полагает, что имеющиеся в переписи 1720 года указания на 250 ремесленников Западной Сибири, занимающихся обработкой дерева, не отражают их общее число, которых в действительности было гораздо больше. Представители ряда специальностей вообще не были учтены [Копылов, 1973, с. 208]. О. Н. Вилков отмечает, что только в Тобольске в 1720 году было 43 специалиста по деревообработке, что составило 12,9 % от числа всех городских ремесленников [Вилков, 1967, с. 66].

Деревообработкой занимались активно как в городах, так и в сельской местности. В источниках встречаются упоминания о столярах, токарях по дереву, бондарях, кадочниках, решетниках, лотошниках, изготовителей транспортных средств (саней, телег, колес). С. В. Туров указал на то, что если в городах преобладающим было токарное производство, то сельская деревообработка была ориентирована на наиболее материалоемкую продукцию [Туров, 1997, с. 163]. И. В. Балюнов, исследовавший деревообработку в Тобольске на материалах, полученных в ходе археологических раскопок, к видам данного производства отнес также изготовление берестяной, деревянной посуды и прочей кухонной утвари [Балюнов, 2015, с. 215]. Можно согласиться и с его выводом о влиянии развития деревообрабатывающих промыслов на становление ряда ремесел, таких как строительство и судостроение.

Дерево с самого начала освоения сибирских территорий являлось главным производственным материалом для строительства. Однако обособление строительного дела в особую ремесленную специальность произошло не сразу. В течение длительного времени наблюдалось совмещение строительства с другими видами деятельности. И только в письменных источниках, относящихся к концу XVII — первой четверти XVIII веков, встречаются более частые упоминания о плотниках, специализирующихся на строительных работах [РГАДА, ф. 214. оп. 5, д. 2360, л. 5]. И. В. Балюнов обратил внимание на то, что найденные археологами инструменты деревообработки и строительные принадлежности в некоторых случаях могут служить главными источниками сведений об уровне развития строительного дела. Анализ этих сведений привел его к мысли о достаточно интенсивном развитии в Сибири строительства с использованием деревянных материалов, а также о существовании определенных различий в строительном деле отдельных районов Сибири. Так, для Тобольска, Мангазеи, Березова было характерно использование гвоздей уже в XVII веке, тогда

как в строительном деле Тары они вошли в употребление только в последней трети XVIII века [Балюнов, 2015, с. 214].

С начала XVIII века в сибирском регионе получает распространение каменное строительство. Инициатива в этом деле исходила от Петра I, хотя уже в конце XVII века там появились первые каменные сооружения культового назначения и в небольшом числе имелись каменщики. Так в 1686 году было завершено строительство Софийского собора в Тобольске [Баландин, 1981, с. 214].

Петр I в Наказе от 1 сентября 1697 года назначенному в Тобольск воеводе Михаилу Яковлевичу Черкасскому изложил значительную программу каменных строительных работ. Велено было, «сметясь» с местными доходами, чтобы городским и уездным людям было не в тягость, вблизи малого верхнего города и в нем соорудить каменные церковь Вознесения господня, Приказную палату, Боярский двор с амбарами, а также, если будет возможно, пороховой погреб. Кроме того, было указано найти способы обеспечения верхнего города водой и не допустить возможных разрушений каменных сооружений и причинения тем самым ущерба казне путем укрепления склонов горы в местах возможного осыпания грунта [ПСЗ, Т. 3, 1594, с. 343—344]. С. Н. Баландин считает, что Петр I и его окружение исходили при этом из предположения о наличии в Тобольске и ближайших от него городских центрах необходимой строительной базы и мастеров-каменщиков [Баландин, 1981, с. 184]. С точки зрения О. А. Задорожной, возникновение кирпичных ремесленных предприятий в Тобольске можно отнести к концу XVII века после обнаружения около него кирпичной глины [Задорожная, 2020, с. 13]. В петровском наказе действительно указывается, что для изготовления кирпича необходимо привлекать тех кирпичников, которые делали его для Софийского дома [ПСЗ, Т. 3, 1594, с. 344].

По замыслу Петра I, каменное строительство должно было охватить не только Тобольск, но и другие сибирские города. В Наказе верхотурским воеводам 1697 года также дается повеление рассмотреть возможность сооружения каменных Приказной палаты и амбаров кладовых [ПСЗ, Т. 3, 1595, с. 381]. И действительно, каменное строительство получило развитие сначала в Тобольске, а затем и в других городах Сибири. Хотя несколько затормозил этот процесс петровский указ от 9 октября 1714 года, запрещавший строительство каменных зданий на территории всего государства с целью привлечения мастеров для более интенсивного строительства Санкт-Петербурга [ПСЗ, Т. 5, 2848, с. 126].

Относительно судостроения можно сказать, что мощным стимулом для его развития в сибирском регионе послужило то обстоятельство, что в теплое время года основные пути сообщения проходили там по водным магистра-

лям. Постройка судов производилась в местах, носивших название *плотбищ*. Первоначально они располагались в районах водоразделов крупных сибирских рек, а также пунктах скопления перевозимых товаров. Наиболее крупными были Верхотурское, Енисейское, Усть-кутское плотбища. В конце XVII — первой четверти XVIII веков строительство транспортных судов за казенный и частный счет получило развитие уже в пригородах большинства крупных торговых центров Сибири, например, в Тобольске и Тюмени.

В источниках были выявлены сведения о сооружении дощаников, хотя, как отмечается в литературе, имело место строительство и других типов речных судов. Дощаник — это наиболее распространенный тип плоскодонного палубного судна, имевшего одну мачту, один большой парус и осадку чуть более метра [Кухтерин, 2020, с. 3]. В государственном архиве Тюменской области была обнаружена «Книга расходная денежной казны на дощаное дело», составленная в Тюменской воеводской канцелярии в 1688 году. В ней имеется информация о выделяемых суммах из казны на сооружение новых и ремонт старых дощаников. Можно сделать вывод, что строительство одного дощаника обходилось казне в 16 рублей. Деньги выдавались «наперед» дощанишному уставщику с товарищами в три выплаты (первая — 6 рублей, вторая и третья выплаты — по 5 рублей) [ГАТО, ф. И47, оп. 1, д. 150, л. 1–4].

В правление Петра I было осуществлено правовое урегулирование процесса производства и эксплуатации дощаников в Сибири. Анализ пункта двадцать четвертого Наказа 1697 года воеводе М. Я. Черкасскому позволяет сделать заключение об установлении полного контроля воеводы за производством и использованием данного типа судов с тем, чтобы не допустить лишних убытков и расходов для казны. Предписывалось особое внимание уделять ремонту старых дощаников, что раньше не делалось, а также обеспечению сохранности их и пришедших осенью «из понизовых городов из Верхотурья» судов со всеми припасами. Для этого необходимо было создать ниже Тобольска на озере Исштаманском, место для зимовки дощаников с охраной и амбарами. Было велено выбрать тихие прибрежные воды, укрывать суда сверху от снега, чтобы во время весеннего ледохода им не нанесен был вред. При изготовлении новых дощаников велено было проявлять профессиональное мастерство, укреплять днище, особо выкладывая «корякни», к которым уже прибивать дно и прочные боковые брусья и «тесницы». Затем изготовленный каркас судна тщательно конопатился «смоляною вытрепкою». Изготовленное таким образом судно, по замыслу законодателя, можно было эксплуатировать в течение десяти лет и более, периодически осуществляя ремонтные работы. Наряду с этим для увеличения быстроты хода предлагалось попробовать новый способ обработки

дна просмоленного судна говяжьим салом. Опыт такой рекомендовалось внедрить на двух, трех судах и при успешном результате и финансовой целесообразности уже ввести в практику [ПСЗ, Т. 3, 1594, с. 364—365].

Казенное судостроение было основано на привлечении к данному виду производства крестьянства городских слобод. Крестьяне в большинстве своем занимались «дощаничным делом» в порядке отбывания государственной повинности. При этом в судостроении раньше, чем в других отраслях, нашел применение наемный труд, а отдельные крестьяне и посадские люди занимались постройкой судов для реализации их на рынке.

Из числа ремесленных занятий, использующих растительное сырье, наименьшее развитие в регионе в рассматриваемое время получило текстильное производство, особенно выработка холста. Главной причиной этого был недостаток необходимого сырья. Технические культуры, такие как лен и конопля, выращивались преимущественно в районах, примыкавших к южному и среднему Уралу, а также в Енисейском уезде. В других местах, несмотря на попытки воевод административными мерами ввести посевы льна и конопли, производство этих культур не получило распространения. Холст, сукно в больших объемах ввозились из Европейской России, а бумажные и шелковые ткани — из Китая и Средней Азии. Следует отметить, что отрицательное воздействие на производство холста на территории всей Российской империи, включая Сибирь, оказал Указ Петра I от 21 октября 1715 года о запрещении во всех губерниях ткать узкие льняные и пеньковые полотна [ПСЗ, Т. 5, 2943, с. 179]. Цель этого указа состояла в увеличении производства широких полотен, пригодных для изготовления парусов и продажи по более высоким ценам на внешнем рынке. Однако итогом стало общее снижение объемов производства полотна, особенно крестьянами-кустарями, из-за сложностей, возникающих в связи с необходимостью использования новых инструментов, в частности широкого бёрда. Более развито было в Сибири сермяжное ткачество (шерстяное), хотя и оно не удовлетворяло все местные потребности.

К концу XVII — началу XVIII веков наметились положительные тенденции в развитии металлообрабатывающих производств. В это время обработка металла велась во всех городах, острогах и многих слободах Сибири. Д. И. Копылов, ссылаясь на данные переписи 1720 года, указывает на наличие в регионе 855 ремесленников, занятых обработкой металлов. При этом свыше трех четвертей из их числа приходилось на Тобольск, Верхотурье, Тюмень и их слободы [Копылов, 1973, с. 218]. Об успехах в данном виде производства свидетельствуют также результаты анализа материалов таможен ряда сибирских городов. Если в XVII веке в номенклатуре ввоза преобладали готовые изделия, то в первой четверти XVIII века первенство

перешло уже к металлам: железу, олову, меди. Обработка металлов была налажена на месте, в Сибири.

Наибольшее распространение получили ремесла по обработке черных и цветных металлов, такие как кузнечное, медное, меднокотельное. Первое место принадлежало кузнечному ремеслу. Сибирское кузнечное производство, как и другие виды металлообработки, генетически восходит к ремеслу Европейской Руси, откуда посылались мастера после присоединения Сибири. Так Переписная книга Тобольска 1698 года содержит упоминания о трех кузнецах, которые являлись уроженцами таких городов европейского Севера России, как Устюг Великий и Тотьма [Переписная книга 1698 года ..., 1885, с. 80, 90]. Однако в начале XVIII века ведущая роль в кузнечном производстве принадлежала уже местным уроженцам. Кузнецы занимались изготовлением многих видов сельскохозяйственных орудий (кос, серпов, сошников), инструментов (топоров, тесел, резцов, сверл, буравчиков), а также изделий бытового назначения.

Кузницы являлись мелкими заведениями, оборудованными горнами с воздуходувными мехами. Из инструментов использовали наковальню, пару ручных молотов и клещи. В основе организации кузнечного дела в большинстве случаев лежала семейная кооперация из-за небольшого числа требовавшихся работников. В кузнице, как правило, работал мастер (кузнец) совместно со своими сыновьями или братьями. В редких случаях привлекали наемных работников. С точки зрения О. Н. Вилкова, таким наемным работником мог быть «Васка Дмитриев сын Нагибин», про которого в Переписной книге 1698 года не только сказано, что он «кормится кузнечною работою», но и отмечено отсутствие у него собственного двора и, соответственно, кузницы [Вилков, 1967, с. 59—60].

Н. М. Зиняков путем проведения металлографического анализа археологических находок, обнаруженных на территории Тобольска, исследовал особенности технологии сибирского кузнечного производства. Он пришел к выводу, что кузнецы Тобольска явились продолжателями ремесленных традиций, привнесенных мастерами из северных русских городов, которые, в свою очередь, пользовались технологией, характерной для восточноевропейского железообрабатывающего производства. Об этом свидетельствуют, по его мнению, морфология изделий, используемые сварные схемы, а также проявившееся в XVIII веке сокращение доли сварных технологических конструкций при более широком использовании цельнометаллических поковок. Хотя на появление последней из указанных особенностей, как предположил Н. М. Зиняков, оказало значительное влияние и интенсивное развитие мануфактурно-заводского металлургического производства на Урале [Зиняков, 2012, с. 51; 2016, с. 57—58]. Историк не об-

наружил свидетельств развития специализации внутри сибирского кузнечного ремесла. Преобладающим типом в данном виде ремесла был кузнец широкого профиля [Зиняков, 2016, с. 58].

Наряду с кузнецами в источниках неоднократно упоминаются котельники. Так, есть данные о том, что на Тобольском посаде в 1720 году работали 14 котельников. Они занимались изготовлением котлов, медной и оловянной посуды, ключей, починкой замков, работали и на заказ, и на рынок [Вилков, 1969, с. 53; 1967, с. 61].

3.3. Возникновение крупного мануфактурного производства на территории Сибири в петровское время

В конце XVII — первой четверти XVIII веков в сибирском регионе, несмотря на преобладание мелкого ремесленного производства в промышленности, в ряде отраслей, прежде всего в металлургической и оружейной, по инициативе Петра I возникают крупные для того времени предприятия мануфактурного типа, которые в источниках часто называются «фабриками» или «заводами». Речь идет о казенных металлургических мануфактурах Урала и оружейном тобольском заводе. История создания этих предприятий достаточно подробно освещена в научной литературе [Кафенгауз, 1949, с. 45—167; Курлаев, 2008; Курлаев, 2009; Курлаев, 2016; Курлаев 2018]. Поэтому мы остановимся лишь на некоторых особо значимых моментах.

Принято считать, что программным документом, способствовавшим началу возникновения крупного промышленного производства на Урале, стал указ Петра I от 10 июня 1697 года, предписывающий всякого чина людям в Верхотурье и Тобольске организацию поиска удобных мест для строительства больших металлургических заводов с учетом наличия рудных месторождений, водных и сухопутных путей, а также экономических и людских ресурсов, составление подробных чертежей этих мест и отчетов об экономической целесообразности доставки готовой продукции в Москву [ПСЗ, Т. 3, 1588, с. 325—326]. Появление этого приказа было обусловлено поступлением в правительство в 1696 году известий о наличии в Верхотурском уезде значительных залежей железной руды и получением затем положительной экспертной оценки ее качества. Целью сооружения крупных металлургических предприятий, определенной в указе, являлось прежде всего литье пушек, гранат и «всякого ружья» для обеспечения безопасности «Сибирского царства» и для поставок продукции в Москву и другие «понизовые и верховые» города, а также производство различного вида железа с целью реализации его в разных городах, с тем чтобы пополнить государеву казну [ПСЗ, Т. 3, 1588, с. 325].

Реализация содержащихся в указе от 10 июня 1697 года и в ряде аналогичных по содержанию последующих царских распоряжений положений

привела к запуску на Урале в конце 1701 года двух первых металлургических предприятий — Невьянского (Федьковского) и Каменского. Именно с учреждения Невьянского завода указом Петра I от 23 апреля 1699 года, предписывающим построить заводы на «реках Тагил и Нейыва», большинство исследователей начинают историю заводского строительства на территории Верхотурского уезда. Однако Е. А. Курлаев, обратившийся к рассмотрению данной проблемы, в архивных документах выявил ряд свидетельств того, что первый завод начали строить в 1700 году на реке Тагил у Магнитной горы, на месте современного города Нижний Тагил. По его мнению, подготовительные и строительные работы осуществлялись там до марта 1701 года, а затем были остановлены. К причинам остановки строительных работ на реке Тагил в качестве предположения историк отнес отсутствие навыков эффективной плавки магнитного железняка, недостаток квалифицированных мастеров для обеспечения выполнения работ одновременно на нескольких металлургических предприятиях, недостаток рабочих кадров в этой местности, сконцентрированность правительства на запуске в действие меньшего числа предприятий в связи с началом Северной войны. Предпочтение было отдано строительству Невьянской и Каменской мануфактур [Курлаев, 2008, с. 221—224].

Из доклада тобольского сына боярского Ивана Салманова, сделанного в ноябре 1700 года в Сибирском Приказе, следует, что возведение Каменской мануфактуры, не считая доменной печи, было к этому времени в основном завершено. Выплавка железа осуществлялась местными мастерами в «старой домне» (скорее всего в сыродутной печи), присланные же из Москвы мастера пока не работали из-за незавершенного строительства «новой домны». Поэтому согласно официальной версии считается, что получение первого металла из «новой домны» относится только к осени 1701 года. [РГАДА, ф. 151, оп. 1, д. 47, л. 249 об. — 250 об.]. В 1702 году с завода были отправлены в Москву первые артиллерийские орудия.

Невьянская и Каменская мануфактуры были первыми крупными металлургическими предприятиями на Урале, но, кроме них, в течение первой четверти XVIII века там были введены в действие еще ряд казенных и частных металлургических заводов. Перечень их представлен в работе Е. А. Курлаева, посвященной изучению процесса формирования центров производства военной и металлургической продукции в регионе в изучаемый нами период [Курлаев, 2018, с. 60—61].

Однако замысел петровского правительства об организации на Урале массового артиллерийского производства в то время успеха не имел. Пушки из чугуна оказались плохого качества, и в 1705 году их производство было запрещено. В 1710 году под запрет попало и изготовление боепри-

пасов. Главной продукцией уральских заводов в петровское время стало высококачественное железо.

Более эффективным оказалось тобольское военное производство, начало организации которого относится к весне-лету 1700 года, а первая продукция была доставлена в Москву одновременно с пушками Каменской железодельной мануфактуры 8 марта 1702 года [РГАДА, ф. 151, оп. 1, д. 48, л. 305 об.]. Правда, изначально оружейное предприятие планировали расположить около Каменской мануфактуры, воздвигнув с этой целью острог с производственными и жилыми помещениями. Но недостаток трудовых ресурсов вынудил воеводу П. М. Черкасского перенести оружейное производство в Тобольск.

Тобольское оружейное предприятие представляло собой казенную централизованную мануфактуру с применением энергии воды и наличием пооперационного разделения труда. Е. А. Курлаев обращает внимание на то, что это было первое российское предприятие подобного типа [Курлаев, 2009, с. 121; Курлаев, 2016, с. 221; Курлаев 2018, с. 57]. Было создано два производственных центра. На реке Аремзянке на расстоянии 10 километров от Тобольска, располагался один производственный центр, состоявший из плотины и двух изб с оборудованием для сверления и «оттачивания» стволов, то есть операций, совершавшихся с использованием гидроэнергии. Другой производственный центр, названный «деловым двором», вместе с жилыми помещениями находился в самом Тобольске, в его верхней части. На «деловом дворе» производилась доводка деталей и итоговая сборка оружия.

Решающая роль в организации тобольского оружейного производства принадлежит оружейному мастеру из суздальских крестьян Никифору Ивановичу Пиленку, которого вместе с родственниками, также оружейниками, в соответствии с царским указом от 19 января 1700 года отправили в Сибирь [РГАДА, ф. 151, оп. 1, д. 49, л. 167]. С его именем связывают внедрение в производство заимствованных с предприятий центральной России некоторых новых технологий и организационных принципов, а также интенсивную деятельность по подготовке необходимых квалифицированных кадров преимущественно из числа местных ремесленников и их детей. Численность мастеров разного профиля, необходимых для изготовления оружия, к 1721 году составила 100 человек.

Изначально предполагалось, что на заводе будут производить по 5—6 тысяч фузей в год. И хотя точных данных о числе ружей, производимых в Тобольске, не имеется, историки предполагают, что такой производительности добиться не удалось. Есть мнение, что до 1707 года численность производимой продукции не превышала 1650 ружей в год, изготавливаемых по образцу немецкой фузеи 1701 года в соответствии с указом Петра I.

Согласно царскому указу 1702 года на тобольской оружейной мануфактуре наряду с производством огнестрельного оружия был налажен выпуск холодного оружия: шпаг, тесаков, пальм, палашей. Установлено, что заслуга в организации этого производства принадлежит направленным из Артиллерийского приказа мастерам Андрею Колтыкееву и его родственнику Михаилу Гаврилову. Изготовление холодного оружия было менее сложным, чем производство ружей, но и оно предполагало разделение труда между различными мастерами, например, ковщиком и точильщиком клинка. Поэтому в помощь привлекли нужное число тобольских кузнецов. Уже в январе 1703 года было получено распоряжение об изготовлении по 1000 штук каждого вида холодного оружия. Выполнить его в полном объеме не удалось. К июлю 1704 года было изготовлено 500 тесаков, 3 палаша, 4 лезвия пальм, которые были отправлены в столицу, а затем в действующую армию под Нарву. Но уже в конце марта 1705 года был принят указ, запрещавший производить холодное оружие на заводе в Тобольске, по-видимому, в связи с расширением производства в других регионах и его недостаточной производительностью. Производство же огнестрельного оружия на заводе продолжалось на протяжении почти всего XVIII века. В годы Северной войны основная часть продукции завода поступала для нужд фронта, хотя и не в том объеме, как предполагалось изначально, а после ее завершения стала использоваться для вооружения сибирских гарнизонов.

Еще один вид производства, возникший в Тобольске в начале XVIII века, хотя и не такой крупный, как оружейное, это — выработка селитры и пороха. После обнаружения по приказу главы Сибирского приказа А. А. Виниуса значительных залежей селитряной земли были созданы на территории «Старой Сибири» (Искера) и Ялуторовской слободы предприятия мануфактурного типа по производству селитры. Пороховое производство было организовано около Тобольска на реке Подувалке (в настоящее время река Сузгунка) при участии присланных из столицы пороховых мастеров Дмитрия Лукьянова и Афанасия Сергеева. Е. А. Курлаев связывает с этим и строительство порохового (зеленого) двора в Тобольске [Курлаев, 2009, с. 126; Курлаев, 2016, с. 225].

4. Заключение = Conclusions

Резюмируя изложенное, можно отметить, что в правление Петра I произошли существенные изменения в промышленности Сибири. В это время наблюдался прогресс во многих отраслях ремесленного производства, составляющего значительную часть промышленности региона. Прогресс был вызван как процессами, происходившими в самом ремесле, связанными с увеличением числа производителей под влиянием роста спроса на продукцию и изменением технологии производства, так и мероприятиями

правительства Петра I в данной сфере общегосударственного и регионального характера. Сибирскому региону в политике правительства отводилось особое значение, хотя в отдельных случаях регламентирующие положения царских указов в отношении отдельных видов ремесленного производства не давали большого эффекта в Сибири. Например, так обстояло дело с указами 1715 года о запрещении выделки кож без применения ворвани и изготовлении узких льняных и пеньковых полотен.

Местом сосредоточения ремесленного производства в сибирском крае в конце XVII — первой четверти XVIII веков все больше становятся города. В рамках проведения общероссийской городской реформы был оформлен правовой статус ремесленников и была предпринята попытка объединить их в особые организации — цехи. Большая часть ремесленников была включена в состав второй гильдии из категории регулярных граждан. Только более состоятельные золотники и серебряники вошли в первую гильдию. Однако в Сибири цеховой строй в петровское время не прижился и, по мнению историков, окончательное оформление цехов там относится ближе к середине или даже ко второй половине XVIII века.

Интенсивно развивались в Сибири такие отрасли ремесленного производства, связанные с переработкой растительного сырья, как кожевенное дело, производство обуви, свеч. Из ремесел, основанных на использовании растительного сырья, прогресс наблюдался в винокурении и деревообработке. Положительную динамику можно отметить и в развитии ремесел по обработке черных и цветных металлов, таких как кузнечное, медное, меднокотельное. При этом производство и продажа вина (хлебной водки) из-за высокой доходности больше других ремесел подвергались государственной регламентации на общегосударственном уровне. Попытки пресечь частное производство вина не увенчались успехом. Указ Петра I от 28 января 1716 года создал возможности для расширения частного винокурения при условии обязательного клеймения оборудования и выплаты специальной пошлины, что привело к более активному развитию данной отрасли производства в зерновых районах Сибири. Ко времени правления Петра I относится и важный этап законодательного регулирования винных откупов, которые в соответствии с царским указом должны были оформляться письменным договором с казной.

К ремеслам, в отношении которых в петровскую эпоху появились важные правительственные распоряжения региональной направленности, следует отнести каменное строительство, а также такой вид речного судостроения, как изготовление дощаников. Контроль над развитием обоих видов ремесел в силу их особой значимости для государства был передан воеводам, о чем, в частности, свидетельствует содержание Наказа Петра I тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому.

С именем Петра I также связано зарождение в Сибири крупного промышленного производства в виде централизованной мануфактуры с операционным разделением труда, к числу которых относятся первые уральские казенные металлургические заводы и оружейное предприятие в Тобольске. Первоначальный замысел петровского правительства об организации на Урале массового артиллерийского производства в то время реализовать не удалось, так как артиллерийские орудия и даже боеприпасы оказались низкого качества. Главной продукцией уральских заводов в петровское время стало высококачественное железо. Не удалось и на Тобольском оружейном заводе, начало строительства которого относится к весне-лету 1700 года, добиться выпуска запланированного объема продукции, хотя она и поступала в годы Северной войны на фронт и в сибирские гарнизоны до конца XVIII века. Но уже сам факт учреждения подобных предприятий и их деятельность свидетельствуют о развитии в Сибири крупного мануфактурно-заводского производства и о начале превращения Урала в центр металлургической промышленности.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области». — Ф. И47. Тюменская воеводская канцелярия. Г. Тюмень Тобольской губернии. Оп. 1. Д. 1697. Ведомости о заводах и ремесленных заведениях в г. Тюмени и в уезде ; Оп. 1. Д. 3594. Указы Петра I, выписки из журналов Тюменской воеводской канцелярии о развитии ремесленных цехов, разных ремесел. Л. 9; Оп. 1. Д. 1180. Книга записная об отпуске припасов на винокурение ; Оп. 1. Д. 1199. Книга записная расходов на винокурение ; Оп. 1. Д. 1250. Книга расходная денежной казны на дощаное дело. — Ф. И29. Тюменская таможня. г. Тюмень Тобольской губернии. Д. 26. Книга прихода таможенной десятой пошлины.

2. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И701. Кондинский Троицкий монастырь. — Оп. 1. Указы из Тобольской духовной консистории, переписка с Исетской канцелярией, описи имущества монастыря. Д. 2.

3. *Переписная* книга 1698 года // Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII столетия. — Москва, 1885. — С. 70—96.

4. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи : Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Том 3 : 1689—1699. [№ 1328—1739]. — 691 с ; Том 4 : 1700—1712. [№ 1740—2619]. — 881 с ; Том 5 : 1713—1719. [№ 2620—3479]. — 780 с ; Том 6 : 1720—1722 : [№ 3480—4136]. — 615 с.

5. РГАДА — Российский государственный архив древних актов. — Ф. 214. Сибирский приказ, г. Москва. Оп. 5. Д. 2360. Сибирская губернская канцелярия в Москве. Перечневая выписка населения г. Тобольска и Тобольского уезда (национальность, род занятий), в том числе: иконописцы, мастеровые люди и др. за 1719—1720 гг. и сказка слободских приказчиков о слушании указа о переписи населения. — Ф. 151. Дела о горных промыслах и заводах в России (коллекция) из фондов Посольского приказа, Нов-

городской четверти и Коллегии иностранных дел. Оп. 1. Д. 47. О рудокопных в Сибири заводах. Том I-й.; Оп. 1. Д. 48. О рудокопных в Сибири заводах. Том II-й; Оп. 1. Д. 49. О рудокопных в Сибири заводах. Том III-й.

Литература

1. Баландин С. Н. Начало русского каменного строительства в Сибири / С. Н. Баландин // Сибирские города XVII — начала XX века. — Новосибирск : [б. и.], 1981. — С. 174—196.
2. Балюнов И. В. Обувь жестких форм из культурного слоя города Тобольска XVII века / И. В. Балюнов // Вестник новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2012. — Т. 11. — № 7. — С. 179—186.
3. Балюнов И. В. Деревообработка в городе Тобольске в конце XVI—XVII веке (по материалам археологических исследований) / И. В. Балюнов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История. Филология. — 2015. — Т. 14. — Выпуск 7. — С. 210—217.
4. Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке / О. Н. Вилков. — Москва : Наука, 1967. — 324 с.
5. Вилков О. Н. «Русские товары на тобольском рынке в XVII в. / О. Н. Вилков // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1969. — С. 40—92.
6. Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. / О. Н. Вилков. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. — 368 с. — ISBN 5-02-029381.
7. Гавлин М. Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII—XIX вв. / М. Л. Гавлин // Экономическая история. Обзорение. — Москва : Издательство МГУ, 2007. — Выпуск 13. — С. 127—139.
8. Генин В. Описание уральских и сибирских заводов, 1735 / В. Генин. — Москва : История заводов, 1937. — 656 с.
9. Задорожная О. А. Ремесленники и ремесленное производство тобольской губернии (XVIII—XIX вв.) / О. А. Задорожная // Северный регион: наука, образование, культура. — 2020. — № 2 (46). — С. 7—15. — DOI: 10.34822/2312-377X-2020-2-7-15.
10. Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири / В. П. Зиновьев. — Томск : Издательство Томского университета, 2007. — 258 с. — ISBN 978-5-7511-1791-8.
11. Зиновьев В. П. Традиции Сибирского винокурения в XVIII—XIX вв. / В. П. Зиновьев // Вестник Томского государственного университета. История. — 2008. — № 1 (2). — С. 13—23.
12. Зиновьев В. П. Промышленность, промыслы, ремесла и торговля в Сибири в XVIII в. — 1820-е гг. / В. П. Зиновьев // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 409. — С. 61—67. — DOI: 10.17223/15617793/409/9.
13. Зиняков Н. М. Кузнечное производство г. Тобольска XVII—XVIII вв. (металлографическое исследование хозяйственного инвентаря) / Н. М. Зиняков // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 4 (52). — Т. 1. — С. 46—52.
14. Зиняков Н. М. Железообрабатывающее производство русского населения Западной Сибири в XVII—XVIII вв. : традиции и новации (на примере г. Тобольска) / Н. М. Зиняков // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 5 (43). — С. 56—58. — DOI: 10.17223/19988613/43/11.
15. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / ред. А. П. Окладников. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1968. — Т. 2. — 468 с.

16. *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. : Опыт исследования по уральской металлургии / Б. Б. Кафенгауз. — Москва ; Ленинград, 1949. — Т. 1. — 524 с.
17. *Кабо Р. М.* Города Западной Сибири / Р. М. Кабо. — Москва : Государственное издательство географической литературы, 1949. — 217 с.
18. *Копылов Д. И.* Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. / Д. И. Копылов. — Свердловск : Свердловский государственный пединститут, 1973. — 264 с.
19. *Курлаев Е. А.* Строительство заводов на Урале в 1699—1700 гг. : планы и реальность / Е. А. Курлаев // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2008. — № 55. — Выпуск 15. — С. 217—226.
20. *Курлаев Е. А.* Военное производство и ремонт оружия в восточных регионах России в XVII — начале XVIII века / Е. А. Курлаев // Война и оружие. Новые исследования и материалы : труды Седьмой междунар. науч.-просвет. конф. — Санкт-Петербург : ВИМАИВиВС, 2016. — Ч. 3. — С. 218—229.
21. *Курлаев Е. А.* Формирование центров производства военной и металлургической продукции на Урале в XVII — первой четверти XVIII в. / Е. А. Курлаев // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII—XXI вв. : материалы XIII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 18—19 октября 2018 г. : в 2-х т. — Екатеринбург : УрО РАН, 2018. — Т. 1. — С. 53—62. — ISBN 978-5-7691-2504-1.
22. *Кухтерин С. А.* Традиционное судостроение в Западной Сибири XVII—XIX вв. по материалам исследований НПО «Северная археология-1» с 2001 по 2018 гг. / С. А. Кухтерин // Журнал института наследия. — 2020. — № 4 (23). — С. 1—8. — DOI: 10.34685/НИ.2020.85.57.001.
23. *Леонтьева Г. А.* Денежный бюджет Сибири и его место в составе поступлений от торговли в конце XVII — начале XVIII в. / Г. А. Леонтьева // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. — Новосибирск : [б. и.], 1990. — С. 90—104.
24. *Махрова Т. К.* Из истории винного откупа и питейного корчемства на Урале в конце XVIII — первой половине XIX в. / Т. К. Махрова // Правопорядок : история, теория, практика. — 2015. — № 2 (5). — С. 100—107.
25. *Роев Д. В.* Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII — начало XVIII в.) / Д. В. Роев. — Новосибирск : Сова, 2005. — 276 с. — ISBN 5-87550-229-0.
26. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — Новосибирск : Вен-Мер, 1995. — 676 с.
27. *Старцев А. В.* Предпринимательство в Сибири : исторический опыт (XVII — начало XIX вв.) / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. — 2-е. изд.-е. — Барнаул : Азбука, 2014. — 214 с. — ISBN 978-5-93957-763-2.
28. *Туров С. В.* Крестьянские деревообрабатывающие промыслы и состояние лесов Зауралья в XVIII — первой половине XIX вв. / С. В. Туров // Уральский сборник. История. Культура. Религия. — 1997. — Выпуск 1. — С. 163—168.
29. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония : современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее : к юбилею трехсотлетия / Н. М. Ядринцев. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1882. — 471 с.

Material resources

Census book of 1698. (1885). Moscow. 70—96. (In Russ.).

- GATO — *State Budgetary Institution of the Tyumen region "State Archive of the Tyumen region"*. (In Russ.).
- GBUTO GA in Tobolsk — *State budgetary institution of the Tyumen region State Archive in Tobolsk*. (In Russ.).
- PSZRI — *The Complete collection of laws of the Russian Empire: The First Collection. From 1649 to December 12, 1825*. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russ.).
- RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts*. (In Russ.).

References

- Balandin, S. N. (1981). The beginning of Russian stone construction in Siberia. In: *Siberian cities of the XVII — early XX century*. Novosibirsk: [b. i.]. 174—196. (In Russ.).
- Balyunov, I. V. (2012). Shoes of rigid forms from the cultural layer of the city of Tobolsk of the XVII century. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 11 (7): 179—186. (In Russ.).
- Balyunov, I. V. (2015). Woodworking in the city of Tobolsk at the end of the XVI—XVII century (based on the materials of archaeological research). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology*, 14 (7): 210—217. (In Russ.).
- Gavlin, M. L. (2007). The question of wine purchases in the history of legislation of the Russian Empire. XVIII—XIX centuries. In: *Economic history. Review*, 13. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 127—139. (In Russ.).
- Genin, V. (1937). *Description of Ural and Siberian factories, 1735*. Moscow: History of Factories. 656 p. (In Russ.).
- Kabo, R. M. (1949). *Cities of Western Siberia*. Moscow: State Publishing House of Geographical Literature. 217 p. (In Russ.).
- Kafengauz, B. B. (1949). *The history of the Demidov's economy in the XVIII—XIX centuries: Research experience in Ural metallurgy, 1*. Moscow; Leningrad. 524 p. (In Russ.).
- Kopylov, D. I. (1973). *The manufacturing industry of Western Siberia in the XVIII — first half of the XIX centuries*. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical Institute. 264 p. (In Russ.).
- Kukhterin, S. A. (2020). Traditional shipbuilding in Western Siberia of the XVII—XIX centuries. based on the research materials of the NGO "Northern Archeology-1" from 2001 to 2018. *Journal of the Heritage Institute*, 4 (23): 1—8. DOI: 10.34685/HI.2020.85.57.001. (In Russ.).
- Kurlaev, E. A. (2008). Construction of factories in the Urals in 1699—1700: plans and reality. *Bulletin of the Ural State University. Series 2: Humanities*, 55 (15): 217—226. (In Russ.).
- Kurlaev, E. A. (2018). Formation of centers of production of military and metallurgical products in the Urals in the XVII — first quarter of the XVIII century. In: *Ural industrial. Bakunin readings. Industrial modernization of Russia in the XVIII—XXI centuries: in 2 volumes, 1*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 53—62. ISBN 978-5-7691-2504-1. (In Russ.).
- Kurlaev, E. A. (2016). Military production and repair of weapons in the eastern regions of Russia in the XVII — early XVIII century. In: *War and weapons. New research and materials*, 3. St. Petersburg: VIMAIViVS. 218—229. (In Russ.).
- Leontieva, G. A. (1990). The monetary budget of Siberia and its place in the composition of trade revenues at the end of the XVII — beginning of the XVIII century. In: *Exchange operations cities of Siberia during the period of feudalism*. Novosibirsk: [b. i.]. 90—104. (In Russ.).

- Makhrova, T. K. (2015). From the history of wine buying and drinking in the Urals at the end of the XVIII — first half of the XIX century. *Law and order: history, theory, practice*, 2 (5): 100—107. (In Russ.).
- Roev, D. V. (2005). *The circle yards of the cities of 3 — Western Siberia (the second half of the XVII — the beginning of the XVIII century)*. Novosibirsk: Sova. 276 p. ISBN 5-87550-229-0. (In Russ.).
- Slovtsov, P. A. (1995). *Historical Review of Siberia*. Novosibirsk: Ven-Mer. 676 p. (In Russ.).
- Startsev, A. V., Goncharov, Yu. M. (2014). *Entrepreneurship in Siberia: historical experience (XVII — early XIX centuries)*. Barnaul: ABC. 214 p. ISBN 978-5-93957-763-2. (In Russ.).
- The history of Siberia from ancient times to the present day: in 5 volumes*, 2. (1968). Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. 468 p. (In Russ.).
- Turov, S. V. (1997). Peasant woodworking crafts and the state of the Trans—Urals forests in the XVIII — first half of the XIX centuries. *Ural collection. History. Culture. Religion*, 1: 163—168. (In Russ.).
- Vilkov, O. N. (1969). Russian goods on the Tobolsk market in the XVII century. In: *Economics, Management and culture of Siberia of the XVI—XIX centuries*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 40—92. (In Russ.).
- Vilkov, O. N. (1967). *Craft and trade of Western Siberia in the XVII century*. Moscow: Nauka. 324 p. (In Russ.).
- Vilkov, O. N. (1990). *Essays on the socio-economic development of Siberia at the end of the XVI — beginning of the XVIII century*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 368 p. ISBN 5-02-029381. (In Russ.).
- Yadrintsev, N. M. (1882). *Siberia as a colony: the current situation of Siberia, its needs and requirements, its past and future: to the anniversary of the tercentenary*. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich. 471 p. (In Russ.).
- Zadorozhnaya, O. A. (2020). Artisans and handicraft production of Tobolsk province (XVIII—XIX centuries). *Northern region: science, education, culture*, 2 (46): 7—15. DOI: 10.34822/2312-377X-2020-2-7-15. (In Russ.).
- Zinoviev, V. P. (2007). *Industrial cadres of old Siberia*. Tomsk: Tomsk University Press. 258 p. ISBN 978-5-7511-1791-8. (In Russ.).
- Zinoviev, V. P. (2016). Industry, crafts, crafts and trade in Siberia in the XVIII century — 1820s. *Bulletin of Tomsk State University*, 409: 61—67. DOI: 10.17223/15617793/409/9. (In Russ.).
- Zinoviev, V. P. (2008). Traditions of Siberian distilling in the XVIII—XIX centuries. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 1 (2): 13—23. (In Russ.).
- Zinyakov, N. M. (2012). Forge production of Tobolsk XVII—XVIII centuries. (metallographic study of household inventory). *Bulletin of Kemerovo State University*, 4 (52) / 1: 46—52. (In Russ.).
- Zinyakov, N. M. (2016). Ironworking production of the Russian population of Western Siberia in the XVII—XVIII centuries: traditions and innovations (on the example of Tobolsk). *Bulletin of Tomsk State University. History*, 5 (43): 56—58. DOI: 10.17223/19988613/43/11. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.11.2022,
одобрена после рецензирования 23.12.2022,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



Тычинских З. А. Социокультурная инфраструктура татарских сельских поселений Тобольской губернии в начале XX века / З. А. Тычинских, Д. Ю. Федотова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 517—535. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-517-535.

Tychinskikh, Z. A., Fedotova, D. Yu. (2023). Sociocultural Infrastructure of Tatar Rural Settlements of Tobolsk Province at Beginning of 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 517-535. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-517-535. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-517-535

Социокультурная инфраструктура татарских сельских поселений Тобольской губернии в начале XX века

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна

orcid.org/0000-0002-5378-8909
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
zaituna.09@mail.ru

Федотова Дарья Юрьевна

orcid.org/0000-0002-9832-8914
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
dashulya-23@bk.ru

Тобольская комплексная
научная станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

Sociocultural Infrastructure of Tatar Rural Settlements of Tobolsk Province at Beginning of 20th Century

Zaituna A. Tychinskikh

orcid.org/0000-0002-5378-8909
PhD in History,
senior researcher
zaituna.09@mail.ru

Daria Yu. Fedotova

orcid.org/0000-0002-9832-8914
PhD in Philology,
research scientist
dashulya-23@bk.ru

Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

© Тычинских З. А., Федотова Д. Ю., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена характеристике социокультурного облика населения татарских сельских поселений Тобольской губернии в начале XX века. Прослеживается динамика численности населения и числа поселений за вторую половину XIX — начало XX века (по сведениям списков населенных мест Тобольской губернии). Авторы акцентируют внимание на рассмотрении социокультурной инфраструктуры татарских сельских поселений. Под ней понимается совокупность объектов непроизводственной сферы (религиозные, образовательно-просветительские учреждения, объекты здравоохранения и связи). Выявляют региональные и этнические особенности интеграции татарского населения в общероссийскую систему в рассматриваемый период. В стране прошли реформы, направленные на унификацию системы управления и активную интеграцию национальных окраин в общегосударственные процессы. Отмечалось ускорение миграционных процессов. Оно обусловило нарушение прежней обособленности сельских татарско-мусульманских сообществ. Прибывающие в регион переселенцы способствовали активному развитию товарно-денежных отношений. Росли образовательные и культурные потребности татарского населения. Общероссийские процессы вызвали необходимость приспособления к новым реалиям, в связи с чем происходит модернизация внутри конфессиональной системы образования.

Ключевые слова:

Тобольская губерния; татарское население; сельские поселения; демография; социокультурная инфраструктура; мусульманское образование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the characteristics of the socio-cultural image of the Tatar rural settlements of the Tobolsk province population at the beginning of the 20th century. The dynamics of the population and the number of settlements for the second half of the 19th — early 20th centuries are traced (according to the lists of settlements in the Tobolsk province). The authors focus on the consideration of the socio-cultural infrastructure of the Tatar rural settlements. It is understood as a set of objects of the non-productive sphere (religious, educational institutions, healthcare facilities and communications). They reveal regional and ethnic features of the integration of the Tatar population into the all-Russian system in the period under review. The country has undergone reforms aimed at unifying the management system and actively integrating the national outskirts into national processes. There was an acceleration of migration processes. It caused a violation of the former isolation of the rural Tatar-Muslim communities. Settlers arriving in the region contributed to the active development of commodity-money relations. The educational and cultural needs of the Tatar population grew. All-Russian processes have caused the need to adapt to new realities, in connection with which there is a modernization within the confessional education system.

Key words:

Tobolsk province; Tatar population; rural settlements; demography; sociocultural infrastructure; Muslim education.

УДК 94(=1.571.12=512.1)“191”

Социокультурная инфраструктура татарских сельских поселений Тобольской губернии в начале XX века

© Тычинских З. А., Федотова Д. Ю., 2023

1. Введение = Introduction

Происходившие со второй половины XIX века в Российской империи модернизационные процессы, катализатором которых стали реформы 1860—1870-х годов, начинают постепенно захватывать территории российских окраин, в том числе Сибирь. И хотя в целом они происходили здесь довольно медленно и большая часть населения региона, как русского, так и аборигенного, жила еще в условиях традиционности, эти процессы с XX века приобретают более комплексный и динамичный характер, что способствовало ускорению включения региона в общероссийский контекст.

Особое положение занимало «инородческое» население Западной Сибири, имевшее свои культурные, экономические и духовные особенности. Одной из крупных этнических общностей, проживавших на территории Тобольской губернии, были сибирские татары, численность которых, по переписи 1897 года, составляла 56 957 человек, или 3,97 % всего населения региона [Первая всеобщая перепись ..., 1905, с. XXXII].

Актуальность обращения к изучению демографических, социально-экономических и социокультурных характеристик татарского населения в определенные исторические периоды вызвана как возможностью рассмотрения динамики численности, тенденций развития миграционных, урбанизационных и иных процессов, так и необходимостью выявления региональных и этнических особенностей интеграции населения в общегосударственную систему. Характер произошедших изменений на начало XX века возможно проследить лишь при изучении ситуации на определенном временном отрезке, в связи с чем нами анализируется динамика роста численности, уровня развития инфраструктуры со второй половины XIX по начало XX веков.

Целью работы является изучение социокультурного облика татарских сельских поселений Тобольской губернии в начале XX столетия на основе рассмотрения их социокультурной инфраструктуры, под которой в настоящее время принято понимать совокупность объектов производственной сферы (здравоохранения, образования, культуры и т. д.), а также выявление динамики изменений, происходивших на рубеже XIX—XX веков.

Новизна исследования видится в том, что впервые в исторической динамике рассматривается процесс формирования сельских татарских посе-

лений во второй половине XIX — начале XX веков, выявляются объекты социокультурной инфраструктуры этих поселений, производится сравнение с данными объектами в целом по Tobolskoy губернии, что позволяет выявить особенности их развития в начале XX века и степень включенности в общероссийские процессы.

2. Материал, метод, обзор = Material, Methods, Review

Отдельные аспекты этнографического, демографического, социокультурного, экономического и религиозного развития татарского населения Западной Сибири рассматривались в работах исследователей Н. А. Томилова, С. Н. Корусенко, И. Б. Гарифуллина и др. [Томилов, 1997, 2011 и др.; Гарифуллин, 2001; Корусенко и др., 2015; Титов, 2013; Тихомиров и др., 2021 и др.]. Проблемы историко-демографического развития татарского населения Западной Сибири в сравнительно-историческом контексте с другими группами татар регионов России анализировались в трудах Д. М. Исхакова [Исхаков, 2014 и др.]. Вопросы исторического развития сибирских татар, в том числе проблемы конфессионального образования в исследуемый период (конец XIX — начало XX века), рассмотрены в работах Ф. Т. Валеева, З. А. Тычинских, Г. Т. Бакиевой, Ю. У. Сафаралеевой [Валеев, 1993; Бакиева, 2003; Сафаралеева, 2008 и др.].

Значимый вклад в изучение сельских поселений Западной Сибири внесли Н. А. Балюк, В. А. Зверев, А. И. Татарникова и др. [Балюк, 1997; Зверев, 1998; Татарникова, 2013а, 2013б].

Исследование татарского населения в конце XIX — начале XX веков на основе статистических данных занимает значимое место в работах одного из авторов данной статьи [Тычинских, 2018; Тычинских, 2021 и др.], в которых на материалах Первой Всеобщей переписи населения 1897 года рассматривались этнодемографические, урбанизационные процессы, а также сословная структура и занятия татарского населения Tobolskoy губернии.

Вместе с тем комплексного анализа социокультурного развития татарских сельских поселений до настоящего времени не предпринималось. В данной работе мы обратимся к рассмотрению этого вопроса на основе изучения социокультурной инфраструктуры сельских поселений сибирских татар.

Основной источниковой базой для исследования стали статистические издания «Списки населенных мест ...» за 1871, 1904 и 1912 годы (они отражают ситуацию, соответственно, на 1868—69, 1903 и 1909 годы), материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, Памятные книжки Tobolskoy губернии, в которых приводятся статистические данные, позволяющие сделать анализ социокультурной ситуации в рассматриваемый период.

В исследовании используются традиционные для исторической науки методы: системный, историко-сравнительный, проблемно-исторический на основе принципов историзма, объективизма и системности. В результате применения статистического метода дана количественная характеристика сельского татарского населения, религиозных и образовательных учреждений, других объектов социокультурной инфраструктуры в рассматриваемый период. Методологическую основу работы составило сочетание общенаучных положений, принципов и методов исторической науки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Демографические показатели и типология поселений

Сибирские татары жили, в основном, в сельских округах Тобольской и Томской губерний. Близость хозяйственного уклада, чересполосное размещение с русскими селами, давность совместного проживания приводили к определенному межкультурному взаимодействию и взаимообмену, но вместе с тем религиозные отличия, устойчивость традиционных норм и обычаев, сложившаяся веками обособленная система мусульманского образования сохраняли определенную сегрегативность татарского населения губерний и довольно слабую включенность в общеимперские процессы.

Как отмечает И. В. Побережников, в целом для поселенческой сети Тобольской губернии в рассматриваемый период была характерна «интенсификация хозяйственно-экономической интеграции в рыночную макроструктуру страны» [Побережников, 2013, с. 23]. Происходит постепенное формирование многоукладного комплекса хозяйственных связей пришлого и коренного населения.

Пореформенный период характеризуется активностью миграционных процессов, особенно усилившихся в начале XX века. В последней трети XIX века в Сибирь, ставшую регионом земледельческой колонизации, устремляется значительный поток переселенцев из Европейской части России, включая татар из Волго-Уралья. Д. М. Исхаков приводит данные, по которым в середине XIX века на рынке свободной силы в Казанском крае насчитывалось до 50 тыс. татар [Исхаков, 2014, с. 112]. Во второй половине XIX века многие из них, наряду с крестьянами русских губерний, начинают пополнять ряды мигрантов на восток.

Массовое переселение земледельческого населения в Сибирь связано с проведением Столыпинской реформы и приходится на начало XX века. О масштабах этого процесса говорят цифры, приводимые Д. Н. Беляниным, по которым в 1906—1910 годах в Азиатскую Россию прибыло 2 166 663 души мужского пола (д. м. п.) переселенцев, а в 1911—1914 годах — 873 670 д. м. п. [Белянин, 2011, с. 89].

По данным переписи 1897 года, в Тобольской губернии отмечено 8074 татар-переселенцев из Европейской России. В наибольшем числе они встречаются в лесостепных округах средней полосы региона: в Тарском округе — 2962 (1599 м. п.), в Тобольском округе — 1392 (794 м. п.). Причем, как отмечает С. К. Патканов, они почти в полном составе проживали в селениях местных татарских волостей [Патканов, 1912, с. 50].

Происходившие в стране перемены, в том числе приток значительного числа мигрантов, не могли не затронуть татарское население Тобольской губернии. Рассмотрим, как эти процессы отразились на татарских сельских поселениях и их жителях. Наглядно представить происходившие демографические изменения позволяют статистические данные [Список ..., 1871; Список ..., 1912; Первая Всеобщая перепись ..., 1905].

При рассмотрении динамики численности татарского населения в течение второй половины XIX века выявляется следующая ситуация. Общая численность татар в губернии в 60-е годы XIX века составляла 37 153 человек [Список ..., 1871, с. 80]. В конце столетия их численность составила 56 957 человек. Практически всё татарское население губернии (99,3 % в середине XIX века и 98 % — в конце) было сосредоточено в четырех округах — Тобольском, Тюменском, Тарском и Ялуторовском.

Далее (табл. 1, 2) представлено административно-территориальное деление Тарского, Тобольского, Тюменского и Ялуторовского округов Тобольской губернии в начале XX веков. При сравнении с материалами второй половины XIX века можно наблюдать, что татарские и бухарские волости указанных округов сохранились до начала XX века с незначительными изменениями [Список ..., 1871; Список ..., 1912].

Ранее нами была рассмотрена ситуация по татарским поселениям во второй половине XIX века, где в указанных четырех округах зафиксировано 236 татарских поселений [Тычинских, 2021, с. 416].

Сравнивая эти данные со сведениями начала XX века, приведенными в «Списке населенных мест» за 1912 год, видим следующую картину. Татарское население по-прежнему проживало в сельских поселениях 4-х уездов Тобольской губернии, из них в Тобольском уезде насчитывалось 115 татарских поселений, в Тарском — 70, Тюменском — 53, Ялуторовском — 18. Наблюдается значительное увеличение числа населенных пунктов с численностью свыше 200 человек. Число небольших поселений с числом жителей менее 50 человек составило в рассматриваемых уездах 25, с числом жителей от 51 до 100 человек — 40 поселений, от 101 до 500 человек — 166 и свыше 500 жителей — 14. Наиболее крупными поселениями были юрты Ембаевские в Тюменском уезде с численностью 1344 человека, а также Тукузские — 843 жителя [Список, 1912]. Таким образом, наблюдается поло-

Таблица 1

Численность татар в сельских поселениях Тобольской губернии
в начале XX века

Название уезда	Название уезда, волости	Кол-во сельских обществ	Мужчины	Женщины	Всего
Тобольский	Бухарская	4	1674	1680	3354
	Вагайская	4	3713	3131	6844
	Истятская	2	502	418	920
	Карагайская	2	641	1605	2219
	Надцинская	1	460	411	871
	Оброчных чувальщиков	3	583	618	1201
	Тоболтуринская	5	1469	1570	3039
	Тукузская	3	1469	1570	3039
	Эскалбинская	3	912	705	1617
	Всего	27	11423	8608	20839
Тюменский	Бухарская	11	2001	1667	3668
	Калымская	2	524	425	949
	Кашегальская	12	3209	2795	4004
	Кречетинская	5	703	643	1346
	Нердинская	3	1619	1738	3357
	Всего	33	8056	7268	13324
Ялуторовский	Авазбакеевская	8	1766	1605	3371
	Сингульская	9	1482	1271	2759
	Всего	17	3248	2876	6130
Тарский	Аялынская	23	2166	2145	4602
	Бухарская	7	2223	1867	4090
	Коурдакская	8	1286	1180	2466
	Саргатская	7	1072	854	1926
	Тавско-Утузская	5	524	494	1018
	Всего	50	7271	6540	14102
	Итог	127	29998	25269	54395

Рассчитано по: [Список, 1912].

жизельная динамика как роста селений, так и численности населения в них. При этом увеличение населения на рубеже XIX—XX веков происходит за счет роста рождаемости и, в определенной степени, усилившихся миграционных процессов. Практически все переселенцы-татары из Волго-Уралья

поселялись в деревнях сибирских татар. В связи с этим исследователями подмечено, что именно из-за массового притока во второй половине XIX — начале XX веков на территорию Западной Сибири татар из Волго-Уральского региона у местного татарского населения появилась потребность отличать себя от пришлого. С этим, скорее всего, было связано утверждение самоназвания *себертатарлар* (сибирские татары).

За этот период происходит значительное укрупнение ряда населенных пунктов. В Тобольском уезде в течение 10 лет исчезают юрты Кошуковские, Мало-Кускургульские, Мало-Носкинбашевские, Тапкины Вторые, Тонково-лошинские, Новоагитские. Появляются Лешаковские, в Тарском уезде исчезают Тортотакский и Тоскинский выселки, появляется Сулашинские юрты, в Тюменском уезде не фиксируется Мезенский завод, к которому был прикреплен 21 человек, и Мало-Матмасовские юрты [Список ..., 1912].

Приведем данные в целом по численности населения в рассматриваемых уездах (Тобольском, Тюменском, Ялуторовском и Тарском). Так, общая численность населения в них составляла в начале XX века 314 445 мужчин и 316 723 женщины, из которых татарское население, проживающее в селах, составляло 9,54 % мужчин и 7,98 % женщин соответственно. Всего по данным уездам это 17,52 % от общей численности населения Тобольской губернии [Список, 1912].

3.2. Социокультурная инфраструктура

Социокультурная инфраструктура, по мнению исследователей сельских поселений Западной Сибири, в изучаемый период включала в себя такие элементы, как религиозные, образовательно-просветительные учреждения, а также объекты здравоохранения и связи [Татарникова, 2013а, с. 311].

3.2.1. Религиозные учреждения

Сибирские татары на протяжении столетий исповедовали ислам. Мусульманская организация находилась в ведении Оренбургского Духовного магометанского собрания (ОДМС). В начале XX века в татарских поселениях происходит активное строительство мечетей. Так, если по данным 1903 года в четырех уездах Тобольской губернии насчитывалась 151 мечеть, то по сведениям 1909 года в губернии было уже 167 мечетей (табл. 2, 3). Таким образом, за этот короткий период количество мечетей увеличилось на 16.

Самое большое число мечетей — 93 — было в Тобольском уезде, 35 — в Тюменском, 38 — в Тарском, в Ялуторовском уезде насчитывалось 16 мечетей [Список ..., 1912]. При сравнении количества поселений и числа мечетей видим, что мечети действовали почти в каждом населенном пункте, а в таких крупных селениях, как, к примеру, юрты Ембаевские, было 2 мечети, в юртах Тукузских — 3.

Таблица 2

Социокультурное развитие татарских поселений Тобольской губернии
на 1903 год

Уезды	Волости	Количество селений	Количество мечетей	Количество магометанских училищ	Количество гос. школ
Тобольский	Бухарская	46	30	11	—
	Вагайская	24	8	1	—
	Истятская	2	1	—	—
	Карагайская	8	1	—	—
	Надцинская	5	4	—	—
	Оброчных чувальщиков	3	—	—	—
	Отдельно-Баба-санская	6	4	4	—
	Тобольская городовая	9	2	—	—
	Уватская	4	3	—	—
	Бывше-Эскалбинская	19	5	—	—
	Всего	126	56	18	—
Тюменский	Бухарская	12	10	8	—
	Калымская	10	4	—	—
	Кашегальская	31	21	22	—
	Кречетинская	5	3	—	—
	Нердинская	5	3	2	—
Ялуторовский	Всего	63	41	32	—
	Авазбакеевская	9	8	1	—
	Сингульская	10	8	—	—
Тарский	Всего	19	16	—	—
	Аялынская	31	19	13	—
	Бухарская	16	7	—	—
	Коурдакская	14	5	—	—
	Саргатская	8	4	—	—
	Тавско-Утузская	5	3	4	—
	Всего	74	38	17	—
Итог		282	151	68	—

Рассчитано по: [Список ..., 1904].

Таблица 3

Социокультурное развитие татарских поселений Тобольской губернии
на 1909 год

Уезды	Волости	Количество селений	Количество мечетей	Количество магометанских училищ ¹	Количество гос. школ
Тобольский¹	Бухарская	44	25	8	0
	Вагайская	22	18	—	1
	Истятская	7	5	—	—
	Карагайская	4	8	2	—
	Надцинская	5	-	2	—
	Оброчных чувальщиков	4	8	—	—
	Тоболтуринская	15	17	—	—
	Тукузская	3	6	5	—
	Эскалбинская	15	6	—	—
	Всего	119	93	17	1
Тюменский	Бухарская	11	12	—	—
	Калымская	9	—	—	—
	Кашегальская	24	18	—	—
	Кречетинская	5	3	3	—
	Нердинская	17	2	1	1
	Всего	66	35	4	1
Ялуторовский	Авазбакевская	8	8	8	-
	Сингульская	10	-	-	-
	Всего	18	8	8	-
Тарский	Аялынская	22	19	-	-
	Бухарская	15	8	-	-
	Коурдакская	13	-	-	-
	Саргатская	9	-	-	-
	Тавско-Утузская	5	4	-	-
	Всего	64	31	-	-
	Итог	267	167	29	2

Рассчитано по: [Список ...,1912].

¹ Существенная разница в количестве «магометанских училищ» по таблицам 2, 3 связана с тем, что в данных за 1909 год указаны только медресе, без мектебе.

3.2.2. Образовательно-просветительные учреждения

Важной составляющей социокультурной инфраструктуры татарских сельских поселений были образовательно-просветительные учреждения. Вплоть до революции 1917 года система образования татарского населения Сибири носила сугубо конфессиональный характер. Образовательные учреждения были двух типов: мектеб (начальная школа) и медресе (средняя и высшая школа). В мектебе дети обучались чтению и письму, осваивали азы исламского вероучения. Мектебы в деревнях находились при мечетях, которые, как было сказано выше, были практически во всех татарских селах. Организатором учебного процесса был местный имам (мулла), который обычно занимался обучением детей сам. В селениях, где не было муллы и мечети, занятия проводили грамотные мусульмане или учащиеся медресе. «В редких татарских селениях нет мечети и муллы при ней, и в этом отношении дети татар поставлены в лучшие условия, чем крестьян» [Юрцовский, 1923, с. 53].

Исследователями уже неоднократно приводились данные переписи 1897 года по грамотности населения Тобольской губернии, по которым уровень грамотности татар был значительно выше других народов губернии, включая русских. При этом следует отметить, что 93,3 % татар были обучены татарской грамоте. Процент владевших русской грамотой был значительно ниже. Данный факт свидетельствует об определенной «закрытости» татаро-мусульманского сообщества.

Дальнейшее обучение выпускники мектебе проходили в медресе. В начале XX века в сельских округах Тобольской губернии насчитывалось 29 медресе (табл. 3). Наиболее известными среди них в Тобольском уезде были медресе в юртах Казанских, Тукузских, Турбинских, Вагайских, Кызылбаевских, Комаровских, в Тюменском уезде — в юртах Ембаевских, Тураевских.

Следует отметить, что в этот период в целом по губернии происходит рост общеобразовательных учреждений. Исследователи отмечают, что во второй половине XIX века количество учебных заведений в сельских поселениях Тобольской губернии было незначительным. Так, по подсчетам А. И. Татарниковой, к 1880 году только 7 % сельских поселений имели общеобразовательные школы, «из которых треть находилась на расстоянии до 10 верст от местонахождения школ, остальные располагались на таком расстоянии от школ, что дети не имели возможности их посещать» [Татарникова, 2013а, с. 312]. С начала XX века начинается период планомерного создания школьной сети в селе. Задача культурно-образовательного развития была актуализирована, в числе прочего, строительством Транссибирской железной дороги и ростом переселенческого движения. К 1904 году уже в 2210 поселениях Западной Сибири действовали образовательные

учреждения. «В среднем одно учебное заведение приходилось на каждое четвертое селение» [Татарникова, 2013а, с. 313].

Что касается ситуации с татарским населением, то принятое в 1874 году «Положение о начальных народных училищах» было направлено на полное подчинение всей системы школьного образования, в том числе мусульманского, правительству и Русской православной церкви, так как все конфессиональные школы должны были перейти в ведение Министерства народного просвещения. Но, несмотря на принятое положение, мектебе и медресе по-прежнему оставались «как бы совершенно автономными учреждениями, в которые не заглядывает ничей посторонний глаз» [Алекторов, 1908, с. 7]. В начале XX века отмечено появление государственных школ и в татарских волостях. Так, по таблице 3 видим, что два таких учебных заведения появились в Тобольском и Тюменском уездах. Но татарское население с осторожностью относилось к нововведениям.

К. Ноак отмечал, что для татарского населения Российской империи был характерен достаточно высокий уровень грамотности на родном языке, в то же время уровень грамотности на русском языке был высоким только у городских татар [Ноак, 1998, с. 155]. Аналогичная ситуация складывается и у татар Тобольской губернии. В начале XX века у них сохранялась прежняя конфессиональная система образования. Вместе с тем в этой системе постепенно начинают происходить существенные преобразования, связанные с запросами времени. «Тюрко-мусульманскому сообществу Сибири также требовалась современная система образования, которая наряду с богословием учила бы практическим предметам: бухгалтерии, географии, русскому и иностранным языкам, в связи с чем богатые предприниматели, заинтересованные в подготовке квалифицированных специалистов из среды татар, брали на себя обеспечение реформированных (джадидских) медресе» [Тычинских, 2018, с. 162—163]. Интересным представляется факт, что в Сибири джадидские медресе появились прежде всего в сельских поселениях, таких как юрты Ембаевские, Турбинские и др.

3.2.3. Библиотеки

Рост общего уровня культурно-образовательного развития сибирского населения в начале XX века, а также принимаемые государством в этом направлении планомерные меры привели к созданию библиотек и читален. Так, по данным на 1903 года, в 78 населенных пунктах Тобольской губернии существовали библиотеки и читальни. А к 1909 году их число выросло почти в полтора раза. А. И. Татарникова отмечает рост плотности библиотечной сети: в среднем по губернии 1 библиотека приходилась на 48 русских сельских поселений [Татарникова, 2013б, с. 146].

Что касается татарских поселений Тобольской губернии, то здесь складывалась иная ситуация. В связи с тем, что татары в подавляющем большинстве (93,3 %), как мы уже отмечали ранее, были грамотны в отношении владения основами письма на родном языке, формирующаяся библиотечная сеть татарские селения не охватывала. Вместе с тем происходит формирование книжных собраний при медресе, а также частных библиотек. Известно, что в начале XX века появляются татарские библиотеки в сибирских городах (Тобольске, Омске, Таре), но следует отметить, что они имелись также в сельских поселениях. К примеру, наиболее известной являлась библиотека в с. Ембаево Тюменского уезда, которая была создана на средства Нигматуллы Сайдукова (Кармшакова) [Валеев, 1993, с. 134].

Проведение в 1905 году реформы арабского алфавита сделало его более удобным и легкочитаемым, что, безусловно, имело следствием бурное развитие в начале XX века книгопечатания на татарском языке. Книги издавались в Казани, Петербурге, Оренбурге. Сибирские татары, находившиеся в едином татаро-мусульманском культурно-образовательном ареале, читали произведения ученых-просветителей Ш. Марджани, К. Насыри, Р. Фахрутдинова, Р. Ибрагимова. Широкому кругу читателей были известны произведения Г. Тукая, Ф. Амирхана, М. Гафури и других татарских писателей и поэтов.

В начале XX века появляется значительное число периодических изданий, в которых отражались общественно-политическая жизнь и основные направления развития школьного образования тюркских народов: «Нур», «Таржеман», «Йолдыз», «Ульфат», «Ил», «Шура», «Суз» и др. Эти периодические издания были широко распространены и у татарского населения Тобольской губернии.

3.2.4. Объекты здравоохранения

Исследователи отмечают, что сеть медицинских учреждений Западной Сибири была развита слабо. Так, в начале XX века, как отмечает А. И. Татарникова, «в среднем в Тобольской губернии одно лечебное учреждение приходилось на 84 населенных пункта» [Татарникова, 2013а, с. 313]. Конечно, такая ситуация не удовлетворяла потребности медицинского обслуживания населения. Что касается медицинского обслуживания инородческого населения, в том числе татарского, то положение было еще более сложным.

Е. А. Панишев приводит следующие данные по губернии в середине XIX века: «Врачебный персонал Тобольской губернии насчитывал всего 33 человека: врачей городских — 11, окружных — 9, повивальных бабок городских — 11, окружных — 2» [Панишев, 2009, с. 134—138]. Таким образом, видим, что в городах один врач приходился на 7041 человек, а в сельской местности — на 112 239 человек.

Такое проблемное положение с объектами здравоохранения сохранялось вплоть до 80-х годов XIX века. В пореформенный период в медицинском обслуживании Тобольской губернии происходят определенные изменения. К 1893 году здесь уже насчитывалось 22 лечебных заведения. С 1890-х годов штатные врачи начинают расселяться по деревням. По данным 1896 года, в уездах работало 14 врачей, а в 1910 году — уже 43 [ПКТГ, 2011; Путеводитель ..., 2011, с. 8]. К 1913 году в Тобольской губернии существовало 90 лечебных заведений в 70 населенных пунктах [Путеводитель ..., 2011, с. 35].

Такая ситуация складывалась в целом по сельским поселениям Тобольской губернии; что касается татарских поселений, то специальной информации по ним нет. Данные полевых исследований позволяют говорить об отсутствии специализированных лечебных учреждений в татарских деревнях. Лечебные функции выполнялись обычно знахарями «имце», «табибце», а также муллами, использовавшими траволечение, заговоры, лечение пиявками и другие методы традиционной народной медицины [Зиннатуллина, 2013].

3.2.5. Объекты связи

На рубеже XIX—XX веков, когда общий технический прогресс привел к развитию объектов связи, наличие учреждений связи (почтовых или телеграфных контор, почтово-телеграфных отделений, телефонных станций) свидетельствовало об уровне социокультурного развития городских и сельских поселений. В Тобольской губернии они функционировали в каждом из 58 селений [Татарникова, 2013б, С. 151]. Что касается татарских селений губернии, то все эти учреждения, общим числом 11, располагались только в Тобольском уезде [Список ..., 1912, с. 435]. Таким образом, мы видим, что почтовая инфраструктура здесь была наиболее развита. Так же, как и в случае с русскими поселениями, почтовые и телеграфные конторы находились в основном в населенных пунктах, которые были расположены вдоль крупных почтовых и земских трактов. Возможно, основным критерием при создании сети учреждений связи было равномерное ее формирование по всей территории губернии, в связи с чем наибольшее число учреждений связи приходится на Вагайскую волость, где проживало в основном татарское население. Что касается других уездов, то почтовые и телеграфные конторы располагались преимущественно в русских деревнях.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в начале XX века в социокультурном облике татарского населения Тобольской губернии происходят определенные изменения. Несмотря на то, что подавляющее большинство татарского населе-

ния Тобольской губернии проживало в сельской местности, что во многом определяло слабость его включения в общероссийские модернизационные процессы, происходившие в стране социально-экономические изменения не могли его не затронуть. Перемены были связаны с реформами 60—70-х годов XIX века, направленными на унификацию системы управления и более активную интеграцию национальных окраин в общегосударственные процессы, а также со Столыпинской реформой начала XX века. На постепенное нарушение прежней обособленности сельских татарско-мусульманских сообществ серьезно повлияло ускорение миграционных процессов. Активному развитию товарно-денежных отношений также способствовали прибывающие в регион переселенцы. Росли образовательные и культурные потребности татарского населения.

Планомерное формирование государством в начале XX века сети образовательных и медицинских учреждений, происходившее в сельских населенных пунктах Тобольской губернии, слабо затронуло жителей татарских поселений, что было связано с сохранением их традиционного образа жизни и культурно-религиозных особенностей. Вместе с тем общероссийские процессы вызвали необходимость приспособления к новым реалиям, в связи с чем состоялась модернизация внутри конфессиональной системы образования, результатом чего стало появление джадидских медресе.

В начале XX века фиксируется существенный рост численности татарского населения губернии, который был связан как с естественным приростом, так и с усилившимися в пореформенный период активными миграционными процессами. Наблюдается значительный приток переселенцев-татар из Волго-Уралья. Для Тобольской губернии в рассматриваемый период характерно их расселение в сельских поселениях сибирских татар, что во многом обусловило потребность местных татар отличать себя от пришлого населения самоназванием *себертатарлар* (сибирские татары).

Источники и принятые сокращения

1. ПКТГ — *Памятная книжка Тобольской губернии на 1911 год* / под ред. Л. И. Звездина. — Тобольск : Тобольский губернский статистический комитет, 1910. — 272 с.
2. *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург : Издание Центрального статистического комитета МВД. Тобольская губерния. LXXVIII (XLVI), 1905. — 247 с.
3. *Путеводитель по врачебному отделу для Тобольской губернии на Омской выставке 1911 года* : таблицы и объяснительные записки. — Тобольск : Губернская типография, 1911. — 103 с.
4. *Список населенных мест по сведениям 1868—1869 гг. Российской империи*, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. LX. Тобольская губерния. — Санкт-Петербург : Типография МВД, 1871. — 196 с.

5. *Список населенных мест по сведениям 1903 г. Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. LX. Тобольская губерния.* — Тобольск : Губернская типография МВД, 1904. — 341 с.

6. *Список населенных мест по сведениям 1912 г. Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. LX. Тобольская губерния.* — Тобольск : Губернская типография МВД, 1912. — 634 с.

Литература

1. *Алекторов А.* Народное образование в Западно-Сибирском округе с 1897 по 1906 г. / А. Алекторов // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1908. — № 11.

2. *Бакиева Г. Т.* Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.) / Г. Т. Бакиева. — Тюмень, Москва : [б. и.], 2003. — 258 с.

3. *Балюк Н. А.* Тобольская деревня в конце XVI—XIX вв. / Н. А. Балюк. — Тобольск : [б. и.], 1997. — 224 с.

4. *Белянин Д. Н.* Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы / Д. Н. Белянин // Российская история. — 2011. — № 1. — С. 86—95.

5. *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары. Культура и быт / Ф. Т. Валеев. — Казань : Татарское книжное издательство, 1993. — 208 с.

6. *Гарифуллин И. Б.* Очерки истории татарского населения Тюменской области / И. Б. Гарифуллин. — Тюмень : [б. и.], 2001. — 222 с. — ISBN 5-9288-0010-X.

7. *Зиннатуллина Г. И.* Народные медицинские знания тоболо-иртышской группы сибирских татар / Г. И. Зиннатуллина. — Казань : [б. и.], 2013. — 140 с.

8. *Зверев В. А.* Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861—1917 гг.) / В. А. Зверев. — Новосибирск : Издательство НГПУ, 1998. — 119 с.

9. *Корусенко С. Н.* Демографическая и географическая характеристики / С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов // История и культура татар Западной Сибири. Колл. монография под ред. З. А. Тычинских. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. — С. 36—44.

10. *Ноак К.* Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования наций (конец XIX — начало XX в.) / К. Ноак // Отечественная история. — 1998. — № 5. — С. 147—158.

11. *Исхаков Д. М.* Историческая демография татар / Д. М. Исхаков. — Казань : Фэн АН РТ, 2014. — 440 с. — ISBN 978-5-9690-0229-6.

12. *Панишев Е. А.* Медицинское обслуживание и охрана здоровья населения Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX века / Е. А. Панишев // Молодой ученый. — 2009. — № 9 (9). — С. 134—138.

13. *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) : [В 3-х т.] / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург, 1911—1912. — Т. 1 : Сводные таблицы и краткие выводы. — 1912. — 196 с.

14. *Побережников И. В.* Региональные варианты российской фронтальной модернизации : сравнительный подход / И. В. Побережников // Региональный фактор модернизации России XVIII—XX вв. Сборник научных статей / Отв. ред. В. В. Алексеев. — Екатеринбург : ООО «УИПЦ», 2013. — С. 18—27. — ISBN 978-5-4430-0051-0.

15. Сафаралеева Ю. У. Духовные всходы : Очерки просвещения и культуры татар Прииртышья второй половины XIX — первой трети XX вв. / Ю. У. Сафаралеева. — Тюмень : Вектор Бук, 2008. — 200 с. — ISBN 978-5-91409-053-8.

16. Татарникова А. И. Социокультурная инфраструктура сельских поселений Западной Сибири начала XX в. под воздействием модернизационных процессов / А. И. Татарникова // Региональный фактор модернизации России XVIII—XX вв. — Екатеринбург : Издательство Уральского издательский полиграфический центр, 2013а. — С. 310—315.

17. Татарникова А. И. Сеть сельских поселений Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века : масштабы и социальное развитие / А. И. Татарникова. — Tobolsk : ТКНС УрО РАН, 2013б. — 236 с. — ISBN 978-5-9288-0237-0.

18. Титов Е. В. Организация пространства поселенческих комплексов татар Тарского Прииртышья / Е. В. Титов // Вестник КрасГАУ. — 2013. — № 8 (83). — С. 253—259.

19. Тихомиров К. Н. Освоения территорий Среднего Прииртышья татарами в XVIII — начале XX века (по материалам археологических исследований) / К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2021. — Т. 21. — С. 685—689. — DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0685-0689.

20. Томилов Н. А. Сибирские татары : опыт проживания в диаспоре / Н. А. Томилов // Народы Сибири : права и возможности. — Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. — С. 32—33. — ISBN 5-7803-0013-5.

21. Томилов Н. А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири XVIII—XIX вв. / Н. А. Томилов. — Омск : Наука, 2011. — 224 с. — ISBN 978-5-98806-140-3.

22. Тычинских З. А. Социокультурная характеристика сибирских татар в пореформенный период (по материалам первой всеобщей переписи 1897 г.) / З. А. Тычинских // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2018. — Т. 4. — № 3. — С. 153—166. — DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-153-166.

23. Тычинских З. А. Татарское население Западной Сибири во второй половине XIX — первой трети XX веков : историко-демографическая характеристика / З. А. Тычинских // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 411—425. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-411-425.

24. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири / Н. С. Юрцовский. — Ново-Николаевск : Сибирское областное государственное издательство, 1923. — Выпуск 1.

Material resources

A commemorative book of the Tobolsk province for 1911. (1910). Tobolsk: Tobolsk Provincial Statistical Committee. 272 p. (In Russ.).

Guide to the medical department for the Tobolsk province at the Omsk exhibition of 1911: tables and explanatory notes. (1911). Tobolsk: Provincial Printing house. 103 p. (In Russ.).

List of populated places according to information from 1868—1869. of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. LX. Tobolsk Province. (1871). St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 196 p. (In Russ.).

List of populated places according to the data of 1903 of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.

- LX. Tobolsk province.* (1904). Tobolsk: Provincial Printing house of the Ministry of Internal Affairs. 341 p. (In Russ.).
- List of populated places according to the data of 1912. of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.*
- LX. Tobolsk Province.* (1912). Tobolsk: Provincial Printing house of the Ministry of Internal Affairs. 634 p. (In Russ.).
- The first General Population Census of the Russian Empire in 1897.* (1905). St. Petersburg: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Tobolsk province. LXXVIII (XLVI). 247 p. (In Russ.).

References

- Alektorov, A. (1908). Public education in the West Siberian district from 1897 to 1906. *Journal. M-va nar. Enlightenment, II.* (In Russ.).
- Bakieva, G. T. (2003). *Rural community of the Tobolo-Irtysh Tatars (XVIII — early XX century)*. Tyumen, Moscow: [b. i.]. 258 p. (In Russ.).
- Balyuk, N. A. (1997). *Tobolsk village at the end of the XVI—XIX centuries*. Tobolsk: [b. i.]. 224 p. (In Russ.).
- Belyanin, D. N. (2011). Resettlement of peasants to Siberia during the Stolypin agrarian reform. *Russian History, 1*: 86—95. (In Russ.).
- Berezhnikov, I. V. (2013). Regional variants of Russian frontier modernization: a comparative approach. In: *Regional factor of modernization of Russia XVIII—XX centuries. Collection of scientific articles*. Yekaterinburg: LLC “UIPC”. 18—27. ISBN 978-5-4430-0051-0. (In Russ.).
- Garifulin, I. B. (2001). *Essays on the history of the Tatar population of the Tyumen region*. Tyumen: [b. i.]. 222 p. ISBN 5-9288-0010-X. (In Russ.).
- Iskhakov, D. M. (2014). *Historical demography of Tatars*. Kazan: Publishing house “Feng” of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 440 p. ISBN 978-5-9690-0229-6. (In Russ.).
- Korusenko, S. N., Tomilov, N. A. (2015). Demographic and geographical characteristics. In: *History and culture of the Tatars of Western Siberia*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 36—44. (In Russ.).
- Panishev, E. A. (2009). Medical care and health protection of the population of Tobolsk province in the second half of the XIX — early XX century. *Young scientist, 9 (9)*: 134—138. (In Russ.).
- Patkanov, S. K. (1911—1912). *Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and genera of foreigners (based on data from a special development of the 1897 census material): [In 3 volumes], 1: Summary tables and brief conclusions*. St. Petersburg. 196 p. (In Russ.).
- Pla, K. (1998). Some features of the social structure of the Volga Tatars in the era of the formation of nations (late XIX — early XX century). *Domestic history, 5*: 147—158. (In Russ.).
- Safaraleeva, Yu. U. (2008). *Spiritual shoots: Essays on the enlightenment and culture of the Tatars of the Irtysh region of the second half of the XIX — first third of the XX centuries*. Tyumen: Vector Book. 200 p. ISBN 978-5-91409-053-8. (In Russ.).
- Tatarnikova, A. I. (2013b). *Network of rural settlements of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century: scale and social development*. Tobolsk: TKNS URO RAS. 236 p. ISBN 978-5-9288-0237-0. (In Russ.).

- Tatarnikova, A. I. (2013a). Socio-cultural infrastructure of rural settlements of Western Siberia of the early twentieth century under the influence of modernization processes. In: *Regional factor of modernization of Russia XVIII—XX centuries*. Yekaterinburg: Publishing House Ural Publishing Polygraphic Center. 310—315. (In Russ.).
- Tikhomirov, K. N., Tikhomirova, M. N. (2021). The development of the territories of the Middle Irtysh region by the Tatars in the XVIII — early XX century (based on the materials of archaeological research). *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*, 21: 685—689. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0685-0689. (In Russ.).
- Titov, E. V. (2013). Organization of the space of settlement complexes of Tatars of the Tarsky Irtysh region. *Bulletin of KrasGAU*, 8 (83): 253—259. (In Russ.).
- Tomilov, N. A. (2011). *Ethnocultural processes among the Tatars of Western Siberia of the XVIII—XIX centuries*. Omsk: Nauka. 224 p. ISBN 978-5-98806-140-3. (In Russ.).
- Tomilov, N. A. (1997). Siberian Tatars: the experience of living in the diaspora. In: *Peoples of Siberia: rights and opportunities*. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 32—33. ISBN 5-7803-0013-5. (In Russ.).
- Tychinskikh, Z. A. (2018). Socio-cultural characteristics of the Siberian Tatars in the post-reform period (based on the materials of the first general census of 1897). *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates*, 4 (3): 153—166. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-153-166. (In Russ.).
- Tychinskikh, Z. A. (2021). Tatar population of Western Siberia in the second half of the XIX — first third of the XX centuries: historical and demographic characteristics. *Nauchnyy dialog*, 1: 411—425. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-411-425. (In Russ.).
- Valeev, F. T. (1993). *Siberian Tatars. Culture and life*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 208 p. (In Russ.).
- Yurtsovsky, N. S. (1923). *Essays on the history of enlightenment in Siberia, 1*. Novo-Nikolaevsk: Siberian Regional State Publishing House. (In Russ.).
- Zinnatullina, G. I. (2013). *Folk medical knowledge of the Tobolo-Irtysh group of Siberian Tatars*. Kazan: [b. i.]. 140 p. (In Russ.).
- Zverev, V. A. (1998). *Regional conditions of reproduction of peasant generations in Siberia (1861—1917)*. Novosibirsk: NGPU Publishing House. 119 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.10.2022,
одобрена после рецензирования 19.12.2022,
подготовлена к публикации 31.01.2023.



АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH — 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.00 Литературоведение

10.02.00 Языкознание

07.00.00 Исторические науки и археология

Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.01.10 Журналистика

10.02.01 Русский язык

10.02.03 Славянские языки

10.02.04 Германские языки

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.07 Этнография, этнология и антропология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).



CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Dimitrieva, O. A.</i> “Bacchic” Face in A. P. Chekhov’s Prose: Linguistic Aspect.....	9
<i>Ilyina, E. N.</i> Transport and Means of Communication in Language Worldview of Vologda Peasant: Traditions and Innovations.....	27
<i>Kinderknekht, A. S.</i> Conflict in Linguistic Researches.....	45
<i>Sdobnikov, V. V., Pronina, E. A.</i> Differences in Corporate Law of Russia and Arab States: Influence on Translation Activity.....	69
<i>Seagal, K. Ya.</i> Punctuation Errors of Adult Native Russian Speakers and Psycholinguistics (Dash between Subject and Predicate).....	90
<i>Smolina, A. N., Smirnov, E. S.</i> Speech Genre “Interpretation on Gospel”: Ideological Content and Linguo-Styletic Features (Work of B. I. Gladkov).....	112

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Baghana, J., Voloshina, T. G.</i> Nigerian Film Industry and Screenplay Text: Historical and Linguo-Socio-Cultural Symbiosis.....	132
<i>Marinova, E. V.</i> Evolution of Concept VIRTUAL PERSONALITY in Digital Age (a Sociolinguistic Study based on Russian Texts).....	151
<i>Rebrova, A. D., Gegelova, N. S.</i> Word Creation in Speech of Animated Series Character “Masha and the Bear”.....	170

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Bogdanova, O. V., Baranova, T. N.</i> Figurative and Motive Unity of Joseph Brodsky’s Cycle “Mexican Divertissement”.....	186
<i>Borunov, A. B.</i> Game Strategies as a Principle of Creating Supertext Unity in Work of B. Akunin.....	213
<i>Kudryavtseva, T. V.</i> Cultural Memory: to 100th Anniversary of A. M. Gorky Stay in German Saarov.....	232
<i>Osmukhina, O. Yu.</i> “Nordic (Scandinavian) Noir” vs Scandinavian Detective: a Debatable Aspect of Study.....	246
<i>Plaksitskaya, N. A.</i> Reception of Imposture Phenomenon in Mikhail Bulgakov’s Work 1920s.....	265
<i>Elkan, O. B., Norets, M. V., Putra, V. A.</i> Concept of “Quixoticism” in Work of Miguel de Unamuno.....	282

HISTORY

<i>Vanchikova, Ts. P., Tsyrenova, N. D.</i> Mongolian Monastery Erdeni-zu: History and Modernity (Results of an Expedition).....	297
<i>Dorofeev, D. V.</i> Genesis of US Foreign Policy: Theme in Works of Russian Researchers of 19th — Early 20th Centuries.....	311
<i>Ivanov, A. A., Bogomazov, N. I.</i> Public Discussion around American Purchases for Needs of Russian Roads during First World War	330
<i>Kaziev, E. V.</i> Alans in Military-Administrative Structures of Great Mongol Empire in 1258—1291.....	351
<i>Krasilnikova, E. I.</i> Reflection of Yakutia History in Siberian Lights Journal in 1920—1980s.....	366
<i>Mamyachenkov, V. N., Lvova, M. I., Kulikova, E. S.</i> Animal Husbandry in Sverdlovsk Region in 1953—1985.....	386
<i>Nikolashin, V. P., Erin, P. V., Gatilov, E. V.</i> “Postantonovism” as a Special Stage in Development of Tambov Village (1921 — Mid-1920s).....	403
<i>Reinhardt, R. O., Nemudrov, K. A.</i> Lacy—Zarubin Agreement of 1958: Origins of Soviet-American Science Diplomacy.....	431
<i>Skipina, I. V., Moskovkin, V. V.</i> Identity Transformation as a Turning Point during Civil War (Spring — Summer 1919) in Assessment of Modern Researchers.....	447
<i>Slezin, A. A.</i> Confrontation between Believers and Young “Godless” as a Factor of Intergenerational Rift in Russian Village in 1920s.....	467
<i>Suslova, L. N., Yarkova, I. V.</i> Economic Development of Siberia during Reforms of Peter I: Craft and Emergence of Industry.....	492
<i>Tychinskikh, Z. A., Fedotova, D. Yu.</i> Sociocultural Infrastructure of Tatar Rural Settlements of Tobolsk Province at Beginning of 20th Century.....	517
TO AUTHORS.....	536



ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»



Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.



Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».



Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».



Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 31.01.2023. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 31,72. Тираж 500 экз. Заказ 31/01-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».

620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.

Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2022
Свободная цена

